

*БОСПОРСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ*

Вып. XXV

**BOSPOROS
STUDIES**

Vol. XXV

Симферополь - Керчь

2011

Simferopol - Kerch

*Крымское отделение Института востоковедения им. А.Е.Крымского
Национальной академии наук Украины*

*Центр археологических исследований
БФ «Деметра»*

Рекомендовано к изданию Ученым советом Крымского отделения
Института востоковедения НАН Украины

Редакционная коллегия:

А.И. Айбабин, д.и.н., проф. (главный редактор)
В.Н. Зинько, д.и.н. (зам. главного редактора)
М.Г. Крамаровский, д.и.н.
С.Д. Крыжицкий, чл.-корреспондент НАН Украины
А.А. Масленников, д.и.н., проф.
Л.В. Матвеева, д.и.н.
Е.А. Молев, д.и.н., проф.
В.А. Сидоренко, к.и.н.
И.Н. Храпунов, д.и.н., проф.

Состав редколлегии утвержден Ученым советом Крымского отделения
Института востоковедения НАН Украины (Протокол № 2 от 17.03.2009 г.)

Ответственный редактор: д.и.н. В.Н.Зинько

Ответственный секретарь: к.и.н. А.В.Зинько

М 34 **Боспорские исследования. - Вып. XXV.** /Отв.ред. В.Н. Зинько. –
Симферополь-Керчь. – 2011. - 384 стр.

В очередной выпуск «Боспорских исследований» вошли статьи и публикации по античной и средневековой истории и археологии Боспора и Припонтийского региона, подготовленные на основе докладов XI Боспорских чтений, прошедших в мае 2010 г. в г.Керчи.

Для археологов, историков, музейных сотрудников, студентов и преподавателей, а также всех, кто интересуется античной и средневековой историей и археологией Боспора и Понтийского региона.

Свидетельство о гос.регистрации – серия КВ, № 8048, 23.10.2003 г.

© Крымское отделение Института востоковедения
им. А.Е.Крымского НАН, Украины, 2011

© Центр археологических исследований
БФ «Деметра», 2011

СТАТЬИ

В.Н. ЗИНЬКО

ЭЛЛИНСКАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ ВОСТОЧНОГО КРЫМА

Процесс появления эллинских переселенцев на берегах Боспора Киммерийского неоднократно рассматривался в специальной литературе, однако весь спектр вопросов, связанных с этой проблематикой, вряд ли можно считать окончательно решенным [Историографию вопроса см.: Шелов-Коведяев, 1985, с.44–57; Кошеленко, Кузнецов, 1992; Виноградов, 2000]. В условиях скудости и неаутентичности письменных источников [Виноградов, 1995; 1999; Кузнецов, 2004] первостепенное значение приобретают результаты археологических исследований, хотя их интерпретация и датировка представляют собой очень сложный и неоднозначный процесс.

Предполагается, что первая волна греческой эмиграции на Боспор, которую на основании археологических материалов сейчас суммарно можно датировать 580-560 гг. до н.э., была вызвана комплексом причин, тесно связанных с социально-политическим развитием метрополии. Основными являются лидийская экспансия, направленная против греческих центров в Ионии, и острая социальная борьба в Милете, приведшая к гибели хоры [Кошеленко, Кузнецов, 1992, с. 21-23; Молев, 1997, с.5-8; Koshelenko, Kuznetsov, 1998, p. 249-263; Зубарь, Зинько, 2006, с.13-14 и др.]. Несколько более поздним временем, после установления персидского протектората над Ионией и заключения союза Милета с царем Киром, датируется вторая волна эмиграции на Боспор, в результате которой были основаны новые поселения и увеличилось количество населения в уже существовавших [Кошеленко, Кузнецов, 1992, с. 19, 23-24].

Исследования последнего десятилетия дали значительные археологические материалы, связанные с первыми этапами жизни эллинских эмигрантов в Восточном Крыму, которые в той или иной мере оперативно вводятся в научный оборот [Бутягин, 2004; 2006; Вахтина, 2001; Зинько, 2004а; 2010; Толстикова 2001, 2001а; Толстикова, Журавлев, Ломтадзе, 2003; 2004; Zinko, 2007]. Учитывая основательную проработку данной тематики советскими исследователями в 70-90 гг. [Блаватский и др., 1979; Брашинский, Щеглов, 1979, и др.], а также новые открытия, возможно конкретизировать некоторые основные вехи и хронологию колониационного процесса в европейской части Боспора.

Судя по материалам археологических исследований, в 580-570 гг. до н. э. на европейском побережье Боспора Киммерийского греками были основаны всего три апойкии: Пантикапей, Нимфей и Мирмекий. Причем в последней на сегодняшний день наиболее основательно изучены древнейшие архаические слои и найдены самые ранние, по сравнению с остальными поселениями, фрагменты расписной посуды, сравнимые с находками на о. Березань [Лебедева, 2004, с.121].

По имеющимся данным можно предположить, что в результате первой волны колонизации греческими переселенцами из Ионии в Восточном Крыму были заняты несколько небольших мысов на западном берегу современного Керченского пролива и, вероятно, основана Феодосия. Хотя на последнем городище не проводятся систематические исследования и имеются довольно скудные археологические данные, все же предполагается, что Феодосия основана не позже 570-560-х гг. до н.э. [Кузнецов, 1991, с.33] или около середины VI в. до н.э. [Петрова, 2000, с.47]. В то же время И.И. Вдовиченко отмечает, что только два фрагмента чернофигурной керамики, происходящие с городища Феодосия, относятся ко второй и третьей четвертям VI в. до н.э., остальные же датируются более поздним временем [Вдовиченко, 2008, с. 59]. Поэтому основание Феодосии, вероятно, пока вряд ли возможно датировать ранее 560 г. до н.э. Этим же временем следует датировать и вывод еще одной апойкии на побережье Керченского пролива – Тиритаки [Зинько, 2010].

В целом вынужденная эмиграция греков в этот отдаленный и суровый регион Северного Причерноморья первоначально носила достаточно ограниченный характер, и в ходе этого процесса были освоены лишь отдельные небольшие приморские территории Восточного Крыма, куда были выведено не менее пяти апойкий. В ходе второй колонизационной волны, которую можно суммарно датировать третьей четвертью VI в. до н.э., в северной части европейского побережья Боспора Киммерийского была основана еще одна апойкия – Порфмий [Вахтина, 2001, с.11-13; Vachtina, 2003, p.41] и произошло расширение ранее основанных поселений.

Самый ранний этап боспорской истории, связанный с первыми десятилетиями жизни греческих эмигрантов в Восточном Крыму, является одним из наиболее дискутируемых. Среди различных проблем в первую очередь следует остановиться на вопросе о статусе апойкий и внутренней боспорской колонизации. Некоторые исследователи выделяют три апойкии: Пантикапей, Нимфей и Феодосию, ставшие, по их мнению, центрами самостоятельных полисов [Жебелев, 1953, с.69; Молев, 1997, с.15; Виноградов Ю.А., 1995, с.68; 2005, с. 221–223], а остальные характеризуют как «малые» или «аграрные» городки [Горлов, Безрученко, 1991; Виноградов, 2000, с.229], основанные уже в результате внутренней колонизации. На слабость аргументации такой модели колонизации Боспора уже неоднократно обращалось внимание [Кузнецов, 2001, с.247–248; Цецхиладзе, 1999; Зинько,

2004а, с.19-23; Зубарь, Зинько, 2006, с.15-16; Зинько, 2007, с.38-42; Завойкин, 2009].

Греческая эмиграция осуществлялась, в основном, в форме вывода апойкий, которые образовывали самостоятельные полисы с собственным гражданством, своими общественными учреждениями и своим *jus soli* [Яйленко, 1982, с.241]. Вряд ли стоит сомневаться, что на завершающем этапе Великой греческой колонизации, накопив богатейший опыт в этом процессе, эллины на Боспоре основывали нечто иное. Картографирование и анализ природно-ландшафтных условий свидетельствуют, что все апойкии, выведенные в Восточный Крым в 580-560 гг. до н.э., а это - Мирмекий, Пантикапей, Тиритака, Нимфей, Феодосия и, несколько позднее, Порфмий, расположены в наиболее удобных и очень схожих местах побережья. Первопоселенцы выбирали укрепленные самой природой возвышенности, выступающие в виде мысов на морском берегу с удобной гаванью, защищенные со стороны степи скалистыми дугообразными кряжами, а также балками и руслами рек. Непосредственно к поселениям прилегают довольно обширные обводненные речками приморские долины с благоприятными для земледелия территориями, расположенными в радиусе нескольких километров от них.

В целом, все ранние поселения Европейского Боспора, основанные в пределах нескольких десятилетий, имели практически идентичное местоположение, с достаточной территорией прилегающих плодородных земельных угодий, равных 20-30 кв. км, представляющих к тому же обособленные в природно-ландшафтном отношении анклавы. Все это хорошо вписывается в классическую модель греческого полиса и вполне сопоставимо с территориальными размерами «рядовых» греческих полисов в других районах античного мира [Зинько, 2004а, с. 24]. Учитывая то, что численность колонистов вряд ли изначально превышала одну - две сотни семей, а демографическое удвоение населения происходит лишь 50-60 лет, то трудно согласиться с мнением некоторых исследователей о том, что уже в первые десятилетия своего существования боспорские апойкии столкнулись с проблемой нехватки земель и вынуждены были выводить новые, довольно большие, поселения. Все это ставит под сомнение гипотезу о ранней внутренней боспорской колонизации под эгидой Пантикапея. Самую первую апойкию в районе Керченского пролива, вероятно, следует искать на одном из островов Таманского полуострова, а не на горе Митридат [ср.: Кошеленко, Кузнецов, 1990, с.42], что больше соответствует колонизационной практике и как будто подтверждается новейшими археологическими исследованиями на Таманском полуострове [Завойкин, 2010]. Внутренняя колонизация Боспора, если понимать под этим определением процесс вывода поселений непосредственно боспорскими полисами, начинается не ранее последней трети (последней четверти) VI в. до н.э.

Исследователями уже отмечалось, что для греков понятия города и государства, а точнее гражданской общины, были тождественны и, как правило, выражались одним термином «полис» [Welles, 1956, p.84; Busolt, 1963, S.153; Кошеленко, 1983, с.6; Андреев, 1987, с.9]. Колонизация и урбанизация всей греческой ойкумены развивались в тесной связи друг с другом как два основных направления одного и того же процесса градообразования [Блаватский, Кошеленко, Кругликова, 1979, с. 9]. По мере того, как в течение VII-VI вв. до н.э. полис приобретал гражданское единство, его физический центр развивал внешние признаки города [Starr, 1977, p. 98–100]. В Северном Причерноморье социально-политическая организация греков несколько опережала процесс урбанизации [Виноградов, 1999, с.107–110], что нашло отражение в первоначальном непритязательном облике апойкий. Однако аналогичное положение отмечается и для греческих колоний в Великой Греции, где выявляется длительная начальная фаза (первые 50-100 лет), в течение которой поселения в социологическом смысле не являлись городами и не прослеживается достаточно регулярного плана застройки [Shipley, 2005, p.345].

На основании анализа ранних археологических слоев поселений, основанных греками на северном берегу Черного моря, господствующей в настоящее время является точка зрения, согласно которой наиболее распространенным ранним типом жилья греческих эмигрантов были землянки и полуземлянки, которые через определенный промежуток времени сменились наземными домами [Крыжицкий, 1982, с.11-14; 1993, с.40-43]. Исследователи, разделяющие эту точку зрения, полагают, что такой несвойственный для греков тип жилья представлял «собой закономерную стадию в развитии греческой архитектуры в новых условиях юга Восточной Европы. Их появление объясняется невысоким уровнем развития экономики основанных греками государств и неразвитостью базы строительного производства» [Крыжицкий, 1993, с.41]. По мнению С. Д. Крыжицкого, «землянки являлись модификацией обычного дома колониста - наземной, как правило, однокамерной структуры». Вывод, сделанный впервые на материалах Ольвии и ее округи, не противоречил материалам раскопок в других районах Северного Причерноморья, что и позволило говорить об особой стадии развития жилищного строительства в регионе [Крыжицкий, 1993, с. 41]. Так, по утверждению Ю.А. Виноградова, на территории Мирмекия землянки использовались на протяжении 70-80 лет и лишь затем их сменили наземные сырцово-каменные дома [Виноградов, 1995, с.157-158; 1996, с.25-26; 1999, с.107].

Однако В.Д. Кузнецов поставил под сомнение этот, казалось, хорошо аргументированный вывод. В специальной статье он подробно рассмотрел вопрос о начальном этапе жилого домостроительства в античных центрах Северного Причерноморья и пришел к заключению, что «гипотеза о полуземлянках и землянках как первых жилищ греческих поселенцев не может считаться в необходимой степени обоснованной» [Кузнецов, 1995, с. 116]. В.Д. Кузнецов

совершенно справедливо акцентирует внимание на том, что сохранность архайческих слоев античных городов Северного Причерноморья действительно в целом ряде случаев не позволяет однозначно интерпретировать строительные остатки [Кузнецов, 1995, с.107–108]. В то же время его вывод о господстве на раннем этапе сырцового домостроительства не подкреплен достаточным количеством убедительного фактического материала. К тому же пример построек в Фанагории относится ко времени, когда на первых боспорских апоийках начинается переход к поквартальной застройке территории сырцово-каменными домами. Поэтому, несмотря на критику В.Д. Кузнецовым высказанных С.Д. Крыжицким положений, сейчас все же нельзя говорить, что на начальном этапе колонизации на Боспоре греческими переселенцами строились исключительно наземные дома, а земляночные и полуземляночные постройки отсутствовали, их наличие в городах следует объяснять лишь ошибочной интерпретацией археологических комплексов. Имеющиеся в настоящее время данные по Пантикапею, Мирмекию, Нимфею и Тиритаке свидетельствуют о том, что заглубленные сооружения, как жилые и хозяйственные постройки первопоселенцев, присутствуют в застройке апоийки в позднеархайческий период на Боспоре [Голстиков, 1992, с.59-60, 71; Виноградов, 1995, с.157-158, прим. 36–37; 1999, с.106; 2005, с.229–230; Бутягин, 1999, с.10-11; Зинько, 2010]. Предполагается, что наличие таких сооружений на территории ранних греческих апоийки свидетельствует не об утрате греками-колонистами навыков наземного строительства, достигнутых к этому времени в метрополии, а, вероятно, о чрезвычайно скромном достатке подавляющего большинства переселенцев [Зубарь, Зинько, 2006, с.20] и крайней гибкости греческой строительной традиции в зависимости от количества жителей поселения, наличия строительных материалов и окружающей обстановки [Бутягин, 1999, с.115].

Следует отметить, что общее число исследованных заглубленных построек VI - начала V вв. до н.э. в четырех апоийках Восточного Крыма составляет не более двух десятков, а относящихся к первому этапу жизни колонистов и того меньше. Так, в Мирмекии открыто две небольшие полуземлянки датируемые второй четвертью - серединой VI в. до н.э. [Бутягин, 2006, с.13]. Одна имела четырехугольную форму и просуществовала не менее 40 лет, а на позднем этапе функционирования ее борта были обложены каменными стенками [Бутягин, 2006, с.14]. Вторую круглую заглубленную конструкцию, диаметром всего около двух метров, есть веские основания считать неправильно атрибутированным объектом [Кузнецов, 1995, с.102]. Помимо этих двух сооружений, открыто еще три заглубленные конструкции, относящиеся к середине - третьей четверти VI в. до н.э., глубина которых колеблется от 0,15 до 0,9 м [Бутягин, 2006, с.14].

В центральной части Пантикапейского поселения исследовано два округлых в плане котлована «землянок» №№ 1 и 5, диаметром 3 и 2,85 м при глубине

до 1,4 м, отнесенных В.П.Толстиком к строительному периоду I (вторая четверть - середина VI в. до н.э.) [Толстик, 1992, с.59-62]. В Нимфее также известны две частично раскопанные землянки середины -третьей четверти VI в. до н.э. [Butjagin, 1998, p.61-70] и еще один объект под вопросом, причем все эти постройки, по мнению А.М. Бутягина, принадлежат не эллинам, а носителям кизил-кобинской культуры [Бутягин, 1999, с.114]. В последние годы три заглубленные постройки, датируемые второй третью VI в. до н.э., исследованы в центральной части Тиритакского поселения. От двух из них (№1 и №3) сохранились сооруженные в материковом суглинке котлованы овальной формы площадью от 8 до 10 кв.м и глубиной до 0,60-0,85 м. Третья постройка: землянка № 2 - округлое в плане сооружение, выкопанное в материковом суглинке, глубиной 1,69 и вытянутое с юго-запада на северо-восток на 3,25 м. В юго-западном борту ее котлована находился небольшой входной тамбур с несколькими оплывшими ступенями.

Однако в первоначальной застройке боспорских апоекій наряду с заглубленными сооружениями, конечно же, были и наземные постройки. Это в первую очередь давно исследованные одно и двухкамерные сырцово-каменные дома первой половины - середины VI в. до н.э. на Верхнем Митридатском и Ново-Эспланадном раскопах в Пантикапее [Блаватский, 1957, с.13-14; Сокольский, 1961, с.36; Марченко, 1984, с.10]. Для раннего Нимфея также известны сырцово-каменные постройки [Зинько, 2003, с.21-22], среди которых остатки пяти стен «из плоских тесаных плит желтого известняка, поверх которых укладывались сырцовые кирпичи», а также первые сырцово-каменные постройки «святилищ» Деметры, Кабиров и Афродиты [Худяк, 1962, с.18,43; ср.: Кошеленко, Кузнецов, 1990, с.43]. Неприсязательные наземные постройки открыты и в архаических слоях Порфмия и Мирмекия [Vachtina, 2003, p.43, fig.2; Бутягин, 1999, с.113].

Полученные археологические сведения о первых эллинских поселениях в Восточном Крыму свидетельствуют об их практически одинаковой хаотичной застройке на первоначальном этапе небольшими сырцово-каменными домами и заглубленными в грунт сооружениями, расположенными на довольно ограниченной территории. Даже Пантикапей, по мнению В.П.Толстикова, до начала последней четверти VI в. до н. э. своим обликом мало напоминал настоящий город [Толстик, 1992, с.76], хотя здесь уже в середине VI в. до н.э. известны участки жилых кварталов с мощеными улочками [Сокольский, 1961, с.36-37]. Однако вряд ли возможно определить количественное соотношение наземных и заглубленных в грунт построек. Поэтому нет оснований утверждать, что для апоекій Восточного Крыма землянки являлись наиболее распространенным типом жилья греческих эмигрантов. Можно лишь констатировать наличие довольно неприсязательных небольших построек, как наземных, так и несколько заглубленных в грунт.

Реконструировать первоначальный план боспорских апойкий не представляется возможным, как, собственно, и для древнейших колониальных центров Великой Греции, исследование которых не дает оснований предполагать, что они основывались как города с регулярной застройкой и явно выраженной урбанистической архитектурой [Поваляев, 2010, с.546-547].

Как отмечалось выше, начальный этап существования апойкий, в течение которого они не являлись в социологическом смысле городами и не прослеживается достаточно регулярного плана застройки, является отличительной чертой греческого колонизационного процесса. Это также характерно и для первоначальных поселений Боспора Киммерийского. Лишь через несколько десятилетий после основания колонии начинается планомерная застройка сырцово-каменными домами с внутренними дворами. Причем первоначальные постройки разрушаются и территория нивелируется. Это явление можно рассматривать в качестве второго этапа развития апойкий, который был подготовлен как внутренними причинами, так и не в последнюю очередь притоком новых эмигрантов в ходе новой (второй) волны эмиграции на Боспор. Несмотря на то, что становление градостроительной структуры происходит в различных античных центрах Восточного Крыма не одновременно, в целом начало второго этапа можно датировать началом третьей трети VI в. до н.э.

Насколько можно судить по материалам археологических исследований Пантикапея, качественные изменения в характере застройки западного плато вершины горы Митридат происходят в третьей четверти VI в. до н.э. [Толстикова, 1992, с.62]. В течение непродолжительного времени здесь складывается система улиц, сооружаются дома, в том числе и многокамерные постройки. Обращает на себя внимание также явное наличие ортогональности в системе планировки с очевидной ориентацией построек по странам света [Толстикова, 2001, с.390-397]. К концу VI в. до н.э. на вершине горы Мидридат возводится ряд монументальных построек, группирующихся вокруг толоса и образовавших единый архитектурный ансамбль. Архитектурно-планировочное оформление городского центра молодого полиса дополняется возведением около 500 г. до н.э. периптерияльного храма Аполлона на верхнем плато Пантикапея [Толстикова, 2010, с.308].

Большое строительство начинается в третьей трети VI в. до н.э. и в Тиритаке. Еще В.Ф.Гайдукевичем в западной части Тиритаки были открыты два многокамерных сырцово-каменных дома [Гайдукевич, 1952, с.74-86] и остатки еще одной двух-трех камерной постройки на восточной окраине [Гайдукевич, 1958, с.178-179]. Основываясь на этих находках, В.Ф. Гайдукевич сделал заключение о широком заселении всего верхнего плато городища в позднеархаическое время [Гайдукевич, 1958, с.179]. Это предположение было подтверждено моими раскопками 2007-10 гг., когда в центральной части Тиритаки (между раскопками XIV и XVII) на площади более 1000 кв. м исследованы остатки ранней

квартальной застройки, состоящей из сырцово-каменных построек. Здесь открыто не менее пяти городских усадеб, которые состояли из нескольких помещений и внутреннего двора. Эти дома строились вплотную друг к другу и образовывали небольшие кварталы. В планировочном отношении среди них выделяются дома типичной схемы с одно-, двух- и трехсторонним расположением крытых помещений вокруг внутреннего двора.

Так, в восточной части раскопа расположен большой дом (СК-XXXIV), внешние размеры которого в направлении СВ-ЮЗ достигают не менее 10,40 м, а в направлении СЗ-ЮВ – не менее 15,70 м. Исследована лишь южная часть комплекса, а северная его часть находится за пределами раскопа. Внутреннюю планировку полностью реконструировать не удалось, можно лишь выделить три помещения и хозяйственный двор. Исследованный участок двора был перекрыт слоем суглинка темно-желтого и желто-коричневого оттенков, который был разделен на два горизонта пожаров - прослойки золистого грунта. В западной части раскопанного участка хозяйственного двора зачищена большая печь №1. Она представляла собой сырцово-каменную конструкцию, внешние размеры которой составляют не менее 3,0×2,41 м. В заполнении печи найден компактный развал фрагментов пяти красноглиняных амфор Лесбоса и четырех хиосских пухлогорлых амфор развитого варианта III-B, а также большие лепные дисковидные и пирамидальные грузила, которые, судя по всему, обжигались в этой же печи.

Еще один дом (СК-XXXIII) расположен в центральной части раскопа. Внешние его размеры в направлении СВ-ЮЗ достигают не менее 12,70 м, а в направлении СЗ-ЮВ – не менее 12,94 м. В плане дом имеет форму неправильного прямоугольника с расположенным внутри хозяйственным двором площадью более 85 кв.м. В северной части и южной частях двора зачищены каменные вымостки. С трех сторон двора расположено несколько жилых и хозяйственных помещений. В одном из них (помещение I) зачищена печь, сложенная из сырцовых кирпичей. При разборе развала этой печи были найдены многочисленные фрагменты керамики последней трети VI – первой четверти V вв. до н.э., а также несколько терракотовых статуэток второй половины VI в. до н.э. в виде сидящей на троне богини.

Начало создания градостроительной структуры Тиритаки можно датировать временем около 530 г. до н.э. Возведенные дома с некоторыми перестройками просуществовали до первых десятилетий V в. до н.э., когда погибли в результате сильного пожара на рубеже первой-второй четверти V в. до н.э. Причем какой-то катаклизм, сопровождаемый пожаром, происходил на Тиритаке и ранее - в конце VI в. до н.э., после чего город был обнесен крепостной стеной. При ее строительстве два дома на западной окраине своими узкими сторонами были включены в раннюю оборонительную стену. Эта древнейшая крепостная стена на этом участке имеет толщину 1,7-2 м

[Гайдукевич, 1952, с.88]. В.Ф. Гайдукевич полагал, что ранняя стена Тиритаки была рассчитана на то, чтобы воспрепятствовать неожиданному набегу и проникновению на территорию поселения конных групп степных кочевников [Гайдукевич, 1952, с.89]. Фрагменты ранней крепостной стены были также открыты в южной (нижней) части города (участки I, V, XV) и, судя по всему, ею был охвачен весь город на площади около 5 га.

Несколько ранее какие-то системы укреплений возводятся в апоיקиях северной части Боспора Киммерийского – Мирмекии и Порфмии. На территории мирмекийского акрополя открыты несколько мощных каменных стен (толщина – 1 м), относящихся ко второй половине VI в. до н.э. [Виноградов, 2000, с.230]. Укрепления акрополя Мирмекия являются одними из самых ранних античных крепостных стен среди выявленных не только в районе Боспора Киммерийского, но и во всем Северном Причерноморье. По конструкции и технике сооружения они близки ранним укреплениям другой боспорской апойки – Порфмия [Вахтина, Виноградов, 2001, с.41-44]. Древнейшие фортификационные сооружения Порфмия достигали ширины 1-1,1 м и были возведены во второй половине VI в. до н.э. [Вахтина, 2001, с.11, рис.1]. По всей трассе стены выявлен горелый слой, лежавший на материке. М.Ю. Вахтина считает, что археологический материал позволяет отнести какую-то катастрофу, происшедшую на поселении, ко второй половине – концу VI в. до н.э. [Вахтина, 2001, с.13]. К оборонительной стене на рубеже VI-V вв. до н.э. было пристроено большое сырцово-каменное здание, раскрытое на площади 16 x 10 м и состоящее не менее чем из 9 небольших помещений. Эта постройка погибла в пожаре в конце первой трети V в. до н.э. [Вахтина, 2001, с.14].

Создание градостроительной структуры в боспорских апоיקиях Восточного Крыма свидетельствует не только о завершении адаптации колонистов к климатическим, экологическим и демографическим условиям района обитания [Виноградов, 2000, с.230], но и о становлении урбанистического центра полиса. Чуть позднее, в последней четверти VI – первой четверти V вв. до н.э., начинается и новый этап в освоении прилегающих к городам сельских округ, характеризующейся возникновением первых сельских поселений, выявленных к настоящему времени на хоре Нимфея, Тиритаки, Пантикапея и Порфмия [Зинько, 2007, с.51]. Только с этого времени молодые боспорские полисы начинают самостоятельно основывать небольшие поселения, однако, насколько они были первоначально предназначены для постоянного проживания - мы не знаем.

Небольшие сельские поселения нимфейской хоры находились в пределах прямой видимости с находящегося на возвышенном скалистом мысе городском центре полиса и представляли собой небольшие деревни, бессистемно застроенные сырцово-каменными домами и заглубленными постройками [Зинько, 2003, с.37-38]. Размеры такой ранней хоры Нимфейского полиса в последней четверти VI – первой четверти V вв. до н.э. вряд ли превышали 20-30 кв.км.

На хоре Титираки, занимавшей территорию около 20 кв.км, в этот период известно пока только два сельских поселения на удалении 2-3 км от города. На хоре Пантикапея пока можно отметить лишь поселение Ак-бурун II, а на хоре Порфмия – небольшое поселение на месте Парфения [Зинько, 2007, с.57-60].

Эта внутренняя боспорская колонизация на рубеже VI-V вв. до н.э. получила дополнительный внешний импульс, связанный с притоком в Восточный Крым новых эллинских эмигрантов – третья волна колонизации. Как полагают исследователи, определенную часть населения вновь основанных поселений, не говоря уже о разрастании старых, составили ионяне, бежавшие из родных городов после поражения восстания против персов [Кошеленко, Кузнецов, 1992, с.24]. Так, в Крымском Приазовье открыто несколько небольших поселений, которые связываются с третьей колонизационной волной или началом внутреннего освоения сельскохозяйственных территорий боспорскими греками, но характер этих поселений пока остается неясным [Масленников, 1998, с. 42].

На рубеже VI-V вв. до н.э. эллины начали колонизировать и черноморское побережье в юго-восточной части Керченского полуострова [Прокопенко, 2008, с.407]. И в течение первой половины V в. до н.э. здесь возникают новые полисы – Акра, Китей, Киммерик со своими сельскими территориями [Завойкин, 2009, с.179]. Судя по письменным источникам, в основании некоторых из них могли принимать участие выходцы из Пантикапея [Strabo. XI. 2,8]. Однако вряд ли без новых значительных групп колонистов боспорские греки могли осваивать приморские территории Восточного Крыма. Ведь именно в этот временной отрезок в городах европейского побережья Боспора Киммерийского вначале идет активное строительство, а затем следуют военные столкновения, сопровождаемые пожарами и разрушениями. При таких обстоятельствах небольшие боспорские полисы вряд ли могли вести активную колонизационную политику.

В заключение следует подчеркнуть, что на протяжении второй четверти VI – первой половины V вв. до н.э. эллинами в Восточном Крыму была освоена лишь узкая полоса прибрежных территорий, в глубину не более 8-10 км. Вся остальная, степная, или как часто упоминают «глубинная», часть полуострова контролировалась кочевыми скифами. Ведущую роль в колонизации столь отдаленных и суровых северных территорий на начальном и всех последующих этапах играли прибывающие из Ионии контингенты вынужденных эмигрантов. Они не только спасались от физического уничтожения и рабства на новых землях, но также стремились как можно быстрее вернуться к прежним формам полисной жизни [Кошеленко, Кузнецов, 1992, с.25]. Однако лишь после довольно длительного, в несколько десятилетий, адаптационного периода это было в какой-то мере достигнуто.

ЛИТЕРАТУРА

- Андреев Ю.В.* Историческая специфика греческой урбанизации //Город и государство в античном мире. Проблемы исторического развития. – Л.: 1987.
- Блаватский В.Д.* Строительное дело Пантикапея по данным раскопок 1945-1949 гг. //МИА. - №56.- 1957.
- Блаватский В.Д., Кошеленко Г.А., Кругликова И.Т.,* Полис и миграция греков //Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. -Тбилиси, 1979.
- Брашинский И.Б., Щеглов А.Н.* Некоторые проблемы греческой колонизации //Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. – Тбилиси, 1979. – С. 29-46.
- Бутягин А.М.* Особенности домостроительства архаического Боспора // Боспорский феномен. Материалы конференции. – СПб., 1999 – С. 112-115.
- Бутягин А.М.* Ранний Мирмекий //Пантикапей – Боспор - Керчь – 26 веков древней столице. Материалы международной конференции. – Керчь, 2000. – С. 9-14.
- Бутягин А.М.* Земляночное строительство на архаическом Боспоре (генезис и развитие) // Боспорский феномен: колонизация региона, формирование полисов, образование государства. – Часть 1. – СПб., 2001. - С. 36-41.
- Бутягин А.М.* Дом под мирмекийскими зольниками //Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников. – Часть 1. – СПб., 2004.
- Бутягин А.М.* Мирмекий в свете новых археологических исследований. Каталог выставки – СПб., 2006.
- Вахтина М.Ю.* Новые данные о боспорском городе Порфмии //Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Материалы II Боспорских чтений. – Керчь, 2001. - С.11-15.
- Вахтина М.Ю.* Об одном уникальном архаическом комплексе из раскопок античного городища Порфмий в Восточном Крыму //Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Материалы IV Боспорских чтений. – Керчь, 2003. – С. 45-50.
- Вахтина М.Ю., Виноградов Ю.А.* Еще раз о ранней фортификации Боспора Киммерийского // Боспорский феномен: колонизация региона, формирование полисов, образование государства. Материалы международной научной конференции. Часть 1. – СПб., 2001. - С. 41-45.
- Вдовиченко И.И.* Античные расписные вазы в Северном Причерноморье: VII–IV вв. до н.э. - Симферополь, 2008.
- Виноградов Ю.А.* К проблеме полисов в районе Боспора Киммерийского // АМА. – Вып. 9. – Саратов, 1993. – С. 79-96.
- Виноградов Ю.А.* Некоторые дискуссионные проблемы греческой колонизации Боспора Киммерийского // РА. – 1995. - № 3. - С. 152-160.
- Виноградов Ю.А.* Природный фактор в развитии Боспора в скифскую эпоху. // ВДИ. – 1996. - № 3. - С. 77-88.
- Виноградов Ю.А.* Раскопки на городище Мирмекий // Археологические исследования в Крыму. – Симферополь, 1997. - С. 59-61.
- Виноградов Ю.А.* Греческая колонизация и греческая урбанизация Северного Причерноморья // Stratum Plus. – Вып. 3. –1999. - С. 101-115.
- Виноградов Ю.А.* К проблеме становления древнегреческих городов в районе Боспора Киммерийского // ΣΥΣΤΙΓΙΑ. – СПб.: АЛЕТЕЙЯ, 2000. - С. 227-232.
- Виноградов Ю.А.* Боспор Киммерийский //Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху. – СПб, 2005. – С.211-296.
- Гайдукевич В.Ф.* Раскопки Тиритаки в 1935-1940 гг. // МИА. - № 25. – М.-Л., 1952. – С. 15-134.

- Гайдукевич В.Ф.* Раскопки Тиритаки и Мирмекия в 1946-1952 гг. // МИА. - № 85. - М.-Л., 1958. - С. 149-218.
- Жебелев С.А.* Основные линии экономического развития Боспорского государства // Северное Причерноморье. - М.-Л.: изд-во АН СССР, 1953. - С. 116-158.
- Завойкин А.А.* О «больших» и «малых» боспорских городах //ДБ. - № 13. - М., 2009.
- Завойкин А.А.*, Периодизация освоения греками Таманского п-ва //АМА. - вып. 14. - Саратов, 2010.
- Завойкин А.А.*, *Масленников А.А.* Специфика освоения сельских территорий Восточного Крыма и Таманского полуострова в VI-V вв. до н.э. //Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Ойкос. - Материалы VII Боспорских чтений. - Керчь, 2006. - С.110-128.
- Зинько В.Н.* Некоторые итоги изучения сельской округи античного Нимфея // МАИЭТ. - Симферополь, 1996. - Вып. V. - С. 12-20.
- Зинько В.Н.* Хора Нимфея в VI-IV вв. до н.э. // ДБ. - М., 1998 б. - Т. 1. - С. 86-104.
- Зинько В.Н.* Становление Нимфейского полиса //Боспорский феномен: колонизация региона, формирование полисов, образование государства. Материалы международной научной конференции. Часть 1. - СПб., 2001 - С. 102-104.
- Зинько В.Н.* Хора боспорского города Нимфея //БИ. - Симферополь - Керчь, 2003 - Вып. IV.
- Зинько В.Н.* Поселения VI в. до н.э. Европейского побережья Боспора Киммерийского //БИ. - Симферополь - Керчь, 2004 а. - Вып. V. - С. 19-26.
- Зинько В.Н.* Проблемы датировки ранних поселений хоры Пантикапея и Нимфея //Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников. Материалы международной научной конференции. - СПб., 2004 б. - Ч.1. - С. 14-20.
- Зинько В.Н.* Хора городов европейского побережья Боспора Киммерийского //БИ. - Вып.XV. - 2007.
- Зинько В.Н.* Некоторые особенности освоения эллинами земель близ Боспора Киммерийского //X Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы. - Керчь, 2009.
- Зинько В.Н.* Основание и становление Тиритаки //ДБ. - Вып.13. - М., 2010
- Зубарь В.М.*, *Зинько В.Н.* Боспор Киммерийский в античную эпоху: Очерки социально-экономической истории //БИ.- Вып.XII. - 2006.
- Кошеленко Г.А.*, Греческий полис и проблемы развития экономики //Античная Греция. - Т.1. - М., 1983.
- Кошеленко Г.А.*, *Кузнецов В.Д.* Греческая колонизация Боспора // Причерноморье в VII-V вв. до н.э.: Письменные источники и археология. Материалы V международного симпозиума в Вани. 1987. - Тбилиси, 1990.
- Кошеленко Г.А.*, *Кузнецов В.Д.* Греческая колонизация Боспора (в связи с некоторыми общими проблемами колонизации //ОАИБ - М., 1992.
- Крыжицкий С.Д.* Жилые дома античных городов Северного Причерноморья (VI в. до н.э. - IV в. н.э.). - К., 1982.
- Крыжицкий С.Д.* Архитектура античных государств Северного Причерноморья. - К., 1993.
- Кузнецов В.Д.* Ранние апойки Северного Причерноморья //КСИА. - 204. - М., 1991.
- Кузнецов В.Д.* Ранние типы греческого жилища в Северном Причерноморье // БС. - № 6. - М., 1995.
- Кузнецов В.Д.* Полис на Боспоре (эпоха архаики) //ДБ. - № 4. - М., 2001.
- Кузнецов В.Д.* Причерноморские греки в варварской земле //ДБ. - № 13. - М., 2009.
- Лебедева Е.В.* Греческая расписная керамика первой половины VI в. до н.э. из раскопок Мирмекия и Нимфея (опыт сравнительного анализа) // Боспорский город Нимфей. Материалы научной конференции. - СПб., 1999.
- Лебедева Е.В.* Ранняя расписная керамика Мирмекия // Боспорский феномен: проблемы

хронологии и датировки памятников. Материалы международной научной конференции. – Часть 1. – СПб., 2004.

- Масленников А.А.* Зенонов Херсонес – городок на Меотиде // ОАИБ – М., 1992.
- Марченко И.Д.* Раскопки Пантикапея в 1965-1972 гг. // Культура и искусство Боспора. – М., 1984.
- Молев Е.А.* Политическая история Боспора в VI-IV вв. до н.э. - Н-Новгород, 1997.
- Молев Е.А.* О времени основания Китея // БФ: проблемы хронологии и датировки памятников. Часть 1.– СПб., 2004.
- Петрова Э.Б.* Античная Феодосия: история и культура. – Симферополь, 2000.
- Поваляев Н.Л.* Идеальный полис и колонизация // ПИФК. – 1(27). – 2010.
- Прокопенко С.Н.* Хора городов юго-востока европейского Боспора (конец VI – III вв. до н.э.) // ПИФК. – Вып. XXI. – 2008.
- Сапрыкин С.Ю.* Этюды по социальной и экономической истории Боспорского царства // Античная цивилизация и варвары. – М., 2006.
- Сокольский Н.И.* Раскопки Пантикапея // КСИА. - № 83. -1961.
- Толстиков В.П.* Археологические открытия на акрополе Пантикапея и проблема боспорско-скифских отношений в VI-V вв. до н.э. // БФ: колонизация региона, формирование полисов, образование государства. Часть 1. – СПб., 2001.
- Толстиков В.П.* Ранний Пантикапей в свете новых археологических исследований // ДБ. – 2001 а. - Вып. 4.
- Толстиков В.П.* Храм Аполлона на акрополе Пантикапея. Проблемы датировки, типологии и периодизации // ПИФК. – 2010. - № 1.
- Толстиков В.П., Журавлев Д.В., Ломтадзе Г.А.* Многокамерные строительные комплексы в системе застройки акрополя Пантикапея VI-V вв. до н.э. // ДБ. – Вып. 6. - 2003.
- Толстиков В.П., Журавлев Д.В., Ломтадзе Г.А.* Новые материалы к хронологии и истории раннего Пантикапея // ДБ. – Вып. 7. – 2004.
- Худяк М.М.* Из истории Нимфея VI-II вв. до н.э. - Л., 1962.
- Цецхиладзе Г.Р.* О полисном статусе городов античного Боспора // Древнейшие государства Восточной Европы. 1996-1997 гг. – М., 1999.
- Шелов-Коведяев Ф.В.* История Боспора в VI-IV вв до н.э. // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1984 год. - М., 1985.
- Яйленко В.П.* Греческая колонизация VII-III вв. до н.э. – М.: Наука, 1982.
- Busolt G.* Griechische Staatskunde. – Haup.I. - Munchen, 1963.
- Butjagin A.M.* Archaic dug-outs at Nymphaion // Archeologia. – T.XLVIII. – Warszawa, 1998.
- Koshelenko G.F., Kuznetsov V.D.* Greek Colonization of the Bosphorus // The Greek Colonization of the Black Sea Area. – Stuttgart, 1998.
- Shipley G.* Little Boxes on the Hillside: Greek Town Planning, Hippodamos and Polis Ideology // The Imaginary Polis. - Copenhagen, 2005.
- Starr Ch. G.* The economic and social growth of Early Greece 800-500 B.C. New York, 1977.
- Welles C.B.* The Greek city // Studi in onore di A.Calderini e R.Paribeni. Milano, 1956.
- Vachtina M.Ju.* Archaic Buildings of Porthmion // The Cauldron of Ariantas. – Aarhus University Press. – 2003.
- Zin'ko V.N.* Tyritake // Ancient Greek Colonies in the Black Sea 2. – Vol.II. –BAR, Oxford, 2007.

В.М. Зінько

ЕЛЛІНСЬКА КОЛОНІЗАЦІЯ СХІДНОГО КРИМУ

Резюме

В статті розглядається питання про заснування і подальше існування еллінських апойкій у Східному Криму. Перша хвиля грецької еміграції на Боспор на підставі археологічних матеріалів датується 580-560 рр. до н.е. У ході її були засновані п'ять апойкій: Пантікапей, Мірмекій, Тірітака, Німфей і Феодосія. Початковий етап існування апойкій, протягом якого вони не були в соціологічному сенсі містами, є відмінною рисою грецького колонізаційного процесу. Реконструювати первісний план боспорських апойкій не представляється можливим, як власне і для колоніальних центрів Великої Греції. Можна лише констатувати наявність невеликих побудов, як наземних, так і кілька заглиблених у ґрунт. Лише через декілька десятиріч після заснування починається планомірна забудова території сирцево-кам'яними будинками. Це явище можна розглядати в якості другого етапу розвитку апойкій, який був підготовлений як внутрішніми причинами, так і не в останню чергу припливом нових емігрантів в ході другої хвилі еміграції на Боспор.

Створення містобудівної структури в апойкіях Східного Криму свідчить не тільки про завершення адаптації колоністів до кліматичних, екологічних та демографічних умов району проживання, але і про становлення урбаністичного центру полісу. В останній чверті VI – першій чверті V ст. до н.е. починається новий етап в засвоєнні прилеглих до міст сільських округ, який характеризується виникненням перших сільських поселень. На межі VI – V ст. до н.е. елліни почали колонізувати чорноморське узбережжя в південно-східній частині Керченського півострову. На протязі першої половини V ст. до н.е. тут виникають нові поліси – Акра, Кітей, Кіммерік із своїми сільськими територіями.

Протягом другої чверті VI – першої половини V ст. до н.е. еллінами у Східному Криму була засвоєна вузька смуга прибережних територій в глибину не більше 8-10 км. Вся остання, степова частина півострова, контролювалась кочовими скіфами. Провідну роль у колонізації на початковому і всіх послідуєчих етапах грали прибуваючі з Іонії контингенти вимушених емігрантів.

В.Н. Зинько

ЭЛЛИНСКАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ ВОСТОЧНОГО КРЫМА

Резюме

В статье рассматривается вопрос об основании и дальнейшем существовании эллинских апоекий в Восточном Крыму. Первая волна греческой эмиграции на Боспор на основании археологических материалов датируется 580-560 гг. до н. э. В ходе нее были основаны пять апоекий: Пантикапей, Мирмекий, Тиритака, Нимфей и Феодосия. Начальный этап существования апоекий, в течение которого они не являлись в социологическом смысле городами, является отличительной чертой греческого колониационного процесса. Реконструировать первоначальный план боспорских апоекий не представляется возможным, как собственно и для колониальных центров Великой Греции. Можно лишь констатировать наличие небольших построек, как наземных, так и несколько заглубленных в грунт. Лишь через несколько десятилетий после основания начинается планомерная застройка территории сырцово-каменными домами. Это явление можно рассматривать в качестве второго этапа развития апоекий, который был подготовлен как внутренними причинами, так и не в последнюю очередь притоком новых эмигрантов в ходе второй волны эмиграции на Боспор.

Создание градостроительной структуры в апоекиях Восточного Крыма свидетельствует не только о завершении адаптации колонистов к климатическим, экологическим и демографическим условиям района обитания, но и о становлении урбанистического центра полиса. В последней четверти VI – первой четверти V вв. до н.э. начинается и новый этап в освоении прилегающих к городам сельских округ, характеризующейся возникновением первых сельских поселений. На рубеже VI-V вв. до н.э. эллины начали колонизировать черноморское побережье в юго-восточной части Керченского полуострова. В течение первой половины V в. до н.э. здесь возникают новые полисы – Акра, Китей, Киммерик со своими сельскими территориями.

На протяжении второй четверти VI – первой половины V вв. до н.э. эллинами в Восточном Крыму была освоена узкая полоса прибрежных территорий, в глубину не более 8-10 км. Вся остальная, степная часть полуострова контролировалась кочевыми скифами. Ведущую роль в колонизации на начальном и всех последующих этапах играли прибывающие из Ионии контингенты вынужденных эмигрантов.

V.N. Zinko

HELLENIC COLONIZATION OF THE EASTERN CRIMEA

Summary

The question of foundation and future existence of the Hellenic apoikias in the Eastern Crimea has been reviewed in the article. The first wave of Greek emigration to the Bosphorus is dated to 580 – 560 BC on the bases of archaeological materials. During this wave five apoikias were founded: Pantikapaion, Myrmekion, Tyritake, Nymphaion, and Theodosia. The initial stage of existence of apoikias, during which they were not the cities in the sociological sense, was a distinguishing feature of Greek colonization process. It is impossible to reconstruct the original plan of the Bosphorus apoikias as well as for the colonial centers of Magna Graecia. We can only note the existence of small buildings both terrestrial ones and a few buried in the ground. Only a few decades after its founding, planned development of the territory with raw-stone houses began. This phenomenon can be regarded as the second phase of the development of apoikias, which was prepared by internal causes and not the least by the influx of new emigrants during the second wave of emigration to the Bosphorus.

Creation of the urban structure in the apoikias of the Eastern Crimea reflects not only the completion of colonists' adaptation to climatic, ecological and demographic conditions of the habitat area, but also about becoming the urban center of the polis. In the last quarter of the 6th – the first quarter of the 5th cc. BC, a new stage in the development of the rural areas adjacent to the cities began. At the turn of the 6th – the 5th cc. BC, new poleis – Akra, Kytaiia, and Cimmeric with their rural areas appeared there.

During the second quarter of the 6th- the first half of the 5th century BC, the Hellenoi mastered a narrow strip of coastal areas in the Eastern Crimea to a width of no more than 8-10 km. All the rest steppe part of the peninsula was controlled by the nomadic Scythians. Contingents of forced migrants arriving from Ionia played a leading role in the initial phase and all subsequent stages of colonization.

М.В. СКРЖИНСКАЯ

МИФЫ О ГЕРОЯХ В АНТИЧНЫХ ГОСУДАРСТВАХ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Знание множества мифов, как местных, так и известных во всем античном мире, было естественным и необходимым для всех эллинов. Они черпали свои знания из устных рассказов и литературных произведений разных жанров, а внешний облик мифических героев у них складывался на основании множества изображений, украшавших общественные здания, храмы и прилегавшие к ним священные участки теменосы, а также частные дома. Поэтому при изучении истории любого древнегреческого государства важно представить круг популярных там мифов. Ведь их состав имел свои особенности в каждом полисе греческой ойкумены.

Для современного изучения мифов важны любые их реликты; к ним в первую очередь относятся отраженная в письменных памятниках словесная традиция и образы, запечатленные в искусстве, а также описания религиозных ритуалов (Надь, 2002, с. 186-187). Ученые чаще всего рассматривают мифологию в контексте изучения религии. Среди научных трудов об античных государствах Северного Причерноморья имеется немало подобных работ. В религиозных верованиях мифы, безусловно, занимали видное место, но они охватывали гораздо более широкий пласт жизни, чему до сих пор не уделялось достаточного внимания. Поэтому вне поля зрения исследователей осталось немало важных источников относительно мифологии на северном краю греческой ойкумены, и в первую очередь это касается изобразительного искусства.

На ранней стадии развития общества мифотворчество пронизывало все стороны жизни людей. Они с помощью мифов осмысливали окружающий мир, выражали в фольклорных произведениях коллективные представления, свои стремления и мечтания. По определению Ф.Х. Кессиди, «мифология – это своеобразное видение мира, особый тип представлений об окружающей действительности, в которых реальное сливается с фантастическим» (Кессиди, 1972, с. 51). Время появления греческих колоний на Черном море совпало с началом возникновения научного и философского осмысления мира, однако мифологическое восприятие окружающей среды еще долго продолжало играть огромную роль в широких массах населения. Неудивительно, что на своей новой родине, особенно в архаический и классический периоды, эллины создавали новые мифы.

Несмотря на развитие таких форм мышления, при которых подверглась сомнению реальность существования фантастических существ и ослабела вера в невероятные деяния мифических персонажей, мифы продолжали составлять важнейшую часть культуры. Ведь у эллинов, больше чем у других древних народов, мифология влияла на художественное творчество. Она давала пищу для эпоса, служила источником сюжетов поэтических и прозаических произведений разных жанров, вдохновляла живописцев и скульпторов. В любом греческом государстве все его жители постоянно встречались с мифическими персонажами. Обучение даже в начальной школе включало запоминание наизусть отрывков из эпических поэм, повествовавших о деяниях богов и героев. Сюжеты мифов служили основой многочисленных пьес, исполнявшихся в театрах множества греческих городов, участники праздничных религиозных шествий зачастую перевоплощались в мифологических персонажей; статуи богов и героев, а также картины и мозаики на мифологические темы украшали доступные всем культовые и общественные здания.

На протяжении всей античности предания о древних героях находились в ряду наиболее популярных мифов. Как правило, это были храбрые воины, совершавшие множество подвигов при жизни, а после смерти они оставались защитниками земли, где покоились их останки, и поэтому в их честь проходили религиозные церемонии (Нильссон, 1998, с. 27). Слава некоторых героев вышла далеко за пределы их малой родины. В первую очередь это относится к Ахиллу и Гераклу. Об их деяниях знали все эллины, но далеко не в каждом городе существовал культ этих героев. Это прекрасно видно на примере наших знаний о Геракле и Ахилле в разных государствах Северного Причерноморья.

Ахилл

Мифы об Ахилле, связанные с островом Левкой и окрестностями Ольвии, принадлежат к древнейшему пласту сказаний о землях, на которых появились самые северные греческие колонии. Многие античные авторы включили в свои сочинения краткое содержание этих сказаний. Их тексты тщательно проанализированы в книге И.И. Толстого «Остров Белый и Таврика на Евксинском Понте» (Петроград, 1918). Этот труд до сих пор остается наиболее глубоким и обстоятельным исследованием о фольклоре греков, живших в Северном Причерноморье, хотя некоторые утверждения ученого уже не отвечают современным научным изысканиям. Книгу И. И. Толстого непременно используют все так или иначе затрагивающие тему о сказаниях об Ахилле и его культе в Причерноморье. Однако в отличие от И. И. Толстого, эти исследователи не изучают мифы с точки зрения их фольклорных корней и особенностей мифологического мышления эллинов. Вопрос же о знании общегреческих мифов об Ахилле в Ольвии, Херсонесе и на Боспоре вообще оказался вне поля зрения

тех, кто занимается историей и культурой северных греческих колоний. В этой работе предпринята попытка развить именно такие малоизученные темы.

Каждый эллин помнил достаточно подробно многие предания о жизни главного героя Троянской войны. Ведь гомеровские и другие эпические поэмы входили в круг сочинений, которые учили в школе, а на сценах театров шли пьесы на сюжеты разных эпизодов из жизни Ахилла (Грaбарь-Пассек, 1966, с. 267). В этих произведениях рассказывалось о его рождении, о воспитании у мудрого кентавра Хирона, о жизни в юности среди дочерей царя Ликомеда на острове Скиросе. Конечно, подробнее всего описывались его военные подвиги, распря с Агамемноном и смерть от стрелы Париса. Письменные источники и памятники изобразительного искусства дают представление о знании этих сюжетов на северных берегах Понта Евксинского.

В Северном Причерноморье ольвиополиты более других колонистов почитали Ахилла, о чем известно по многочисленным лапидарным надписям и граффити (Русяева, 1992, с. 71-76). Дион Хрисостом, посетивший Ольвию в конце I в. н. э., в своей «Борисфенитской речи» утверждал, что жители Ольвии предпочитали Гомера всем другим поэтам и особенно любили его стихи об Ахилле, который служил им образцом доблестного воина. В то время это было особенно актуально, так как ольвиополитам постоянно приходилось отражать нападения соседних варварских племен (Dio. Chrys. XXXVI, 10, 14, 38).

Изображения Ахилла появились в Северном Причерноморье уже в архаический период. Они встречались на росписях привозных ваз (№ 2), а статуи героя помещали в его святилища. Древнейшее из них находилось на острове Левка, лежавшем близ устья Дуная (совр. остров Змеиный); там выходцы из Милета построили храм уже во второй половине VI в. до н. э. (Охотников, Островерхов, 1993, с. 25), а патронат над островом осуществляли ольвиополиты вплоть до конца эллинистического времени. Возможно, одновременно со святилищем на острове появилась примитивная деревянная статуя героя, ксоан, как греки называли такие изваяния. Об этом ксоане старинной работы ($\xi\beta\alpha\nu\omicron\nu\ \tau\eta\varsigma\ \pi\alpha\lambda\alpha\iota\varsigma\ \rho\upsilon\alpha\sigma\iota\alpha\varsigma$) написал Арриан в своем «Перипле Понта Евксинского», сославшись на утверждения очевидцев (гл. 32).

Начиная с IV в. до н. э., греки соотносили внешний вид героя со знаменитой бронзовой статуей Поликлета, известной сейчас под названием Дорифор (копьеносец). Статуя обнаженного идеально сложенного юноши с большим копьем в руке в античности была, пожалуй, наиболее прославленным изображением Ахилла. Обращаясь к образу образцового героя, Поликлет воплотил в нем выработанное самим ваятелем представление об идеальном облике молодого человека, о чем скульптор написал в трактате «Канон». Поликлет не случайно избрал Ахилла для своего «Канона», потому что все помнили определение Гомера, назвавшего Ахилла самым красивым из героев Троянской войны (II. II, 674; Plat. Symp. 180 a). Сохранилось более пятидесяти копий Дорифора

(рис. 1), который служил эталоном для творчества многих мастеров (Трофимова, 1998, с. 184-185, рис. 69; LIMC. Bd. 1, 1981, S. 196, № 908). Такие копии нередко ставили в гимнасиях и называли из «ахилловыми фигурами» (Plin. NH. XXXIV, 18: placuere et nuda tenentes hastam ab epeborum e gymnasii exemplaribus, quas Achilleas vocant). Весьма вероятно, на острове Левке подобный облик имела статуя Ахилла, упомянутая Павсанием (III, 19, 11). По видимому, ее изображением является воин с копьем, отчеканенный во II в. н. э. на монетах Ольвии (№ 11) и других западно-понтийских городов (Жарышковский, 1986, с. 32). Возможно, вольная копия скульптуры Поликлета находилась также на Ахилловом Дроме (совр. Тендровская коса близ устья Днепро-Бугского лимана), где ольвиополиты построили святилище героя и учредили игры в его честь (IOSPE I². 34).

На рубеже VI-V вв. до н. э. в Ольвию привезли чернофигурный килик (№ 2; рис. 2)¹ с часто встречающейся на архаических вазах сценой передачи Пелеем маленького Ахилла на воспитание мудрому кентавру Хирону (LIMC. Bd. 1. 1981. S. 124. № 20-42). Несколько эпизодов из жизни юного Ахилла нередко украшали мраморные саркофаги римского времени (Трофимова, 1998, с. 194, рис. 92-94). Один из них находился в некрополе Мирмекия (№ 10). Богатый боспорянин приобрел это выдающееся произведение афинского скульптора во второй половине II в. н. э.

Декор саркофага сохранился не полностью, но утраты можно восстановить по аналогиям (Саверкина, 1962, с. 247-263). На правой боковой стенке было изображено обучение Ахилла у кентавра Хирона, а на левой стенке представлена сцена прощания с Ликомедом перед отправлением на Троянскую войну. Лучше других уцелели рельефы на передней стороне с фигурами Одиссея, Дикомеда и Ахилла в женской одежде с веретеном в руках. Это иллюстрация мифа о том, как Фетида, зная предсказание о том, что сын непременно погибнет, если пойдет на войну, спрятала его под видом девочки на острове Скиросе у царя Ликомеда; там он воспитывался среди царских дочерей и своим видом и одеждой не отличался от них. Одиссей отправился на поиски Ахилла, потому что, согласно пророчеству, без его участия невозможно было выиграть Троянскую войну. На просьбу Одиссея указать, где находится Ахилл, Ликомед предложил обыскать его дворец. Чтобы узнать юношу, Одиссей разложил перед царевнами драгоценности, ткани и оружие и предложил выбрать подарок. В это время протрубил сигнал военной тревоги, Ахилл схватил оружие и таким образом выдал себя (Apollod. III, 13, 8; Ovid. Met. XIII, 162; Hyg. Fab. 96).

Прославленная картина Полигнота на эту тему (Paus. I, 22, 6) и трагедия Еврипида «Скирянки» способствовали популярности упомянутого мифа в греческом мире, в том числе и в Северном Причерноморье. В качестве косвенного

¹ См. каталог в конце статьи.

свидетельства для этого можно привлечь золотые рельефы на трех парадных горитах из скифских курганов IV в. до н. э. Эти изделия греческого мастера попадали к скифам через посредство Ольвии или Боспора. В центре верхнего фриза, совершенно одинаково украшенных горитов, представлены сцены узнавания Ахилла среди дочерей Ликомеда и прощание героя с царем перед отправлением на войну. По-видимому, здесь ювелир воспроизвел композицию по картине Полигнота (Черненко, 1981, с. 78-83).

К циклу мифов об Ахилле следует отнести также изображения его родителей: фессалийского героя Пелея и nereиды Фетиды. Таковы сцены борьбы жениха с nereидой, которая не желала стать женой смертного человека и превращалась в разных животных (Apollod. III, 13, 5), а также излюбленные мастерами эллинистического времени фигуры Фетиды и ее сестер nereид, везущих новое оружие Ахиллу. Это иллюстрация к восемнадцатой песне «Илиады», повествующей о том, что Ахилл отдал свои доспехи Патроклу, а после его убийства Гектор завладел доспехами; тогда Фетида заказала Гефесту новое вооружение для сына.

Борьба Пелея и Фетиды изображена на золотом браслете из кургана Куль-Оба (№ 3) и на двух киликах из Борисфена и Пантикапея (№ 1, 4). Ювелир и вазописец представили, как Фетида превращалась во льва, лань и змею. Фетида с изделиями Гефеста в руках, едущая на морском коне гиппокампе, изображена на терракоте из Ольвии (№ 5) и на рельефах парных золотых подвесок из кургана Большая Близница на азиатской стороне Боспора: на одной подвеске в руках у богини панцирь, а на другой – поножи (№ 7; рис. 3). Саркофаг из некрополя Горгииппии (№ 9) и золотые серьги из кургана Куль-Оба (№ 6) украшают фигурки nereид, плывущих на гиппокампах и морских драконах, они везут разные предметы вооружения, в частности, изумительный щит, подробно описанный Гомером. Во II в. до н. э. явно с Боспора попали в погребение сарматского вождя серебряные блюда, украшенные медальонами с тем же сюжетом (Karoshina, 1963, p. 257-258, tab. 32].

Изображения Ахилла и иллюстрации мифов о нем исчерпываются немногими перечисленными изображениями, найденными в Северном Причерноморье, круг которых вряд ли существенно можно расширить. Этот факт трудно объяснить; особенно удивительно, что среди интересующих нас памятников так мало происходит из раскопок Ольвии, где почитание героя было особенно широко распространено. При этом нам прекрасно известно, что художники и скульпторы на протяжении всей античности постоянно обращались к разным сюжетам из жизни героя; достаточно сказать, что в «Иконографическом словаре классической мифологии» перечислено более девятисот таких произведений (LIMC, Bd. 1, 1981, S. 37-200, Taf. 56-145).

К общеизвестному циклу о жизни и подвигах Ахилла уже в архаический период присоединились сказания о загробной жизни героя на острове Блаженных,

называемом также Левкой, то есть Белым. В древнейших сказаниях души героев переселялись на некий остров Блаженных, лежавший где-то в безбрежных просторах Океана, омывающего всю Землю. Этот сказочный остров, усеянный золотыми цветами (Pind. Ol. II, 72), был населен исключительно белыми, бесцветными духами героев; возможно, от этого представления остров получил свое наименование Белый. Среди обитателей острова Блаженных античные авторы называли наряду с Ахиллом его отца Пелея, Патрокла, Аякса, Орфея, Кадма и других героев (Hes. Op. 170-171; Pind. Ol. II, 71-80; Plat. Symp. 179 e; Dion. Perieg. V, 545-547; Paus. III, 19, 13). Упоминание Кадма, принадлежавшего к старшему поколению героев, показывает, что народная фантазия с глубокой древности награждала героев безмятежной жизнью в потустороннем мире на сказочном острове. Такая фольклорная традиция обновлялась в разных мифах до конца архаического периода. Например, в Афинах в начале V в. до н.э. родилось подобное предание о Гармодии, убившем афинского тирана Гиппарха; за этот подвиг он заслужил посмертное пребывание на острове Блаженных вместе с Ахиллом (Schol. Arist. Ach. 980; Hesych. s. v. Harmodiou melos).

Подобное фольклорное представление о награде за подвиги после смерти легло в основу мифов об Ахилле на Белом острове. В эпической поэме «Эфиопида» описывалась гибель Ахилла после того, как он разбил войско эфиопов, пришедших на помощь троянцам. В древности авторство этой поэмы, основанной на народных преданиях, приписывали уроженцу Милета Арктину, жившему в VIII-VII в. до н. э. По словам поэта, Фетида похитила из костра тело сына и унесла его на Белый остров (Procl. Chrest. I, 2), который тогда еще не отождествлялся с определенным географическим пунктом (Толстой, 1918, с. 8-10).

В VII в. до н. э. на западных и северных берегах Черного моря появились первые милетские поселения. Греческие корабли, следуя к проливам, ведущим в Понт Евксинский, шли мимо мыса Сигей, где на берегу высился курган с могилой Ахилла (Hom. Od. XXIV, 73-84). Тогда вспоминались стихи из эпических поэм о погребении героя и о переселении его души на остров Блаженных. Первые милетские мореходы еще не знали, что открывшееся за перед ними море за Боспором Фракийским представляет замкнутое водное пространство, а думали, что попали в Океан, омывающий сушу. Он встретил их частыми бурями и отсутствием островов, столь щедро рассыпанных в привычных водах Средиземноморья. Наконец, был открыт безлюдный маленький островок, оказавшийся на их пути вдоль западного черноморского побережья, и его приняли за затерянный в Океане остров Блаженных. В античной литературе об этом сохранились лишь отрывочные сведения. Основываясь на каком-то сочинении о древних топонимах, Плиний Старший записал, что черноморская Левка именовалась также Ахилловым островом и островом Блаженных (IV, 93). Сейчас этот остров называется Змеиным; он лежит недалеко от устья Дуная.

Постепенно осваивая западное, а затем северное побережье Черного и Азовского морей, милетяне в VII-VI вв. до н. э. сначала основали там несколько эмпориев, а позже много колоний. Первым греческим поселением в Северном Причерноморье стал Борисфен, получивший свое название по находившейся невдалеке крупнейшей реке. Согласно «Хронике» Евсевия (Chron. Cap. P. 95 h. Helm), поселение появилось в четвертый год тридцать третьей Олимпиады, то есть в 647/46 гг. до н. э.; оно находилось на полуострове, ставшем теперь островом Березань. В конце VII в. до н. э. возник эмпорий в устье Танаиса (совр. Дон), который археологи называют Таганрогским поселением (Копылов, 1999, с. 174-175). Возможно, оно так же, как Тира и Борисфен, носило название реки, на которой было основано. Оба поселения служили опорными пунктами для посреднической торговли греков с местным населением (Буйских А. В., Буйских С. Б., 2010, с. 28). Они находились на противоположных краях так называемого «скифского квадрата», северной области греческой ойкумены, описанной Геродотом по более ранним источникам (Her. IV, 101). Археологические находки греческой керамики второй половины VII в. до н. э. свидетельствуют о торговых связях эллинов с племенами, населявшими Восточную Европу (Русяева, 1999, с. 86-88), которую греки называли Скифией.

На ранних этапах заселения Северного Причерноморья в среде греческих колонистов сложились мифы об Ахилле, якобы посетившем этот регион. До наших дней сохранились лишь слабые отголоски этих преданий в сочинениях античных авторов. Древнейшее из них – фрагмент из гимна уроженца Лесбоса Алкея, жившего в разных греческих городах на рубеже VII-VI вв. до н. э.; поэт назвал Ахилла «владыкой Скифской земли» (fr. 354 Lobel-Page; 14 Diehl). Стихи Алкея указывают на то, что к началу VI в. до н. э. греки в Элладе знали мифы об Ахилле на северных берегах Понта. Такое же, как у Алкея, определение Ахилла прочерчено на посвятителем чернولاковом сосуде последней четверти V в. до н. э., найденном в Тире (Самойлова, Кожокару, 2002, с. 112).

Другим напоминанием о легендарном пребывании Ахилла в Скифии является древнегреческое наименование острова близ устья Днепра Ахилловым Дромом, то есть бегом Ахилла. В сохранившейся античной литературе этот топоним впервые встречается в V в. до н. э. (Her. IV, 55, 76), но возник он раньше, ведь многие греческие поселения появились в его окрестностях около середины VI в. до н. э. (Крыжицкий, Буйских, Бураков, Отрешко, 1989, с. 20-22). Тогда же на границах хоры Ольвийского государства греки соорудили несколько святилищ, два из них были посвящены Ахиллу: одно на Бейкушском мысу, находившемся на западной границе ольвийской хоры, другое – на ее восточном рубеже, на Тендровской косе, древнем Ахилловом Дроме (Буйских, 2004, с. 10).

Два мифа по-разному, как часто бывает в фольклоре, объясняли наименование острова. Краткое содержание этих преданий сохранилось лишь

в сочинениях писателей римского времени, опиравшихся на неизвестные сейчас труды греческих авторов. Они записали эти региональные мифы, потому что о них знали далеко за пределами Ольвийского государства. Ведь на Ахилловом Дроме находилось почитаемое не только местными греками святилище героя, и Ольвия устраивала на острове панэллинские игры. Туда приезжали греки из многих государств, о чем свидетельствуют найденные на Тендре сотни монет, выпускавшихся в разное время в греческих городах Причерноморья и Средиземноморья (Тункина, 2002, с.402).

Согласно одной версии мифа, Ахилл устроил на этом острове игры в честь какой-то своей морской победы на Евксинском Понте, и сам состязался в беге с соратниками (Plin. NH IV, 83; Mela II, 5; Amm. Marc. XXII, 8, 41). Ольвиополиты с помощью этого мифа объясняли не только название острова, но и происхождение местных атлетических и конных игр, которые в эллинистический период привлекали участников из многих причерноморских городов, а также из Милета, ольвийской метрополии и из некоторых малоазийских государств (Скржинская, 2010, с. 323- 326). В греческой мифологии герои неоднократно выступали зачинателями разных агонов. Достаточно напомнить, что Геракл считался учредителем знаменитых Олимпийских игр, а Тесея – Истмийских (Plut. Tes. 25). Неудивительно, что милетские колонисты тоже связали происхождение своих агонов с именем прославленного героя, причем такого, которого они особенно почитали.

Другой вариант сказания об Ахилловом Дроме был соотнесен с циклом мифов об Ифигении. Ахилл считался ее женихом, когда девушка взошла на костер, чтобы умилостивить Артемиду, не дававшую возможности кораблям ахейцев отплыть из Авлиды в Трою (Eur. Iph. Aul. 710- 720; 1110-1115). В широко известном мифе рассказывалось, что Артемида спасла Ифигению, перенесла в Таврику (ее не очень сведущие в географии авторы считали частью Скифии) и сделала своей жрицей в местном храме, где тавры совершали кровавые жертвоприношения. В ольвийском же мифе говорилось о нахождении Ифигении в Скифии, где Ахилл на некоем острове напрасно преследовал убегающую от него девушку, и от этого остров получил свое наименование (Eusath. ad Dion. Perieg. 306; Schol. ad Dion. Perieg. 306).

В известном сейчас кратком пересказе мифа просматривается сказочный сюжет, распространенный в фольклоре многих народов: девушка, унесенная злой силой, живет в дальней стране, жених освобождает ее, возвращает на родину, и они играют свадьбу (Trenkner, 1958, p. 50-52). В русском фольклоре на таком сюжете построены сказки о заточении девушки у Кащея Бессмертного или у Змея Горыныча, которых побеждает Иван Царевич. Тот же фольклорный мотив использован в «Руслане и Людмиле» Пушкина. Подобно Артемиде, Черномор похищает невесту Руслана и переносит ее в свои далекие сказочные сады. Жених после долгих поисков, пре-

одолев всевозможные препятствия, вызволяет Людмилу из плена и женится на ней. В ольвийском мифе Ахилл разыскивал невесту в далекой Скифии, она убежала от него, видимо, не по собственной воле, и рассказ завершился свадьбой и счастливой жизнью на Левке. Упоминание о том, что Ахилл царствовал на Левке вместе с супругой Ифигенией, сохранилось в «Превращениях» Никандра (фр. 58). В более распространенном в Элладе мифе об Ифигении девушку освобождал и возвращал на родину ее брат; этот вариант лег в основу трагедии Еврипида «Ифигения в Тавриде».

Есть косвенное свидетельство о существовании боспорских мифов об Ахилле. Их безусловно рассказывали в святилище героя, которое находилось в поселении Ахилий (Strab. XI, 2, 6); оно лежало на азиатском побережье Керченского пролива близ Азовского моря (Strab. VII, 4, 5; Anon. Peripl. P. Eux. 69).

Наибольшее количество известных нам мифов о посмертной жизни Ахилла в Причерноморье связано с островом Левка. Древнейшее значение этого наименования забылось, и греки стали объяснять название острова наличием на нем несметного количества белых птиц (Schol. Pind. Nem. IV, 49). О них говорится в трагедии Еврипида «Ифигения в Тавриде» (ст. 435-438) и в «Истории» Аммиана Марцеллина (XXII, 8, 35); Арриан в своем «Перипле Понта Евксинского» даже перечисляет их породы: чайки, нырки, морские вороны (гл. 32). До сих пор остров Змеиный остается гнездовьем множества птиц.

В Элладе и ее колониях героя называли владыкой острова; это определение сохранилось в античной литературе (Pind. Nem. IV, 50), в лапидарных надписях (IOSPE I² 326; 672) и граффити со словами Ἀχιλλῆι Λευκῆι μεδεόντι (Яйленко В.П. 1980, с. 84. № 3). В Элладе издавна отдельные области считали находящимися под властью и покровительством разных героев. По такому образцу греки включили остров на Черном море в ряд подобных мест. Во второй четверти V в. до н. э. такие верования отразились в оде Пиндара (Pind. Nem. IV, 44- 55):

Начни же ткать и не медли,
 О, сладкая лира моя,
 В лидийском ладу
 Милую песнь
 Эноне и Кипру,
 Где царствует вдали Теламонов Тевкр,
 Как Аянт на отчете Саламине,
 Как Ахилл на Евксинском блистающем острове,
 Как Фетида – во Фтии,
 А Неоптолем – в пронизывающем дали Эпире.

Перевод М.Л. Гаспарова.

Стоит отметить, что кроме Ахилла еще один герой Троянской войны Диомед почитался на острове, названном его именем (Plin. NH III, 40) и тоже

в VI в. до н. э. находившемся на окраине греческой ойкумены. Это современный итальянский остров Тримити близ побережья Апулии. По легенде, птицы ухаживали за святилищем героя, они ежедневно омывали храм брызгами капель со своих крыльев (Plin. NH X, 127). То же самое, согласно записи Филострата, делали птицы на Левке, летая низко над священной рощей Ахилла и доставляя влагу деревьям.

Левка, остров, возвышающийся в виде скалы в открытом море, оказался удобным для укрытия кораблей в непогоду, но совсем не подходил для жизни колонистов по причине своей малой величины и удаленности от побережья, с которым невозможно поддерживать связь в долгие месяцы несудоходного периода года. Поэтому на острове в античности никто постоянно не жил. Вероятно, время от времени там находились люди, строившие или ремонтировавшие алтари и храм Ахилла или устанавливавшие статуи. Кроме скульптур героя, упомянутых у древних авторов (Paus. III, 19; Arrian. Peripl. 32; Philostrat. Heroic. XIX, 16), известно еще об одном стоявшем на Левке монументе; его пьедестал найден на острове.

На уцелевшем постаменте вырезана частично сохранившаяся надпись IV в. до н. э. (IOSPE I². 325). Это почетный декрет в честь ольвиополита, изгнавшего с Левки пиратов; за это и за другие заслуги его удостоили высшей награды греческих полисов – конной бронзовой статуи. Остров важно было освободить не только для безопасности судоходства, но и потому, что пираты препятствовали греческим морякам совершать издавна установившиеся в их среде религиозные ритуалы на острове. Пиратам же было удобно иметь на Левке корабельную стоянку, внезапно появляться из не заметной издали гавани и скрываться на необитаемом острове после ограбления судов, везущих вдоль западного берега Понта разнообразные товары из Причерноморья и Средиземноморья.

Реальные события, связанные с пиратскими захватами Левки, объединились в народной фантазии с походами амазонок, давних мифических врагов эллинов. По преданию, они жили сначала на южных, а затем на северных берегах Понта, их царицу Пентеселею Ахилл убил, когда она привела свое войско на помощь троянцам. В одном из мифов на Левке рассказывалось, что амазонки приплыли на остров, чтобы ограбить храм Ахилла. Герой защитил святыню: он явился перед захватчицами и своим грозным взором навел такой ужас на их коней, что они растерзали хозяек, а сами бросились в море (Philostr. Heroic. XIX, 16).

Корабли приставали к Левке во время навигации, длившейся в древности с середины весны до середины осени, а в остальные месяцы года остров был совершенно безлюдным. Монеты, обнаруженные на острове, показывают, что приношения Ахиллу доставляли эллины из множества греческих государств Причерноморья и Средиземноморья (Охотников С.Б., Островер-

хов, 1993, с. 50- 51). Здесь мореходы слышали предания о чудесах на острове, затем сами рассказывали их на родине, и таким образом мифы становились коллективным творчеством греков из разных полисов.

Отсутствие постоянного населения Левки способствовало возникновению веры в то, что владыка острова Ахилл разрешает здесь находиться лишь днем, а ночью там не место смертным. Поэтому тем, кто не сумел вечером отплыть, следовало ночевать на корабле. Эти люди утверждали, что видели Ахилла во сне, а некоторые даже наяву; многие слышали, как он поет, пируя с друзьями и своей супругой, суеверные моряки улавливали звук конского топота, звон оружия и крики, как во время сражения (Philostr. Heroic. XIX, 16; Max. Tyr. Or. 15, 7). Подобные рассказы напоминают распространенные у многих народов представления о том, что духи посещают землю только ночью, а с рассветом их власть исчезает. Вспомним наших русалок, резвящихся в лунном свете и завлекающих путников, или французских виллис – девушек, погибших от несчастной любви и мстящих живым людям, о чем широко известно по балету «Жизель».

В старинных преданиях о жизни Ахилла на сказочном острове Блаженных он женился на героинях эпических поэм: в одних сказаниях его супругой становилась Медея, в других – Поликсена, в третьих – Елена, от которой он имел фантастического крылатого сына Евфориона (Толстой, 1918, с. 14, 15). На Левке предпочтением пользовалась последняя версия, расцвеченная фантазией посетителей острова (Paus. III, 19, 13; Eur. Schol. Androm. 229; Philostr. Heroic. XIX, 16). В этом мифе рассказывалось, что, по просьбе Фетиды, Посейдон в водах Понта создал остров для жизни на нем Ахилла и Елены, а на их свадьбе пировали сам бог морей со своей супругой Амфитритой, Фетида и ее сестры nereиды, а также боги-покровители рек, впадающих в Понт и Меотиду. Содержание мифа иллюстрировала поставленная на Левке скульптурная группа, упомянутая Филостратом; она представляла Ахилла и Елену, которых соединяют богини судьбы Мойры. Народная фантазия поженила Ахилла и Елену, вероятно потому, что он считался самым прекрасным юным героем, а ему парой должна была быть самая прелестная женщина.

В мифах об острове Левке нашли развитие стихи Гомера (II. IX, 185- 191) о том, что Ахилл в часы досуга пел о славе героев, аккомпанируя себе на лире. Греческие мореходы рассказывали, что, находясь близ острова, они по ночам слышали, как Ахилл поет о походе на Троию и воспекает божественного Гомера, прославившего его и Патрокла (Philostr. Heroic. XIX, 16; Max. Tyr. Or. XV, 7). Среди песнопений, исполнявшихся на религиозных празднествах на Левке, звучали некоторые, якобы сочиненные самим Ахиллом. Текст одного из них написал Филострат со слов некоего виноградаря, сообщившего ему несколько преданий об Ахилле на его острове. Несколько строк исполнявшегося в римское время гимна в честь Ахилла сохранились в надписи римского времени.

Издатель надписи полагает, что эти стихи написаны для святилища героя в Борисфене (Шелов-Коведяев, 1990, с. 60-61), то есть на месте находки мраморного фрагмента, но более основательным представляется мнение, что это текст песнопения, звучавшего на Левке; действительно, описание в гимне скалистого острова более соответствует Левке, чем Березани (Русяева, 1992, с. 81).

Геракл

Немало исследований написано о роли Геракла в религии греков всех государств Северного Причерноморья (Диотроптов, 2001, с. 80- 100; Русяева, 2005, с. 28- 44; 445- 457). В связи с культом героя ученые анализировали некоторые мифы о нем, но вне их поля зрения остались многие известные предания, не игравшие роли в местных верованиях. В то же время немало таких мифов занимали значительное место в культуре и искусстве населения Тирь, Ольвии, Херсонеса и городов Боспора. В отличие от сказаний о прочих героях рассказы о Геракле полностью не входили в один крупный цикл мифов, как деяния Ахилла, принадлежавшие Троянскому циклу, или подвиги Ясона, вошедшие в серию рассказов об аргонавтах. Эпизоды жизни Геракла включались в круг разных сказаний, например, в Троянском цикле содержался сюжет о покорении героем Трои во время царствования Лаомедонта, отца Приама, а в мифах об аргонавтах говорилось об его участии в начале похода за золотым руном (Ном. II. 638-642; Diod. Sic. IV, 32, 42, 49).

С самого начала жизни греков в Северном Причерноморье старые мифы о Геракле занимали видное место в фольклоре. Ведь героя чтили в Милете, родине большинства первых переселенцев. Косвенным свидетельством знания мифов о Геракле уже в архаический период могут служить сюжеты росписей ваз, найденных на Березани, в Ольвии, Керкинитиде и в городах Боспора. Наиболее образованные из колонистов могли читать эпические поэмы VII-VI вв. до н. э. о деяниях героя. Мы знаем об этих произведениях лишь по упоминаниям античных авторов. В эпиграмме на статую Писандра, уроженца Родоса, жившего в VII в. до н. э., Феокрит упомянул, что этот поэт первый написал поэму о подвигах Геракла.

По преданию, совершая свои подвиги, Геракл обошел всю ойкумену. Благодаря этому во множестве греческих государств возникали мифы о посещении героем различных местностей и о его связи с прошлым разных полисов, в том числе и тех, которые лежали на северных берегах Понта Евксинского. В античной литературе сохранились легенды о том, что герой побывал в окрестностях Тирь и оставил там свой след (Her IV, 82), а в пещере, находившейся в лесной области Гилее близ Ольвии, он встретил местную змееногую богиню (Her. IV, 8-10). На азиатской стороне Боспора Геракл вместе с Афродитой раправлялся с гигантами (Strab. XI, 2, 10), и в прилегающих к этому государству степях он добыл золотой пояс у царицы амазонок (Eur. Her. 408- 419).

Упомянутые мифы известны сейчас по кратким записям античных авторов. Только один миф о Геракле, родоначальнике трех скифских племен, подробно изложен в «Истории» Геродота (IV, 8-10); действие сказания отнесено ко времени возвращения героя со сказочного острова Эрифии, откуда герой доставил царю Эврисфею коров из стада трехглавого великана Гериона. По пути на родину у Геракла не раз похищали коров (Diod. Sic. IV, 24, 7; Liv. I, 4-7: Apollod. Bibl. II, 5, 7): может быть, этот мотив, сходный с похищением коней в причерноморском мифе, послужил причиной присоединения сказания ко времени десятого подвига героя.

Греческие колонисты, обосновавшиеся в стране, называемой ими Скифией, рассказывали, что туда Геракл прибыл на колеснице, запряженной конями. Пока герой спал, укрывшись львиной шкурой, лошади исчезли; после долгих поисков герой нашел их у местной богини, туловище которой переходило в змеиный хвост. Она соглашалась отдать коней лишь после того, как у нее от Геракла родятся дети. Так появились на свет три брата: Агафирс, Гелон и Скиф. Возвращая колесницу и отпуская Геракла на родину, змееногая богиня спросила, что делать сыновьям, когда они станут взрослыми: идти ли к отцу или оставаться во владениях матери. Геракл велел устроить юношам испытание, после которого победитель станет властителем страны, а его братьям следует уйти в другие земли.

Соперники должны были натянуть лук, оставленный отцом, и надеть его боевой пояс, на котором висела золотая чаша. Это удалось лишь младшему сыну Скифу, он стал правителем на родине, и от него вели родословную скифские цари. Его братья правили в соседних землях, и от них произошли наименования агафирсов, живших к западу от скифов, и гелонов, обитавших к востоку от Скифии.

Геродот узнал этот миф от «эллинов, живущих у Понта», и изложил его, используя оборот *accusativus cum infinitivo*. Так историк подчеркнул, что это пишет не он сам, а передает услышанный рассказ. Вообще Геродот включил в свое сочинение множество фольклорных преданий, при записи которых он часто сохранял особенности устного повествования (Доватур, 1957, с. 165- 178; Aly, 1921). Эти черты живого рассказа можно различить в тексте ольвийского варианта мифа о Геракле в Скифии.

Подробности, не имевшие значения для развития сюжета, вводились в фольклорные произведения с целью создания наглядной обстановки вокруг излагаемых событий. В нашем случае таково замечание о том, что в Скифии Геракл оказался во время зимней стужи и спал, завернувшись в львиную шкуру. Эта шкура – постоянный атрибут героя, поэтому слушатель сразу мог нарисовать в своем воображении исходную картину этого красочного рассказа. В устах искусных исполнителей повествование оживлялось прямой речью персонажей. Именно так записан в «Истории» диалог змееногой богини и Геракла перед

тем, как он покинул Скифию. Среди распространенных в фольклоре приемов повествования встречаются попутные замечания, парэнтезы; здесь парэнтеза использована в виде краткого наивного вставного упоминания о том, что Геракл носил с собой два лука (Доватур, 1957, с.153). В ходе изложения мифа рассказчик заметил, что, оставляя сыновьям свой лук, герой не может оказаться без оружия в дальнейших странствованиях, и дал этому свое объяснение о двух луках. Для придания достоверности действие фольклорных произведений часто помещали в знакомые слушателям места, в данном случае в лесную область Гилею близ Ольвии. Это указывает на то, что Геродот записал миф, услышанный именно в Ольвии, потому что другим понтийским эллинам эта местность вряд ли была хорошо известна. Стилистика записи мифа в «Истории» может быть присоединена к ряду косвенных свидетельств о поездке Геродота на северные берега Понта.

В одном граффити середины VI в. до н. э. сообщается о сооруженном ольвиополитами и разрушенном (от естественных причин или их соседями?) алтаре Геракла в Гилее (Русяева, 1992, с. 41). Текст надписи дает основание предположить, что интересующий нас миф возник вскоре после заселения греками Нижнего Побужья и существовал уже не одно десятилетие ко времени посещения Геродотом Ольвии. В пользу этого говорит упоминание трех скифских племен, с которыми греки действительно встретились в окрестностях своего полиса. Позже расположение племен в Скифии изменилось, и у ольвиополитов появились новые соседи, о чем свидетельствует сравнение наших отрывочных сведений о сочинении Гекатея Милетского и ионийских карт с описанием в «Истории» Геродота (Скржинская, 1977, с.48-51). Однако это совсем не обязательно должно было сказаться на сюжете уже устоявшегося мифа, ведь в фольклоре часто удерживались гораздо более древние представления. Например, в сочинениях Павсания и Плутарха можно найти мифы, восходящие к догомеровской эпохе, то есть ко времени, когда мифы еще письменно не фиксировались. Поэтому представляется несостоятельным мнение А.С. Русяевой о том, что Геродот записал миф о Геракле в Скифии, не в Ольвии, где в содержание рассказа якобы должны были быть внесены изменения, соответствующие реалиям середины V в. до н. э., а источником «отца истории» она предполагает сочинение какого-то логографа, либо запись или рассказ жреца в одном из милетских храмов (Русяева, 1992, с. 9-10). В таком случае историк передал бы лишь фабулу, а не множество черт живого устного повествования, потому что в VI в. до н. э. так красочно в прозе никто не умел записать народные предания. Недаром Геродота считают автором первого крупного художественного прозаического произведения. Кроме того, согласно рассказу Геродота, греки в середине V в. до н. э. знали, что агафирсы и гелоны продолжали жить в Восточной Европе, хотя и на других территориях, так что даже с этой точки зрения не было нужды менять предание о происхождении их наименования.

Возможно, Геродот слышал и другие варианты этого мифа, сказав, что его рассказывают понтийские эллины, а не конкретно ольвиополиты. О существовании иных версий можно судить по перечислению деяний Геракла в одной надписи римского времени (SIG XIV, 1293 a, 94-97). В ней говорится, что Геракл пришел из Фракии в Скифию, и там от его связи с Ехидной родились сыновья Скиф и Агафирс. Такой рассказ, наверное, бытовал в колониях Северо-Западного Причерноморья, в частности, в Тире, где в реальности существовали контакты лишь с агафирсами и скифами, гелоны же были мало известны. Судя по тому, что герой прибыл из Фракии, миф соотносился со временем восьмого подвига, когда Геракл должен был доставить в Микены диких кобылиц, принадлежавших фракийцу Диомеду. Вероятно, с этим мифом жители Тире связывали отпечаток ступни Геракла, который находился на скале у реки Тираса; он поражал своей величиной в два локтя, то есть около метра в длину (Her. IV, 82). Углубления в камнях и скалах, сходные по форме с очертанием ступни, греки считали оставленными в древности следами героев. Ведь боги и герои представлялись эллинам в облике людей, совершенных по красоте и более рослых, чем обычный человек. Этим объясняются огромные размеры их ног; например, Геродот (II, 91) упоминает о такой же по величине сандалие Персея в Египте.

В научной литературе существует мнение, что записанный «отцом истории» миф имеет скифское происхождение, и он лишь слегка переработан греками (Толстой, 1966, с. 234; Aly, 1921, S. 121). Скифологи находят некоторые параллели в иранской мифологии и считают, что Геракл заменил в устах эллинов скифского Таргитая (Граков, 1950, с. 7-12; Петров; Макаревич, 1963, с. 20-31; Раевский, 1977, с. 32-36, 54; Бессонова, 1983, с. 93-98). О последнем сейчас известно только из записи Геродота (IV, 5), но у него нет и намёка на какое-либо соотношение этих персонажей, хотя историк постоянно проводил параллели между эллинскими и чужеземными богами и героями; он, в частности, написал, что Гестия у скифов называется Табити, Зевс – Папай, Аполлон – Гойтосир, Афродита Уракия – Аргимпаса, Посейдон – Тагимазад (IV, 59). В то же время Геродот специально подчеркнул, что рассматриваемый нами миф рассказывают местные греки, и он коренным образом отличается от того, что говорят скифы относительно своего происхождения от первого человека Таргитая (Her. IV, 5- 6).

Греческий миф о Геракле, родоначальнике местных племен, прекрасно вписывается в контекст древнегреческой мифологии, ведь он по своей структуре близок к генеалогическим мифам, бытовавшим в Ионии, на родине большинства колонистов. Вообще греки часто связывали происхождение соседних народов со своими мифическими героями, а также возводили родословную племен к предку, якобы давшему наименование народу. Ионийцы рассказывали, что персы происходят от Перса, сына Персея и Андромеды (Her. VII, 61),

а соседи милетян карийцы, лидяне и мисийцы ведут свою родословную от братьев с соответствующими именами Кар, Лид и Мис (Her. I, 171). Роль Геракла в мифе также достаточно традиционна для греческого фольклора, в котором существовало немало рассказов о герое, ставшем родоначальником разных варварских племен.

В духе такой фольклорной традиции в среде ионийских колонистов, населивших северные берега Черного моря, сложился миф о Геракле, родоначальнике местных народов, и о происхождении их названий от имен трех сыновей героя. Это плод коллективного творчества, а не специально придуманный жрецами рассказ, преследующий пропагандистские цели, пишут некоторые исследователи (Русяева, 2005, с. 39, 40). Ведь греческие жрецы выбирались, подобно другим магистратам, и не представляли какую-то обособленную группу людей с особой идеологией. Неясно, перед кем надо было пропагандировать право на заселение пустующих земель на берегах Понта. Кочевые племена, входившие в контакт с новыми поселенцами, совсем не интересовались их мифологией, а сами колонисты не нуждались ни в какой пропаганде.

Тем, кто не занимался историей фольклора, трудно представить, как какое-то произведение может не иметь конкретного автора. А между тем, на ранних этапах развития общества именно так и было, когда у разных народов создавались сказки, героический эпос и исторические легенды. Во время появления эллинов в Северном Причерноморье в среде колонистов господствовало мифологическое осознание действительности, которое выражалось в сотворении новых мифов на осваиваемых землях. Эти мифы невольно создавались по уже установившимся схемам. Одна из них – пребывание легендарного героя в далекие времена в тех местах, которые осваивали колонисты. Это в их глазах связывало историю новой родины с историей Эллады и обосновывало право на владение землями, где побывал герой.

В рассматриваемом мифе имеется немало наблюдений из жизни скифских племен, с которыми греки общались в Северном Причерноморье. Действительно, лук и боевой портупейный пояс составляли неотъемлемую принадлежность скифского воина (Черненко, 1981, с. 111- 120). Греческие мастера даже изготавливали для скифов чаши с ушком для прикрепления к поясу. Такова найденная в Братолюбовском кургане Херсонской области золотая чаша V в. до н. э. с припаянным к ней колечком (Scythian Gold, 1999, № 134). Скифский лук, отличный по форме от греческого, эллины уже в архаический период детально рисовали на вазах, а позже воспроизводили на ювелирных изделиях и монетах. Одно из лучших и наиболее ранних изображений скифского лука с характерным выступом посередине представлено на вазе из Одесского археологического музея: одетая в скифский костюм царица амазонок проверяет прямизну стрелы, готовясь к поединку с греческим героем, который тренируется в бросании копья (рис. 4). При взгляде на вазу зритель мог вспомнить мифы о том, как Геракл,

Тесей и Ахилл сражались с амазонками. Так как копье было атрибутом Ахилла, можно думать, что вазописец изобразил эпизод из Троянской войны.

Соединение скифской богини с Гераклом имело символический смысл священного брака местного божества и греческого героя. Мы не знаем, какой точно рассказчики представляли змееногую богиню. Ее отождествление с изображениями так называемой «прорастающей девы», как это делалось до недавнего времени (Артамонов., 1961. С. 65- 73; Петров; Макаревич, 1963, с. 23- 26), теперь подвергнуто убедительной критике (Буйских, 2006, с.137- 138). Стоит отметить, что облик фантастического существа полуженщины-полузмеи не чужд греческой мифологии. Такой греки представляли Ехидну, мать разнообразных чудовищ. Описание Ехидны в «Теогонии» Гесиода (ст. 298- 303), не знавшего скифской мифологии, подходит не только к облику скифской змееногой богини, но также к месту ее обитания в пещере, расположенной в необитаемой местности: «Наполовину она дева со светлыми глазами и прелестным лицом, наполовину же чудовищная змея, огромная и грозная... у нее есть божественная пещера внизу под выдолбленной скалой, далеко от смертных людей и бессмертных богов». Попутно заметим, что Ехидна была не только именем собственным, но и греческим словом со значением змея. В этом смысле оно употреблено в тексте Геродота в качестве имени собственного – в надписи о деяниях Геракла.

В причерноморском мифе есть черты, в равной мере свойственные греческому и скифскому фольклору. Это распространенный у многих народов сюжет о состязании трех братьев и получении царства младшим братом. Безусловно, умение пользоваться луком и использование боевого пояса служило характеристикой скифского воина. В то же время мастерством стрельбы из лука обладали и греческие герои, и прежде всего Геракл. Ему царь Эхалии посулил отдать в жены свою дочь Иолу, если герой победит братьев царевны в стрельбе из лука; за отказ выполнить это обещание герой разорил Эхалию. На этот сюжет в архаический период появилась эпическая поэма «Взятие Эхалии». С детских лет каждый грек знал «Одиссею», в которой вся двадцать первая песня посвящена описанию состязания женихов Пенелопы. Она обещала выйти замуж за того, кто натянет лук Одиссея и прострелит 12 колец так, чтобы стрела ни одно не задела. Женихи не сумели даже натянуть лук Одиссея. Ведь согнуть и привести в боевую готовность дальнобойный лук было нелегким делом даже для физически сильного мужчины. Поэтому у многих народов испытание зрелости воина наряду со стрельбой в цель включало также сгибание лука и закрепление на нем тетивы. Иллюстрации этого есть на монетах Ольвии и на сосуде из кургана Куль-Оба. На монете изображен Геракл (рис. 5), а на сосуде скиф (рис. 6).

В научной литературе высказывалось мнение, что изображение на ольвийских монетах третьей четверти V в. до н. э. иллюстрирует миф, изложенный

Геродотом. Герой представлен с наброшенной на голову и плечи львиной шкурой; опустившись на колено, он одной рукой сгибает лук, а другой готовится закрепить свободный конец тетивы (рис. 5). По мнению П.О Карышковского, на монетах запечатлен эпизод мифа, когда Геракл показывал змееной богине, как надо натягивать лук (Карышковский, 1960, с. 189-195; 1988, с. 49). В.А. Анохин справедливо отметил, что не только на ольвийских серебряных статерах, но и на монетах других городов в это время встречается изображение Геракла, натягивающего лук; там эту фигуру никак нельзя соотнести с указанным мифом (Анохин, 1989, с. 15). К этому надо добавить, что в греческих мифах упоминался лук Геракла, из которого он научился стрелять еще мальчиком, и пользовался этим оружием при совершении своих подвигов, например, при расправе со Стимфалийскими птицами. Поэтому такое толкование этого изображения представляется весьма спорным. Во всяком случае, ольвийские монеты могли вызывать ассоциации с разными мифами, в том числе и с местными сказаниями о Геракле.

Итак, сохранившийся в записи Геродота этногенетический миф о происхождении скифов является порождением греческого фольклора, в который включены некоторые скифские образы. Время жизни Геракла относили к поколению, предшествовавшему героям Троянской войны. Поэтому в представлении эллинов получалось, что задолго до основания поселений на северном побережье Понта сюда прибыл Геракл, и колонисты как его потомки имеют законные права на обладание этими землями, вошедшими в мифологическую историю эллинов.

Греки, жившие на обеих сторонах Керченского пролива, тоже рассказывали о деяниях Геракла на территории их государства. Содержание мифа кратко записано в «Географии» Страбона (XI, 2, 10) в связи с упоминанием о святилище Афродиты Апатуры на Таманском полуострове: «Когда на Афродиту здесь напали гиганты, она позвала на помощь Геракла и спрятала его в какой-то пещере; затем, принимая гигантов поодиночке, она отдавала своих врагов Гераклу, чтобы он коварно с обманом убил их».

Этот краткий рассказ воспроизводит местный вариант широко известного во всей Элладе предания о борьбе богов и гигантов, которых невозможно победить без помощи Геракла. В версии боспорян противниками гигантов выступала не группа богов во главе с Зевсом и Афиной, а одна Афродита, не игравшая заметной роли в рассказах других эллинов. Роль Геракла оказывается отнюдь не героической, так как основная роль в истреблении гигантов принадлежит здесь Афродите. Однако для греков было важно, что присутствие героя связывало прошлое Боспора с мифологической историей, которая в глазах эллинов представлялась вполне реальной.

Содержание мифа основано на народной этимологии эпиклезы богини Апатура, истолкованной как «обманчивая» благодаря сходному звучанию

слова ἀλάτη (обман). В действительности же название распространенного в среде ионийцев древнего праздника Апатурии, патронессой которого на Боспоре стала Афродита, первоначально напоминало о совместном общем собрании старейшин фратрии (Parke, 1986, p. 88).

Наряду с местным мифом боспоряне также знали и классические варианты сказаний о сражениях богов и Геракла с гигантами. Иллюстрации этих преданий сохранились на нескольких чернофигурных вазах из Пантикапея. На одном кратере представлен поединок Афины с гигантом (АРК, № 16), а на двух алабастрах борьба Геракла с Алкионеем (№ 49). Он превосходил силой прочих гигантов, и его невозможно было одолеть на его родине Паллене, поэтому Геракл после неудачной попытки расправиться с гигантом унес его с земли, дававшей Алкионеею бессмертие, и тогда сумел его убить (Apolloed. Bibl. I, 6, 1). На вазах нарисован Геракл, который замахивается своей палицей на Алкионеея, сидящего у скалы Палены. Чтобы показать мощь гиганта, вазописец изобразил его фигуру более крупной, чем у противника.

Греки в городах Северного Причерноморья, как и во всем античном мире, хорошо знали классические мифы о двенадцати подвигах Геракла. Их иллюстрации появились на привозных памятниках искусства уже в архаический период (№ 18- 23, 33, 34, 36-39; рис. 7, 8), а позже к ним обращались и местные мастера. В первые века нашей эры на Боспоре их рисовали на фресках (№ 16) и выпускали серии монет с изображениями всех подвигов (№ 15; рис. 9), а в Херсонесе получили распространение светильники со сценами из разных подвигов (№ 30, 32). На украшающих щиток светильника рельефах герой держит в руке яблоки Гесперид, несет на плече Эриманфского вепря, побеждает льва, ловит лань (Бондаренко, 2003, с.124). Композиция одного из таких рельефов на светильнике повторяет знаменитую статую Лисиппа, представившего героя и Керинейскую лань (Щеглов, 1960, с. 24). Геракл обеими руками хватает животное за рога и коленом прижимает к земле упавшую лань, а она, стремясь вырваться, размахивает передними ногами (рис. 10). Подобную композицию использовали и короoplastы в Горгиипии (№ 29).

В VI-V вв. до н. э. на расписных вазах из парадного сервиза нередко встречается иллюстрация первого подвига: герой душист Немейского льва (№ 17-22), потому что с помощью любого оружия с ним было невозможно расправиться (Apolloed. Bibl. II, 5, 1; Diod. Sic. IV, 8, 3). После того, как во всем греческом мире прославились статуи Лисиппа, изображавшие пирующего Геракла и его борьбу с Немейским львом (рис. 11), их стали брать за образец скульпторы и короoplastы. Несколько терракот и рельефов с подобной композицией найдено в Северном Причерноморье (№ 25-27).

Нередко к первому подвигу Геракла относят изображения, на которых герой закалывает льва мечом или нападает на него с дубинкой (№ 12, 13; рис. 12). Вазописцы архаического времени, безусловно, в этом случае имели ввиду

расправу юного Геракла с другим львом, который обитал на горе Киферон и истреблял стада царей Амфитриона и Феспия (Apolloed. Bibl. II, 4, 9). Герой заколол хищника, шкура которого стала служить ему плащом, а голова с открытой пастью – шлемом. Эти предметы наряду с палицей, сделанной Гераклом из дикой оливы, стали в искусстве постоянными атрибутами героя, которые можно во множестве увидеть на памятниках искусства из Северного Причерноморья. В эллинистический период миф о первом сражении Геракла со львом утерять популярность, и происхождение атрибутов героя стали связывать с рассказом о его первом подвиге. Недаром Диодор Сицилийский (IV, 8-39), весьма подробно описавший деяния героя, не вспомнил о сражении с Киферонским львом.

По преданию, Геракл надевал львиную шкуру или скальп хищника, завязывая особым узлом его лапы на груди или под подбородком. На боспорских терракотовых статуэтках местного производства можно видеть героя с узлом из львиных лап на груди (№ 84). Судя по стертости изображений, можно заключить, что в эллинистический период их делали в большом числе (Пругло, 1968, с. 239-242.). Особый узел, называемый геракловым, стал распространенным декоративным элементом на ювелирных изделиях эллинистического времени (Deppert – Lippitz, 1985, S. 201, 210, 21, 235, 241, 246, 255, 257, 268, 271, 275). В коллекции находок из раскопок Северного Причерноморья этот узел можно увидеть на терракотовой маске героя, найденной в Пантикапее (№ 87; рис. 22), на женских украшениях, которые носили на Боспоре и в Херсонесе (№ 79-83, 88), и на ручках металлических сосудов, которыми пользовались боспоряне на Таманском полуострове (№ 85, 86). Среди перечисленных предметов особой красотой отличаются украшенные гранатами золотые диадемы и серебряные канфары (рис. 14) из Пантикапея и Артюховского кургана (№ 81, 82, 86). Обе диадемы имеют следы починки, и это показывает, что боспорянки в торжественных случаях часто надевали такие роскошные уборы, украшенные гранатами (рис. 13).

Гераклов узел, у которого не видны концы, служил не только декоративным элементом, но считался также амулетом, предотвращающим зло и помогающим при болезнях. Плиний Старший (NH. XXVIII, 63) упомянул в своей энциклопедии о целительных свойствах гераклова узла (nodus Herculis). Он писал, что раны, завязанные этим узлом, удивительно быстро заживают, а присутствие на голове такого узла помогает при глазных болезнях.

Подобно гераклову узлу, о герое могли напоминать лишь его атрибуты, например, палица на монетах некоторых городов Северного Причерноморья. На деньгах ряда греческих государств отчеканена голова героя в шлеме из львиной головы. Такие образцы есть среди монет Ольвии, Херсонеса и Боспора (№ 73-76). На них Геракл изображен безбородым, то есть молодым, когда он только начал совершать свои героические деяния. Таким мы видим

героя на нескольких вазах IV в. до н. э. (рис. 18, 24), но чаще художники представляли его бородатым силачом во цвете лет, а на сцене актер в маске Геракла имел бороду (рис. 21, 22).

В архаический период ольвиополиты и боспоряне приобретали вазы с рисунками поединка Геракла со львом (№ 12, 13, 18- 23; рис. 12), сражения героя с амазонками и кентаврами (№ 36- 38; 44- 46; рис. 15), с изображениями борьбы с Антеем (№ 39; рис. 7), ловли чудовищного Критского быка (№ 33, 34; рис. 8). Начиная с конца V в. до н. э., вазы с иллюстрациями деяний Геракла встречаются лишь на Боспоре, но сюжеты их росписи уже иные.

Выбирая деяния Геракла, не входящие в число двенадцати подвигов, вазописцы чаще всего обращались к сюжету о сражениях героя с кентаврами (№ 44- 48). Серия преданий на эту тему послужила для образования одного из эпитетов знаменитого героя – кентавроубийца (κενταυροφόνος – Theocr. XII, 20).

Особенно популярным у вазописцев был миф о кентавре Нессе, который за плату перевозил путников с берега на берег реки Эвен. Геракл поручил ему перевезти свою жену Деяниру, а сам самостоятельно переплыл реку. Очарованный красотой Деяниры, Несс попытался ее изнасиловать, но муж, услышав крик жены, поспешил на помощь и смертельно ранил кентавра. Умиравший Несс сказал Деянире, что его кровь, смешанная с его семенем, может стать надежным приворотным средством, если ей понадобится вернуть любовь Геракла, обратившего внимание на другую женщину. Через много лет Деянира, узнав о молодой сопернице, пропитала зельем Несса одежду мужа, в которой он собирался совершать жертвоприношение. На деле снадобье оказалось мезтью кентавра: оно было ядом и послужило причиной смерти Геракла и самоубийства Деяниры, пришедшей в ужас от того, что погубила мужа (Soph. Trach. 283; Diod. Sic. IV, 36; Apollod. Bibl. II, 7).

Геракл, кентавр и Деянира изображены на чернофигурном лекифе из Ольвии и на краснофигурной пелике из Пантикапея (№ 46,47). Другой эпизод сражения Геракла с кентавром украшает вазу из Пантикапея, на которой нарисован герой, спасающий дочь Дексамена от насильственного брака с кентавром Эвритионом (№ 48; рис. 16).

На фрагменте кратера из Пантикапея (№ 53) рядом с Гераклом, стоящим у треножника, нарисован юноша, над головой которого начертано его имя Лихас. Это дает ключ к пониманию картины. Геракл на мысе Кеней готовится к благодарственной жертве Зевсу за успешное покорение Эхалии. Для этого он отправляет к Деянире Лихаса, чтобы та передала с ним нарядную одежду, которую муж надевал во время священнодействий. Другое жертвоприношение Геракла изображено на пелике из кургана Бакса близ Пантикапея: перед походом на Трою герой приносит в жертву быка нимфе острова Хриса (№ 52; рис. 24).

Иллюстрации мифа о борьбе Геракла с Аполлоном за Дельфийский треножник сохранились на лекифе и перстне, найденных на Боспоре (№ 50, 63).

В мифе рассказывалось, как Геракл, придя в Дельфы, обратился к Пифии, но она отказалась дать ему ответ на вопрос, как избавиться от болезни, постигшей героя в наказание за убийство Ифита. Разгневанный герой решил унести из Дельф священный треножник и основать собственное святилище с оракулом, но Аполлон, устами которого вещала Пифия, вступил в борьбу с Гераклом за треножник. Только Зевс сумел их примирить и вернуть треножник на прежнее место. Гераклу же было дано предсказание, что он избавится от болезни, если будет продан на три года в рабство, а вырученные за его продажу деньги будут переданы отцу Ифита. Так Геракл попал в рабство к лидийской царице Омфале, которая забавлялась тем, что заставляла его носить женскую одежду и исполнять женские работы, в частности прясть шерсть (Hom. Od. XXI, 22-30; Apollod. VI, 2, 3).

Миф о пребывании героя у Омфалы в эллинистический период пользовался популярностью в Херсонесе. Там при раскопках керамической мастерской был найден штамп для массового производства медальонов с изображением Омфалы, протягивающей Гераклу веретено (№ 60). Жителям Херсонеса и Керкинитиды, входившей в сферу его влияния, принадлежали перстни с фигурами этих мифических персонажей (№ 58, 59). В упомянутой мастерской находилась также форма для другого медальона со сценой из жизни о детстве сына Геракла Телефа (№ 61). Его мать Авга, дочь тегейского царя Алея, не могла оставить у себя новорожденного, и его вскормила в лесу лань (Apollod. II, 7, 4; III, 91). На херсонесской форме представлены Геракл, лань и младенец Телеф.

По преданию, Геракл после смерти был вознесен на Олимп, и боги дали ему в супруги вечно юную Гебу. Апофеоз героя представлен на двух вазах из раскопок Боспора. На одной он изображен отдыхающим от земных страданий и трудов; рядом с ним Геба и его покровительница Афина, а Ника венчает венком героя как победителя (№ 56). Огромный кратер из окрестностей Пантикапея уцелел не полностью (№ 51). На нем сохранилась колесница, на которой Геракл едет на Олимп, а над ней олимпийские боги, ожидающие героя (рис. 17); фигуры Зевса, Афины и Геры передают облик знаменитых статуй Фидия (Shefton, 1982, p. 149-181). Вероятно, терракота из Ольвии и известняковые рельефы III в. до н. э., найденные на хоре Херсонеса, также представляют апофеоз Геракла: он отдыхает от своих трудов, лежа на львиной шкуре, а перед ним стоят разные яства (№ 77, 78).

Особое место среди боспорских находок занимают предметы, связанные с Элевсинскими мистериями, указывающие на возможность посвящения боспорян в эти таинства, прославленные во всем греческом мире (Скржинская, 2010, с. 109-129). Среди мифов, связанных с этими мистериями, были знакомые только приобщенным к таинствам, но были и общеизвестные, например, о том, как Деметра послала Триптолема учить людей выращивать пшеницу. К числу подобных мифов относилось и предание о Геракле, который

стал первым посвященным в эти мистерии человеком, не родившимся в Аттике. Он принял посвящение перед тем, как спуститься в Аид, чтобы привести оттуда Кербера (Apollod. Bibl. II, 5, 12; Diod. Sic. IV, 25).

Боспоряне, вступая в ряды мистов, чувствовали себя в ряду, возглавляемом Гераклом. По весьма вероятному предположению К. Клинтон, сосуды со сценами Элевсинских мистерий могли приобрести только посвященные в таинства (Clinton, 1992, p. 9). Знаменитая «элевсинская» пелика с самым подробным изображением участников Элевсинских мистерий найдена в погребении жрицы Деметры в Павловском кургане близ Пантикапея. На лицевой стороне вазы рядом с элевсинским жрецом изображен Геракл, держащий в руке дубинку, свой характерный атрибут (№ 46; рис. 18). На облачении другой боспорской жрицы Деметры были нашиты золотые бляшки с бюстами Деметры, Кору и Геракла, главных мифических участников Элевсинских мистерий (№ 57; рис. 19).

Рисунки, не имеющие надписей, в ряде случаев теперь, как и в древности, можно было понять по-разному. Например, на одной пелике из Пантикапея представлен миф о том, как Геракл в Аиде встретил Тесея и Пирифоя. Они хотели похитить Персефону, жену бога подземного царства, за это Аид их покарал, прочно прикрепив к скале. Увидев Геракла, они просили освободить их, но герою удалось оторвать от камня и увести с собой только Тесея. Художник нарисовал момент, когда Геракл отрывает Тесея от скалы, но в некоторых работах написано, что здесь изображена неудачная попытка освободить Пирифоя (№ 55; LIMC, Bd. , S. 237). На мой взгляд, вернее первое толкование, так как к герою подлетает Ника, знаменующая победу Геракла (рис. 20).

Мифы о Геракле вдохновляли многих писателей. Геракл чаще прочих героев привлекал внимание драматургов, насколько можно судить об этом по уцелевшим фрагментам и названиям пьес. В полностью сохранившихся трагедиях он появляется трижды: в «Трахинянках» Софокла, в «Алкесте» и «Безумном Геракле» Еврипида, а по названиям известны еще 21 трагедия и 4 сатирических драмы с участием Геракла (Грбаварь-Пассек, 1966, с. 131, 269-270). Геракл и другие персонажи сатирической драмы Деметрия нарисованы на большой краснофигурной аттической вазе из Руво. На ее росписи можно видеть, как выглядел актер в этой роли (рис. 21). Он надевал нарядный хитон, набрасывал на плечи львиную шкуру и брал в руку палицу; его маска представляла лицо бородатого мужчины с темными волосами.

В греческих комедиях Геракл предстал веселым пьяницей и обжорой. Например, в уцелевшем фрагменте комедии Алексида «Лин» учитель Геракла предлагает ему выбрать для изучения сочинение Орфея, Гесиода или Гомера, но ученик предпочитает поваренную книгу. Любовь Геракла к обжорству отражена в «Лягушках» Аристофана (ст. 505-510, 550-560), а в его же «Птицах» боги включают героя в число трех посланцев в сказочный город Тучекукуевск. Исполненный достоинства Посейдон отказался принять предложенные условия

перемирия, варварский бог Трибалл ничего не понял в ведущихся переговорах, а Геракл, прельщенный запахом жареной дичи, легко на все согласился.

Сюжеты некоторых мифов легко можно было комически обыграть; например, рассказ том, как Геракл находился в услужении у лидийской царицы Омфалы и по ее прихоти одевался в женскую одежду и пряд шерсть. Терракотовые статуэтки и маски из раскопок из античных городов Северного Причерноморья показывают, что здесь знали пьесы с участием Геракла. В Херсонесе такие пьесы, наверное, показывали на празднествах в честь героя в месяце Гераклии (Сапрыкин, 1978, с. 51). Прекрасно сохранилась трагическая маска героя, найденная в Пантикапее (№ 69). Ее принадлежность Гераклу определяется по повязке в волосах, завязанной характерным так называемым геракловым узлом (рис. 22). На Боспоре обнаружены сходные маски из местной глины, изготовленные в первые века нашей эры (№ 71, 72).

Шаржированный облик героя запечатлен на нескольких терракотах с изображением актеров в характерных для комедии одеяниях и масках (№ 64, 65, 68). Таковы, например, две фигурки аттического производства из раскопок Херсонеса; львиная шкура и палица определенно указывают на роль Геракла. Особенно выразительны две идентичные статуэтки из кургана Большая Близница на Тамани и с хоры Ольвии (№ 66, 67). Опьяневший Геракл, расслабившись и широко расставив ноги, сидит после обильной трапезы. Его голова, как было принято у пирующих эллинов, увенчана венком, у ног находится дубинка, по которой ясно определяется персонаж, а в руке он держит тимпан. На этом античном бубне отбивали ритм при танце, так что опьяневший герой сидит, отдыхая после пляски (рис. 23). Другая статуэтка из того же кургана изображает держащего амфору комического актера в роли Геракла, на что указывает находящаяся рядом палица (№ 68). Амфора напоминает о любви героя к выпивке. Подобные статуэтки пользовались значительным спросом, поэтому на Боспоре их стали изготавливать из местной глины, используя привезенную из Аттики форму или модель. Такова фигурка комического актера в коротком хитоне с палицей в руке; на его лице характерная маска с круглыми выпуклыми глазами приплюснутым носом и растянутым ртом (№ 64).

Итак, памятники изобразительного искусства позволяют утверждать, что греки на протяжении всего тысячелетнего существования колоний в Северном Причерноморье хорошо знали мифы о Геракле. Как и во всей Элладе, здесь наибольшей популярностью пользовались предания о выполнении героем заданий царя Эврисфея. Из этих рассказов в эллинистический период сложился так называемый додекатлон, то есть серия сказаний о двенадцати подвигах Геракла, совершенных в определенном порядке. Первоначально художники иллюстрировали одно из деяний героя, что отразилось в росписях большинства ваз, найденных в Северном Причерноморье. В римское время

в Херсонесе и на Боспоре появляются изделия с изображением всех или нескольких из двенадцати подвигов (№ 14-17). Каждому из них, начиная с архаического времени, соответствовало определенное изображение, которое без труда воспринимали зрители. В первом подвиге им был лев, во втором – гидра, в третьем – лань, в четвертом – вепрь, в пятом – конюшни, в шестом – птицы, в седьмом – бык, в восьмом – лошади, в девятом – амазонки, в десятом – коровы, в одиннадцатом – яблоки, в двенадцатом – Кербер.

К сожалению, археологические находки весьма неравномерно освещают интересующие нас сюжеты мифов. Ведь на большинстве монет, ваз терракот и скульптур Геракл с характерными для него атрибутами изображен один; это указывает на популярность героя, но не дает знаний о мифологии. Геракл играл наиболее заметную роль в религии и культуре Херсонеса по сравнению с другими античными государствами Северного Причерноморья (Русяева, 2005, с. 447- 452). Поэтому мифы о герое должны были быть здесь особенно широко распространены. Однако их иллюстраций на известных сейчас памятниках искусства немного.

Наиболее разносторонняя информация сохранилась в археологической коллекции из раскопок европейской и азиатской сторон Боспора. Особую ценность представляют импортные аттические вазы с многофигурными композициями. На них нарисованы сцены не из самых популярных мифов, которые рассчитаны на образованного зрителя. Все эти достаточно дорогие изделия, иногда с позолоченными фигурами, привозили на Боспор не так, как массовую посуду широкого спроса. Владельцы изысканных vaz либо приобретали их во время своих поездок в Элладу, либо заказывали доставить кратер или пелику с определенным сюжетом, возможно, копирующим знаменитую картину. Например, роспись пелики с изображением жертвоприношения нимфе острова Хриса (№ 52) ученые считают копией картины, может быть, вдохновленной сценой из утраченной трагедии Еврипида «Филоктет» (Hooker, 1950, p. 41.). В центре лицевой стороны вазы помещен Геракл с палицей, стоящий около алтаря у подножия статуи Хрисы. Туда один из участников жертвоприношения подводит быка, а другой совершает возлияние. В верхнем ряду картины нарисованы покровительница Геракла Афина, Гермес и Аполлон (рис.24).

Многофигурные композиции украшают пелики с изображениями Элевсинских мистерий (рис. 18) и сражения Геракла с кентавром Эвритионом (рис. 16), а также кратеры со сценами апофеоза героя (рис. 17) и его жертвоприношения Зевсу Кенейскому. Для понимания этих картин надо было помнить литературные произведения о Геракле. Ведь в устном рассказе действие сосредотачивается вокруг малого числа необходимых персонажей, а в литературе появляются сцены со многими действующими лицами. Вероятно, хорошо образованные боспоряне знали такие произведения и понимали роль каждой фигуры на картине. Эти вазы свидетельствуют об утонченных

вкусах их владельцев, которые дорожили этими сосудами и потому их решили поместить в погребения, благодаря чему вазы и уцелели, хотя зачастую и с досадными утратами.

Диоскуры

Сыновья Леды близнецы Кастор и Полидевк олицетворяли образец братской любви и дружбы. У них было общее наименование Диоскуры (юноши Зевса); множество мифов с их участием рассказывали в Элладе и ее колониях, поэты писали о них в своих стихах, а мифографы всегда включали в сборники мифов. В некоторых сочинениях они оба названы сыновьями Зевса (Theocr. Id. XXII, 1, 213), но чаще божественное происхождение приписывали только Полидевку, а отцом Кастора называли мужа Леды Тиндарея, царя Спарты (Apollod. Bibl. III, 10, 7). Братья совершали свои подвиги в Элладе и во время похода аргонавтов (Apollod. Bibl. III, 10, 7; XI, 2; Diod Sic. V. 49). Полидевк слыл прекрасным кулачным бойцом, а Кастор - укротителем коней (Hom. II. III, 237; Od. XI, 300; Theocr. Id. XXII, 30- 131). После окончания жизни бессмертным мог стать лишь сын Зевса. Из любви к брату Полидевк уделил Кастору половину своего бессмертия, поэтому Диоскуры проводили часть времени среди богов, а другую в Аиде. Зевс даровал им созвездие Близнецов, в котором они попеременно появляются в виде утренней и вечерней звезд. В изобразительном искусстве многолучевая звезда стала символом Диоскуров.

Греки почитали Диоскуров как помощников моряков и воинов. К ним обращались за помощью во время сражений и штормов на море (Theocr. Id. XXII, 6- 9). Святилище этих богов, сооруженное еще в VI в. до н. э., найдено на Западном теменосе Ольвии (Русяева, 1992, с. 116-118).

Мифы о Диоскурах греки знали с первых лет жизни в Северном Причерноморье. Ведь Гомер упоминал их в «Илиаде» (III, 236-244) и «Одиссее» (XI, 300-304), а содержание этих поэм помнил каждый эллин. Недаром на одном найденном в Ольвии килике V в. до н. э. прочерчен стих из «Одиссеи» (Яйленко, 1980, с. 68. № 33). Диоскуры наряду с Ахиллом и Гераклом относятся к тем немногим героям, имена которых встречаются на местных эпиграфических памятниках. Граффити с посвящением Диоскурам сохранились на ольвийских посвященных сосудах VI-III вв. до н. э. (Русяева, 1992, с.117, рис.36). Их символы в виде многолучевой звезды и двух шапопилосов вырезаны на одном ольвийском декрете эллинистического времени (IOSPE 33); эти символы неоднократно чеканили на ольвийских, херсонесских и боспорских монетах (Гайдукевич, 1949, с. 584, табл. 2, 33; Анохин, 1977, № 27-32; 189, 190). Изображение звезды косвенно указывает на знание мифа о преображении Диоскуров в созвездие Близнецов. В эллинистический период ольвиополиты и боспоряне носили перстни с изображением Диоскуров (№ 94).

Гомер и другие древние авторы писали о причислении к богам обоих Диоскуров (Hom. Od. XI, 304; Apollod. Bibl. III, 11, 2). Момент восхождения Кастора, Полидевка и Геракла на Олимп, где их ждут боги во главе с Зевсом, нарисован на кратере из кургана Бакса близ Пантикапея (рис. 17; № 90). Вазописец изобразил братьев, скачущих верхом на конях рядом друг с другом, а Геракл нарисован стоящим на колеснице, управляемой возницей. Кастор и Полидевк считались современниками Геракла: они вместе отправлялись в походы за золотым руном и на войну с Троей. Поэтому не случайно Диоскуры включены в роспись пелики из того же кургана. На ее лицевой стороне представлено совершенное перед отправлением в Трою жертвоприношение Геракла нимфе острова Хриса (рис. 24; № 91). Братья нарисованы рядом с юношей, совершающим возлияние на алтарь.

В качестве братьев Елены Диоскуры присутствуют на картинах, украшающих гидрию и лекиф из Пантикапея (№ 92, 93). На первой Парис уговаривает Елену бежать с ним в Трою (рис. 25), а на другой вазе он увозит красавицу на колеснице (рис. 26). Диоскуры представлены в виде обнаженных юношей, которые лишь наблюдают за действиями Париса. В других же мифах о Елене они активно участвовали в ее судьбе, например, освободили сестру, похищенную Тесеем (Diod Sic. IV, 63). Иллюстрация не известного сейчас мифологического сюжета украшает пелику, найденную на Тамани (№ 66). Вазописец нарисовал Леду с сыновьями, стоящими у жертвенника.

Все перечисленные вазы с изображениями Диоскуров найдены на Боспоре. Они принадлежат к серии дорогих изделий конца V-IV вв. до н. э., которые целенаправленно приобретались их владельцами, как и вазы того же времени с иллюстрациями деяний Геракла. Эти сосуды уцелели в богатых погребениях; вероятно, их поместили туда как вещи, особо ценимые людьми, похороненными в этих могилах.

Тесей

Тесей, афинский герой, принадлежал к поколению Геракла и Диоскуров. Он прославился многими подвигами, некоторые из них изображены на одной архаической ойнохое из Борисфена (№ 95) и на нескольких вазах, найденных в некрополях Пантикапея и Нимфея (№ 96-101). Последние привезены на Боспор из Афин в V-IV вв. до н. э., когда связи обоих государств были наиболее интенсивными, и многие боспоряне посещали Афины (Брашинский, 1963, с. 79- 88; 118- 139; Скржинская, 2002, с. 134- 140). О том, что они знали мифы о Тесее, сейчас можно судить лишь по росписям vaz.

На старшей из этих vaz изображен Тесей с мечом во время нападения на бегущего Минотавра (№ 96). За убийство своего сына Андрогеея царь Крита Минос требовал у афинян дань: раз в девять лет отправлять на остров девять девушек и девять юношей, которые обрекались на съедение Минотавру,

чудовищу, заключенному в лабиринт (Diod. Sic. IV, 61, 77; Apollod. Bibl. III, 1, 4; 16, 8). По описанию античных авторов, Минотавр имел человеческое тело с головой быка. Именно таким он представлен на чернофигурном лекифе из Пантикапея (рис. 27).

Иллюстрации двух других подвигов Тесея украшают чернофигурную ойнохою и две краснофигурные пелики (№ 95, 100, 101). На них представлена борьба героя со свирепым быком, убившим многих людей в окрестностях Марафона, и сражение с амазонкой во время похода воинственных женщин на Аттику (Apollod. Bibl. Epit. I, 6; Plut. Thes. 26). По-видимому, Тесей присутствует и на росписи краснофигурной амфоры, на которой нарисованы участники шествия на празднике Панафиней и стоящий перед Афиной юноша (№ 97). Этого молодого человека, снявшего шлем перед богиней, вероятно, можно отождествить с Тесеем (рис. 28), потому что, по преданию, этот герой учредил Панафиней (Plut. Thes. 25).

Тесей был другом лапифа Пирифоя, поэтому он взялся помочь ему похитить Персефону из Аида. За это друзья были наказаны: их приковали к скале в подземном царстве (Diod. Sic. IV, 63; Apollod. Bibl. II, 5, 12). Когда Геракл спустился в Аид за Кербером, узники увидели героя и просили освободить их, но Геракл смог оторвать от скалы и вернуть на землю лишь Тесея. Эта сцена представлена на краснофигурной пелике (№ 99; рис. 20); эпизод из мифа о Тесее и Пирифое украшал еще одну вазу, от которой уцелел лишь фрагмент с надписью имен этих героев (№ 98).

Персей

В греческой мифологии Персей, сын Зевса и Данаи, входил в число греческих героев старшего поколения. По преданию, Персей неосторожно пообещал ради женитьбы на дочери царя Полидекта сделать ему любой подарок, например, принести голову горгоны. Три горгоны, рожденные морскими божествами Форкием и Кето, обитали, по верованиям греков, у Океана на границе с потусторонним миром. У них были ужасные лица с выпученными глазами, а изо рта торчали огромные клыки. От их взора все живое превращалось в камень. Две из них, Стено (сильная) и Эвриала (далеко прыгающая), были бессмертными, а третья, Медуза (владычица) не обладала этим качеством, поэтому Тесей мог убить только третью сестру.

Великолепное изображение Горгоны на гемме принадлежало жителю Пантикапея (№ 103); эта оправленная в золото голубая халцедоновая инталия служила владельцу оберегом и печатью (рис. 29). В начале V в. до н. э. выдающийся мастер вырезал на камне истинный шедевр (Неверов, 1983, с. 34). Голова Горгоны представляет традиционную маску чудовища с большими клыками и змеями в волосах; изящное молодое женское тело этой фантастической женщины, вызывавшей ужас и восхищение, облачено в полупрозрачную одежду

и снабжено четырьмя серповидными крыльями; такие же крылья, но меньших размеров, прикреплены к сапожкам на ногах. Характерная для многих фигур архаического времени поза «коленипреклоненного бега» в сочетании с крыльями, по-видимому, передает полет Горгоны.

Боги Афина и Гермес помогли Персею справиться с труднейшим поручением; они рассказали, как добыть волшебные предметы: крылатые сандалии, чтобы пролететь над океаном, сумку для своей добычи и шапку-невидимку. Эти сандалии и шапка изображены на пелике из Пантикапея (№ 105). Избегая убийственного взора Медузы, Персей отсекал ей голову, глядя на отражение в своем щите. Из обезглавленного тела выпрыгнули сыновья этой фантастической женщины, рожденные от Посейдона, – Хрисаор и крылатый конь Пегас. Герой сложил отрубленную голову в сумку и двинулся в обратный путь. Стено и Эвриала бросились преследовать убийцу сестры, но он, надев шапку-невидимку, легко скрылся от них. Затем Персей отдал Гермесу крылатые сандалии и волшебную сумку, а голову Медузы вручил Афине, которую она поместила на свой щит (Hes. Theog. 276-278; Pind. Pyth. X, 43- 48; Apollod. II, 4, 2- 4).

Иллюстрации этого сюжета сохранились на нескольких памятниках искусства VI- IV вв. до н. э. из Северного Причерноморья, что свидетельствует о знании здесь этого мифа. На одной пелике из пантикапейского некрополя нарисован Персей, отсекающий голову Медузе (№ 105). Фигура героя, держащего голову Медузы, украшала перстень боспорянина в конце IV-начале III вв. до н. э. (№ 106). Следующий этап мифа изображен на чернофигурном скифосе, найденном на Березани (№ 102). Там нарисованы три крылатые горгоны в коротких хитонах; у средней нет головы, а две другие в позе коленипреклоненного бега, наверное, спешат догнать убийцу (рис. 30), но его не видно, потому что Персей успел надеть шапку-невидимку. Идентичная по содержанию сцена украшала костяную облицовочную пластинку, обнаруженную близ Горгиппии (№ 104). На ее обломке уцелела фигура поверженной Медузы и ее бегущей сестры.

В первоначальном варианте мифа Афина поместила голову Медузы на свой щит. Аполлодор в своей «Мифологической библиотеке» изложил эту версию, опираясь на какой-то древний источник. С середины VI в. до н. э. в Афинах стали считать, что горгонейон украшал эгиду Афины (Marx, 1993, p. 238). На памятниках искусства из античных государств Северного Причерноморья первый вариант изображений встречается гораздо реже, чем второй, и большинство их происходит из Ольвии. Там выделяли особо важную роль Афины в предании о Медузе горгоне и рассказывали о чудесных защитных свойствах ее головы. Отражением таких представлений ольвиополитов стали маски чудовища на местных монетах V-IV вв. до н. э. Не случайно именно в Ольвии найден штамп для производства бляшек с головой горгоны. Подобные золотые и бронзовые украшения V-IV вв. до н. э. на одежде и покрывалах

находились во многих погребениях разных греческих некрополей в Северном Причерноморье (Скржинская, 2010, с. 206.).

Беллерофонт

Беллерофонт, как и Персей, был представителем старшего поколения героев. Все греки знали о его деяниях, описанных в поэмах Гомера и Гесиода. (Hom. II. VI, 155, 195; Hes. Theog. 319-325). Герой совершил несколько подвигов, выполняя труднейшие задания Иобата, царя Ликии. По его велению, Беллерофонт вступил в бой с Химерой. Ее тело состояло из соединения голов и туловищ льва, козы и змеи. Трехглавая огнедышащая Химера обитала в горах Ликии и наводила ужас на людей, опустошая окрестности. К ней невозможно было подойти, так как одна из ее голов изрыгала пламя. Беллерофонт смог одержать победу с помощью крылатого коня Пегаса, который вознес своего седока высоко над землей, и оттуда, стреляя из лука, герой убил чудовище. (Apollod. Bibl. II, 3, 2). Иллюстрация этого мифа украшает серебряный килик из Семибратнего кургана на азиатской стороне Боспора; На дне сосуда выгравирована фигура сидящего на Пегасе героя в момент его борьбы с Химерой (№ 107).

Изображения Пегаса на привозных вазах, на кизикинских статерах, ювелирных изделиях и на местных боспорских и херсонесских монетах могли напоминать мифы о подвигах Беллерофонта.

Древнегреческую мифологию условно можно разделить на две части. Одна содержит мифы, известные во всем эллинском мире, другая – местные предания, бытовавшие в отдельных районах. Многочисленные мифы первой группы входили в круг знаний всех греков, в том числе живших в Северном Причерноморье. Эти мифы были одним из факторов осознания принадлежности греков из разных государств к той общности, которую Геродот назвал τό Ελληνικόν (Her. VIII, 144). Наряду с общими мифами сюда входили кровное родство, сходные образ жизни и жертвоприношения, общие праздники и святилища богов (Kearns, 1989, p. 104). По некоторым замечаниям древних авторов, но главным образом по памятникам искусства, нам известно, что на протяжении всего периода существования античных государств на северных берегах Понта греки хорошо знали много таких мифов, в их числе рассказы о подвигах Геракла, о детстве Ахилла и его участии в Троянской войне.

О мифах второй группы уцелело меньше свидетельств. Среди них были рассказы о том, как Геракл и Ахилл посещали Скифию. Эти мифы родились на раннем этапе освоения северного побережья Черного моря и продолжили свойственную всем эллинам традицию связывать историю своего полиса с древней мифологической историей всех греков. Такие предания в глазах колонистов утверждали их право владения землями на территории Скифии. Геродот сделал уникальную запись ольвийского мифа о происхождении скифов от

Геракла и местной змееногой богини; в передаче историка сохранился не только подробный сюжет, но также стиль и мелкие подробности устного рассказа. Текст Геродота позволяет узнать, какими приемами устного повествования пользовались в Ольвии талантливые исполнители фольклорных произведений. В «Географию» Страбона включено краткое содержание боспорского варианта мифа об участии Геракла в борьбе богов и гигантов. Безусловно, в святилище Ахилла на Таманском полуострове существовали местные предания о герое. К сожалению, нам совершенно не известны сказания о местных героях; уцелело лишь имя одного из них: в декрете Протогена упомянут памятник герою Сосию в ольвийской гавани (IOSPE I².32).

Региональные мифы о происхождении названия Ахиллов Дром получили известность за пределами Ольвийского полиса благодаря панэллинским играм на Тендровской косе, а афинские мифы о Тесее знали на Боспоре в период наивысшего расцвета связей между этими государствами в V-IV вв. до н. э.

Мифы об Ахилле на острове Левке были плодом творчества мореходов из разных греческих государств, осуществлявших торговлю в Причерноморье. Поэтому эти мифы стали известны далеко за пределами священного острова Ахилла. Не случайно Филострат услышал во Фракии подробный пересказ легенд об Ахилловом острове. Намеки на их содержание в одах Пиндара или трагедиях Еврипида понимали большинство эллинов.

Как и в Элладе, греки в Северном Причерноморье наделяли героев чертами, присущими образцовому гражданину. Ахилл и Геракл в их представлении внешне и внутренне были гармонично развиты. Они оба избирали трудный путь, на котором предстояло совершить много доблестных подвигов, а свой досуг герои посвящали атлетическим состязаниям, пению и игре на музыкальных инструментах. Свидетельством подобных представлений могут служить не только общегреческие мифы; таковы были ольвийское предание об атлетических состязаниях Ахилла и его друзей после морской победы, рассказы о том, как Ахилл поет и играет на лире во время застолий на острове Левке. Находка в Херсонесе статуэтки Геракла с лирой (№ 62) соответствует описанию героя у Феокрита (XXIV, 109-110) и Плутарха (De mus. 1114a).

На сценах греческих театров Геракл предстал не только мужественным героем, но и комическим персонажем, обжорой и пьяницей. Оба театральные образа были известны грекам в Северном Причерноморье, о чем свидетельствуют терракоты, изображающие Геракла в этих двух ипостасях.

По немногочисленным памятникам искусства VI-IV вв. до н. э. можно судить, какие еще герои были известны в колониях Северного Причерноморья: это Диоскуры, Тесей, Персей и Беллерофонт. Культ Диоскуров, защитников мореплавателей, существовал во многих государствах Причерноморья, поэтому и мифы о неразлучных братьях пользовались здесь популярностью. Мифы о Тесее знали благодаря тесным контактам с Афинами, Персея вспоминали

в связи с многочисленными изображениями Медузы-Горгоны, Персея – в связи с изображениями Пегаса.

Многофигурные композиции на темы мифов о героях украшали вазы, входившие в парадный сервиз боспорян (рис. 16-18, 20, 24, 25, 26). Такие картины способствовали тому, что участники застолий вспоминали разнообразные мифы о героях и обсуждали изображения второстепенных персонажей, действовавших в литературно обработанных преданиях и нарисованных вазописцами. Последние зачастую вольно копировали картины известных живописцев.

В период эллинизма затухает процесс стихийного народного мифотворчества (Зайцев, 2005, с. 49). Поэтому неудивительно, что мифы, возникшие в среде греков Северного Причерноморья, по косвенным данным датируются VI-V вв. до н. э. Однако в виде культурного наследия мифы продолжали свою жизнь вплоть до заката античности в произведениях античных писателей и художников. Об этом свидетельствуют находки памятников прикладного и монументального искусства из Херсонеса и городов Боспора и записанные в римское время легенды Ахиллова острова.

Религия греков не имела строгих догматов; она не обязывала безоговорочно доверять событиям, изложенным в том или ином мифе, поэтому каждый мог верить или сомневаться в достоверности любого сказания, о чем хорошо написал Диодор Сицилийский (IV, 8, 1), приступая к изложению серии мифов о Геракле. Поэтому для одних дух Ахилла еще и в римское время действительно обитал на острове Левке, и по ночам герой пировал там со своей супругой и друзьями, а для других это сказание уже давно представлялось поэтическим вымыслом.

КАТАЛОГ ИЗОБРАЖЕНИЙ ГЕРОЕВ

I. Мифы о Пелее, Фетиде и об их сыне Ахилле

1. Пелей, догоняющий Фетиду. Фрагмент чернофигурного килика 570- 560 гг. до н. э. Березань. LIMC. Bd. 7. S. 256. № 52.
2. Пелей, передающий Ахилла на воспитание кентавру Хирону. Чернофигурный килик. 500 гг. до н. э. Ольвия. АП. № 31; ОАМ. № 51; LIMC. Bd. 1. S. 46. № 29.
3. Борьба Пелея и Фетиды. Золотой браслет с рельефным изображением. 475-450 гг. до н. э. Курган Куль-Оба близ Пантикапея. Артамонов 1966. Табл. 206; ГЗ. № 82.
4. Фетида, превращающаяся в лань, льва и змею во время борьбы с Пелеем. Фрагмент краснофигурного килика. 410 г. до н. э. Пантикапей. ОАК 1869. С. 181- 182. Табл. 4, 3; LIMC. Bd. 7. S. 264.
5. Фетида на гипсокампе. Терракота. Рубеж V- IV вв. до н. э. Ольвия. Русяева 1982. С. 92.
6. Нереиды, везущие оружие Ахиллу. Золотые серьги. 360- 350 гг. до н. э. Курган Куль-Оба близ Пантикапея. Саверкина 2000. С. 11. Рис. 1.
7. Фетида на гипсокампе везет оружие Ахиллу. Две парные золотые подвески к головному убору. 330- 300 гг. до н. э. Курган Большая Близница (Тамань). ОАК 1865. С. 41- 48. Табл. 2; ГЗ. С. 186, 267. № 120, 202.
8. Голова Ахилла. Ойнохоя с рельефом. IV в. до н. э. Тира. Самойлова, Кожакару 2002. С. 109- 113.
9. Нереиды на гипсокампах, морских драконах и гиппокентавре везут оружие Ахиллу. Резные позолоченные украшения деревянного саркофага. Конец IV- III вв. до н. э. Горгиппия. ОАК. 1882- 1888. Табл. 3; Иванова 1958. С. 99- 100. Рис. 4, 5, 7; Сокольский 1969. С. 30. Табл. 12, 3; 13, 2 и 3.
10. Эпизоды из жизни Ахилла (воспитание у Хирона, жизнь на Скиросе среди дочерей Ликомеда, выступление на Троянскую войну). Фрагмент мраморного саркофага. Вторая половина II в. н. э. Мирмекий. Саверкина 1962. С. 247- 263; LIMC. Bd. 1. Taf. 70.
11. Статуя Ахилла с копьем. Монеты Ольвии. Конец II в. н. э. Карышковский 1986. С. 32.

II. Мифы о Геракле

Сражение с Киферонским львом

12. Геракл, закалывающий льва мечом. Фрагмент чернофигурной леканы. 550- 530 гг. до н. э. Пантикапей. Толстиков 1992. Рис. 8, 13.
13. Борьба Геракла со львом. Чернофигурный килик. 550- 530 гг. до н. э. Кепы. РОИ. 2004. № 49.

Двенадцать подвигов (изображения всех или нескольких подвигов)

14. Шесть подвигов Геракла. Малоазийский краснолаковый кубок. II в. н. э. Тиритака. Наливкина 1958. С. 312-316.
15. Подвиги Геракла. Монеты боспорского царя Савромата II. Последняя треть II в. н. э. Масленников 1986. С. 178- 180.
16. Двенадцать подвигов Геракла. Фреска на стене склепа. Горгиппия. II- III вв. н. э. АГСП 1984. С. 140. Табл. 42; Алексеева 1997. С. 217, 218. Рис. 256.

17. Три подвига Геракла. Плита мраморного саркофага. III в. н. э. Херсонес. АСХ. № 465; АП. № 181.

Борьба с Немейским львом (первый подвиг)

18. Борьба Геракла со львом. Чернофигурная ойнохоя. Первая четверть VI в. до н. э. Ольвия. Назарчук 1988. С. 202. Рис. 4, 1.
19. Борьба Геракла со львом. Чернофигурный скифос. 525- 500 гг. до н. э. Ольвия. АНО. № 123, 8.
20. Борьба Геракла со львом. Чернофигурная пелика. Рубеж VI- V вв. до н. э. Хора Ольвии. Марченко, Доманский 1991. С. 59. Рис. 5, 3.
21. Борьба Геракла со львом. Чернофигурный лекиф. Начало V в. до н. э. Ольвия. АНО. С. 116. № 175.
22. Борьба Геракла со львом. Фрагмент чернофигурного сосуда. Первая четверть V в. до н. э. Керкинитида. Кутайсов 1992. С. 48.
23. Борьба Геракла со львом. Чернофигурный лекиф. 480 гг. до н. э. Пантикапей. Борисковская 1997. С. 30. Рис. 13.
24. Геракл, удушающий льва. Золотые бляшки боспорского производства. Первая половина IV в. до н. э. Пантикапей и Курган Куль-Оба. ДБК. Табл. 20, 3; Копейкина 1986. С. 55; РОИ. 2004. № 50.
25. Геракл, удушающий льва. Терракотовая статуэтка. II в. до н. э. Кепы. РОИ. 2004. № 51.
26. Борьба Геракла со львом. Терракотовая статуэтка II-I вв. до н. э. Хора Боспора (Мыс Зюк). Масленников 2006. С. 31. Рис. 27.
27. Борьба Геракла со львом. Фрагмент мраморной статуи. I- II вв. н. э. Херсонес. АСХ. № 58.
28. Борьба Геракла со львом. Украшение мраморного саркофага. Третья четверть II в. н. э. Херсонес. Рабинович, Садикова 2010. С. 336- 338.

Погоня за Керинейской ланью (третий подвиг)

29. Геракл, хватающий лань за рога. Форма для отливки рельефа. Горгиппия. Первые века н. э. Алексеева 1997. С. 219. Табл. 188.
30. Геракл, хватающий лань за рога. Рельеф на керамических светильниках римского времени. Херсонес. Щеглов 1960. С. 22-24. Рис. 1; Бондаренко 2003. С. 124.
31. Геракл с ланью. Рельеф на краснолаковом блюде римского времени. Хора Херсонеса. Бондаренко 2003. С. 124.

Эриманфский вепрь (четвертый подвиг)

32. Геракл, несущий на плече вепря. Рельеф на светильнике римского времени. Херсонес. ОАК 1896. С. 195. № 785.

Ловля Критского быка (седьмой подвиг)

33. Ловля Критского быка. Чернофигурная ойнохоя. 500 гг. до н. э. Пантикапей. ОАК 1896. С. 28; На краю ойкумены 2002. № 10; РОИ. № 54.
34. Ловля Критского быка. Чернофигурный лекиф. Начало V в. до н. э. Ольвия. ОАК 1912. С. 34; АНО. С. 116. № 175, 1.

Укрощение кобылиц Диомеда (восьмой подвиг)

35. Геракл, укрощающий кобылиц Диомеда. Рельеф на мраморном жертвеннике. IV-III вв. до н. э. Херсонес. АСХ № 65. Рис. 40.

Сражение с амазонками (девятый подвиг)

36. Геракл, убивающий амазонку. Чернофигурная амфора. Вторая четверть VI в. до н. э. Березань. Vogel 1908. № 59; Козуб 1987. С. 59.
37. Сражение Геракла с амазонками. Чернофигурный мастоид. Конец VI в. до н. э. Березань. ОАМ. № 169; GCA № 27.
38. Сражение Геракла с амазонками. Чернофигурный лекиф. Первая четверть V в. до н. э. Нимфей. ДГН. № 42.

Яблоки Гесперид (одиннадцатый подвиг)

39. Борьба с Антеем по пути в сад Гесперид. Чернофигурный лекиф. 500- 490 гг. до н. э. Ольвия. Борисковская 2000. С. 198- 201; РОИ. № 56.
40. Геракл с яблоками Гесперид. Мраморный рельеф. III в. до н. э. Гермонасса. Зеест 1966. С. 77- 82.
41. Геракл у яблони в саду Гесперид. Боспорские монеты. Вторая половина I в. до н. э. Анохин 1986. С. 149-150.
42. Геракл с яблоком в руке. Терракотовая герма. II-III вв. н. э. Хора Пантикапея. ТС. 1970. С. 114.
43. Геракл с яблоками Гесперид. Рельеф на керамическом светильнике римского времени. Херсонес. Бондаренко 2003. С. 124.

Сражения Геракла с кентаврами

44. Геракл, преследующий кентавра. Чернофигурный лекиф. 540-530 гг. до н. э. Ольвия. АНО. С. 97. № 144. 2.
45. Геракл, сражающийся с кентавром. Чернофигурный лекиф. Конец VI в. до н. э. Тамань. ИАК. № 56. С. 28; На краю ойкумены 2002. № 12; РОИ. № 57.
46. Геракл, кентавр и Деянира (?). Чернофигурный лекиф. 500- 490 гг. до н. э. Ольвия. АНО. С. 99. № 148.
47. Геракл, спасающий Деяниру (?) от кентавра Несса. Краснофигурная пелика. 350-340 гг. до н. э. Большая Близница (Тамань). ОАК 1865. С. 107-110. Табл. 4; UKV. № 396; ГЗ. С. 184. Рис. 57.
48. Геракл, освобождающий дочь царя Дексамена от свадьбы с кентавром Эвритионом. Краснофигурная пелика. 340 гг. до н. э. Пантикапей. ДБК. Табл. 53; UKV. № 365; LIMC. Bd. 3. S. 359. № 5.

Иллюстрации других мифов с участием Геракла

49. Сражение Геракла с гигантом Алкионеем. Два чернофигурных алабастра. 480 гг. до н. э. Пантикапей. Горбунова 1979. С. 39-40. Рис. 4, 5.
50. Борьба Геракла и Аполлона за дельфийский треножник. Чернофигурный лекиф. Вторая четверть V в. до н. э. Тузлинский некрополь. РОИ. № 58.

51. Апофеоз Геракла на Олимпе. Фрагмент краснофигурного кратера. Рубеж V-IV вв. до н. э. Курган Бакса близ Пантикапея Schefton 1992. P. 149- 181; LIMC. Bd. 5. S. 125; Bd. 7. S. 472. № 232.
52. Геракл, приносящий жертву богине острова Хриса перед отправлением в Трою. Краснофигурная пелика 400-390 гг. до н.э. Курган Бакса близ Пантикапея. Передольская 1971. С. 47. Рис. 1; МГВ. С. 108; LIMC. Bd. 3. S. 280. № 4.
53. Геракл, приносящий жертву Зевсу Кенейскому. Фрагмент краснофигурного кратера. 390 гг. до н. э. Пантикапей. ОАК 1876. С. 161. Табл. 5, 1; Передольская 1971. С. 48, 49. Рис. 7; LIMC Bd. 5. S. 112. № 2788.
54. Геракл среди богов и участников Элевсинских мистерий. Краснофигурная пелика. 360- 350 гг. до н. э. Павловский курган близ Пантикапея. ГЗ. Рис. 52; UKV. 368; LIMC. Bd. 5. S. 112.
55. Геракл, освобождающий Тесея из Аида. Краснофигурная пелика. 360- 350 гг. до н.э. Пантикапей. Болтунова 1971. С. 159; АМ. № 50; Шталь 2000. № 218; LIMC. Bd. 7. S. 237.
56. Геракл, Афина, Ника, Иолай и Геба. Краснофигурная пелика. Пантикапей. Конец IV в. до н. э. Пантикапей. Штерн 1896. С. 94- 109.
57. Геракл, участник Элевсинских мистерий. 14 золотых бляшек из кургана Большая Близница (Тамань) 330-300 гг. до н. э. ГЗ. № 129.
58. Геракл и Омфала. Перстень с геммой. III в. до н. э. Херсонес. Марченко 1999. С. 185.
59. Геракл и Омфала. Перстень с геммой. III в. до н. э. Керкинитида. Бондаренко 2003. С. 125.
60. Омфала, обучающая Геракла прясть. Керамическая форма для медальона. III в. до н. э. Херсонес. Белов 1948. Табл. 5; Борисова 1966. С. 26. № 54.
61. Геракл, лань и младенец Телеф. Керамическая форма для медальона. III в. до н. э. Херсонес. Борисова 1966. С. 26. № 56.
62. Геракл, играющий на лире. Терракотовый рельеф эллинистического времени. Хора Керкинитиды. Павленков 1998. С. 72-73.
63. Борьба Геракла и Аполлона за Дельфийский треножник. Сердоликовая печать. I в. до н. э. Нимфей. Круглов 2000. С. 217- 226.

Геракл – герой драматических произведений

64. Комический актер в роли Геракла. Терракота из местной глины. Пантикапей. Конец V- начало IV вв. до н. э. Пантикапей. Силантьева 1974. С. 20. № 41.
65. Комический актер в роли Геракла. Две терракотовые статуэтки. IV в. до н. э. Херсонес. ТС. 1970. С. 73, № 4, 6.
66. Сидящий пьяный Геракл. Терракота. Первая половина IV в. до н. э. Курган Большая Близница (Тамань). Передольская 1962. С. 77. Рис. 33.
67. Сидящий пьяный Геракл. Терракота. Первая половина IV в. до н. э. Хора Ольвии (Кошары). Редина, Хохоровски 2001. С. 148.
68. Комический актер в роли Геракла. Терракота. IV в. до н. э. Курган Большая Близница (Тамань). Передольская 1962. С. 77. Рис. 34. Музы и маски 2005. № 65.
69. Трагическая маска Геракла. Терракота II- I вв. до н. э. Пантикапей. Музы и маски. 2005. № 101.

70. Маска Геракла. Фрагмент терракоты I в. н. э. Херсонес. Бондаренко 2003. С. 121.
71. Маска Геракла. Терракота местного производства. I-II вв. н. э. Пантикапей. На краю ойкумены 2002. № 227.
72. Маска Геракла. Терракота местного производства. II в. н. э. Илурат. ТС. 1970. С. 118. № 10.

Монеты с изображением Геракла

73. Геракл, натягивающий тетиву лука. Серебряные статеры. Третья четверть V в. до н. э. Ольвия. Анохин 1989. С. 15-17.
74. Голова молодого Геракла. Ольвийские монеты. III в. до н. э. Анохин 1989. № 276-302; 312
75. Голова молодого Геракла. Херсонесские монеты. III в. до н. э. Анохин 1977. С. 25-29. Табл. 9, 10.
76. Голова молодого Геракла. Монеты боспорских городов. IV - III вв. до н. э. БЦ. Табл. 2, 30; Анохин 1986. № 42, 90, 134.

Отдыхающий Геракл

77. Геракл, возлежащий на львиной шкуре. Терракота. III в. до н. э. Ольвия. Русяева 2005. С. 454.
78. Пирующий Геракл. Известняковые вотивные стелы местного производства. III в. до н. э. Хора Херсонеса. Бондаренко 2003. С. 118-119; Зубарь 2005. С. 362-365.

Гераклов узел

79. Золотая диадема с геракловым узлом. 300-280 гг. до н. э. Херсонес. ГЗ. № 131.
80. Золотое ожерелье с двумя геракловыми узлами. Середина III в. до н. э. Пантикапей. Deppert- Lippitz 1985. S. 212.
81. Золотая диадема с геракловым узлом, украшенным гранатами. Пантикапей. Первая половина II в. до н. э. Пантикапей. Максимова 1979. С. 47; Deppert- Lippitz 1985. S. 275.
82. Золотая диадема с геракловым узлом, украшенным гранатами. Пантикапей. Первая половина II в. до н. э. Артюховский курган. Максимова 1979. С. 45-48.
83. Кольцо с геракловым узлом. Эллинистический период. Херсонес. Лепер 1927. С. 223. Рис. 9, 4.
84. Геракл с завязанной на груди шкурой льва. Терракотовые статуэтки боспорского производства. III- I вв. до н. э. Пругло 1968. С. 239-242. Рис. 1.
85. Гераклов узел. Украшение ручки бронзового светильника. II в. до н. э. Артюховский курган. Максимова 1979. С.94. Рис. 32.
86. Гераклов узел. Украшение ручек двух серебряных канфаров. II в. до н. э. Артюховский курган. Максимова 1979. С. 78. Рис. 24.
87. Повязка с узлом на голове Геракла. Терракотовая маска II- I вв. до н. э. Пантикапей. См. № 69.
88. Гераклов узел. Застежка золотой гривны позднеэллинистического периода. Белов 1927. С. 116. Рис. 11.

III. Диоскуры

89. Диоскуры и Леда у жертвенника. Краснофигурная пелика. Конец V в. до н. э. Тамань. Передельская 1971. С. 47. Рис. 5.
90. Диоскуры и Геракл, поднимающиеся на Олимп. См. № 51.
91. Диоскуры в сцене жертвоприношения Геракла. См. № 52.
92. Диоскуры в сцене мифа о Парисе и Елене. Краснофигурный лекиф. 380- 365 гг. до н.э. Пантикапей. ОАК 1861. Табл. 5, 3; UKV. № 291; Шлиман, Петербург, Троя. 1998. № 53.
93. Диоскуры в сцене мифа о Парисе и Елене. Краснофигурная гидрия. 370- 360 гг. до н. э. Пантикапей. ОАК 1861. Табл. 5, 1; UKV. № 159.
94. Диоскуры в шапках-пилосах. Бронзовые перстни. III в. до н. э. Ольвия, Пантикапей. АХБ. № 107; Неверов 1974 С. 107, № 1; Алексеев 2003. С. 39.

IV. Тесе́й.

95. Борьба Тесея с Марафонским быком. Чернофигурная ойнохоя. Конец VI-начало V вв. до н. э. Березань. ББ. № 31.
96. Борьба Тесея с Минотавром. Чернофигурный лекиф. Начало V в. до н. э. Пантикапей. ОАК 1912. Табл. 38 а; Борисковская 1997. С. 28. Рис. 8.
97. Тесе́й и Афина. Краснофигурная амфора. Нимфей. 460 гг. до н. э. Передельская 1967. С. 154. № 176. Табл. 19; МГВ. С. 77. Рис. 37.
98. Тесе́й и Пирифой. Фрагмент краснофигурного сосуда. Конец V в. до н. э. Пантикапей. ОАК 1869. С. 181. Табл. 4; Передельская 1971. С. 50. Рис. 11.
99. Тесе́й в Аиде. См. № 55.
100. Борьба Тесея с Марафонским быком. Краснофигурная пелика. Середина IV в. до н. э. Пантикапей. ДБК. С. 63- 69. Табл. 63а; Штерн 1896. С. 107; UKV. № 32; LIMC. Bd. 7. S. 937. № 193.
101. Битва Тесея с амазонкой. Краснофигурная пелика. IV в. до н. э. Пантикапей. Ашик 1849. С. 25.

V. Персе́й

102. Обезглавленная Медуза и ее сестры. Чернофигурный скифос. 500 гг. до н. э. Березань. ББ. № 152.
103. Бегущая Горгона со змеями в руках. Халцедоновая инталия. Начало V в. до н. э. Пантикапей. ОАК. 1860. С. 88. Табл. 4; Неверов 1976. № 16; GRA. № 63.
104. Обезглавленная Персе́ем Медуза и ее сестры. Костяная пластинка с гравированным рисунком. V в. до н. э. Горгиппия. Алексева 1997. С. 34, 35.
105. Персе́й, отсекающий голову Медузе. Краснофигурная пелика. IV в. до н. э. Пантикапей. ДБК. С. 112. Табл. 63а; UKV. № 382.
106. Персе́й, держащий голову Медузы. Отгиск перстня на ручке амфоры. Конец V – начало IV вв. до н. э. Боспор. Неверов 2000. С. 31.

VI. Беллерофонт

107. Беллерофонт на Пегасе. Серебряный килик. 460 гг. до н. э. Второй Семибратний курган (Тамань). Горбунова 1971. С. 23- 26. Рис. 6.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев В.П.* Памятники античной культуры из Ольвии // ВДИ. 2003. № 2.
- Алексеева Е.М.* Античный город Горгиппия. М., 1999.
- Анохин В.А.* Монетное дело Херсонеса. Киев, 1977.
- Анохин В.А.* Монетное дело Боспора. Киев, 1986.
- Анохин В.А.* Монеты античных городов Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1989.
- Античная скульптура Херсонеса. Киев, 1976. (АСХ)
- Античная художественная бронза. Л., 1973. (АХБ)
- Античные города Северного Причерноморья. М., Л., 1955. (АГСП 1955)
- Античные государства Северного Причерноморья. Археология СССР. М., 1984. (АГСП 1984)
- Артамонов М.И.* Антропоморфные божества в религии скифов // Археологический сборник Гос. Эрмитажа. Вып. 2. Л., 1961.
- Артамонов М.И.* Сокровища скифских курганов из собрания Государственного Эрмитажа. Прага-Ленинград, 1966.
- Ашик А.* Боспорское царство. Одесса, 1849. Ч. 3.
- Белов Г.Д.* Римские приставные склепы // Херсонесский сборник. Вып. 2. 1927.
- Белов Г.Д.* Терракоты Херсонеса // Терракоты Северного Причерноморья. М., 1970.
- Белов Г.Д.* Херсонес Таврический. Л., 1948.
- Бессонова С.С.* Религиозные представления скифов. Киев, 1983.
- Бондаренко М.Е.* Пантеон Херсонеса Таврического. М., 2003.
- Борисова В.В.* Керамическое производство Херсонеса // Керамическое производство и античные строительные материалы. САИ Г 1- 20. М., 1966.
- Борисова В.В.* Мраморный рельеф // Херсонес Таврический. Ремесло и культура. Киев, 1974.
- Борисковская С.П.* Аттические чернофигурные лекифы из некрополя Пантикапея // ТГЭ. 1997. № 28.
- Борисковская С.П.* Геракл и Антей. Об одном малоизвестном лекифе из Ольвии // Syssitia. Сборник статей памяти Ю.В. Андреева. СПб., 2000.
- Борисфен — Березань. Начало античной эпохи в Северном Причерноморье. Каталог выставки в Гос. Эрмитаже. СПб., 2005. (ББ)
- Брашинский И.Б.* Афины и Северное Причерноморье в VI- II вв. до н. э. М., 1963.
- Буйских А.В.* Sofa-капители из Херсонеса: к проблеме стилистических заимствований // Боспорские исследования. Вып. 11. Симферополь- Керчь, 2006.
- Буйских А. В., Буйских С.Б.* К хронологии архаических поселений хоры Ольвии Понтийской // Боспорские исследования. Симферополь, 2010.
- Буйських С.Б.* Святилища extra-urban епохи грецької колонізації Нижнього Побужжя // Археологія. 2004. № 3.
- Гайдукевич В.Ф.* Боспорское царство. М., Л., 1949. (БЦ)
- Горбунова К.С., Передольская А.А.* Мастера греческих расписных ваз. Л., 1961. (МГВ)
- Горбунова К.С.* Серебряные клики с гравированными изображениями из Семибратних курганов // Культура и искусство античного мира. Л., 1971.
- Горбунова К.С.* Аттические алабастры, найденные в некрополях Северного Причерноморья // Из истории Северного Причерноморья в античную эпоху. Л., 1979.
- Грабарь-Пассек М.Е.* Античные сюжеты и формы в западноевропейской литературе. М., 1966.
- Граков Б.Н.* Скифский Геракл //КСИИМК. Вып. 34. 1950.
- Диотритов П.Д.* Культ героев в античном Северном Причерноморье. М., 2001.
- Доватур А.И.* Повествовательный и научный стиль Геродота. Л., 1957.
- Зайцев А.И.* Греческая религия и мифология. СПб., 2005.
- Зеест И.Б.* Рельеф из Гермонассы с изображением Геракла // Культура античного мира. М. 1966.

- Зубарь В.М. Религиозное мировоззрение // Херсонес Таврический в третьей четверти VI-середине I вв. до н. э. Киев, 2005.
- Иванова А.П. Анапский саркофаг и деревянная резьба на Боспоре в эпоху эллинизма // ТГЭ. 1958. Вып. 2.
- Карышковский П.О. О монетах с надписью ΕΜΙΝΑΚΟ // СА. 1960. № 1.
- Карышковский П.О. Монетное дело в Ольвии во второй половине II в. н. э. // Античная культура Северного Причерноморья в первые века нашей эры. Киев, 1986.
- Кессиди Ф.Х. От мифа к логосу. М., 1972.
- Козуб Ю.И. Аттическая керамика // Культура населения Ольвии и ее округи в архаическое время. Киев, 1987.
- Копылов В.П. Таганрогское поселение в системе древнегреческих колоний Северного Причерноморья // ВДИ. 1999. № 4.
- Круглов А.В. Нимфейская сердоликовая печать с архаической композицией // Античное Причерноморье. СПб., 2000.
- Крыжицкий С.Д., Буйских С.Б., Бураков А.В., Отрешико В.М. Сельская округа Ольвии. Киев, 1989.
- Кутайсов В.А. Керкнитиды. Симферополь, 1992.
- Кутайсов В.А. Керкнитиды в античную эпоху. Киев, 2004.
- Лепер Х. Дневник раскопок Херсонесского некрополя // Херсонесский сборник. Вып. 2. 1927.
- Макимова М.И. Аргюховский курган. Л., 1979.
- Марченко Л.В. Эллинистический комплекс у перекрестка главных магистралей города // Херсонесский сборник. 1999. № 10.
- Марченко К.К., Доманский Я.В. Комплекс вещественных находок на античном поселении Куцуруб I // Археологический сборник. № 31. Л., 1991.
- Масленников А.А. Геракл Савромата II // Проблемы античной культуры. М., 1986.
- Музы и маски. Каталог выставки в Эрмитаже. СПб., 2005.
- На краю ойкумены. Греки и варвары на северном берегу Понта Эвксинского. Каталог выставки. М. 2002.
- Надь Г. Греческая мифология и поэтика. М., 2002.
- Назарчук В.И. Охранные раскопки на территории некрополя Ольвии // Античные древности Северного Причерноморья. Киев, 1988.
- Наливкина М.А. Кубок из Тиритаки с изображением подвигов Геракла // МИА 1958. № 85.
- Неверов О.Я. Античные инталии в собрании Эрмитажа. Л., 1976.
- Неверов О. Я. Геммы античного мира. М., 1983.
- Неверов О.Я. Оттиски печатей на керамических изделиях из Северного Причерноморья // Античное Причерноморье. СПб., 2000.
- Нильссон М. Греческая народная религия. СПб., 1998.
- Охотников С.Б., Островерхов А.С. Святилище Ахилла на острове Левке (Змеином). Киев, 1993.
- Павленков В.И. Новый сюжет в изобразительном искусстве Херсонеса // Херсонесский сборник. № 9. 1998.
- Передольская А.А. Терракоты из кургана. Большая Близница и гомеровский гимн Деметре // ТГЭ. № 7. 1962.
- Передольская А.А. Краснофигурные аттические вазы в Эрмитаже. Л., 1967.
- Передольская А.А. Кто же расписал пелику из Баксы? // Культура и искусство античного мира. Л., 1971.
- Петров В.П., Макаревич М.Л. Скифская генеалогическая легенда // СА. 1963. № 1.
- Пругло В.И. Геракл в коропластике Боспора // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья Л., 1968.
- Рабинович А., Седикова Л.В. Новый саркофаг с изображением подвигов Геракла из Херсонеса // Боспорские исследования. Т. 23. Симферополь- Керчь, 2010.

- Раевский Д.С.* Очерки идеологии скифо-сакских племен. М. 1977.
- Редина Е. Ф., Хохоровски Я.* Кошары // Античные памятники Северо-Западного Причерноморья. Киев, 2002. С. 139- 154.
- Русяева А.С.* Античные терракоты Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1982
- Русяева А.С.* Религия и культуры античной Ольвии. Киев, 1992.
- Русяева А.С.* Проникновение эллинов на территорию украинской Лесостепи // ВДИ. 1999. № 4
- Русяева А.С.* Религия понтийских эллинов. Киев, 2005.
- Саверкина И.И.* Мраморный саркофаг из Мирмекия // ТГЭ. № 7. 1962.
- Саверкина И.И.* Роскошные серьги в Эрмитаже и других музеях // Античное Причерноморье. СПб., 2000.
- Самойлова Т.Л., Кожакару В. и др.* Исследования античной Тиры и средневекового Белгорода // Археологічні відкриття в Україні 2000 – 2001 рр. Київ, 2002.
- Сапрыкин С.Ю.* О культе Геракла в Херсонесе и Геракле в эпоху эллинизма // СА. 1978. № 1.
- Силантьева П.Ф.* Терракоты Пантикапей. М., 1974.
- Скржинская М.В.* Северное Причерноморье в описании Плиния Старшего. Киев, 1977.
- Скржинская М.В.* Ольвиополиты и боспоряне в Афинах // ВДИ. 2002. № 2.
- Скржинская М.В.* Древнегреческие праздники в Элладе и в Северном Причерноморье. СПб., 2010.
- Скржинская М.В.* Культурные традиции Эллады в античных государствах Северного Причерноморья. Киев, 2010.
- Скуднова В.М.* Архаический некрополь Ольвии. Л., 1988. (АНО)
- Соколов Г.И.* Античное Причерноморье. Л., 1973. (АП)
- Сокольский Н.И.* Античные деревянные саркофаги Северного Причерноморья. М., 1969.
- Толстиков В.П.* Пантикапей - столица Боспора // Очерки археологии и истории Боспора. М., 1992.
- Толстой И.И.* Остров Белый и Таврика на Евксинском Понте. Петроград, 1918.
- Толстой И.И.* Черноморская легенда о Геракле и змееной деве // Статьи о фольклоре. М. – Л., 1966.
- Трофимова А.А.* Жизнь мифа в аттическом искусстве. Судьба Ахилла // Шлиман, Петербург, Троя. СПб., 1998.
- Тункина И.В.* Русская наука о классических древностях юга России. СПб., 2002.
- Уильямс Д., Огден Д.* Греческое золото. Ювелирное искусство классической эпохи V- IV вв. до н. э. СПб., 1995. (ГЗ)
- Черненко Е.В.* Скифские лучники. Киев, 1981.
- Шелов- Коведяев Ф.В.* Березанский гимн острову и Ахиллу // ВДИ. 1990. № 3.
- Шлиман, Петербург, Троя. Каталог выставок в Эрмитаже. СПб., 1998.
- Шталь И.В.* Свод мифо-эпических сюжетов античной вазовой росписи по музеям Российской Федерации и стран СНГ (пелики IV в. до н. э. керченский стиль). М., 2000.
- Штерн Э.Р.* Расписная ваза из Керчи // ЗООИД. 1896. Т.19.
- Щеглов А.Н.* Светильник с изображением Геракла // Сообщения Херсонесского музея. Вып. 1. Симферополь 1960.
- Щеглов А.Н.* Геракл отдыхающий // Херсонес Таврический. Ремесло и торговля. Киев, 1974. С. 44-55.
- Яйленко В.П.* Граффити Левки, Березани, Ольвии // ВДИ. 1980. № 2.
- Aly W.* Volksmärchen, Sage und Novelle bei Herodot und seinen Zeitgenossen. Göttingen, 1921.
- Clinton K.* Myth and Kult: The Iconography of the Eleusinian Mysteries. Stockholm, 1992.
- Deppert - Lippitz B.* Griechischer Goldschmuck. Mainz am Rhein, 1985.
- Hooker E.M.* Sanctuary and altar of Chryse in attic red figure vase paintings // The Journal of Hellenic studies. T. 70. 1950.

Kaposhina S.I. A Sarmatian Royal Byrial at Novocherkassk // *Antiquity*. 1963. V. 37.

Kearns E. The Heroes of Attica. London, 1989.

Marx P.A. The Introduction of the Gorgoneion to the Shield and Aegis of Athena and the Question of Aedoiis // *Revue archeologique*. 1993. Fasc. 2.

Parke H.W. Festivals or the Athenians. London, 1986.

Schefold K. Untersuchungen zu den Kertschen Vasen // *Archäologische Mitteilungen aus russischen Sammlungen*. Berlin- Leipzig, 1934. Bd. 4. (UKV).

Scythian Gold. Treasures from ancient Ukraine. New-York, 1999.

Shefton B. The Krater from Baksy // *The Eye of Greece*. Cambridge. 1982.

Trenkner S. The Greek Novella in Classical Period. Cambridge, 1958.

Vogell A. Griechische Altertümer südrussischen Fundorts aus dem Besitze A. Vogell. Karlsruhe, Kassel, 1908.

М.В. Скржинська

МІФИ ПРО ГЕРОЇВ У АНТИЧНИХ ДЕРЖАВАХ ПІВНІЧНОГО ПРИЧОРНОМОР'Я

Резюме

Стаття присвячена вивченню сюжетів міфів про героїв у античних державах Північного Причорномор'я та їх ролі в культурному житті місцевих греків. Для дослідження залучені твори древніх авторів, а також численні пам'ятки мистецтва з розкопок Тіри, Ольвії, Херсонеса і Боспора. Автор поділяє міфи, що побутували в Північному Причорномор'ї, на загальногрецькі й регіональні. Серед останніх виділяються ольвійські і боспорські міфи, а також легенди про Ахілла на Левці, створені не в певному полісі, а в середовищі грецьких мореплавців. Виникнення регіональних міфів датується VII – VI ст. до н. е. На прикладі докладно записаного Геродотом міфу про походження скіфів від Геракла показано, якими прийомами усного повістунства користувались в Ольвії талановиті виконавці фольклорних творів.

Знахідки розписних ваз, ювелірних виробів, теракот, скульптур і фресок, що ілюстрували діяння героїв, дозволяють дізнатися про багато загальногрецьких міфів, відомих грекам на всьому протязі їх життя в античному Північному Причорномор'ї. У цих міфах описувались подвиги Ахілла, Геракла, Тесея, Персея, Діоскурів і Беллерофонта. Картини на вазах з парадного сервізу сприяли тому, що учасники застілля пригадували різноманітні міфи про героїв і обговорювали зображення другорядних персонажів, що діяли в літературно оброблених переказах і намальованих вазописцями. Останні часто вільно копіювали картини відомих живописців. Теракотові статуетки і маски свідчать про наявність у репертуарі театрів Херсонеса і Боспора трагедій і комедій за участю Геракла.

М. В. Скржинская

МИФЫ О ГЕРОЯХ В АНТИЧНЫХ ГОСУДАРСТВАХ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Резюме

Статья посвящена анализу сюжетов мифов о героях в античных государствах Северного Причерноморья и их роли в культурной жизни местных греков. Для исследования привлечены сочинения древних авторов, а также многочисленные памятники искусства из раскопок Тиры, Ольвии, Херсонеса и Боспора. Автор разделяет мифы, бытовавшие в Северном Причерноморье, на общегреческие и региональные. В числе последних выделяются ольвийские и боспорские, а также легенды об Ахилле на Левке, созданные не в определенном полисе, а в среде греческих мореходов. Возникновение региональных мифов относится к VII- VI вв. до н. э. На примере подробно записанного Геродотом мифа о происхождении скифов от Геракла показано, какими приемами устного повествования пользовались в Ольвии талантливые исполнители фольклорных произведений.

Находки расписных ваз, ювелирных изделий, терракот, скульптур и фресок, иллюстрирующих деяния героев, позволяют узнать о многих общегреческих мифах, известных грекам на всем протяжении их жизни в античном Северном Причерноморье. В этих мифах описывались подвиги Ахилла, Геракла, Тесея, Персея, Диоскуров и Беллефонта. Картины на вазах из парадного сервиза способствовали тому, что участники застолий вспоминали разнообразие мифы о героях и обсуждали изображения второстепенных персонажей, действовавших в литературно обработанных преданиях и нарисованных вазописцами. Последние зачастую вольно копировали картины известных живописцев. Терракотовые статуэтки и маски свидетельствуют о наличии в репертуаре театров Херсонеса и Боспора трагедий и комедий с участием Геракла.

M.V. Skrzhyńska

MYTHS ABOUT THE HEROES IN ANCIENT NORTH PONTIC STATES

Summary

The article analyzes the plots of myths about heroes in ancient North Pontic states and their roles in cultural life of the local Greeks. Writings of ancient authors, as well as numerous works of art from the excavations of Tyra, Olbia, Chersonese, and the Bosphorus have been used in the research. The author divides the myths that existed in the northern Black Sea coast, into general Greek myths, and regional ones. Among the latter, Olbian and Bosphoran myths are distinguished, as well as the legend of Achilles created not in a particular polis, but by Greek sailors. The appearance of regional myths relates to the 7th-6th centuries B.C. It is shown on the example of the myth recorded by Herodotus in details about the origin of the Scythians from Hercules, what methods of oral narration talented performers of folklore used in Olbia.

Findings of painted vases, jewelry, terracotta, sculptures, and frescoes illustrating acts of heroes, let us learn about many Greek myths, which all the Greeks knew throughout their lives in the ancient north Black Sea coast. The labors of Achilles, Heracles, Theseus, Perseus, the Dioskuri, and Bellerophon were described in these myths. Paintings on vases of ceremonial dinner service ensured that the participants of the feasts remembered various myths about the heroes and discussed the images of secondary characters, which acted in the literary processed legends and were reproduced by vase painters. The latter often copied pictures of famous artists freely. Terracotta statuettes and masks indicate the presence of tragedies and comedies with participation of Hercules character in the repertory of Chersonese and the Bosphorus.

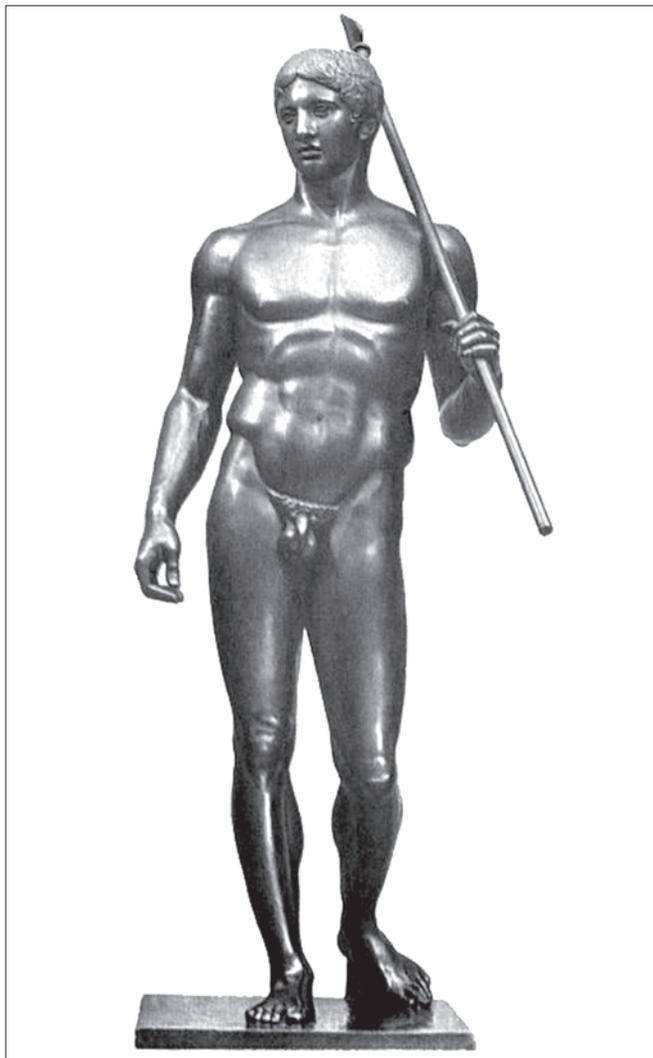

Рис. 1. Ахилл с копьем (Дорифор). Римская копия статуи Поликлета.

Рис. 2. Пелей, передающий Ахилла на воспитание кентавру Хирону. Чернофигурный килик из Ольвии. 500 гг. до н. э.

Рис. 3. Фетида на гиппокампе везет оружие Ахиллу. Две парные золотые подвески к головному убору из кургана Большая Близница (Тамань). 330-300 гг. до н. э.

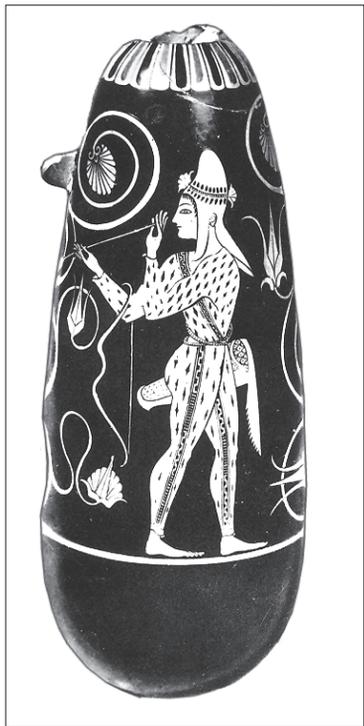

Рис. 4. Амазонка со скифским луком. Краснофигурный алабастр. Конец VI в. до н. э.

Рис. 5. Геракл, натягивающий тетиву лука. Серебряная ольвийская монета. Третья четверть V в. до н. э.

Рис. 6. Скиф, натягивающий лук. Прорисовка изображения на электрической чаше из кургана Куль-Оба. IV в. до н. э.

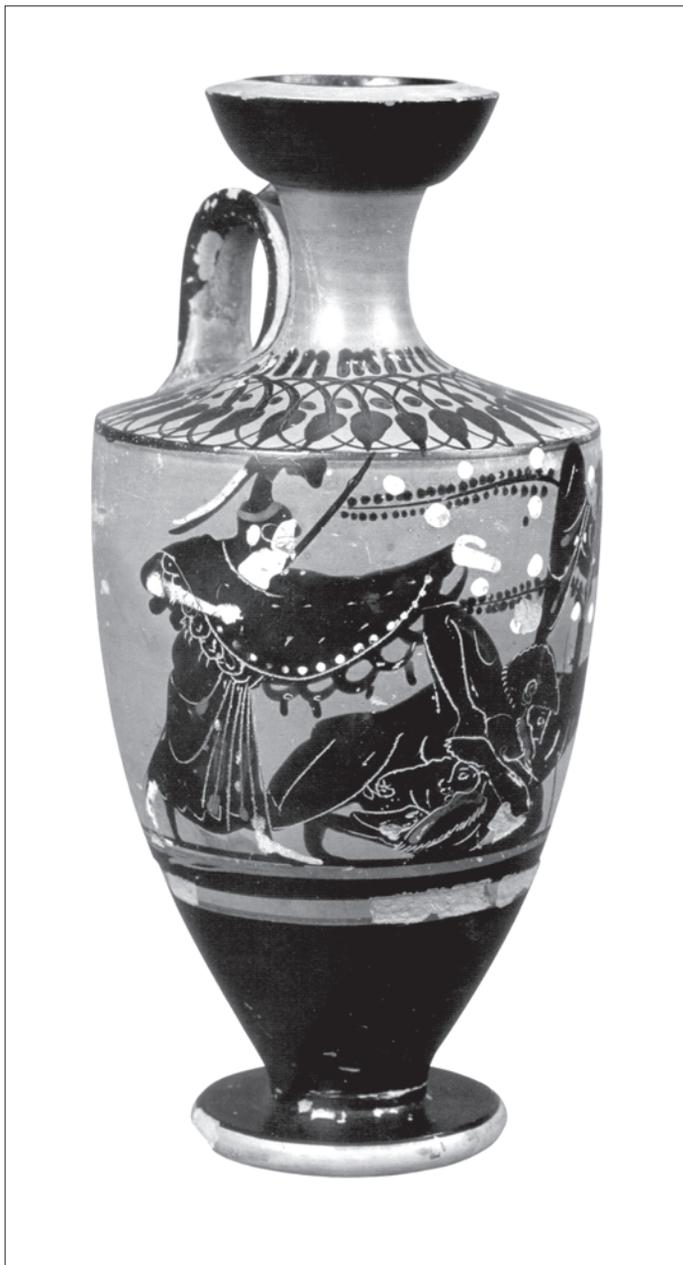

Рис. 7. Борьба с Антеем по пути в сад Гесперид. Чернофигурный лекиф из Ольвии. 500- 490 гг. до н. э.

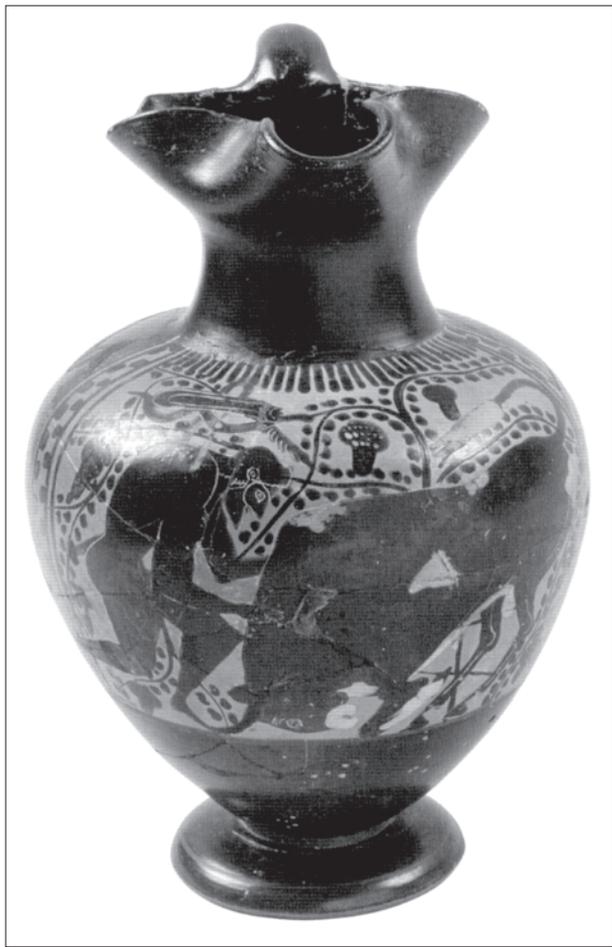

Рис. 8. Ловля Критского быка. Чернофигурная ойнохоя из Пантикапея. 500 гг. до н. э.

Рис. 9. Геракл, укрощающий коней Диомеда. Монета боспорского царя Савромата II из серии монет с изображением двенадцати подвигов. Последняя треть II в. н. э.

Рис. 10. Геракл, укрощающий Керинейскую лань. Светильник римского времени из Херсонеса.

Рис. 11. Геракл, удушающий льва. Римская мраморная копия с оригинала Лисиппа.

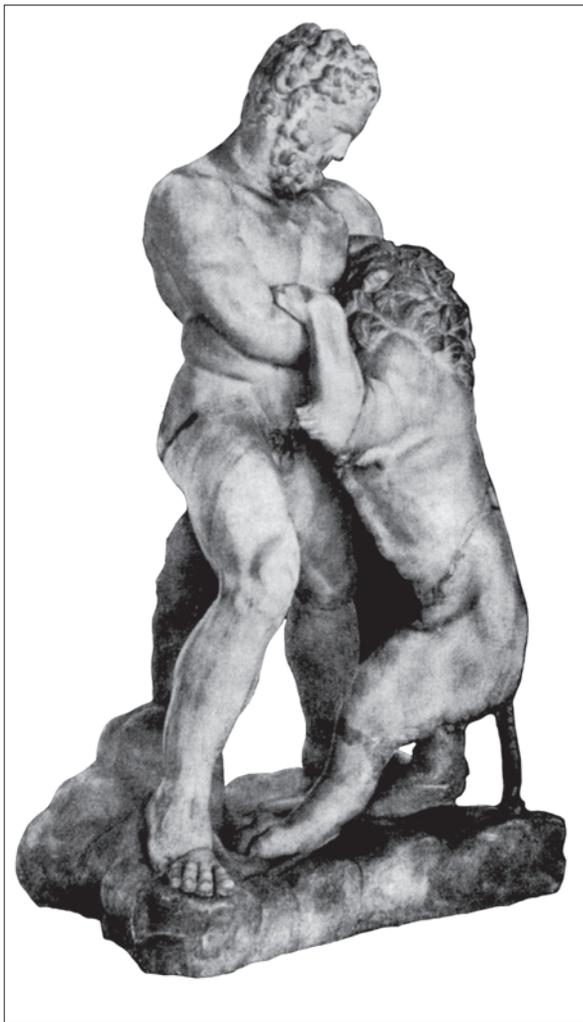
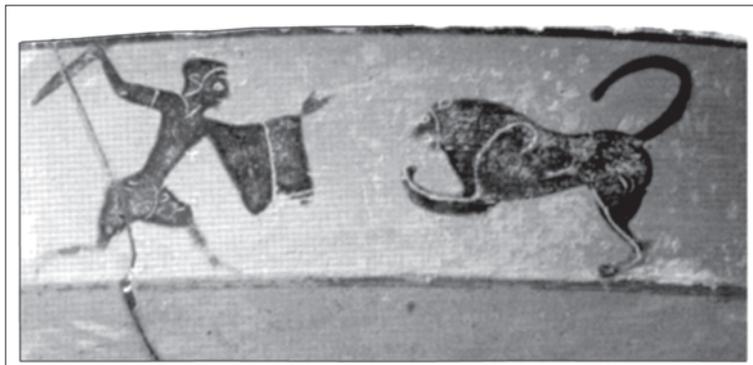

Рис. 12. Борьба Геракла со львом. Чернофигурный килик из Кеп. 550-530 гг. до н. э.

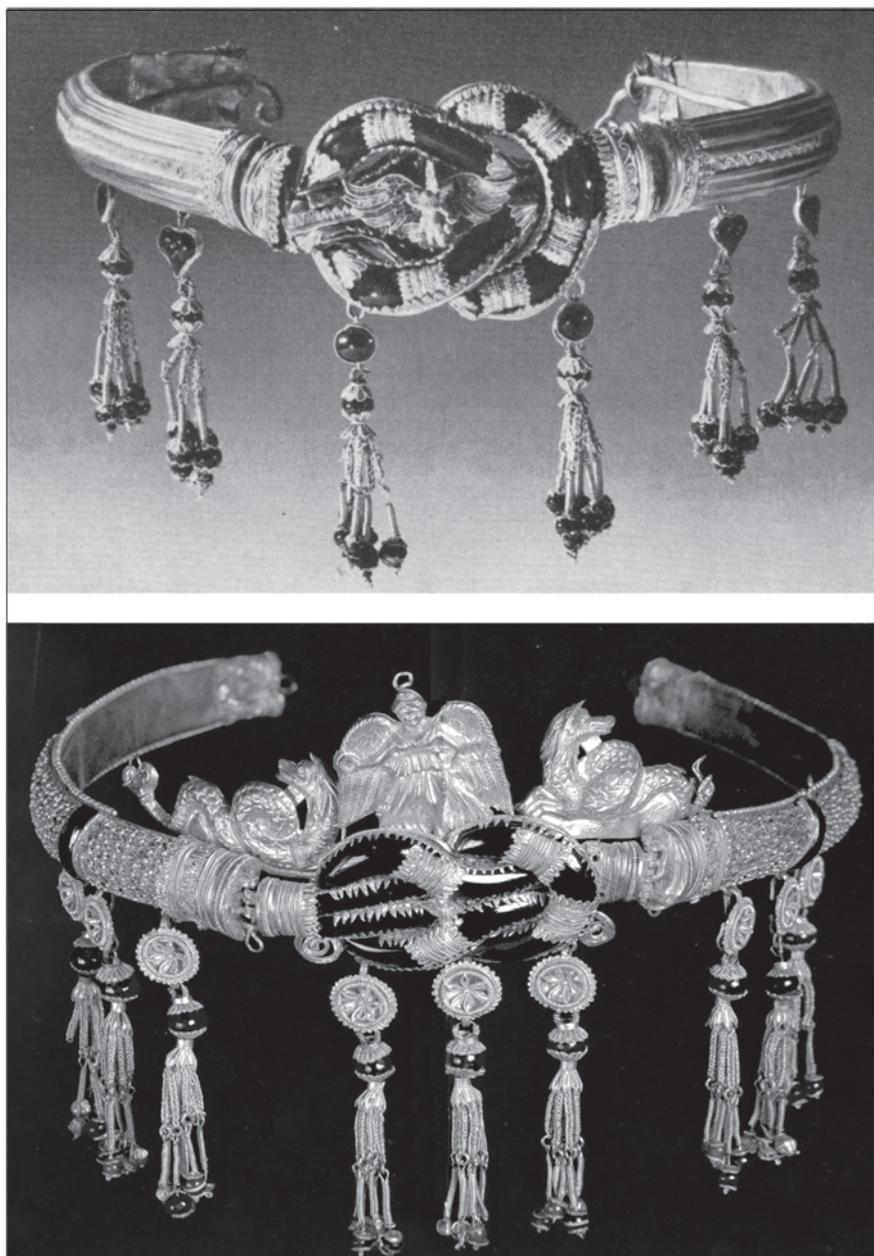

Рис. 13. Гераклов узел на золотых диадемах из Пантикапея и Артюховского кургана. Первая половина II в. до н. э.

Рис. 14. Гераклов узел на ручках серебряных канфаров из Артюховского кургана. Первая половина II в. до н. э.

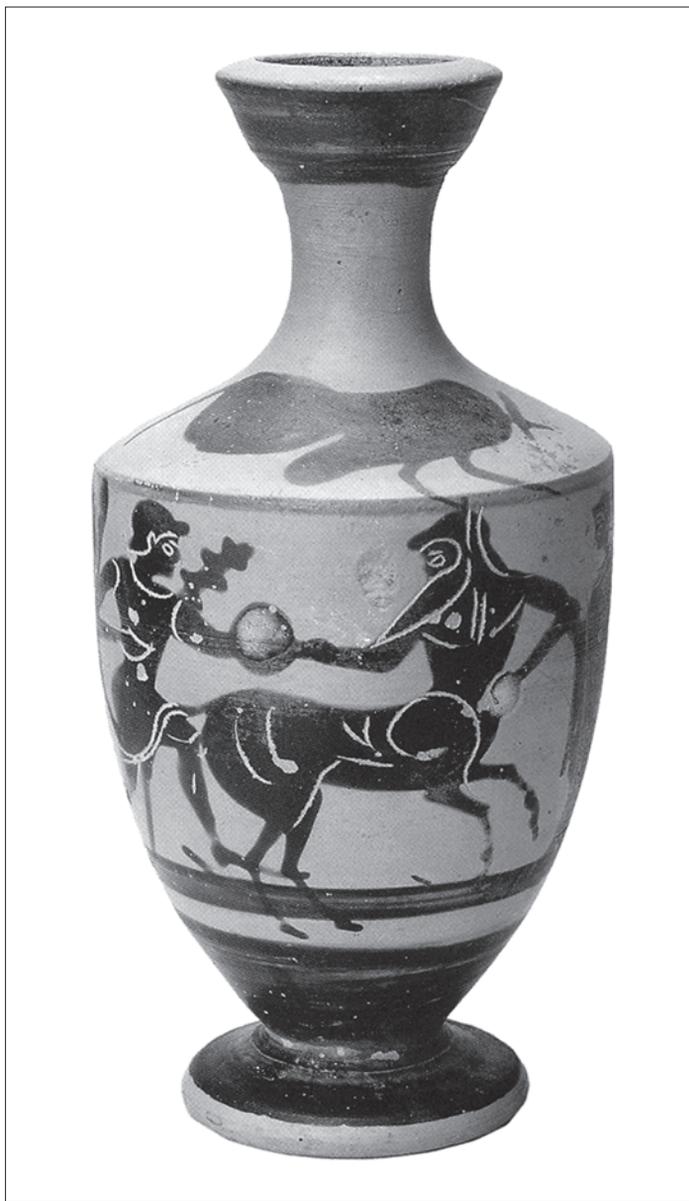

Рис. 15. Сражение Геракла с кентавром. Чернофигурный лекиф из раскопок на Тамани. Конец VI в. до н. э.

Рис. 16. Геракл, освобождающий дочь царя Дексамена от свадьбы с кентавром Эвригионом. Краснофигурная пелика из Пантикапея. 340 гг. до н. э.

Рис. 17. Апофеоз Геракла на Олимпе. Фрагмент краснофигурного кратера из кургана Бакса близ Пантикапея. Рубеж V-IV вв. до н. э.

Рис. 18. Геракл среди богов и участников Элевсинских мистерий. Краснофигурная пелика из Павловского кургана близ Пантикапея 360-350 гг. до н. э.

Рис. 19. Геракл, участник Элевсинских мистерий. Золотая бляшка из кургана Большая Близница (Тамань). 330-300 гг. до н. э.

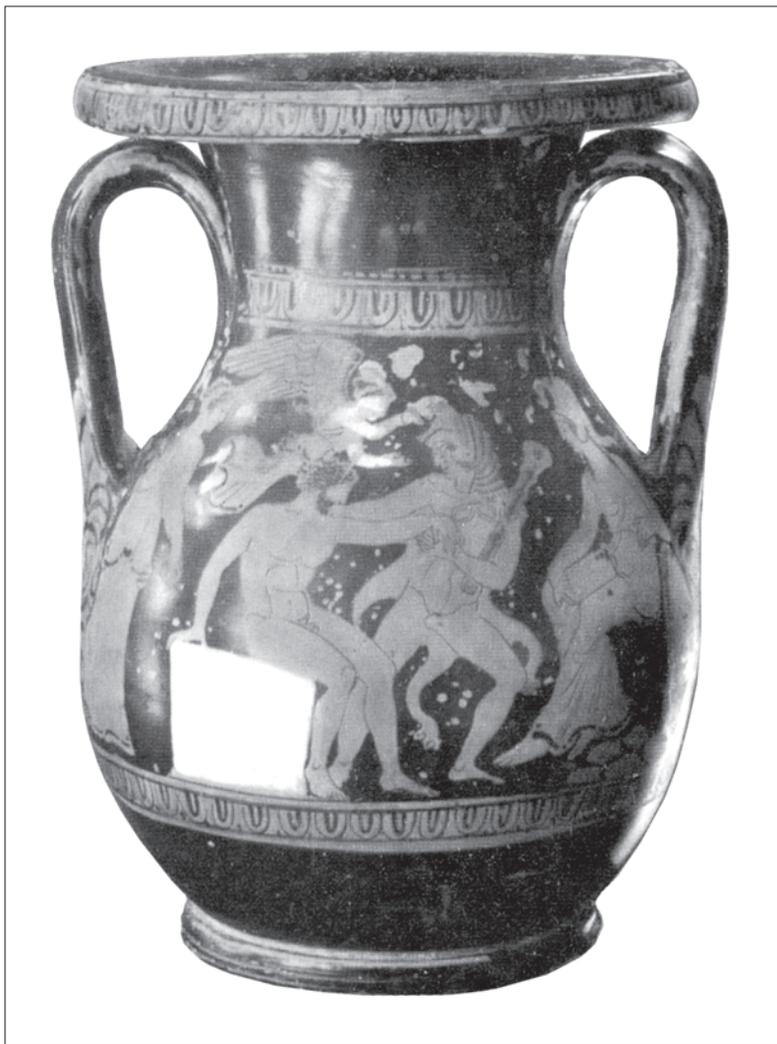

Рис. 20. Геракл, освобождающий Тесея из Аида. Краснофигурная пелика из Пантикапея. 360- 350 гг. до н. э.

Рис. 21. Актеры в театральных костюмах с масками Геракла и Паппосилена. Часть росписи краснофигурного кратера из Руво. Начало IV в. до н. э.

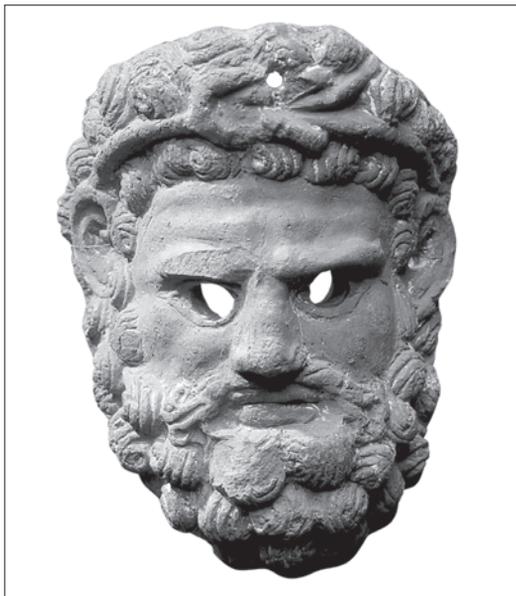

Рис. 22. Трагическая маска Геракла. Терракота из Пантикапея. II- I вв. до н. э.

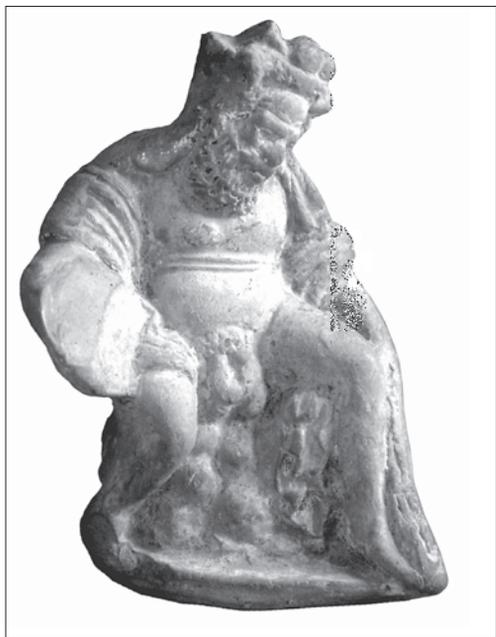

Рис. 23. Сидящий пьяный Геракл. Терракота из кургана Большая Близница на Тамани. IV в. до н. э.

Рис. 24. Геракл, приносящий жертву богине острова Хриса перед отправлением в Трою. Краснофигурная пелика из кургана Бакса близ Пантикапея. 400- 390 гг. до н.э.

Рис. 25. Диоскуры в сцене мифа о Парисе и Елене. Прорисовка картины на краснофигурном лекифе из Пантикапея. 380- 365 гг. до н. э.

Рис. 26. Диоскуры в сцене мифа о Парисе и Елене. Прорисовка картины на краснофигурной гидрии из Пантикапея. 380- 365 гг. до н. э.

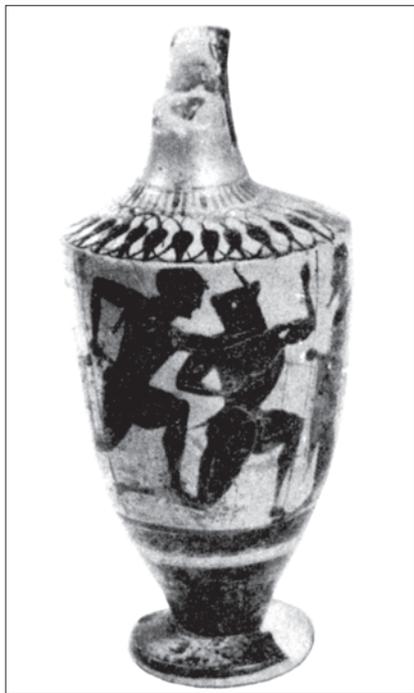

Рис. 27. Борьба Тесея с Минотавром. Чернофигурный лекиф из Пантикапея. Начало V в. до н. э.

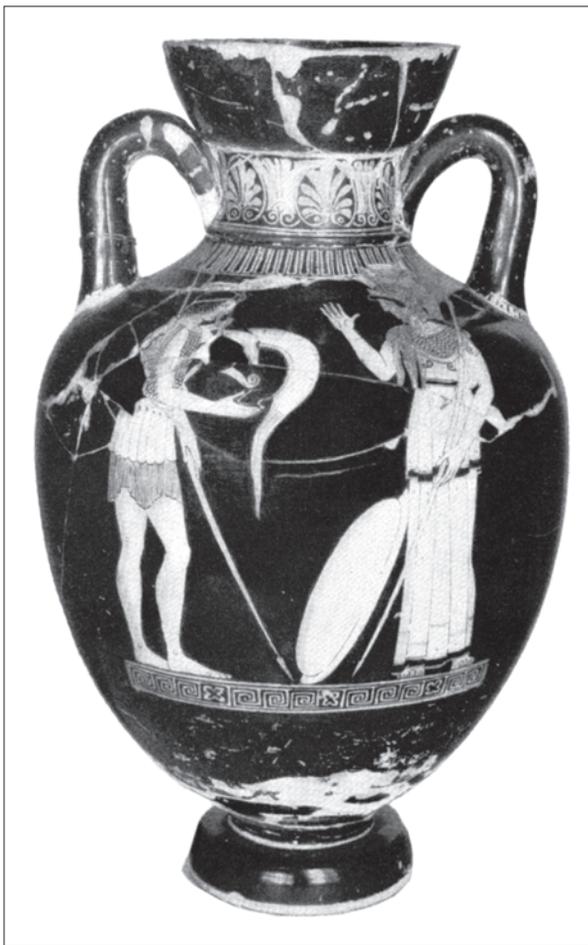

Рис. 28. Тесей и Афина. Краснофигурная амфора из Нимфея. 460 гг. до н. э.

Рис. 29. Бегущая Горгона со змеями в руках. Халцедоновая инталия из Пантикапея. Начало V в. до н. э.

Рис. 30. Обезглавленная Медуза и ее сестры. Чернофигурный скифос из раскопок Березани. 500 гг. до н. э.

Е.Е. ФИАЛКО

ЗЕРКАЛА В ОБРЯДАХ СКИФОВ

В культуре многих народов с древних времен (и по сегодняшний день) зеркалам отводится особая роль в ритуальной практике, особенно погребальной. Бронзовые зеркала вполне обычны для наборов заупокойного инвентаря скифских могил представителей различного социального ранга и разных возрастных групп. Эти предметы, найденные в скифских памятниках, неоднократно становились объектами специальных исследований [Бобринский, 1901; Reichl, 1936; Онайко, 1966; Петренко, 1967; Ильинская, 1968; Кузнецова, 1982; 1987; 1989; 2002; Скржинская, 1984 и др.]. В результате на сегодняшний день собран внушительный корпус зеркал Скифии [Кузнецова, 2002]. И все же я позволю себе вновь обратиться к этим артефактам в контексте ритуальной практики скифов. Речь пойдет о двух зеркалах из раскопок прежних лет, хранящихся в фондах Института археологии НАН Украины. Они найдены в двух погребениях одного кургана, исследованного сотрудниками Ингульской археологической экспедиции Института археологии в 1975 г. у с. Нововасильевка Снигиревского р-на Николаевской обл. [Шапошникова и др., 1975 г.].

Контекст находок. Курган № 17 входил в группу из 51 насыпи, расположенной на высоком плато левого коренного берега р. Ингулец (правого притока Днестра). Насыпь, высотой 1,8 м, диаметром 20,5 м (к моменту раскопок), обложенная каменной крепидой (диаметр 16 x 17 м), была возведена в скифское время и содержала три погребения (рис. 1).

Основное погребение № 2 находилось в центре кургана. Совершено в катакомбе, подвергшейся сокрушительному ограблению в древности. Судя по находкам – обломкам железного панциря, дротика и меча (?) – в нем был погребен мужчина.

Нас в данном случае интересуют два боковых погребения (не тронутых грабителями), содержавших зеркала.

Погребение № 1 находилось в 8,0 м к ССВ от центра, совершено в могиле подбойного типа (глубиной 0,95 м). Входная его яма не прослежена. Вход в подбой (1,6 x 0,9 м), ориентированный по линии З-В, был заложен двумя большими каменными плитами. Ребенок лежал вытянуто на спине, головой на запад (рис. 2).

Погребальный инвентарь состоял из: мясной напутственной пищи, желтоглиняного античного кувшинчика с двойной черной полосой по тулову (высота 18 см, диаметр венчика 10 см, дна – 8 см), бронзового зеркала № 1 (в изголовье), пары миниатюрных (ритуальных) лепных мисочек (высота 3,5 и 2,5 см, диаметр венчиков соответственно 7,0 и 5,5 см) и наборного ожерелья из 34 глазчатых и 6 биконических стеклянных бусин, 5 бронзовых амфоровидных подвесок, раковины каури, фигурной подвески из мела и цилиндрической из кости.

Погребение № 3 находилось в 7,0 м к Ю от центра, совершено в могиле подбойного типа. Узкая входная яма, ориентированная по линии З-В, размерами 2,2 x 0,6 м, глубиной 1,1 м. С северной стороны устроен вход в подбой, заложённый тремя рядами крупных каменных плит. Камера, ориентированная параллельно входной яме, размерами 2,4 x 1,1 м, глубиной 1,3 м. *Женщина* лежала вытянуто на спине, головой на запад (рис. 3).

Погребальный инвентарь состоял из: мясной напутственной пищи с железным ножом с костяной ручкой, амфоры со смолянистой пробкой (?), свинцового пряслица, бронзового зеркала № 2 (за головой), 5 камней для нагревания воды и головного убора, орнаментированного 22 золотыми фигурными бляшками с изображением лежащего зайца.

Набор вещей и форма погребальных сооружений позволяют отнести захоронения к первой половине IV в. до н.э.

Характеристика зеркал. Нас в данном случае интересуют зеркала, лежавшие в обоих случаях за головами погребённых. Зеркала однотипны, односоставные, с выпукло-вогнутым диском и боковой ручкой, ствол которой имеет дисковидное окончание.

Зеркало № 1 (рис. 4). С одной стороны диск оформлен по краю небольшим бортиком (шириной и толщиной по 0,15 см), с обратной – точечным орнаментом. Плоская ручка чуть сужается к оформленному в виде круга концу. Общая длина зеркала около 34 см. Размеры диска: диаметр около 20,0 см, толщина – 0,1-0,15 см. Размеры ручки: длина – 14,0 см, ширина – 4,5-3,3 см, толщина – 0,15 см. Размер окончания ручки – 4,0 x 4,5 см. Зеркало разломано. Ручка вырвана вместе с нижней частью диска, отломанные концы которого завернуты на основание ствола ручки. Диск свернут вчетверо по продольной оси.

Зеркало № 2 (рис. 5). С одной стороны диск оформлен по краю пуансонным орнаментом, обратная сторона гладкая. Плоская ручка чуть сужается к оформленному в виде ассиметричного овала концу. Общая длина зеркала около 32,9 см. Размеры диска: диаметр около 20,2 x 20,8 см, толщина – 0,15 см. Размеры ручки: длина – 12,7 см, ширина – 4,0-2,7 см, толщина – 0,15 см. Размер окончания ручки – 3,7 x 4,5 см. Зеркало повреждено. Верхняя часть диска загнута примерно на 45° внутрь, из-за этого по диску пошла глубокая косая трещина.

В наиболее полном своде зеркал, опубликованном Т.М. Кузнецовой, нововасильевские экземпляры отнесены к V типу II отдела I класса, где они попали

в 3-ий вариант II вида [Кузнецова, 2002, с. 120, 313] – к зеркалам с диском без бортика и ручкой без орнамента. Такое определение зеркала № 2 никаких возражений не вызывает. Относительно зеркала № 1 следует отметить, что его диск имеет бортик, поэтому правомернее отнести этот экземпляр ко 2-му варианту I вида того же V типа (зеркалам, диск которых имеет бортик или утолщение по краю, и с ручкой без орнамента). При этом перемещение внутри типа не влияет на хронологическую позицию зеркала, поскольку в целом время бытования зеркал V типа определяется концом VI-IV вв. до н.э. В то же время на основании сопроводительного инвентаря оба экземпляра датированы Т.М. Кузнецовой IV в. до н.э. [Кузнецова, 2002, с. 293]. Таким образом, зеркала из Нововасильевки относятся к одному из наиболее многочисленных и распространенных в Северном Причерноморье типов. Считается, что их изготовлением могли заниматься греческие мастера, работавшие в Причерноморье.

Роль зеркал в ритуальной практике. У многих народов зеркала, как и металлические предметы вообще, служили для защиты от нечистой силы [Лысенко, Топорков, 1989, с. 202]. Зеркала имели двоякое назначение – утилитарное, как предмет туалета, и ритуальное, как атрибут магического обряда. Последнее объясняется тем, что в представлениях многих народов душа человека находится в его отражении в зеркале или воде. Будучи внешней по отношению к человеку, душа-отражение подвержена различным опасностям [Фрэзер, 1986, с. 186-187]. Очевидно, вера в магические возможности зеркал – одна из причин, по которой хозяева держали их закрытыми в деревянных, матерчатых, войлочных или кожаных чехлах и мешочках. Дорогостоящее зеркало клали в могилу вместе с умершим из опасения, что отраженная в нем душа живого человека могла быть унесена духом погребенного. С другой стороны, и по сей день у многих народов существует традиция завешивать все зеркала, если в доме покойник, чтобы не умножить смерть.

Зеркало служило орудием колдовства [Штаерман, 1961, с. 109] и источником магических сил, будучи связанным с символикой солнца и света [Хазанов, 1964, с. 89, 93; Мартынов, 1979, с. 135], поэтому оно являлось атрибутом жриц [Смирнов, 1964, с. 249] и божественной власти [Онайко, 1984, с. 24]. Определенная роль отводилась ему и в обрядах возрождения к новой жизни после смерти [Бессонова, 1983, с. 102]. Зеркала связывают и с астрономическими объектами, отводя им роль своеобразного солнечного календаря [Марсадоллов, 1982, с. 30-33]. Ритуальную функцию зеркал подтверждает и то обстоятельство, что они встречаются не только в женских, но и в мужских погребениях [Петренко, 1967, с. 35; Галанина, 1985, с. 158-163]. Во многих песнопениях тувинских шаманов зеркало представлено предметом сверхъестественного происхождения, являвшимся непременным спутником шамана и мощным защитником от злых духов [Кенин-Лопсан, 1987, с. 56-58]. Оно не только излечивало и ограждало шамана от действия злых сил, но и осуществляло его связь с небом [Кубарев, 1991, с. 161].

Предполагаемые «возможности» зеркал обуславливали определенное отношение древних кочевников к этим атрибутам. С одной стороны, зеркала – привозные, и соответственно, дорогие предметы – высоко ценились, могли передаваться из поколения в поколение; во всяком случае, нередко в погребении они попадали сильно изношенными и поврежденными, т.е. после длительного использования. Зеркала со следами неоднократной починки найдены, к примеру, в погребении 1 кургана № 40 Акташского могильника; погребении 6 кургана № 2 могильника Марьянское-2; кургане у с. Николаевка, погребении 109 Светловодского могильника [Бессонова, Бунятян, Гаврилюк, 1988, рис. 29, 5; Волкобой и др., 1980, с. 37; Петренко, 1967, табл. 24, 5; Кузнецова, 2002, табл. 71] и других погребальных комплексах. С другой стороны, в памятниках Пазырыкской культуры была отмечена традиция класть в могилы умершим так называемые модели зеркал (возможно, по той же причине дороговизны импортных вещей). Чаще это были плохо обработанные бронзовые предметы, отлитые местными мастерами мелкими партиями специально для погребальной церемонии. Иногда их заменяли деревянными моделями [Кубарев, 1987, с. 217, 225; 1991, с. 104-105]. Возможно, последним обстоятельством объясняется относительная редкость находок бронзовых зеркал в погребениях древних кочевников и на других территориях.

В данном контексте следует упомянуть о ритуальных действиях с вещами покойников, производившихся у многих народов в ходе погребальной церемонии. Речь идет о преднамеренной порче предметов умершего. Такой акт знаменовал собой переломный момент в жизни человека [Лысенко, Топорков, 1989, с. 202]. В качестве примеров подобных случаев в погребальной практике скифов можно привести украшения оголовья коня с разрубленными петлями из погребальной камеры Северной могилы Огуза; сломанный надвое железный пластинчатый налобник коня из тайника Восточной могилы Бердянского кургана; погнутую ручку сломанного зеркала из насыпи кургана № 236 в уроч. Колонтаевка и проч. Серию этих предметов продолжают и приведенные выше зеркала из кургана № 17 у с. Нововасильевка. Обычай разбивать зеркала отмечен в алтайских погребениях Пазырыкской культуры [Руденко, 1953, с. 144; Савинов, 1978, с. 51; Кубарев, 1987, с. 235; 1991, с. 105], хуннских могилах Забайкалья [Руденко, 1962, с. 92], савромато-сарматских памятниках [Смирнов, 1964, с. 152; Хазанов, 1964, с. 84]. В.Д. Кубарев, вслед за Б.А. Литвинским, полагает, что другая половинка (или несколько частей) разбитого зеркала, оставленная у родственников или супруга, должна была помочь после смерти найти близкого человека в загробном мире. После поломки магические свойства зеркал в таком случае не терялись, а, напротив, сохранялись в каждой отдельной его части. Поэтому кусочки зеркал с обточенными краями и специально проделанными отверстиями использовались в качестве самостоятельных амулетов. Несколько таких обломков были найдены

в связке украшений из кургана № 17 Юстыда, таким же образом они использовались и у других древних народов [Кубарев, 1991, с. 160].

Здесь уместно вспомнить и многоярусные нагрудники двух коней из Бердянского кургана и одного из мелитопольских курганов. Основой для этих сложных элементов конского убора послужили разрезанные на несколько секторов бронзовые диски зеркал (рис. 6). Полученные таким образом плоские бляхи соединялись между собой звеньями железной цепочки, образуя двухрядную гирлянду, закрепленную на нагрудном кожаном ремне коня (рис. 7). В нагрудные гарнитуры коней, кроме блях различной формы, в том числе и дисковидной (имитирующих, вероятно, диски зеркал), входили также колокольчики с подвижными язычками, добавлявшими звуковой эффект. Такой сияющий, шумящий и в то же время отражающий солнечные блики и внешнее зло нагрудник служил не только (и не столько) украшением, но и амулетом. Он выступал защитой, своеобразным магическим щитом не только для коня (рис. 8), но и для его всадника [Болтрик, Фиалко, 2007, с. 280-289]. Жаль, что пока остается открытым вопрос о том, служили ли такие нагрудники коню (а соответственно, и его хозяину) в земной жизни или делались специально для переправы в загробный мир, т.е. непосредственно к погребальной церемонии. Во всяком случае, зеркала, послужившие основой Бердянских нагрудников, производят впечатление бывших в длительном употреблении.

Стоит вспомнить и о зеркале из кургана № 3 у с. Акимовка Запорожской области [Фиалко, 2009]. Оно происходит из могилы молодой амазонки. Ствол ручки этого зеркала украшает гравированное профильное изображение фигуры льва, развернутой головой к диску (рис. 9). Зверь передан в движении, при этом как будто припавшим к земле. Обычно так показаны фигуры льва или иных хищников в сценах терзания, когда зверь нападает (золотые накладки ножен мечей из курганов у с. В. Белозерка и Куль-Обы и серебряный кубок из Куль-Обы) или уже добывает свою жертву (золотые накладки ножен и нашивные бляшки из Солохи); в сюжетах противостояния хищников (последняя фигура на ножнах из Толстой Могилы, верхние фризы горитов из Мельгуновского кургана и Четромлыка), либо в многофигурных композициях шествия зверей (золотые накладки ножен меча из кургана 16 Елизаветовской станицы и конский налобник из Бердянского кургана). В греко-скифском искусстве лев, тем более в сценах терзания, является символом стихии смерти и соответственно хтонического мира, противопоставляемого миру живых [Farkas, 1977, с. 127; Раевский, 1980, с. 52; Островерхов, Охотников, 1989, с. 54]. В то же время мотив терзания символизирует непрерывность жизненного цикла, возрождение через уничтожение [Бессонова, 1983, с. 79; 1990, с. 33]. С другой стороны, в мифологии многих народов лев – символ высшей божественной силы, власти и величия, солнца и огня. Кроме того, лев связан со многими женскими божествами – Артемидой Эфесской, Кибелой, Гекатой и другими. В любом случае,

рисунок на ручке зеркала был призван усилить сакральность предмета [Фиалко, 2007]. Гравированный рисунок представляет хищника в позе охотника. Если вспомнить, что зеркало принадлежало амазонке – женщине, привыкшей к военным сражениям, то подобное изображение на предмете ее туалета становится вполне понятным и объяснимым. В этом случае вполне очевидно, что рисунок был нанесен на зеркало, игравшее особую роль в обрядах скифов, с целью приумножения его магических свойств.

Возвращаясь к нашим зеркалам из Нововасильевки, стоит остановиться на следующих моментах.

1. Все три погребения кургана находились на одной оси, что свидетельствует о единой планировке и одновременности комплекса, а соответственно, и о взаимосвязи погребенных.

2. В то же время обе боковые могилы были расположены за пределами каменной крепиды насыпи, оказавшись как будто отгороженными от основного покойника, что указывает на их особое положение. Это предположение подтверждает и то обстоятельство, что, в отличие от основной могилы, камеры обоих боковых погребальных сооружений были тщательно заложены массивными каменными плитами. Таким способом погребенных надежно изолировали от окружающего пространства, тем самым защищая живых от небезопасных покойников.

3. Зеркала в могилах скифов, как правило, клали под плечом либо рядом с рукой погребенного. Таким образом, этот предмет, с одной стороны, находился как будто в зоне досягаемости, с другой – соприкасался с покойником. В нашем случае оба зеркала находятся за головой умершего так, чтобы в них не отразилось ничего, кроме свода могилы.

4. Совершенно очевидно, что оба зеркала были испорчены умышленно. Причем зеркало из погребения ребенка свернуто так, будто в нем запечатали душу умершего, чтобы в его диске уже никогда не могло появиться чье-то отражение. На возможную связь с ритуальной практикой этого ребенка могут указывать и миниатюрные сосудики (явно не утилитарного назначения), и ожерелье с набором различных подвесок-амулетов.

Диск зеркала из могилы женщины поврежден в меньшей степени, но и в нем уже нельзя было получить «реальную картинку».

5. Инвентарь обеих могил не отличается особым разнообразием или богатством. Однако головной убор женщины, украшенный золотыми штампованными бляшками, с одной стороны, маркирует ее принадлежность к представителям местной элиты, а с другой – может указывать на исполнение ею жреческих функций.

Вполне вероятно, что отправление неких культовых действий делало их исполнителей не безопасными для соплеменников. И зеркалам – атрибутам магии в обряде обезвреживания и некоей нейтрализации покойников – отводилась

особая роль. Поэтому в одних случаях их помещали в специальный матерчатый, кожаный или деревянный чехол, в других ломали или «запечатывали», делая их непригодными для дальнейшего использования, в иных – разрезали, меняя таким образом их смысловую нагрузку.

ЛИТЕРАТУРА

- Бессонова С.С.* Религиозные представления скифов. К., 1983.
- Бессонова С.С.* Скифские погребальные комплексы как источник для реконструкции идеологических представлений// Обряды и верования древнего населения Украины. К., 1990. С.17-40.
- Бессонова С.С., Бунятян Е.П., Гаврилюк Н.А.* Акташский могильник скифского времени в Восточном Крыму. К., 1988.
- Бобринский А.А.* Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы. СПб., 1901. Т.III.
- Болтрик Ю.В., Фиалко Е.Е.* Использование зеркал в убранстве скифских коней // Матеріали та дослідження з археології Східної України. К., 2007. 7. С. 280-289.
- Волкобой С.С., Андросов А.В., Лихачев В.А., Мухомад С.Е., Шалобудов Н.Н.* Скифские могильники 4-3 вв. до н.э. юга Днепропетровской области// Курганы степного Приднепровья. Днепропетровск, 1980. С. 18-41.
- Галанина Л.К.* К проблеме взаимоотношений скифов с меотами // СА. – 1985. 3. С. 158-163.
- Ильинская В.А.* Скифы Днепровского лесостепного левобережья. К., 1968.
- Кенин-Лопсан М.Д.* Обрядовая практика и фольклор тувинского шаманства. Новосибирск, 1987.
- Кубарев В.Д.* Курганы Уландрыка. Новосибирск, 1987.
- Кубарев В.Д.* Курганы Юстыда. Новосибирск, 1991.
- Кузнецова Т.М.* Зеркала с боковыми ручками из скифских памятников // КСИА. – 1982. 170. – С. 13-19.
- Кузнецова Т.М.* Зеркала из скифских памятников 6-3 вв. до н.э. // СА. – 1987. 1. С. 35-47.
- Кузнецова Т.М.* Зеркала // Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989. – С. 109-110.
- Кузнецова Т.М.* Этюды по скифской истории. М, 1991.
- Кузнецова Т.М.* Зеркала Скифии 6-2 вв. до н.э. Том 1. М, 2002.
- Лысенко О.В., Топорков А.Л.* Утварь домашняя// Материальная культура. Свод археологических понятий и терминов. – М., 1989. Вып. 3. С. 200-203.
- Марсадолов Л.С.* Зеркало из Алтайской коллекции П.К. Фролова // АСГЭ. – 1982. 27. С. 30-33.
- Мартынов А.И.* Лесостепная тагарская культура. Новосибирск, 1979.
- Онайко Н.А.* Античный импорт в Приднепровье и Побужье в VII-V вв. до н.э. // САИ. – 1966. Вып. Д1-27.
- Онайко Н.А.* О сахновской пластине // СА. – 1984. 3. С. 18-27.
- Острроверхов А.С., Охотников С.Б.* О некоторых мотивах звериного стиля на памятниках из собрания Одесского археологического музея// ВДИ. 1989. 2. С. 50-68.
- Петренко В.Г.* Правобережье Среднего Поднепровья в V-III вв. до н.э. // САИ. – 1967. Вып. Д1-4.
- Раевский Д.С.* Эллинические боги в Скифии? (к семантической характеристике греко-скифского искусства)// ВДИ 1980. 1. С. 49-71.
- Руденко С.И.* Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.-Л., 1953.
- Руденко С.И.* Культура хуннов и ноинулинские курганы. – М.-Л., 1962.
- Савинов Д.Г.* О завершающем этапе культуры ранних кочевников горного Алтая // КСИА. – 1978. 154. С. 48-55.

- Скржинская М.В.* Зеркала архаического периода из Ольвии и Березани // Античная культура Северного Причерноморья. К., 1984. – С. 105-128.
- Смирнов К.Ф.* Савроматы: Ранняя история и культура сарматов. М, 1964.
- Фиалко Е.Е.* Бронзовое зеркало с гравировкой из Северо-Западного Приазовья // БФ. СПб., 2007. – 2 С. 55-62.
- Фіалко О.Є.* Люстро з гравіруванням з поховання скіфської «амазонки» // Магістеріум. 36. - Археологічні студії. К., 2009. С. 34-39.
- Фрэзер Д.Д.* Золотая ветвь. Исследование магии и религии. М, 1986.
- Хазанов А.М.* Религиозно-магическое понимание зеркал у сарматов // СЭ. 1964. – 3. – С. 89-96.
- Шапошникова О.Г., Фоменко В.Н., Балушкин А.Н., Гребенников Ю.С., Елисеев В.Ф., Ключинцев В.Н., Корпусова В.Н., Магомедов Б.В., Некрасова А.Н., Нечитайло А.Л., Ребедайло Г.П., Рычков Н.А.* Отчет о работе Ингульской экспедиции в 1975 г. (исследования археологических памятников от энеолита до средневековых кочевников) // Научный архив Института археологии НАНУ, 1975/3.
- Штаерман Е.М.* Мораль и религия угнетенных классов римской империи. М, 1961.
- Farkas A* Interpreting Scythian Art: East vs. West // Artibus Asiae. 1977. – XXXIX. 2.
- Reichl I.* Die Spiegel der podolischen skythischen Kultur // T. Sulimirski. Skutowie na Zachodniem Podolu. Lwyw, 1936.

О.Є. Фіалко

ЛЮСТРА В ОБРЯДАХ СКИФІВ

Резюме

Бронзові люстра займали особливе місце в ритуальній практиці скіфів. На підтвердження цього виступають два люстра, що були знайдені в кургані № 17 поблизу с. Нововасилівка (Миколаївська обл.). Обидва предмети поклали до могил навмисно поламаними. В такий спосіб співвітчизники намагались знешкодити небіжчиків. Спосіб поховання небіжчиків теж засвідчує, що їх намагались ізолювати від оточення. Ймовірно, відправлення певних культових дій робило їх виконавців небезпечними для співмешканців. Люстра вважались магічними предметами, які використовували в різноманітних ритуалах. Ймовірно, особлива роль їм відводилась й в ритуалі знешкодження покійників.

Е.Е. Фиалко

ЗЕРКАЛА В ОБРЯДАХ СКИФОВ

Резюме

Бронзовые зеркала занимали особое место в ритуальной практике скифов. Подтверждением этому служат два зеркала, найденные в кургане № 17 близ с. Нововасильевка (Николаевская обл.). Оба предмета положили в могилы намеренно

поломанными. Так соотечественники пытались обезвредить покойников. Способ погребения покойников тоже свидетельствует о том, что их старались изолировать от окружающих. Вероятно, отправление неких культовых действий делало их исполнителей небезопасными для соплеменников. Зеркала считались магическими предметами, которые использовались в различных ритуалах. Видимо, особая роль отводилась этим предметам и в обряде обезвреживания покойников.

E.E. Fialko

MIRRORS IN THE RITES OF THE SCYTHIANS

Summary

Bronze mirrors occupied a special place in the ritual practice of the Scythians. Proof of this are two mirrors found in the barrow № 17 near the village Novovasil'evka (Nikolayev region). Both objects were put in the grave deliberately broken. Compatriots tried to render the dead harmless this way. Burial method suggests that there were attempts to isolate the dead from others. Probably, the performance of certain religious rites made the performers dangerous to fellow men. Mirrors were considered magical objects that were used in various rituals. Apparently, these items played a special role in the neutralization of the dead ceremony too.

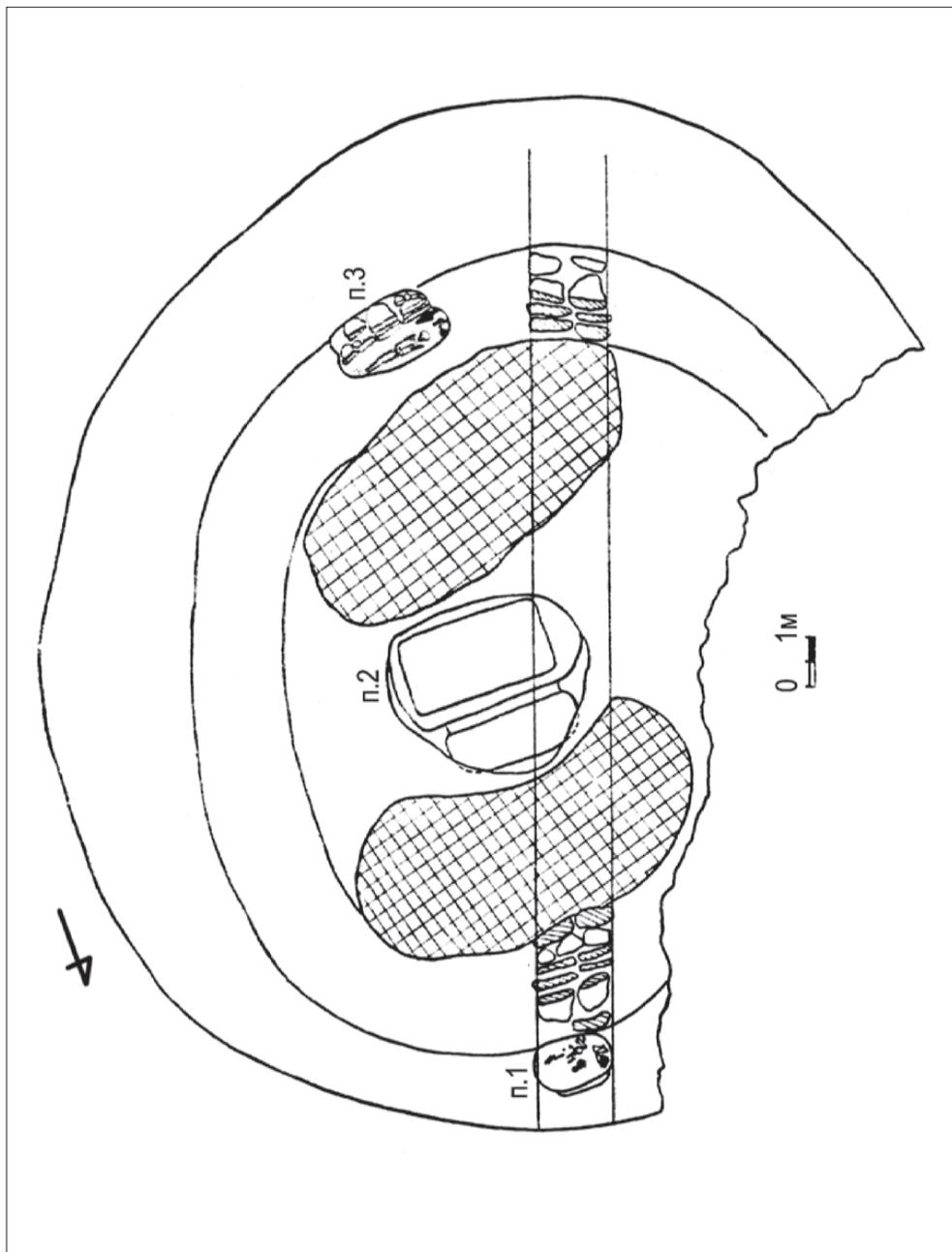

Рис. 1. Курган № 17 у с. Нововасильевка Снигиревского р-на Николаевской обл. Общий план.

Рис. 2. Курган № 17, погребение 1: 1 – план и разрез; 2-5 – вещи из погребения.

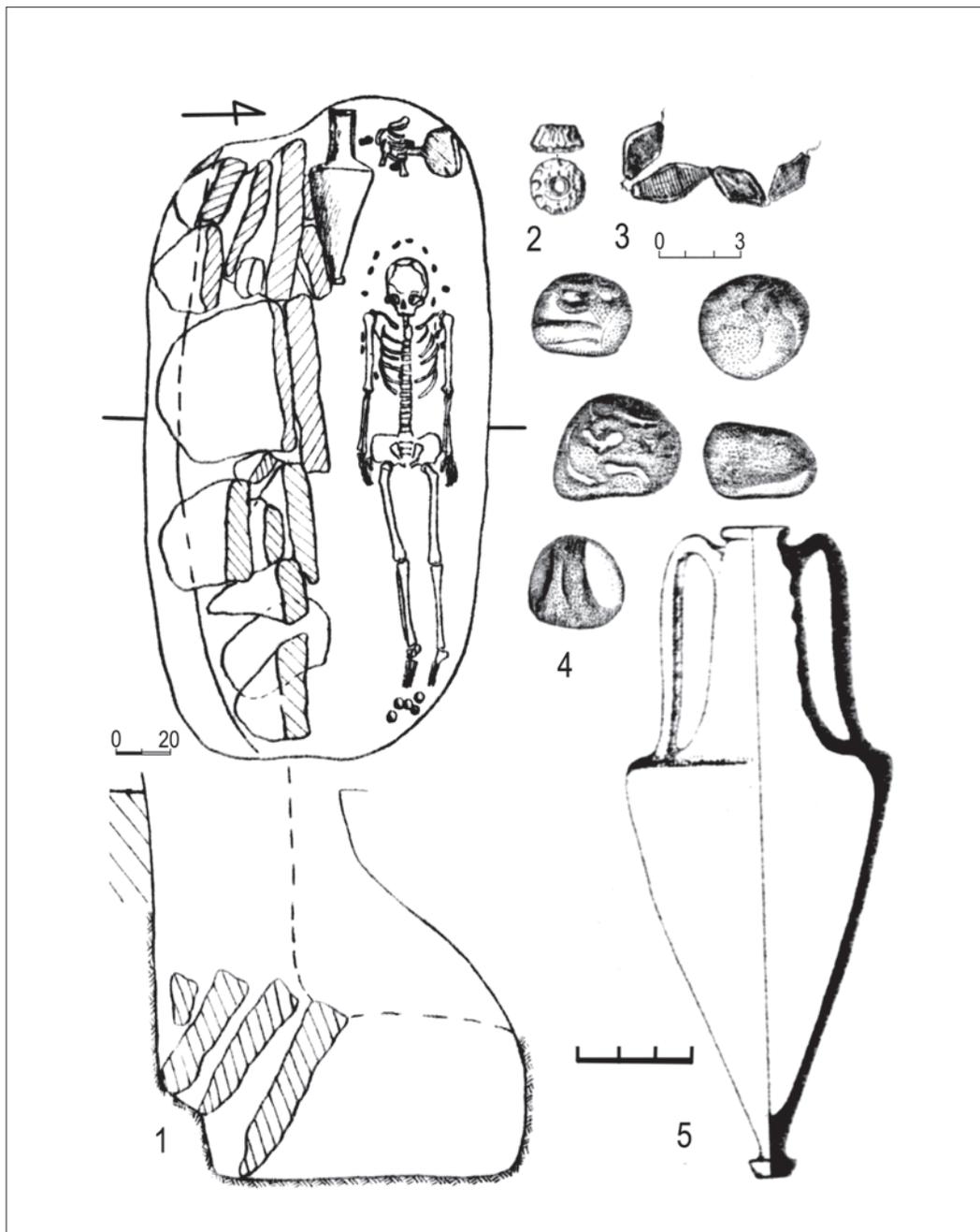

Рис. 3. Курган № 17, погребение 3: 1 – план и разрез; 2-5 – вещи из погребения.

Рис. 4. Бронзовое зеркало из кургана № 17, погребения 1: 1 – рисунок; 2 – фото.

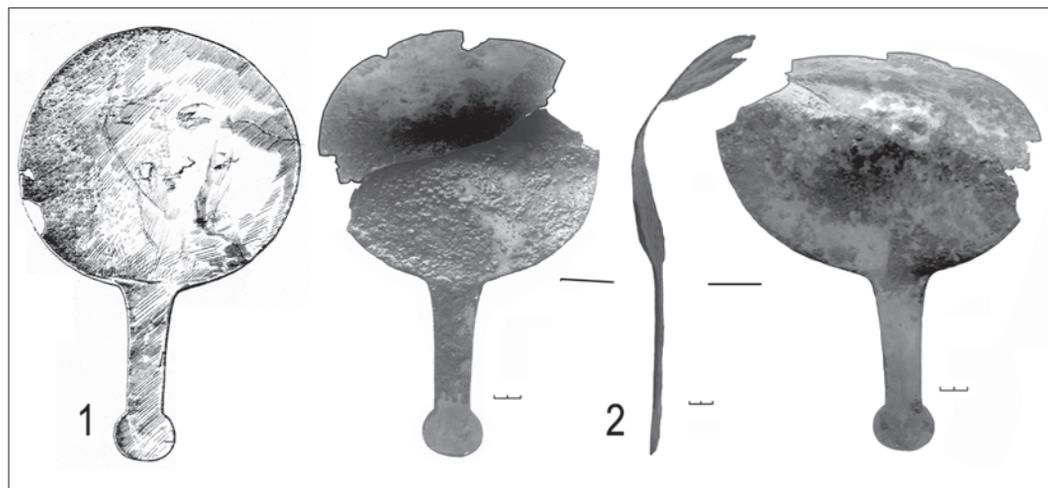
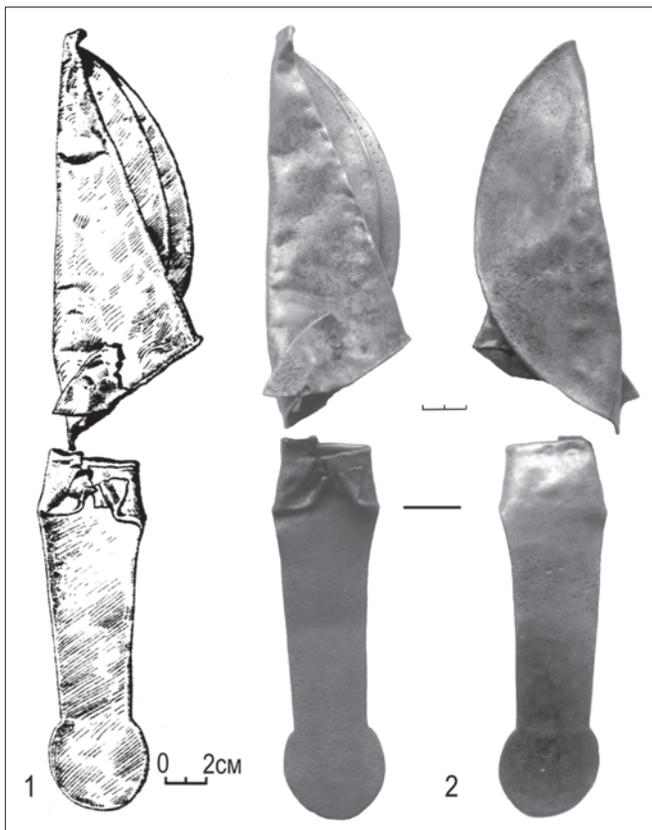

Рис. 5. Бронзовое зеркало из кургана № 17, погребения 3: 1 – рисунок; 2 – фото.

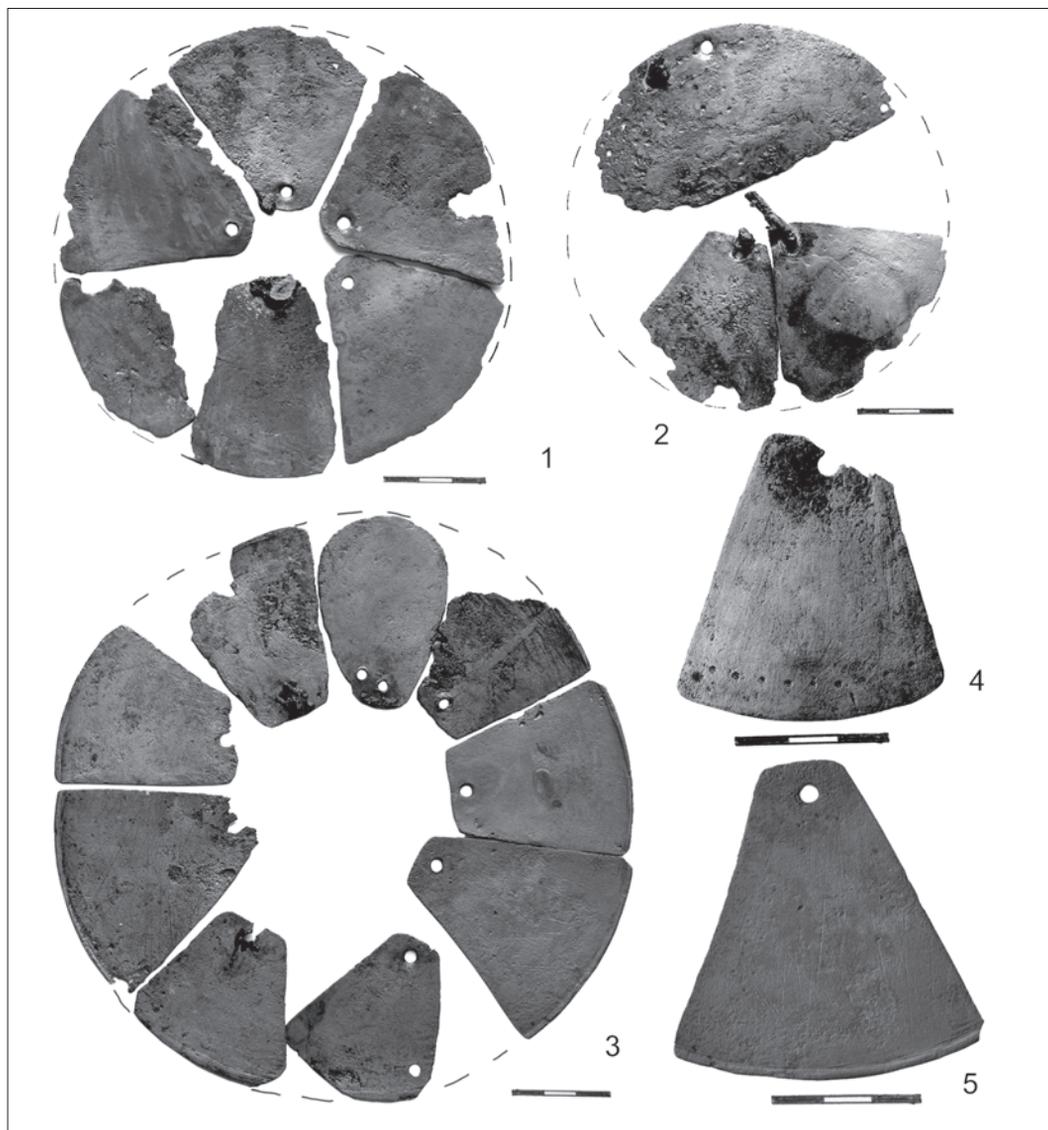

Рис. 6. Пластины разрезанных зеркал из Бердянского кургана.

Рис. 7. Реконструкция нагрудников из «зеркальных» пластин Бердянского кургана.

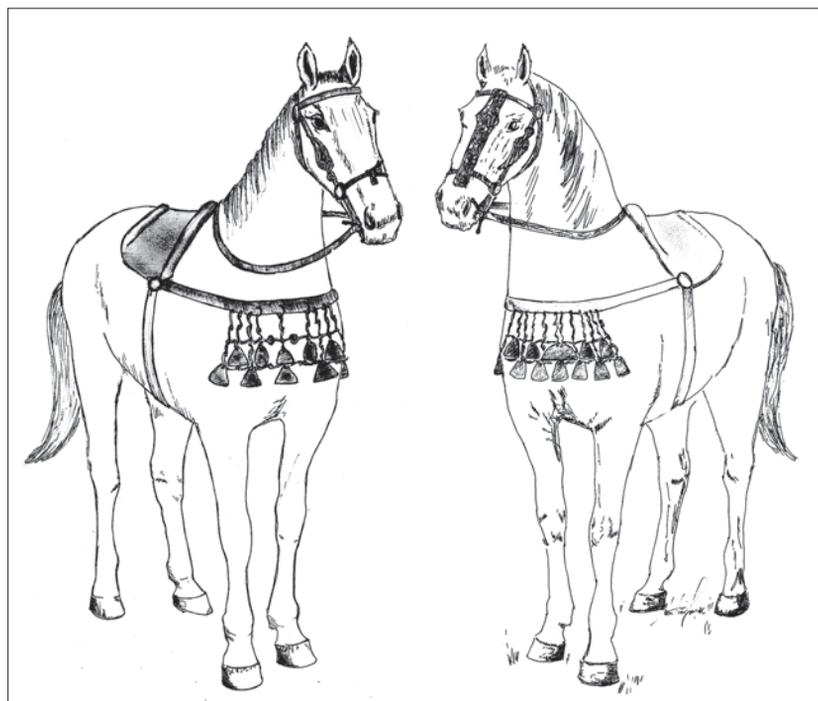
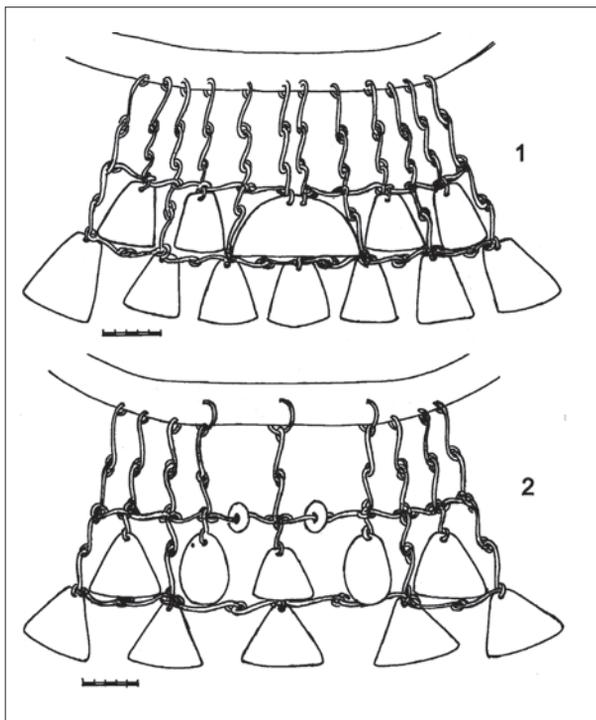

Рис. 8. Реконструкция уборов коней из Бердянского кургана.

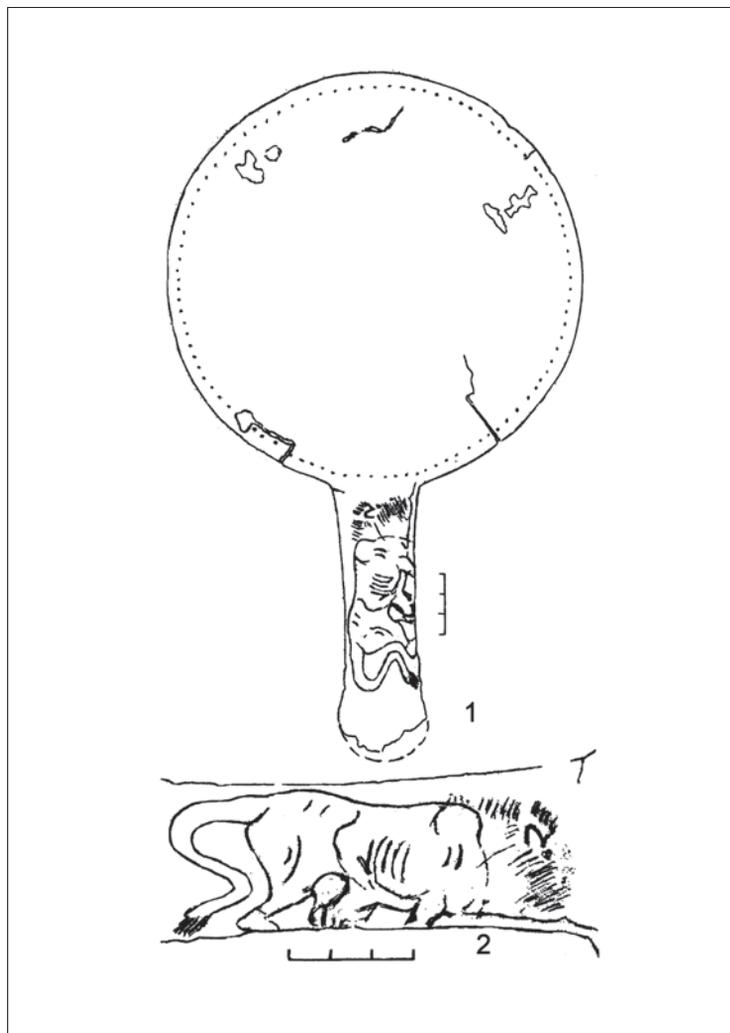

Рис. 9. Зеркало с гравированным рисунком из кургана № 3 у с. Акимовка.

И. ГЛУШЕК

ИЗОБРАЖЕНИЯ АРИАДНЫ В АТТИЧЕСКОЙ ВАЗОПИСИ

Ариадна во многих отношениях – особый персонаж в греческой мифологии. Благодаря ей самый знаменитый герой Аттики Тесей успешно завершил свою миссию на острове Крит. Она также является единственной женщиной, супругой Диониса – бога, культ которого был так широко распространён в греческом мире. Тем не менее, её изображениям не посвящалось особого внимания до конца позднего классического периода. Ариадна в греческой мифологии выступала в окружении двух фигур, чья память особенно сохранялась в сознании греков Аттики. Вместе с изменениями интерпретации мифа и добавлением новых деталей изменялась роль, которую играла в мифе Ариадна.

Миф о Тесее и Ариадне переносит нас на Крит, в Кносос, где она – дочь царя Миноса и Пасифаи. Одним из первых об Ариадне упоминает Гомер. В *Илиаде* (Ном. II., XVIII. 590) он сравнивает танцевальную площадку, которую Гефест изобразил на щите Ахилла, с той, которую в Кнососе исполнил для Ариадны Дедал. Танцевальная площадка неоднократно отождествлялась с лабиринтом не только как с жилищем Минотавра, но и с моделью – дорогой, ведущей участников религиозных обрядов. Сократ в *Федоне* (Pl. Phd., LVII. 107 E) сравнивает подземный мир с лабиринтом, характерной чертой которого являются многочисленные извилистые тропы и перекрёстки.

Впечатления участников Элевсинских мистерий сравниваются с путешествием по подземному миру, напоминающему лабиринт. Вероятно, в архаичную эпоху в культовом центре Элевсина, на площади перед храмом водили ритуальные танцевальные хороводы по нарисованному на земле узору [Kerényi 2004, с. 107-108]. Минойские корни мифа об Ариадне можно наблюдать и в текстах с табличек из Кнососа, где упоминается Госпожа Лабиринта и предназначенный богине дар мёда [Kerényi 2008, с. 90]. Это связывает Ариадну не только с миром смертных, но и с неуказанной минойской богиней, царством которой был лабиринт, отождествляемый с подземным миром. О танцах, которые должны были разбудить спящую богиню, – была с ней Ариадна на Наксосе – пишет Каллимах [Callim. Fr., 67.13; Webster 1966, с. 22-23]. Народные танцы на Крите, связанные с Ариадной, упоминает также Лукиан (Lucian Salt., 49). Танец, как элемент культа в честь спящей богини, подчеркивают также минойские

терракотовые статуэтки, найденные в храме Диониса с V в. до н.э., расположенном на Косе. В этом контексте значение имеет тот факт, что царём Коса был сын Миноса, брат Ариадны. Таким образом, Ариадну можно связывать не только с Кноссом и лабиринтом, но и с Дионисом. В Теогонии (Hes. Theog., 947) говорится, что Ариадну заметил и выделил Дионис, который взял её в супруги, а Зевс даровал ей бессмертие и вечную молодость. В старейшем сказании греческого мифа (Hom. Od., XI, 320) Ариадна является смертной женщиной и погибает от стрелы Артемиды. Богиня карает Ариадну по просьбе Диониса за то, что покинула остров и связалась со смертным Тесеем, чужим принцем из Афин. И здесь Ариадна также связана с лабиринтом, местом пребывания Минотавра и местом религиозных танцев, поэтому эта связь определяет Госпожу Лабиринта. Дионис Кресиос отождествлялся с быком Миноса и считался настоящим мужем Ариадны, Госпожи Лабиринта. Это объясняет обоснованный гнев Диониса, когда она изменила ему с Тесеем [Graves 1968, 98.6]. Ариадна была убита на острове Диа, отождествляемом с Наксосом. Её достигло справедливое наказание Артемиды. В канонической версии мифа, разработанной в Аттике, на обратной дороге в Афины Тесей оставил спящую Ариадну на острове Наксос и уплыл. Эту историю связывают с культом спящей богини, популярным на острове [Webster 1966, с. 22]. В разных версиях мифа упоминаются разные причины, которые убедили Тесея оставить девушку. Как первая из них указывается предрасположение Тесея к другой девушке - Айгиле, дочери Панопея (Plut. Thes., 29).

Со временем, когда Тесей становится самым важным героем афинян, изменяется интерпретация мифа. В источниках появляется информация, что Тесею во сне является Дионис, заявляя, что девушка полностью принадлежит ему. Тесей испугался угроз Диониса и оставил Ариадну на Наксосе. По воле богов Тесей забыл не только об обещании, данном Ариадне, но и вообще о её существовании (Paus. X.29.2; Diod. Sic. V.51.4). Как возможная причина указывается также рассуждения самого Тесея, опасавшегося скандала, который могло вызвать появление Ариадны в Афинах (Schol. Theoc. Id., II. 45; Diod. Sic. IV.61.5; Plut. Thes., 29). Брошенная Ариадна взмолилась к богам, чтобы отомстить за свою обиду. По воле Зевса Тесей не поменял паруса на своём корабле, что привело к смерти царя Эгея. Дионис прибыл на остров и сразу же женился на Ариадне. От их брака родилось много потомков: Энопион, Фоант, Стафил, Латрамис, Энией и Таврополида (Schol. Ap. Rhod. III. 996; Hes. Teog., 947). В качестве свадебного подарка Дионис преподнёс Ариадне ожерелье (Schol. Ap. Rhod. III. 996; Hes. Teog., 947; Hyg. Poet. Astr., II.5). Подарком могла быть также диадема, выкованная Гефестом из золота и драгоценных камней в виде роз, которую Дионис затем поместил среди звёзд – *Corona Borealis* (Plut. Thes., 29; Vascyhl. XVI.116). Из других сказаний мы узнаём, что Ариадна была в конце концов вознесена в небо на колеснице Диониса (Prop. III. 17.8; Ov. Fast., III. 510).

Наряду с наиболее распространенной и популярной версией мифа о Ариадне существует ряд других сказаний, описывающих по-другому конец истории критской принцессы. На Кипре демонстрировалась могила Ариадны, её почитали там как Афродиту-Ариадну. По преданию, она умерла на острове во время родов, не выдавая на свет ребёнка. Во время посвящённого ей праздника юноша изображал родовые боли. Утверждается также, что Дионис не женился на Ариадне, а навлёк на неё наказание Артемиды, которая убила её стрелами во время родов. Другая версия истории говорит о том, что Ариадна сама повесилась из-за страха перед Артемидой (Hsch. Aridela; Plut. Thes., 21). В наиболее гуманной версии сказания брак Ариадны и Тесея является гарантией мирного договора, заключенного между Афинами и Критом (Plut. Thes., 19).

Ариадну определяли также другие божественные имена. Ариана означает „святая” и „чистая”, эпитет часто связан с царицей подземного царства, почитаемой в танце и на арене [Kerényi 2002, с. 222; Graves 1968, 98.5]. Называли её также Ариделой (Hsch. Aridela), „видимой издалека” – эпитетом, данным ей, когда Дионис возвысил её на небеса [Kerényi 2002, с. 222]. Оба имени подчеркивают божественный аспект Ариадны, что делает её Госпожой подземного мира, Госпожой Лабиринта и тесно связывает с Дионисом, который определяет её существование.

История Ариадны переплетается с двумя героями мифологии, история которых была популярной тематикой в греческом искусстве, особенно в аттической вазописи. Однако, несмотря на то, что в мифе о Тесее Ариадна играет в определенном смысле ключевую роль, она сумела приручить „дикого” бога Диониса и была его единственной женой. В иконографии её изображения появляются в единичных случаях. Они стали популярны только в краснофигурной керамике, которую производили в Афинах в IV в. до н.э., являются также темой многочисленных сцен, запечатлённых на южноиталийской посуде. Тема Ариадны и Диониса в искусстве южной Италии была заимствована в IV в. до н.э. под влиянием иконографии импортируемых аттических сосудов. Позже произошло её значительное развитие и была перенята и в других областях искусства, в том числе в рельефном декоре саркофагов [Trendall 1989, с. 256; Nilsson 1957, с. 12].

Одно из первых изображений, на котором были опознаны Ариадна и Тесей, находится на аттическом кратере, датированном концом VI в. до н.э. [Robertson 1975, pl. 35B, 37A]. На сосуде изображён покидающий корабль мужчина, который ведёт женщину с большим венком в руке. Сцена интерпретируется как Тесей и Ариадна, покидающие Крит. Относится она к первоначальной версии мифа, когда Дионис сделал Ариадну своей возлюбленной уже на острове и подарил ей украшенную драгоценными камнями золотую диадему, полученную от Афродиты. Неверная Ариадна дала венец (а не клубок ниток) Тесею, его блеск рассеивал тьму лабиринта и помог герою найти дорогу обратно (Hug. Poet. Astr., 2.5). За измену, как уже выше сказано, была позже

наказана Артемидой (Hesh. Aridela; Plut. Thes., 21; Hom. Od., XI 320). Сцена в память Тесея и Ариадны запечатлена на коричневом щите из Аргос, где изображены воин с мечом и женщина с венцом и мотком [Kunze 1956, 75, 170, Vb]. Тесей был самым знаменитым героем Аттики, поэтому изображения, связанные с его мифом, часто появляются в вазописи и известны уже с сосудов, датированных первой половиной VI в. до н.э. На аттической гидрии из Бостона изображён Тесей с Минотавром [Copenhagen 13536, ABV 714; CVA, Copenhagen, National Museum 8, pl. 322-324]. Тема борьбы с Минотавром была популярна не только в аттическом искусстве, но имеет более древнее происхождение, восходящее к VII в. до н.э. Как примеры можно указать амфору из Беотии или сосуда из Коринфа, а также золотые и бронзовые таблички с изображением Тесея и Минотавра [Carpenter 1994, с. 163, fig. 245, 246]. От конца VI в. до н.э. популярность темы росла, что могло быть вызвано появлением целого ряда эпических поэм, в которых подчеркивалась связь Тесея с Афинами. В V в. до н.э. Тесей – уже главный герой Аттики, много его изображений находится на краснофигурных сосудах [Carpenter 1994, с. 160]. Несмотря на широкое распространение посуды, посвящённой путешествию Тесея на Крит, связывающие Тесея с Ариадной события в иконографии упускались. Поведение обоих персонажей ставило их в неоднозначном моральном положении. Союз Ариадны и Тесея, на начальном этапе этого мифа, был против Диониса. Ариадна, суженая или уже связанная с Дионисом, бросила его для смертного человека и отдала ему ценный дар, подаренный богом. Тесей, самый важный мифологический герой Аттики, не выполнил данного принцессе обещания и оставил её, терзаемый чувством к другой женщине. Такую историю трудно было принять жителям Афин – обществу, которое после персидских войн отмечалось прагматизмом, а основывающееся на мифах искусство должно было служить полису и подтверждать его могущество. Эти факторы привели к тому, что миф постепенно изменялся. В полученной более популярной форме Тесей отставляет Ариадну на Наксосу, уступая её богу Дионису. Ариадна не изменяет уже богу, бросая его для смертного. В канонической версии упомянутая диадема – дар Диониса – имела уже второстепенное значение. Предметом, который помог Тесею выбраться из лабиринта, был клубок нитей, полученный от Ариадны. Золотой венец стал подарком Тесея, который получил он от Амфитриды (Paus. I.173; Hug. Poet. Astr., II. 5). На одном из сосудов Онесима, датированном примерно 500 г. до н.э., мы видим Тесея, которого ведут дельфины к трону Амфитриды, дающей ему диадему [Florence PD321, ARVI 318, Robertson 1992, fig. 34-35]. Венец мог быть подаренный ей Дионисом только на Наксосу, когда ее бросил Тесей (Plut. Thes., 29, Bacchyl. XVI.116). В последующих сказаниях о Тесее, имеющих подтверждение в изображениях на посуде, объясняется причина, которая убедила аттического героя оставить Ариадну. К нарушению данного девушке обещания Тесея побудил явившийся ему во сне Дионис. Тесей был обязан вернуться

в Афины, а Ариадну ждала участь стать возлюбленной Диониса. Таким образом, судьбу героев решает воля богов, превышающая их предыдущие обязательства. На сосудах встречаем несколько изображений, которые посвящены прощанию Тесея и Ариадны. На одной чаше изображен Гермес, он оттягивает Тесея от спящей Ариадны (рис. 1) [Tarquinia RC5291; ARVI 405; CVA, Tarquinia, Museo Nazionale, 2, III.1. 4, III.1.5, pl. 18. 1-3]. На лекифе художника из окружения Мастера Пана (Pan Painter) мы видим Афины, которая убеждает упрямого Тесея оставить Ариадну. Над головой девушки изображён сжавшийся Сон [Taranto 4545; ARVI 560; Shapiro 1993, fig. 121-122]. На скифосе Мастера Левиса (Lewis Painter) [Vienna 1773; ARVI 972.2; CVA, Wien, Kunsthistorisches Museum, 1, pl. 39. 1-2], и гидрии Мастера Силена (Syleus Painter) [Berlin F2179; ARVI 252.52, 1639; Robertson 1992, fig. 126] наблюдаем драматическую сцену. Афина оттягивает героя, который смотрит на Ариадну. В то же время девушку притягивает к себе Дионис, однако она всё ещё отворачивается в сторону Тесея (рис. 2). Аттический зритель, которому была представлена эта сцена, вероятно, понимал её уже не как отказ Тесея от Ариадны, а как разделение героев по воле богов.

Существует всего несколько сосудов VI в. и первой половины V в. до н.э., которые представляют Ариадну в контексте мифа об экспедиции Тесея на Крит. Появляются они обычно при изменении интерпретации мифа, представляющей героев в другом контексте. На изменения интерпретации событий повлияла, например, поэма Пасистрата [Webster 1966, с. 26], которая рассказывает о событиях, происходящих на Наксосе, и об участии в них Диониса. Разработка новой версии мифа освободила героев от их моральных дилемм. Ариадна была также более тесно связана с Дионисом. Изображения Ариадны – спутницы Диониса – однако, все так же немногочисленны, как и раньше. Может быть потому, что её и дальше считали грешницей, которая была причастна к смерти своего брата, предала свою семью и оставила отца (Hug. Fab., 255). В случаях, когда можно предположить, что она помещена в композиции, играет роль второго плана и лишена отличительного атрибута, позволяющего её идентификацию. Один из первых сосудов, на которых была опознана Ариадна в окружении Диониса, – это чернофигурная амфора, датированная второй половиной VI в. до н.э. На сосуде она изображена в окружении двух сатиров. В центральной части композиции находится Дионис [Beazley Data Base, no.67]. Более ранней считается другая амфора с изображением Диониса и Ариадны, датированная VII в. до н.э. [Papastamos 1970, pl. 10]. Тем не менее, идентификацию ставят под сомнение, поскольку канфар в руке мужчины, являющийся основой интерпретации, стал характерным для бога вина сосудом лишь с середины VI в. д.н.э. [Carpenter 1986, p.1]. Сомнительно также такое древнее датирование сосуда [Boardman 1952, p.26].

Малая популярность изображений Ариадны в древний период понятна, если учесть, что в тот момент иконография, связанная также с Дионисом, не была

широко распространена в вазописи. Самые древние изображения Диониса, когда мы уверены в идентификации фигуры, находятся на сосудах Софила [London 1971.11-1.1; Para. 19.16; Boardman 1974, fig. 24] и Клитиаса [Florence 4209; ABV 76.1, 682; Robertson 1975, pl. 35B, 37A; Boardman 1974, fig. 46.1-8], представляющих свадьбу Пелея и Фетиды [Carpenter 1986, p.1-29]. В окружении Диониса здесь Ариадна не появляется. На знаменитой Вазе Франсуа Дионис изображён в двух сценах: в компании олимпийских богов, сопровождающих Пелея и Фетиду, а также в сцене возвращения Гефеста на Олимп. На кратере находится также Ариадна с клубком нитей, однако эта фигура связана с Тесеем в окружении аттической молодёжи. Фигуру Диониса на сосудах Софила и Клитиаса опознаём главным образом благодаря надписям. Только более поздние авторы, Мастер из Гейдельберга (Heidelberg Painter) и Амасис, разработали образ Диониса, который распространился в вазописи последующих периодов и был легко узнаваемый зрителем [Carpenter 1986, p.30-31]. Популярность дионисийской тематики постепенно росла и присутствует в вазописи до конца периода аттического производства. Большинство изображений не имеет выразительного контекста повествования и показывает бога со свитой сопровождающих его сатиров и менад. Популярность темы надо связывать с распространением культа Диониса в Афинах, введенного в официальный календарь полиса Писистратом в середине VI в. до н.э. [Carpenter 1994, p.37; Piccard-Cambridge 1968, p.19, 58]. На изображениях с VI и в большинстве с V в. до н.э. Дионис представлен в виде мужчины с бородой, с длинными развевающимися волосами. Его голова украшена венком, в руке держит рог или канфар. Как правило, он облачён в хитон и гиматий, как на амфоре из Лондона [British Museum E 279; ARVI 226.2; CVA, London, British Museum 3, III.Ic.6, pl. 15.2A-D].

Как уже отмечалось, изображения Диониса и Ариадны не были популярны в архаический период. На нескольких сосудах Мастера из Гейдельберга появляется изображение женщины, часто находящееся в тондо чаши, которое определялось как Ариадна [Cambridge GR4.1930; ABV 63.4; CVA, Cambridge, Fitzwilliam Museum, 2, 45, pl. 23 – 29; Taranto XXXX 300567; ARV 64.23; Brijder 1991, pl. 113D; Taranto 4408; ARV 65.43; CVA, Museo Nazionale 3, III.H.6, pl. 28.1-5, 29.1; New York (NY) 12.235.3; ARV 66.56; Brijder 1991, pl. 127E]. Только в одном случае (рис. 3) женщина держит венки, что вызывает ассоциации с Ариадной [Cambridge GR4.1930; ABV 63.4; CVA, Cambridge, Fitzwilliam Museum, 2, 45, pl. 23 – 29]. В большинстве случаев Джон Д. Бизли не уверен в интерпретации, а последующие были сделаны на основе сходства композиции [Brijder 1991, pl. 127. G, pl. 138. E; pl. 123. D-E; Heesen 1996, 27. pl. 27, 122-123. no.27; Carpenter 1991, fig. 10]. Вазописца Амасиса считают автором трёх сосудов, на которых изображён Дионис в компании Ариадны [Rennes D08.3.3; CVA, Rennes, Musee des Beaux Arts, 21-22, pl. 13. 2-5; Orvieto 2721: Beazley Archive: no. 24088; New York (NY) XXXX310450; ABV 152.23, 687; CVA, Northampton, Castle Ashby, 4-5, pl. 72-4, 8.1-4]. Ни в одном случае фигуру

женщины не сопровождает надпись, поясняющая её личность. Однако, на основе сравнения с изображением на Вазе Франсуа можно предположить, что стоящая рядом с Дионисом женщина – это Афродита, а не Ариадна [Carpenter 1986, p.21-22, 37; Carpenter 1994, p.15]. Указанные выше примеры не дают достаточных оснований полагать, что изображение Ариадны появляется рядом с Дионисом раньше, чем в последнюю четверть VI в. до н.э. [Carpenter 1994, p. 63].

Типичным окружением, в котором изображался Дионис, были хоровод сатиров и менад, которые сопровождали бога в его странствиях по Египту, Индии, Фракии и Беотии, а также Эгейским островам (Apollod. III. 4.3, 5.1, 5.3; Diod. Sic. III.68-69; Hes. Teog., 947). Женщины в культе Диониса играли очень важную роль. Нимфы и менады являются древнейшими спутницами бога, часто представлялись на различных иконографических изображениях. В качестве примера можно привести изображение на амфоре вазописца Амасиса, представляющее Диониса и две менады или нимфы [Paris 222; ABV 152.25, 687; Robertson 1992, fig. 1-2].

Тематика, связанная со свитой Диониса, становится более популярна с ростом значения аттических праздников в честь бога. Первоначально на чернофигурных сосудах рядом с Дионисом изображались нимфы, опекунши молодого бога. В конце V в. до н.э. сформировался определённый тип изображений, где бог вина был окружён множеством сатиров и менад – безумных диких поклонниц Диониса [Carpenter 1986, pp. 76-87; Carpenter 1994, p.15; Nilsson 1967, p. 572; Edwards 1960, pp. 80-81; Dodds 1960, pp. 754-765]. Женщины в этой свите занимали особое место. Нимфы заботились о маленьком Дионисе, когда он находился на Нисе (Apollod. III 4.3; Ap. Rhod. IV 1113), скрывая его от гнева Геры. Переодетый в девочку молодой бог был спрятан во дворце короля Афаманту и его супруги Ино. Дионис находился в женской части дворца (Eur. Bacch., 99-102; Hymn. Ogrh., XLV.6). В последующих странствиях, когда Дионис утверждал свой культ в различных частях света, его сопровождали безумные женщины, знаменитые менады (Ov. Met., III.714). В самых ранних изображениях женщин из окружения Диониса надо отождествлять с его полубожественными нянями [Hom. Il., V. 132; Seaford 1993, p.116]. Только в классический период под ними начинают подразумевать безумных смертных женщин – менад (Apollod. III.5.1). Образ спутниц Диониса, сформировавшийся под влиянием греческой трагедии, влиял на последующее определение всех женщин в окружении бога вина менадами [Kirk 1970, pp.4-6; Villaneuva-Puig 1980, pp. 52-59]. Тем не менее, на многих сосудах V в. до н.э. находящиеся вокруг Диониса женщины – это его божественные опекунши, а изображения смертных женщин относятся лишь к периоду позднего V и IV вв. до н.э. [Carpenter 1997, pp. 52-62].

История Диониса придавала особое значение женщинам в его окружении. Это отразилось в аттических культах и роли, которую в них играли женщины. Афинянки, участвовавшие в религиозных церемониях, имели возможность

принимать активное участие в общественной жизни полисов. Женщинам была отведена важная роль во время Леней, празднества в честь Диониса отмечавшегося в месяце Гемалион [Pickard – Cambridge 1968, pp. 25- 42; Parke 1994, pp.104-106]. Праздник был связан с менадами и экстатическим танцем женщин, но доказательства менадизма (женщин, выступающих в роли менад) можно наблюдать только в IV в. до н.э. [Fantham, Foley, Kampen, Pomeroy, Shapiro 1994, p.87]. Сцена, иллюстрирующая обряды в честь Диониса Леная, изображённого в виде маски, прикрепленной к дереву или стеле, представлена, например, на серии краснофигурных стамносов [Naples 81674; ARVI 1151.2; Boardman 1989, no. 1, fig. 177; London, British Museu, E451; ARVI 621.35; CVA, London, British Museum 3, III.I.c.9, pl. 23.2A-C; San Antonio, Museum of Art 86.134.64; ARVI 628.6; Shapiro 1995, 162-164, no. 81; Warszawa 142465; ARVI 1019.82; CVA, Goiuchyw, Muзей Czartoryski, 21, pl. 26.1a.1b.1C.1D.1E.1F.1g]. В этих обрядах можно проследивать обращения к Криту и к Ариадне как богине подземного царства. Сказание, в котором Ариадна из-за страха перед Артемидой повесилась, приближает её к Эригоне, которая таким же образом покончила с собой. Самоубийством девушек можно объяснять вешание масок Диониса на деревьях, деревянных столбах и стелах. Задачей деревянных масок было удобрение виноградной лозы. У Диониса часто подчеркивались его женоподобные черты, эффект его скрывания в женской части дома в молодости, поэтому маски могли напоминать повесившихся женщин. Вероятно, обычаю вешать маски предшествовало вешание деревянных кукол, изображающих Ариадну как богиню плодородия [Graves 1968, 79.2, 88.10, 98.5]. Похожая ссылка к Эригоне и Ариадне видна в обычае девушек качаться в ходе Антестерий, самого важного праздника в дионисийском аттическом календаре [Kerényi 2008, p. 260].

В ходе Антестерий ключевую роль играла Басилинна, жена Архонта Басилевса. Во время трехдневного фестиваля, проходившего в месяце Антестерион (греч. - украшенный цветами), Басилинна от имени города совершала тайные жертвоприношения в святыне Диониса. Храмом заботились Герараи, союз четырнадцати афинских женщин во главе с женой Архонта Басилевса [Pickard – Cambridge 1968, pp. 11-12; Parke 1994, pp. 107-124; Kerényi 2008, p. 249]. Во время обрядов жена Басилевса на одну ночь символически становилась женой Диониса. Брак Диониса и Басилинны происходил в Буколеоне – дворце, который был резиденцией Архонта Басилевса [Burkert 1985, p.109, 239; Kerényi 2008, pp. 261-267]. В краснофигурном кратере изображена сцена прибытия Диониса к своей возлюбленной. Опьянённый молодым вином Дионис приближается к двери, у которой его высматривает невеста. Бога ведёт молодой сатир, держащий в руке хоес – кружку для вина, от которой произошло название второго дня Антестерий. На ступенях у двери сидит старый сатир, стерегущий вход в комнату [Tarquinia RC4197; ARVI 1057.96; CVA, Tarquinia, Museo Nazionale 2, III.I.4, pl. 16.1-3]. Популярность сцен, посвященных дионисийскому шествию

и празднествам в честь Диониса, нужно связывать с распространением сцен, которые, казалось бы, не имеют ничего общего со сферой Ленай и Антестерий. В аттической вазописи, начиная со второй половины V в. до н.э., увеличивается количество изображений, представляющих повседневную жизнь женщин [Boardman 1989, p.219]. Кроме домашних сцен частыми становятся композиции, связанные со свадьбой и подготовкой невесты. Её часто сравнивают с Алкестидой, которая добровольно отдала свою жизнь в обмен на жизнь её мужа Адмета.

Вышеупомянутые сцены и пути, которыми развился миф Диониса, а также роль, которую играли знатные афинские дамы в официальных религиозных обрядах в честь Диониса, могли повлиять на формирование сцен, представляющих Диониса и Ариадну как божественных супругов. Одна из первых сцен, которые можно трактовать как изображения Диониса и Ариадны - супружеской пары, находится на чёрнофигурной амфоре [Cambridge G48; ABVI 259.17; CVA, Cambridge, Fitzwilliam Museum 1, 18, pl. 9.2, 10.1A-B, 23.2]. На изображении мы видим бога, держащего в руке фиалу, а рядом с ним – полуобнажённую женщину, протягивающую руку к венку на голове. Рядом находится стол и ложе (*kline*), под которым сидит пёс. У подножья ложа показаны сатиры и нимфы (рис. 4). Следующая чёрнофигурная амфора дополняет вышеописанную сцену [Bothmer 1990, pp. 140-141, 107]. На амфоре видим обнажённую до пояса пару, лежащую на ложе. Рядом с ложем стоит стол с яствами, у стола – обнажённые мужчины: один держит венок, второй танцует. С другой стороны играющая на авлосе женщина ведёт процессию трёх обнажённых мужчин, несущих буклаки с вином и волютообразный кратер. В этом же контексте следует рассматривать композицию на чернофигурной амфоре, на которой показано стоящих Диониса и женщину, повернутых вправо, к которым с обеих сторон приближаются нимфы и сатиры. С правой стороны композиции стоит ложе [Carpenter 1997, p.66]. В аналогичном стиле исполнена очередная сцена, где мы опознаём фигуры благодаря надписям. На краснофигурном кратере, датированном серединой V в. до н.э., представлена женщина, опирающаяся о ложе, обозначенная как Ариадна (рис. 5). К ней приближается Дионис, также опознанный благодаря надписи [Tubingen 5439; ABV 1057.97; CVA, Tübingen, Antikensammlung des Archeologischen Instituts der Universität 4, 46-48, pl. 18. 1-7]. Подобные сцены, представляющие женщину в компании Диониса, подписанную как Ариадна, нам знакомы ещё по нескольким примерам. На краснофигурном сосуде, датированном второй четвертью V в. до н.э. мы видим Ариадну, сидящую на ложе, а рядом с ней сидит Дионис, с ложа вырастает виноградная лоза. В сцене участвуют также нимфы и сатиры [Carpenter 1997, p.67; New York 1986.11.12]. Возможно, происходящая в культе эволюция ритуалов и дионисийского мифа повлияла на разработку новых форм представления бога вина. Приобрели значение эпизоды, которым раньше в иконографии не уделялось особого внимания.

Ударение ставится на сцене брака Диониса с Ариадной. Это уже не девушка, брошенная и преданная Тесею, а избранная богом невеста. Непосредственно к этому событию относятся обряды Антестерий и символическая свадьба Басилинны с Дионисом. Некоторые исследователи предполагают, что обе фигуры – Ариадны и Басилинны – в этих случаях необходимо рассматривать как взаимозаменяемые [Burkert 1985, pp.239-240]. Сцены, представляющие Диониса в роли спасителя Ариадны, появляются с середины V в. до н.э. и связаны с новой интерпретацией событий в Наксосе [Webster 1966, p. 26].

Наряду с приведёнными выше примерами, где показан трагизм героев, на других сосудах можем наблюдать композиции, которые сосредоточены уже исключительно на персонажах Диониса и Ариадны. На гидрии изображена Ариадна, которую Дионис ведёт к подушке на земле, справа показаны играющие на флейте сатиры, слева – Афродита и Эрос, наблюдающие сцену [London 184; ARVI 113.14; CVA, London, British Museum, 5 III.Ic.14, pl. 80.3]. Под влиянием произведения Ксенофонта (Ksen. Sym., IX.2-7) изображения божественных супругов приобретают насыщенное эротизмом, романтическое настроение. В течение последней четверти V в. до н.э. и в IV в. до н.э. это уже популярная тема в вазописи. Ариадна появляется здесь как невеста, а молодой Дионис выражает ей свою заинтересованность. На сосудах, принадлежащих к этой группе, молодой обнажённый Дионис сидит или прогуливается с Ариадной, часто обнимает свою спутницу [Carpenter 1997, p.68; Madrid L209; ARVI 1409.11; CVA, Madrid, Museo Arqueologico Nacional 2, pl. 10. 1. A-B]. Такую романтическую, даже идиллическую сцену, насыщенную эротикой, можно наблюдать на Дервенском кратере, датированном ок. 330 г. до н.э. [Easterling, Muir 1985, pl. 43]. Оба персонажа представляют собой гармоничную пару в окружении сатиров и менад. На кратере IV в. до н.э. представлена Ариадна, а рядом с ней стоит слегка наклонившийся Дионис [Athens, Market: XXXX 218057; ARVI 1436.9; Beazley Archive: 218057]. Эти сцены характеризует серьёзность, но полны нежности и романтического настроения. На большинстве сосудов IV в. до н.э. Дионис изображён в виде молодого человека, часто с женскими чертами. Образ молодого Диониса появляется в вазописи в классический период, вероятно, под влиянием изображений из Парфенона, где он показан в виде юноши (фигура D с восточного фронтона Парфенона, фигура 25 на восточном фризе, VaDok2, 04). Всё ещё продолжается дискуссия на тему идентификации обоих изображений с Дионисом [Brommer 1963, p.181; Palagia 1993, p.61; Harrison 1967, pp. 27-58; Pochmarski 1984, pp. 278-280, Carpenter 1997, pp. 84-92]. Однако фигура молодого бога вина появляется на аттических сосудах позже, чем изображение на Парфеноне, и которое, вероятно, было для неё образцом. На кратере из позднего классического периода мы видим Ариадну и обнажённого по пояс Диониса, сидящих на шкуре дикого зверя. Дионис держит *тирс*, рядом стоит менада. Он повернут лицом к Ариадне, которая держит в руке арфу и *тирс*,

рядом стоит сатир с *тирсом*. Над головой Диониса и Ариадны изображён Эрос. Дионис предстаёт в образе молодого юноши с очень нежными женскими чертами лица, длинными вьющимися волосами, которые придают ему женоподобный вид [Ferrara 6458; ARVI 1446.1; Berti, Gasparri 1989, pp. 47.13].

Изображения божественной пары на сосудах позднего классического периода коренным образом отличаются от предыдущих композиций. В ранних сценах Ариадна появляется с Дионисом в контексте мифа о Тесее. Она представлена в виде молодой девушки, к которой тихо приближается Дионис. Художники представляли её также вблизи Тесея с венком или мотком ниток. Несмотря на тот факт, что являлась ключевой фигурой в сказании, в иконографии играет второстепенную роль. Вторую категорию ранних композиций, иллюстрирующих Диониса и Ариадну, составляют изображения, на которых во многих случаях идентификация Ариадны сомнительна. Преимущественно эти сосуды датируются первой половиной VI в. до н.э., когда канон представлений о Дионисе только формировался. Показывают они бородатого бога вина с развеянными волосами, держащего в руке рог для питья – ритон. Бога сопровождает женщина без отличительных атрибутов. Иногда обе фигуры находятся в тондо чаш для вина. Некоторые ученые считают, что эти первые изображения божественной пары неоднозначны, поскольку женщина может быть определена как менада или мать Диониса Семела. Существенно отличаются от них композиции позднего классического периода, когда нет никаких сомнений на предмет личности обоих персонажей. Они представлены в новой концепции, где Ариадна непосредственно связана с Дионисом, а фигура Тесея отодвинута на дальний план. Ариадна находится в центре композиции, вместе со своим мужем богом они – главные герои сцены. Изображения имеют также другое эмоциональное содержание. Внимание Диониса часто сосредотачивается на Ариадне, а она показана как счастливая и кроткая невеста. Подобные сцены можно найти на сосудах, иллюстрирующих свадьбу смертных. На многих сосудах, используемых во время свадебной церемонии или представляющих сцены свадьбы, можно наблюдать спокойную, довольную невесту и её будущего мужа, изображённого в виде юноши. Темы, связанные с жизнью женщин, в том числе со свадебной церемонией, становятся популярными лишь с середины V в. до н.э. и украшают посуду, предназначенную для молодых девушек и хозяек дома [Boardman 1989, стр. 221]. Эти сцены представляют собой идеализированный образ брака, в котором супругов не разделяет большая разница в возрасте, хотя известно, что в действительности эта разница составляла от 10–15 лет и больше [Fantham, Foley, Kampen, Pomeroy, Shapiro 1994, стр. 98-101, 101-106]. Появление новых сцен было также продиктовано требованиями общественных правил, которые чётко указывали сферы, ответственные афинским женщинам [Cartledge 1992, стр. 63-89; Walcot 1970, стр. 67-70]. Эту идеальную пару показывают также сосуды, изображающие Диониса

и Ариадну. Безусловно, ассоциировались с браком, который заключала с Дионисом Басилинна во время Антестерий. В их ходе Басилинна, а вместе с ней и все афинские женщины, становились невестами Диониса. Сцены с божественной парой могут представлять собой некую смесь этих образцов невесты, уважаемой хозяйки дома и божественной супруги Диониса.

Изображения Диониса и Ариадны можно встретить также на сосудах керченского стиля. Эта керамика была создана в аттических мастерских. Размещённые на них сцены аналогичны тем, которые были обязательны в IV в. до н.э. и развились под влиянием правил аттического общества. Могли, тем не менее, быть совершенно по-другому поняты греками полисов, разбросанных на побережье Чёрного моря. Эти сосуды доходили к иному кругу потребителей, чем общество средиземноморской Греции. Образ Ариадны и Диониса, исполненный в керченском стиле, нам знаком, в частности, из гидрии, на которой божественная пара представлена в компании Афродиты [Schefold 1930, пл. 7А, 8А-В; Boardman 1989, фиг. 382]. Сцена на ту же тему также находится на кратере, на котором их окружают крылатые Эросы [Schefold 1934: 16.11; ARVI 1443.4; CVA Paris, Louvre 5, III.E.4, pl. 2.1.3]. Культ Диониса в Северном Причерноморье был широко распространён. Богатые археологические материалы, например, с Ольвии, подтверждают, что церемонии в честь Диониса были популярны не только в их явной форме, но также в сфере мистерий [Русяева 1978, стр. 88- 86]. Дионисийские обряды присутствовали в Ольвии уже в V в. до н.э., что доказывает упоминание Геродота о том, что скифский царь Скил был посвящён в дионисийские мистерии во время его пребывания в городе (Hdt. IV. 79). Многочисленные находки из погребальных даров подтверждают, что тематика, связанная с мифом Диониса, была хорошо известна жителям Понта [Кузина 2007, с. 112-122; Шевченко 2007, с. 141-148]. Среди находок, напр., из Ольвии и Херсонеса, надо указать на фигурки сатиров [Скунова 1970, с. 31; Зубар 2004, с. 164-165; Кузина 2007, с. 113] и терракотовые маски Диониса [Русяева 1987, с. 92-94; Белов 1978, с. 56; Зубар 2004, с. 174; Зубар 2005, с. 446-447], а также надписи и граффити с указанием на связь с дионисийскими празднествами [Русяева 1978, с. 89; Кузина 2007, с. 121]. К дионисийским мистериям относятся также костяные таблички, найденные в Ольвии [Русяева 1976, с. 369-370; Русяева 1978, с. 87-105; Burkert 2007, р. 70]. Существенны также сосуды, импортируемые из Аттики, черно- и краснофигурные с изображениями Диониса [Передольская 1967, с. 95-96, фиг. 71, Молев, Молева 1996, с. 77-78, фиг. 21]. На чернофигурной ойнохое из некрополя Пантикапея одна из фигур определена как Ариадна [Кузина 2007, с. 117]. Краснофигурные сосуды с изображением Диониса были использованы в качестве погребального дара [Белов 1948, с. 144-146; Шевченко 2007, с. 142]. Эпиграфические данные также указывают на почитание праздников в честь Диониса как в Ольвии, так и в Херсонесе [IOSPE II, 325, 343, 344; Русяева 1978, с. 97; Шевченко 2007, с. 141]. Богатый материал показывает, что

история бога-героя Диониса, присоединившегося к олимпийским богам последним, была популярна среди жителей Понта. Различные аспекты культа и личности Диониса проявлялись как в чисто религиозном и мистерийном контексте, так и более широко, связанном с производством вина и почитанием бога. Дионис, который передал людям искусство выращивания виноградной лозы и виноделия, был особо важен для греческих городов Причерноморья. Не менее важными были Ариадна и её брак с Дионисом, от которого родились сыновья Энопион, Фоант, Стафил, Латрамис, Энией и Таврополида. Энопион был царём Хиоса – центра, с которым причерноморские колонии поддерживали торговые связи с архаического периода (Hes. Theog., 86; Apollod. Epit., I.9; Diod. Sic. 5.79.1). Стафил мог быть царём Фасоса, известного своей винодельческой продукцией (Apollod. 1.113; Ar. 1020). По традиции, Фоант был царём Лемноса (Hes. Theog., 85, Apollod. Epit., I.9; Ar. Rhod. IV.425), но его считают также правителем Херсонеса Таврического (Apollod. Epit., VI.26). Упомянутые острова славились виноградарством и виноделием. Типичным для них является не только экономический и политический союз с Афинами, но и сильные, основанные на давней традиции торговые связи с греческими полисами на северном побережье Черного моря. Согласно некоторым преданиям, виноградарство распространилось сначала на севере, во Фракии и на побережье Черного моря (скитания Диониса), а затем проникло на территорию Греции. Также Сабазий, фрако-фригийский бог вина, часто отождествлялся с Дионисом или считался его сыном [Hymn. Orph., 57; Nonnus, Dionysiaca 48.848; Fol 1998, p. 79-84]. Культ божества, известного как Дионис-Сабазий, подтверждён, напр., в Херсонесе [Nilson 1967, с. 127, Гилевич 1988, с. 72-73; Зайцев 2004, с. 191]. Учитывая эти факторы, посуда с изображением Диониса, особенно в компании Ариадны, могла быть особо привлекательна для жителей Понта. Хотя сам образ сформировался в Аттике под влиянием различных импульсов, пользовалась она спросом понтийских греков. Содержание иконографии могло, однако, быть иначе принято и интерпретировано. На это имело влияние разное понимание Диониса и роли, в которой он выступал по отношению к понтийским городам.

ЛИТЕРАТУРА:

- Beazley J.D.* Attic Black-Figure Vase-Painters. - Oxford, 1956.
Beazley J.D. Attic Red-Figure Vase-Painters, 2nd edition. - Oxford, 1963.
Beazley J.D. Paralipomena. - Oxford, 1971.
Berti F and Gasparri, C. Dionysos, mito e mistero. - Bologna, 1989.
Boardman J. Athenian Red-Figured Vases: Classical period. - London 1989.
Boardman J. Athenian Black Figure Vases. - London, 1974.
Boardman J. Pottery from Eretria, *The Annual of the British School at Athens.* - Vol. 47, 1952.
Bothmer D. von (ed.), *Glories of the Past: Ancient Art from the Shelby White and Leon Levy Collection.* - New York, 1990.
Brijder H. Siana Cups II, *The Heidelberg Painter*, Allard Pierson Series 8. - Amsterdam, 1991.
Brommer F. Die Skulpturen der Parthenon-Giebel : Katalog und Untersuchung. - Mainz 1963
Burkert W. Староżytне Культу Mysteryjne. – Kraków, 2007.
Burkert W. Greek Religion. - Oxford 1985.
Carpenter T. Art and Myth in Ancient Greece. - London 1994.
Carpenter T. Dionysian Imagery in Archaic Greek Art : Its Development in Black-Figure Vase Painting. - London, 1986.
Carpenter T. Dionysian Imagery in Fifth-Century Athens. – London, 1997.
Cartledge P. The Greeks. - Oxford, 1993.
Dodds E. R. Euripides: - Bacchae, Oxford, 1960.
Dodds E. R. The Greeks and the Irrational. - Berkley, 1951.
Easterling P. E., Muir J. V. Greek Religion and Society. - Cambridge, 1985.
Edwards M.W. Representations of Maenads on Archaic Red-Figure Vases // *Journal of Hellenic Studies.* - vol. 80. - 1960.
Fantham E., Foley H.P., Kampen N.B., Pomeroy S.H., Shapiro H.A. Women in the Classical World. – Oxford, 1994.
Fol A Pontic Interactions: The Cult of Sabazios // *G.R. Tsatskhelidze* (ed.), *The Greek Colonisation of the Black Sea Area.* - Stuttgart 1998.
Graves R. Mitologia Grekyw. – Warszawa, 1968.
Harrison J. E. Prolegomena to the Study of Greek Religion. - Cambridge, 1908.
Kerényi K. Dionizos. Archetypowy obraz życia niezniszczalnego. - Warszawa, 2008.
Kerényi K. Eleusis. Archetypowy obraz matki i cyrki. – Kraków, 2004.
Kerényi K. Mity Greckie. – Warszawa, 2002.
Kirk G.S. The Bacchae by Euripides. - Englewood, 1970.
Kraemer R. Ecstasy and Possession: // *The Attraction of Womaen to the Cult of Dionysus*, Harvard Theological Review, 72.- 1979.
Kunze E. Olimpische Berichte. - Berlin, 1956.
Nilsson M. Geschichte der griechischen Religion. - Munich, 1967.
Nilsson M. The Dionysiac Mysteries of the Hellenistic and Roman Age., – Lunde, 1957.
Palagia O The Pediments of the Partenon. - Leiden, 1993.
Papastamos D. Melische Amphoren. - Münster, 1970.
Parke H. W. Festivals of the Athenians. - Ithaca New York, 1994.
Pickard – Cambridge A. The Dramatic Festivals of Athens. - Oxford, 1968.
Pochmarski E. Das Bild des Dionysos in der Rundplastik der klassischen Zeit Griechenlands. - Vienna, 1974.
Robertson C. M. History of Greek Art. - Cambridge, 1975.
Robertson C. M. The art of Vase-Painting in Classical Athens. - Cambridge, 1992.
Schefold K. Kertscher Vasen. - Berlin, 1930.
Schefold K. Untersuchungen zu den Kertscher Vasen. - Berlin—Leipzig, 1934.

- Seaford R.* Dionysus as Destroyer of the Household : Homer, Tragedy and the Polis // Carpenter M., Faraone C. (eds.), *Masks of Dionysus*. - New York, 1993.
- Shapiro, H. A.* et al. (eds.), *Greek Vases in the San Antonio Museum of Art*. - San Antonio, 1995.
- Shapiro, H. A.* Personifications in Greek Art // *The Representation of Abstract Concepts 600-400 BC*. - Zurich, 1993.
- Trendall A. D.* *Red Figure Vases of South Italy and Sicily*. - London 1989.
- Villaneuva-Puig M.* A propos du nom de „bacchante” attribué par les auteurs anciens à la figure artistique de la compagne de Dionysos: un point du vocabulaire de la critique d'art dans l'Antiquité // *Revue des études anciennes*, 82, 1980.
- Walcot P.* *Greek Peasants. Ancient and Modern. A Comparison of Social and Moral Values*. - Oxford, 1970.
- Webster T.B.L.* The Myth of Ariadne from Herod to Callatus, Greece and Rome. - vol. 13, no. 1, 1966.
- Белов Г. Д.* Некрополь Херсонеса классической и эллинистической эпохи // *ВДИ*, 1948. - 1.
- Гилевич А. М.* О культе Сабазия в Херсонесе // *Древний Восток и античная цивилизация*. - Ленинград, 1988.
- Зайцев А. Н.* *Греческая религия и мифология*. - СПб, 2004.
- Зубарь В. М.* О семантике одной группы погребального инвентаря в некрополе Херсонеса эллинистического периода // *БИ*. – Вып. V. - 2004.
- Зубарь В. М.* Религиозное мировоззрение // *Херсонес Таврический в третьей четверти VI – середине I вв. до н.э.: очерки истории и культуры*. - К., 2005.
- Кузина Н. В.* Дионисийская символика в погребальной обрядности населения античных центров Северного Причерноморья // *БИ*. – Вып. XVI. - 2007.
- Молев Е. А., Молева Н. В.* 25 лет Китейской экспедиции // *НИКА*, 1996.
- Русяева А. С.* Орфизм и культ Диониса в Ольвии // *ВДИ*, 1978, 1.
- Передольская А. А.* Глиняная таблетка с изображением козлов (К вопросу о характере культа Диониса) // *СХМ*, 1963. – Вып. III.
- Скунова В. М.* Статуэтки с о. Березань // *Терракоты Северного Причерноморья*. - САИ. - Вып. Г. 1-11, ч. I. - М., 1970.
- Шевченко Т. М.* Мистерэп в античном Херсонесе // *БИ*. - Вып. XVI. - 2007.

I. Глушек

ЗОБРАЖЕННЯ АРІАДНИ В АТТИЧНОМУ ВАЗОПИСУ

Резюме

У статті розглядається іконографія образу Ариадни в аттичному вазопису у зв'язку цього образу з Тесеєм та Діонісом. Посуд з зображенням Діонісу та Ариадни міг бути особливо привабливим для мешканців Північного Причорномор'я. Хоча цей образ сформувався в Аттиці під впливом різних імпульсів, він був популярним серед понтійських греків, де його іконографія могла бути інакше сприйнята та інтерпретована. На це мало вплив різне розуміння Діоніса і ролі, в котрій він виступав по відношенню до понтійських міст.

И. Глушек

ИЗОБРАЖЕНИЯ АРИАДНЫ В АТТИЧЕСКОЙ ВАЗОПИСИ

Резюме

В статье рассматривается иконография образа Ариадны в аттической вазописи, в связи этого образа с Тесеєм и Дионисом. Посуда с изображением Диониса и Ариадны могла быть особо привлекательна для жителей Северного Причерноморья. Хотя этот образ сформировался в Аттике под влиянием различных импульсов, он был популярен среди понтийских греков, где его иконография могла быть иначе принята и интерпретирована. На это имело влияние разное понимание Диониса и роли, в которой он выступал по отношению к понтийским городам.

I. Glushek

IMAGES OF ARIADNE IN ATTIC PAINTED VASES

Summary

The article deals with the iconography of the image of Ariadne in Attic painted vases in the context of this image with the images of Theseus and Dionysos. Dishes depicting Dionysos and Ariadne could be particularly attractive to the residents of the Northern Black Sea coast. Although this image was formed in Attic under the influence of various urges, it was popular among the Pontic Greeks where its iconography could be accepted and interpreted differently. Miscellaneous understanding of Dionysos and his role regarding the cities of Pontus had an impact on it.

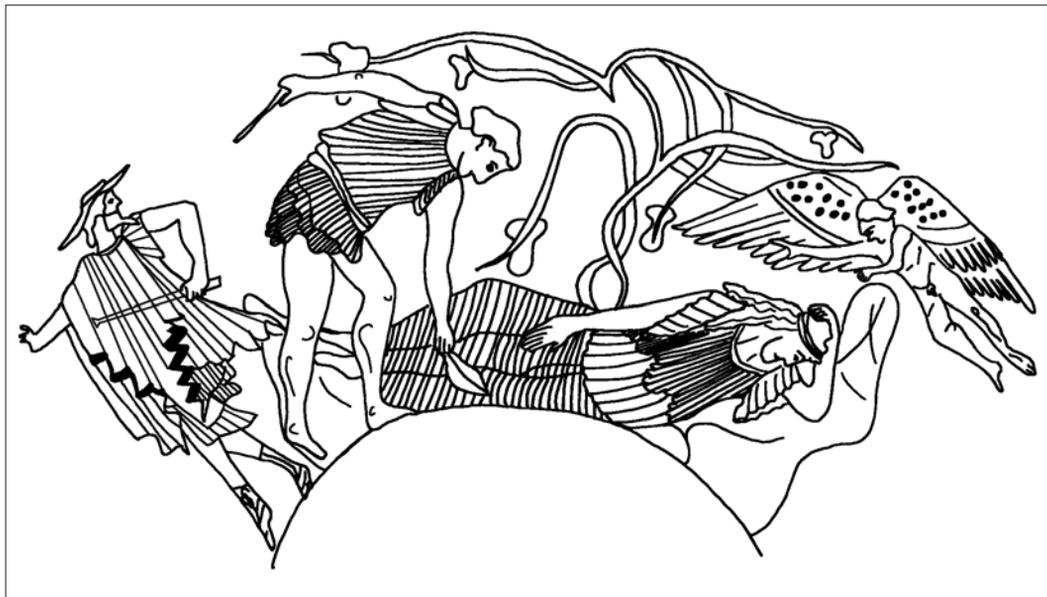

Рис. 1. Тесей и спящая Ариадна.

(Рисунок по: CVA, Tarquinia, Museo Nazionale, 2, III.1. 4, III.1.5, pl. 18. 1)

Рис. 2. Афина оттягивает Тесея от Ариадны.

(Рисунок по: Robertson 1992, fig. 126)

Рис. 3. Ариадна и Дионис.
(Рисунок по: CVA, Cambridge, Fitzwilliam Museum, 2, 45, pl. 23)

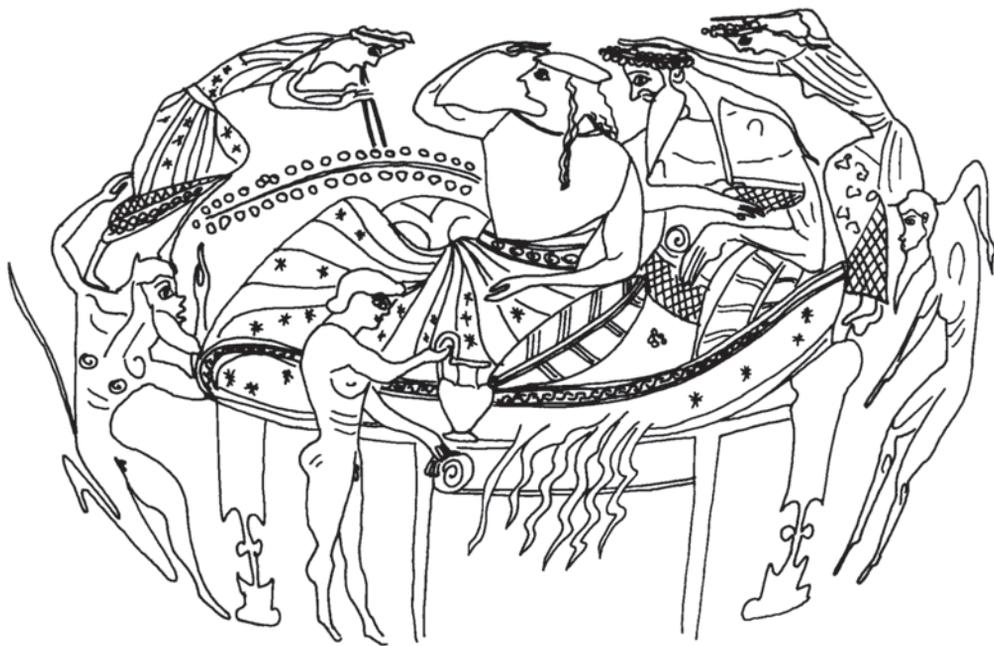

Рис. 4. Дионис и Ариадна как супруги.
(Рисунок по: CVA, Cambridge, Fitzwilliam Museum 1, 18, pl. 9.2, 10.1A-B, 23.2)

Рис. 5. Ариадна и Дионис.

(Рисунок по: CVA, Tübingen, Antikensammlung des Archeologischen Instituts der Universität 4.46-48, pl.18. 1)

Н.В. МОЛЕВА

АНТРОПОМОРФНЫЕ ИЗВАЯНИЯ В БОСПОРСКИХ ГОРОДАХ: СЛУЧАЙНОСТЬ ИЛИ ТРАДИЦИЯ?

Известно, что в погребальном обряде на Боспоре антропоморфные изваяния использовались не только как надгробные памятники. С IV по I вв. до н.э. они встречаются на ритуальных площадках некрополей и в остатках тризн, в загородках могил и в дромосах склепов. Такое применение антропоморфных изваяний было связано с ритуальными действиями в процессе погребального обряда. В первые века н.э. они нередко попадают в конструкции могил: перекрытиях, закладах, а также используются в кладках стен погребальных сооружений. Для этих целей употребляются старые памятники из пришедших в негодность участков некрополей. В то же время, особенно во II в. н.э., в архитектурном обрамлении боспорских надгробных стел появляются акротерии необычных антропоморфных очертаний [Молева. 2002. С. 30-35; Сорокина, Усачева. 1997. С. 47-57.]. Активное вытеснение из боспорских некрополей антропоморфных надгробных памятников в то время объясняется широким распространением стел с рельефами. Однако в религиозном мировоззрении боспорян значение антропоморфной конфигурации как апотропея, охранявшего умершего в загробном мире и его могилу, сохранялось еще очень долго.

Особый интерес в сфере исследования мировоззрения и ментальности боспорян представляет большая группа антропоморфных памятников, обнаруженных при раскопках городов. К настоящему времени их известно 25. Поскольку большинство из них входило в конструкции зданий и вымосток, то вполне верной кажется мысль, что их использовали как первый подвернувшийся под руку камень. Настораживает только одно: во всех случаях, без исключения, настойчиво сохранялась сложная и неудобная для строителей конфигурация таких памятников. Казалось бы, отбить голову, и получится вполне пригодный для строительства каменный блок. Однако этого никогда не происходило. Все изваяния размещались в кладках целиком. Только иногда они подтесывались с одной стороны, если изваяние выходило на лицевую сторону здания (рис.1). Обстоятельства и контекст находок антропоморфных надгробий на территории боспорских городов позволяют выделить три направления в повторном использовании таких памятников.

Первое – это применение антропоморфных изваяний в качестве закладной жертвы при постройке фортификационных сооружений. Таких памятников

известно не менее 10 : в Тиритаке, в крепости на Таманском полуострове и в Илурате. Рассмотрим местоположение каждого из них. Два изваяния эпохи ранней бронзы (мужское и женское) были положены в основание крепостной стены Тиритаки в V в. до н.э. [Gajdukevič. 1971. S. 38]. Тот факт, что изваяния были варварского происхождения, значения не имел: боспорских еще не было, а конфигурация памятника несла столь большое и понятное древним значение, что антропоморфы вполне годились для закладки городских стен. Вероятно, в ход пошли стелы, найденные неподалеку при земляных работах.

Еще один памятник был обнаружен в перекрытии подземного хода, ведущего от крепостных стен города за его пределы, к ручью. Это сооружение относится, вероятно, к IV-III вв. до н.э. [Марти. 1941. С. 25]. Причем, на этом плоском изваянии, лежащем плашмя, имелось горелое пятно, происхождение которого вполне могло быть связано с какими-то церемониями.

Два антропоморфных надгробия были найдены в забутовке цоколя крепости (или укрепленной усадьбы) на Таманском полуострове неподалеку от Кеп. Крепость датируется II-I вв. до н.э., а найденные изваяния, по мнению Н.И. Сокольского, относятся к более раннему, эллинистическому времени [Сокольский. 1963. С. 26-27]. В первых веках н.э. традиция помещения антропоморфных изваяний в стены фортификационных сооружений сохранялась. Так, в Илурате в кладке стены юго-восточной башни IV хорошо просматриваются 5 (возможно, внутри есть еще) антропоморфных надгробий эллинистического периода [Кубланов. 1971. С. 85]. Замечу, что эти изваяния не могли быть взяты из более древнего близлежащего некрополя, поскольку ни поселений, ни могильников эллинистического времени в том районе нет. Памятники, скорее всего, были доставлены для закладки башни специально, и этот факт свидетельствует о важном специфическом обряде. Известны также случаи находок антропоморфных изваяний вблизи крепостных стен и в крепиде на городище «Белинское» (Зубарев В.Г. Устная информация).

Использование антропоморфных надгробий при строительстве городских укреплений характерно не только для Боспора. Так, в Херсонесе А.Н. Щеглов приводит 6 примеров применения антропоморфов в кладке и облицовке крепостных стен и башен [Щеглов. 1968. С. 214-216. Рис. 1-3,5(2)], а Л.Г. Колесникова отмечает 14 таких случаев [Колесникова. 1976. №№ 231, 238, 239, 242, 250, 253, 257, 268, 270, 277, 279, 282-284].

Что же символизировали такие закладные жертвы при фортификационном строительстве? Кому они посвящались? На второй вопрос ответить, вероятно, легче. Связь антропоморфных изваяний с хтоническим миром очевидна. Олицетворяя умершего, они выполняли функции оберегов в подземном царстве. Для крепостных стен и башен, сооружавшихся в сейсмически опасном регионе (данные о землетрясениях на Боспоре достаточно хорошо известны), заручиться поддержкой богов-колебателей земли, обитающих в нижнем мире,

было необходимо. Отсюда и закладные жертвы. Нередко для таких целей использовались животные, особенно собаки. Но человеческие формы? Ведь антропоморфные изваяния, независимо от своей принадлежности и особенностей изготовления, имеют контуры человеческой фигуры. Может быть, в данном случае мы имеем дело с отзвуком очень древней традиции человеческих жертвоприношений при закладке крепостей, прошедшей через эпоху древнего мира и даже средневековья. И вполне вероятным будет допустить, что антропоморфные изваяния при сооружении крепостных стен и башен в греческих городах Северного Причерноморья и боспорских, в частности, олицетворяли собой человеческие жертвоприношения хтоническим богам.

Второй аспект использования антропоморфных изваяний в городах тоже носит сакральный характер, причем ярко выраженный. Имеются в виду случаи использования этих памятников в ритуалах жертвоприношений, тоже посвященных хтоническим богам. Рассмотрим обстоятельства и контекст находок шести изваяний из культовых комплексов на поселении Генеральское Западное (Азовское побережье), Белинском городище и в Китее. Первый памятник был найден при раскопках укрепленной усадьбы конца IV-III вв. до н.э. Она принадлежала очень богатому и знатному человеку. Возможно, даже являлась царской загородной резиденцией. Об этом свидетельствуют ее стены, облицованные рустами, и перистильный двор. Последний активно использовался для сакральных церемоний с жертвоприношениями. В центре его находился большой каменный прямоугольный алтарь; в юго-восточном углу – жертвенный стол (сохранились ножки от него) и тут же лежало антропоморфное надгробие с полукруглой выемкой в нижней части, указывающей на вторичное использование этого памятника. Автор находки А.А. Масленников пишет по этому поводу: «как и зачем оно оказалось в здании неясно. Быть может надгробие играло какую-то особую роль в обрядах хтонических культов?» [Масленников. 2007. С. 494]. Очень правильный вопрос.

Еще 4 антропоморфных изваяния были найдены в сакральных комплексах городища «Белинское». Два из них, с прямоугольными головами, находились среди вотивных предметов в ботросе, наряду с алтарями, курильницами и светильниками. Заполнение ботроса свидетельствует о его культовом (хтоническом) предназначении и относится к середине IV в. н.э. [Зубарев, Крайнева. 2007. С. 148-250. рис. 3 (2,4)]. Антропоморфные памятники датируются гораздо более ранним временем – III в. до н.э. и принадлежат к % типу (классификация Н.В. Молевой [Молева. 2002. С. 48]).

Оставшиеся два антропоморфных надгробия из городища «Белинское» были найдены в сакральном комплексе с алтарями, жертвенниками и вотивными находками в помещениях 9 и 11. Один антропоморфн находился под вымосткой, на кроторой стоял алтарь; второй (со следами огня) сам использовался в качестве жертвенника [Зубарев. 2003. С. 140].

Последний антропоморф происходит из Китея и обнаружен лежащим на полу в центре помещения «А» раскопа II. Это здание входит в комплекс сакральных сооружений, окаймлявших с востока Китейское святилище. Все они связаны с религиозными церемониями, происходившими там во II-V вв. н.э. [Молев, Молева. 2007. С. 222]. Наш памятник, вероятно, относится к первому периоду функционирования помещения, т.е. ко II в. н.э. Находясь в центре помещения, он, видимо, выполнял функции алтаря. Само же антропоморфное надгробие датируется более ранним временем: II-I вв. до н.э. [Молева. 2008. С. 146. рис.1].

Эти две находки из боспорских культовых комплексов указывают на то, что антропоморфные изваяния употреблялись в качестве жертвенников, будучи использованы повторно в святилищах. Аналогии таким обрядам имеются в боспорских некрополях (тризны и ритуальные площадки): в Кепях (рядом с грунтовым погребением № 2); в Фанагории (в тризне кургана III-II вв. до н.э.); в Мирмекии (рядом с могилой № 10 первых веков н.э.); в Кыз-Аульском некрополе (над могильной ямой эллинистического времени); в Южно-Чурубашском некрополе (ритуальный комплекс IV в. до н.э. [Молева. 2002. С. 31,36. Сн. 6]). Обращает на себя внимание тот факт, что и в городах, на некрополях антропоморфные памятники применялись в ритуалах и церемониях в честь хтонических богов. Почти все они имеют следы, указывающие на использование их в качестве алтарей: горелые пятна, выдолбленные углубления различной формы, иногда – со стоком для стекания жидкости, а также – сквозные отверстия. Такие признаки не могут быть случайными. Очевидно, в религиозном представлении боспорян антропоморфные изваяния уже с IV в. до н.э. ассоциировались с хтоническими культами и, в особенности, с обрядовыми отправлениями в честь богов подземного мира. Два таких памятника, найденные в городских сакральных комплексах Генеральского Западного и Китея, служили, вероятно, тем же целям. Традиция такого применения антропоморфных надгробий была длительной. Она насчитывает несколько сотен лет с IV в. до н.э. по II в. н.э.

Третье направление в использовании антропоморфных изваяний, обнаруженных при раскопках боспорских городов, связано с применением их в строительстве зданий. Реже – это бывают дома городских жителей, чаще – постройки общественного и культового назначения. Группа таких памятников включает в себя 9 изваяний из Мирмекия, Тиритаки, Китея, Кеп, поселения у с. Михайловка на Керченском полуострове, Танаиса. Обстоятельства их находок следующие:

Два изваяния происходят из помещений позднеэллинистического времени. Это антропоморф из крепости или укрепленной усадьбы II-I вв. до н.э. неподалеку от Кеп, найденный в вымостке двора, на участке, прилегающем ко входу (Сокольский. 1963. С. 26-29). Еще один памятник происходит из Танаиса.

Он был поднят из вымостки переулка, прилегающей ко входу в помещение «К», датированного II в. до н.э. [Болтунова, Каменецкий, Деопик. 1969. С. 32-34].

Случаи остальных находок связаны со строительными работами, проводимыми в первых веках н.э., чаще всего – во II-IV вв. Изваяние из поселения у с. Михайловки служило вертикальной стойкой дверного проема в помещении I-II вв. н.э. [Петерс. 1970].

Памятник из Мирмекия обнаружен в развале южной стены, выпавшем из заклада дверного проема помещений XXXVII-XXXIX (участок «И») II-III вв. н.э. [Гайдукевич. 1987. С. 133-135].

Антропоморф из Тиритаки найден в вымостке двора помещения III-IV вв. н.э. на участке, прилегающем к выходу [Гайдукевич. 1952. с. 120].

Оставшиеся 5 изваяний происходят из раскопок Китея. Одно из них, подтесанное, найденное в 1983 г., входило в состав заклада дверного проема в помещении «А» (раскоп V) II в. н.э. Кладки его располагались над более ранним зданием, существовавшим в III-I вв. до н.э. Вполне вероятно, что во время перестройки антропоморфный памятник мог быть взят из этого раннего помещения «Б». Отмечу также, что обилие алтарей (3 стационарных и 2 маленьких переносных), а также граффити и фрагменты терракот позволяют предполагать культовый характер обоих этих зданий [Молева. 1991. С. 105-106. Табл. № 8].

Находки оставшихся трех изваяний связаны с исследованием в последние 5 лет архитектурного культового комплекса, ограждавшего китейский зольный холм с востока. Этот комплекс представлял собой ряд зданий, вытянутых с севера на юг и почти примыкающих друг к другу. Алтари, более 50 терракот, остатки жертвоприношений не оставляют сомнений в его сакральном назначении [Молев, Молева. 2007. С. 84-85]. Антропоморфные памятники были обнаружены в конструкции зданий, строившихся во II в. н.э., а в III и IV вв. перестраивавшихся. Обстоятельства находок всех трех изваяний связаны с дверными проемами: два входили в состав разрушенного дверного проема в помещении «Г». Оба они подтесаны (соответственно одно с правой стороны, другое с левой) по вертикали. Причем подтеска имеет симметричную конфигурацию. [Молева. 2008. С. 147. Рис. 2-3]. При этом форма надгробий сохранена. Стесано только плечо и небольшая часть головы. Создается впечатление, что эти изваяния, входившие в кладку стен, окаймляли своими стесанными вертикальными сторонами вход в здание.

Последнее из китейских изваяний было найдено в помещении «Ж» в развале камней над дверным проемом [Молев. 2009. С. 10. Табл. 6. № 35]. Оно, так же, как и 2 предыдущих, подтесано по вертикали с левой стороны, однако его форма сохранена.

Таким образом, во всех без исключения случаях использования антропоморфных изваяний в конструкциях зданий обращает на себя внимание два обстоятельства. Это настойчивое стремление строителей сохранить форму этих

памятников, несмотря на неудобство помещения их в кладку или вымостку; и, второе, - это связь со входом в помещение (дверной проем, порог). В данных случаях небезосновательным будет предположение, что эти изваяния выполняли функции апотропеев, охранявших вход в помещение.

Подводя общие итоги, отметим следующее: некоторые аспекты вторичного применения антропоморфных изваяний в фортификационных и городских сооружениях на Боспоре в первых веках н.э., которые производят впечатление новых традиций в использовании таких памятников, на самом деле являлись продолжением древних обычаев. Имеются в виду случаи употребления их в качестве закладных жертв, алтарей и апотропеев, охранявших вход в помещение. Такие традиции прослеживаются с V-IV вв. до н.э. и имеют место в эллинистический период. Что же касается появления антропоморфной символики в архитектурном обрамлении боспорских рельефных надгробных стел первых веков н.э., то тут может иметь место инновация, свидетельствующая о сохранении в религиозном мировоззрении боспорян представлений о культовой хтонической значимости антропоморфных памятников, а также о возможности их использования в архитектурных сооружениях сакрального предназначения (рис.2).

ЛИТЕРАТУРА

- Болтунова А.И., Каменецкий И.С., Деоник Д.В.* Раскопки западного района Танаиса (1957-1960) // Античные древности Подонья-Приазовья. М., 1969.
- Гайдукевич В.М.* Раскопки Тиритаки в 1935-1940 гг. // МИА. № 25. М-Л., 1952.
- Гайдукевич В.Ф.* Античные города Боспора. Мирмекий.Л., 1987.
- Зубарев В.Г., Крайнева А.А.* Новая яма-ботрос с северного квартала городища «Белинское» // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Святилища и сакральные объекты. Керчь, 2007.
- Зубарев В.Г.* Некоторые особенности сакральной жизни населения сельской территории Европейского Боспора в первых веках н.э. (по материалам городища «Белинское») // Древности Боспора. Вып. 6. М., 2003.
- Колесникова Л.Г.* Антропоморфные надгробия // Античная скульптура Херсонеса. Киев, 1976.
- Кубланов М.М.* Исследования некрополя Илурата // КСИА. 128. 1971.
- Марти Ю.Ю.* Разведочные раскопки вне городских стен Тиритаки // МИА. 4. М-Л., 1941.
- Масленников А.А.* Сельские святилища Европейского Боспора. М., 2007.
- Молев Е.А.* Отчет о работах Китейской экспедиции в сезоне 2009 г. (Открытый лист № 268/003324). 2009.
- Молев Е.А., Молева Н.В.* Комплекс культовых зданий на юго-восточной границе Китейского городского святилища // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Святилища и сакральные объекты. Керчь, 2007.
- Молев Е.А., Молева Н.В.* О культовой принадлежности архитектурного комплекса II-V вв. н.э. на восточной окраине Китейского святилища // Древности Северного Причерноморья в античное время. Симферополь, 2007.

- Молева Н.А. Антропоморфные памятники из Китея // Вопросы истории и археологии Боспора. Воронеж-Белгород, 1991.
- Молева Н.В. Антропоморфные изваяния в погребальном обряде на Боспоре // Очерки сакральной жизни Боспора. Н.Новгород, 2002.
- Молева Н.В. Классификация и датировка боспорских антропоморфных изваяний // Очерки сакральной жизни Боспора. Н.Новгород, 2002.
- Молева Н.В. Антропоморфные изваяния из сакрального комплекса II-V вв. н.э. на античном городище Китей (2005-2006) // БИ. Т. XIX. Симферополь-Керчь, 2008.
- Петерс Б.Г. Отчет о раскопках поселения у с. Михайловка в 1970 г. Архив ИА РАН. № Р-1/4293.
- Сокольский Н.И. Отчет о раскопках городища и некрополя Кеп в 1963 г. // Архив ИА РАН. № 3-1/2733.
- Сорокина Н.П., Усачева О.Н. Ритуальные каменные памятники из Кепского некрополя на Таманском полуострове // Археологический сборник. Погребальный обряд. М., 1997.
- Щеглов А.Н. Херсонські антропоморфні стели з візніми зображеннями // Археологія. XXI. 1968.
- Gajdukevič V.F. Das Bosporanische Reich. Berlin. 1971.

Н.В. Молева

АНТРОПОМОРФНІ СТАТУЇ У БОСПОРСЬКИХ МІСТАХ: ВИПАДКОВІСТЬ АБО ТРАДИЦІЯ?

Резюме

В поховальному обряді на Боспорі антропоморфні статуї використовувались не тільки як надгробні пам'ятники. З IV по I ст. до н.е. вони зустрічаються на ритуальних майданчиках некрополів та в залишках тризн, в загородках могил та в дромосах склепів. Таке застосування антропоморфних статуй було пов'язано з ритуальними діями у процесі поховального обряду. У перші століття н.е. вони нерідко попадаються у конструкціях могил: перекриттях, закладках, а також використовуються у кладках стін поховальних споруд. З цією метою застосовуються ділянки некрополів старих пам'ятників, які прийшли в непридатність. В той же час, особливо у II ст. н.е., в архітектурному обрамленні боспорських надгробних стел з'являються акротерії незвичайних антропоморфних обрисів. Активне витіснення з боспорських некрополів антропоморфних надгробних пам'ятників в той час пояснюється широким розповсюдженням стел з рельєфами. Однак у релігійному світогляді боспорян значення антропоморфної конфігурації як апотропея, який охороняв померлого у загробному світі і його могилу, зберігалось ще дуже довго.

Н.В. Молева

АНТРОПОМОРФНЫЕ ИЗВАЯНИЯ В БОСПОРСКИХ ГОРОДАХ: СЛУЧАЙНОСТЬ ИЛИ ТРАДИЦИЯ?

Резюме

В погребальном обряде на Боспоре антропоморфные изваяния использовались не только как надгробные памятники. С IV по I вв. до н.э. они встречаются на ритуальных площадках некрополей и в остатках тризн, в загородках могил и в дромосах склепов. Такое применение антропоморфных изваяний было связано с ритуальными действиями в процессе погребального обряда. В первые века н.э. они нередко попадают в конструкции могил: перекрытиях, закладах, а также используются в кладках стен погребальных сооружений. Для этих целей употребляются старые памятники из пришедших в негодность участков некрополей. В то же время, особенно во II в. н.э., в архитектурном обрамлении боспорских надгробных стел появляются акротерии необычных антропоморфных очертаний. Активное вытеснение из боспорских некрополей антропоморфных надгробных памятников в то время объясняется широким распространением стел с рельефами. Однако в религиозном мировоззрении боспорян значение антропоморфной конфигурации как апотропея, охранявшего умершего в загробном мире и его могилу, сохранялось еще очень долго.

N.V. Moleva

ANTHROPOMORPHIC SCULPTURES IN THE BOSPORUS TOWNS: COINCIDENCE OR TRADITION?

Summary

Anthropomorphic sculptures were used in funeral rites in the Bosphorus not only as tombstones. From the 4th till the 1st cc. BC they could be found at ritual sites and cemeteries, in the remnants of feasts, the fences of tombs and in dromoi of crypts. Such use of anthropomorphic sculptures was connected with ritual actions during a funeral ceremony. In the first centuries AD they were often found in the construction of graves: the ceiling, mortgages, and were also used in the masonry of the walls of burials. Old monuments from degraded necropoleis were used for those purposes. At the same time, in the 2nd century AD especially, acroteria of unusual anthropomorphic shapes appeared in the architectural decoration of the Bosphorus funerary stelae. Active displacement of anthropomorphic funerary monuments from Bosporan necropoleis can be explained by wide dissemination of stelae with reliefs. However, value of an anthropomorphic configuration as an apotropaic guarding the deceased in the afterworld, and his grave either, remained in the religious worldview of the Bosporites for a long time.

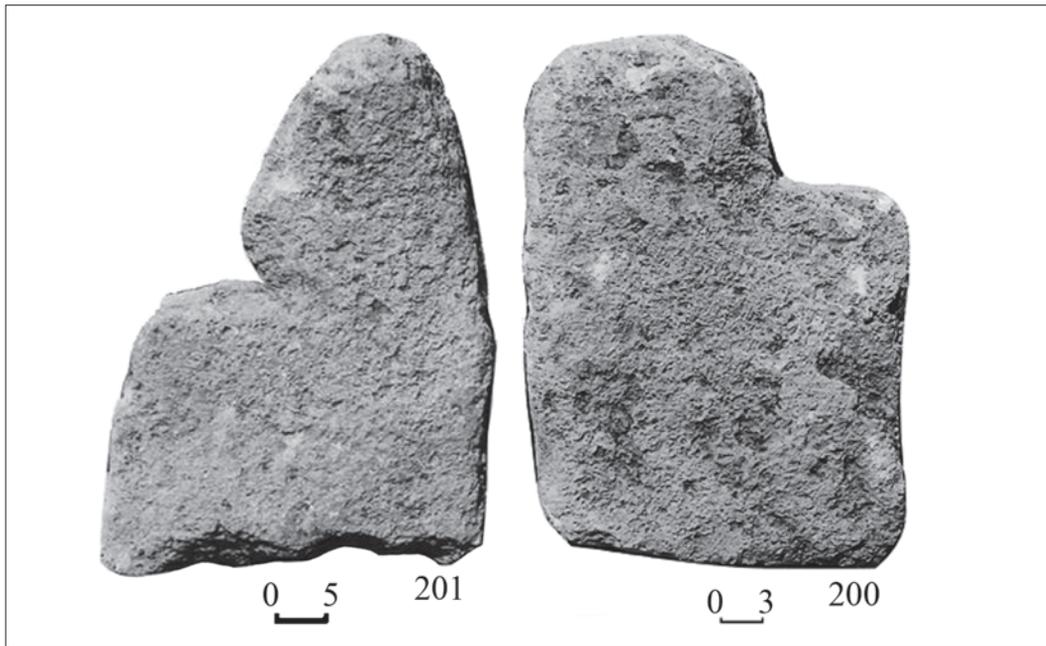

Рис. 1. Подтесанные антропоморфные изваяния из кладки дверного проема помещения «Г» в Китее. II-IV вв. н.э.

Рис. 2. Антропоморфные акротерии на боспорских рельефных стелах первых веков н.э.

Е.А. МОЛЕВ

О РЫБОЛОВСТВЕ В КИТЕЕ

Жители всех приморских городов Греции в той или иной мере занимались рыболовством. И рыба была, естественно, одним из важных продуктов их питания, «доступным для всех членов античных городов» [Wilkins J. 2005. P. 22]. Рыба была также одним из продуктов питания уже с V в. до н.э. и для населения скифских степей северного побережья Черного моря [Gavriljuk. 2005. P. 112]. Частые в комедиях IV в. до н.э. упоминания рыбных блюд и рецептов их приготовления показывают, что рыба была в то время еще во многом новинкой в меню состоятельных жителей собственно греческих полисов [Винничук. 1988. С. 255]. Для жителей же колоний, особенно на раннем этапе их существования, этот продукт питания имел, несомненно, более важное значение.

Рассмотрим археологические свидетельства рыболовства в боспорском городе Китее. В свое время мы уже отмечали, что оно было одним из важнейших промыслов в городе [Молев, 1985. С. 60; Молев. 2010а. С. 83; Молев. 2010б. С. 312]. На территории городских кварталов и в зольнике, в заполнении мусорных ям, на донцах ряда амфор и на импровизированных алтарях найдено большое количество костей рыб, раковин мидий и устриц. На ряде участков центрального святилища и восточного приморского участка городища раковины мидий и кости рыб лежат сплошным слоем. Присутствуют также на всех приморских участках городища раковины-гребешков и каури. Последние свидетельствуют также и о весьма дальних торговых связях города. Принадлежность костей ихтиофауны из наших раскопок нам определяли сотрудники лаборатории физиологии рыб Азово-Черноморского института рыбного хозяйства и океанографии г. Керчь (зав. лабораторией В.С. Апекин, затем Н.И. Куликова). Согласно их определениям, в ранний период истории города среди костей рыб преобладают осетровые. Встречаются также позвонки дельфинов. В слоях первых веков нашей эры наиболее часто встречаются кости керченской сельди, камбалы, хамсы и султанки. Этот состав ихтиофауны характерен для региона Китея и сегодня. По соотношению с другими находками в составе остеологического материала кости рыб составляют около 25%. Причем это соотношение среднее. В ранний период истории города оно меньше, в римское время – больше.

О рыболовстве в Китае свидетельствуют также многочисленные находки игл для плетения сетей, костяных ножей для разделки рыбы, бронзовых рыболовных крючков и рыболовных грузил. Наиболее многочисленны среди находок, связанных с рыболовством, иглы для плетения сетей (53,2%). Они традиционной формы с одним заостренным концом и с одним или двумя вырезами на другом конце (Приложение. Костяные изделия). Любопытно, что более половины (54%) их найдено на зольнике. Правда, это, скорее всего, связано с тем, что последние 6 лет работы велись только там, и в небольшом объеме на первом раскопе. Во всяком случае, по результатам работ первых 25 лет, когда работы велись на всех раскопах, данное соотношение выглядит иным: находки игл с территории зольника составили 40%, ровно столько же, сколько и на прирском раскопе (раскоп IV) (Приложение. Костяные изделия).

Из других костяных изделий отметим единичные (три) находки ножей для чистки и разделки рыбы. Два из них происходят с 4 раскопа, а один – с зольника (Приложение. Костяные изделия, № 14).

На втором месте среди находок, связанных с рыболовством, грузила для сетей (30,6%). Впервые, определил такие находки как свидетельство рыболовства в Китае еще Ю.Ю. Марти [Марти. 1929. С.130]. Однако единого мнения о возможности использования керамических пирамидальных грузил как грузов для рыболовных сетей нет. Наиболее обоснована точка зрения о возможности использования части таких грузил для рыболовных сетей Н.А. Онайко [Онайко. 1956. С. 154-155]. По общепринятому же мнению в западноевропейской литературе, поддержанному в свое время В.Ф. Гайдукевичем [Гайдукевич. 1952. С. 406], а в последнее время А.В. Куликовым [Куликов. 1998. С. 190] и А.М. Бутягиным [Бутягин. 2010. С. 51], основной сферой применения их был вертикальный ткацкий станок. Однако, учитывая все-таки случаи применения таких грузил для рыболовных сетей (один из таких случаев приводит и А.М. Бутягин), а также близость форм ряда керамических грузил к каменным и свинцовым, я все же считаю возможным говорить о вероятности использовании ряда крупных конических, пирамидальных и дисковидных керамических грузил и для целей рыболовства. Тем более, что число таких находок в Китае сравнительно невелико (21,8% от общего количества грузил).

К ним мы отнесли глиняные грузила пирамидальной формы, имеющие размеры в высоту 10 и более см, а также грузила конической и округлой форм, дисковидные с 1-2 отверстиями, смещенными к одному краю и такие же галечные грузила, керамические и каменные сегментовидные с 2 отверстиями, распределенными по краям. Каменные и галечные грузила имеют преимущественно округлую форму, хотя среди каменных есть и пирамидальные, подражающие глиняным. Практически все эти типы грузил из Китая, кроме пирамидальных и конических, относятся ко второму классу по классификации А.И. Трещева [Трещев. 1974. С.72-73] и, согласно его же концепции, использовались

в неводах, бреднях и волокушах. В качестве грузил для сетей, вероятно, использовались и свинцовые пластинки, которые имеют самую разнообразную форму. В большинстве своем они сконцентрированы в районе 4 и 5 раскопов.

Среди грузил, отнесенных нами в свое время к рыболовным, особенно интересны три находки. Первую представляют три конических лепных грузила. В верхней их части продавленной продольной линией как будто обозначен рот рыбы. (Китей 1982. П/о 169) (Приложение. Грузила рыболовные, № 20). В соотношении с отверстием по форме они напоминают голову кефали. Находка их в предполагаемом сакральном комплексе и то, что они не обожжены, позволяет думать о votивном характере этих изделий, но связанном, все же, с рыболовством.

Вторая – представляет собой глиняное обожженное грузило в виде топора с отверстием в верхней части (Приложение. Грузила рыболовные, № 43). Она была найдена в осыпи борта на зольнике и, вероятнее всего, представляла собой votив, что делает несколько сомнительным наше первоначальное отнесение ее к числу рыболовных грузил.

Еще более интересна третья находка (Приложение. Рыболовные грузила, № 44). Она выполнена в виде лепешки с отверстием в верхней части. Под отверстием вдавленными полосами выполнено не вполне понятное мне изображение в виде одной центральной вдавленной полосы и расходящихся от нее линий. Условно мы отнесли ее к рыболовным грузилам, поскольку она была найдена на дне пифоса рядом с помещением, где было довольно много рыбных костей. На одном из фрагментов краснолаковых тарелок сохранился почти целый скелет камбалы (по определению А.В. Куликова).

Находки рыболовных крючков, которые можно связать с индивидуальной рыбалкой, составляют чуть меньше 9% от общего числа находок предметов, связанных с рыболовством. По-видимому, как и сейчас, рыбалка с удочкой в Китее была делом любителей (ср. Куликов А.В. 1998. С. 190).

О роли рыбного промысла и рыбы как продукта питания позволяют судить еще два вида археологических источников. Первым среди них являются фрагменты рыбных блюд, являющиеся постоянно встречающимися на всех раскопах городища предметов столовой посуды. Датированы они от IV в. до н.э. до III-IV вв. н.э. Особенно велико их число, в том числе и расписных краснофигурных фрагментов с изображениями рыб, на зольнике. Это несомненное свидетельство того, что рыба была одним из источников питания горожан на протяжении всей истории города.

Другим свидетельством вероятности существования рыбного промысла в Китее являются фрагменты амфорной тары, которая могла быть средством для транспортировки продукции рыбного промысла. Среди находок амфорной тары II в. до н.э. в городе около 9% составляют амфоры Синопы

[Молев Е.А. 1988. С. 29], которые, по мнению А.В. Куликова и Н.Ф. Федосеева, могли служить в качестве тары для перевозки рыбы [Куликов, Федосеев. 2010. С. 271]. В первые века н.э. в Китее представлен ряд типов широкогорлых амфор (Зеест. 1960. Тип 83, 88), которые, по мнению тех же авторов, также могли служить для транспортировки рыбной продукции.

Любопытно распределение находок предметов, имеющих отношение к рыболовному промыслу, по раскопам. Оно показывает, что весьма значительная часть этих предметов (43,8%) была найдена в центральном городском святилище. Есть отдельные находки и на некрополе. Это дает основание предполагать вероятность их сакрального предназначения, т.е. приношений божествам за удачу в промысле (Молева, 2004. С.265). И это также подтверждает важность рыболовного промысла для жителей Китея. Заметное падение роли рыболовства, судя по нашим находкам, происходит с III в. н.э. Это характерно, кстати, и для такого важного центра рыболовецкого промысла на Боспоре, как Тиритака (Зинько, 2005. С.106).

Судя по концентрации находок на других участках городища, основным районом проживания рыбаков был восточный приморский район городища, там, где берег спускался к морю в виде балки. Здесь найдено 32,8% свидетельств рыболовства. Но находки костей рыб распределяются более или менее равномерно по всем раскопам городища, что свидетельствует о том, что рыба была одним из основных продуктов питания всех жителей Китея.

Отсутствие следов рыбозасолочных ванн на открытых участках города не позволяет с полной уверенностью говорить о промысловом характере рыболовства в Китее. Но вероятность этого, судя по той роли рыболовства, которую оно играло в ряде других городах Боспора и Херсонесе [Højte. 2005. P. 157], особенно в первые века н.э., исключить нельзя. Во всяком случае, сравнительно большое, в сравнении с другими видами изделий для производственной деятельности, количество орудий рыболовства позволяет думать о том, что этот вид промыслов играл достаточно заметную роль в жизни китейцев, а рыба была одним из важных продуктов их питания.

Сводная таблица находок датированных предметов рыболовецкого промысла

Наименование	V-III вв. до н.э.	II-I вв. до н.э.	I-II вв. н.э.	III-VI вв. н.э.	Итого
Раскоп I.					
Крючки рыболовные	1	1	2		4
Грузила для сетей	4		4		8
Иглы для плетения сетей	6	1		2	9
Кости дельфинов	1				

Раскоп 2.					
Крючки рыболовные	2	1			3
Грузила для сетей	6	4	1	1	12
Иглы для плетения сетей	20	9	6	5	40
Ножи для разделки рыбы	1				1
Осетровые	2			1	3
Раковины гребешки			1		1
Раскоп 3.					
Грузила для сетей		1	1		2
Иглы для плетения сетей	1				1
Раскоп 4.					
Крючки рыболовные			3		3
Грузила для сетей	7	3	3	2	15
Иглы для плетения сетей	8	6	6	2	22
Ножи для разделки рыбы			1		1
Осетровые	1		1		2
Раковины гребешки	1				1
Раковины каури	1				1
Раскоп 5.					
Грузила для сетей	1	6			7
Иглы для плетения сетей	1				1
Некрополь.					
Крючки рыболовные			1		1
Грузила для сетей			1		1
Итого	64	32	31	13	140

ЛИТЕРАТУРА

- Бутягин А.М. Производство и использование пирамидальных керамических грузил на античном Боспоре // XI Боспорские чтения. Керчь, 2010.
- Винничук Л. Люди, нравы и обычаи Древней Греции и Рима. М., 1988.
- Гайдукевич В.Ф. К вопросу о ткацком ремесле в боспорских поселениях // МИА. 25. 1952.
- Зинько А.В. Кризис рыболовного промысла в боспорском городе Тиритака во второй половине III в. н.э. // VI Боспорские чтения. Керчь, 2005.
- Куликов А.В. Материалы к изучению древних морских промыслов // Древности Боспора. 1. М., 1998.
- Куликов А.В., Федосеев Н.Ф. Керамическая тара для рыбных промыслов Боспора // XI Боспорские чтения. Керчь, 2010.
- Марти Ю.Ю. Раскопки городища Китея в 1928 г. // ИТОИАЭ. 1929. Т. III.
- Молев Е.А. Археологические исследования Китея в 1970-1983 гг. // Археологические памятники юго-восточной Европы. Курск, 1985.
- Молев Е.А. Торговые связи боспорского города Китея (по материалам керамической тары) // Торговля и мореплавание в бассейне Черного моря в древности и средние века. Ростов н/Д, 1988.
- Молев Е.А. Боспорский город Китей. Симферополь, 2010а.
- Молев Е.А. Рыболовство и охота в Китее // XI Боспорские чтения. Керчь, 2010б.
- Молева Н.В. «Производственные» вотивы в Китейском святилище // V Боспорские чтения. Керчь, 2004.
- Онайко Н.А. О фанагорийских грузилах // Фанагория. МИА, 57. 1956.
- Трещев А.И. Научные основы селективного рыболовства. М., 1974.
- Gavriljuk N. Fishery in the Life of the Nomadic Population of the Northern Black Sea Area in the Early Iron Age // Ancient Fishing and fish progressing in the Black sea region. Aarhus University Press. 2005.
- Højte J.M. The Archaeological Evidence for Fish Processing in the Black Sea Region // Ancient Fishing and fish progressing in the Black sea region. Aarhus University Press. 2005.
- Wilkins J. Fish as a Source of Food in Antiquity // Ancient Fishing and fish progressing in the Black sea region. Aarhus University Press. 2005.

Грузила рыболовные

- 1971.**
1. Фрагмент дисковидного грузила. Камень. П/о 3. I, 6/4. I-II вв. н.э. Диаметр 4,7 см.
 2. Обломок рыболовного грузила. Камень. П/о 258. I, 5/6. I-II вв. н.э. Размеры 13 x 7,5 см.
- 1972.**
3. Грузило пирамидальное, сероглиняное. Глина. П/о 11. II, 2/23. IV-III вв. до н.э. Размеры 10 x 5,3 см. Отчет. С. 34.
 4. Грузило пирамидальное, красноглиняное. Глина. П/о 66. I, 6/11. IV-III вв. до н.э. Размеры 11 x 6,5 см. Отчет С. 5.
 5. Грузило пирамидальное, красноглиняное. П/о 67. I, 6/11. IV-III вв. до н.э. Размеры 10,8 x 7 см. Отчет. С. 5.
- 1973.**
6. Грузило пирамидальное. Глина. П/о 35. I, 4/13. IV-III вв. до н.э. Размеры 12,5 x 5,5 см. Отчет. С. 15.
- 1974.**
7. Грузило пирамидальное. На лицевой стороне вдавленный овал. Глина. П/о 75. I, 9/6. I-II вв. н.э. Размеры 12 x 5 см. Отчет. С. 18.
 8. Грузило лепное коническое. Глина. П/о 212. I, 8/12. IV-III вв. до н.э. Размеры 11,8 x 8,5 см.
- 1975.**
9. Грузило круглое. Глина. П/о нет. II, 6/12. I-II вв. н.э. Диаметр 4,6 см. Отчет. С. 12.
- 1976.**
10. Грузило овальное. Камень. П/о 14. I, 10/14. IV в. до н.э. Размеры 6,2 x 4,4 см. Отчет. С. 3.
- 1979.**
11. Грузило круглое. Галька. П/о 44. II, 4/64. IV в. до н.э. Диаметр 7 см. Отчет. С. 9.
 12. Грузило пирамидальное. Глина. П/о 153. I, 15/мостовая 13. I-III вв. н.э. Размеры 11 x 7 см. Отчет. С. 6.
- 1980.**
13. Грузило пирамидальное. Известняк. П/о 15. III, 5/6. I-II вв. н.э. Размеры 5,5 x 6,5 см. Отчет. С. 9.
- 1981.**
14. Грузило пирамидальное. Глина. П/о 99. IV, A1/ яма 13. II-III вв. н.э. Размеры 10,6 x 4 см. Отчет. С. 11. Фото 42,6.
- 1982.**
- 15-17. Грузила рыболовные. 3 шт. Глина. П/о 170. V, A1/9. II-I вв. до н.э. Размеры 15 x 10 см. Отчет. С. 9.
 18. Грузило для сетей. Известняк. П/о 190. II, 6/38. IV-III вв. до н.э. Размеры 11 x 7,5 см. Отчет. С. 2.
 19. Грузило лепное. Глина. П/о 278. II, 6/44. IV в. до н.э. Размеры 10 x 5,5 см. Отчет. С. 2.
 - 20-22. Грузила лепные. 3 шт. Глина. П/о 169. V, A1/9. II-I вв. до н.э. Размеры 6,5 x 4 см, 7 x 6,5 см, 7 x 5,8 см. Отчет. С. 7

1983.

23. Грузило для сетей круглое. Известняк. П/о 35а. V, A2/9. IV-III вв. до н.э. Диаметр 8,7 см.
24. Грузило для сетей лепное круглое. Глина. П/о 65. IV, B4/12. IV-III вв. до н.э. Размеры 8,5 x 7,4 см.
25. Грузило для сетей круглое. Глина. П/о 148. II, 7/35. IV-III вв. до н.э. Размеры 9 x 3 см. Отчет. С.3.

1984.

26. Фрагмент круглого грузила. Глина. П/о 18. IV, B5/7. I-II вв. н.э. Размеры 8 x 3,5 см.
27. Фрагмент конического грузила. Глина. П/о 83. IV, B7/11. IV-III вв. до н.э. Размеры 9 x 6,5 см.

1986.

28. Фрагмент пирамидального грузила. Глина. П/о 35. II, 11/8. I-II вв. н.э. Размеры 9 x 5 см. Отчет. С.3.

1987.

29. Грузило овальное. Свинец. П/о 73. IV, B2/11. IV-III вв. до н.э. Размеры 2,7 x 2,3 см.

1988.

30. Грузило круглое. Глина. П/о 19. II, 8/22. II-I вв. до н.э. Диаметр 5 см.

1989.

31. Грузило круглое. Свинец. П/о 12. IV, B5/8. II-I вв. до н.э. Размеры 2,5 x 2,2 см.
32. Фрагмент лепного круглого грузила для сетей. Глина. П/о 112. IV, B5/14. IV-III вв. до н.э. Размеры 9 x 6 см.

1990.

33. Грузило пирамидальное с отпечатками ключей в три ряда. Глина. П/о 55. IV, B6/9. II-I вв. до н.э. Размеры 11,3 x 4,7 см. Отчет. С.9.
34. Грузило овальное. Известняк. П/о 89. II, 8/29. II-I вв. до н.э. Размеры 7,5 x 7 см.

1991.

35. Грузило овальное с двумя отверстиями. Глина. П/о 38. II, 8/34. II-I вв. до н.э. Размеры 8 x 2,5 см.
36. Грузило каменное. Известняк. П/о 42. II, 8/34. II-I вв. до н.э. Размеры 9 x 8 см.
37. Грузило овальное. Известняк. П/о 64. II, 8/35. IV-III вв. до н.э. Размеры 11,5 x 8 см.
38. Грузило пирамидальное. Камень. П/о 99. IV, цистерна 2. IV-III вв. до н.э. Размеры 12 x 6 см.

1992.

39. Грузило пирамидальное. Глина. П/о 66. IV, B8/3. III-IV вв. н.э. Размеры 11,5 x 6,5 см.
40. Грузило овальное. Свинец. П/о 75. IV, B7/яма 75. I в. до н.э. - 1 в. н.э. Размеры 3,3 x 2,7 см.
41. Грузило коническое. Глина. П/о 109. IV, B7/яма 74. 1 половина III в. н.э. Размеры 9,3 x 4,3 см.

1993.

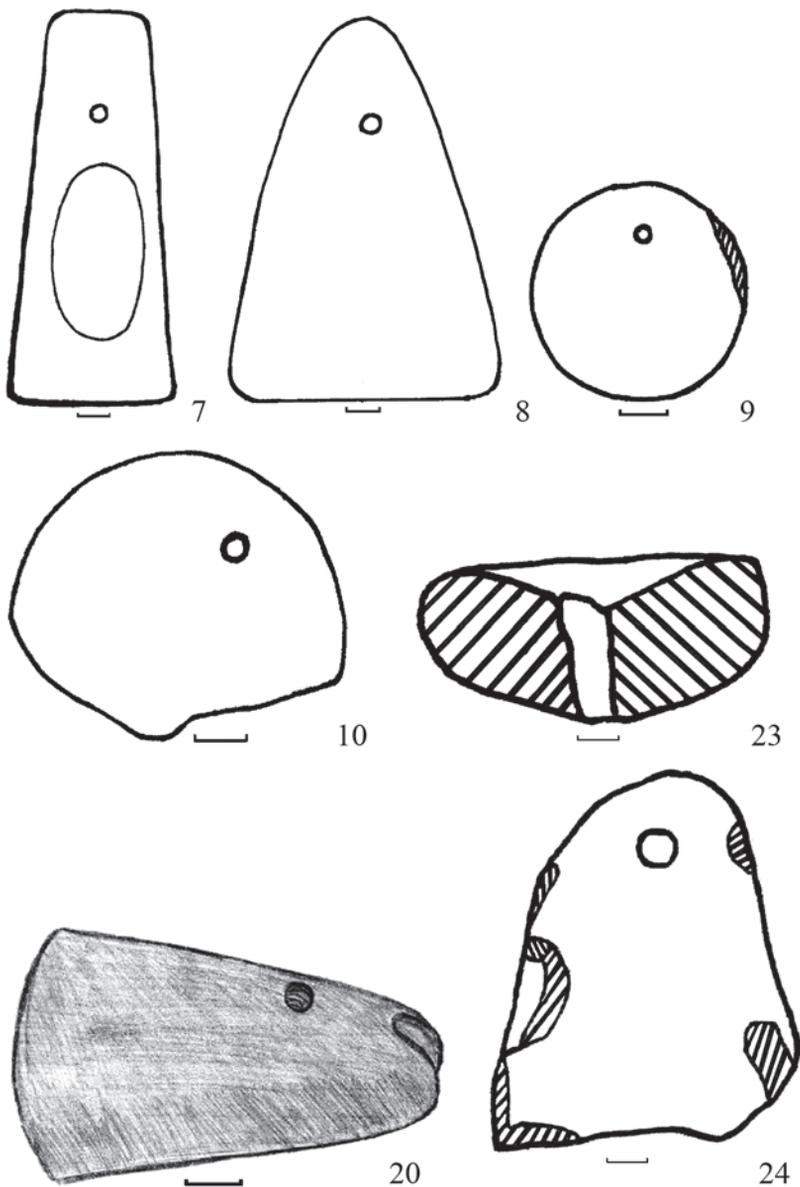
42. Грузило пирамидальное. Глина. П/о 23. IV, B8/7. I-II вв. н.э. Размеры 10,5 x 5 см.

1994.

43. Фрагмент круглого лепного грузила. Глина. П/о 18. IV, B8/11. IV-III вв. до н.э. Размеры 12 x 9 см.
44. Фрагмент круглого грузила. Камень. П/о 34. IV, B8/11. IV-III вв. до н.э. Размеры 5,5 x 2,5 см.

45. Фрагмент круглого грузила. Глина. П/о 71. III, А12/7. II-I вв. до н.э. Диаметр 8,5 см.
1995.
 46. Грузило в виде топора. Глина. П/о 62. II, случайная находка. Размеры 7 x 6,4 см.
 47. Грузило в виде лепешки с вырезанным по сырой глине символом. Глина. 1985. П/о 10. IV, Б7/17. IV в. до н.э. Диаметр 13,5 см. Отчет. С.4.

Каталог рисунков

Каталог фотографий

8

12

13

19

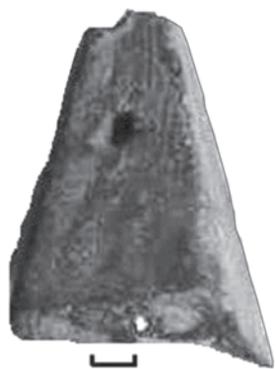
23

24

25

28

29

30

31

32

33

34

35

36

37

38

40

39

46

41

42

43

47

Костяные изделия

1971.

1. П/о 57. I, 4/8. II-I вв. до н.э. Отчет. Таблица 8,2.
Игла для плетения сетей. Кость. Длина 8,4 см.
- 2-4. П/о 100. I, 5/9. IV-III вв. до н.э. Отчет. Таблица 8, 3-5.
Иглы для плетения сетей. 3 экз. Кость. Длина 6; 6; 5,4; 5,6.
5. П/о 43. I, 4/6. Отчет. Таблица 8,6.
Игла для плетения сетей. Кость. Длина 6,6 см.

1974.

6. П/о 27. II, 4/3. III-IV вв. н.э. Отчет. С.
Игла для плетения сетей. Кость. Размеры 8 x 1,3 см.
7. П/о 28. II, 4/2. III-IV вв. н.э. Отчет. С.
Игла для плетения сетей. Кость. Размеры 7 x 1,1 см.

1975.

8. П/о нет. I, 10/4. III-IV вв. н.э. Отчет. С.
Игла для плетения сетей. Кость. Размеры 6 x 1,4 см.

1976.

9. П/о 51. II, 5/18. II-I вв. до н.э. Отчет. С.
Игла для плетения сетей. Кость. Размеры 8 x 1,4 см.

1979.

10. П/о 99. I, 15/2. III-IV вв. н.э. Отчет. С.
Игла для плетения сетей. Кость. Размеры 7,8 x 1,3 см.
11. П/о 116. II, 7/16. I-II вв. н.э. Отчет. С.
Игла для плетения сетей. Кость. Размеры 11 x 1,5 см.

1981.

12. Игла для плетения сетей. Кость. П/о 61. II, 5/64. IV в. до н.э. Размеры 12 x 1,5 см.
Отчет. С.
13. Игла для плетения сетей. Кость. П/о 102. IV A1/14. IV в. до н.э. Длина 12,5 см.
Отчет. С.
14. Фрагмент рыбного ножа. Кость. П/о 123. IV, A1/ яма 13. Размеры 8,5 x 4 см.
Отчет. С.

1982.

15. Игла для плетения сетей. Кость. П/о 122. II, 6/35. IV-III вв. до н.э. Размеры 5,3 x 0,5 см.
Отчет. С.
16. Игла для плетения сетей. Кость. П/о 138. IV, Б3/6. I-II вв. н.э. Размеры 6 x 1,5 см.
Отчет. С.
17. Игла для плетения сетей. Кость. П/о 139. IV, Б3/6. I-II вв. н.э. Размеры 6,5 x 0,5 см.
Отчет. С.
18. Игла для плетения сетей. Кость. П/о 247. II, 6/41. IV-III вв. до н.э. Размеры 11 x 1 см.
Отчет. С.
19. Фрагмент рыбного ножа. Кость. П/о 298. II, 6/45. IV в. до н.э. Размеры 7 x 2 см.
Отчет. С.
20. Игла для плетения сетей. Кость. П/о 299. II, 6/45. IV в. до н.э. Размеры 11,5 x 1 см.
Отчет. С.

1983.

21. Игла для плетения сетей. Кость. П/о 24. IV, Б4/10. IV-III вв. до н.э. Размеры 6,4 x 0,5 см. Отчет. С.
22. Игла для плетения сетей. Кость. П/о 85. V, А2/13. IV-III вв. до н.э. Размеры 5,5 x 1 см. Отчет. С.
23. Игла для плетения сетей. Кость. П/о 184. IV, Б74. III-IV вв. н.э. Размеры 6,8 x 0,8 см. Отчет. С.

1984.

24. Игла для плетения сетей. Кость. П/о 7. IV, Б7/5. III-IV вв. н.э. Размеры 5,6 x 1,2 см. Отчет. С.
25. Игла для плетения сетей. Кость. П/о 8. IV, Б7/6. III-IV вв. н.э. Размеры 6,2 x 1,2 см. Отчет. С.
26. Игла для плетения сетей. Кость. П/о 29. II, 7/37. IV-III вв. до н.э. Размеры 6,5 x 0,5 см. Отчет. С.

1985.

27. Игла для плетения сетей. Кость. П/о 79. IV, В3/6. I-II вв. н.э. Размеры 6 x 1 см. Отчет. С.
28. Игла для плетения сетей. Кость. П/о 131. II, 7/45. IV-III вв. до н.э. Размеры 7 x 0,5 см. Отчет. С.

1986.

29. Игла для плетения сетей. Кость. П/о 1. I, 19/15. IV в. до н.э. Размеры 7,6 x 0,5 см. Отчет. С.
30. Игла для плетения сетей. Кость. П/о 27. IV, В2/8. IV-III вв. до н.э. Размеры 5,7 x 1,2 см. Отчет. С.

1987.

31. Игла для плетения сетей. Кость. П/о 67. II, 8/19. I-II вв. н.э. Размеры 7 x 1,2 см. Отчет. С.
32. Игла для плетения сетей. Кость. П/о 75. IV, В5/6. I-II вв. н.э. Размеры 7,5 x 1,7 см. Отчет. С.
33. Игла для плетения сетей. Кость. П/о 86. II, 8/20. I-II вв. н.э. Размеры 7,5 x 1 см. Отчет. С.

1988.

34. Игла для плетения сетей. Кость. П/о 7. II, 8/21. II-I вв. до н.э. Размеры 7 x 1,2 см. Отчет. С.
35. Игла для плетения сетей. Кость. П/о 89. III, Б8/9. IV-III вв. до н.э. Размеры 6,8 x 1 см. Отчет. С.
36. Игла для плетения сетей. Кость. П/о 123. II, 9/4. III-IV вв. н.э. Размеры 7 x 1 см. Отчет. С.

1989.

37. Игла для плетения сетей. Кость. П/о 15. IV, В5/9. II-I вв. до н.э. Размеры 6 x 1 см. Отчет. С.
38. Игла для плетения сетей. Кость. П/о 36. IV, В5/10. II-I вв. до н.э. Размеры 4,5 x 1,2 см. Отчет. С.
39. Игла для плетения сетей. Кость. П/о 56. IV, В4/12. IV-III вв. до н.э. Размеры 7,7 x 1,2 см. Отчет. С.

40. Игла для плетения сетей. Кость. П/о 65. IV, В4/13. IV-III вв. до н.э. Размеры 7 x 1,5 см. Отчет. С.
41. Игла для плетения сетей. Кость. П/о 66. IV, В4/13. IV-III вв. до н.э. Размеры 6,7 x 1,2 см. Отчет. С.
42. Игла для плетения сетей. Кость. П/о 121. IV, В5/14. IV-III вв. до н.э. Размеры 7,5 x 1,6 см. Отчет. С.

1990.

43. Игла для плетения сетей. Кость. П/о 85. II, 8/29. II-I вв. до н.э. Размеры 6 x 0,6 см. Отчет. С.
44. Игла для плетения сетей. Кость. П/о 129. I, 21/3. III-IV вв. н.э. Размеры 7,3 x 1,9 см. Отчет. С.
45. Игла для плетения сетей. Кость. П/о 153. II, 11/32. IV-III вв. до н.э. Размеры 6,2 x 0,5 см. Отчет. С.
46. Игла для плетения сетей. Кость. П/о 154. II, 8/33. IV-III вв. до н.э. Размеры 4,7 x 0,4 см. Отчет. С.
47. Игла для плетения сетей. Кость. П/о 192. IV, В5/13. IV-III вв. до н.э. Размеры 8,5 x 1,4 см. Отчет. С.
48. Игла для плетения сетей. Кость. П/о 254. II, случайная находка. Размеры 5,6 x 0,5 см. Отчет. С.
49. Игла для плетения сетей. Кость. П/о 255. II, случайная находка. Размеры 6,3 x 0,5 см. Отчет. С.

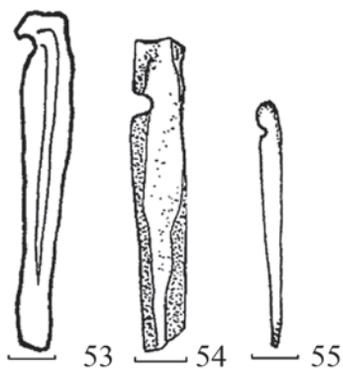
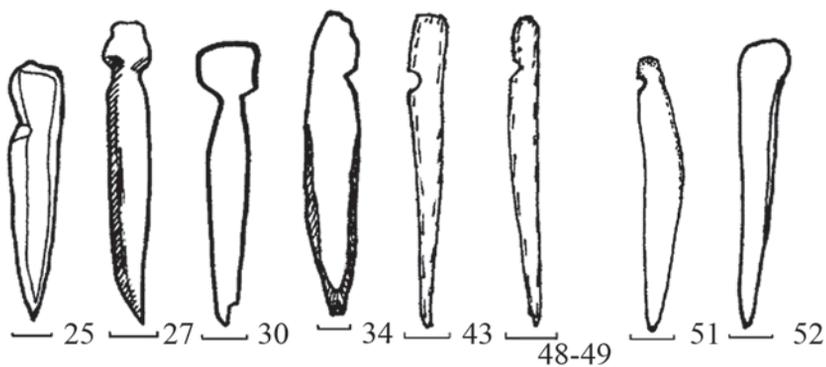
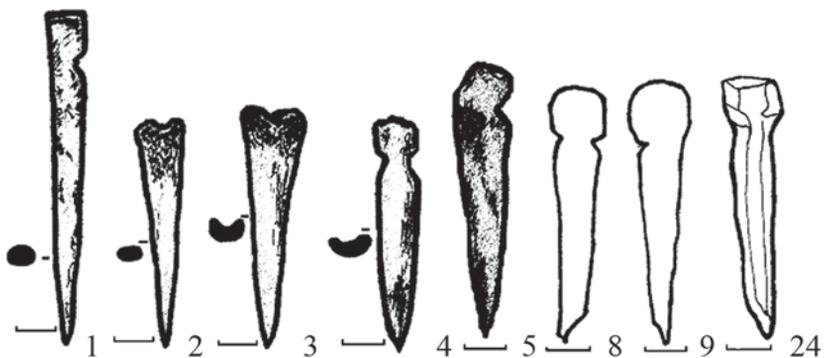
1993.

50. Игла для плетения сетей. Кость. П/о 1. II, 12/13. I-II вв. н.э. Размеры 6,5 x 1 см.
51. Игла для плетения сетей. Кость. П/о 19. IV, В8/7. I-II вв. н.э. Размеры 6 x 1 см.
52. Игла для плетения сетей. Кость. П/о 57. IV, В8/8. I-II вв. н.э. Размеры 7 x 1,5 см.
53. Игла для плетения сетей. Кость. П/о 58. IV, В8/8. I-II вв. н.э. Размеры 7,5 x 1,5 см.
54. Фрагмент иглы для плетения сетей. Кость. П/о 31. IV, В8/7. II-I вв. до н.э. Размеры 6 x 1 см.

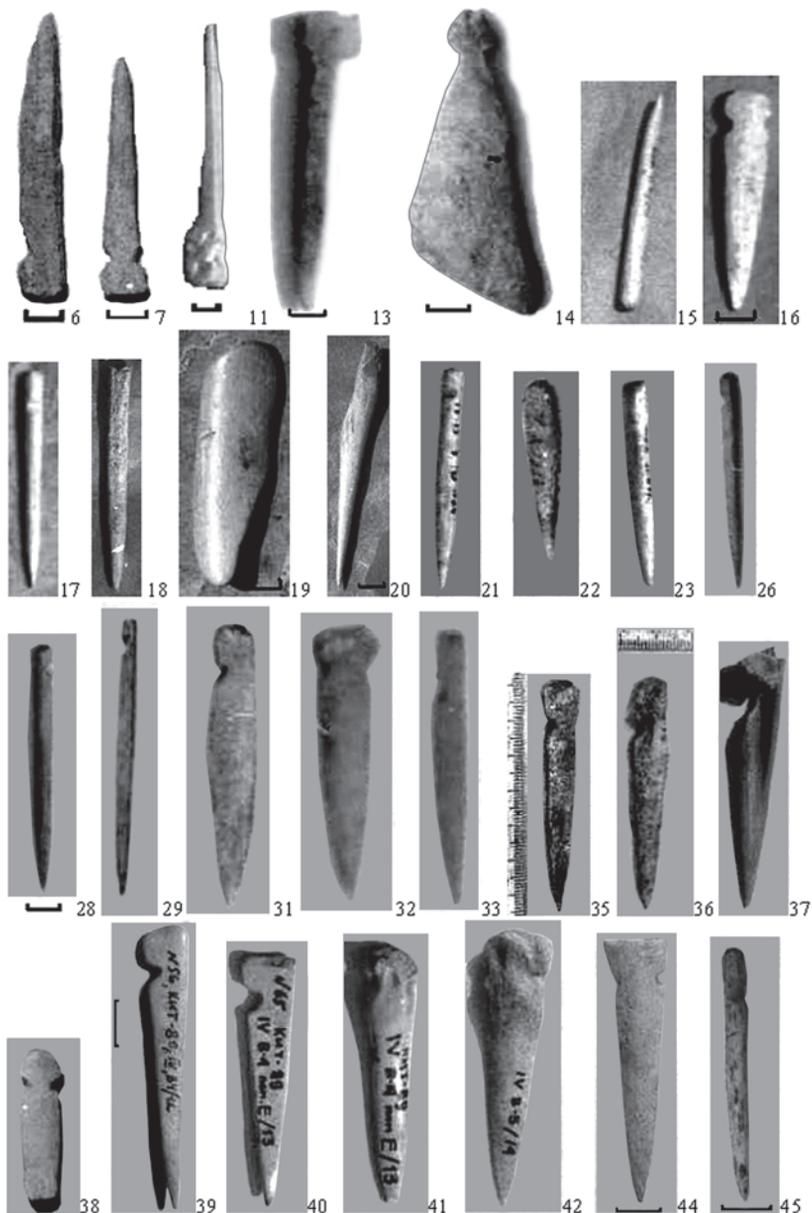
1994.

55. Игла для плетения сетей. Кость. II, случайная находка. Размеры 5 x 0,6 см.

Каталог рисунков

Каталог фото

Рыболовные крючки. Каталог.

1971.

1. Крючок рыболовный. Свинец. П/о 52. I,4/7. II-I вв. до н.э. Размеры 8,3 x 6,2 см. Отчет. Табл. 4,4. С.
2. Крючок рыболовный. Бронза. П/о 245. I, ... IV-III вв. до н.э. Длина 4,3 см. Отчет. Табл.

1977.

3. Крючок рыболовный (склеен из 2-х фрагментов). Бронза. П/о 20. II, 4/55. IV в. до н.э. Размеры 6 x 2,8 см. Отчет. С.

1983.

4. Крючок рыболовный. Бронза. П/о 110. II, 7/34. IV-III вв. до н.э. Размеры 1,5 x 0,8 см. Отчет. С.

1987.

5. Рыболовный крючок. Бронза. П/о 18. IV, B0/6. I-II вв. н.э. Размеры 2,5 x 1,2 см. Отчет. С.

Є.О. Молев

ПРО РИБАЛЬСТВО У КИТЕЇ

Резюме

Про рибальства у боспорському місті Кітей свідчать багаточисленні знахідки кісток риб, а також бронзових рибачьких гачків, рибачьких грузил, голок для плетіння мереж, кістяних ножів для оброблення риби, фрагменти рибних страв та амфор для транспортування рибної продукції. Загальна кількість цих знахідок дозволяє припускати, що рибальство у Кітеї відіграло достатньо помітну роль у житті кітейців, а риба була одним з важливих продуктів їх харчування.

Е.А. Молев

О РЫБОЛОВСТВЕ В КИТЕЕ

Резюме

О рыболовном промысле в боспорском городе Китей свидетельствуют многочисленные находки костей рыб, а также бронзовых рыболовных крючков, рыболовных грузил, игл для плетения сетей, костяных ножей для разделки рыбы, фрагменты рыбных блюд и амфор для транспортировки рыбной продукции. Общее количество этих находок позволяет предполагать, что рыболовство в Китее играло достаточно заметную роль в жизни китейцев, а рыба была одним из важных продуктов их питания.

E.A. Molev

ABOUT FISHERY IN KYTAIA

Summary

Numerous findings of fish bones and bronze fish hooks, sinkers, needles for weaving nets, bone knives for cutting fish, fragments of fish plates and amphorae for the transportation of fish products indicate fishery in Bosporus city of Kytaiia. The total number of these findings suggests that fishing in Kytaiia played an important role in the lives of its inhabitants, and fish was one of the most important products of their food.

В.Н. ПАРФЕНОВ

К ОЦЕНКЕ РИМСКО-БОСПОРСКИХ ОТНОШЕНИЙ В I–II вв. н.э.

Как известно, последним (по крайней мере, известным) военным конфликтом между Римом и Боспором были события 40-х гг. I в. н.э. Однако в науке имеется и другое мнение: почти столетие назад Э. Миннзом на основе сообщения Евтропия (VIII.3.1) было высказано предположение, согласно которому, боспорский царь Савромат I попытался выступить против Рима, но эта попытка была пресечена Траяном [Minns, 1913, p. 604]. В отечественной науке данная гипотеза приобрела известную популярность.

В более мягкой форме (Савромат стремился уменьшить степень зависимости своего государства от Рима) эта идея была обоснована, главным образом на нумизматическом материале, Н.А. Фроловой [Фролова, 1968, с. 142 сл.], поддержана Д.Б. Шеловым [Шелов, 1981, с. 58], подкреплена археологическим материалом и дополнительной аргументацией в работе В.П. Толстикова. По мнению последнего, основанному на результатах раскопок Н.И. Сокольского и собственных археологических исследований, римляне для пресечения сепаратистских тенденций в политике боспорского царя провели карательную акцию, которая заключалась в уничтожении оборонительной системы Фанталовского полуострова и даже укреплений акрополя Пантикапея [Толстиков, 1992, с. 54–65]. С.Ю. Сапрыкин, не подвергая сомнению саму идею стремления этого царя к большей независимости от Рима, оспорил лишь предложенную сторонниками данной гипотезы хронологию и усомнился в том, что разрушение боспорских укреплений произведено римлянами или даже самим царем по их приказу [Сапрыкин, 1997, с. 89–94; ср.: Сапрыкин, 1998, с. 203 сл.].

Чтобы оценить степень вероятности этого, условно говоря, нового римско-боспорского конфликта, зададимся для начала самым общим вопросом: что выигрывало Боспорское царство, освободившись от опеки Рима, которая заключалась в оказании финансовой (а при необходимости – и военной) помощи? Гипотетическая независимость оставила бы Боспор в одиночестве перед лицом сарматов северо-кавказских степей и крымских скифов, которые, как отметил еще М.И. Ростовцев, являлись самыми опасными его врагами [Rostovtzeff, 1936, p. 95]. Никакие выгоды от торговли с варварами, никакие дипломатические ухищрения не могли вплоть до нового времени

устранить перманентную угрозу со стороны кочевников оседлому населению любого государства (и Боспор здесь исключением не являлся) [Виноградов, 2008, с. 60–66]. Как все чаще отмечается исследователями, местные цари были заинтересованы в поддержке (в том числе военной) со стороны Рима не меньше, если не больше, чем в них нуждались римляне [Браунд, 1991, с. 52; Функ, 1992, с. 76 сл.; Панов, 2003, с.121, 166 слл.; Nadel, 1961, str. 133]. Остается только согласиться с Д. Браундом в том, что не следует искать «конфликтные ситуации там, где их на самом деле не было» [Браунд, 1991, с. 34].

Того же мнения придерживается Х. Хайнен, который констатирует, что у советских исследователей, особенно послевоенного времени, прослеживается вполне определенная тенденция — преувеличивать независимость боспорских правителей по отношению к Риму. Однако, отмечает автор, хотя цари Боспора, судя по эпиграфическому материалу, охотно подчеркивали самостоятельность своей династии, но не менее охотно они перечисляли и свои верноподданнические по отношению к Риму титулы. Таким образом, дружба с Римом и «национальная» традиция выступали не как противоположности друг другу, а как двойная, взаимодополняющая конструкция [Heinen, 2006, S. 31 f. Ср.: Сапрыкин, 2005, с. 80].

Рим традиционно предпочитал опираться на систему зависимых царств, находившихся в отношениях клиентелы со своим великим соседом. Однако надежный клиент - это слабый клиент. Слабость, в свою очередь, делала сомнительной военную ценность таких государств. С другой стороны, сильное государство-клиент становилось опасным, как только узы зависимости от Рима ослабевали [Luttwak, 1976, p. 114]. Но Боспорское царство было на особом положении. Как отметил Б. Функ, «по большому счету, Боспор выходил из сферы прямых римских интересов уже по одной той причине, что его географическое положение было чисто периферийным, и это, несомненно, приводило римлян к признанию ограниченности своей власти над этим краем» [Функ, 1992. с. 76]. Особое правовое положение Боспорского царства среди государств-клиентов Рима, включавшее право на самостоятельную внешнюю политику, отмечено в науке достаточно давно [Надэль, 1948, с. 214].

Одним из основных аргументов сторонников существования конфликта между Боспором и Римом в начале II в. является принятие Савроматом I титула «царь царей», что, по их мнению, не могло не раздражать римлян. Но следует в первую очередь указать, что любые попытки осуществить конкретную хронологическую привязку принятия боспорским царем титула βασιλεὺς βασιλέων, а затем отказа от него (сугубо гипотетического) несостоятельны уже потому, что обе надписи, содержащие его (КБН. 45; 1048), не датированы. Поэтому при желании можно отнести их и ко времени Адриана, который относился к поведению правителей зависимых от Рима государств гораздо более либерально, чем его предшественник (SHA. *Hadr.* 17.10). Но вопрос, думается,

следует ставить более широко: почему данный титул Савромата, бесспорно, одного из наиболее выдающихся государственных деятелей своего времени [Rostovtzeff, 1936, с. 97; Ростовцев, 1990, с. 176], мог задевать интересы Рима?

В свое время Б. Надэль подробно проанализировал политико-правовое положение Боспорского царства в системе римского господства и пришел к выводу, что Боспор в этом отношении уникален – его нельзя целиком «вписать» ни в одну из стандартных моделей взаимоотношений Рима с зависимыми от него государствами [Nadel, 1961, str. 129–131]. К. Навотка, остановившись именно на отношении боспорских правящих кругов к Риму, отметил, что «боспорская пропаганда должна была выполнять сложную задачу: Риму доказывать лояльность боспорских монархов, а собственным подданным – их суверенитет» [Nawotka, 1989, p. 338]. Представляется, что титул «царь царей», принимаемый тем или иным боспорским монархом за вполне реальные военные и дипломатические достижения, относился ко второй части этой двуединой задачи. Современные исследователи, которые видят в нем проявление римско-боспорского конфликта, вольно или невольно повторяют один из штампов советского периода нашей науки, когда было принято, как отметил недавно Х. Хайнен, подчеркивать независимость боспорских царей по отношению к Риму [Heinen, 2006, S. 42].

Б. Надэль по этому поводу указывает, что Савромат I не уникален – тот же титул носили Асандр до него и Котис II после него. «В то же время нет ни одного случая, чтобы его носили правители других государств, зависимых от Рима. С правовой точки зрения, сохранение титула βασιλεὺς βασιλέων подчеркивает полную независимость боспорского правителя в отношении цезаря и одновременно является проявлением признания Римом его суверенности» [Nadel, 1961, str. 130]. Тот же автор обратил внимание на то, что еще А. Альфёльди провел в этом отношении параллель между Боспорским царством первых веков н.э. и Пальмирой времени Одената, который принял, наряду с римскими, и титул βασιλεὺς βασιλέων [Alföldi, 1939, p. 175 сл.]. И Б. Надэль, и А. Альфёльди полагают, что боспорские цари имели этот титул, наряду с другими символами суверенитета, например, правом чеканки золотой монеты с разрешения Рима – все это отражало уникальное положение Боспора в системе римского господства. Интересна мысль А. Альфёльди о том, что случай с Оденатом имел особый подтекст: «*But what the name did emphasize the more strongly was a rivalry with the Great Kings of Persia*». [Alföldi, 1939, с. 176]. Думается, эта идея вполне применима и к Боспору: римская санкция на именование Савромата «царем царей» могла быть частью сложной дипломатической игры либо Траяна, либо уже Адриана, нацеленной против Парфии.

Таким образом, нельзя не согласиться с выводом, сделанным в одном из последних исследований по данной проблематике: «Военные успехи Савромата в отношении соседних племен и сопровождаемое этим усиление военного могущества Боспорского царства являются общепризнанным фактом, однако

на основании этого слишком рано делать вывод о непременном отходе боспорского царя от Рима. Использование титула «царь царей» и указание на своих царственных предков отражали реальное положение вещей, и сомнительно, чтобы это как-либо ущемляло римские интересы» [Панов, 2008, с. 191].

Сторонники гипотезы о конфликте Боспора и Рима при Савромате обычно ссылаются на краткое сообщение Евтропия, согласно которому, император Траян «*Hiberorum regem et Sauromatarum et Bosporanorum et Arabum et Osdroenorum et Colchorum in fidem accepit*» (Eutrop. VIII.3.1). В.В. Латышев понимал этот текст так, что Траян *подчинил*, в числе прочих, и царя Боспора [Латышев, 1909, с. 113, прим. 3]. Но в современном русском переводе этот пассаж трактуется несколько иначе и, как представляется, ближе к истине: Траян «царей Иверии, савроматов, Боспора, арабов, Осроены и колхов *принял под свое покровительство*» (курсив мой. – В.П. Перев. А.И. Донченко).

Хотя выражение «*accipere in fidem*» достаточно многозначно [см.: OLD, p. 21 f., 697], в государственно-правовом отношении оно имеет вполне определенный смысл: принятие римского господства путем заключения договора о «дружбе» [Nadel, 1961, str. 128]. Н.А. Фролова на основе анализа боспорской монетной чеканки этого периода полагает, что Савромату пришлось *дважды* заключать договор с Траяном [Фролова, 1968, с. 143], но из текста Евтропия такого вывода сделать нельзя. Кроме того, нельзя не заметить, что для обозначения тех случаев, когда этот император решал внешнеполитические проблемы чисто силовыми методами, данный автор применяет иную терминологию¹. Что же касается корректности самого вывода Н.А. Фроловой, то к этому сюжету придется вернуться ниже.

Эпиграфика не дает никакого материала для заключения о конфликте между Боспором и Римом. Все датированные надписи царя Савромата I содержат в титулатуре традиционный набор «друг цезаря и друг римлян», иногда с добавлением «пожизненный первосвященник августов».

Распределяются они в такой хронологической последовательности:

1. 98 г. [см.: Парфенов, 2008, с. 212 сл.; 2009, с. 349–354.]: *φιλόκαισαρ καὶ φιλορώμαιος* (КБН. 43).
2. Ноябрь 104 г.: *φιλόκαισαρ καὶ φιλορώμαιος* (КБН. 1259).
3. Ноябрь 105 г.: *φιλόκαισαρ καὶ φιλορώμαιος* (КБН. 1021).
4. 105/6 г.: *φιλόκαισαρ καὶ φιλορώμαιος, ἀρχιερεὺς τῶν Σεβαστῶν διὰ βίου* (КБН. 1045).
5. Май 111 г.: *φιλόκαισαρ καὶ φιλορώμαιος* (КБН. 1115).
6. 116/7 г.: *φιλόκαισαρ καὶ φιλορώμαιος, ἀρχιερεὺς τῶν Σεβαστῶν διὰ βίου* (КБН. 44).

¹ *Daciam Deceballo victo subegit... Armeniam... recepit... Carduenos, Marcomedos occupavit... Messenios vicit...* (VIII.2.2; 3.1).

Делать далеко идущие выводы на том основании, что между 98 и 104, 105/6 и 111, 111 и 116/7 гг. такие надписи отсутствуют, было бы опрометчиво просто потому, что «каменный архив» Боспора дошел до нас в весьма фрагментарном состоянии.

Что же касается нумизматического материала, то установившийся еще до Савромата тип боспорского статера (портрет, имя и титул царя на аверсе, изображение римского императора и дата боспорской эры на реверсе) не претерпел существенных изменений за весь период его правления. Медная же монета была рассчитана на сугубо локальное обращение, появление на ней императорского портрета и дарованных императором царских инсигний (τετραί), несомненно, отражает какие-то конкретные события и нюансы римско-боспорских отношений, но отсутствие данных элементов монетного типа вовсе не свидетельствует о кризисе этих отношений и уж тем более о разрыве между Боспором и Римом. Остановимся на этом подробнее.

Среди крупных медных монет Боспорского царства обращает на себя внимание один тип, имеющий несколько разновидностей. К этим монетам, которые чеканились на протяжении около полутора столетий, относятся почти исключительно сестерции (МН), а также два дупондия (КД) и один двойной денарий (*В). Разновидности этого типа можно по характеру изображений условно распределить по следующим группам.

1. Круглый щит с копьем, голова коня, топор, шлем, меч.
2. Курульное кресло, скипетр с императорским бюстом.
3. Круглый щит, копье, голова коня, шлем, голова воина, меч.
4. Курульное кресло с венком, круглый щит, копье, скипетр с императорским бюстом, внизу топор (?).
5. Курульное кресло с венком, круглый щит, скипетр с императорским бюстом.

В комплекте с курульным креслом и венком щит изображается то с копьем [Анохин, 1986, №№ 431, 449, 455–457, 482], то без него [там же, №№ 469–470]. Кроме того, там, где копье входит в набор кавалерийского вооружения, оно изображено с наконечником (например, № 523), в то время, как то же оружие вместе со щитом, курульным креслом и венком наконечника, по крайней мере, в некоторых случаях (№ 528), не имеет.

Впервые, как принято считать, этот тип представлен дупондием с легендой τετραί (ионизм от τετραί) βασιλέως Κόττιος, который, однако, принято относить к монетной чеканке Рескупорида I (68/9–91/2 гг. н.э.)². В дальнейшем эта легенда

² В отношении боспорского царя в литературе мнения расходятся, именовать ли его Рескупоридом I или же (традиционно) II. Не вдаваясь в детали дискуссии, можно отметить, что В. Д. Блаватским и Н. А. Фроловой практически синхронно были приведены убедительные аргументы в пользу того, что современник Флавиев, сын Котиса и Евники, был первым боспорским царем, носившим это имя [см.: Фролова, 1976, с. 103–111; Блаватский, с. 56–62]. Впрочем,

выходит из употребления – в последний раз она встречается у Савромата I в форме $\tau\epsilon\iota\mu\alpha\iota\ \beta\alpha\sigma\iota\lambda\acute{\epsilon}\omega\varsigma\ \Sigma\alpha\upsilon\rho\omicron\mu\acute{\alpha}\tau\omicron\upsilon$ – тогда как сам тип продолжает существовать вплоть до времени Рескупорида II (211/2–228/9) и исчезает вместе с исчезновением самого номинала (сестерция) из боспорской монетной системы.

По поводу значения этих изображений особых разногласий в науке нет: принято считать, что данные монеты чеканились в знак утверждения царя на троне его римским сюзереном [Фролова, 1999, с. 149]. Если это было так, то датировать эти монеты следует либо началом правления боспорского царя, либо началом нового принципата: царь должен был спешить оповестить подданных о легитимизации собственного положения³.

Чтобы выяснить реальное положение дел, необходимо иметь в виду, что, заключая союзный договор с тем или иным царем, Рим придерживался юридической фикции, будто данный монарх обладает властью лишь по решению сената, и в знак этого посылал ему царские инсигнии. При этом пурпурное одеяние и скипетр полагались лишь правителям крупных государств (например, Египта, Мавретании), тогда как более мелкие властители обходились претекстой (*toga praetexta* – одеяние римских магистратов) [Rosenberg, 1914, Sp. 720].

Что же касается Боспора, то, если принять традиционную точку зрения о характере данного монетного типа, бросается в глаза явное несоответствие данного случая традиционно пренебрежительному отношению Рима к вассальным (и не только) монархам. Кроме того, ассортимент и количество изображенных на монетах предметов заставляют предполагать, что едва ли дело ограничивалось лишь «инвеститурой».

Следует вспомнить, что *reges socii* эпохи Империи могли иметь всадническое достоинство и воинский ранг *tribunus militum*⁴. Поэтому ключевое значение имеет

как не без удивления отметил К. Навотка, сила традиции оказалась живучей: та же Н.А. Фролова в более поздних своих работах именуется этого царя Рескупоридом II [Nawotka, 1989, p. 332, note 48. Ср., например: Фролова, 1968, с. 133 сл.; Фролова, 1997. С. 103 сл.; Яйленко, 1990, с. 170 сл.]. Подразумевается, что, как доказывали в свое время П.О. Бурачков и А.Л. Бертье-Деллагард, Рескупоридом I (тронное имя) был Аспург, основатель династии [Бертье-Деллагард, 2009, с. 69 сл.]. Однако эта точка зрения не подтверждается эпиграфическим материалом: в надписях этот правитель именуется только Аспургом [КБН, 39, 40, 958, 985; Кузнецов, 2006, с. 157].

³ В Риме времен Империи продолжал действовать старый принцип, согласно которому между Римом и любым монархом вообще невозможен никакой постоянный государственный договор. *Foedus* мог заключаться лишь между двумя свободными народами, тогда как с царем возможно было вступить лишь в персональные отношения, причем договор утрачивал силу со смертью данного монарха [Rosenberg, 1914, Sp. 719 f.]

⁴ Предположение О.В.Кудрявцева и Н.А. Фроловой [Кудрявцев, 1949, с. 159; Фролова, 1968, с. 56] о том, что изображение курульного кресла на монетах означало дарование боспорскому царю римского гражданства и сенаторского достоинства, в письменных источниках подтверждения не находит. Думается, что нет оснований отказываться от идеи М.И. Ростовцева: римское гражданство в основанной Аспургом династии передавалось от него по наследству, как и римские *praeponen* и *poten* Тиберия Юлия [Ростовцев, 2003, с. 123].

изображение среди предметов кавалерийского вооружения головы коня, на которое до сих пор внимания не обращалось. Возможно предположить, что конская голова обозначает дарование боспорскому царю всаднического достоинства высшего разряда – *eques Romanus equo publico*⁵.

Дело в том, что в Риме различалось собственно *ordo equester* (греческое ἡ ἵππας, οἱ καλοῦμενοι ἵππεῖς) – все, кто имел всаднический ценз – и удостоенные государственного коня (*equus publicus*, ἵππος δημόσιος). Последние именовались у греческих авторов τὸ τῶν ἵππέων τέλος, τὸ ἵππικὸν τάγμα, ἡ ἵππας τάξις κтл. По самой терминологии видно, что этот (высший) разряд всадничества имел подчеркнуто военный характер и представлял собой особую воинскую часть (τέλος, τάγμα, τάξις) численностью в несколько тысяч человек, состоявшую из шести подразделений (турм) примерно по тысяче человек в каждой. Командовал турмой *sevir*, назначавшийся императором и ежегодно сменявшийся. Каждый год 15 июля данный корпус всадников должен был в конном строю пройти перед императором (*transiectio*).

Наделение государственным конем само по себе было высоким отличием, которое предоставлялось лично императором, что особо подчеркивалось в надписях, к примеру: *exornatus equo publico a sacratissimo principe Hadriano Aug.* (ILS. 6472), или: *equo publico ornatus ab imp. Commodo Aug.* (ILS. 2759) [Kühler, 1907, Sp. 293 ff.].

Изображенные вместе с головой коня предметы представляют собой кавалерийское вооружение, кажется, за одним исключением: топор (секира). Н.А. Фролова вслед за В.Ф. Гайдукевичем видит в этом топоре боевое оружие [Гайдукевич, 1949, с. 329; Фролова, 1968, с. 58]. Однако в специальных исследованиях топор в качестве наступательного вооружения ни боспорской, ни сарматской, ни римской конницы не фигурирует [Блаватский, 1954, с. 115, 117, 142; Горончаровский, 2003, с. 52 слл.; Нефедкин, 2004, с. 49 слл.; Симоненко, 2002, с. 110 слл.; Коннолли, 2000, с. 236; Энглим и др., 2004, с.110; Webster, 1969, p. 151 ff.]⁶. Таким образом, на монетах, видимо, изображен топор для жертвоприношений, в котором следует видеть символ жреческого достоинства – как свидетельствуют надписи, боспорские цари были пожизненными первосвященниками Августов.

Н.А. Фролова обратила внимание на то, что иногда изображенный на монетах щит украшен лавровым венком [Фролова, 1999, с. 158]⁷. Это прямо указывает

⁵ По мнению С.Ю. Сапрыкина, высказанному в дискуссии на Жебелевских чтениях 2010 г., голова коня может обозначать происхождение боспорской династии от Посейдона. Однако следует вспомнить, что на монетах Митридата VIII (III) Посейдона символизировал трезубец.

⁶ В.Д. Блаватский, правда, полагал, что «всадник, не имеющий опоры на стремена, успешно может поражать врага метательным оружием и наносить в рукопашном бою удары топором или копьем, держа его в одной руке» [Блаватский, 1954, с. 119, прим. 4]. Однако это упоминание о топоре не подкреплено никаким фактическим материалом.

⁷ В.А. Анохин на эту деталь не обратил внимания [ср.: Анохин, 1986, №№ 467, 469].

на его наградной характер (здесь можно вспомнить золотой *clipeus virtutis* Августа и серебряные щиты, которыми по решению римского всадничества были награждены его внуки Гай и Луций – RgdA. 34.2; 14.2.). Что же касается копья, то похоже, что в отдельных случаях оно не имеет наконечника. Позволительно предположить, что это не ошибка резчика и не результат того, что данная деталь не прочеканена как следует: так изображена *hasta pura* – копье без наконечника, относящееся к самым почетным боевым наградам Рима.

В системе *dona militaria* эпохи Империи соблюдалась четкая субординация: префекту и военному трибуну полагались *corona, hasta pura* и *vexillum*, (часто лишь *corona* и *hasta*), реже двойной комплект этих наград. Тройной комплект получали *legati praetorii*, три венка, но только два копья и два знамени – *legati questorii*. Высшая награда (четыре комплекта) полагалась только легатам консулярского ранга [Fiebigel, 1905, Sp. 1530].

Боспорскому царю, римскому всаднику и военному трибуну, естественно, полагался один комплект или его отдельные составляющие. Но компенсировать отсутствие остальных можно было другими почетными дарами, которые и изображены на монетах. Вывод: в целом ряде, если не в большинстве, случаев изображенные на боспорских медных монетах царские награды к утверждению данного монарха на троне отношения не имели: это была оценка Римом его конкретных военных и дипломатических достижений.

В этой связи имеет смысл, не претендуя на абсолютную точность, все же попытаться проследить, насколько часто изображаются эти *dona regalia* в течение анализируемого периода:

Котис I – 1

Рескупорид I – 2

Савромат I – 24

Котис II – 5

Реметалк – 3

Евпатор – нет

Савромат II – 8

Рескупорид II – 1

Бросаются в глаза следующие обстоятельства. Первое – что Савромат I имел этих наград больше, чем все остальные его коллеги, вместе взятые. Второе – что царь Евпатор, если следовать общепринятой логике, вообще не был утвержден на троне своим римским патроном, так как меди с изображением $\tau\epsilon\iota\sigma\alpha\iota$ не чеканил. Однако хорошо известно, что это не так: отношения Боспора с Римом при этом царе были вполне нормальными. Лукиан упоминает, как его выручили из беды, взяв на свой корабль, именно направлявшиеся в Вифинию послы Евпатора, которых он встретил в пафлагонийском городе Эгиалах: $\epsilon\upsilon\theta\alpha\ \epsilon\upsilon\omega\ \text{παραπλέουτας}\ \epsilon\upsilon\rho\acute{\omicron}\nu\ \text{Βοσποριανούς}$

τινας πρέσβεις παρ Εὐπάτορος τοῦ βασιλέως ἐς τὴν Βιθινίαν ἀπιόντας ἐπὶ κομιδῇ τῆς ἐπετείου συντάξεως (Lucian. Alex. 57 (261))⁸.

В таком случае возникает естественный вопрос: что же следует считать символом официального признания Римом данного боспорского царя, в частности, Евпатора? По словам М.И. Ростовцева, зависимость Боспора от Рима «сказывается, прежде всего, и в римском имени царя – Тиберий Юлий, имени, которое, вероятно, уже Аспург получил вместе с римским гражданством и передал всему своему потомству... и то, что они получают от императоров знаки своей власти, делающие из них нечто среднее между царем и римским магистратом: с одной стороны – скипетр с бюстом императора и царский венец, может быть, также с *портретом императора на украшающей его центральной гемме* (курсив мой. – В.П.), с другой – курульное римское кресло и римская одежда – тога. Очень характерны официальные почетные дары римских императоров боспорским царям, нечто вроде знаков инвеституры – полное кавалерийское римское вооружение: меч, копье, круглый щит, секира, шлем с султаном, лошадь. Все это – и знаки власти, и почетные дары – неукоснительно изображается царями I и II вв. по Р.Х. на оборотах их медных монет» [Ростовцев, 2003, с. 123].

Видимо, с легкой руки классика нашей науки, Н.А. Фролова, анализируя этот ряд изображений на монетах Савромата I, безапелляционно утверждает: «Бесспорно, что все типы имеют инвеститурный характер» [Фролова, 1999, с. 149]. Однако, как нетрудно видеть, М.И. Ростовцев все же отделяет знаки власти от почетных даров, то есть «полного кавалерийского римского вооружения», и, думается, средневековый по происхождению термин «инвеститура» употреблен им не вполне корректно.

Обратимся к историческим прецедентам. Когда после битвы при Каннах Рим лихорадочно пытался сохранить прежних союзников и приобрести новых, нумидийский правитель Сифакс получил от них пурпурную тогу и тунику, курульное кресло и золотую чашу весом в пять фунтов (*togam et tunicam purpuream, sellam eburneam, pateram ex quinque pondo auri factam*)⁹. Примерно тогда же римские послы вручили египетскому царю Птолемею IV пурпурную тогу и тунику вместе с курульным креслом (*togam et tunicam purpuream cum sella eburnea*)¹⁰ (Liv. XXVII.4.8,10). Несколько десятилетий спустя, в 172 г.,

⁸ Есть все основания считать, что этот ἐπέτειος σύνταξις – римские ежегодные субсидии Боспору. Более подробно этот вопрос анализирует Н.А. Фролова [Фролова, 1982, с. 57 слл.]. В данном случае важно то, что отношения Боспора с Римом при Евпаторе были традиционно дружественными и продолжала действовать программа римской финансовой помощи государству-сателлиту.

⁹ Примечательно, что другие африканские царьки получили лишь по претексте и по золотой чаше весом в три фунта (Liv. XXVII.4.9).

¹⁰ То есть *sella curulis* [Kübler, 1923, Sp. 1314].

пергамскому царю Евмену были оказаны всевозможные почести, он был буквально осыпан дарами, среди которых были курульное кресло и скипетр слоновой кости (*omnes ei honores habiti donaque quam amplissima data cum sella curuli atque eburnea scipione*) (Liv. XLII.14.10.).

Но наиболее интересен и ближе всего подходит к тому, что М.И. Ростовцев и вслед за ним Н.А. Фролова называли инвеститурой, случай со знаменитым Масиниссой. В 203 г. до н.э. Сципион, разгромив карфагенского союзника Сифакса и доставив власть над Нумидией Масиниссе, «впервые назвал Масиниссу царем, превознес его похвалами и даровал ему золотой венок, золотую чашу, курульное кресло, жезл из слоновой кости, расшитую тогу и туннику с узорами из пальмовых ветвей» (*Masinissam, primum regem appellatum eximisque ornatum laudibus, aurea corona, aurea patera, sella curuli et scipione eburneo, toga picta et palmata tunica donat*) (Liv. XXX.15.11. Перев. М.Е. Сергеенко).

Здесь фигурируют, в числе прочих, и те предметы, которые мы видим на боспорских монетах: венок, курульное кресло и скипетр, причем дарованы они были виновнику торжества именно по случаю его провозглашения царем. Однако всего через три года после этого, в начале Второй македонской войны, сенат, заинтересованный в получении для нее прославленной нумидийской конницы, присылает к Масиниссе послов с дарами: *dona ampla data, quae ferrent regi, vasa aurea argenteaque, toga purpurea et palmata tunica cum eburneo scipione et toga praetexta cum curuli sella* (Liv. XXXI.11.11-12). Нетрудно заметить, что в обоих случаях царю был преподнесен сходный набор ценных подарков, в том числе курульное кресло и скипетр, но во втором случае *aurea corona* отсутствует, что подтверждает: именно золотой венок означал признание данного правителя Римом.

Следует отметить, что стандартный тип реверса боспорского сестерция, начиная со времени Нерона и Котиса I, представляет собой обозначение номинала (МН), обрамленное венком [Анохин, 1986, № 352]. Уже при Рескупориде I к этому изображению добавлена еще одна деталь: между кончиками ветвей венка изображен предмет либо овальной, либо круглой формы. Очевидно, это и есть гемма, которую имеет в виду М.И. Ростовцев¹¹. На сестерциях всех без исключения вышеназванных царей, в том числе и Евпатора, этот тип оборотной стороны монеты присутствует. Следовательно, что, помещая изображение венка с геммой на реверсе медных монет, боспорские цари подчеркивали тем самым легитимность своей власти. Что же касается изображения прочих регалий и наград, то возможно предположить, что частотность их появления на монетах точно соответствует уровню военной и вообще внешнеполитической активности Боспорского царства в указанный период. Таким образом, пик военных усилий Боспора приходится на время Савромата I, тогда как царствование Евпатора было самым спокойным во II веке н.э.

¹¹ Выражаю свою признательность А.В. Куликову за указание на эту важную деталь.

Если вернуться ко времени правления Савромата, то нельзя обойти вниманием столь важный первоисточник, как письма Плиния Младшего, в которых упоминается о боспорских делах. Наместник Вифинии пишет Траяну, что императорский вольноотпущенник Ликорм (Lycormas) просил задержать боспорское посольство к принцепсу до его, Ликорма, прибытия, но Плиний не счел возможным выполнить эту просьбу (Plin. Ep. X.63 (13); 67 (15)). Кроме того, Савромат в личном письме Плинию сообщил, что царский письменосец как можно быстрее должен доставить императору некую важную информацию: «*Rex Sauromates scripsit mihi esse quaedam, quae deberes maturissime scire*» (Plin. Ep. X.64 (14)).

По поводу содержания этой информации, цели боспорского посольства и смысла просьбы Ликорма существует немало предположений [обзор см.: Сапрыкин, 1998, с. 199 сл.]. Сам С.Ю. Сапрыкин пишет: «Мы вряд ли ошибемся в предположении, что такая опасная для римлян тенденция в политике и поведении Савромата I (стремление к большей независимости Боспора от Рима. – В.П.) вызвала подозрение у Ликорма, поспешившего указать на это Траяну и попытавшегося упредить посольство царя в Рим, которое, очевидно, должно было объяснить там причины появления прогосударственной риторики и усиления царства. Оно, видимо, призвано было также успокоить императора и внушить ему мысль об отсутствии какой бы то ни было опасности в этом для Рима.» [Сапрыкин, 1998, с. 203 сл.]. Нельзя не заметить, что в данном случае конструкция С.Ю. Сапрыкина выглядит чисто произвольной, и придется примириться с тем, что мы никогда не узнаем, о чем беспокоился Ликорм и какую секретную информацию Савромат должен был срочно сообщить Траяну.

В.П. Толстикова для доказательства своей гипотезы привлекает и поистине авантюрную историю Каллидрома, бывшего раба Лаберия Максима, одного из полководцев Траяна (Plin. Epist. X.74 (16)). Каллидром попал в плен к дакам и был подарен Децебалом парфянскому царю Пакору II. Можно согласиться с тем, что попасть в Парфию он мог только в составе дакийского посольства. В.П. Толстикова полагает, что посольство прошло по территории Боспорского царства с согласия его царя: это была часть «двойной игры» Савромата, вызвавшей недовольство римлян и их карательную акцию [Толстикова, 1992, с. 57].

Маршрут дакийского посольства был сухопутным, это бесспорно: морской путь исключался, так как акваторию Понта Эвксинского контролировал римский военный флот. Более вероятным представляется «северный» вариант, в обход боспорских владений, – один из двух, предложенных С.Ю. Сапрыкиным [Сапрыкин, 1998, с. 200, прим. 34]. Кочевые племена, союзники Децебалы, знали степь как свои пять пальцев и всегда могли избрать безопасный путь. Таким образом, и этот сюжет не делает более вероятным конфликт интересов Боспора и Рима при Савромате I.

С ярко изображенной В.П. Толстикovým картиной разрушения оборонительной системы «Острова» и укреплений акрополя Пантикапея диссоциирует известная надпись, поставленная по инициативе декурионов римской колонии Синопы в честь царя Савромата, в которой он назван «превосходнейшим другом императора и римского народа» (*amicus imperatoris populique Romani praestantissimus*) (КБН. 46).

Считать бронзовые фигурки орлов «скульптурными наверхшиями (очевидно, значков – В.П.) римских войсковых подразделений» [Толстикóв – 1992, с. 65, прим. 65], по крайней мере, в отношении той, что была найдена при раскопках крепости «Батарейка II», было бы неосторожно. Здесь исключительно важен контекст находки. Согласно гипотезе В.П. Толстикóва, крепости Фанталовского полуострова были ликвидированы одновременно, причем гарнизоны оставили их без боя. В таком случае непонятно, каким образом римляне, проводившие эту карательную акцию, могли утратить хотя бы деталь своего боевого знамени. Представляется, что исследователи, придерживающиеся этой точки зрения, не учитывают особенностей римского воинского менталитета и, в частности, отношения к знаменам [подробно на эту тему см.: Stoll, 1995, S. 107–118; Махлаюк, 1997, с. 167–180].

Вызывает подозрение и тот факт, что в уничтоженных крепостях остались запасы продовольствия и достаточно много ценных предметов [Толстикóв, 1992, с. 58]. Если учесть, насколько образцово у римлян еще с республиканских времен был организован грабеж захваченных городов (Polyb. X.16.2–8), их «бесхозяйственность» в данном случае выглядит достаточно странно.

Подведем итоги. К числу фактов бесспорных можно отнести разрушение крепостей Фанталовского полуострова во II в. н.э. [Сокольский, 1967, с. 108–115; Сокольский, Стручалина, Голенко, 1974, с. 93; Сокольский, 1976, с. 113, 117]. Однако причина (или причины) их гибели остается неизвестной, существующие предположения доказанными считать нельзя. Несмотря на скептическое отношение А.А. Масленникова к популярной ныне точке зрения на землетрясения как причину массовых разрушений на Боспоре в определенные периоды его истории [Масленников, 2008, с. 182], не следует *a priori* исключать и этот вариант. В настоящее время разработаны достаточно четкие критерии определения причин катастроф на памятниках античной археологии [Винокуров, 2008, с. 67–77], которыми вполне можно руководствоваться и в данном случае¹². Продолжает существовать точка зрения, связывающая

¹² Авторитет Н.И. Сокольского привел к тому, что его предположение о применении осадных машин при разрушении данной крепости в дальнейшем стало восприниматься как аксиома [АГСП, 1984, с. 90; Толстикóв, 1992, с. 58]. Между тем, доказанным его считать нельзя хотя бы потому, что землетрясение дает сходную картину разрушений [ср.: Сокольский, 1967, с. 110, 112; Винокуров, 2008, с. 67–77]. Пожар, в котором погибли крепости Фанталовского полуострова, в таком случае тоже объясним: «Любой подземный толчок и в наше время опасен хотя

гибель укреплений «Острова» с вторжением варваров [Цветаева, 1979, с. 18; Сапрыкин, 1998, с. 203]¹³.

Не может вновь не возникнуть вопрос о цели гипотетической карательной акции римлян. Во времена Афинской архэ афиняне заставляли непокорных союзников срывать укрепления со стороны моря, и это понятно: на море господствовал афинский флот. Римлянам, задайся они подобной задачей, следовало бы сделать нечто подобное. Но открывать восточные рубежи Боспорского царства для вторжений варваров, ликвидировав «единую, глубоко эшелонированную систему оборонительных сооружений» [Ломтадзе, 2009, с. 264 сл. Ср.: Сокольский, 1976, с. 113, 117], было бы абсурдно.

Приходится заключить, что при современном состоянии источников считать разрушение крепостей Фанталовского полуострова инициативой или даже прямым делом рук римлян нет достаточных оснований [Сапрыкин, 1997, с. 92. Ср.: Панов, 2008, с. 190 сл., 237]. Поэтому правомерно заключить, что свет на причину гибели укреплений «Острова» могут пролить лишь новые археологические исследования, проводимые с использованием самых современных методик. Пока же, как представляется, реанимировать в том или ином виде старую гипотезу об антиримском союзе Дакии, Боспора и Парфии [см.: Кнабе, 1977, с. 140], как минимум, преждевременно.

бы тем, что он сбрасывает на пол горящую лампу и может вызвать пожар... » [Кусто, Паккале, 1986, с. 142.]. Не нашел пока объяснения и тот факт, что человеческих останков при раскопках крепостей не обнаружено, тогда как при землетрясении обитатели помещений вполне могли успеть их покинуть (обед, оставленный на столе [Сокольский, 1967, с. 114], находит тогда вполне логичное объяснение).

¹³ Как справедливо отметил в ходе дискуссии на X Боспорских чтениях В.П. Толстикова, во времени выхода в 1992 г. его статьи новых данных о взаимоотношениях Боспора и Рима в первые десятилетия II в. н.э. не прибавилось. Таким образом, приходится оперировать тем же набором фактов, что давно и хорошо известен науке. Пополнение информационной базы возможно лишь за счет археологических исследований. По любезному сообщению Владимира Петровича, к настоящему времени более или менее изучено шесть крепостей, входивших в систему обороны Азиатского Боспора. Результаты исследований позволяют сделать вывод об их одновременной гибели. Однако единства мнений среди специалистов по этому поводу нет: следы разрушений на «батареях» могут датироваться и более широко, в пределах всей первой половины II в. (выражаю признательность А.А. Завойкину за консультацию по этому вопросу).

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамзон М. Г. Монеты как средство пропаганды официальной политики Римской империи. М., 1995.
- Абрамзон М.Г., Фролова Н.А. Корпус боспорских кладов античных монет. Т. 1 (1834–2005 гг.). Симферополь; Керчь, 2007–2008.
- Бертъе-Делагард А.Л. О монетах властителей Боспора Киммерийского, определяемых монограммами // Бертъе-Делагард А.Л. Автобиография. Избранные труды по нумизматике. Т. I. Симферополь, 2009.
- Блаватский В.Д. О Рескупориде Первом // СА. 1976. № 4. С. 56–62.
- Блаватский В.Д. Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1954.
- Виноградов Ю.Г., Шестаков С.А. Laudatio Funebris из Пантикапея // ВДИ. 2005. №. 2.
- Винокуров Н.И. Война, пожар или природная катастрофа: археологические критерии оценок последствий катастроф на памятниках античной археологии в Крымском Приазовье // БЧ. 2008. Вып. IX.
- Горнчаровский А.В. Между империей и варварами. Военное дело Боспора римского времени. Спб.; М., 2003.
- Зограф А.Н. Античные монеты. М.; Л., 1951.
- Кнабе Г.С. Спорные вопросы биографии Тацита. Cursus honorum // ВДИ. 1977. № 1.
- Коннолли П. Греция и Рим. Энциклопедия военной истории / пер. с англ. М., 2000.
- Кудрявцев О.В. Рец. на: В.Ф. Гайдукевич. Боспорское царство. М., 1949 // ВДИ. 1949. № 4.
- Кузнецов В.Д. Новые надписи из Фанагории // ВДИ. 2006. № 1.
- Кусто Ж.-И., Паккале И. В поисках Атлантиды / Пер. с франц. // Кусто Ж.-И., Паккале И. В поисках Атлантиды. Щербаков В.И. Золотой чертог Посейдона. М., 1986.
- Ломтадзе Г.А. Оборонительные сооружения Азиатского Боспора позднеэллинистического – раннеримского времени // БЧ. 2009. Вып. X.
- Масленников А.А. Война и военный фактор в археологии и истории Боспора // Боспорские чтения. Керчь, 2008. Вып. IX.
- Махлаюк А.В. «Религия и любовь к знаменам». К вопросу о культе знамен в римской армии // Боспор и античный мир. Нижний Новгород, 1997.
- Надэль Б. И. Боспорская надпись IOSPE, II, 33 // ВДИ. 1948. № 3.
- Нефёдкин А. К. Под знаменем дракона. Военное дело сарматов во II в. до н.э. – V в. н.э. Спб.; М., 2004.
- Панов А.Р. Рим на северо-восточных рубежах: взаимоотношения с государствами Северного Причерноморья и Закавказья в I в. до н.э. – первой трети II н.э. Арзамас, 2008.
- Парфенов В.Н. Ульпии на Боспоре: кто есть кто? // БЧ, 2008. Вып. IX.
- Парфенов В.Н. Боспорская миссия Марка Ульпия Прима // АМА. 2009. Вып. 13.
- Ростовцев М.И. Глава VI. Государство и культура Боспорского царства // ВДИ. 1990. № 1.
- Ростовцев М. И. Эллинизм и иранство на юге России. 2-е изд. М., 2003.
- Толстиков В.П. Неизвестные страницы истории Боспорского царства // Археология и искусство Боспора. СГМИИ. М., 1992. Вып. 10.
- Сапрыкин С.Ю. Плиний Младший и Северное Причерноморье // ВДИ. 1998. № 1.
- Сапрыкин С.Ю. Царь Савромат I Боспорский // Античность: история и историки. Казань, 1997.
- Сапрыкин С.Ю. Энкомий из Пантикапея и положение Боспорского царства в конце I – начале II в. н. э. // ВДИ. 2005. №. 2.
- Сокольский Н.И. Крепость на поселении Батарейка II // КСИА. 1967. Вып. 109.
- Сокольский Н.И., Стручалина Р.А., Голенко В.К. Третий Патрэйский клад // АМА. 1974. Вып. 2.
- Сокольский Н.И. Таманский толос и резиденция Хрисалиска. М., 1976.
- Суриков И.Е. Еще раз о Гилоне, деде Демосфена: взгляд со стороны Афин // БЧ. 2009. Вып. X.

- Фролова Н.А.* Боспор и Рим в конце I – начале II вв. н.э. по нумизматическим данным // ВДИ. 1968. № 2.
- Фролова Н.А.* Денежное обращение Боспора в 45–234 гг. н.э. // НС. 1974. Вып. 5.
- Фролова Н.А.* Медные монеты Котиса I как исторический источник // СА. 1976. № 3.
- Фролова Н.А.* Монетное дело Боспора (середина I в. до н. э. – середина IV в. н. э.). Часть I. Монетное дело Боспора 49/48 гг. до н. э. – 210/211 г. н. э. М., 1997.
- Фролова Н.А.* Монетное дело Рискупорида II // НЭ. 1968. Т. VII.
- Фролова Н.А.* О римско-боспорских отношениях в I – середине III вв. н. э. по нумизматическим данным // Нумизматика античного Причерноморья. Киев, 1982.
- Функ Б.* Проримская ориентация в титулатуре боспорских царей // Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья. СПб., 1992.
- Цветашева Г.А.* Боспор и Рим. М., 1979.
- Шелов Д.Б.* Римляне в Северном Причерноморье во II в. н.э. // ВДИ. 1981. № 4.
- Шмалько А.В.* Восточный поход Нерона // АМА. 1990. Вып. 8.
- Энглим С., Джестис Ф.Дж., Райс Р.С., Раи С.М., Серрати Дж.* Войны и сражения древнего мира. 3000 год до н.э. – 500 год н.э. / Пер. с англ. М., 2004.
- Яйленко В.П.* Династическая история Боспора от Митридата Евпатора до Котиса I // Эпиграфические памятники и языки древней Анатолии, Кипра и античного Северного Причерноморья. М., 1990. С. 128–215.
- Alföldi A* The Crisis of the Empire (A.D. 249–270) // САН. 1939. Vol. XII.
- Fiebiger.* Dona militaria // RE.1905. Bd. 5.
- Heinen H.* Antike am Rande der Steppe. Der nördliche Schwarzmeerraum als Forschungsaufgabe. Mainz; Stuttgart, 2006.
- Kübler.* Equites Romani // RE. 1907. Hbd. 11.
- Kübler.* Sella curulis // RE. 1923. 2. R. Hbd. 4.
- Luttwak E. N.* The Grand Strategy of the Roman Empire. From the First Century A. D. to the Third. Baltimore; L., 1976.
- Minns E.H.* Scythians and Greeks. Cambridge, 1913.
- Nadel B.* Reges amici Pynocnego Nadczarnomorza i ich stosunki prawno-polityczne z Rzymem w ostatnim wieku republiki i pierwszych dwuch stuleciach cesarstwa // Eos. 1961. Vol. 51.
- Nawotka K.* The Attitude towards Rome in the Political Propaganda of the Bosporan Monarchs // Latomus. 1989. T. 47.
- Regling K.* Мьнзwesen // RE. 1933. Hbd. 33.
- Rosenberg.* Rex // RE. 1914. 2. R. Hbd. 1.
- Rostovtzeff M.* The Sarmatae and Parthians // САН. 1936. Vol. XI.
- Stoll Q* Die Fahnenwache in der rumischen Armee // ZPE. 1995. Bd. 108.
- Webster G.* The Roman Imperial Army of the first and second centuries A.D. L., 1969.

В.М. Парфьонов

ДО ОЦІНКИ РИМСЬКО-БОСПОРСЬКИХ ВІДНОСИН В I-II ст. н.е.

Резюме

Автор, аналізуючи данні нумізматики, епіграфіки, археології, відомості античних авторів, приходять до висновку, що дружні відносини Риму і Боспору після військового конфлікту 40-х рр. I ст. н.е. більш не порушувались. Гіпотеза про прояв Савроматом I сепаратистських тенденцій фактами не підтверджується. Зображення на монетах боспорських царів I-II ст. регалій і почесних дарів може служити індикатором військових та дипломатичних успіхів Боспору, які заохочував Рим.

В.Н. Парфенов

К ОЦЕНКЕ РИМСКО-БОСПОРСКИХ ОТНОШЕНИЙ В I-II вв. н.э.

Резюме

Автор, анализируя данные нумизматики, эпиграфики, археологии, сведения античных авторов, приходит к выводу, что дружественные отношения Рима и Боспора после военного конфликта 40-х гг. I в. н.э. больше не нарушались. Гипотеза о проявлении Савроматом I сепаратистских тенденций фактами не подтверждается. Изображение на монетах боспорских царей I-II вв. регалий и почетных даров может служить индикатором военных и дипломатических успехов Боспора, поощряемых Римом.

V.N. Parfyonov

TO THE ESTIMATION OF THE RELATIONS BETWEEN ROME AND BOSPORUS
IN THE 1st – 2nd CENTURIES AD

Summary

The author, analyzing the data of numismatics, epigraphy, archaeology, the information of ancient authors, comes to the conclusion that friendship of Rome and the Bosphorus after the military conflict of the 40s of the 1st century AD was indestructible. There are no facts proving the hypothesis of separation tendencies displayed by Savromates I. The images of regalia and honorable gifts on the coins of the Bosporan kings in the 1st-2nd centuries can serve as the indicators of military and diplomatic success of the Bosphorus encouraged by Rome.

О. Б. БУБЕНОК

КРЕМАЦИОННЫЙ ОБРЯД ЗАХОРОНЕНИЙ ХАЗАРСКОГО ВРЕМЕНИ НА СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КАВКАЗЕ: ТРАДИЦИЯ ИЛИ ИННОВАЦИЯ?

В среде современных исследователей археологических памятников Хазарского каганата до сих пор не сложилось единого мнения относительно сколь-нибудь убедительной интерпретации погребальной обрядности племен, входивших в состав империи хазар. До этого особенности погребального обряда салтовских племен давали основания многим археологам выделять внутри салтовской культуры локальные варианты, соотносимые с известными по письменным источникам этническими группами. Исследователи памятников салтовской культуры уже давно пришли к выводу, что население Хазарского каганата было полиэтничным, и поэтому каждый этнос должен был обитать лишь на определенной территории. Однако эта, казалось бы стройная, схема начала рушиться, когда археологи начали предпринимать попытки этнически атрибутировать кремационные захоронения салтовского типа, встречающиеся лишь в двух ареалах распространения салтовской культуры. Одним из них стал район Северо-Западного Кавказа, где, по данным письменных источников, в поздне-хазарское время обитал массив адыгоязычных касогов. В соответствии этому, исследователи пытались выяснить, соотносятся ли как-то кремационные захоронения салтовского типа в этом месте Кавказа с пребыванием здесь касогов-адыгов или нет. При этом, в случае положительного ответа на вопрос, возникала другая дилемма: почему новый обряд погребения умерших получил распространение на Северо-Западном Кавказе именно в хазарское время? Кажется, что для решения данной проблемы уже давно назрела необходимость отказаться от устоявшихся стереотипов в салтовской археологии, в соответствии с которыми определенный погребальный обряд должен был соответствовать лишь одному этносу, что создавало большие удобства при построении реконструкций этнических процессов прошлого. Однако при этом, кроме фрагментарных данных письменных источников, не привлекались для сравнения данные других смежных гуманитарных дисциплин, несмотря на то, что немаловажное значение для этого имеют данные этнографического характера. Данные этнологии свидетельствуют лишь о том, что в среде одного этноса могут иметь распространение различные погребальные традиции. И наоборот – один и тот же погребальный обряд может иметь место в среде нескольких соседних

этнических групп региона. Именно эти особенности предопределены многими факторами, и полиэтничный Кавказ является именно тем местом, где эти черты нашли яркое проявление. Кажется, что данная проблема может быть разрешима лишь при изменении методологических подходов к ней. Таким образом, имеет смысл попробовать решать проблемы этнической истории не с позиций археологии, а с позиций этнологии. Однако имеем ли мы достаточно материала для ретроспективного анализа этнических процессов, имевших место более тысячи лет назад на южных границах Хазарского каганата?

Исследователи уже давно обратили внимание, что на некоторых раннесредневековых могильниках Северо-Западного Кавказа имел распространение обряд кремации, столь не типичный для северокавказских памятников предыдущего времени. Прежде всего, следует отметить некоторые погребения Борисовского могильника близ Геленджика, который был исследован В.В. Сахановым около ста лет назад и им же был датирован на основе нумизматического материала как V–VII вв., так и IX в. [Саханов, 1914, с. 75–219].

Для данного некрополя была характерна поливариантность погребального обряда. В.В. Саханов выделил на могильнике три группы погребений, различных по хронологии и особенностям погребального обряда. Первую и вторую группы исследователь датировал VI–VII вв. и более поздним периодом. Подавляющее большинство этих захоронений были совершены по обряду ингумации в каменных ящиках или в некоторых случаях в простых грунтовых ямах. Ориентация погребенных была различной. Кроме того, в 128 могилах этих групп были встречены и синхронные грунтовым захоронениям семь кремаций, совершенных на стороне, но помещенных в 6 случаях в каменные ящики и один раз в грунтовую яму [Саханов, 1914, с. 75–219].

Третью же группу на Борисовском могильнике представляли более поздние захоронения, для которых был характерен обряд кремации. Всего же в третьей части могильника было вскрыто 70 погребений, среди которых 45 кремаций в каменных ящиках и 10 грунтовых кремаций, 7 тайников с вещами, 7 погребений в каменных ящиках и одно погребение в деревянном гробу. В.В. Саханов соотнес в первой, второй и третьей группах ингумационные погребения в каменных ящиках и грунтовых ямах с зихами, а кремационные захоронения в каменных ящиках связал с крымскими готами. Что же касается остальных захоронений третьей группы, то исследователь не решился дать им этническую атрибуцию [Саханов, 1914, с. 75–219].

К сожалению, до сих пор для исследователей является загадкой происхождение “10 грунтовых ям с сожженными костями (№№ 80, 94, 97, 105, 109–111, 131–133), 7 случаев погребения одних вещей в грунтовой яме (№№ С, 92а, 116, 134, 141, 143 и 144)”. Инвентарь (рис. 1), обнаруженный в этой группе погребений, резко отличает их от других групп захоронений Борисовского могильника. Здесь были обнаружены сабли (погр. №№ 144, 134, 144),

наконечники стрел (погр. № 134), стремена (погр. №№ 134, 144), удила (погр. № 134, 144), железные пряжки (погр. №№ 134, 143), железные щипчики (погр. №№ 105, 134), железные серпы (погр. № 134), железная цепь особой конструкции (погр. № 134) и т. п. На основании этих находок В. В. Саханов пришел к выводу, что инвентарь из отмеченной группы захоронений имеет прямые аналогии с Верхнесалтовским могильником, и датировал третью часть Борисовского могильника IX веком [Саханов, 1914, с. 75–219].

Однако картина была бы не полной без упоминания могильника Дюрсо, расположенного близ Новороссийска. Как и Борисовский, могильник Дюрсо является биритуальным: здесь представлены более ранние трупоположения в грунтовых ямах и более поздние трупосожжения. Для нас особый интерес представляют последние, которых было 173, и они располагались двумя компактными группами в западной и юго-западной частях могильника (рис. 2). Кремации могильника Дюрсо представляют небольшие кучи пережженных костей, рядом с которыми были сложены предметы, которые несут следы пребывания в огне. Необходимо отметить, что кремации совершались на стороне. При этом оружие, орудия труда, кухонные принадлежности часто приводились в негодность. Рядом с захоронениями ставились сосуды (кувшины, кружки) из красной и серой глины (рис. 3, 1–4). Особо интересен инвентарь могильника, представленный металлическими серьгами, браслетами, оружием (наконечники стрел, наконечники копий, боевые топорики, сабли, кинжал, кистень, ножи), снаряжением коня (рис. 4, 1–7), орудиями труда (складные серпы, рабочие топоры, пилы и напильники, пряслица) и т. п. Исследователь могильника А.В. Дмитриев на основе анализа инвентаря продатировал трупосожжения могильника Дюрсо VIII–IX вв. [Дмитриев, 2003, с. 200–205].

Как отметил А.В. Дмитриев, кремационный раннесредневековый могильник Дюрсо – не единственный на Северо-Западном Кавказе [Дмитриев, 2003, с. 205]. Анализируя ситуацию в Северо-Западном Причерноморье, А.В. Пьянков пришел к следующим выводам: “В VIII в. происходит частичная смена населения, отразившаяся в распространении в отдельных районах нового погребального обряда. На анапско-гелендижском побережье в Западном Закубанье, вплоть до устья реки Псекупс, выявлено 20 могильников с кремациями второй половины VIII – IX веков. Эти могильники занимают компактную территорию. Ее северной границей служила река Кубань, южной – северные склоны Кавказского хребта, западной – берег Черного моря, а восточной – река Псекупс (рис. 5). Кремации, распространившиеся в регионе, резко отличаются по основным деталям обряда от предыдущих и не связаны с ними происхождением. Для второй группы сожжений присущи такие черты погребального обряда, как сожжение инвентаря вместе с покойником, обязательная ритуальная порча инвентаря, устройство небольших и неглубоких могильных ям, помещение инвентаря в тайничках и отдельных ямках, присутствие в погребениях большого

количества оружия и деталей снаряжения боевого коня и т. д. Для этой группы кремаций не характерны захоронения лошадей” [Пьянков, 2001, с. 204].

Исследователей кремационных могильников Северо-Западного Кавказа сразу же заинтересовали вопросы, связанные с происхождением населения, оставившего их. Ибо своим обрядом они никак не походили на соседние ингумационные захоронения предшествующего и хазарского времени. Поэтому эти ученые довольно быстро нашли им аналогии уже среди памятников салтовской культуры. Так, А.В. Дмитриев отметил: “Могильники четвертого периода Дюрсо с таким же набором инвентаря хорошо известны на Северском Донце ... и в Предкавказье – у аула Казазово, станицы Молдаванской и др. ... При чем часто их сходство можно считать абсолютным” [Дмитриев, 2003, с. 200–205].

А.В. Пьянков также отметил, что “сожжения типа Дюрсо по материальному облику близки кругу салтово-маяцких древностей, и находят многочисленные аналогии погребальному обряду и инвентарю в материалах синхронных им могильников бассейна Северского Донца (кремации типа Новопокровки)” [Пьянков, 2001, с. 205]. Еще в 1996 г. А.В. Пьянков и А.В. Тарабанов эти сходства на кремационных могильниках бассейна Северского Донца и Северо-Западного Кавказа объясняли “общностью происхождения” населения, их оставившего. Что же касается некоторых отличий, то упомянутые исследователи объяснили это “проживанием племен – носителей кремационного обряда, после расселения, в различном этнокультурном окружении” [Пьянков, Тарабанов, 1996, с. 64].

Относительно же этнической атрибуции обитателей Дюрсо в хазарское время среди исследователей были высказаны различные мнения. Так, Е.П. Алексеева считала, что все погребения III–XIII вв. Северо-Западного Кавказа, совершенные по кремационному обряду, были оставлены протоабазинскими племенами. Исследователь объясняла появление кубано-черноморских кремаций переселением отдельных групп носителей цебельдинской культуры, существовавшей на территории Абхазии во II–VII вв. н. э. По мнению исследователя, ее оставили предки абазин [Алексеева, 1980, с. 36]. Получается, что обряд трупосожжения возник на Северо-Западном Кавказе самостоятельно и имел местные корни, т. е. являлся новацией. Может быть, это и дало основания Г.Е. Афанасьеву связать появление кремационных захоронений в бассейне Северского Донца в хазарское время с переселением сюда с Кавказа абхазо-адыгского населения [Афанасьев, 2001, с. 53].

Кроме того, в последние десятилетия очень популярным стало предположение А.В. Пьянкова о “касожском” происхождении носителей кремационного обряда на Северо-Западном Кавказе. Основанием для этого стали сведения средневековых авторов о проживании в данном районе в первой половине X в. касогов. Несмотря на это, А.В. Пьянков считал кремационные захоронения хазарского времени инновацией. Вывод исследователя по этому поводу был

следующий: “Кремации типа Дюрсо не имеют корней на Северо-Западном Кавказе в предшествующий период и их носители не могут быть признаны автохтонным кавказским народом”. При этом исследователь так и не мог определить, кто же были по этнической принадлежности эти пришельцы [Пьянков, 2001, с. 204–205].

По этому поводу существуют и другие мнения. Так, А.В. Дмитриевым была высказана, и не без оснований, довольно интересная гипотеза относительно центральноазиатского происхождения населения, оставившего могильники в Дюрсо и Сухой Гомольше. Исследователь отметил, что цепь подобных погребений тянется на восток, до Алтая и Минусинской котловины, где подобные памятники увязываются с некоторыми группами населения Южной Сибири (тюрками, хакасами, енисейскими кыргызами). Ситуацию он представляет следующим образом: “В середине VIII века в связи с завоеваниями арабов и уйгуров в Южной Сибири складывается напряженная военно-политическая обстановка. Возможно, какая-то тюркоязычная группа, хоронившая умерших по обряду трупосожжения, в это время переместилась в пределы Хазарского каганата и на какое-то время осела на Харьковщине. Вторая группа откочевала на Северо-Западный Кавказ, где их памятники открыты в основном в районе Новороссийска (в Дюрсо эту культуру мы видим еще в сравнительно чистом виде). В Борисовском могильнике наряду с трупосожжениями в ямках уже хорошо прослеживается смешение местной традиции (захоронения в каменных ящиках) и пришлого обряда (трупосожжения). Позже в эти края приходит новая волна кочевников, оставившая трупосожжения в урнах под небольшими курганами, часто с захоронением коней” [Дмитриев, 2009]. Таким образом, А.В. Дмитриев появление трупосожжений на Северо-Западном Кавказе связывал с пришлым населением, т. е. в данном случае предлагалось в обряде кремации видеть инновацию. Однако в данной ситуации возникают определенные сомнения относительно миграции тюркоязычного населения из Центральной Азии именно в середине VIII в.

Чтобы разобраться в проблеме, необходимо обратиться к сравнительному анализу материалов как из синхронных, так и более ранних могильников Северного Кавказа, Восточной Европы и Центральной Азии.

Как уже отмечалось, очень близкими кремационным захоронениям Северо-Западного Кавказа являются кремационные могильники хазарского времени в бассейне Северского Донца. Наиболее знаменитым из них является могильник, входящий в состав комплекса, вблизи с. Сухая Гомольша, открытый и исследованный В. К. Михеевым. Исследователь могильника В.К. Михеев отметил, что могильник находился возле городища и селища салтовской культуры у с. Сухая Гомольша и, следовательно, был оставлен обитателями этих поселений. Могильник находился на слегка покатом склоне глубокой балки и был окружен рвом. За ограничительным рвом было обнаружено место, где

кремировались умершие, – оно представляло собой “зольник” серповидной формы. Характерной особенностью могильника Сухая Гомольша, которая отличает его от других погребальных комплексов салтовской культуры, является малоизвестный для памятников хазарского времени обряд трупосожжения на стороне. Кроме захоронений, на могильнике было обнаружено 17 поминальных комплексов вещей в так называемых “тайничках”. По способу захоронения остатков кремации все захоронения были разделены на урновые (138) и безурновые (179). Захоронения этих двух типов располагались на территории могильника без определенной закономерности. Безурновые захоронения, которые численно преобладали на могильнике, были совершены в ямах круглой, эллипсовидной, прямоугольной с закругленными углами формы (рис. 3, 5–9). В зависимости от площади могильной ямы и количества остатков кремации безурновые захоронения были разделены исследователями на четыре вида. Что же касается урновых захоронений, то в зависимости от положения урны (поставлена вверх дном над остатками кремации или остатки помещены в саму урну), наличия подстилки или крышки и т. п. разделены на восемь видов. На площади могильника удалось проследить участки с высокой плотностью захоронений и пустые участки без погребений. В результате этого В.К. Михеев выделил на могильнике шесть территориальных групп – I – северную, II – западную, III – юго-западную, IV – центральную, V – восточную, VI – южную. На основании этого исследователи могильника отметили, что существование разных погребальных традиций у населения, оставившего данный могильник, “может являться свидетельством сложности этнокультурной структуры сухогомольшанской общины” [Аксенов, Михеев, 2006, с. 72–92; Михеев, 1986, с. 158–173].

Найденный на могильнике инвентарь также представляет немалый интерес. Исследователи памятника обратили особое внимание на большое количество сельскохозяйственных и ремесленных орудий. Так, здесь были обнаружены железные ножи, серпы, косы, тесла-мотыжки, хозяйственные топоры, долото, ручные резцы, пружинные ножницы, котлы. Были обнаружены также пряслица из глины и свинца, игольники из кости или бронзы, костяная горловина бурдюка и т.п. Все эти находки позволяют говорить, что во второй половине VIII – IX в. население Сухой Гомольши вело оседлый образ жизни и занималось как земледелием, так и ремеслами. Однако скотоводческие и военные традиции в сухогомольшанской общине были довольно сильны. Об этом может свидетельствовать другая группа находок. Так, на могильнике были найдены предметы конского снаряжения (рис. 4, 8–11): удила, соединители ремней оголовья, фигурные подвески к конскому оголовью, бронзовый конский начельник, сбруйные пряжки, железные оковки лук для седел, сбруйные соединители, стремяна, украшения ремней конской сбруи и т. п. Найденное при конском снаряжении оружие также может свидетельствовать, что обитатели Сухой Гомольши принадлежали к наиболее привилегированному в Хазарском

каганате роду войск – кавалерии. На могильнике были найдены в значительном количестве сабли, топоры-чеканы, наконечники копий, обушки от кистеней, разнообразные по форме наконечники стрел, металлические детали колчанов, костяные накладки от луков. В результате, создается впечатление, что несение воинской службы было одной из основных функций мужского населения Сухой Гомольши. К тому же, найденные здесь предметы одежды и украшения (бронзовые пуговицы, бубенчики, железные фибулы, фрагменты цепочек, поясные пряжки и бляшки, поясные разделители, подвески-обереги, “туалетные” коробочки, серьги, пронизи, разнообразные бусы, перстни, браслеты), а также предметы туалета (зеркала, копоушки, пинцеты, туалетная ложечка) могут свидетельствовать о том, что население Сухой Гомольши в хазарское время было отнюдь не бедным. Обнаруженная на месте захоронений керамика была представлена несколькими видами: кухонная керамика пяти типов, подправленная на гончарном круге; тарная керамика в виде амфор причерноморского типа; кухонные горшки кочевнического облика. При этом исследователи могильника обратили внимание, что изготовленные на гончарном круге горшки относились к керамике салтовского типа. На основании анализа вещевого материала и стратиграфии могильника исследователи датировали локальные группы могильника следующим образом: I – середина VIII – середина IX вв.; II – вторая половина VIII вв.; III – VIII – начало IX вв.; IV – вторая половина VIII вв.; V – конец VIII – середина IX вв.; VI – середина – третья четверть IX вв. [Аксенов, Михеев, 2006, с. 93–169]. Если охарактеризовать жителей Сухой Гомольши как население или с давними земледельческими традициями, или как недавно осевших кочевников, то предпочтение, скорее всего, придется отдать последнему предположению.

Исследователи уже давно обратили внимание, что в бассейне Северского Донца и на сопредельных территориях были выявлены кремационные могильники хазарского времени, аналогичные Сухогомольшанскому. Так, еще в 1936 г. И.Ф. Левицким возле с. Новая Покровка на левом берегу р. Уды, правом притоке Северского Донца, был открыт и частично исследован кремационный могильник (14 захоронений). Исследование могильника продолжил в 1949 г. Ю.В. Кухаренко, которому удалось исследовать шесть погребений по обряду трупосожжения и два “тайника” с предметами вооружения и конского снаряжения [Кухаренко, 1952]. Ю.В. Кухаренко сразу же связал новопокровские захоронения с комплексом у с. Тополи под Харьковом, обнаруженным еще в XIX в. [Кухаренко, 1951, с. 105]. Аналогичный Сухогомольшанскому кремационному могильнику погребальный комплекс в 1977 г. был также обнаружен в пойме р. Большая Бабка (правом притоке Северского Донца) возле с. Пятницкое [Буйнов, Дьяченко, Шрамко, 1978, с. 34; Шрамко, 1983]. В.К. Михеев пришел к выводу, что “могильник у с. Пятницкое является двуобрядовым” [Михеев, 1985, с. 11]. Такой же биритуальный могильник салтовской культуры В.К. Михеев

обнаружил и исследовал в 80–90-е гг. XX в. возле с. Красная Горка Балаклейского р-на Харьковской обл. В течение нескольких сезонов было обнаружено и исследовано 310 погребений, из которых 121 был совершен по обряду трупосожжения и 189 – по обряду трупоположения [Михеев, 1991]. К этому следует добавить, что в бассейне Северского Донца на территории Дмитриевского катакомбного могильника, на его южной и юго-восточной окраине, было обнаружено девять погребений, совершенных по обряду трупосожжения. По наблюдениям исследователя памятника С.А. Плетневой, эти захоронения не относились к дохазарскому времени и были не только синхронны катакомбам IX в., но одно захоронение даже перерезало дромос одной из катакомб, т.е. являлось более поздним. Тем не менее, С.А. Плетнева отнесла эти кремации к более ранней, чем салтовская, пеньковской культуре, несмотря на то, что только два горшка биконической формы из этих кремационных захоронений (№№ 1, 5) действительно напоминали пеньковскую посуду [Плетнева, 1972; Плетнева, 1989, с. 259]. Таким образом, нет сомнений в том, что кремационные могильники типа Дюрсо на Северо-Западном Кавказе и Сухая Гомольша на Северском Донце оставили близкие по культурным традициям группы населения.

Если это так, то почему бы не предположить, что в хазарское время на Северо-Западный Кавказ могли переселиться с берегов Северского Донца носители кремационного обряда. Именно находки трупосожжений салтовской культуры, эталонными для которых являются захоронения из Сухой Гомольши, на территории, где в предхазарский период имели распространение памятники пеньковской культуры, заставили несколько десятилетий назад некоторых исследователей считать Сухогомольшанский комплекс славянским. Этому способствовали распространение также трупосожжений среди носителей пеньковской культуры и близость земель, населенных в хазарское время славянскими племенами. Версии о славянской принадлежности салтовских кремаций в бассейне Северского Донца в свое время придерживались Г.Е. Афанасьев, В.К. Михеев, С.А. Плетнева и некоторые другие исследователи [Афанасьев, 1987, с. 153; Михеев, 1991, с. 44; Плетнева, 1972, с. 108–118]. Необходимо отметить, что в 1977 г. В.К. Михеев исследовал вблизи с. Сухая Гомольша также поселение пеньковской культуры. Особый интерес представляют выводы В.К. Михеева и О.М. Приходнюка в совместной статье, посвященной данному памятнику. В частности, исследователи отметили: “... слід констатувати відсутність слідів контактів між пеньківським і салтівським населенням. Незважаючи на те, що на поселенні Суха Гомольша існує салтівський культурний шар та розкопано об’єкти цієї культури, салтівська кераміка практично відсутня в пеньківських спорудах. Поодинокі салтівські черепки трапляються лише в верхніх шарах заповнень (житло № 4, яма № 41). Цей факт свідчить про різночасовість пеньківського і салтівського поселень із Сухой Гомольші” [Михеев, Приходнюк, 1986, с. 81]. Таким образом, нет оснований говорить о

связи обитателей Сухой Гомольши, а значит, и Дюрсо, с пеньковским населением предхазарского времени.

Однако возможен и предложенный вариант Е.П. Алексеевой, согласно которому, обряд кремации имеет местные кавказские корни [Алексеева, 1980, с. 36]. Если следовать логике исследователя, то получается, что обряд кремации появился, независимо от внешних и факторов на Западном Кавказе и в хазарское время, благодаря миграции абхазо-адыгского населения, получил распространение в бассейне Северского Донца. Подтверждают ли данные археологии эту гипотезу?

По мнению Е.П. Алексеевой, на территории Абхазии с X в. до н.э. до VI вв. н.э. бытовал погребальный обряд кремирования умерших на стороне, с последующим захоронением праха в урнах или без них в грунтовых ямах. Этот обряд аналогичен кремациям Северо-Западного Кавказа V–XIV вв. Предки абазин, с которыми Е.П. Алексеева связывает цебельдинскую археологическую культуру, с V в. н. э. проникали небольшими группами в среду зихов Причерноморья, а с VII–VIII вв. и в Закубанье. В качестве доказательства абазинского происхождения кубано-черноморских кремаций приведены следующие аргументы: во-первых, сходен сам погребальный обряд двух регионов; во-вторых, отдельные категории погребального инвентаря из цебельдинских некрополей находят аналогии в инвентаре кремационных погребений Северо-Западного Кавказа V–VII вв. (мечи и крестовидные фибулы, умбоны для щитов), в погребениях VIII–IX вв. (наконечники копий), в погребениях X–XIV вв. (умбоны от щитов, керамические урны, ножницы, вилки для извлечения мяса из котлов) [Алексеева, 1970, с. 325, 326; Алексеева, 1980, с. 51, таб. 1–3]. В окончательном варианте Е.П. Алексеева “абазинскую” гипотезу представила следующим образом: “... искать истоки кремационного обряда погребения средневековых могильников Северо-Западного Кавказа нужно не на Днепре у славян и не у тюрков в Средней Азии и в Сибири, а гораздо ближе, в соседней Абхазии. В качестве рабочей гипотезы мы предложили средневековые кремационные погребения Северо-Западного Кавказа считать оставленными предками абазин и самими абазинами, коль скоро обряд трупосожения в древности для местного населения Северо-Западного Кавказа был чужд, а в Абхазии у предков абхазов и абазин он существовал с I тыс. до н. э.” [Алексеева, 1980, с. 36].

Кажется, что слабость “абазинской” гипотезы удачно показал А.В. Пьянков, который отметил, что “кремационные погребения III–XIII вв. из рассматриваемого региона различаются по основным чертам погребального обряда”. К этим различиям он отнес следующие: “погребения совершаются в узких или широких грунтовых ямах и в каменных ящиках”; а не небольшие кучи пережженных костей в небольших и неглубоких могильных ямах на кремационных могильниках более позднего времени; “обычно вещи не сжигались вместе с умершими, а укладывались в могилы целыми”; в то время, как на могильниках

хазарского времени предметы несут следы пребывания в огне; ранним трупосожжениям “практически не знакомы ритуальная порча предметов, устройство тайничков”; что можем наблюдать на могильниках Борисовском и Дюрсо; “количество оружия в погребениях к VII веку заметно сокращается”; и известны захоронения коня вместе с умершими при почти полном отсутствии снаряжения коня, в то время, как на могильниках более позднего времени отмечено “присутствие в погребениях большого количества оружия и деталей снаряжения боевого коня” и т. п. [Пьянков, 2001, с. 203–204]. По наблюдениям А.В. Пьянкова, в могильниках III–VII вв. Кубано-Черноморского региона известно чуть больше 20 кремационных погребений, в которых решительно преобладают безурновые кремации (95%). А в цебельдинских могильниках кремации в урнах составляют около 18% от всех погребений. Безурновая кремация там встречена лишь однажды. Кремирование умерших у цебельдинцев прекращается в конце VI или в начале VII вв. В результате, А.В. Пьянков пришел к выводу, что массовое распространение кремаций на Северо-Западном Кавказе во второй половине VIII – XIII вв. не связано с цебельдинской археологической культурой [Пьянков]. Таким образом, А.В. Пьянков, как и А.В. Дмитриев, склонен был видеть в кремационных захоронениях VIII–X вв. на Северо-Западном Кавказе инновацию, появившуюся здесь вместе с пришлым населением.

Последнее мнение более убедительно. Однако так и не ясно происхождение носителей кремационного обряда хазарского времени. Поэтому особый интерес могут представлять находки на кремационных могильниках как Северо-Западного Кавказа, так и Северского Донца. Так, инвентарь, обнаруженный в третьей группе погребений Борисовского могильника, был отличен от находок предшествующего времени. Здесь были обнаружены сабли (погр. №№ 144, 134, 144), наконечники стрел (погр. № 134), стремяна (погр. №№ 134, 144), удила (погр. № 134, 144) (рис. 1, 1), железные пряжки (погр. №№ 134, 143), железные щипчики (погр. №№ 105, 134) и т.п. погр. № 134), железная цепь особой конструкции (погр. № 134) (рис. 1, 2) и т. п. [Саханов, 1914, с. 75–219]. Аналогичную ситуацию наблюдаем и на могильнике Дюрсо. Там также, кроме ремесленных орудий и украшений, были обнаружены наконечники стрел, наконечники копий, боевые топоры, сабли, кинжал, кистень, ножи, а также стремяна, украшения ремней конской сбруи (рис. 4, 1–7) и т. п. [Дмитриев 2003, с. 200–205]. Аналогичные вещи были обнаружены и в бассейне Северского Донца в Сухой Гомольше. Так, на могильнике были найдены предметы конского снаряжения (рис. 4, 8–11): удила, соединители ремней оголовья, фигурные подвески к конскому оголовью, бронзовый конский начельник, сбруйные пряжки, железные оковки лук для седел, сбруйные соединители, стремяна, украшения ремней конской сбруи и т. п. На могильнике были найдены в значительном количестве сабли, топоры-чеканы, наконечники копий, обушки от кистеней, разнообразные по форме наконечники стрел, металлические детали колчанов,

костяные накладки от луков [Аксенов, Михеев, 2006, с. 93–169]. В результате создается впечатление, что население как на Северо-Западном Кавказе (Борисово, Дюрсо), так и в бассейне Северского Донца в Сухой Гомольше было связано с военной службой в кавалерии, т. е. имело непосредственное отношение к степной жизни.

Именно поэтому понятно стремление исследователей связать происхождение кремационных могильников хазарского времени с кочевыми народами степи. Из этих этнических групп наиболее загадочными считаются угры, в то же время, как происхождение носителей кремационного обряда салтовской культуры также является одной из наибольших проблем хазарской археологии. Именно поэтому в свое время А.В. Дмитриев и А.В. Тарабанов высказались в пользу того, что носители кремаций салтовского типа как на Кубани, так и на Северском Донце могли иметь и угорское происхождение [Дмитриев, 1978, с. 49; Тарабанов, 1994, с.58, 59]. По-видимому, они следовали гипотезе В.К. Михеева об угорском происхождении сухогомольшанского населения. Эта гипотеза была более детально представлена в монографии В.К. Михеева и В.С. Аксенова, посвященной Сухогомольшанскому комплексу. По этому поводу В.К. Михеев, в частности, отметил: “В связи с тем, что, как часть сакрализованного комплекса личных украшений и оберегов женского костюма, шумящие коньковые подвески вряд ли могли служить предметом торговли или обмена, они свидетельствуют о возможном присутствии в составе сухогомольшанской общины представительниц угорского этноса... Вероятно, с угорским этносом следует связывать не только кремации, содержащие коньковые шумящие подвески, а и захоронения в ямах, ориентированных по линии Север – Юг. Именно такая ориентировка могильных ям характерна для финно-угорского населения Поволжья. Для этого же населения свойственно использование и таких специфических изделий как сюлгамы, одна из которых обнаружена в погребении № 272 могильника Сухая Гомольша” [Аксенов, Михеев, 2006, с. 182–183]. Однако данная гипотеза В.К. Михеева не получила широкой поддержки у исследователей, потому что ближайшие аналогии Сухогомольшанского могильнику были найдены на территориях, значительно удаленных от проживания основного массива финно-угров. Вопрос в том, насколько был распространен у финно-угров обряд кремации? Кроме того, совпадения лишь некоторых украшений Сухой Гомольши с материалом из Поволжья могут свидетельствовать не об этнических связях, а, скорее всего, о торговом обмене.

Говоря о кочевом происхождении обитателей Сухой Гомольши и Дюрсо, необходимо учитывать три возможных маршрута появления носителей обряда кремации на Северо-Западном Кавказе и в бассейне Северского Донца. Во-первых, носители кремационной традиции могли появиться в начале в бассейне Северского Донца, а оттуда переселиться на Северо-Западный Кавказ. Во-вторых, носители данной традиции могли сначала появиться на Кавказе,

а оттуда продвинуться на северо-запад в район Сухой Гомольши. В-третьих, носители кремационного обряда могли одновременно заселить и земли Прикубанья, и бассейн Северского Донца, т. е. прийти из какого-то третьего места.

Как уже отмечалось, А.В. Дмитриев и А.В. Пьянков продатировали самые ранние кремационные захоронения салтовского типа на Северо-Западном Кавказе второй половиной VIII в., а В.К. Михеев самые ранние захоронения Сухой Гомольши также отнес ко второй половине VIII в. Выходит, что наиболее вероятен третий вариант, согласно которому в бассейнах Северского Донца и Кубани носители кремационного обряда появились одновременно, т.е. пришли из третьего, неизвестного нам региона. Однако если датировка наиболее ранних комплексов может оказаться неверной? Тем не менее, имеет смысл попытаться найти более близкие в территориальном и хронологическом аспектах памятники, имеющие отношение к кремационным погребениям типа Дюрсо и Сухая Гомольша.

Так, особый интерес представляет богатый комплекс, исследованный В.А. Гринченко несколько десятилетий назад в степном Поднепровье возле с. Вознесенка, где, по его мнению, были обнаружены кремационные захоронения. По наблюдениям исследователя, в центре комплекса находился замкнутый каменный вал в виде прямоугольника (82x51 м) с закругленной одной из меньших сторон. При раскопках площади внутри вала было обнаружено большое количество железных, бронзовых, серебряных и золотых вещей (наконечники стрел, стремена, удила, пряжки, бляшки, накладки на оружие, литые изображения орла и льва и др.), сложенные в кучу и проткнутые тремя саблями. Как отметил В. А. Гринченко, большинство из обнаруженных вещей несут на себе следы пребывания в огне. Все это дало основание автору раскопок рассматривать эту яму со сложенными вещами как погребение через трупосожжение, произведенное на стороне, а всю территорию каменного сооружения – как место стоянки военного лагеря. На мысль о трупосожжении В. А. Гринченко натолкнули не только следы огня на предметах, но и остатки кремаций. Так, в ямах квадратов №№ 61 и 62 были обнаружены фрагменты обгоревших мелких костей, а на восточном вале в квадратах №№ 42 и 43 были обнаружены следы большого костра. Все это дало основание исследователю считать, что после сожжения умершего с сопровождающими вещами, “материал погребения, следует полагать, был разделен на две части: ценности и вещи были размещены в яму квадрата № 59; кости, а возможно, также и вещи, в яму квадратов № 61, 62.” Кроме того, на территории данного комплекса были обнаружены и несколько погребений по обряду ингумации: одно под камнями западного вала, а другое – на расстоянии 25–30 м на запад от каменного сооружения в подбье [Гринченко, 1950, с. 37–63]. Однако А.И. Айбабин считает, что на Вознесенском комплексе были обнаружены не захоронения людей по обряду кремации. По его мнению, западнее от ямы с четырьмя слоями “побывавших в огне вещей” была

“расчищена другая яма (1,25x1 м, глубиной до 1, 63 м), заполненная десятью слоями взятых из кольца камней, перемешанных с обгорелыми костями лошадей, стрелами, керамикой и кусками обожженной глины” [Айбабин, 2009, с. 79]. Следовательно, остается под вопросом существование обряда кремации на Вознесенском комплексе.

Относительно происхождения и назначения Вознесенского комплекса среди исследователей существуют различные мнения. Среди них наибольший интерес представляет предположение А.К. Амброза и А. И. Айбабина. По их наблюдениям, подобный огражденный ров и глинобитной стеной поминальный комплекс в 732 г. построили в Монголии в честь второго лица во Втором Тюркском каганате [Амброз, 1981, с. 20; Айбабин, 1999, с. 178–179].

Немалый интерес также представляет обнаруженный и исследованный несколько десятилетий назад комплекс возле с. Глодоссы на Кировоградской области, где были обнаружены остатки трупосожжения и сопровождающий инвентарь, представленный как снаряжением воина-мужчины, так и вещами женщины. Исследователь памятника А.Т. Смиленко определила, что кальцинированные кости в погребальной яме были сложены в две кучи, что дало ей основания говорить о погребении военачальника и его жены [Смиленко, 1965]. Найденный инвентарь позволил исследователям датировать Глодосский комплекс как концом VII – началом VIII вв. [Смиленко, 1965, с. 49; Амброз, 1982, с. 220], так и серединой VII в. [Залеская, Львова, Маршак и др., 1997, с. 98]. Относительно же этнической принадлежности комплекса из Глодоссы у исследователей не выработалось единого мнения, хотя многие согласны с тем, что памятники из Глодоссы и Вознесенки были оставлены одной и той же группой населения [Приходнюк, 2001, с.41].

Несмотря на это, современные исследователи объединяют Вознесенский, Глодосский, а также богатые комплексы и ингумационные погребения конца VII – начала VIII вв., обнаруженные возле Перещепино, Келегей, Новых Санжар, Ясиново, Новогригорьевки, Раздольного, Васильевки, Суханова и т.п., в одну культуру, но при этом дают несколько различающуюся этническую атрибуцию этих памятников. Так, О.М. Приходнюк связывал все эти комплексы, за исключением Вознесенки и Глодоссы, с протоболгарами. Что же касается Вознесенского и Глодосского комплексов, то исследователь не решился дать им этническое определение [Приходнюк, 2001, с. 41]. Однако А.И. Айбабин не согласен с подобной трактовкой и считает, что все эти памятники были оставлены хазарами, носителями так называемой “перещепинской культуры” [Айбабин, 1999, с. 185]. Исследователь считает: “Вероятно, в последней трети VII – первые десятилетия VIII вв. хазары хоронили в степях Поднепровья своих каганов. В этот период именно там они создали погребально-культовые комплексы кремированных правителей каганата” [Айбабин, 2009, с. 81–82].

Как уже отмечалось, из числа наиболее богатых комплексов “перещепинской” культуры лишь Глодосский комплекс содержал явные кремационные захоронения. По словам А.И. Айбабина, погребальное сооружение у Глодос “по конструкции и обряду аналогично описанным в китайских хрониках погребально-культурным комплексам тюрков-тугю... Они с древности сжигали умерших вместе с принадлежавшими им при жизни вещами и верховыми конями” [Айбабин, 2009, с. 79].

Действительно, в “Тань-шу” о погребальном обряде тюрков мы читаем следующее: “Тело покойника полагают в палатке. Сыновья, внуки и родственники обоего пола закалывают лошадей и овец и, разложив перед палаткою, приносят в жертву; семь раз объезжают вокруг палатки на верховых лошадях, потом пред входом в палатку ножом надрезывают себе лицо и производят плач; кровь и слёзы совокупно льются. Таким образом поступают семь раз и оканчивают. Потом в избранный день берут лошадь, на которой покойник ездил, и вещи, которые он употреблял, вместе с покойником сжигают; собирают пепел и зарывают в определённое время года в могилу. Умершего осенью или зимой хоронят, когда лист на деревьях и растениях начнет желтеть или опадать; умершего весной или летом хоронят, когда цветы начинают развёртываться (речь идёт о погребении остатков кремации. – О. Б.). В день похорон, так же как и в день кончины, родные предлагают жертву, скачут на лошадях и надрезывают лицо. В здании, построенном при могиле, ставят нарисованный облик покойника и описание сражений, в которых он находился в продолжение жизни. Обыкновенно если он убил одного человека, то ставят один камень. У иных число таких камней простирается до ста и даже до тысячи. По принесении овец и лошадей в жертву до единой вывешивают их головы на вехах” [Бичурин, 1950, с. 230]. По данным китайских хроник, обряд трупосожжения стал вытесняться обрядом трупоположения в первой трети VII в. Смена погребального обряда послужила даже предметом весьма резкой дипломатической переписки, когда китайский император обвинил тюркского кагана Хейли в отходе от обычаев предков [Кляшторный, Савинов, 2005, с. 200–201]. Последний засвидетельствованный в хрониках факт погребения по обряду трупосожжения относится к 634 г. Об этом “Тань-шу” сообщает следующее: “... В восьмое лето, 634, Хейли умер. По смерти пожалован княжеским достоинством и именем Хуан. Указано вельможам похоронить его. Труп Хейлиев, по кочевому обычаю, сожжен. Могила его насыпана по восточную сторону реки Ба” [Бичурин, 1950, с. 250]. Таким образом, данная информация дает основания считать, что обряд трупосожжения имел распространение у восточных тюрков-тугю именно в племени кагана, который принадлежал к правящей династии Ашина. [Бичурин, 1950, с. 230].

Однако имеется ли археологическое подтверждение существования у древних тюрков обряда кремации? Упоминания об этом нет, например, в работах

Л.Р. Кызласова [Кызласов, 1958; с. 41–72; Кызласов, 1969]. Относительно этого Д.Т. Савинов сделал весьма пессимистический вывод: “Ни одного археологического памятника, полностью соответствующего этому описанию, ни в Южной Сибири, ни в Центральной Азии до сих пор не обнаружено.” Исследователь объяснял это несколькими причинами: “1) погребения тюрков-тугю в Центральной Азии и Южной Сибири еще не открыты; 2) компилятивный характер самого источника, в котором разновременные сведения собраны в едином описании погребально-поминального цикла; 3) древнетюркская погребальная обрядность в том виде, как она зафиксирована письменными источниками, сложилась на основе различных компонентов, представленных в археологических памятниках предшествующего времени.” По наблюдением исследователя, кочевники древнетюркского времени предпочитали обряд ингумации, а не кремации. Однако Д.Т. Савинов вынужден был отметить, что “описание погребального обряда древних тюрков письменных источников в наибольшей степени соответствует памятникам таштыкской культуры Минусинской котловины”, которая на заключительном этапе была синхронна “периоду Первого Тюркского каганата” [Кляшторный, Савинов, 2005, с. 198–201].

Относительно обряда кремации у древних тюрков еще более 40 лет назад А.В. Грач в своей специальной статье отметил, что археологические исследования, проведенные тогда на территории Тувы – высокогорной области, являвшейся в древности одним из основных регионов древнетюркских государств, выявили не известные ранее группы тюркских памятников – погребения с трупосожжением, сочетавшиеся с поминальными комплексами. По его наблюдениям, группы эти территориально весьма удалены друг от друга: одна из них находится на границе котловины Великих Озер Монголии, у южных склонов хребта Танну-Ола, другая – вблизи отрогов Шашальского хребта, в верховьях р. Хемчик. Группа состоит из двух примыкающих друг к другу оград, внутри которых установлены стелы (на стелах – древнетюркские изображения и знаки енисейского письма), и четырёх кольцевых выкладок. Исследования позволили обнаружить возле оград четыре идентичные кольцевые выкладки из камней, где в центре каждой из выкладок были выявлены ямки глубиной 0,10–0,50 м от горизонта, заполненные золой, в которой обнаружены обломки кальцинированных костей человека. Во всех случаях ямки были перекрыты каменными плитками. На стелах были обнаружены тюркские рунические надписи. По наблюдениям А.В. Грача, ближайшей аналогией памятникам группы Хачы-Хову являются разновысокие стелы в смежных оградах, обнаруженные на юго-востоке Тувы – в высокогорном сумоне Моген-Бурен, и в Монголии – в районе озера Баян-Нур, а также комплекс, раскопанный А.В. Грачом в долине р. Хемчик. Основываясь на данных китайских хроник и собственных археологических исследований, А.В. Грач сделал следующий вывод: “... погребения с сожжением, обнаруженные к настоящему времени в Центральной Азии и относящиеся

к древнетюркскому времени, распадаются на две хронологические группы. Первая из этих групп датируется, как уже указывалось, VI – первой половиной VII вв. и включает памятники, оставленные центральноазиатскими тюрками. Вторая группа (кыргызская) датируется временем не ранее 840 г. н. э. и генетически не связана с первой” [Грач, 1968]. Следовательно, в период Первого Тюркского каганата в Центральной Азии были известны трупосожжения, что является подтверждением данных китайских хроник.

К сожалению, А.И. Айбабин, сравнивая погребальное сооружение у Глодосс с описанным в китайских хрониках обрядом трупосожжения у тюрков-тугю, так и не объяснил, с территории какого Тюркского каганата – Западного или Восточного – пришли в степи Северного Причерноморья каганы хазар [Айбабин, 2009, с. 79].

В настоящее время большинство современных исследователей поддерживают гипотезу М.И. Артамонова, согласно которой основателем Хазарского каганата был представитель одной из ветвей западного каганского клана Ашина, а именно “преемник Иби-Шегуй хана, свергнутый с тюркютского престола, но нашедший себе убежище у хазар”. М.И. Артамонов был склонен связывать воцарение каганов в Хазарии с гражданской войной в Западном Тюркском каганате в середине VII в. между племенными союзами дулу и нушиби, где последние поддерживали основателя Хазарского каганата [Артамонов, 1962, с. 170–171].

В связи с этим интерес может представлять описание хазаро-болгарской войны второй половины VII в., которое содержится в Пространной редакции Письма Иосифа: Согласно данным Иосифа, хазары первоначально не смогли из-за своей малочисленности одолеть болгар-“В-н-т-р’ов”; но потом им это удалось, и часть болгар ушла на Дунай [Коковцов, 1932, с. 92]. Это можно объяснить лишь ростом количества племен, вошедших в состав хазарской племенной конфедерации, что могло быть вызвано значительной миграцией населения, где доминировали представители племени западных Ашина. [Артамонов, 1962, с. 170–171]. Следовательно, имеются основания считать, что хазарские каганы переселились в степи Северного Причерноморья с территории Западного Тюркского каганата.

К сожалению, в местах обитания западных тюрков, в степях Средней Азии, трупосожжения так и не были выявлены [Амброс, 1981, с. 10–23]. Именно это и создает серьезные проблемы относительно этнической атрибуции трупосожжений хазарского времени в степях Восточной Европы. К сожалению, византийские историки не оставили нам подробную информацию об обряде погребения кагана западных тюрков. Однако есть одно сообщение, имеющее непосредственное отношение к этому. Так, Менаандр сообщает, что византийский посол Валентин, прибыв в ставку кагана западных тюрков в 576 г., узнал о смерти их правителя Дилзивула. Навстречу вышел его сын Турксанф

и приказал византийцам, согласно существующей среди тюрков традиции, поцарапать ножом свои лица. Те выполнили его приказ. Далее Менандр сообщает, что в один из дней траура к Турксанфу привели четверых пленных “унов” (гуннов. – *О. Б.*) для принесения в жертву с конями в честь его отца. Турксанф повелел пленным перейти в Потусторонний Мир, чтобы передать его отцу весть от тех, кто остался в живых [Менандр, 1860, с. 421–422]. Если сравнить это описание с данными китайских хроник о погребальных традициях тюрков-тугю, то получается, что у Менандра речь идет не о днях смерти и сожжения, а о периоде захоронения останков кагана, что могло иметь место и через несколько месяцев после его смерти и кремации. Следовательно, обряд погребения у главного племени западных тюркютов мог быть таким же, как и у восточных Ашина, т. е. можно говорить о распространении среди них в определенное время обряда трупосожжения. Таким образом, богатые трупосожжения в конце VII – начала VIII вв. появились в степях Северного Причерноморья в результате миграции хазарских каганов с территории Западного Тюркского каганата.

Для нас особый интерес может представлять дальнейшая судьба носителей кремационного обряда. Необходимо отметить, что авторы X в. зафиксировали у хазар обряд ингумации. Однако Мирхонд сохранил легенду, согласно которой в давние времена хазары бросали покойника в огонь под звуки песнопений и барабанов. При этом Мирхонд добавил: “Говорят, что этот обычай остался в тех странах по настоящее время” [Заходер, 1962, с. 150]. Таким образом, есть основания считать, что среди части хазар изначально практиковался обряд кремации, который впоследствии был заменен на обряд ингумации. Из этого следует, что хазары, поселившись в своей новой резиденции – Итиле, со временем отказались от традиции кремирования своих каганов. Однако не ясно, все ли носители традиции кремирования переселились вместе с каганами из степей Северного Причерноморья в район Северо-Западного Прикаспия во время и после арабо-хазарских войн?

В связи с этим интерес представляет то, что А.В. Комар еще несколько лет назад высказался в пользу того, что такие комплексы, как Вознесенка и Глодоссы, имеют отношение к тюркютам, а именно “этническим хазарам” и находят свое продолжение в кремационных погребениях салтовской культуры [Комар 2000]. Однако данная гипотеза имеет слабые места.

Во-первых, отсутствуют промежуточные формы между кремациями першепинской и салтовской культур.

Во-вторых, захоронения типа “глодосских” отличались особым богатством инвентаря и пышностью обряда, а кремации на могильниках Дюрсо и Сухая Гомольша были значительно скромнее.

В-третьих, сам погребальный обряд был явно отличен – помимо захоронений кремированных останков в ямах, например, в Сухой Гомольше встречались захоронения в урнах, под перевернутыми урнами и т. п.

В-четвертых, в Глодоссах мы видим захоронения кочевников, а в Дюрсо и Сухой Гомольше перед нами предстают перешедшие к оседлости кочевники, что явно не вяжется с высоким социальным статусом.

Именно поэтому особый интрес может представлять гипотеза А.В. Дмитриева об обстоятельствах появления кремационных могильников салтовской культуры: “В середине VIII века в связи с завоеваниями арабов и уйгуров в Южной Сибири складывается напряженная военно-политическая обстановка. Возможно, какая-то тюркоязычная группа, хоронившая умерших по обряду трупосожжения, в это время переместилась в пределы Хазарского каганата и на какое-то время осела на Харьковщине. Вторая группа откочевала на Северо-Западный Кавказ, где их памятники открыты в основном в районе Новороссийска...” [Дмитриев, 2009]. Однако и эта гипотеза имеет слабые места.

Во-первых, политическая ситуация в Центральной Азии в середине VIII в. была несколько иной. Следует обратить внимание на последние выводы С.Г. Кляшторного, согласно которым, в 744 г. в Центральной Азии пал Второй Тюркский каганат, что “создало в степи политический вакуум”, который был заполнен лишь в 763 г. созданием Уйгурского каганата [Кляшторный, Савинов, 2005, с. 110–115]. Таким образом, не было предпосылок для миграции на Запад из Центральной Азии населения, ибо политическая обстановка была спокойной.

Во-вторых, исследователи кремационных могильников хазарского времени на Северо-Западном Кавказе и в бассейне Северского Донца отнесли их (включая материалы из наиболее ранних захоронений середины VIII в.) к памятникам салтовской культуры. Однако мигранты не могут сразу стать носителями местной культуры. Следовательно, носители кремационного обряда до того, как надолго поселиться в бассейнах Кубани и Сев. Донца, должны были, по крайней мере, несколько десятилетий находиться в постоянных контактах с создателями салтовской культуры – аланами и болгарами. Наиболее вероятно объяснение, согласно которому, во время арабо-хазарских войн, в конце VII – начале VIII вв., носители кремационного обряда принимали участие в боевых действиях против арабов, т. е. они могли длительное время быть на Северном Кавказе вблизи Дербентского и Дарьяльского проходов. Таким образом, имеются основания говорить об обитателях Дюрсо и Сухой Гомольши, как об одних из создателей салтовской культуры. А это может означать, что они должны были появиться на землях Хазарского каганата значительно раньше середины VIII в.

Кроме того, можно также объяснить, почему в Сухой Гомольше, помимо захоронений кремированных останков в ямах, встречались захоронения в урнах, под перевернутыми урнами и т. п. По нашим наблюдениям, многие сосуды-урны из Сухой Гомольши и сосуды из кремационных захоронений Дмитриевского могильника салтовской культуры (№№ 2, 3, 4, 7,8) идентичны. При этом почти все они находят аналогии в коллекции лепных сосудов

Пастырского городища, датируемого серединой VII – серединой VIII вв. Это может являться свидетельством того, что в хазарское время в бассейн Северского Донца переселились, или были насильно переселены, выходцы из Среднего Поднепровья [Бубенок, Аксенов, 2009, с. 109–111]. Характерно, что такие урны не встречаются на Северо-Западном Кавказе, т. е. они относятся к числу местных особенностей.

Что же касается того, что захоронения типа “глодосских” отличались особым богатством инвентаря и пышностью обряда от кремаций на могильниках Дюрсо и Сухая Гомольша, то это можно объяснить различным социальным статусом, что предполагает принадлежность к определенным родоплеменным группам кочевого общества.

Касаясь связующего звена между богатыми погребениями перещепинской культуры и захоронениями в Дюрсо, необходимо обратить внимание на наблюдения А.В. Дмитриева о том, что в Дюрсо четвертому, наиболее позднему, периоду предшествовал третий. А.В. Дмитриев охарактеризовал находки этого типа следующим образом: «Беднее всего в могильнике Дюрсо представлен третий период. К нему относится захоронение 248 хазарского воина с мечом и золотыми подвесками... Погребения этого круга хорошо известны. Близкой аналогией является захоронение хазарского воина из Ясиново... В обоих погребениях подобны удила, стремяна, кувшины..., захоронение коня поблизости. Кувшин из Ясинова, подобный найденному в погребении 248, А.И. Айбабин относит к керамике канцирского типа. С глодосским погребением 248 связывает целый круг предметов – наконечники стрел и копья, стремяна... Пуговицы, обтянутые серебряным листом, золотые серьги-подвески и парадный палаш с серебряными деталями ножен и рукояти аналогичны. Они являются знаками отличия военных вождей. Палаш из Дюрсо, хотя он гораздо беднее, позволяет произвести достоверную реконструкцию глодосского меча, о которой ведутся споры. Помимо погребения 248 из Дюрсо следует отметить случайную находку пары золотых серег-подвесок в Цемдолине» [Дмитриев, 2003, с. 205]. Очень важны выводы А.В. Дмитриева относительно происхождения данных захоронений: «Погребения этого круга связывают с хазарами... и датируют концом VII – началом VIII вв. Думаю, что последняя дата больше подходит к погребению 248. К этому времени захоронения второго периода в Дюрсо уже не производятся, хотя несколько погребений (343, 428) с оружием... могли быть совершены, в то же время или даже несколько позже. На протяжении всего VIII в. было совершено только несколько захоронений и связать их можно с перемещением разных этносов в хазарское время» [Дмитриев, 2003, с. 205]. Таким образом, данное заключение не позволяет напрямую связать Глодосское захоронение с кремациями Дюрсо. В данной ситуации не понятно, где появились памятники «перещепинского» типа раньше – в Дюрсо или в Глодоссах? Кроме того, среди погребений третьей группы Дюрсо нет кремаций и к тому же

в период между существованием третьей и четвертой групп, на протяжении нескольких десятилетий VIII в., на могильнике в Дюрсо практически не хоронили умерших. Следовательно, носители обряда кремации должны были появиться в Дюрсо лишь в конце VIII в., т. е. нет оснований говорить о прямой преемственности захоронений третьей и четвертой групп.

Что же касается того, что в богатых захоронениях “глодосского” типа мы видим захоронения кочевников, а в Дюрсо и Сухой Гомольше пред нами предстают перешедшие к оседлости кочевники, то нам известно немало случаев, когда господствующие группы кочевников в силу обстоятельств вынуждены были менять образ жизни. Достаточно вспомнить монголов в Китае или в Афганистане, где по-приказу Чингис-хана поселилась тысяча монгольских воинов, что в результате привело к формированию хазарейцев.

Возможно, аналогичная ситуация возникла и во второй половине VIII в. на западных границах Хазарского каганата. Если посмотреть на карту (рис. 6), то можно заметить, что в хазарское время кремации появились на Северо-Западном Кавказе, как раз возле юго-западных границ Хазарского каганата, т. е. на землях адыгов. Аналогичную ситуацию с кремациями салтовского типа можно отметить и на Северо-Западе Хазарского каганата в бассейне Северского Донца (рис. 6). В свое время А.В. Гадло относительно состава населения, которое проживало вблизи крепостей на западной границе Хазарского каганата, включая С-м-к-р-ц на Таманском полуострове, высказался следующим образом: “...можно полагать, что эти крепости были окружены коренным населением тех областей, в которых они находились, хотя внутри них правительство держало гарнизоны иноплеменных наемников” [Гадло, 1994, с. 28]. Вполне возможно, что к числу этих “наемников” и относились обитатели Дюрсо и Борисово. В данной ситуации следует отметить, что И.О. Гавритухин и А.В. Пьянков появление в Северо-Восточном Причерноморье кремационных погребальных памятников типа Дюрсо объясняли следующим образом: «К началу собственно “салтовомаяцкого времени” полностью пропадают ингумации в Дюрсо, оформляется структура III группы погребений в Борисово. Все это совпадает с эпохой новых потрясений и изменений среди подвластных хазарам народов на протяжении второй трети VIII в. (пик борьбы с арабским натиском, переселение части алан в лесостепь и др.). По-видимому, и на “зихской” границе каганат проводил “стабилизационные” мероприятия» [Гавритухин, Пьянков, 2001, с. 198–199]. Следовательно, хазарский каган мог переселить одно из племен хазарской орды на юго-западные границы каганата, для контроля ситуации над весьма ненадежными адыгами. То же самое можно сказать и о причинах появления такого же населения на северо-западных границах Хазарского государства, где поселились вассальные кагану аланы и болгары. Очевидно, как это принято в традициях средневековых кочевников, эти две группы близкородственного населения должны были представлять собой правое и левое крыло одного племени.

В сложившейся ситуации имеет смысл поддержать мнение А.В. Пьянкова, согласно которому, появление на Северо-Западном Кавказе кремационных захоронений салтовского типа и возникновение нового этнонима *касоги* – взаимосвязаны [Пьянков, 2001, с. 204–205]. Поэтому имеет смысл обратиться к данным письменных источников.

В свое время Н. Г. Волкова высказала предположение, согласно которому, термин *касог* мог фигурировать в письменных источниках уже в VIII в., как новый обобщающий этноним для всех адыгов [Волкова, 1973, с. 19-20]. Основанием для этого стал фрагмент одного из вариантов христианского агиографического произведения „Хождение Апостола Андрея в стране Мирмодонян”, переписанный в конце VIII в. монахом Епифанием: „По словам святого Епифания, он знал из предания, что блаженный апостол Андрей учил Скифов, *Косогдиан* и Горсинов, в Севастополе Великом, где находится укрепление Ансара и гавань Исса и река Фазис...” [Васильевский, 1909, с. 226]. Однако термин *Косогдианы* не встречается в других редакциях этого агиографического произведения. Так, в дополнениях к этому произведению, связываемых с Софронием, этот отрывок имеет вид: „Андрей, брат его (Петра), как предали нам предки, – проповедовал евангелие Господа нашего Иисуса Христа Скифам и *Согдианам* и Саккам, и проповедовал в Севастополе Великом, где находятся укрепления Ансара и река Фазис...” [Васильевский, 1909, с. 225–226]. Таким образом, видим, что здесь вместо „Косогдианов” упомянуты „Согдианы”. По мнению В.Г. Васильевского, „Саки и Согдианы ... могли быть переводом на ученый язык более популярных и более сказочных терминов наподобие песих голов или чего-то похожего на то” [Васильевский, 1909, с. 262]. Поэтому-то и не ясно, мог ли монах-переписчик Софроний вместо нового для него этнического термина *Косогдианы* использовать общеизвестный книжный этнический термин *Согдианы* для обозначения населения Западного Кавказа? Тем не менее, так и не известно, какой вариант этого этнонима был в первоначальной редакции агиографического произведения „Хождение Апостола Андрея в стране Мирмодонян”. В данной ситуации необходимо обратить внимание на то, что термин *Косогдианы* впервые упомянут на рубеже VIII–IX вв., а появление кремационных захоронений в Прикубанье датируется приблизительно тем же временем – второй половиной VIII в.

Лишь в X в. это новое этническое название получило распространение в исторических и географических произведениях. Так, термин *касах* и название страны *Касахия* фигурируют в произведении Константина Багрянородного “Об управлении империей”: “Выше Зихии лежит страна, именуемая Папагия, выше страны Папагии – страна по названию Касахия, выше Касахии находятся Кавказские горы, а выше этих гор – страна Алания” [Константин, 1991, с. 173–174]. В первой половине X ст. арабский географ ал-Масуди упоминал рядом с Северным Кавказом народ *кашак* [12, с.190]. Впервые касоги

упомянуты в древнерусских летописях там, где речь идет о походе Святослава против хазар в 965 г. [Ипатьевская, 1843, стб. 246; Воскресенская, 1856, с. 287]. Кроме того, древнерусские летописи сообщают о походе на касогов тмутараканского князя Мстислава в 1022 г. и о взятии дани с касогов тмутараканским князем Ростиславом. Учитывая это, следует считать, что в XII в. касоги проживали близ русского Тмутараканского княжества. Возможно, что в последний раз древнерусские летописи сообщали о касогах под 1223 г., где речь идет о первом походе монгольских полководцев на Северный Кавказ [Воскресенская, 1856, с. 129; Лаврентьевская, 1846, с. 189]. Необходимо отметить, что древнерусские летописцы использовали два варианта этого этнического названия – *касoги* и *кoсoги*, что может лишь свидетельствовать о диалектных расхождениях в древнерусском языке.

Известно, что осетины еще до сих пор называют кабардинцев *каесаег*, *ка-есгон* [Волкова, 1973, с. 20–21]. Именно осетинское окончание *-аег* данного этнонима дало основания Г.Ф. Турчанинову говорить об аланах как о посредниках в распространении данного этнического термина среди восточных славян [Турчанинов, 1971, с. 75]. Это же можно сказать и о ситуации с этнонимом в среде византийцев, арабов, персов и других народов.

В пользу того, что этноним имел первоначальный вид *кас-*, могут свидетельствовать данные некоторых других письменных источников. Так, в конце X ст. неизвестный фарсыязычный автор трактата „Худуд ал-‘Алам” локализовал близ страны аланов на берегу Черного моря область *Каске* [Худуд ал-‘Алем, 1930, табл. 38а]. В Пространной редакции письма хазарского царя Иосифа в непосредственной близости от владений кавказских аланов упомянута „страна Каса” [Коковцов, 1932, с. 92–103]. Плано Карпини в своей “Истории монгалов”, составленной в 40-е гг. XIII в., упомянул среди народов Кавказа и этническую группу *Касы* [Карпини, 1957, с. 72].

Если коснуться вопроса о происхождении этнического названия *кас-ог*, то можно отметить, что в состав данного этнонима входит термин *кас-*, что заставляет вспомнить этнические и социальные названия – *хазар*, *казак*, *казакх*, тюркское происхождение которых уже было давно доказано, ибо они, по мнению многих исследователей, происходят от общетюркского *кас (коса)* – “кочевать”. Необходимо также напомнить, что раннесредневековые источники дают нам один из вариантов первоначального названия хазар – *коса* [Артамонов, 1962, с. 114]. В свое время Д. Данлоп в своей монографии, посвященной хазарам, пытался связать центральноазиатский народ *коса* как с ранними хазарами, та и уйгурами: [Dunlop, 1954, chapter 2]. Однако данная гипотеза не получила дальнейшего развития ввиду того, что название *коса*, которое обозначало кочевой образ жизни, могло возникнуть у различных народов тюркского происхождения весьма независимо [Артамонов, 1962, с. 114]. Однако несомненно одно, изначально термин *кас-* (*кос-*) являлся самоназванием у многих народов тюркского происхождения.

Это заставляет вспомнить мнение А.В. Пьянкова о “касожском” происхождении носителей кремационного обряда на Северо-Западном Кавказе, ибо данные средневековых авторов свидетельствуют о проживании в упомянутом районе в первой половине X в. именно касогов [Пьянков, 2001, с. 204–205]. И это при том, что этноним *касого* и кремационные захоронения в Дюрсо появились практически одновременно. Поэтому можно считать, что изначально термин *касого* являлся обобщающим названием для смешанного тюрко-адыгского населения Прикубанья в конце VIII – первой половине X вв. И уже в послехазарский период он использовался как обобщающее наименование для всех адыгов, ведь история знает немало таких примеров, когда название политически господствующей этнической группы переходит на подвластный народ. О возможности такого симбиоза могут свидетельствовать раскопки Борисовского могильника, где на участке хазарского времени встречались не только кремации салтовского типа, но и ингумации в каменных ящиках, что соответствует местным традициям [Саханов, 1914, с. 75–219].

В сложившейся ситуации хочется также обратить внимание на ряд сопадений. В первую очередь, отметим ситуацию в бассейне Северского Донца. В исторической литературе существует мнение, что сами хазары не принимали непосредственного участия в покорении славянских племен, а осуществляли это с помощью алано-болгарских племен бассейна Северского Донца [Плетнева 1967; Плетнева 1989]. По мнению А. А. Тортики, в „Повести временных лет” и в устной традиции эти алано-болгары были сокрыты под обобщающим названием „КозарѢ” [Тортика, 2007, с. 21]. Однако, если название хазар распространялось на аланов и болгар бассейна Северского Донца, то это может лишь означать, что этнические хазары должны были физически присутствовать в их среде. Однако археологически в том регионе памятники хазар еще не выделены, тогда как с аланами связывают катакомбы верхнесалтовского типа, а с болгарскими – грунтовые погребения зливкинского типа. Однако при этом остаются этнически неатрибутированы трупосожжения салтовского типа, эталонными из которых являются находки из Сухой Гомольши.

Весьма характерно, что подобная ситуация с распространением этнополитонима *хазары* наблюдается и на Северо-Западном Кавказе. Так, письменными источниками появление хазар в Восточном Причерноморье было отмечено уже в VII ст. По крайней мере, в “Космографии” Равеннского Анонима отмечено: “Далее в равнинной местности расположена чрезвычайно обширная как в длину, так и в ширину [страна], которая называется Хазарией; этих хазаров вышеупомянутый Иордан называет агацирами. Через эту страну хазаров протекает множество рек и среди прочих большая река, которую называют Куфис (Кубань)...” [Подосинов, 1999, с. 227]. При описании событий X в. хазаро-еврейские и некоторые мусульманские документы

упоминали о хазарах-иудеях в связи с событиями на Таманском полуострове [Коковцов, 1932, с. 102; Голб, Прицак, 1997, с. 141; Гаркави, 1870, с. 251].

Обычно исследователи обращают внимание на то, что “Повесть временных лет” упоминает о хазарах из Тмутаракани в связи с событиями 1023 (6531) г. [Ипатьевская летопись, 1843, с. 265], 1079 (6587) г. [Повість врем’яних літ, 1990, с. 314–315] и 1083 (6591) г. [Воскресенская летопись, 1856, с. 3]. Однако в XII в. арабский географ ал-Идриси в своем сочинении “Нузхат ал-муштак фи ихтирак ал-афак” (“Отрада страстно желающего пересечь мир”) указал на нахождение страны хазар южнее – на восточном берегу Черного моря (Нитас). Так, ал-Идриси уже в предисловии к своему сочинению отметил: “Море Нитас простирается на восток, омывая на юге землю Хараклийа (Гераклея. – О.Б.), землю Аструбули (Триполи. – О.Б.), берега Атрабзунда (Трапезунд. – О.Б.), землю Ашкала, землю Ланийа (Алания. – О.Б.). Крайний предел этого залива доходит там до [земли] ал-Хазарийа. Оттуда берег моря поворачивает вспять к Матрахе, продолжается до страны ар-Русийа, страны Бурджан (Дунайская Болгария. – О.Б.), устья реки Данабрис, минует устье реки Дану, доходит до узкого входа в канал [города] ал-Кунстантина..” [Коновалова, 2006, с. 108]. Как отметила в своих комментариях переводчик текста ал-Идриси – И. Г. Коновалова, “можно заключить, что и в данном случае под словом „ал-Хазарийа” подразумевается название страны, а не города” [Коновалова, 2006, с. 133, прим. 17].

Далее, в описании 6 секции 6 климата, где речь идет о маршруте от Трапезунда до городов Восточного и Северо-Восточного Причерноморья, ал-Идриси уже упоминает город хазар: “От города ал-Ланийа до города Хазарийа, по которому именуется хазары, сорок пять миль. Это большой цветущий город, обильно орошаемый водами. Он стоит на реке. От города ал-Хазарийа до города Кира двадцать пять миль, а от последнего до [города] Куманийа, по имени которого названы куманы и [сам] этот город именуется Черной Куманией, – двадцать пять миль” [Коновалова, 2006, с. 118]. Относительно данного пассажа И. Г. Коновалова сделала не вызывающий возражений комментарий: “По всей вероятности, здесь речь идет о каком-то городе Северного Кавказа... Указание ал-Идриси на то, что ближайшим к ал-Хазарийи пунктами являются, с одной стороны, аланский, а с другой – куманский (половецкий) город, позволяет локализовать город ал-Хазарийа где-то в западной части Северного Кавказа.” [Коновалова, 2008, с. 84].

Дальнейшую информацию о судьбе хазар в Восточном Причерноморье могут дать сведения Плано Карпини, относящиеся к первой половине XIII в. Характерно, что в одном из своих списков народов Плано Карпини поместил хазар среди народов Западного Кавказа: “С юга же к Комании прилегают Аланы, Чиркасы, Хозары, Греция и Константинополь, также земля Иберов, Кахи, Брутахи, которые слывут иудеями – они бреют голову, – также земля Цикков, Георгианов и Арменов и земля Турков.” [Карпини, 1957, с. 57]. При

этом ни ал-Идриси, ни Плато Карпини не относили упомянутых хазар Восточного Причерноморья к числу иудеев, что исключает их из числа потомков иудейского населения Тмутаракани. В последних резоннее видеть упомянутых Плато Карпини “брутахиев-иудеев”. Стало быть, хазары-язычники могли проживать южнее Тмутаракани, на Восточном берегу Черного моря, т. е. там, где в хазарское время имел распространение обряд трупосожжения.

Весьма примечательно, что в этом же районе и в послехазарский период, буквально до XIV в., продолжали бытовать трупосожжения (рис. 7), которые уже в новых условиях стали совершать под курганными насыпями. При этом одновременно совершались подкурганные захоронения в каменных ящиках. Кремационные же погребения на этих биритуальных курганных могильниках были урновыми и безурновыми, но преобладали первые. Обычно после кремации на стороне прах с оставшимися вещами ссыпался в урну, которую захоранивали на древнем горизонте или вкапывали на разную степень глубины в грунт. Безурновые погребения представляют собой захоронения праха, ссыпанного в ямку [Армарчук, Дмитриев, 2001, с. 216-217]. Говоря о преемственности подкурганных кремаций с трупосожжениями более раннего времени, Армарчук и Дмитриев отметили: “Яркие слагаемые здешней культуры конца XI – первой половины XIII в. создают носители кремационного погребального обряда, которые в свою очередь генетически связаны с предшествующим периодом VIII–X в., когда тут внезапно появляется этот обряд. Связь прослеживается в преемственности и развитии обряда трупосожжения, в вещах и составе погребального инвентаря, в трансформации в конце XI – первой половине XIII в. обычая VIII–IX вв. помещать в воинские погребения сбрую, в обычай сопровождать погребения захоронением коня” [Армарчук, Дмитриев, 2001, с. 224].

В методологическом отношении данное предположение может иметь под собой основание, ибо погребальный обряд является наиболее консервативным. Однако в послехазарское время данный признак мог отражать уже не этнические, а социальные отличия. Скажем, обряда подкурганной ингумации могли придерживаться представители одной родовой группы, а кремации – представители другого рода. Иногда этнические и социальные факторы могли быть связаны между собой. Сама смена грунтовых захоронений на подкурганные может также отражать не этнические, а социальные процессы. При этом смена материальной культуры вовсе не означала смену этнической ситуации. Однако сохранение в послехазарское время в Восточном Причерноморье этнонима *хазары* и бытование именно здесь трупосожжений, но уже под курганными насыпями, может быть отнюдь не случайным. Получается, что часть носителей кремационного обряда в послехазарское время интегрировалась в адыгское общество, а другие продолжали сохранять свою этническую самобытность и были известны под именем *хазары*.

Столь длительное бытование этнонима *хазары* можно объяснить двумя факторами. Во-первых, носители кремационного обряда появились на Северо-Западном Кавказе вместе с этническими хазарами, и этот экзоэтноним закрепился за ними, независимо от их происхождения. Во-вторых, в Северо-Восточном Причерноморье могло появиться одно из племен хазарской конфедерации, в среде которого имели распространение кремации.

В пользу второго предположения необходимо отметить, что исследователи уже давно пришли к выводу, что хазарский этнос после событий VII в. представлял собой довольно пеструю конфедерацию племен, где этнические признаки тесно переплелись с социальными факторами. Довольно распространенным является мнение, что верхушку хазарского общества представляли собой представители харизматического рода Ашина с той частью одноименного каганского племени, которое ушло с ними из Центральной Азии в Восточную Европу. Следовательно, разнородность хазарских племен должна была обусловить различия и в погребальном обряде хазар. Однако, несмотря на очевидность этого факта, некоторые археологи до сих пор пытаются найти «культуру этнических хазар». Сам сравнительный анализ с традициями восточных тюрков-тугю, которые еще до начала VII в. сжигали своих каганов, позволяет считать, что в среде каганского племени западных тюркютов также должен был иметь распространение обряд кремации. Однако из-за отсутствия данных пока рано говорить о том, что кремационные захоронения Дюрсо и Сухой Гомольши могут иметь прямое отношение к захоронениям тюркской знати, что мы наблюдаем в раннесредневековых погребениях Северного Причерноморья и Центральной Азии. Распространение обряда кремации среди кочевников, хотя и бывших, может указывать на их прародину в районе лесостепи. К данному описанию очень хорошо подходит Южная Сибирь.

ЛИТЕРАТУРА

- Айбабин А. И.* Погребение хазарского воина // *СА. 1985. № 3.*
- Айбабин А. И.* Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999.
- Айбабин А. И.* Ранние хазарские археологические памятники в Северном Причерноморье // *Хазарский альманах. Т. 8. Киев–Харьков, 2009.*
- Аксенов В. С., Михеев В. К.* Население Хазарского каганата в памятниках истории и культуры. “Сухогомольшанский могильник VIII–X вв.” // *Хазарский альманах. Т. 5. Киев–Харьков, 2006.*
- Алексеева Е.П.* К вопросу о происхождении абазин по данным археологии // *Труды Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института. Вып. VI. Ставрополь, 1970.*
- Алексеева Е.П.* О происхождении абазин и расселении их в средние века // *Проблемы этнической истории народов Карачаево-Черкессии. Черкесск, 1980.*
- Амброз А. К.* Восточноевропейские и среднеазиатские степи V – первой половины VIII вв. // *Степи Евразии в эпоху средневековья. Москва, 1981.*

- Амброз А. К. О Вознесенском комплексе VIII в. на Днепре – вопрос интерпретации // Древности эпохи Великого переселения народов. Москва, 1982.
- Армарчук Е.А., Дмитриев А.В. Памятники Северо-Восточного Причерноморья X–XIII веков // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII вв. Москва, 2003.
- Артамонов М. И. История хазар. Ленинград, 1962.
- Афанасьев Г. Е. Население лесостепной зоны бассейна среднего Дона в VIII–X вв. (аланский вариант салтово-маяцкой культуры). // Археологические открытия на новостройках. Вып. 2. Москва, 1987.
- Афанасьев Г. Е. Где же археологические свидетельства существования Хазарского каганата? // РА. 2001. № 2.
- Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. Москва–Ленинград, 1950.
- Бубенок О.Б., Аксенов В.С. Кто обитал в Сухой Гомольше в хазарское время? // Хазарский альманах. Т. 8. Киев–Харьков, 2009.
- Буйнов Ю. В., Дьяченко А. Г., Шрамко Б. А. Работы на новостройках Харьковской обл. // АО.1977. Москва, 1978.
- Васильевский В. Г. Хождение Апостола в стране Мирмидонян // Васильевский В. Г. Труды. Т. II. Вып. 1. Санкт-Петербург., 1909.
- Волкова Н. Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. Москва, 1973.
- Воскресенская летопись // ПСРЛ. Т. VII. Т. VII. Санкт-Петербург, 1856.
- Гавритухин И. О., Пьянков А. В. Древности и памятники VIII–IX веков // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII вв. Москва, 2003.
- Гадло А. В. Этническая история Северного Кавказа X–XIII вв. Санкт-Петербург, 1994.
- Гаркави А. Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских (с половины VII века до конца X века по Р. Х.). Санкт-Петербург, 1870.
- Голб Н., Прицак О. Хазарско-еврейские документы X века. Москва–Иерусалим, 1997.
- Грач А. Д. Древнейшие тюркские погребения с сожжением в Центральной Азии // История, археология и этнография Средней Азии. Москва, 1968 / <http://kronk.narod.ru/library/grach-ad-1968.html>
- Грінченко В. А. Памятка VIII ст. коло с. Вознесенки на Запоріжжі // Археологія. Т. 3. Київ, 1950.
- Дмитриев А.В. К вопросу об этнической принадлежности трупосожжений конца VIII–IX века в районе Новороссийска - Геленджика. // VIII «Крупновские чтения». Нальчик, 1978.
- Дмитриев А. В. Могильник Дюрсо – эталонный памятник древностей V–IX веков // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII вв. Москва, 2003.
- Дмитриев А. В. К вопросу об этнической принадлежности трупосожжений конца VIII – начала IX века в районе Новороссийска-Геленджика. 2009 / <http://www.nasledie.org/v3/ru/?action=view&id=127163>
- Залеская В. Н., Львова З. А., Маршак Б. И., Соколова И. В., Фоянкова Н. А. Сокровища хана Кубрата (Перещепинский клад). Санкт-Петербург, 1997.
- Ипатьевская летопись // ПСРЛ. Т. II. Санкт-Петербург, 1843.
- Карпини П. История монгалов // Карпини П. История монгалов. Рубрук Г. Путешествие в восточные страны. Москва–Ленинград, 1957.
- Кляшторный С. Г., Султанов Г. И. Государства и народы евразийских степей в древности и средневековье. Санкт-Петербург, 2000.
- Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г. Степные империи Древней Евразии. Санкт-Петербург, 2005.
- Коковцов П. К. Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932.

- Комар А. В. Ранние хазары в Северном Причерноморье (постановка проблемы) // Восточноевропейский археологический журнал. 2000. № 3 (4) / <http://archaeology.kiev.ua/journal/030500/komar.html>
- Коновалова И. Г. Ал-Идриси о странах и народах Восточной Европы. Москва, 2006.
- Константин Багрянородный. Об управлении империей / Под ред. Г.Г. Литаврина и А.П. Новосельцева. Москва, 1991.
- Кухаренко Ю. В. О некоторых археологических находках на Харьковщине // КСИИМК. Т. XLI. Москва, 1951.
- Кухаренко Ю. В. Новопокровський могильник і поселення // Археолгія. Т. 6. Київ, 1952.
- Кызласов Л. Р. Тува в период Тюркского каганата // Вестник Московского университета (историко-филологическая серия). 1958. № 4.
- Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века. М., 1969.
- Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. Т. I. Санкт-Петербург, 1846.
- Менандр. Продолжение истории Агафиевой // Византийские историки / Пер. с греч. С. Дестуниса. Санкт-Петербург, 1860.
- Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербента X–XI вв. Москва, 1963.
- Михеев В. К. Подонье в составе Хазарского каганата. Харьков, 1985.
- Михеев В. К., Приходнюк О. М. Пеньківське поселення на Сіверському Дінці // Археологія. Т. 54. Київ, 1986.
- Михеев В. К. Сухогомольшанський могильник // СА. 1986. № 3.
- Михеев В. К. О социальных отношениях у населения салтово-маяцкой культуры Подонья – Приазовья в VIII–X вв. (Ч. 1) // Археология славянского Юго-Востока. Материалы к межвузовской научной конференции. Воронеж, 1991.
- Плетнева С. А. Об этнической неоднородности населения северо-западного хазарского пограничья // Новое в археологии. Москва, 1972.
- Плетнева С. А. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. Москва, 1989.
- Повість врем'яних літ. Літопис (за Іпатьським списком). Київ., 1990.
- Подосинов А. В. Северо-Восточная Европа в «Космографии» Равеннского Анонима // Восточная Европа в исторической ретроспекции. К 80-летию В.Т. Пашуто. Москва, 1999.
- Приходнюк О. М. Степове населення України та східні слов'яни (друга половина I тис. н. е.). Київ, Чернівці, 2001.
- Пьянков А. В., Тарабанов В. А. Кремационные погребения Кубани и Подонья салтовского времени: единство происхождения или случайное сходство // Проблемы археологии и истории Боспора. К 170-летию Керченского музея древностей. Тезисы докладов юбилейной конференции. 25–27 июля 1996 г. Керчь, 1996.
- Пьянков А. В. Касоги/касахи/кашаки письменных источников и археологические реалии Северо-Западного Кавказа // Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып. 1. Краснодар, 2001.
- Пьянков А. В. К вопросу об абазинском происхождении кремационных погребений III–XIII веков из Кубано-черноморского региона // <http://www.bibliotekar.ru/rusPrichernomorie/31.htm>
<http://www.bibliotekar.ru/rusPrichernomorie/31.htm>
- Саханов В. Б. Раскопки на Северном Кавказе в 1911–1912 гг. // Известия Археологической комиссии. Т. 56. Москва, 1914.
- Сміленко А. Т. Глодоські скарби. Київ, 1965.
- Тарабанов А.В. Кремационные погребения VIII-X вв. на территории Краснодарского края и их этническая принадлежность. // XVIII «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Кисловодск, 1994.
- Тортіка О.О. Алаано-болгарське населення Північно-Західної Хозарії в етносоціальному та геополітичному просторі півдня Східної Європи. Автореф. дис. ... док. іст. наук. Харків, 2007.

- Турчанинов Г. Ф. Памятники письма и языка народов Кавказа и Восточной Европы. Москва, 1971.
- Худуд ал-'Алем (рукопись Туманского) с введением и указателем В. Бартольда. Ленинград, 1930.
- Шрамко Б. А. Погребения VIII–X вв. у с. Пятницкое в Харьковской обл. // Древнерусское государство и славяне. Минск, 1983.
- Dunlop D. M. The History of the Jewish Khazars. New-York, 1954.

О. Б. Бубенок

КРЕМАЦІЙНИЙ ОБРЯД ПОХОВАНЬ ХОЗАРСЬКОГО ЧАСУ
НА ПІВНІЧНО-ЗАХІДНОМУ КАВКАЗІ:
ТРАДИЦІЯ ЧИ ІННОВАЦІЯ?

Резюме

У статті заакцентовано увагу на походженні кремаційних могильників хозарського часу на Північно-Західному Кавказі, найбільш відомими із яких є Борисівський та Дюрсо. Автор не підтримує гіпотезу про місцеве походження цих могильників салтівської культури, тому що відсутня спадкоємність між кремаціями хозарського часу і місцевими трупоспаленнями перших століть нашої ери. Тому більш привабливою є гіпотеза про прийшлий характер звичая кремацій. Прямі аналоги пам'яткам Дюрсо виявлені в басейні Сіверського Дінця в Сухій Гомольші серед пам'яток салтівської культури. Дані археології та письмових джерел дозволяють говорити про центральноазійське походження носіїв обряду кремації. Цілком можливо, що знаходження цього племені серед адигів мало сприяти поширенню серед них нового етноніма – *косоги*.

О. Б. Бубенок

КРЕМАЦИОННЫЙ ОБРЯД ЗАХОРОНЕНИЙ ХАЗАРСКОГО ВРЕМЕНИ
НА СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КАВКАЗЕ:
ТРАДИЦИЯ ИЛИ ИННОВАЦИЯ?

Резюме

В статье акцентируется внимание на происхождении кремационных могильников хазарского времени на Северо-Западном Кавказе, наиболее знаменитыми из которых являются Борисовский и Дюрсо. Автор не поддерживает гипотезу о местном происхождении этих могильников салтовской культуры, потому что отсутствует преемственность между кремациями хазарского времени и местными трупосожжениями первых

веков нашей эры. Поэтому более предпочтительной выглядит гипотеза о пришлом характере обычая кремаций. Прямые аналогии памятникам Дюрсо выявлены в бассейне Северского Донца в Сухой Гомольше среди памятников салтовской культуры. Данные археологии и письменных источников позволяют говорить о центральноазиатском происхождении носителей обряда кремации. Вполне вероятно, что нахождение этого племени среди адыгов могло способствовать распространению среди первых нового этнонима – *касого*.

O. B. Bubenok

THE CREMATIONS OF THE KHAZAR TIMES
IN THE NORTH-WEST CAUCASUS:
THE TRADITION OR INNOVATION?

Summary

In this paper the main attention is concentrated on the origin of cremation cemeteries of the Khazar times in the North-West Caucasus where Durso and Borisovskiy are more popular. The author doesn't support the hypothesis on their native origin because there is no link between the cremations of Khazar period and the native cremation of the first centuries AD. Therefore, the hypothesis on the newcomers is more preferable. The cremations of Durso and the ones from the Siverskiy Donets basin (near Sukhaya Gomolsha) are similar. According to the data of archaeology and written sources, we can speak about the Central Asian origin of this custom. Maybe, this tribe could spread the new ethnic name "the Kasogs" among the Adygs as well.

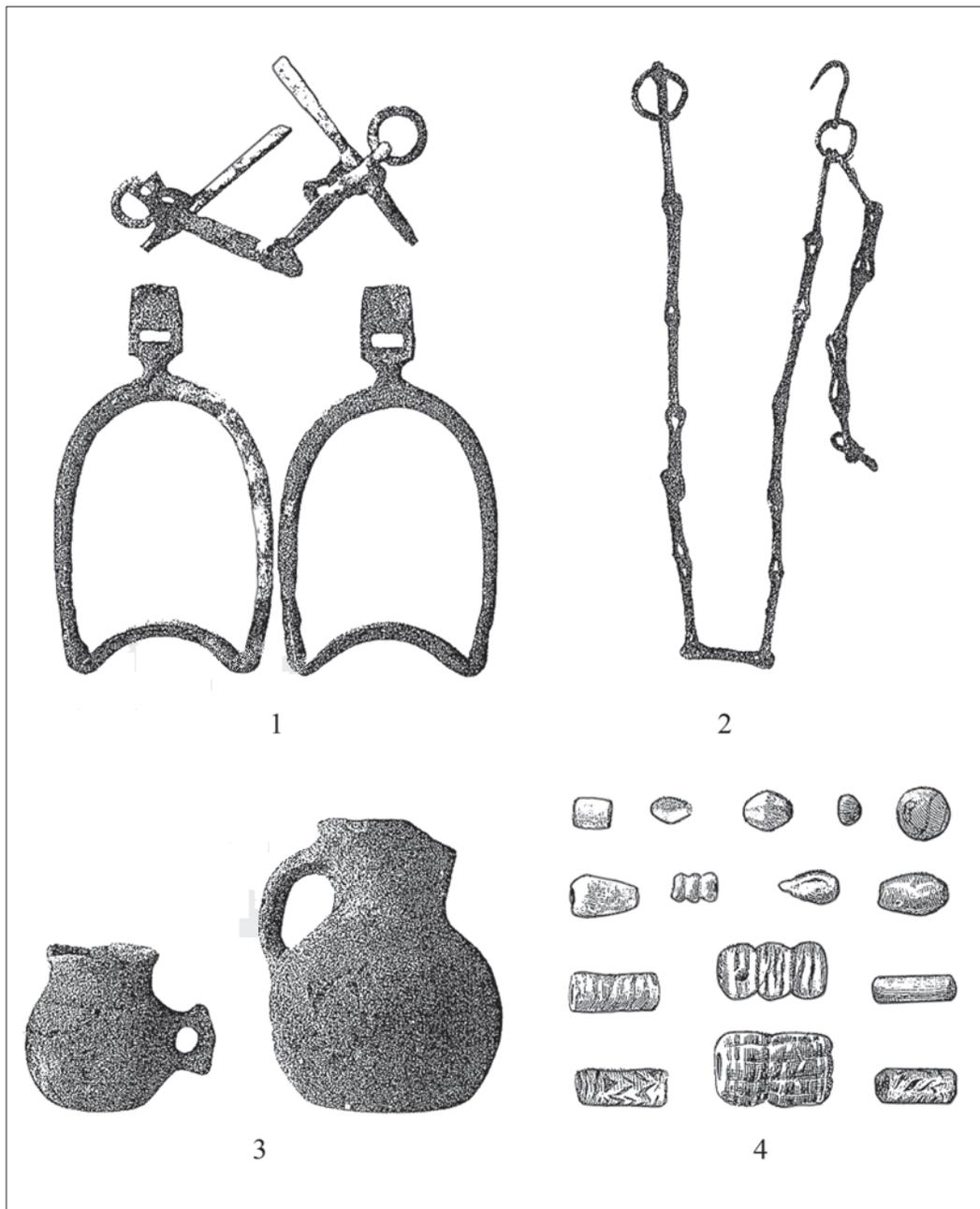

Рис. 1. Инвентарь из захоронений третьей группы Борисовского могильника (по данным В.В. Саханова):

1 – удила и стремена из погребения № 144; 2 – железная цепь из погребения № 134; 3 – керамические сосуды; 4 – бусы

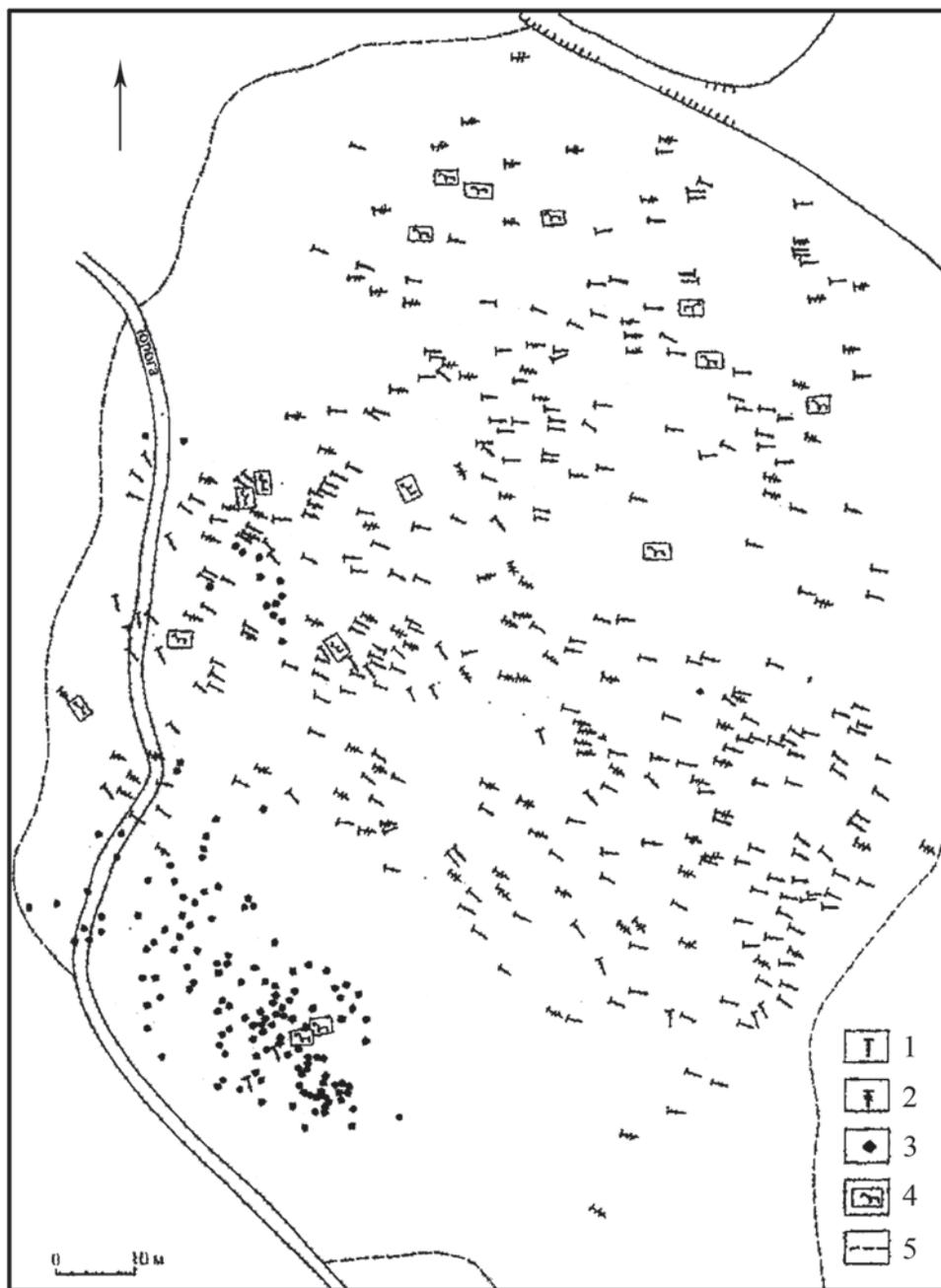

Рис. 2. Расположение погребений на могильнике Дюро (по данным А.В. Дмитриева):
1 – труположения; 2 – труположения, нарушенные в древности; 3 – трупосождения; 4 – захоронения коней; 5 – границы раскопанной площади

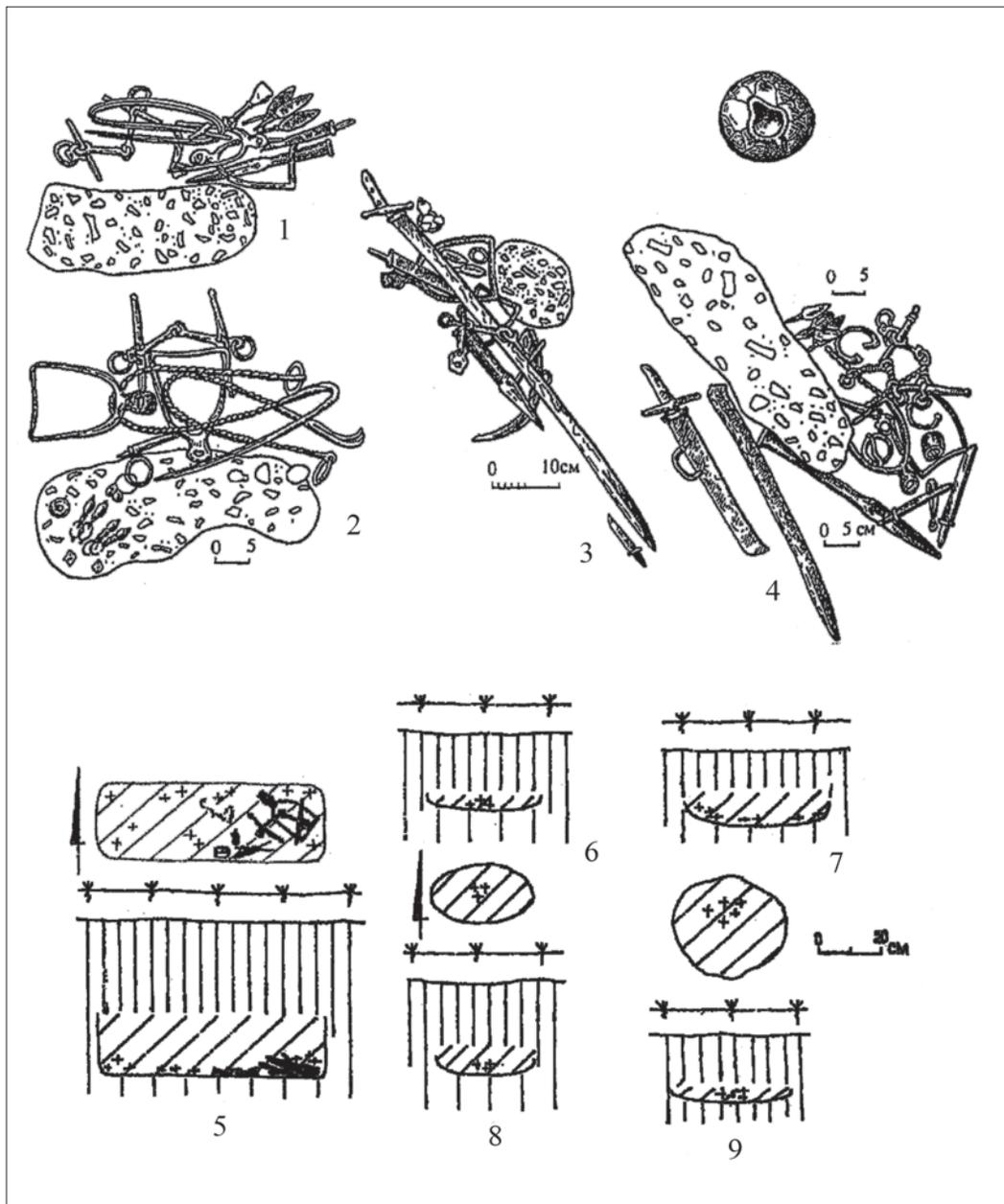

Рис. 3. Обряд трупосожжения на могильниках Дюросо (1-4) и Сухая Гомольша (5-9) (по данным А.В. Дмитриева и В.К. Михеева)

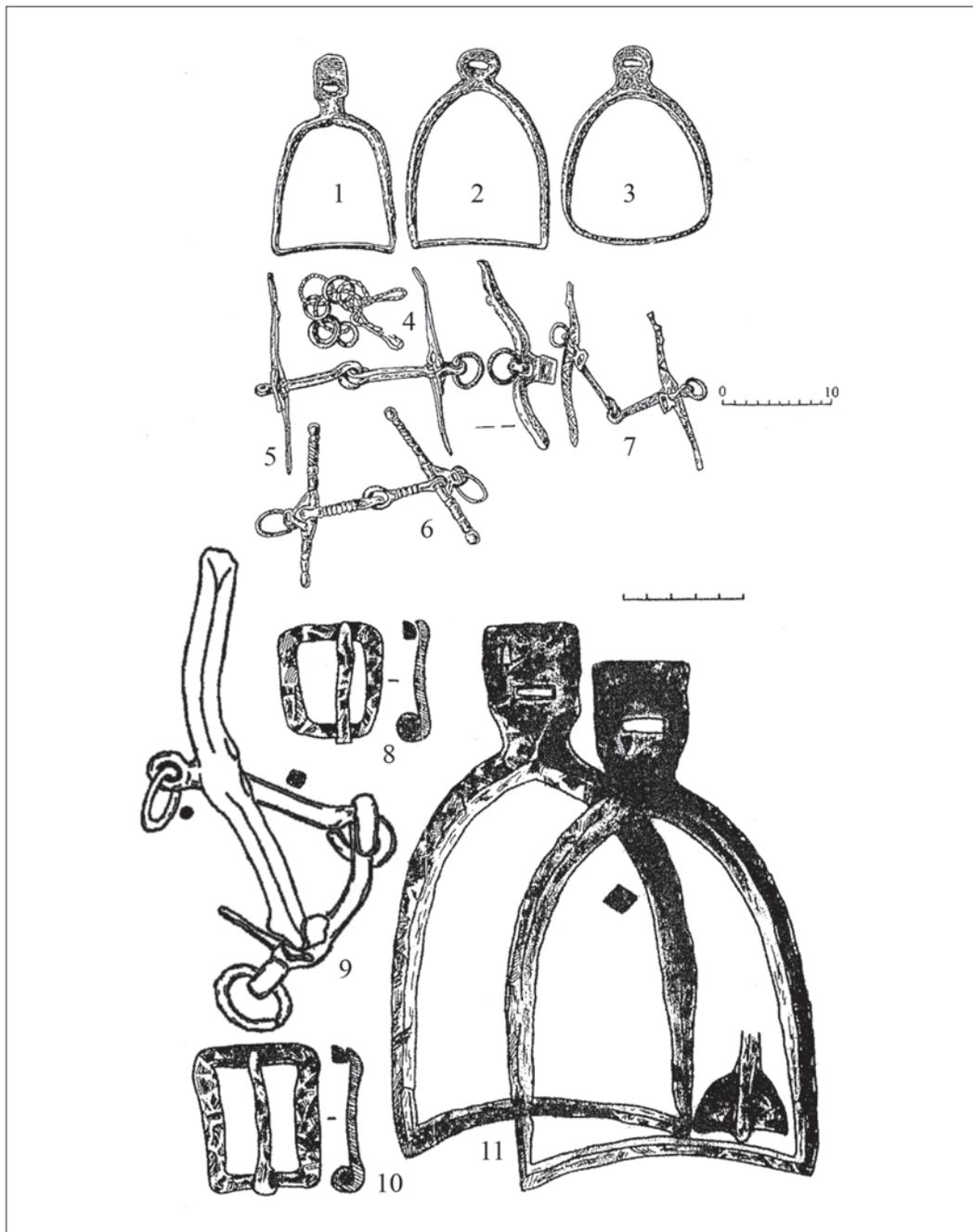

Рис. 4. Детали конского снаряжения из захоронений Дюрсо (1–7) и Сухой Гомольши (8–11) (по данным А.В. Дмитриева и В.К. Михеева)

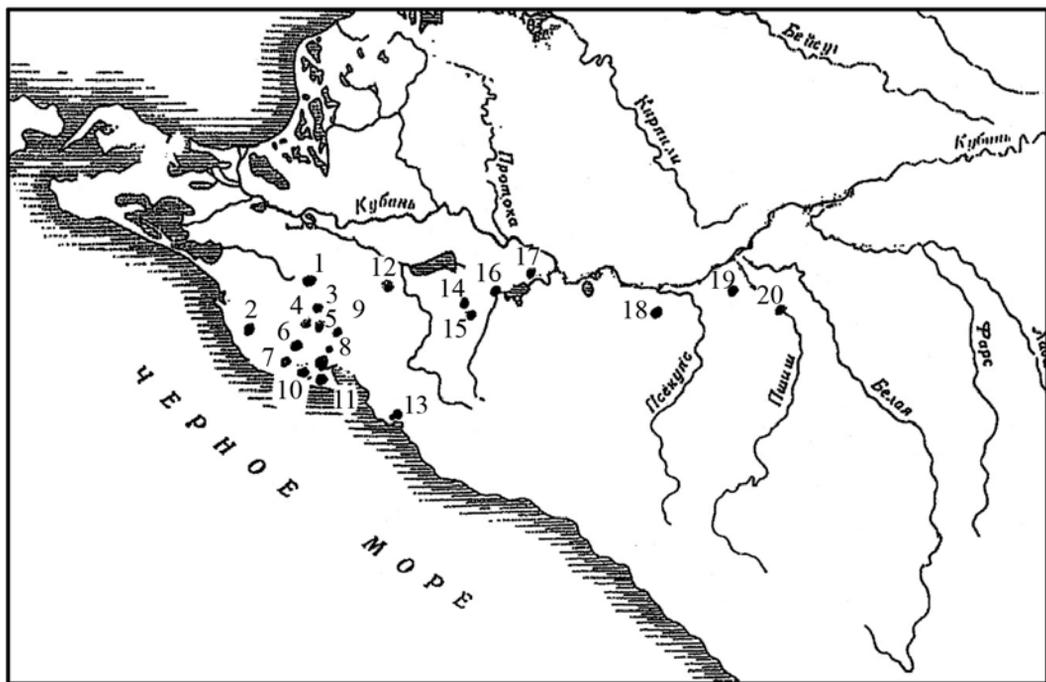

Рис. 5. Распространение кремационных могильников на Северо-Западном Кавказе во второй половине VIII – IX вв. (по данным А.В. Пьянкова):

- 1 – Горностаевка; 2 – Су-Псех; 3 – Ленинский Путь; 4 – Восьмая щель; 5 – Цемдолина; 6 – Большие Хутора; 7 – Дюрсо; 8 – г. Болтын; 9 – ул. Днестровская; 10 – Южная Озерейка; 11 – Мысхаково; 12 – Молдавановский; 13 – Борисовский; 14 – Общественный; 15 – хут. Хабль; 16 – Бугайский бугор; 17 – Крюковский мыс; 18 – Тахтамукаевский; 19 – Казазово; 20 – Псекупский

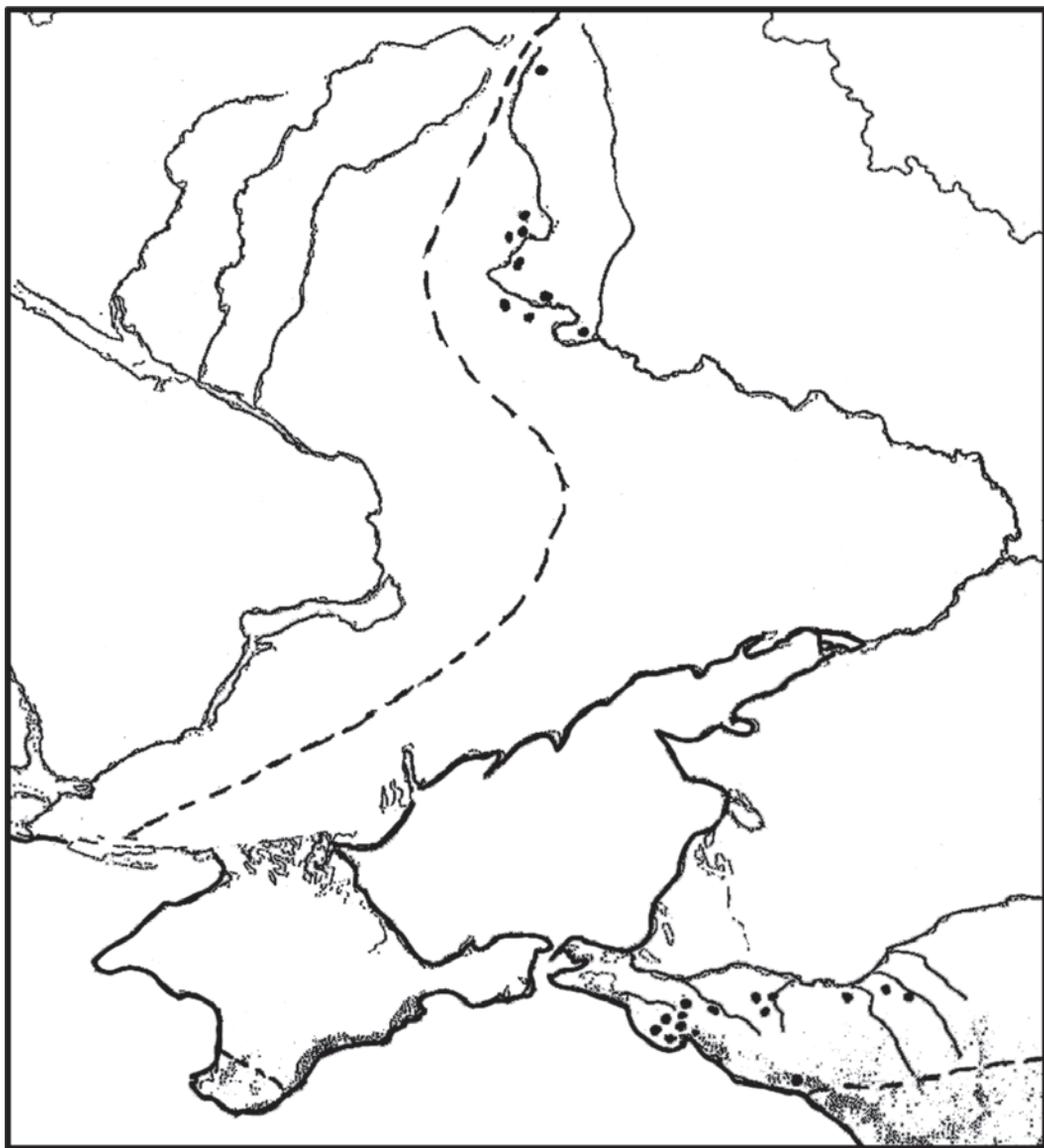

Рис. 6. Местонахождение могильников салтовской культуры с кремационными захоронениями вдоль западной границы Хазарского каганата

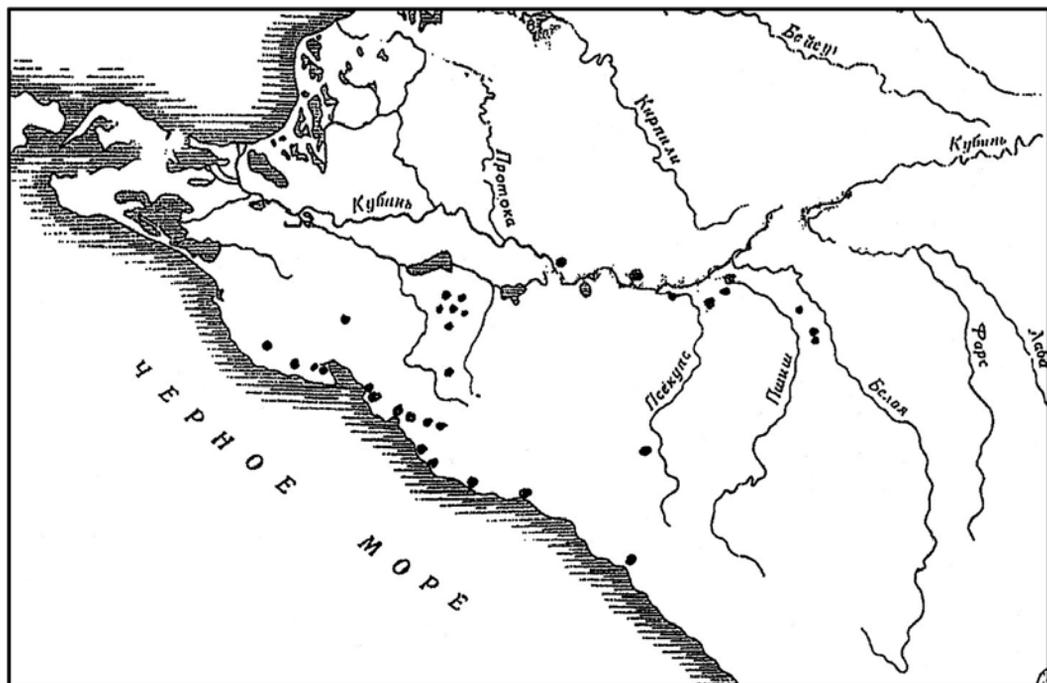

Рис. 7. Распространение кремационных захоронений на Северо-Западном Кавказе во второй половине X – XIII вв. (по данным А.В. Пьянкова)

Ю.В. АРТЮХИН

НЕФТЬ КАК ФАКТОР НЕКОТОРЫХ СРЕДНЕВЕКОВЫХ СОБЫТИЙ В АЗОВО-ЧЕРНОМОРСКОМ РЕГИОНЕ

Анализируя положение Византийской империи во второй половине XI в., историки обращают внимание на то, что пришедший к власти император Алексей I Комнин в стремлении обеспечить безопасность империи предпринимал шаги по укреплению своих позиций в пределах Киммерийского Боспора и Таманского полуострова [Захаров, 1999, с. 153]. Популярна точка зрения Г.Г. Литаврина, что Византию интересовали окрестности Тмутаракани, изобиловавшие нефтяными источникам [Литаврин, 1972, с. 39-40; Гуркин, 1992, с. 69; Захаров, 1999, с. 153; Захаров, 2002, с.67]. Нефть была необходима империи для изготовления «греческого огня», являвшегося эффективным средством отражения некоторых военных угроз. Нефтяные месторождения в Малой Азии, ранее использовавшиеся греками, были более продуктивными, но к XI в. уже находились под контролем турок-сельджуков.

В подтверждение этой гипотезы В.А. Захаров приводит выдержки из труда Константина Багрянородного «Об управлении империей»: «Должно знать, что вне крепости Таматарха имеются многочисленные источники, дающие нефть. Следует знать, что в Зихии, у места Паги, находящегося в районе Панагии, в котором живут зихи, имеется девять источников, дающих нефть, то масло девяти источников не одинакового цвета, одно из них красное, другое – желтое, третье – черноватое.

Да будет известно, что в Зихии в месте по названию Папаги, близ которого находится деревня, именуемая Сапакси, что значит «пыль», есть фонтан, выбрасывающий нефть.

Должно знать, что там есть и другой фонтан, дающий нефть, в деревне по названию Хамух... Отстоят же эти места от моря на один день пути без смены коня» [цит. по Захаров, 1999, с. 153].

Замечательной особенностью Таманского полуострова является существование в пределах некоторых геологических структур газонефтяных месторождений. Существуют как крупные (Анастасиевско–Троицкое), так и небольшие залежи нефти в пределах неогеновых отложений, в том числе и примыкающих к многочисленным брахиантиклинальным складкам. Своды таких антиклинальных структур нередко «проткнуты» каналами грязевых вулканов.

Натурными наблюдениями автора неоднократно фиксировалось не только изливание углеводородов по основному и боковым каналам грязевулканических сальз, но и через береговые обнажения проницаемых толщ. Такое высачивание битумов периодически фиксируются на участке так называемой Синей балки (пос. «За Родину»), вблизи мыса Каменного, на южном склоне горы Зеленского, по периферии брахиантиклинали Железный Рог и др. В понижениях рельефа, приуроченных к Кизилташскому прогибу, в прошлые эпохи, как и в настоящее время, нефтяные углеводороды просачивались сквозь толщу песчаных отложений по берегам многих лиманов.

Таким образом, характеристика нефтяных источников Таманского полуострова, приведенная византийским императором в X в., подтверждается и современными данными. Сведения о цвете нефти, изложенные императором, соответствуют реальности. Исследования российских геологов в XVIII-XIX вв. показали, что цвет нефти менялся от черного и черно-синего до зеленоватого, в зависимости от минерального состава глин, суглинков и иных рыхлых отложений [Воскобойников, Гурьев, 1832, с. 54]. Красновато-бурый оттенок нефти дают окислы железа, повсеместно встречающиеся в отложениях Таманского полуострова.

В конце 1820-х гг. так описывалось высачивание нефти из берегового обрыва вблизи пос. Кучугуры: «В огромном обрыве, на берегу Азовского моря, нарване с горизонтом онаго, лежит огромный пласт песку, пропитанного черноватобурою, весьма густою нефтью, коей жителями здешних мест получается большое количество чрез промывку помянутого песка на наклоненных плоскостях, кои выкладываются из камня. Сей песок добывают у самого подножия обрыва, посредством огромных боковых разносов. Он имеет желтоватобурий цвет, вязок и мягок, подобно тесту, и по сим свойствам можно употреблять его также на покрышку домов, дав ему предварительно загустеть от продолжительного лежания на воздухе во время летних жаров» [Воскобойников, Гурьев, 1832, с. 66]. «На высоте 180 фут. (мыса Пекло) производится добывание нефти и с силой выдавливается углеводородный газ» [Абих, 1873, с.4]. Известно, что в эпоху древнегреческой колонизации Таманского полуострова нефть не только использовалась в хозяйственных, военных целях, но и заготавливалась для продажи на меотийско-понтийских и средиземноморских рынках. Например, обнаружены черносмоленные амфоры с нефтью или многочисленные их обломки на северном берегу Азовского моря (Танаис и городище у косы Золотой), в пределах древнегреческих городов Кепы, Гермонасса и на других участках Таманского полуострова [Анфимов, 1953, с. 151; Кострин, 1967, 1971, с. 112].

Существует точка зрения, что освобождение князя Олега в 1083 г. из византийского плена и воцарение его под византийским протекторатом на Тмутараканском престоле были связаны с обеспечением контроля империи над нефтяными залежами. С.В. Гуркин вслед за Г.Г. Литавриным полагал, что к этому

времени Тмутараканское княжество перешло под власть Византии [Гуркин, 1992, с. 69]. В.А. Захаров считает: «С возвращением Олега в Тмутаракань началось и поступление нефти в империю для военных нужд» [Захаров, 1999, с. 153].

Рассматриваемая концепция интересна, однако в ней есть три уязвимых момента. Во-первых, как свидетельствуют геологи, нефтегазоносные залежи существуют и в пределах Керченского полуострова [Шнюков и др., 1974, с. 170]. Нефтепроявления отмечены вдоль северного борта Индоло-Кубанского прогиба, в том числе и в проницаемых береговых отложениях северного побережья Керченского полуострова. Известны весьма мощные извержения грязевых вулканов в пределах Булганакского сопочного поля (северо-западнее Керчи), сопровождавшиеся массовым выбросом газов и огневыми явлениями. Последние, скорее всего, связаны и с выходом углеводородов. Одна из сопки грязевого вулкана в XVII-XVIII вв. называлась татарами «Джау-Тепе» (сопка-враг) из-за урона, наносимого жилищам и стадам местных жителей.

По сведениям археологов, добыча нефти на Керченском полуострове происходила еще в IV-V вв. до н.э. [Гайдукевич, 1949, с. 481-481]. Подтверждает наличие продуктивных источников на Керченском полуострове и нахождение местной нефти в амфорах. Химический состав керченской нефти несколько отличается от таманской, что установлено лабораторными исследованиями. Хотя существуют свидетельства в пользу того, что русские князья контролировали и Керчь (Корчев), однако вряд ли вся территория Керченского полуострова постоянно находилась в зоне их влияния [Монгайт, 1963, с. 59]. Скорее всего, здесь Византия имела более прочные позиции, даже несмотря на упадок Херсонеса, особенно после восстания 1066 г. [Захаров, 1999, с. 152]. А уж с повторным возвращением Олега в Тмутаракань, контролируемую империей, использование греками керченских ресурсов вообще не должно было встречать никаких препятствий.

Вторая проблема концепции Литаврина – Захарова вытекает из приведенного текста Константина Багрянородного. Сопоставляя данные исследований геологов в конце XIX - начале XX вв. со сведениями византийского императора, нетрудно заключить, что наиболее продуктивные залежи, к тому же самоизливающиеся, располагались далеко за пределами собственно Тмутараканского княжества, в глубине территории Зихии. На это, в частности, указывают данные оценок дебита разных источников на пространстве от Керченского пролива до дельты р. Кубань в Кубанском заливе (ныне это Витязевский лиман). Если в западной части Таманского полуострова в некоторые годы первой четверти XIX в. в одном шурфе можно было добывать от 1-4, максимум до 10 ведер нефти в месяц, то в восточной, прикубанской, части полуострова объемы месячной добычи могли достигать нескольких десятков ведер. [Воскобойников, Гурьев, 1832, с.]. Одно ведро, по сведениям этих авторов, содержало 1 пуд 5 фунтов нефти (примерно 18,5 кг).

В отдельных шурфах накапливалась очень густая, смолоподобная нефть, которую было трудно извлекать.

Из приведенных данных следует, что для накопления значительных объемов нефти для хозяйственных, а тем более военных нужд, русам требовалось немало времени для проведения земляных работ и извлечения ее из шурфов. Нужны были и значительные по объему емкости для ее сбора и хранения. Возможно, именно поэтому при раскопках Матреги – Тмутаракани только в 1983-1984 гг. найдено свыше 60 тыс. фрагментов черносмоленных сосудов [Захаров, 1999, с. 153]. От этой проблемы, видимо, можно было уйти, получив доступ к источникам с гораздо большим и постоянным дебитом полезного компонента на зихской территории, в пределах отрогов Западного Кавказа. Нельзя исключать, что в подоплеке часто описываемого похода русской дружины на касогов и битвы Мстислава с Редедей лежало стремление получить доступ к самоизливающимся источникам нефти. Может быть, касоги согласились на ограниченный поединок вместо полномасштабного сражения в силу того, что ценность прикубанских источников была невелика или к тому времени они иссякли, а в горных районах адыги располагали более ценными залежами?

Что же касается использования нефти из зихских источников в 1081-1083 гг., Византии не так уж и нужен был Олег Святославич на Тмутараканском престоле. Тем более, что во время междоусобицы зихи в течение нескольких лет контролировали все пространство Таманского полуострова. После возвращения же русско-византийского контроля над княжеством, даже если и иметь в виду византийскую военную поддержку, у князя вряд ли были силы и основания для нового захвата восточно-зихских территорий.

Третья проблема состоит в том, что концепция Литаврина–Захарова не явно предполагает постоянство дебита нефтяных источников в рассматриваемом регионе. Исследованиями геологов статистически доказано, что существует пульсирующий режим извлечения жидких полезных ископаемых в соответствии с колебательно-волновой природой вертикальных тектонических движений. Например, возрастание объемов нефте- и водоизвлечения из продуктивных свит Апшеронского полуострова в XX в. происходило на фазах активизации нисходящих тектонических движений (1945-1980 гг.), тогда как на фазах воздымания территории во всех скважинах отмечалось резкое сокращение дебита [Лилиенберг, 1985, с. 27]. Эта особенность весьма характерна и для Таманского полуострова, что подтверждается историческими и геологическими данными.

Русские геологи, впервые обследовавшие Таманский полуостров в конце первой четверти XIX в., отмечали: «С древних времен здесь устроено много колодцев для добычи горного масла (нефти). Во время завоевания острова русскими, колодцы были скрыты местными жителями и до 1821 г. были не известны черноморским казакам. Но в 1821 г. объявлены татаринном, жителем селения Ады» [Воскобойников, Гурьев, 1832, с. 55]. Эта точка зрения противоречит

материалам так называемой «Ведомости Мокия Гулика». Отряд под предводительством премьер-майора М. Гулика был отправлен кошевым атаманом Черноморского казачьего войска весной 1792 г. для обследования земель в Приазовье и правобережье Кубани, дарованных войску Екатериной II. В ведомости, предоставленной З. Чепеге, отмечалось: «От гирла и Сукуроваго лимана за версту над Кубанским лиманом - ханская крепость, а пониже оной с горы идет деготь... За 20 верст Некрасовское пустое селение, где редут Каракольник и близ оных нефть» [Короленко, 1868, с. 20-21]. Помимо явных выходов нефти, казаки зафиксировали множество копаней, вероятно, большей частью предназначенных для извлечения нефти. Хотя нельзя исключать факт утаивания нефтяных источников местными жителями, враждебно относящимися к русскому присутствию, но все же основной причиной слабой осведомленности Черноморского войска после переселения и обживания этих территорий можно предполагать естественное сокращение дебита нефтеносных горизонтов. Много позже казачьим правительством было развернуто широкомасштабное извлечение нефти в целях ее продажи на внешних рынках. Однако быстро стало ясно, что значительная пространственно-временная изменчивость дебита делает аренду нефтеносных участков предпринимателями нерентабельной: «Много шуму наделали в 1886 г. выходы нефти на р. Кудако, где при бурении получился фонтан, бивший с глубины 183 фут. на высоту 40 футов и дававший нефти до 3000 ведер в сутки, а потом даже до 5000 ведер (удельного веса 0,860-0,870). Фонтаны эти довольно быстро изсыкли, промысел теперь заброшен, и все приспособления пришли в разрушение» [Апостолов, 1897, с. 73].

Пульсирующий тектонический режим прослеживается в изменении вертикальных отметок нефтегазоносных антиклинальных структур, в том числе и куполов вулканов Таманского полуострова. Так, например, в 1873 г. наивысшая точка вулкана Миска (ныне здесь располагается город Темрюк) имела абсолютную высоту 74,4 м, тогда как изысканиями Руммеля в 1893 г. была зафиксирована отметка 71,4 м [Абих, 1873, с. 5; Руммель, 1896, Приложение XII]. На врезке карты Кубанской области, составленной в 1905 г., нанесена отметка вулкана Миска 73,1 м, а на карте ГУГК съемки 1934 г. и обновления 1974-1981 гг. – 72,2 м. Подобная же вариабельность вертикальных отметок прослеживается и для гор Бориса и Глеба, Нефтяной, Горелой и ряда других. В основе колебательно-волновой природы тектонического режима лежат сложные пространственно-временные изменения горизонтальных и вертикальных геодинамических воздействий. С востока и юго-востока на структуры Таманского полуострова «давят» элементы мегантиклинория Кавказа и Аравийская плита. Геодинамическое воздействие последней передается через Анатолийские структуры и микроплиту дна Черного моря со скоростью до 26 мм/г [Казьмин и др., 2004, с. 601]. С запада на геологические образования Таманского полуострова воздействует Крымская горная страна. Темп

горизонтального смещения на восток по GPS- измерениям достигает 6-8 мм/г [Илюхин, Шестоपालов, 2007, с. 12]. Соответственно, эти разнонаправленные силовые воздействия приводят к возвратно-поступательному характеру вертикальных движений земной поверхности. По результатам геодезических измерений во второй четверти XX в. в Анапско-Новороссийском секторе Северо-Западного Кавказа зафиксированы скорости воздыманий с темпом 0-2 мм/г, для третьей четверти опускание - минус 2-0 мм/г, четвертой – воздымание с темпом 6 мм/г [Овсюченко, 2006, с. 306]. Совершенно очевидно, что подобная вариабельность геодинамических воздействий проявлялась и в прошлом. Признаками наиболее активных силовых воздействий были землетрясения. Можно предположить, что в том случае, если преобладало движение крымских структур на восток, происходило некоторое опускание фундамента и осадочной толщи Тамани и, следовательно, возрастание пластового давления в газо-нефтяных месторождениях. Дебит возрастал. Наоборот, на фазах активного смещения Западного Кавказа и дна Черного моря на запад и северо-запад происходило уменьшение давления и дебита нефтяных источников полуострова. Строго доказать эту гипотезу, а тем более привязать к конкретным историческим рубежам, на данном этапе крайне сложно.

Отталкиваясь от значимости таманских нефтяных источников для Византии и упомянутого третьего противоречия концепции Литаврина-Захарова, можно выдвинуть гипотезу о роли нефтяных источников в возникновении и замирании Тмутараканского княжества. Однако простой линейный подход к сопряжению двух явлений «нефть – возникновение княжества» вряд ли возможен в силу ряда исторических и природных обстоятельств.

Хорошо известно, что в 941 г. армия под предводительством князя Игоря предприняла массированный морской поход на Царьград [Карамзин, 2009, с. 53; Приселков, 1939, с. 100]. Русское войско потерпело поражение прежде всего в результате использования византийцами «греческого огня». В источниках отмечалось, что греки применили «ладейный огонь», «будто молнии метали в русские ладьи» [Лебедев, 1988, с. 40]. Подавляющая часть судов была сожжена, так что Игорю удалось уйти лишь на нескольких кораблях (10 кораблей, по Льву Диакону). Историки обращают внимание на то, что в русских летописях опущено описание многих событий, показывавших неудачи, а тем более поражения русских дружин [Гумилев, 2002, с. 217-218; Рыбаков, 2003, с. 70-71]. В частности, только у М.В. Ломоносова есть упоминание о применении имперскими войсками «греческого огня» при обороне Святославом на Дунае города Переяславца (Преслав) [Ломоносов, 2007, с. 82]. Нельзя исключать, что были и иные случаи воинских потерь от использования секретного оружия греками, сведения о которых как в русских, так и в византийских источниках в силу разных причин не отражены.

Представление о характере «ладейного огня» дает миниатюра, помещенная

в Мадридском списке византийского хрониста Иоанна Скилицы [Миниатюра... из «Википедия»] (рис. 1). Из рисунка видно, что огонь действительно извергался из трубы, тогда как есть упоминания о другом способе – заброске катапультной горшков с нефтью и серой. Нетрудно предположить, что «огнеметный эффект» обеспечивался в том случае, если использовались легкие, наиболее летучие фракции нефти (фактически речь идет об аналогах бензина и керосина). Использование же густых битумов возможно было только в сосудах, поджигаемых и забрасываемых метательными приспособлениями. Это обстоятельство не могло не влиять на выбор разных естественных источников нефти или реализовывать технологическую схему, близкую к выгонке спиртов из продуктов брожения растительных смесей.

Применение смертоносного дистанционного оружия, вызывавшего значительные воинские потери, оставило сильное впечатление у современников [Рыбаков, 2003, с. 54]. Абстрактно говоря, губительные последствия «греческого огня» должны бы вызвать естественное желание русичей выяснить его секреты. Даже степняки и те были не прочь завладеть ими. Так, в летописи отмечается, что половецкий хан Кончак «приобрел мужа бесурменина», который стрелял «живым огнем», то есть владел секретом изготовления и применения «греческого огня» [Цит. по Захаров, 2002, с. 73]. Обнаружить источники нефти русичам при морских походах могли помочь черные полосы пены, с сильным специфическим запахом нефти. Они всегда образуются при перемыве волнами нефтяных потоков из береговых обрывов некоторых участков Киммерийского Боспора, хорошо известного русам задолго до событий 941 г. [Гадло, 1971, с. 61; Тортика, 2004, с. 378]. Но, несмотря на черноморскую трагедию 941 г., уничтожение русской армии в 943-944 гг. на каспийском побережье, Игорь (Старый) в 944 г. вновь повел на Византию огромное сухопутное войско и флот, «как будто греческий огонь его ничему не научил» [Гумилев, 2002, с. 208]. А не объясняется ли такое упорство князя просто – нефть и опасные свойства боевых смесей, изготовленных на ее основе, были известны в Киевской Руси задолго до событий 941 г.?

Уже упомянутая практика торговли нефтью в античное время заставляет предполагать, что этот товар был в ходу и в раннем средневековье. Действительно, раз русские купцы постоянно торговали с Византией, то нефть могла быть объектом торговых операций. Из истории Хазарского каганата известно, что в X в. его территория практически вплотную приближалась к левобережью Днепра [Гумилев, 2002, с. 201]. В 799 г. отмечено нашествие хазар на государство в Прикаспии и Закавказье, в котором принимали участие отряды русов [Гумилев, 1993, с. 286]. В начале X в. флот русов оперирует на Каспии против врагов хазарского царя. Все это дает основания утверждать, что киевские князья могли знать свойства нефти и местоположение ее естественных выходов в среднем течении Терека и на «азербайджанском» побережье. В этих

местах высококачественную нефть добывали в примитивных копанях на поверхности земли для отопления и гудронирования крыш.

Особый интерес представляет сюжет, относящийся к той части «Повести временных лет», в которой описывается месть княгини Ольги за убийство древлянами мужа, князя Игоря: «Пришедшим древлянам приказала Ольга изготовить баню, говоря им так: «Вымывшись, придите ко мне». И разожгли баню, и вошли в нее древляне и стали мыться; и заперли за ними баню, и повелела Ольга зажечь ее от двери, и сгорели все» [ПВЛ, 1969, с. 43]. У М.В. Ломоносова говорится: «Ольга повелела их просить после труда дорожного в баню по обычаю российскому, в которой обложенным хворостом зажжены и обращены в пепел» [Ломоносов, 2007, с. 72]. Между тем, Г. Лебедев воспроизводит в своей статье русскую миниатюру, из которой видно, что древляне располагаются внутри помещения. Огонь распространяется не от подожженных стен и дверей, тем более хвороста снаружи, а от очага, в который извне дружинники подсыпают (древесный уголь?) или подливают (масло или нефть?) горючее вещество (рис. 2). Обращает на себя внимание то, что исполнители приказа Ольги близко не подходят к бане, а таинственное вещество подсыпают или подливают с помощью ковша на длинном древке.

Разумеется, приведенного факта совершенно не достаточно для того, чтобы определенно говорить не только о знакомстве, но и использовании в Киевской Руси нефти. Хотя она имела важное хозяйственное значение - от освещения помещений взамен лучин до отопления и обработки крыш и корпусов лодок. Но ни в летописях, ни в исторических исследованиях на этот аспект проблемы прямых указаний не обнаружено. Правда, в описании похода Ивана IV на Новгород в 1570 г. говорится: «И во мнозех неисповедимых, горьких и различных муках повеле государь телеса их некоею составною мудростию огненной подъжигати, иже именуемаго подъжаром... (то есть легко воспламеняющейся жидкостью сложного состава)» [Повесть..., 1969, с. 481]. Известно, что в 1559 г. русскими был покорен город Терки, находившийся на одном из рукавов Терека [Шишов, 2005, с. 13]. В 1563 г. строится укрепление на Тереке, а в 1567 г. – напротив устья Сунжи (приток Терека) сооружается новый укрепленный городок. Традиционно считается, что эти мероприятия предназначались, с одной стороны, для укрепления политического союза с Кабардой, с другой – перекрытия путей набегов крымских орд на Прикаспий [Карамзин, 2009, с. 665]. Но одновременно не преследовалась ли иная цель – получение контроля над месторождениями нефти в Притеречном районе? В этой связи интересно обратить внимание на то, что Святослав, совершая свой беспримерный поход против Хазарского каганата, осуществил набег на Семендер, к тому времени не имевший серьезного военного значения и далеко отстоявший от основных опорных баз каганата. По мнению Л.Н. Гумилева, твердо доказано, что Семендер располагался между станцией Гребенской

и Шелковской, то есть в Притеречном регионе [Гумилев, 2002, с. 232.]. Может быть, наряду с иными задачами князь отыскивал участки выхода нефти?

Рассматривая трагедию 941 г., историки отмечают: «...Игорь ушел через Азовское море, избегая тем, конечно, засады печенегов на Днепре» [Приселков, 1939, с. 101]. Фактически речь идет о совместной акции печенегов с союзными им понтийскими пиратами, перекрывшими вход в Днепро-Бугский лиман. Вероятно, в ряду мероприятий, направленных империей против набегов русских дружин в тот период, является разрушение водного пути, прежде связывавшего Азовское и Черное моря на Перекопском участке Северного Крыма: «Этот канал при Константине (то есть в X в. н.э.) был завален землей» [Беэр, 1767, с. 43].

По условиям договора 945 г. Киева с Византийской империей русам запрещалось даже «зимовати въ устьи Днепра, Белобережье (Днепро-Бугском лимане), ни у святого Елферья (ныне полуостров Кинбурн)» [Лебедев, 1988, с. 38]. Нетрудно предположить, что в этих условиях они активно осваивали проходы через Азовское море и степные реки Северного Приазовья, в те времена бывшие гораздо многоводнее и глубже. В складывающихся политических и военных условиях острой была необходимость обретения постоянной базы не только на западном побережье Черного моря [Рыбаков, 2003, с. 70], но и в Керченско-Таманском регионе. Крым, северо-западная часть Черного моря и северное Приазовье для этой цели не подходили из-за их контроля византийцами и половцами, договорных обязательств с Византией: «Яко николи же помышлю на страну вашу, ни собираю вои, ни языка иного приведу на страну вашу и елико есть под властью греческою...» [Цит. по Гадло, 1971, с. 67]. Наибольший интерес представлял Таманский полуостров, хотя еще и находившийся под контролем Хазарского каганата. Сочетание выгодного стратегического положения и наличие источников военно-стратегического сырья и побудило киевских князей предпринять действия по захвату полуострова. Толчком к военной акции против этой опорной территории каганата наверняка являлись сведения о катастрофическом положении Хазарии в результате подъема уровня Каспийского моря, о чем пойдет речь ниже.

Анализ хазаро-еврейских письменных источников дает основание историкам сделать вывод, что хазарские заставы в Керченском проливе и крепость Таматарха (Самкерц) позволили отбить первую попытку военной акции русов во главе с Хельгу (Олегом) по захвату полуострова, вероятно, в первой четверти X в. [Тортика, 2004, с. 380]. Считается, что и в дальнейшем они обеспечивали хазарский контроль над Азовским морем и Керченским проливом. При этом источники указывают, что хазарский царь не имел морских судов, а его люди не имели навыков мореплавания [Тортика, 2004, с. 378]. Учитывая, что ширина Керченского пролива в тот период по разным оценкам достигала 19-35 км (современная ширина пролива по линии корень Камыш-Бурунской косы –

р. Тузла 14-15 км) непонятно, какими военными средствами хазары могли воспрепятствовать проходу чужих судов? Некоторым сдерживающим фактором могли быть катапульты, «обстреливающие» акваторию горшками с подожженной нефтью, да и то только в том случае, если они устанавливались на островах посредине фарватера. Помочь хазарам могли пиратские корабли, но ведь в этом случае они должны были «дежурить» круглогодично.

Существенное значение для понимания роли Таманского полуострова и его нефтяных месторождений в возникновении Тмутараканского княжества имеет анализ военно-политических действий киевских князей. В первую очередь интересна география восточных походов Святослава, с именем которого и связаны первые сведения о Тмутараканском княжестве. Резонно предположить, что если нефть была важным побудительным мотивом захвата полуострова, то и начинаться восточные походы должны были бы из этого региона Азовского моря. Однако только С.П. Толстов считал, что князь из Киева спустился по Днепру, обогнул Крым и, захватив Таманский полуостров, отправился вверх по Дону на борьбу с Хазарским каганатом [Толстов, 1948, с. 250]. Большинство иных авторов предпочитают рассматривать один поход в течение 964 - осень 965 гг. по маршруту Киев – земли вятичей – Булгар – Волга – Итиль [Лунин, 1949, с. 127; Гадло, 1971 с. 63; Сахаров, 1987, с. 47; Чарный, 2000, с. 2-29; Рыбаков, 2003, с. 81]. Б.В. Лунин, используя собственные материалы обследования Саркела и данные раскопок М.И. Артамонова, полагал, что это был единый поход, осуществленный в 966-967 гг. [Лунин, 1949, с. 127]. Еще сложнее были представления Л.Н. Гумилева, введшего в научный оборот географические данные о значительном подъеме уровня Каспия в тот период [Гумилев, 2002, с. 227]. По поводу завоеваний Саркела, Семендера и Тмутараканского княжества существуют различные воззрения. Б.В. Лунин полагал, что Тмутараканское княжество было завоевано на пути через Северный Кавказ к Черному морю [Лунин, 1949, с. 127]. А.В. Гадло утверждал, что после зимовки на Таманском полуострове весной 965 г. дружина Святослава направилась вверх по Дону, к Саркелу [Гадло, 1971, с. 60]. С.А. Чарный критически рассматривает схему Л.Н. Гумилева, выдвигая версию, согласно которой, второй поход 968-969 гг. на Итиль – Семендер (Самандар) осуществили скандинавы [Чарный, 2000, с. 31].

Поскольку отправной точкой всех построений является русская летопись и сообщение Ибн-Хаукаля, вряд ли можно предложить еще какие-то иные версии, если не обращаться к природным данным. В частности, принципиальное значение имеет указание о специфике уровня режима Каспийского моря: «Если в III в. уровень Каспия стоял на отметке –36 м, то в конце XIII в. он достиг –19 м, т.е. поднялся на 17 м. Для крутых берегов Кавказа и Ирана это большого значения не имело, но для пологого северного берега, где располагалась Хазария, эта трансгрессия стала катастрофой... Хазарам пришлось

покинуть затопленную страну... » [Гумилев, 2002, с. 227]. По поводу абсолютных значений подъема уровня можно спорить. Существуют различные оценки, однако сам факт трансгрессивного подъема уровня моря невозможно игнорировать, рассматривая восточный поход Святослава в 964-967 гг.

На опубликованных палеогеографических схемах разновозрастных палеodelьт Нижней Волги видно, что на рубеже 4-1,5 лет тому назад уровень Каспия находился по крайней мере на 6-11 м выше того, который фиксировался в третьей четверти XX в. (около 29 м в Балтийской системе высот) [Леонтьев, 1982, с. 3; Рычагов и др., 2010, с. 75]. При этом не только дельта Волги вплоть до Астрахани, но и часть русла реки, примерно в 120 км севернее Астрахани, находились под водой. Соответственно, значительные пространства калмыцких степей и часть территории Дагестана были обводнены. Поскольку Кумо-Манычский прогиб выполнен морскими отложениями, то такое подтопление, несомненно, сказалось на возникновении гораздо большего числа озер, стариц и лагун, чем ныне. Особо следует учитывать наличие на огромной территории тысяч так называемых Бэровских бугров, разделенных довольно глубокими ложбинами. Следствием подъема уровня моря было также резкое возрастание глубины и ширины всех рек, впадающих в Каспий (эффект гидравлического подпора речного стока).

Учитывая изложенные факты, нетрудно предположить, что реальные природные условия X в. обеспечивали Святославу гораздо более благоприятные условия похода, чем это предполагают историки. Обращает на себя внимание очень частое упоминание топонима Саркел, при том, что Итиль встречается редко, в основном, у Ибн-Хаукаля [Чарный, 2000, с. 27]. Вероятнее всего, в случае трансгрессивного затопления северного берега Каспия морскими водами этот город в тот период вообще был заброшен, на что справедливо указывает Н.Л. Гумилев. Автор настоящей статьи во второй половине 1980-х гг. производил шурфовки отложений дельты Волги. В том числе работы велись и в пределах пос. Самосделка, где местными жителями было найдено немалое число старинных артефактов, указывавших на наличие погребенного города. Здесь в 1990 г. археологическими раскопками обнаружен город Саксин. Высказывались предположения, что под ним располагается еще больший город, возможно, Итиль. По данным наших шурфовок под слоем аллювиальных заиленных песков мощностью около 1,5-2 м, на удаленных от русла частях дельты залегают морские илы. То есть Итиль, вероятнее всего, был быстро перекрыт толщей аллювиально-морских отложений в условиях длительного подтопления. Население либо вынуждено было откочевывать во временные жилища далеко на север, либо перебираться на жительство в старую столицу – Семендер. Не этим ли была вызвана необходимость выхода войска Святослава в Каспий и его передвижение вверх по Тереку, к Семендеру?

В рассматриваемый период в Азовском море также произошло небольшое повышение уровня, видимо, не более 1-1,5 м выше современного его положения. На таких трансгрессивных фазах всегда отмечается гидравлический подпор речного стока. Например, в конце 1990-х гг. исследователями Донской устьевой станции и МГУ зафиксирована аномальная водная призма с повышенными среднегодовыми уровнями, располагающаяся на 60 км вверх по руслу от устья Дона [Михайлов и др., 2001, с. 651]. Этот феномен проявился при подъеме уровня моря всего на 0,1 м. Очевидно, что при подъеме уровня на 1 м и более последствия гидравлического подпора охватят гораздо большую протяженность речной долины. Соответственно, и условия плавания в верховьях Дона, а скорее всего и по руслу Маныча, были совершенно иными, как и водность р. Кума. Не имея возможности строго доказать факт существования единой (или с разрывами меньшей протяженности, чем на водоразделе Дона с Волгой) водной артерии Дон – Маныч – Кума – Каспий автор полагает, что этот путь из Азовского в Каспийское море был гораздо более простым и быстрым, чем водно-пеший маршрут от Дона к Волге. При такой схеме устраняется неопределенность в передвижении войск. К тому же только использование судов могло дать возможность перевозить в походе емкости с нефтью и ее производными.

Однако исторические и археологические материалы пока не предоставляют даже косвенных доказательств того, что нефть в этом походе Святославом использовалась, а захват Таманского полуострова был обусловлен подготовкой к походу на Хазарию. Возможно, Святослав и использовал боеприпасы на основе нефти при взятии Саркела, однако доказать это весьма трудно. Под воздействием факторов физического выветривания и нефтеокисляющих бактерий нефть и ее производные на открытом воздухе довольно быстро окисляются, разлагаясь на простые соединения. Доказательством роли нефти в военном быту русов могло бы быть обнаружение корпусов ладей, пропитанных тяжелыми фракциями нефти, неким подобием битумов. Такой способ отличался от практики варягов, применявших для повышения водонепроницаемости корпусов судов смолу сосны. Несколько лет назад, по сообщениям СМИ, при проведении противооползневых работ на острове Хортица была обнаружена древнерусская ладья. Однако данных археологических исследований этого артефакта отыскать пока не удалось.

Считается, что первое официальное свидетельство о Тмутаракани встречается в русских источниках в 988 г., когда на Тмутараканский престол был посажен князь Мстислав [Захаров, 2002, с. 58]. Интересно, что в 987 г. произошло землетрясение, уничтожившее много городов на значительной части территории Греции и вызвавшее разрушение купола Св. Софии в Константинополе [Пономарев, Сериков, 1995, с. 179]. Скорее всего, землетрясение произошло примерно в той же геодинамической обстановке, которая характерна для конца XX–начала XXI вв. [Илюхин, Шестопалов, 2007, 13]. В этом случае

геологические структуры Крыма, в противоположность Анатолийским, смещались на восток, вызывая нисходящие тектонические движения на Таманском полуострове. Следовательно, можно предполагать, что на рубеже 987-988 гг. произошло резкое возрастание дебита нефтяных ям и толщ. Появление князя Мстислава в Тмутаракани случайно или осмысленно совпало с фазой возрастания ценности Таманского полуострова в качестве источника стратегического сырья. Судя по всему, такое состояние минерально-сырьевой базы полуострова сохранялось вплоть до 1022 г., когда Мстислав пошел походом на касогов [Захаров, 2002, с. 59]. Возможные мотивы такого похода рассмотрены ранее.

В 1094 г. Таманский полуостров сотрясло мощное землетрясение, приведшее к разрушению православного монастыря и церкви Святой Богородицы, других важных городских сооружений. Еще более масштабные разрушения произошли в пределах Голубицкого останца (ныне ст. Голубицкая), где располагался другой важный населенный пункт княжества. В.А. Захаров считает, что уже в начале XIII в. письменных свидетельств о том, что происходило в Тмутаракани, нет. Это, вероятно, указывает на утрату контроля русских князей над таманской территорией [Захаров, 2002 с. 73]. Снижение активности киевских князей на Таманском полуострове, возможно, произошло вследствие сочетания ряда неблагоприятных факторов – острых внутренних противоречий между князьями Киевской Руси в условиях резкого возрастания давления степняков [Приселков, 1939, с. 104], активизации торговой и, отчасти, военной экспансии венецианцев в Азово-Черноморский регион, последовавшей за хрисовулом Комнина 1082 г. [Приселков, 1939, с. 105]. В начале XIII в. крестоносцы захватили Константинополь. Причем к этому времени, как считает С.П. Карпов, «греческий огонь» был уже архаикой. В военной практике греков все шире используются модификации баллист, а с середины XIV в. – огнестрельное оружие (устное сообщение С.П. Карпова). Если эти события происходили на фоне очередного геодинамического потрясения полуострова, сопровождавшегося снижением дебита нефтяных источников, важных для хозяйственных целей, станет понятной потеря интереса к Тмутаракани, к тому же гражданская и духовная инфраструктуры которой были разрушены землетрясениями. Русь же начала испытывать мощное давление татаро-монгольских орд, что полностью исключило возможность поддержания торговых и военных связей с этой территорией.

ЛИТЕРАТУРА

- Абих Г.В.* Геологический обзор полуостровов Керчи и Тамани // Зап. Кавказск. Отдела Императорского Геогр. Об-ва. 1873. Кн. VIII.
- Анфимов Н.В.* Средневековые амфоры с нефтью с Таманского полуострова // КСИИМК. 1953. Вып. XLIX.
- Апостолов Л.Я.* Географический очерк Кубанской области // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 23. 1897.
- Беэр Ф.* География Российская. СПб. 1767.
- Воскобойников Н.И., Гурьев А.В.* Геогностическое описание полуострова Тамань, принадлежащего Черноморскому войску. Горный журнал. 1832. Ч. I, кн. 1.
- Гадло А.В.* Восточный поход Святослава (к вопросу о начале Тмутараканского княжения). В сб.: Проблемы истории феодальной России. Л. Изд-во ЛГУ., 1971.
- Гайдукевич В.Ф.* Боспорское царство. М.; Л., 1949.
- Гумилев Л.Н.* Тысячелетие вокруг Каспия. М., 1993.
- Гумилев Л.Н.* Древняя Русь и Великая степь. М. АСТ., 2002.
- Гуркин С.В.* Некоторые вопросы русско-византийских отношений середины XI –первой трети XII вв. В сб.: Историческая география Дона и Северного Кавказа. 1992.
- Захаров В.А.* Где находился город Росия? // Сб. Русского исторического общества. М., 1999. Т. 1 (149).
- Захаров В.А.* Тмутараканское княжество // Сб. Русского исторического общества. М., 2002. Т.4. (152).
- Илюхин С.Р., Шестопалов В.Л.* Исследования геодинамики региона Крым – Западный Кавказ методами GPS- измерений // Изв. ВУЗов. Геодезия и картография. 2007. № 3.
- Казьмин В.Г., Лобковский Л.И., Пустовитенко Б.Г.* Современная кинематика микроплит в Черноморско-Южно-Каспийском регионе // Океанология. 2004. Т. 44. № 4.
- Карамзин Н.М.* История государства Российского. М. «АСТ», 2009.
- Короленко П.* Черноморцы за Бугом // Военный сборник. 1868. № 5, Приложение XVII.
- Кострин К.В.* Исследование смолистого вещества из «черносмоленных» кувшинов средневековья Тмутаракани // СА. 1967. № 1.
- Кострин К.В.* Исследование смолистого осадка из амфор, найденных при раскопках Танаиса // СА. 1971. № 1.
- Лебедев Г.* Накануне // Знание – сила. 1988.
- Леонтьев О.К.* Почему не сбылись прогнозы? (к вопросу об изменениях уровня Каспийского моря) // Вестн. Моск. Ун-та. Сер. 5. География. 1982. № 4.
- Лилиенберг Д.А.* Современная геодинамика Альпийского орогенного пояса Южной Европы // Геоморфология. 1985. № 4.
- Литаврин Г.Г.* Русь и Византия в XII в. // ВИ. 1971. № 7.
- Ломоносов М.В.* Записки по русской истории. М. ЭКСМО, 2007.
- Лунин Б.В.* Очерки истории Подонья – Приазовья. Ростов-на-Дону. Ростиздат, 1949.
- Миниатюра мадридского списка Хроники Ионна Скилицы. Энциклопедия // Википедия. <http://ru.wikipedia.org/wiki>
- Михайлов В.Н., Повалишников Е.С., Зудилина С.В., Тигунцев Л.А.* Многолетние изменения уровней воды в восточной части Азовского моря и на устьевом участке Дона // Водные ресурсы. 2001. Т. 28. № 6.
- Монгайт А.Л.* О границах Тмутараканского княжества в XI в. В сб.: Проблемы общественно-политической истории России и славянских народов. М., 1963.
- Овсяченко А.Н.* Следы палеоземлетрясений и скорости смещений в зонах активных разломов краевой части Северо-Западного Кавказа. В сб.: Геофизика XXI столетия: 2005 г. М. Научный мир. 2006.

- Повесть временных лет. Библиотека всемирной литературы. В сб.: Изборник. М. Художественная литература, 1969.
- Повесть о походе Ивана IV на Новгород в 1570 г. В сб.: Изборник. М. Художественная литература, 1969.
- Пономарев А.Л., Сериков Н.И. 989 (6496) год – год крещения Руси. В сб.: Причерноморье в средние века. Вып. 2. М.: Изд-во МГУ, 1995.
- Приселков М.Д. Русско-Византийские отношения IX-XII вв. // ВДИ. 1939. № 3. 1939.
- Руммель В.Ю. Керчь, Геническ, Ейск, Темрюк, Анапа. Материалы для описания русских коммерческих портов и истории сооружения. СПб. 1896. Вып. 20.
- Рыбаков Б.А. Рождение Руси. М., АиФ Принт, 2003.
- Рычагов Г.И., Коротаев В.Н., Чернов А.В. История формирования палеодельты Нижней Волги // Геоморфология. 2010. № 3.
- Толстов С.П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.; Л., 1948.
- Тортика А.А. Боспор Киммерийский в хазарское время по данным арабо-персидских и хазаро-еврейских авторов // БИ. Вып. V. Симферополь – Керчь. 2004.
- Чарный С.А. Восточный поход Святослава киевского // Древности Кубани. Краснодар. 2000. Вып. 16.
- Шишов А.В. Схватка за Кавказ. XVI-XX века. М.: Вече, 2005.
- Шнюков Е.Ф., Орловский Г.Н., Усенко В.П. и др. Геология Азовского моря. Киев, 1974.

Ю.В. Артюхин

НАФТА ЯК ФАКТОР ДЕЯКИХ СЕРЕДНЬОВІКОВИХ ПОДІЙ В АЗОВО-ЧОРНОМОРСЬКОМУ РЕГІОНІ

Резюме

В основу дійсного дослідження покладена концепція Литаврина-Захарова, згідно якої повернення князя Олега у 1083 р. з візантійського ув'язнення на Тмутараканський престол пояснювалось потребою імперії у нафтових джерелах Таманського півострова. Аналізуються протиріччя і деякі невідповідності мотивів цієї події природним та історичним свідцтвам. Разом з тим, концепція дозволяє висунути гіпотезу важливої ролі нафтових родовищ цього регіону у відродженні Тмутараканського князівства. Розглядаються природні та історичні дані, які підтримують або суперечать гіпотезі.

Ю.В. Артюхин

НЕФТЬ КАК ФАКТОР НЕКОТОРЫХ СРЕДНЕВЕКОВЫХ СОБЫТИЙ В АЗОВО-ЧЕРНОМОРСКОМ РЕГИОНЕ

Резюме

В основу настоящего исследования положена концепция Литаврина-Захарова, согласно которой, возвращение князя Олега в 1083 г. из византийского заточения на Тмутараканский престол объяснялось потребностью империи в нефтяных источниках Таманского полуострова. Анализируются противоречия и некоторые несоответствия мотивов этого события природным и историческим сведениям. Вместе с тем, концепция позволяет выдвинуть гипотезу важной роли нефтяных месторождений этого региона в возникновении Тмутараканского княжества. Рассматриваются природные и исторические данные, поддерживающие или противоречащие гипотезе.

Y.V. Artyukhin

OIL AS THE FACTOR OF SOME MEDIEVAL EVENTS IN THE SEA OF AZOV AND THE BLACK SEA REGION

Summary

The concept of Litavrin-Zakharov that the return of Prince Oleg on Tmutarakan throne from the Byzantine confinement in 1083, is explained by the need of the Empire for oil sources in the Taman Peninsula, serves the basis of this study. The motives of the event that contradict and do not correspond to the natural and historical data, are analyzed in the article. However, the concept allows to formulate a hypothesis about the important role of the oil deposits in the mergence of Tmutarakan principality. Natural and historical data that support or contradict the hypothesis, are discussed in the article.

Рис. 1. Использование «греческого огня». Миниатюра Мадридского списка Хроники Ионна Скилицы

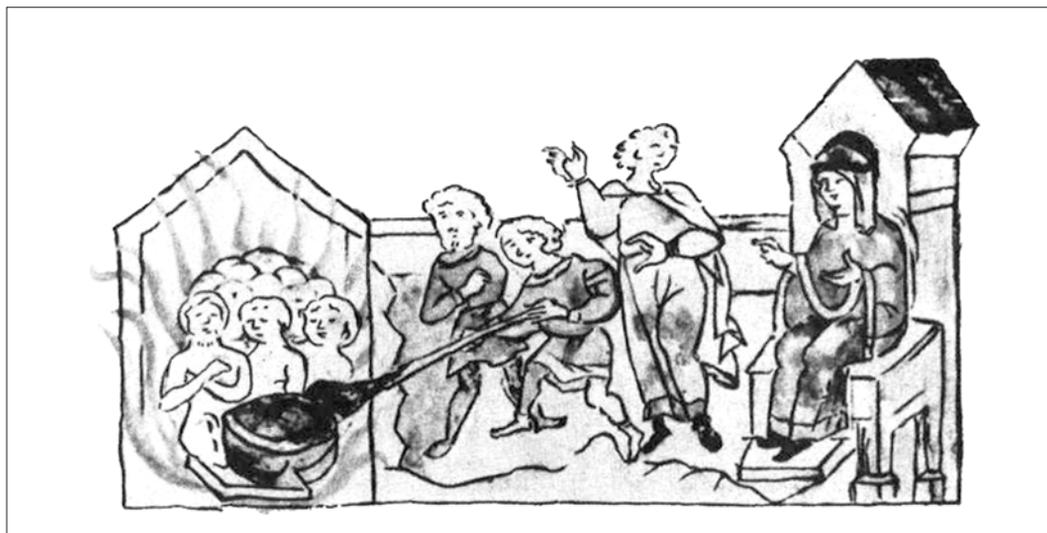

Рис. 2. Русская миниатюра. Древлянских послов по распоряжению княгини Ольги сжигают в бане. 945 г.

Д.А. ПРОХОРОВ

ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ОСНОВНЫЕ ЗАНЯТИЯ КРЫМСКИХ КАРАИМОВ В XIII–XVIII ВВ.: РАЗВИТИЕ РЕМЕСЕЛ, ПРОМЫСЛОВ И ТОРГОВЛИ

Вопросам, связанным с историей караимских общин, существовавших на территории Крымского полуострова, посвящено значительное число публикаций отечественных и зарубежных исследователей. В числе трудов, в которых анализируются проблемы, связанные с участием караимов в различных сферах хозяйственной и экономической жизни региона, необходимо назвать работы Ф.Ф. Лашкова, А.И. Маркевича, А.Г. Герцена, Ю.М. Могаичева, М.Б. Кизилова, Л.В. Чижовой, А. Галенко, Д. Шапира. Важным источником для изучения истории развития в караимских общинах различных ремесел, промыслов и торговли являются записки путешественников, в разное время побывавших на полуострове, – прежде всего, это сочинения И. Шильтбергера, М. Броневского, Э. Челеби, Ж. Ромма, И. Тунманна, барона Тотта, П.И. Кёппена, П.И. Сумарокова, П.С. Палласа, Э. Кларка, М. Гутри, Р. Лайалла, Ф. Дюбуа-де-Монпере, Р. Хебера. Свои заметки о посещении Крыма (в которых имеются упоминания о традиционных занятиях караимов) оставили также: писатели А.С. Афанасьев-Чужбинский, В.В. Измайлов и Г.В. Гераков, польская путешественница Пюта (псевдоним Елены Скимунт), Л. Хлебницки-Юзефович, княжна Е. Горчакова, О. Шишкина, С. Элиот, Э. Хендерсон, француженка А. Омер де Гель, немцы Ф. Реми, А. ф. Хакстхаузен и Й. Коль, а также многие другие.

Целью предлагаемой статьи является обобщение уже известных на сегодняшний день данных о развитии в крымских караимских общинах различных видов ремесел и промыслов, о традиционных занятиях караимов, а также об их участии в экономической и хозяйственной жизни полуострова в XV–XVIII вв., и, в частности, в период существования Крымского ханства. Актуальность работы обусловлена тем, что некоторые из публикаций на указанную тему содержат достаточно противоречивые и, зачастую, противоположные друг другу выводы.

Дискуссия об истории караимов и времени их появления в Крыму длится уже почти два столетия. В академической литературе принято считать, что караимы появились в Восточной Европе уже в послехазарское время, и остатки иудайзированных хазар едва ли могли оказать на них сколько-нибудь серьезное

влияние. По другой версии, впервые выдвинутой российскими ориенталистами В.Д. Смирновым и В.В. Григорьевым, поддержанной и развитой караимским гахамом С.М. Шапшалом, и которой сегодня придерживаются некоторые авторы, современные караимы являются прямыми потомками хазар. Серьезным доказательством в вопросе о времени появления караимов в Крыму могут стать публикации А. Федорчука, проведшего исследование и каталогизацию надгробных памятников на крымских караимских кладбищах (прежде всего – на кладбище «Балта Теймез» в Иосафатовой долине под Бахчисараем) [Федорчук, 2007, с. 33, 34; Федорчук, 2008, с. 212–227].

Судя по дошедшим до нас письменным источникам, первые свидетельства о пребывании караимов на Крымском полуострове датированы серединой XIII в. [Дортелли д'Асколли, 1902, с. 118; Кругосветное странствие, 2004, с. 266, 267; Вихнович, 1996, с. 198; Кизилов, 2004-а, с. 258]. Переселившись в Крым из Персии, Бухарии и Черкессии, караимы избирают местом жительства такие города, как Солхат, Кафа, Карасубазар, Чуфут-Кале (Кырк-Йер), Мангуп, а впоследствии Гезлёв и ряд других населенных пунктов полуострова [Кеппен, 1837, с. 289, 290; Шильтбергер, 2004, с. 52; Герцен, 1998, с. 744–751; Герцен, 2000-а, с. 58–61; Кизилов, 2001, с. 245; Кизилов, 2003, с. 124].

В связи с этим следует также заметить, что в различных источниках XV–XVIII вв. встречается несколько форм экзоэтнонимов караимов. Известно, что в официальных документах Крымского ханства всех представителей иудейских общин именовали *иехуди*, или *яхуди* (*ягуди*, *яхудилер*). При этом необходимо подчеркнуть, что под термином «иудеи» могли подразумеваться как собственно караимы, так и еврей-раввинисты, поскольку различия между ними в Крымском ханстве не делалось (кроме того, большинство источников XIII–XVIII вв. также не отличало караимов от приверженцев талмудического учения, что, в определенной степени, создает для исследователя проблему терминологического характера). В известной степени это относится и к документам ханской администрации, а также непосредственно к ханским ярлыкам, в текстах которых ряд исследователей (В.В. Григорьев, В.Д. Смирнов) упоминание об иудеях однозначно трактовали в пользу караимов.

Необходимо отметить, что наиболее распространенным в караимских общинах Юго-Западного Крыма являлось крупное и мелкое скотоводство. Так, например, в ханских ярлыках и фирманах (или ферманах – указах, охранных грамотах), узаконивавших права населения Чуфут-Кале на земельные участки, упоминается о принадлежавших чуфут-кальской караимской общине землях в округе Бахчисарая, на которых производился выгон скота [Фиркович, 1890, с. 88–96]. В ярлыках, выданных в 1459 г. и 1468 г. крымскими ханами жителям Чуфут-Кале (среди которых упоминаются мусульмане, христиане, а также «ягуди» – караимы или еврей-раввинисты), речь идет о запрете ловить арканами волов и другой скот, принадлежавший членам вышеперечисленных общин [Смирнов, 1918, с. 8, 9, 11].

Ханский ярлык 1590 г.¹ провозглашал Аметшу-бея начальником крепости Кырк-Йер с тем условием, чтобы тот поступал с жителями города и его округи – мусульманами, христианами, иудеями – по законам, и предоставлял следующие привилегии: «с головы крупного скота он [Аметша-бей] должен брать в казну только 6 акче², а с барана и козы только 1 акче» [Протокол, 1912, с. 27]. Однако уже в ярлыке, выданном в сентябре 1608 г. ханом Селямет-Гераем I населению Чуфут-Кале³, сообщалось, что «беку города [Чуфут-Кале] Ахмед-Паше в Нашем заседании Дивана в присутствии иудеев сделано было порицание, внушение и запрещение, чтобы он с течением времени с народа иудейского не требовал не новшеств, ни взиманий, ни удержек, ни выходового, ни расходов, ни так называемого налога, ни рабочей повинности, ни службы». В этот перечень входила и т.н. «подводная» повинность (т.е., у караимов было запрещено брать лошадей и подводы для нужд беев) [Фиркович, 1890, с. 64–66]. Подтверждение права караимов Чуфут-Кале на выгон скота в границах, установленных прежними ханами, было выдано в 1610 г. ханом Джанибек-Гераем I (в связи с конфликтом, возникшим относительно территорий, занятых членами греческой общины под посевами), в 1635 г. – ханом Инайет-Гераем; в 1642 г. – ханом Мухаммед-Гераем IV и др. [Фиркович, 1890, с. 72, 73, 77–79, 83]. Отметим также, что в *дефтерах* (тетрадах) кадиаскера Мустафы, датированных 1608–1613 гг., сообщалось о том, что караимы Чуфут-Кале в 1612 г. были вынуждены обратиться в кадиаскерский суд с иском к жителями дер. Майрум (как к мусульманам, так и к представителям «райи»⁴) по вопросу о неправильном, по их мнению, размежевании спорного участка пастбищной земли, расположенной между Чуфут-Кале, дер. Тепе-Керман, Кыз-Керман и Рамазан-Салой. Чуфут-кальские караимы заявили, что жители Майрума «без всякого повода вспахивают и засевают» часть земли, находившейся в собственности семи *джамаатов* (общин). Выслушав представителей джамаатов Бахчисарая, Салачика, Азиза, Качи, Кильяна, Шуры и Чуфут-Кале и осмотрев земельный участок, кадий признал спорный выгон общим, принадлежащим общинам всех лежащих

¹ Приведенная в «Известиях ТУАК» датировка ярлыка хана Девлет-Герая I ошибочна (999 г. хиджры соответствует 1590 г. н.э., а Девлет-Герай I, как известно, умер в 1577 г.) [Девлет-Герай I, 1901, с. 248]. По-видимому, следует атрибутировать этот ярлык как принадлежавший хану Газы-Герая II.

² Акче – мелкая серебряная монета, длительное время имевшая хождение на территории Крымского ханства.

³ Подлинность этого документа часто подвергается сомнению, поскольку при опубликовании ориенталистом В.Д. Смирновым использовался не оригинал, а факсимильная копия из коллекции историка и востоковеда В.В. Григорьева, что и дало основание сомневаться в аутентичности ярлыка Селямет-Герая I [Фиркович, 1890, с. 61].

⁴ «Райи», «райя» – в Османской империи и в Крымском ханстве особое сословие с низким социальным статусом, подлежащее высокому налогообложению. В райю включалось все немусульманские подданные, независимо от своего социального статуса.

поблизости деревень, таким образом, аннулировав *седжилъ* (разрешительную записку), выданную караимам прежним кадиаскером и гласившую, что выгонная земля является их собственностью [Лашков, 1887, с. 5, 6, 39; Лашков, 1896-б, с. 86–88, 90].

О караимах того периода многие средневековые авторы также сообщают как об искусных торговцах и ремесленниках. Следует сказать, что занятие кожевенным ремеслом было особенно популярным среди караимов – караимские ремесленники были заняты во всех стадиях этого производства: от выделки грубых, или т.н. «мангупских» кож, до изготовления тонких сафьянов, седел, обуви, изделий из войлока. О том, что в хозяйстве у караимов превалировало кожевенное ремесло, обработка телячьих и козьих шкур, сообщали многие путешественники, в разное время побывавшие на полуострове, – турецкий автор Э. Челеби, французский глава миссии доминиканских монахов в Кафе Э. Портелли⁵ д’Асколли, Ж. Ромм, Ш. де Пейсонель [Челеби, 2008, с. 79, 80; Дортелли д’Асколли, 1902, с. 121; Петрова, Прохорова, 2009, с. 93, 119]. О занятиях караимов кожевенными промыслами свидетельствовали немецкий купец Н.Э. Клееман, ученые П.И. Кеппен и П.С. Паллас – последний указывал на то, что для выделки кож караимы использовали цистерны, вырубленные в скалах, в частности, Мангуп-Кале [Клееман, 2004, с. 168; Кеппен, 1837, с. 290; Паллас, 1881, с. 133]. При проведении раскопок в Чуфут-Кале были открыты два производственных комплекса по обработке шкур – один из них находится в естественном гроте между Кичик-Капу (Мальми Южными воротами) и Пенджере-Исар. К этому комплексу производственных сооружений относятся вырубленные на выступе скалы ямы прямоугольной формы. Вторая кожевенная мастерская была устроена в овраге под Кичик-Капу, где также были обнаружены высеченные в выступах прямоугольные ямы; датируется она XV–XVI вв. [Чижова, 2001, с. 86].

Необходимо подчеркнуть, что установленные ранее размеры пошлин, взимаемых с немусульманского населения, в частности, Чуфут-Кале, оставались неизменными довольно длительное время. Например, в фирманах, пожалованных ханами крымскотатарским беям, неоднократно упоминается о том, что представители караимской общины должны были платить соответствующие налоги за занятие кожевенным ремеслом. В ярлыке хана Бегадыр (Бахадыр)-Герая I, выданном им в 1637 г. одному из беев Яшлавских Джантемир-бею, подтверждалось, что последний может продолжать взимать подати с населения Чуфут-Кале «деньгами и произведениями со скота, овощей, вина, недвижимой собственности, с каждой души, с каждого заключенного брака» [Лашков,

⁵ В первых изданиях заметок доминиканца д’Асколли была допущена ошибка в написании имени монаха, перекочевавшая затем в более поздние публикации [Дашкевич, 1891, с. 172–181; Дортелли д’Асколли, 1902, с. 89–180]. Критические замечания к первым релициям были опубликованы в недавнее время [Eszer A., 1971, P. 181–234; Eszer A., 1972, P. 199–249].

1895-а, с. 75; Лашков, 1895-б, с. 88]. Кроме того, Джантемир-бей, как владелец Кырк-Йера, имел право взимать с подвластного ему населения следующие подати: «от убоя каждой скотины – 6 акче, от арбы с овощами – по 1 акче, от арбы с припасами или товарами – 4 акче, от бочки с привозимого или отвозимого (в Кыркор?) вина – 15 акче, а сверх того «подушные деньги» [Лашков, 1895-б, с. 88].

В годы правления хана Селямет-Герая I (1608–1610) т.н. «овечий сбор» составлял по 1 акче с каждого барана, а с других съестных продуктов «законной десятины – по одной десятой»; свыше этого хан запрещал беям взимать налог с караимов [Фиркович, 1890, с. 64]. В фирмане Менгли-Герая I, выданном Шахмурзе-бею (Шаган-бею) Яшлавскому в 1720 г., указаны размеры податей, взимаемые с жителей, занятых скотоводческим промыслом: «за производимый иудеями и армянами в Чуфут-Кале торг взимать <...> если будут заниматься резничеством скота и продажей говядины, то с каждой рогатой скотины взыскивать по шесть акче денег, с каждой овцы и козы – по одной акче <...> с подданных самого бея иудеев, армян и татар, – с привозимых ими в свое жительство кож, разного товара и кумача, какие позволяется им ввозить и в другие места, куда пожелают для продажи, – то с таковых должно брать по установленной пошлине» [Маслов, Миллер, Никольский, 1930, с. 28, 29]. Сырые кожи ввозились в Крым запорожцами (через Перекоп), а сухие – поставлялись из Астрахани и Аккермана [Историческое обозрение, б.г., с. 11].

Однако ситуация изменилась с приходом к власти хана Шагин-Герая (первое правление в 1777–1782 гг.; второе правление в 1782–1783 гг.). В 1777 г. денежный оброк, налагавшийся на все население ханства, «не выключая никаких народов», был повышен и заключался в выплате по 340 акче⁶ с каждого поля, которое можно было обработать за один день, по 2 пара⁷ за каждую овцу и по 6 пара – за единицу рогатого скота (этот налог платили не только представители немусульманского населения, но и сами крымские татары) [Сумароков, 1805, с. 30; Лашков, 1895-в, с. 108]. В 1780 г. ханский откупщик Абдул Хамит Ага и его помощники Аджи Мегмет, Мулла Омер и Мулла Ресул были наделены особыми привилегиями в соответствии с ярлыком, выданным им ханом Шагин-Гераем: «*ильтизамой*» (правом на откуп сроком на один год), позволяющим собирать «*ушуры-шерьи*» (особый налог, которым облагались «райи») с иудеев, жителей деревень Судакского, Мангупского и частично Кефинского каддыльков, с обитателей Чуфут-Кале – с обрабатываемых ими виноградников в долинах р. Бельбек, Кача и Альма 25 тыс. «гурушей⁸ в три срока по третям»,

⁶ При этом в ярлыке Шагин-Герая отдельно оговаривалось, что в каждом собранном «гуруше» должно было быть не менее 108 акче [Лашков, 1895-в, с. 108].

⁷ *Пара* – турецкая серебряная монета, бывшая в денежном обращении в Крымском ханстве в XVII–XVIII вв.

⁸ *Гуруш*, или *куруш* (араб. «гирш-гуруш», «кирш-куруш»; от слав. «грош») – общее название

а также с овец, «с рогатого скота так как и с мелкого не скотом, а деньгами по 9 коп. с каждой». Кроме того, им дозволялось «взыскивать со всяких посевов хлеба и от разных садовых плодов по урожаю, не включая сюда баштанов, улей и льна». Собственно, весь откуп был оценен для выплаты в 14 тыс. руб. Что касается использования самих обрабатываемых земель, то откупщик отдавал их в аренду и взимал плату, как уже было сказано выше, натурой: одна часть собранного урожая поступала в пользу хана, вторая – откупщику и третья – арендатору. Со скошенного арендатором сена откупщику также уплачивалась пошлина. Относительно пастбищных земель, существовавших в Крымском ханстве, следует сказать, что в годы правления хана Шагин-Герая установленные тарифы были таковыми: за выпас каждой овцы уплачивалась 1 коп.; с каждой лошади – по 10 коп.; с четырех верблюдов обязаны были отдавать одного барана или овцу, а за выпас 30 голов рогатого скота – одну двухлетнюю корову или быка [Лашков, 1896-а, с. 49]. Если же кто-либо, по словам самого хана Шагин-Герая, осмелился бы нарушить это распоряжение, тот должен был быть наказан «без упущения» [Лашков, 1895-в, с. 107, 108; Лашков, 1897-б, с. 41]. В 1782 г. общий налог «от овец и скота», поступивший в ханскую казну, составил 25 тыс. руб. (или 35 тыс. гурушей), причем содержали данный откуп ханский чиновник Мегмет Казнадар-Ага совместно с караимом Вениамином бен Самуилом Ага-Нейманом, управляющим ханским монетным двором [Лашков, 1897-б, с. 46].

Помимо лошадей, мелкого и крупного рогатого скота караимы разводили ослов, необходимых им для доставки на плато Чуфут-Кале воды, а также для верховой езды и перевозки различных грузов. Об этом свидетельствовал П.С. Паллас, причем в своем труде он замечал, что караимам было запрещено ездить на лошадях, и поэтому они использовали для верховой езды ослов, как и полагалось *зимми* (с араб.э *ахль аль-зимма*) – на территории государств, созданных мусульманами и живущих по законам шариата, немусульманские резиденты были обязаны признать господство ислама во всех сферах жизни общества и должны были уплачивать дань, *джизью*, но освобождались от уплаты *закята*, предназначенного для мусульман, и при этом находясь под защитой мусульманских законов. Зимми также называли *Ал аль-дхимма* (с араб. – «люди договора»), или *Ал аль-китаб* [Али-заде, 2007, с. 101, 102; Паллас, 1881, с. 82].

различных европейских серебряных монет, имевших хождение на Востоке. В частности, на территории Крымского ханства и в Турции западноевропейский (голландский, немецкий) талер назывался гуруш (грош). Впоследствии в Османской империи стали чеканить свой гуруш, равный 100 акче или 20 кара-бешлыкам (бешлык – монета в пять акче; кара-бешлык – фактически медный, с ничтожной долей серебра). В середине XVII в. один гуруш равнялся 80 акче (1 акче = 0,27 г серебра). До Шагин-Герая II гурушей в Крыму не выпускали, а вели на них пересчет в качестве денежной единицы. Счет также велся на «хасене» (1,5 гуруша), но такой монеты ни в Крыму, ни в Турции не существовало – под нею подразумевался западный талер. В 80-х гг. XIX в. ценность такого номинала, как «гуруш», составляла 20 коп. российскими деньгами [Бертье-Делагард, 1914, с. 163; Лашков, 1895-в, с. 111; Тунманн, 1991, с. 82].

Однако данное утверждение П.С. Палласа выглядит достаточно противоречиво на фоне текстов ханских ярлыков, где неоднократно упоминается о наличии у караимов лошадей и коней.

П.С. Паллас также сообщал, что на чуфут-кальском плато существовал «зверинец», в котором крымские ханы держали стадо благородных оленей (в 1799 г. их насчитывалось около 4-х десятков), и к ним были приставлены два надзирателя; при этом караимам запрещалось возводить на этом участке плато любые постройки [Паллас, 1881, с. 82; Лашков, 1897-6, с. 64].

Следует также заметить, что занятие караимов кожевенным ремеслом косвенно подтверждается и топонимикой полуострова. Так, например, плато Мангупа, на котором располагались караимский молельный дом, жилые кварталы и кладбище, до сих пор носит название «Табана-Дере» («Кожевенный овраг»), а прилегающий к нему мыс – Чуфут-Чеарган-бурун («Мыс вызова иудеев») [Кизилов, 2002, с. 114]. На западном склоне ущелья, рядом с одним из находящихся там источников было обнаружено расколотое корыто, выполненное из цельной известняковой глыбы. По предположению археологов, проводивших раскопки на Мангупе, это – т.н. «табана» (ванна), предназначавшаяся для вымачивания кож [Герцен, 2000-6, с. 23]. Э. Челеби сообщал, что телячья кожа, изготавливавшаяся на Мангупе, была весьма популярна в Крыму [Челеби, 2008, с. 79]. Изделия крымских кожевников ценились очень высоко: в списках вывозившихся в XVIII в. через крымские таможни товаров фигурируют сафьяны (экспортировавшиеся в Турцию и Европу), юфть, «нечиненая кожа», кожа «деланная подошвенная», шагрени, кожаные туфли, башмаки и пр. [ГААРК, ф. 802, оп. 1, д. 2, л. 1–12]. По свидетельству автора «Трактата о торговле на Черном море» французского консула в Крыму Ш. де Пейсонеля, торговля кожами и изделиями из них была весьма оживленной: «Желтые, красные и черные кожи потребляются на месте (т.е., в Крыму); большое количество их отправляется также и в Тамань для Черкесии: 20000 тура овечьих кож, называемых «mechin», а по французски «bazanes», окрашенных в желтый цвет, 10000 тура красных, 5000 тура черных и 20000 белых. Крым потребляет громадное количество этих кож для седел; много их идет также и в Черкесию» [Фелицын, 1891, с. 11].

Сведения о других промыслах караимов приводятся в ярлыках крымских ханов Хаджи-Герая I, Менгли-Герая I и Девлет-Герая I, датированных, соответственно, 864, 872, 883, 890 гг. хиджры (1460, 1466, 1479, 1486 гг. н.э.). Эти документы были переданы в 1911 г. в дар музею ТУАК потомком владельцев крепости Чуфут-Кале Кадыр-беем Яшлавским. В ярлыках (некоторые из которых были «тарханными», т.е., выданными конкретным лицам, по которым устанавливался судебный и налоговый иммунитет), жители Кырк-Йера и «местности Башлык» – мусульмане, христиане (армяне) и «ягуди» – «навсегда» освобождались от «сбора барашков», от несения постоянной, табачной, подводной, квартирной и прочих повинностей [Протокол, 1912, с. 26, 27].

Одним из наиболее распространенных в караимских общинах являлся винодельческий промысел. Сведения о том, что караимы занимались виноделием, также имеются в документах ханской администрации. Например, ярлыком 1590 г. для жителей Чуфут-Кале устанавливались такие пошлины: «с подводы винограда и фрукт 4 акче; <...> с привозимого евреями, армянами или другими христианами с Бельбека из своего виноградника вина, с бочки вина, отвозимого торговцами виноградом в Ст.[арый] Крым, Керчь, Гезлёв, Акмечеть и другие места, по 15 акче с каждой бочки». Далее в документе шла речь о том, что «если кто из жителей Кыркиера желает делать вино на Каче или на Альме на месте, то с каждого бочонка брать по 10 акче, а с каждой подводы винограда, который продается, по 7 акче». Устанавливались пошлины и на привозимые из Балаклавы, Гезлёва, Кафы и других населенных пунктов в Чуфут-Кале продукты виноделия: с каждого бочонка водки полагалось брать по 30 акче, а с бочонка вина – по 10 акче [Протокол, 1912, с. 27, 28]. О том, что в Крыму активно развивалось виноградарство, виноделие и садоводство, можно найти упоминание в записках путешественников. Так, М. Броневский сообщал, что в районе современного г. Инкермана имелись сады и виноградники, которыми, наряду с армянами и греками, владели представители крымских иудейских общин [Броневский, 1867, с. 341]. Э. Челеби отмечал, что находившиеся под Карасубазаром «бесчисленные виноградники» приносили неплохой урожай [Челеби, 2008, с. 151; Тунманн, 1991, с. 36], а Ш. де Пейсонель писал о том, что в Крыму в середине XVIII в. производилось «неимоверное количество» вина для экспорта – только в Черкессию поставлялось около 200–300 центнеров черного винограда [Фелицын, 1891, с. 24; Бахрушин, 1993, с. 327].

В фирманах, выданных Менгли-Гераем II в 1720, 1723 и 1724 гг. Шаган-бею Яшлавскому с разрешением последнему брать с населения различные подати, подтверждались ранее установленные тарифы на винодельческий промысел: «Если кто из ханских подданных будет возить с Бельбека бочками вино, то с каждой бочки взыскивать по пятнадцати акче <...> Если с Бельбека иудеи, армяне и прочие подданные будут возить со своих виноградников, то с таковых за бочку взыскивать по пятнадцати акча; кроме того, кто бы ни был с Бельбека или Альмы купит вино в подведомственных нам местах, то с таковых взыскивать с каждой бочки сто акче»; «от полной бочки вина, доставленной с р. Альма или Бельбека в ханские города, местечки ли деревни – 100 акче, <...> от каждой арбы, вывозящей виноград для продажи – 7 акче» [Лашков, 1895-б, с. 88; Маслов, Миллер, Никольский, 1930, с. 28, 29]. П.С. Паллас свидетельствовал, что в Карасубазаре местные жители, «особенно евреи», с большой выгодой производили вино, для чего использовали выдолбленные в камне прессы (к сожалению, из приведенного фрагмента не совсем ясно, о ком именно шла речь – о евреях или караимах, т.к. путешественник различал эти конфессии, сообщив, что в городе проживало «до двухсот евреев, большей частью талмудисты»)

[Паллас, 1883, с. 39]. К концу XVIII в. на полуострове насчитывалось в среднем от 50 до 56 сортов винограда, а, по некоторым сведениям, на Южном берегу Крыма производилось от 100 до 360 тыс. ведер вина в год⁹ [Сумароков, 1803, с. 171, 173; Хартахай, 1867, с. 168, 169; Кондараки, 1875, с. 57–59]. Среди наиболее популярных виноградных сортов, выращивавшихся на полуострове на протяжении нескольких веков и популярных в Крымском ханстве, были такие, как: мавро-кара, резаки, халкие, тыртыр, кишмиш, хуш-юзум, аспро-стафили, кондоваст, ламбат-юзюм, хатын-пармак, аградья, тана-гоз (причем следует заметить, что у караимов весьма распространенной была фамилия Танагоз) [Кондараки, 1875, с. 57, 58]. Отметим также, что питейный откуп при Шагин-Герее находился в руках уже упомянутого Вениамина бен Самуила Аги-Неймана (с 1777 по 1783 гг. сбор был равен 35 тыс. руб., в том числе, в период с 1780 по 1783 гг. – 24 тыс. руб.); общий откупной сбор с «жидовских виноградных садов» близ Бахчисарая в 1777 и в 1783 гг. составлял по 1 тыс. руб. в год [Лашков, 1897-б, с. 41; Скальковский, 1841-а, с. 28]. То, что караимы продолжали заниматься винодельческим и питейным промыслом и после присоединения Крыма к России, подтверждается архивными материалами и документами российского законодательства XIX в. [ГААРК, ф. 802, оп. 1, д. 2, л. 1, 2; ГААРК, ф. 241, оп. 1, д. 207, л. 1–62; Фиркович, 1890, с. 158]. В связи с вышесказанным утверждение Г.В. Сигаевой о том, что «караимы никогда не торговали спиртными напитками», следует считать ошибочным [Сигаева, 1998, с. 35].

Помимо кожевенного производства, виноградарства и виноделия, в караимских общинах занимались и другими промыслами. Среди караимов-ремесленников можно было встретить ювелиров, оружейников, каменщиков. По словам П.В. Никольского, четверть продукции ювелиров Бахчисарая, среди которых были караимы, крымские татары и цыгане, вывозилась за пределы Крыма [Никольский, 1924, с. 29]. В ханских ярлыках встречаются сведения о пчеловодстве, земледелии, огородничестве и рыболовстве; распространено было солеварение и чеканка монеты для нужд ханской казны.

Одним из популярных занятий среди караимов было пчеловодство. О том, что они приготавливали мед, упоминается, например, в ярлыке, выданном Менгли-Гереем I в 1485 г. на имя некоего Абрагама (иск. Авраам) – вероятно, караима или еврея-раввиниста: в одном фрагменте вместе с солью и краской, а в другом – наряду с вином, как предметы торговли, не облагавшиеся налогом; этим документом запрещалось брать налог и с т.н. «пчелиного дела» [Смирнов, 1918, с. 13]. В ярлыке Девлет-Герая I, относящемся к XVI в., указывается, что «с медовых ульев-плетенек да взимают по два ханских акче» [Самойлович, 2000, с. 207, 208]. В тарханном ярлыке, который был дан в 1608 г. Селямет-Гереем I

⁹ Согласно данным статистики, к концу XIX в. общее количество произведенного в Таврической губернии вина равнялось 2 млн. 6 тыс. 500 ведрам на общую сумму 3 млн. 31 тыс. руб. [Памятная книжка, 1889-б, с. 55].

караимам Чуфут-Кале, упоминаются пчелиные ульи: «С медовых ульев да взимают по два ханских акче с коробки» [Фиркович, 1890, с. 64; Самойлович, 2000, с. 207]. О том, что караимы занимались пчеловодством, косвенно свидетельствует и ярлык 1590 г. – в нем Яшлавским беям ханом было разрешено взимать с представителей немусульманского населения т.н. «брачную подать». Право на этот вид налога гласило: «Если устраивается свадьба у армянина или еврея, братъ, по старым законам, один батман (6 окк¹⁰) меду, но если не дают, не принуждать» [Протокол, 1912, с. 27; Маслов, Миллер, Никольский, 1930, с. 29]. В ярлыке хана Бегадыр (Бахадыр)-Герая I, выданном им в 1637 г. Джантемир-бею Яшлавскому, подтверждалось, что последний может продолжать взимать подати с населения Чуфут-Кале «деньгами и произведениями со скота, овощей, вина, недвижимой собственности, с каждой души, с каждого заключенного брака», причем за каждый совершаемый немусульманами брак Джантемир-бей получал подарок деньгами или же медом на сумму в 120 акче [Лашков, 1895-а, с. 75; Лашков, 1895-б, с. 88].

В XVIII в. в финансовых ведомостях ханского двора существовала отдельная статья о взимании доходов «с пчеловодства и садов» – с 1780 по 1783 гг. полученная сумма составила 900 руб. в год [ГААРК, ф. 802, оп. 1, д. 2, л. 8], а с одного улья взималось уже по 4 коп. [Лашков, 1897-а, с. 27]. Кстати, откупной сбор за продажу восковых и сальных свечей в Бахчисарае в 1777 г. был отдан некоему «жиду Бабию жителю бахчисарайскому» (вероятно, речь идет о караиме по имени Бабакай), который должен был отдавать налога ежегодно по 50 руб. (в «Камеральном описании Крыма» 1784 г. сообщалось, что «сию сумму внес он сполна в ханскую казну») [Лашков, 1897, с. 42].

Соляной промысел в Крымском ханстве приносил основной коммерческий доход, т.к. он был связан непосредственно с добычей и продажей соли с лиманов и озер [Дружинина, 1955, с. 59]. Данные о том, что караимы занимались продажей соли, приводятся уже в ханском ярлыке 1485 г. [Смирнов, 1918, с. 13]. Сам же соляной промысел принадлежал либо хану, либо сдавался на откуп чиновникам и представителям османской администрации Кефинского эйялета. Право на доходы с добычи соли на Перекопском и Евпаторийском озерах принадлежало крымскому хану как регалии, а на Керченском озере она находилась в ведении калги-султана, который сдавал этот промысел поставщику своего двора. Гезлёвский промысел вместе с таможенной отдавался на откуп одному, а Перекопский (вместе с ханским монетным двором) – другому промышленнику [Памятная книжка, 1889-а, с. 4, 5]. В тех случаях, когда добыча значительно превышала спрос, таможенный откупщик имел право платить за все товары солью по цене, какую он сам назначал [Скальковский, 1853, с. 477]. Собранная с озер соль складывалась в т.н. бугры («кебе») по сто «сапов» каждый

¹⁰ Окка – мера веса в Крымском ханстве (1 окка – 1283 грамма).

(1 сап – 108 пудов) и продавалась, в зависимости от спроса, от 4 до 6 пиастров за сап. Французский консул барон Тотт, посетивший перекопские соляные озера в 1767 г. и наблюдавший процесс добычи соли и ее продажу, заметил, что «торговля эта в руках евреев и армян <...> Никаких зданий для собранной уже соли здесь не строится; она просто сваливается в кучу и потом часто совершенно пропадает от дождя» [Татарчевский, 1873, с. 8, 9, 17]. Доходы от продажи соли в Крыму поступали непосредственно в ханскую казну – с 1777 по 1783 гг. прибыль по этой статье доходов «с Перекопских соляных озер и таможни» составляла 85 тыс. руб. в год, а «с продажи соли для крымских жителей» – до 3 тыс. руб. в год. Суммы, поступавшие с кефинской таможни, «с соляных озер» и «городов», составляли 75 тыс. руб. в год (эта статья подразумевала соль, добытую в озерах близ Гезлёва и Керчи) [ГААРК, ф. 802, оп. 1, д. 3, л. 2]. В 1779 г. «с отдаваемой на откуп для продажи в городах соли» сам откуп в сумме 3 тыс. руб. держал некто Авраам (вероятно, караим или еврей-раввинист) [Лашков, 1897-б, с. 43].

Следует также заметить, что уже к середине XIX в. большинство соляных источников полуострова принадлежало или находилось в аренде у представителей караимских общин Таврической губернии. Например, в Евпаторийском уезде добычей соли занимались крупные караимские предприниматели, такие, как: Ага, Тонгур, Нейман, Ефетович, Шишман, Ходжаш, Кискачи, Айваз, Кальф, Танагоз, Гелелович; в Перекопском уезде – Сарач, Айваз, Ходжаш, Сарибан, Кефели, Бабаджан; в Феодосийском – Комен, С. и Е. Крым, С. и Ф. Бабаджан и др. [Ханацкий, 1867, с. 440, 441; Памятная книжка, 1889-а, с. 11, 13, 15].

Помимо зерновых и винограда, в Крымском ханстве культивировался лён (особенно в районе Алушты), который очень дорого ценился и шел на экспорт [Бахрушин, 1993, с. 327]. В 1723–1724 гг. Шах-мурзе-бею (Шаган-бею) Яшлавскому было позволено взимать с жителей Чуфут-Кале «от каждого воза, доставляющего фрукты и лен – 1 акче, от каждой мажары (воз), отвозящей лес и купеческие товары в Феодосию, – 2 акче» (пошлина на ввоз в Чуфут-Кале фруктов, провизии и «других произведений для продажи» составляла 4 акче) [Лашков, 1895-б, с. 88; Маслов, Миллер, Никольский, 1930, с. 28]. Директор ханского монетного двора Абдул Хамит-Ага в 1780 г. имел право сбора десятины с виноградных и фруктовых садов Судакского и Мангупского кадылыков, а также с «овощных произрастаний, табака и льна, в Крыму сеяных» (причем сбор осуществлялся только с представителей иудейского населения) [Лашков, 1897-а, с. 27]. Например, за доставку льна в Чуфут-Кале полагалось взыскивать «с христиан и каждой лошади по 1 акче»; в 1780 г. пошлинный сбор в Карасубазаре с 1 окка крымского льна составлял 2 пара [Лашков, 1897-б, с. 40; Маслов, Миллер, Никольский, 1930, с. 28]. В списках товаров, ввозимых в крымские порты, фигурирует и лён, поставлявшийся из Турции, – на Кафинской и Гезлёвской таможнях, а также и на Перекопской пошлина взималась товаром в размере 5% [ГААРК, ф. 802, оп. 1, д. 2, л. 1–12; Скальковский, 1841-а, с. 31]. Таким образом, можно сделать

вывод о том, что караимы, наряду с представителями других немусульманских конфессий, осуществляли торговые операции, связанные с привозившимся в места их проживания льном (как крымским, так и турецким).

В ярлыках крымских ханов содержатся важные сведения, которые дают основание утверждать, что уже в средневековье среди караимов было немало садоводов. Наиболее распространенным занятием садоводство было в районе средней полосы долины р. Качи, а также при д. Шуры (ныне – с. Кудрино Бахчисарайского р-на) [Симиренко, 2001, с. 474]. Эти сады принадлежали караимской общине Чуфут-Кале, и к середине XIX в. их возраст насчитывал не менее 200 лет (при этом они несколько раз обновлялись молодой посадкой). Кроме того, следует заметить, что, судя по некоторым сохранившимся выпискам из кадиаскерских сакков (книг судебных решений, или дефтерий), принятых кадиями различных округов Крымского ханства в XVII в., часто владельцами одного сада или земельного участка могли быть одновременно и крымские татары, и караимы [Лашков, 1896-б, с. 80].

Путешествовавший по Крыму в 1805 г. П.И. Сумароков заметил, что «бахчисарайские караимы почитаются у нас первейшими садоводами» [Сумароков, 1805, с. 18]. По словам крымского помолога Л.П. Симиренко, у караимов даже существовала такая поговорка: «Если кто владеет фруктовым садом при Шуре, виноградником при Альме, стадом овец в степи, а в Чуфут-Кале собственным домом с пещерою на скалистом дворе, то чего ему еще нужно?» [Симиренко, 2001, с. 474]. К концу XVIII в. в Крыму насчитывалось 37 сортов грушевых деревьев, 17 яблоневых, 18 сливовых и 10 сортов черешни; выращивали также айву и орехи [Хартахай, 1867, с. 168, прим. 3; Радде, 2008, с. 70]. Известный крымовец В.Х. Кондараки в своем «Универсальном описании Крыма» упоминал о том, что у караимов-садоводов одним из наиболее популярных пород фруктовых деревьев являлась шелковица, несколько сортов которой были завезены на полуостров еще во времена Крымского ханства [Тунманн, 1991, с. 16; Кондараки, 1875, с. 52, 53].

Однако наиболее выгодным среди караимского населения Крыма считалось занятие торговлей, одним из основных предметов которой являлась продукция местных ремесленников. На основании данных различных источников можно сделать вывод о том, что до середины XVI в. значительное число ремесленников в Крымском ханстве составляли греки, турки, армяне, греки, евреи и караимы [Тунманн, 1991, с. 27; Броневский, 1867, с. 357]. До присоединения полуострова к России в XVIII в. торговая деятельность караимов была сосредоточена, в основном, в Бахчисарае. В записках путешественников, посетивших этот регион в XVII–XVIII вв., неоднократно упоминается о том, что администрация ханского двора запрещала караимам оставаться в столице на ночь. Поэтому торговцы и ремесленники вынуждены были рано утром спускаться с чуфут-кальского плато, чтобы успеть продать свой товар, а в сумерках возвращаться

обратно [Дортелли д'Асколли, 1902, с. 119]. Э. Челеби писал в 1666 г.: «Все еврей-лавочники и богатые иудейские купцы Бахчисарая Крымской страны живут в этой Чуфут-Кале и в крепости Мангуп. Каждое утро они спускаются вниз из этой крепости и добираются до своих лавок в Бахчисарае за один час» [Челеби, 2008, с. 82, 83].

Что касается товаров, которыми торговали караимские купцы, то они отличались большим разнообразием. Русский посол в Крыму Василий Айтемиров упоминал о том, что в XVII в. караимы в Бахчисарае вели торговлю халатами (кстати, для мероприятий, связанных с приемом Екатерины II во время ее визита в Крым в 1787 г. материалы для отделочных работ, а именно, сафьян, сукно, тафта в походных дворцах, предназначенных для императрицы и ее свиты, приобретались у бахчисарайских купцов) [Список с статейного списка, 1895, с. 45; Маркевич, 1891, с. 123]. Посетивший Бахчисарай в 1799 г. П.И. Сумароков сообщал, что караимы «первые в том городе купцы, и отправляют в нем торг лучшими Цареградскими товарами; иные же из них промышленяют разными ремеслами» [Сумароков, 1805, с. 145]. По свидетельству Н.В. Берга, часть улицы в Бахчисарае, на которой располагались торговые ряды караимов, назвалась «базырян-сурасы» – т.е., «красный ряд», лавки настоящих купцов [Берг, 1857, с. 7, 19]. По сведениям П.С. Палласа и Н.Э. Клеемана, среди центров ремесленного производства, существовавших в Крыму в конце XVIII в., наиболее значительными считались сафьяновые фабрики и кожевенные заводы в Бахчисарае и Карасубазаре – из числа «принадлежащих татарам, жидам или грекам»; там же находилось множество свечных и мыловаренных фабрик, мастерских кирпичников, кузнецов, черепичников [Клееман, 2004, с. 168; Паллас 1883, с. 39]. Кварталы торговцев мануфактурными товарами («базиргянлар-ичи»), расположенных в Бахчисарае на месте прежних караван-сараев, были заняты почти исключительно караимами, греками и армянами [Никольский, 1927, с. 20].

Торговля велась, в основном, мануфактурными товарами, привозившимися из стран Западной Европы и Турции: здесь можно было приобрести французские (в частности, марсельские), голландские и польские сукна и камлоты¹¹; парчу, шелк и атлас доставляли из Венеции; шелк везли также из Хиоса, а «ярко-малиновые бархаты – из Бруссы и Константинополя, ковры – из Смирны и Салоник» [Никольский, 1927, с. 21]. Галантерейные товары были представлены различными нитками для вышивок, позументами, иголками из Голландии и Франции; хрусталь, стекло и зеркала ввозились из Польши, Германии, Венгрии и Венеции [Фелицын, 1891, с. 10; Никольский, 1927, с. 21; Петросян, 1990, с. 132, 133].

В XVIII в. для ханского двора и дворов знатных беев закупались предметы

¹¹ Камлот – шерстяная, а с XIX в. – хлопчатобумажная ткань, дорогие сорта которой ткали из верблюжьей или ангорской шерсти с примесью шелка. Название происходит от греческого «верблюду».

роскоши – позолоченные алебарды, музыкальные инструменты, жемчуг, кармин, белила, румяна, а также люстры, дорогая посуда и аптекарские снадобья. Среди основной массы населения были популярны шерстяные и бумажные ткани, фаянс, краски для волос, табак (курительный и нюхательный; причем, по свидетельству И.В. Зайцева, распространение эта культура в Крыму получила только с XVII в.), а также курительные трубки [ГААРК, ф. 802, оп. 1, д. 2, л. 1–12; Никольский, 1927, с. 21; Бахрушин, 1993, с. 333; Зайцев, 2004, с. 372, 373].

Из продуктов сельского хозяйства в Крым ввозили: рис из Филиппополя, сушеные фрукты из Анатолии, лимоны и апельсины из Хиоса, вино, водку, инжир, «коренья пряного», маслины, пшено, чай, кофе, оливки, сахар-рафинад (причем сахар не облагался пошлиной), сыр из России и Румелии. Коровье (сливочное) масло и пушнину привозили на полуостров запорожцы, увозя из Крыма соль, серые смушки, овечью шерсть, изделия бахчисарайских и карасубазарских ремесленников из сафьяна, а также вино и водку. Предметами экспорта в торговых операциях Крымского ханства с Запорожской Сечью служили: конская сбруя (уздечки, епанчи, стремена и седла), стрелы, луки, сабли и пр. [Скальковский, 1841-б, с. 112, 116]. Оживленной была торговля металлами – например, железо для внутреннего рынка Крымского ханства завозилось из Германии, Польши, Румелии и России, медь – из Трапезунда, латунь – из Польши, сталь – из Венеции; поставлялась также и ртуть [Никольский, 1927, с. 21; Барабанов, 1993, с. 280, 283, 284; Историческое обозрение, Б.г., с. 11; ГААРК, ф. 802, оп.1, д. 3, л. 1–12; Прохоров, 2001, с. 396]. В Крым импортировался свинец, железные косы из Германии и бумага – эти товары пользовались повышенным спросом [Фелицын, 1891, с. 11].

Торговая деятельность в Крымском ханстве облагалась соответствующими налогами. Сведения об этом приведены в ханских ярлыках, фирманах и бератах (указах). В ярлыке 1590 г. указывается на то, что Яшлавские беи могли взимать «с привозимого в Кыркиер товара по 1 акче с каждой лошади <...> Определенные законом пошлины брать с жителей Чуфут-Кале и других мест, отправляющих товары в другие города, с проданного товара. Также брать пошлины с привозимого товара из Балаклавы, Гезлёва и других мест <...> Если из Москвы и Польши кто привезет товар, взыскивать по старым законам пошлины» [Протокол, 1912, с. 27, 28]. Как сообщал В.Д. Смирнов, крымский хан Сахиб-Герай I просил турецкого султана разрешения установить для торговцев-немусульман такой размер подати: с каждого продаваемого горшка масла – по 1 акче; с каждого дома – по 2 акче и за каждый ярлык – по 4 акче [Смирнов, 2005, с. 313].

Необходимо также упомянуть и том, что Чуфут-Кале – основной центр проживания крымских караимов – входил в состав султанского домена, или Кефинского санждака (эйялета). В Крыму под названием «санджак» подразумевалось четыре района, на которые была разделена подвластная туркам

часть полуострова¹². Прибрежная часть полуострова (Южный берег Крыма), Керченский и Таманский полуострова находилась в подчинении у турецкого султана и образовывали санджак, который носил название «Кефская лива». Во внутренней, степной части Крымского полуострова расположилось непосредственно Крымское ханство. Согласно установленной еще в 1478 г. юрисдикции, десятая часть доходов «со всех произведений земли» уплачивалась в пользу османской администрации [Лашков, 1896-а, с. 42]. При этом путешественники, посетившие полуостров, отмечали тот факт, что обитатели подчиненных османам населенных пунктов стремились, во избежание уплаты обременительного налога, перейти под власть крымского хана (в первую очередь, это касалось жителей Кафы, а также близлежащих населенных пунктов) [Дортелли д'Асколли, 1902, с. 120].

Согласно данным, собранным в «Камеральном описании Крыма», городской пошлинный сбор в Бахчисарае, Ак-Мечети и Карасубазаре в 1783 г. был отдан Мегметшой-беем Ширинским на откуп «жидам Моше и Шепетие в год за 1500 руб.» (можно предположить в указанных лицах караимов Моисея и Шаббетая); «крымскому жиду Мошию» была также отдана на откуп земля, оставшаяся после выселения с территории полуострова в 1778 г. 31386 чел. христианского населения (выплата налога с этой земли составляла 400 руб. в год) [Лашков, 1897-а, с. 27; Лашков, 1897-б, с. 37].

Важно отметить и тот факт, что караимы, занимавшиеся ремеслом и торговлей, подчинялись строгой цеховой организации, существовавшей в крупных торговых центрах Крымского ханства. По данным, приведенным Э. Челеби, в Кафе проживали «искусные мастера 167-ми ремесел»; в Гезлэве (внутри города и вне его) насчитывалось 670 лавок, в Карасубазаре – 1140, а в Бахчисарае – до 1100 лавок¹³ [Челеби, 2008, с. 57, 107, 149, 186]. В свою очередь, П.С. Паллас сообщал, что в Бахчисарае имеется 517 лавок (из них: «121 лавка с шелковыми и другими красными товарами, 41 лавка с седлами и другими кожаными вещами, очень красивыми; лавок со съедобными вещами 135, с обувью 24; 23 лавки, где продаются татарские ножи <...> 5 лавок с котлами и металлической посудой; 10 цырулен; 19 лавок портных, 6 серебряников, 5 оружейных мастерских, 8 башмачников, 9 лавок с деревянной посудой и другими лесными

¹² Владения турецкого султана (лива Кефе) составляли следующую территорию: юго-западная часть Крымского полуострова, устье реки Бельбек, верховья рек Альма и Кача, и далее, по склонам Крымских гор, весь Южный берег, Керченский полуостров и Таманский полуостров (Тамань, Азов). Лива Кефе состояла из Мангупского кадылыка, который занимал юго-западную часть Крымского полуострова и западную часть Южного берега; кроме того, под юрисдикцию османской администрации попадали Мангупский, Еникальский, Судакский и Кафинский кадылыки [Курникова, 2008, с. 130–139; Курникова, 2009, с. 162; Пейсонель, 2009, с. 31].

¹³ Весьма вероятно, что приведенные Э. Челеби цифры не совсем достоверны, т.к. многими исследователями отмечалось, что количественные данные в записках путешественника не всегда заслуживают доверия и зачастую преувеличены.

поделками, 5, где делают шерстяные канаты и другие веревки, 8 бондарен, 7 лавок с бурками, плащами от дождя и пр. 4 горшечника, 8 лавок с трубками и чубуками, 20 пекарен, 13 кожевенных заводов, 6 кузниц, 13 лавок, где продается крепкий напиток, приготавливаемый татарами из проса (буза), 13 свечников и 7 лавок, где производится резная работа по дереву»¹⁴, а в Карасубазаре – 310 лавок, причем в Бахчисарае проживало 1162 еврея, из них 420 чел. являлись купцами (в то же самое время в Чуфут-Кале обитало, по свидетельству П.С. Палласа, 1200 караимов, которые занимались торговлей, ремеслами и «имели свои фабрики»), а в Карасубазаре насчитывалось «до 200 евреев, большей частью, талмудистов» – следовательно, часть из них составляли караимы [Паллас, 1881, с. 77, 81; Паллас, 1883, с. 38].

Любопытные сведения о ремесленных кварталах Карасубазара и его жителях сообщал русский путешественник А. Демидов: «По восточному обычаю, промышленники каждого рода собираются вместе в один квартал города. Здесь – съестные припасы; далее – произведения чужестранцев; потом, в свою очередь, шерсть, такни и неизбежные папуши (туфли) <...> Многочисленные кофейни соединены на одной улице, которая всех шире и ровнее. <...> Располагаясь на диване, который окружает небольшое пространство, с жаровней посередине и множеством туфель по сторонам, Татары, Армяне, Караимы просиживают здесь по целым часам и молча курят табак из своих длинных черешневых трубок» [Зеленецкий, 1844, с. 449].

В Крымском ханстве были установлены определенные правила, регламентирующие деятельность ремесленников. Например, в конце XVIII в. в Карасубазаре действовали особые пошлинные сборы: с малярных мастеров взималось по 66 пара и 2 акче в год, с цеха шапочников – 600 пара, а с каждого шапочника сбор составлял 8 пара. С лавок хлебников взималось по 6 пара и 2 акче ежегодно, а с лавок пирожников – по 5 пара в месяц; с лавок красильщиков – по 20 пара в месяц с каждой, а с «завода мешинного» – ежемесячно по 5 пара. Кроме того, с каждой лавки ремесленников существовал и отдельный сбор – по 2 акче в неделю [Лашков, 1897-в, с. 42].

¹⁴ Для сравнения – в середине XIX в., по сведениям Ф.М. Домбровского, население Бахчисарая составляло 13 тыс. 313 чел. Из них татар, цыган и турецко-подданных было 11 тыс. 121 чел.; православных – 1089 чел. (из них 908 греков, 181 русских, 835 караимов, а также небольшое число евреев-раввинистов, армян и лиц других национальностей). Жилых домов в городе насчитывалось 2218, лавок – 303, фабрик и заводов (в основном, кожевенных и мыльных) – 23, постоялых дворов – 7, кофейен – 20, винных погребов и питейных домов – 19, харчевен – 17, трактиров – 2 [Домбровский, 1848, с. 390–394]. Однако, что касается числа караимов, то приведенная Ф.М. Домбровским цифра в 835 чел. вызывает сомнение, т.к. в 1843 г., по сведениям, представленным Бахчисарайской Городской думой, в Бахчисарае и его пригородах проживало 534 караима, плативших подушную подать, а в 1857 г. в Таврическое и Одесское караимское духовное правление (ТОКДП) сообщалось газзаном, что в бахчисарайской караимской общине насчитывается 513 чел. (208 муж. и 305 жен.) [Белый, 2001, с. 376].

Среди продукции ремесленников в Крымском ханстве были популярны изделия войлочников, оружейников, слесарей, медников, лудильщиков, токарей, а также ткачей и «торваджи» (изготовителей торб для лошадей), причем продукция караимских вышивальщиков и войлочников признавалась одной из самых лучших. Особым спросом пользовались изделия караимских мастеров орнаментального шитья золотной нитью по плотным тканям – т.н. «кас-нак»). Нужно отметить, уже после присоединения Крыма к России ремесленники при изготовлении караимских вышивок сохранили многие приемы, существовавшие еще в эпоху Крымского ханства (например, использование в шитье т.н. «тамбурной» техники, которая в XIX в. уже исчезла с вышивок крымских татар) [Чепурина, 1938, с. 40, 41, 44, 56, 57, 59, 60, 62, 63; Рославцева, 2000, с. 61, 65]. Интересно, что когда правитель Таврической области В.В. Коховский руководил мероприятиями по организации визита императрицы Екатерины II в Крым, то для изготовления походных шатров, предназначенных для отдыха императорского кортежа, им были привлечены две армянки и «до 10 человек евреев» (к сожалению, из текста документа неясно, были ли это еврей-раввинисты или же караимы) [Письма, 1877, с. 271].

Во главе каждого ремесленного цеха стоял главный мастер («уста-баши»), у которого были два помощника («гигит-баши» и «чауш»); в состав цеха входили: мастер («уста»), подмастерья («калфа», или «кальфа») и ученики-мальчики («шергит») [Хартахай, 1867, с. 172, 173; Желтухина, 2002, с. 163–168]. Посвящение в мастера и избрание администрации цеха осуществлялось на специальных праздниках («теферучах») в честь покровителей ремесел («пиров»), обычно проходивших вблизи от города (например, бахчисарайские ремесленники собирались в нескольких километрах от города, в долине р. Качи) [Никольский, 1927, с. 22]. На подобных церемониях устраивались различные увеселения и раздавалось угощение, часто рассчитанное на несколько тысяч человек. Следует отметить тот факт, что к бахчисарайским цехам принадлежали ремесленники, проживавшие в других городах и деревнях; к их числу относились не только крымские татары, но и караимы, греки, армяне и др. [ГААРК, ф. 64, оп. 1, д. 549, л. 14].

Важную роль в экономической жизни Крымского ханства в XV–XVII играла и работорговля. Несомненно, экономика Крымского ханства, особенно в указанный период, во многом опиралась на торговлю рабами, основными центрами которой на полуострове являлись Кафа и Гезлёв. Ценные сведения о работорговле в Крыму в XV в. содержатся в записках Перо Тафура: по его словам, в 1438 г. в Кафе продавались «рабы мужского и женского пола больше, чем где-нибудь еще в мире» [Галенко, 1996, с. 179]. Использование труда рабов в караимской общине Кафы фиксируется источниками XVI в. Так, в 1542 г. в турецких дефтерах упоминается о шести женщинах-рабынях, принадлежавших кафинским караимам [Галенко, 1998, с. 59]. По свидетельству

монаха Доминиканского ордена Жана де Люка (Джиованни Люка), посетившего Крымский полуостров между 1620 и 1640 гг., в Кафе, Карасубазаре, Гезлёве и Бахчисарае торговлю рабами вели турки, арабы и «еврей-караимы» [Описание, 1879, с. 482, прим. 57]. Довольно часто в источниках упоминается о посреднической роли евреев-раввинистов и караимов в финансовых операциях, связанных с выкупом рабов из плена, – например, М. Броневский указывал, что русские послы, приезжавшие в Крым для выкупа пленных, привлекали в качестве посредников подкупленных ими евреев и татар, предлагавших за рабов цену, которая была намного ниже установленной рабовладельцем, а также свидетельствовал о том, что рабов приобретали и купцы-евреи [Броневский, 1867, с. 363; Kizilov, 2007, p. 5]. Причем, следует подчеркнуть, что экономический фактор в вопросе работорговли для караимов был преобладающим; выводы ряда авторов о якобы «великодушии» караимов, бескорыстно выкупавших рабов из неволи, следует признать малоаргументированными и не выдерживающими серьезной научной критики [Baranowski, 1938, s. 10, 11; Baranowski, 1947, s. 51, 52; Kizilov, 2007-a, p. 3, 4].

В источниках сохранились сведения о том, что караимские купцы в XVI–XVII вв. неоднократно участвовали в выкупе рабов из плена: например, крымский купец-караим Обрагим (иск. Авраам или Ибрагим) выкупил еврея по имени Зачек (иск. Исаак) из г. Каменца с условием возвращения ему денег с процентами; в 1614 г. караим Абрахам бен Бераха выкупил пленника Мамай бен Мохаммеда за 120 флоринов также с условием возврата указанной суммы. В российских архивах упоминается о том, что донской казак Иван (Ивашко) Вергуненок, захваченный в плен татарами во время набега ок. 1640 г., был продан караимскому купцу в Кафе, а затем выкуплен крымским ханом и содержался в крепости Чуфут-Кале [Kizilov, 2005, p. 211–235; Kizilov, 2007-a, p. 6, 9; Kizilov, 2007-b, p. 1–31].

Факты передачи невольников представителям иудейских общин Мангупа подтверждены также более поздними записями, сделанными в книге решений кадиаскерского суда Мангупского кадылыка (1686–1710 гг.). Например, житель дер. Кокоз мушир Абдул Бахи-ага в счет долга отдал жителю Мангупа Моисею (караиму или еврею-раввинисту) нескольких невольников – двух черкешенок (за 10 тыс. акче), русских мальчика и мужчину, и др.; другой мангупский житель Юфуда получил от этого же мушира в счет долга в 120 эсти черкешенку [Маркевич, 1910, с. 532]. О покупке рабов караимами свидетельствовал и В. Айтемиров – он описывал свою встречу в Чуфут-Кале с невольником из г. Лубны, купленным караимом у крымского татарина [Список, 1895, с. 44; Маркевич, 1910, с. 532; Галенко, 1998, с. 50–55; Кизилов, 2003, с. 126]. Безусловно, следует с большой осторожностью относиться к изложенным в письменных источниках фактам, не упуская из внимания того обстоятельства, что встречающийся в них термин «еврей» может быть интерпретирован двояко и обозначать как караимов, так и евреев-раввинистов.

О занятиях крымских караимов в эпоху средневековья могут свидетельствовать их фамилии. Например, фамилия Казас на караимском языке означала «басонщик, позументщик» (изготовитель кушаков и позументов, гайтанов¹⁵ и принадлежностей костюма; торговец шелком), Таббах – кожевник, Колпакчи (Калпакчи) – шапочник, Сарач – шорник (изготовитель седел, уздечек, предметов конской упряжи), Сиказан – чеканщик монет, Балджи – пасечник (продавец меда), Мумджи – пчеловод, Джамджи – стекольщик, Койчу – овцевод, Чореф – ювелир, Максимаджи – изготовитель бузы, Мехамаджи – продавец вина, виноторговец, Сараф – меняла, Экмекчи – пекарь, Арабаджи – возчик, Пенерджи – продавец брынзы, Гаммал – носильщик, Креметчи – черепитчик и т.п. [Герцен, Могаричев, 1993, с. 98; Кокенай, с. 5–11; Полканов, Полканова, Алиев, 2005, с. 39; Mardkowicz, 1934, s. 21–24; Sulimowicz, 2004, s. 3–5].

Привилегии, которые получали караимы от крымских правителей, распространялись также и на их административную и коммерческую деятельность. Например, сведения о том, что монетное дело в Крымском ханстве находилось в ведении откупщиков-караимов, сообщал в своем «Описании Крыма» польский писатель и дипломат Мартин Броневский, посетивший полуостров в XVI в. [Броневский, 1867, с. 359, прим. 2]. О том, что чеканкой монеты в ханстве занимались караимы, свидетельствуют также археологические находки и нумизматические данные. Некоторое время монетный двор находился в Чуфут-Кале; кроме того, монетные дворы существовали также в Старом Крыму, Гезлёве и Кафе [Броневский, 1867, с. 336, 359, прим. 2; Ретовский, 1897, с. 57, 58; Кизилов, 2004-б, с. 275].

М. Броневский также упоминал о том, что караимы не только чеканили ханскую монету, но и занимались переплавкой турецких серебряных аспров, добавляя в сплав медь, и поэтому такую монету именовали «гуруш» (т.е., «гнилая») [Броневский, 1867, с. 359, прим. 2]. Очевидно, подобная порча монеты происходила по прямому указанию самих ханов, т.к. именно этот способ позволял преодолеть последствия экономического кризиса, связанного, в частности, с дефицитом драгоценных металлов во всей Европе в первой половине XVI в. По мнению ряда авторов, появление в монетном обращении Крымского ханства меди явилось следствием ориентации на турецкие стандарты, где медная монета занимала прочное место [Дортелли д'Асколли, 1902, с. 115, 169, прим. 78; Чореф, 2001, с. 432, 434; Чореф, 2007, с. 157; Чореф, 2008, с. 265–281]. Ш. де Пейсонель отмечал, что изготовление ханской монеты отдавалось на откуп, соединенный с откупом солеварень на Перекопе, – эти откупы, как правило, находились в руках армян или евреев [Пейсонель, 2009, с. 37].

По данным, приведенным А.А. Новосельским в монографии «Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в.», эмином

¹⁵ Гайтан – украшение в виде бисерного шнура или плетеной тесьмы из тонких ниток.

(управляющим) монетных дворов калги-султана Казы-Герая и нуреддина в 1644 г. являлся «еврей Берека» (как считает М.Б. Кизилов, это был караим Бераха из Чуфут-Кале) [Новосельский, 1948, с. 333; Кизилов, 2010, с. 77]. Управляющим финансами и заведующим монетным двором при хане Селим-Герая I был Исаак Челеби, занимавший также почетную должность «дюнбендор-аги» – хранителя головного убора хана; при ханах Крым-Герая и Шагин-Герая управляющим финансами был потомок Исаака Челеби Самуил бен Авраам бен Иосия Челеби-Синани (хан Крым-Герай, особенно отметивший честность, опыт и способность в исполнении возложенных на него поручений, назначил караимского купца на указанную должность 7 октября 1768 г.) [Фиркович, 1890, с. 104, 105], а приемником стал сын Самуила Челеби-Синани Вениамин бен Самуил Ага-Нейман¹⁶; эмином монетного двора Шагин-Герая в Кафе (расположенного в урочище Ташлык) был Юсуф (Иосиф) Ага-Нейман (в 1778 г.) [События, 1856, с. 102; Фиркович, 1890, с. 104, 105; Ельяшевич, 1993, с. 71, 72; Г.С., 1918, с. 5]. С 1780 по 1783 гг. ханским монетным двором было отчеканено монет на общую сумму в 98211 руб., а за вычетом издержек на металл и машины чистая прибыль составила 53211 ханских руб. (или 17737 русских руб.) [ГААРК, ф. 802, оп. 1, д. 3, л. 50; Скальковский, 1841-а, с. 30].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что подавляющее большинство членов крымских караимских общин с момента своего появления на Крымском полуострове составляли ремесленники и купцы. Это было вызвано, прежде всего, тем, что в начале XV в. крупными торгово-административными центрами в Крыму на Шёлковом пути из Азии в Европу оставались Солхат и генуэзская Каффа – для крепнувшей в экономическом плане столицы крымского улуса Золотой Орды Солхата, активно строившегося и разраставшегося, требовалось значительное число ремесленников различной специализации. Кроме того, Солхат являлся для каффинского купечества конечным пунктом следования караванов из Китая и Средней Азии, а товары из Солхата через Каффу морем отправлялись на запад.

¹⁶ Вениамин бен Самуил Ага-Нейман, по словам Б.С. Ельяшевича, был родоначальником караимской фамилии «Нейман» (дословно – «верный, честный»). В переводе с иврита Нейман (Неэман, Нееман) означает доверенное лицо общины, в обязанности которого входили, в частности, переговоры с представителями местной администрации (а при необходимости, и с вышестоящим начальством) [Ельяшевич, 1993, с. 23; Кокенай, с. 8]. В ордерах князя Г.А. Потемкина, направленных правителю Таврической области В.В. Коховскому в январе 1786 г., между прочим, имеется указание на то, чтобы местные власти воспрепятствовали действиям опального крымского хана Шагин-Герая II, стремившегося вернуть в свою собственность ставшие казенными земли полуострова и оставшееся после присоединения Крыма к России ханское имущество. В частности, князь Г.А. Потемкин распорядился объявить Вениамину бен Самуилу Аге, «чтобы он по поручению хана не осмеливался отнюдь требовать вещей, состоящих в казенном ведомстве и брать на себя подобные комиссии» [Кириенко, 1897, с. 4].

С возникновением такого государственного образования, как Крымское ханство, а затем и появлением после 1478 г. на территории полуострова турецких владений (т.н. Кефинского эялета) караимы, как и представители других немусульманских общин, приобретают особый статус податного населения «райи» (или «зимии»); ремесленники из числа крымских караимов играют важную роль в хозяйственной жизни региона. Различными источниками зафиксировано, что наиболее распространенным занятием у членов караимских общин являлся кожевенный промысел, причем караимы были заняты во всех его стадиях – начиная от выделки кожи вплоть до торговли разнообразными изделиями из нее, пользовавшимися стабильным спросом как в самом Крымском ханстве, так и за его пределами. В значительной степени развивались и такие ремесла, как оружейное, ювелирное, каменотесное дело; среди караимов насчитывалось немало ростовщиков. Особенно большой спрос в Крымском ханстве был на соледобычу и отрасли, с ней связанные, что предопределило занятость караимов и в этом промысле. Широкое распространение в караимских общинах Крыма получило земледелие, скотоводство, пчеловодство и огородничество. Исходя из данных, приведенных в документах ханской администрации, можно утверждать, что одними из важных отраслей хозяйства, в которых были заняты члены караимских общин, являлось садоводство, виноградарство и виноделие. Наибольший толчок в своем развитии получила в XVI–XVIII вв. торговля, которая приносила немалый доход в ханскую казну. Основными торговыми центрами полуострова являлись города, в которых существовали крупные караимские общины, – Чуфут-Кале, Кафа, Карасубазар, Гезлёв; несмотря на запрет на постоянное жительство в Бахчисарае, наложенный на караимов, наличие значительного караимского купеческого элемента зафиксировано и в столице Крымского ханства.

Во многом благодаря труду представителей немусульманской части населения ханства – караимов, евреев, армян и греков – активно развивалась его экономика. На основании данных различных источников можно сделать вывод о том, что до середины XVI в. многие виды ремесленного производства и торговля в Крымском ханстве находились преимущественно в руках немусульманского населения, и, в частности, крымских караимов.

ЛИТЕРАТУРА

- Али-заде А. Исламский энциклопедический словарь. – М.: Ансар, 2007.
- Барабанов О.Н. Товарооборот черноморской торговли в XVIII веке (Крым, Запорожье, Турция, Россия) // МАИЭТ. – Симферополь: Таврия, 1993. – Вып. III. – С. 279–284.
- Бахрушин С.В. Основные моменты истории Крымского ханства // МАИЭТ. – Симферополь, 1993. – Вып. III. – С. 320–339.
- Белый О.Б. Документы из истории караимской общины г. Бахчисарая начала XX в. // Бахчисарайский историко-археологический сборник. – Симферополь, 2002. – Вып. 2. – С. 376–397.
- Берг Н.[В.] Бахчисарай. (Отрывок из походных заметок) // Библиотека для чтения. – СПб., 1857. – Т. СХLI. Отд. I, январь. – С. 1–30.
- Бертъе-Делагард А.Л. Ценность монетных номиналов в Крымском ханстве // ИТУАК. – Симферополь: тип. Таврического губернского земства, 1914. – № 51. – С. 153–185.
- Броневский М. Описание Крыма // ЗООИД. – Одесса, 1867. – Т. VI, Отд. 2: Сборник материалов. – С. 333–367.
- Вихнович В.Л. Евреи страны Кедар: (К вопросу о славяноязычных евреях Восточной Европы в домонгольский период) // Кунсткамера: Этнографические тетради. – 1996. – Вып. 10. – С. 196–208.
- Г.С. [Шапиал С.М.] История происхождения должности и характер деятельности караимских гахамов // Известия Караимского Духовного Правления. – Евпатория, 1918. Июль. – № 1. – С. 4–6.
- Галенко О. Крым у 1438 р. (Подорожні нотатки Перо Тафура) // Україна в минулому. – Київ-Львів, 1996. – Вып. 8. – С. 176–190.
- Галенко О. Иудейські громади Кафи середини XVI ст. // Сходознавство. – К., 1998. – № 3–4. – С. 39–62.
- Герцен А.Г. Археологические исследования караимских памятников в Крыму // МАИЭТ. – Вып. VI. – Симферополь, 1998. – С. 744–751.
- Герцен А.Г. Мангупская синагога-кенаса // Материалы Седьмой Ежегодной Международной Междисциплинарной конференции по иудаике. – М.: Сэфер, 2000. – Часть 1. – С. 20–27.
- Герцен А.Г. Археологический аспект истории иудейской общины Мангупа // Материалы Восьмой Ежегодной Международной междисциплинарной конференции по иудаике. Тезисы. – М., 2000. – С. 58–61.
- Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. Крепость драгоценностей. Кырк-ор. Чуфут-Кале. – Симферополь: Таврия, 1993.
- Дашкевич Н.П. Описание Черноморья, составленное Эмидием д'Асколи в 1634 г. // ЧОИИЛ. – К., 1891. – Кн. 5. – С. 172–181.
- Девлет-Гирей I (1551–1577) // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. – СПб., 1901. – Т.Х. – С. 248.
- Дортелли д'Асколли Эмиддио. Описание Черного моря и Татарии (1634 г.); пер. Н.Н. Пименова; прим. А.Л. Бертъе-Делагарда // ЗООИД. – Одесса, 1902. – Т. XXIV, Ч. II: Материалы. – С. 89–180.
- Домбровский Ф.[М.] Историко-статистический очерк г. Багчесарая // Новороссийский календарь на 1849 год, издаваемый от Ришельевского лицея. – Одесса, 1848. – С. 380–396.
- Дружинина Е.И. Кючук-Кайнарджийский мир. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1955. – 368 с.
- Ельяшевич Б.С. Караимский биографический словарь (от конца XVIII века до 1960 г.) // Караимы. Материалы к серии «Народы и культуры»; Под ред. М.Н. Губогло, А.И. Кузнецова, Л.И. Миссоновой. – М., 1993. – Вып. XIV, кн. 2.

- Желтухина О.А.* Ремесла в Бахчисарае в XIX – начале XX вв. // Этнография Крыма XIX – начале XX вв. и современные этнокультурные процессы. Материалы и исследования / Отв. ред. М.А. Араджиони, Ю.Н. Лаптев. – Симферополь, 2002. – С. 163–168.
- Зайцев И.В.* Табак и курение в Крыму (XVII–XVIII вв.) // *Alaica*. Сборник научных трудов российских востоковедов, подготовленный к 70-летию юбилею профессора, доктора исторических наук Л.Б. Алаева. – М.: Восточная литература, 2004. – С. 371–380.
- Зеленецкий К.* Рец на: Voyage dans la Russie Meridionale et la Crimée par la Hongrie, la Valachie et la Moldavie, execute en 1837, par Mr. Anatole de Demidoff. Edition illustree de soixante-quatre dessins par Raffet. Dedie a S.M. Nicolas I-er Empereur de toutes les Russies. – Paris, Ernest Bourdin et Co, Editeurs, MDCCCXLI (1841) // ЗООИД. – Одесса, 1844. – Т. I. – С. 442–453.
- Историческое обозрение Азовской и Черноморской торговли России с восемнадцатого до девятнадцатого столетия. – Б.м., Б.г.
- Кеппен П.И.* О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических (Крымский сборник). – СПб, 1837.
- Кизилов М.Б.* Караимская община Гезлева (Евпатория) в XVIII–XIX вв. по свидетельству очевидцев // Тирош: Труды по иудаике. – Вып. 5. – М., 2001. – С. 245–256.
- Кизилов М.Б.* К истории караимской общины Мангупа // Вестник Еврейского университета. 2002. – № 7 (25). – С. 113–122.
- Кизилов М.Б.* К истории малоизвестных караимских общин Крымского полуострова // Тирош: Труды по иудаике. – Вып. 6. – М., 2003. – С. 127–140.
- Кизилов М.Б.* Караимы // От киммерийцев до крымчаков. – Симферополь, 2004. – С. 254–269.
- Кизилов М.Б.* Крымчаки // От киммерийцев до крымчаков. – Симферополь, 2004. – С. 270–283.
- Кизилов М.* Крымская Иудея. Очерки истории евреев, хазар, караимов и крымчаков на территории Крымского полуострова с античных времен и до наших дней / Рукопись. 2010; в печати.
- [*Кириенко Г.К.*] Об ордерах князя Потемкина и графа Зубова, хранящихся в архиве Таврического Губернского Правления (1784–1786). Ордера князя Потемкина за 1786 г. (Сообщение Г. К. Кириенко) // ИТУАК. – Симферополь, 1897. – 2-е изд. – № 3. – С. 1–35.
- Клеemann Н.Э.* Клееманово путешествие из Вены в Белград и Новую Килию, також в земли буджакских и ногайских татар и во весь Крым... в 1768, 1769 и 1770 годах с приобщением описания достопамятностей крымских // Хрестоматия по этнической истории и традиционной культуре старожильческого населения Крыма. Ч. I. – Симферополь: Таврия-плюс, 2004. – С. 168.
- Кокенай Б.Я.* Фамилии крымских караимов (рукопись, машинопис. копия) // Архив Ассоциации «Фидан», г. Севастополь, ф. 2, д. 10.
- Кондараки В.Х.* Универсальное описание Крыма. – СПб.: Типография В. Веллинга, 1875. – Ч. VI. – 53 с.
- Кругосветное странствие раби Петахии Регенсбургского (пер. П.В. Марголина) // Три еврейских путешественника / Под ред. Г. Зеленина. – М., 2004. – С. 259–330.
- Курникова О.М.* Архивные материалы по истории османских владений на территории Крыма (XVI–XVIII вв.) // Восток. Афро-Азиатские общества. – М., 2008. – № 3. – С. 130–139.
- Курникова О.М.* Документальные источники по истории османских владений на территории Крыма в XVI–XVIII вв.: Дисс... канд. истор. наук: 07.00.09 [Место защиты: Ин-т востоковедения РАН, Москва]. – М., 2009. – 248 с.
- Лашков Ф.Ф.* Сельская община в Крымском ханстве. – Симферополь: Таврическая губернская тип., 1887.
- [*Лашков Ф.Ф.*] Камеральное описание Крыма. (Сообщение члена Комиссии Ф.Ф. Лашкова) // ИТУАК. – Симферополь: тип. Газеты «Крым», 1889. – № 8. – С. 12–40.

- Лашков Ф.Ф. Исторический очерк крымско-татарского землевладения // ИТУАК. – Симферополь: тип. Таврического губ. правления, 1895. – № 22. – С. 35–81.
- Лашков Ф.Ф. Исторический очерк крымско-татарского землевладения // ИТУАК. – Симферополь, 1895. – № 23. – С. 71–117.
- Лашков Ф.Ф. Сборник документов по истории крымско-татарского землевладения // ИТУАК. – Симферополь: тип. Таврического губ. правления, 1895. – № 22. – С. 82–115.
- Лашков Ф.Ф. Исторический очерк крымско-татарского землевладения // ИТУАК. – Симферополь: тип. Таврического губ. правления, 1896. – № 24. – С. 35–71.
- Лашков Ф.Ф. Сборник документов по истории крымско-татарского землевладения ИТУАК. – Симферополь: тип. Таврического губ. правления, 1896. – № 24. – С. 72–137.
- [Лашков Ф.Ф.] О камеральном описании Крыма. (Сообщение члена Комиссии Ф.Ф. Лашкова) // ИТУАК. – Симферополь, 1897. – 2-е изд. – № 2. – С. 20–30.
- [Лашков Ф.Ф.] Камеральное описание Крыма. (Сообщение члена Комиссии Ф.Ф. Лашкова) // ИТУАК. – Симферополь, 1897. – 2-е изд. – № 3. – С. 36–64.
- [Лашков Ф.Ф.] Камеральное описание Крыма. (Сообщение члена Комиссии Ф.Ф. Лашкова) // ИТУАК. – Симферополь, 1897. – 2-е изд. – № 4. – С. 32–45.
- Маркевич А.И. Материалы архива канцелярии таврического губернатора, относящиеся к путешествию императрицы Екатерины II в Крым в 1787 году // ИТУАК. – Симферополь: тип. Газеты «Крым», 1891. – № 11. – С. 76–143.
- Маркевич А.И. К вопросу о положении христиан в Крыму во время татарского владычества (историческая справка) // Таврический церковно-общинный вестник. – 1910. – № 11. – С. 442–543.
- Маслов П.В., Миллер М.Е., Никольский П.В. Аграрный строй крымско-татарского ханства: Фирман Менгли-Гирей-хана Шах-мурзе-бею Яшлавскому // Крым. Хрестоматия по истории края; Под ред. В. Овейсика, Г. Комской, В. Кудряцева, П. Никольского. – Крымгосиздат, 1930. – Ч. 1. – С. 28–29.
- Никольский П.В. Бахчисарай. Культурно-историческая экскурсия. – Симферополь, 1924.
- Никольский П.В. Бахчисарай и его окрестности. – Симферополь: Крымгосиздат, 1927.
- Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. – М.-Л., 1948.
- [Люк де Ж.] Описание Перекопских и Ногайских татар, Черкесов, Мингрелов и Грузин Жана де Люка, монаха Доминиканского ордена (1625) // ЗООИД. – Одесса, 1879. – Т. XI. – С. 473–503.
- Паллас П.С. Путешествие в Крым в 1793 и 1794 году // ЗООИД. – Одесса, 1881. – Т. XII. – С. 62–208.
- Паллас П.С. Поездка во внутренность Крыма, вдоль Керченского полуострова и острова Тамань // ЗООИД. – Одесса, 1883. – Т. XIII. – С. 35–92.
- К.Х. [Ханацкий К.] Соляная промышленность в Таврической губернии // Памятная книжка Таврической губернии, изданная Таврическим губернским статистическим комитетом / Под ред. К.В. Ханацкого. – Симферополь: тип. Таврического губ. правления, 1867. – Вып. 1. – С. 440–473.
- Памятная книжка Таврической губернии, составленная Статистическим бюро Таврического губернского земства / Под ред. К.А. Вернера. – Симферополь, 1889. – Отд. VI: Промышленность и торговля. Гл. I: Соляная промысел. – С. 3–19.
- Памятная книжка Таврической губернии, составленная Статистическим бюро Таврического губернского земства / Под ред. К. А. Вернера. – Симферополь, 1889. – Отд. V: Промышленность и торговля. Гл. II: Виноградарство и виноделие. – С. 12–55.
- Пейсонель Ш. де. Записка о Малой Татарии; Пер. с фр. В. Лотошниковой. – Днепропетровск: «Герда», 2009. – 78 с.
- Петрова Э.Б., Прохорова Т.А. Крымские путешествия: Шарль Жильбер Ромм. «Путешествие в Крым в 1786 г.» / Под ред. Э.Б. Петровой. – Симферополь: «Бизнес-информ», 2009.

- Петросян Ю.А.* Османская империя. Могущество и гибель. Исторические очерки. – М., 1990. – 278 с.
- Письма Таврической области Василия Васильевича Коховского правителю канцелярии В.С. Попову для доклада Его Светлости князю Григорию Александровичу Потемкину-Таврическому // ЗООИД. – Одесса, 1877. – Т. X. – С. 235–361.
- Полканов Ю.А., Полканова А.Ю., Алиев Ф.М.* Фольклор крымских караимов. Песни, пословицы, поговорки, народный календарь / Йирлар, аталар сцзлери, улугата санавы. – Симферополь: Доля, 2005. – 160 с.
- Протокол заседания ТУАК 26 мая 1911 г. // ИТУАК. – Симферополь, 1912. – № 47. – С. 21–29.
- Прохоров Д.А.* Крымское ханство в контексте черноморской торговли // МАИЭТ. – Симферополь, 2001. – Вып. VIII. – С. 388–403.
- Радде Г.* Крымские татары; Вступ. статья, общая ред. и коммент. Г. Бекировой. – К.: ИД «Стилос», 2008. – 112 с.
- Ретовский О.* Генуэзско-татарские монеты города Кафы // ИТУАК. – Симферополь: тип. Спиро, 1897. – № 27. – С. 49–104.
- Рославцева Л.Г.* Одежда крымских татар конца XVIII – начала XX вв. Историко-этнографическое исследование. – М.: «Наука», 2000.
- Самойлович А.Н.* Некоторые данные о пчеловодстве в Крыму в XIV-XVII вв. / в кн.: Самойлович А.Н. Избранные труды о Крыме. Симферополь, 2000. – С. 207–208.
- Сигаева Г.В.* Современная историография истории крымских караимов // Ученые записки СГУ. – № 8 (47). – Симферополь, 1998. – С. 35–40.
- Симиренко Л.П.* Крымское промышленное плодоводство / Предисл. П.В. Вольвач. – Симферополь: Таврия-Плюс, 2001. – Т. 1. – 992 с.
- Скальковский А.А.* Занятие Крыма в 1783 г. // ЖМНП. – СПб.: тип. Имп. Академии Наук, 1841. – Ч. XXX. – Отд. 2. – С. 1–44.
- [*Скальковский А.А.*] История новой Сечи, или последнего Коша Запорожского. Извлечена из собственного Запорожского архива А. Скальковским. – Одесса: Гор. тип., 1841.
- Скальковский А.А.* Опыт статистического описания Новороссийского края. – Одесса, 1853. – Ч. 2.
- Смирнов В.Д.* Татарско-ханские ярлыки из коллекции Таврической ученой архивной комиссии // ИТУАК. – Симферополь, 1918. – № 54. – С. 1–19.
- Смирнов В.Д.* Крымское ханство под верховенством Оттоманской порты до начала XVIII века; Под ред. С.Ф. Орешковой; Вступ. стат.: С.М. Мейер, С.Н. Утургари; В 2-х т. – М.: Изд. дом «Рубежи XXI», 2005. – Т. I.
- События, случившиеся в Крыму в царствование Шагин-Гирей-хана (Перевод с еврейской рукописи сочиненной караимом Рабби-Азарья сыном Илии); пер. караим Авр.[аам] Сам.[уилович] Фиркович // Временник императорского Общества Истории и Древностей Российских. – М: Университетская тип., 1856. – Кн. 24: Материалы. – С. 100–134.
- Список с статейного списка подьячего Василия Айтемирова, посланного в Крым с предложением мирных переговоров. 8 февраля 1692 г. – апрель 1685 г. Сообщил А.И. Маркевич // ЗООИД. – Одесса, 1895. – Т. XVIII. – Ч. II. Материалы. – С. I–XVIII, 1–80.
- Сумароков П.[И.]* Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 г. – М.: Университетская тип., 1800. – 238 с.
- Сумароков П.И.* Досуги крымского судьи или второе путешествие в Тавриду. – СПб.: Императорская тип., 1803. – Ч. I.
- Сумароков П.[И.]* Досуги Крымского судьи, или Второе путешествие в Тавриду. – СПб., 1805. – Ч. II.
- Татарчевский А.* Деятельность барона Тотта в качества консула в Крыму в 1767 году // Университетские известия. – К.: Изд-ие Университета Св. Владимира, 1873. – № 10. – С. 1–24.
- Тунманн И.Э.* Крымское ханство (Примечания, предисловие и приложения Н.Л. Эрнста). – Симферополь, 1991.

- Хартахай Ф.К.* Исторические судьбы крымских татар // Вестник Европы. – СПб., 1867. – Т. II, июнь. – С. 140–174.
- Челеби Э.* Книга путешествия. Крым и сопредельные области (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века); Пер. и коммент. Е.В. Бахревского. – изд. 2-е, испр. и доп. – Симферополь: Доля, 2008.
- Чепурина П.Я.* Орнаментальное шитье Крыма. – М.-Л.: Всесоюзное кооперативное объединенное издательство, 1938.
- Чижова Л.В.* Караимы // Тюркские народы Крыма: Караимы. Крымские татары. Крымчаки / Под ред. С.Я. Козлова, Л.В. Чижовой. М., 2003. – С. 12–135.
- Чореф М.* Новый тип монет Ислам-Гирея III // Бахчисарайский историко-археологический сборник. – Симферополь, 2001. – Вып. 2. – С. 431–435 .
- Чореф М.М.* О причинах активизации монетного производства в Крымском ханстве во второй половине XVI века // Историческое наследие Крыма. – Симферополь, 2007. – № 19. – С. 155–161.
- Чореф М.М.* К вопросу о возможности медного чекана в Крымском ханстве в XV веке // Бахчисарайский историко-археологический сборник. – Симферополь, 2008. – С. 265–281.
- Шильтбергер И.* Путешествие по Европе, Азии и Африке с 1394 года по 1427 год // Хрестоматия по этнической и традиционной культуре старожильческого населения Крыма. Ч. I. Мусульмане: крымские татары, крымские цыгане; Ред.-сост. М.А. Араджиони, А.Г. Герцен. – Симферополь, 2004. – С. 52–54.
- Федорчук А.* Авраам Фиркович и фальсификация крымских надгробных памятников // Фальсификации источников и национальные истории. Материалы круглого стола. – М., 2007. – С. 33–34.
- Федорчук А.Б.* Еврейские некрополи Крыма: история исследования и современное состояние // Евроазиатский еврейский ежегодник – 5768 (2007/2008) / Ред. В. Лихачев, В. Палей, А. Федорчук, С. Чарный, М. Членов. – М., 2008. – С. 212–227.
- Фелицын Е.Д.* Западно-Кавказские горцы и ногайцы в XVII столетии по Пейсонелю. Материалы для истории Западно-Кавказских горцев. Трактат о торговле на Черном море. // Кубанский сборник. Труды Кубанского областного статистического комитета, издаваемые под редакцией Е.Д. Фелицына. Екатеринодар: тип. А.П. Сташевского и Л. Нитче, 1891. – Т. 2. – С. 4–32.
- [*Фиркович З.А.*] Сборник старинных грамот и узаконений Российской империи касательно прав и состояния русско-подданных караимов. – СПб: Лештуковская Паровая Скоропечатня П.О. Яблонского, 1890. – 223 с.
- Baranowski B.* Przyczynki stosunkow Karaimow polskich ze Wschodem muzu³manskim // Myœel Karaimska. – Wilno, 1938. – ¹ 12 (1938). – S. 11–19.
- Baranowski B.* Dzieje jasyru na Grodku karaimskim // Myœel Karaimska. – Wrociaw, 1947. – Т. II (1946–1947). – S. 40–52.
- Eszer A* Neue Forschungen zur Geschichte der 2. Krim-Mission der Dommikaner (1635–65) // Archivum Fratrum Praedicatorum. – Roma, 1971. – Vol. 11. – P. 181–234.
- Eszer A* Die «Beschreibung des Schwarzen Meeres und der Tartarei» des Emidio Dortelli d'Ascoli O. P. // Archivum Fratrum Praedicatorum. – Roma, 1972. – Vol. 42. – P. 199–249.
- Kizilov M.* The Black Sea and the Slave Trade: The Role of Crimean Maritime Towns in the Trade in Slaves and Captives in the Fifteenth to Eighteenth Centuries // International Journal of Maritime History. – 2005. – Vol. 17. – № 1. – P. 211–235.
- Kizilov M.* Slaves, Money Lenders, and Prisoner Guards: The Jews and the Trade in Slaves and Captives in the Crimean Khanate // Journal of Jewish Studies. – Vol. LVIII, № 2, autumn 2007. – P. 1–22 (separate print).
- Kizilov M.* Slave Trade in the Early Modern Crimea from the Perspective of Christian, Muslim, and Jewish Sources // Journal of Early Modern History. – 2007. – Vol. 11. – № 1–2. – P. 1–31.

[Mardkowicz A] Uruw adB ary KarajB arnyn [Nazwiska Karaimy] // Karaj Awazy. – Luck, 1934. – Z. 7. – S. 21–24.

Retowski O. Die Münzen der Girei // Труды Московского Нумизматического Общества. – М., 1903. – Т 3, Вып. 1. – С. 240–308.

Sulimowicz A. Imiona Karaimów z Halicza // Awazy. – 2004. – Z. 1 (8). – S. 3–5.

Д.А. Прохоров

ГОСПОДАРЬСКА ДІЯЛЬНІСТЬ ТА ОСНОВНІ ЗАНЯТТЯ КРИМСЬКИХ КАРАЇМІВ В XIII–XVIII ст.: РОЗВИТОК РЕМЕСЛА, ПРОМИСЛІВ ТА ТОРГОВЛІ

Резюме

Стаття присвячена історії розвитку торгівлі, промислів і ремісничого виробництва в караїмських громадах Криму в XV–XVIII ст. На ґрунті проаналізованих джерел можна зробити висновок про те, що переважну більшість членів кримських караїмських громад з часу їх появи на Кримському півострові складали ремісники і купці. Найбільш поширеним заняттям серед них був шкіряний промисел, причому караїми були задіяні у всіх його стадіях – від вироблення самих шкір аж до торгівлі різноманітними виробами із шкіри, що мали стабільний попит як в самому Кримському ханстві, так і за його межами. Розвитку набули такі ремесла, як зброяне, ювелірне; серед караїмів налічувалося немало фахівців з обробки каменю, а також лихварів. Особливо великий попит в Кримському ханстві був на солевидобуток і супутні з ним галузі, що зумовило зайнятість караїмів і в цьому промислі. Широке поширення в караїмських громадах Криму набуло землеробство, скотарство, бджільництво і городництво. Одними з важливих галузей господарства, в яких були задіяні члени караїмських громад, були також садівництво, виноградарство і виноробство. Однак найбільший поштовх в своєму розвитку отримала в XVI–XVIII ст. торгівля, яка приносила чималий дохід ханській казні. Головними торгівельними центрами півострова були міста, в яких існували великі караїмські громади – Чуфут-Кале, Кафа, Карасубазар, Гезльов; не дивлячись на заборону щодо постійного мешкання в Бахчисараї, яка була накладена на караїмів, наявність караїмського купецького елемента фіксується і в столиці Кримського ханства. На підставі даних різних джерел можна зробити висновок про те, що до середини XVI ст. ремісниче виробництво в Кримському ханстві знаходилося переважно в руках немусульманської частки населення, і, зокрема, кримських караїмів.

Д.А. Прохоров

ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ОСНОВНЫЕ ЗАНЯТИЯ КРЫМСКИХ КАРАИМОВ В XIII–XVIII вв.: РАЗВИТИЕ РЕМЕСЕЛ, ПРОМЫСЛОВ И ТОРГОВЛИ

Резюме

В статье рассматривается история развития торговли, промыслов и ремесел в караимских общинах Крыма в XV–XVIII вв. На основании проанализированных источников можно сделать вывод о том, что подавляющее большинство членов крымских караимских общин с момента своего появления на Крымском полуострове составляли ремесленники и купцы. Наиболее распространенным занятием являлся кожевенный промысел, причем караимы были заняты во всех его стадиях – от выделки кожи вплоть до торговли разнообразными изделиями из нее, пользовавшимися стабильным спросом как в самом Крымском ханстве, так и за его пределами. В значительной степени развивались и такие ремесла, как оружейное, ювелирное, каменотесное дело; среди караимов насчитывалось немало ростовщиков. Особенно большой спрос в Крымском ханстве был на соледобычу и отрасли, с ней связанные, что предопределило занятость караимов и в этом промысле. Широкое распространение в караимских общинах Крыма получило земледелие, скотоводство, пчеловодство и огородничество. Одними из важных отраслей хозяйства, в которых были задействованы члены караимских общин, являлось садоводство, виноградарство и виноделие. Наибольший толчок в своем развитии получила в XVI–XVIII вв. торговля, которая приносила немалый доход в ханскую казну. Основными торговыми центрами полуострова являлись города, в которых существовали крупные караимские общины – Чуфут-Кале, Кафа, Карасубазар, Гезлёв; несмотря на запрет на постоянное жительство в Бахчисарае, наложенный на караимов, наличие караимского купеческого элемента зафиксировано и в столице Крымского ханства. На основании данных различных источников можно сделать вывод о том, что до середины XVI в. ремесленное производство в Крымском ханстве находилось преимущественно в руках немусульманского населения, и, в частности, крымских караимов.

D.A. Prokhorov

ECONOMIC ACTIVITIES AND MAIN OCCUPATIONS OF THE CRIMEAN
KARAITES IN THE 13th – 18th cc.: THE DEVELOPMENT OF CRAFTS,
HANDICRAFTS, AND TRADE

Summary

The article reviews the history of trade, crafts and handicrafts in the Karaite communities of the Crimea in the 15th-18th centuries. Based on the analyzed sources, we can conclude that the vast majority of the Crimean Karaite community, since its appearance on the Crimean peninsula, was craftsmen and merchants. The most common occupation was leather craft. Moreover, the Karaites were employed in all its stages – from tanning up to trade a variety of products, which were in demand both in the Crimean Khanate, and beyond. Such crafts as armory, jeweller's art, stone cutting evolved greatly. A lot of lenders were among the Karaites. Particularly strong demand in the Crimean Khanate was the extraction of salt and industries connected with it. This predetermined the Karaites' employment in this sphere either. Agriculture, cattle breeding, beekeeping and horticulture were widespread in the Karaite communities of the Crimea. One of the important sectors of the economy, in which the members of the Karaite communities were involved, was gardening, viticulture, and winemaking. Trading got the greatest impetus in its development in the 15th-18th centuries, which brought considerable revenue to the Khan's coffers. The main trading centers of the peninsula were the cities where there were big Karaite communities – Chufut Calais, Kafa, Karasubazar, and Gezlev. Despite the ban on permanent residence in Bakhchisarai imposed on the Karaites, Karaite merchant presence in the capital of the Crimean Khanate has been fixed. Based on data from different sources it can be concluded that until the mid 16th century, crafts in the Crimean Khanate was largely in the hands of non-Muslim population, and, in particular, the Crimean Karaites.

ПУБЛИКАЦИИ

А. В. БУЙСКИХ

КРАСНОЛОЩЕННЫЕ РЫБНЫЕ БЛЮДА ИЗ ОЛЬВИИ

Рыбные блюда неаттического происхождения нечасто попадали в поле зрения исследователей Ольвии, еще реже они становились объектом специального изучения. Общеизвестными в настоящее время являются лишь сероглиняные блюда с лощеным покрытием, на них обращают внимание в контексте общих типологических разработок серолощеной посуды [Крапивина 2007, с. 105]. Реже они вводятся в научный оборот в публикациях тех археологических комплексов, в которых они найдены [см., например, блюда в обобщающей публикации керамического комплекса Северной части Нижнего города, где они разделены на лощеные и простые серые: Handberg, Petersen, Guldager Bilde, Hojberg Bjerg, Samojlova 2010, pl. 134, Da-459-Dc-461; 214; Karjaka 2010, G-108,109; 215, G-112,113]. Они редко сохраняются целыми, за исключением находок среди сопровождающего инвентаря в погребениях городского некрополя [Козуб 1974, с. 54, рис. 15, 6; Парович-Пешикан 1974, с. 93, рис. 85, 3].

Отдельно следует упомянуть публикацию рыбных блюд с Западного теменина, где они были открыты в ботросах и интерпретированы среди прочего материала в качестве подношений богам. На наличие разного – красного и серого – покрытия на них было впервые специально обращено внимание, а также рассмотрены варианты оформления краев, при том, что не все сосуды оказались представленными в целых формах [Крапивина 2006, с. 184]. Однако вплоть до настоящего времени отсутствует сводка находок рыбных блюд со всего памятника, в связи с чем неизвестны все детали профилировки доньев и краев, оформление центральной солонки, отсутствует общая типология их форм. С этим связано и отсутствие четких хронологических реперов, ограничивающих время их появления и длительность бытования в керамическом комплексе Ольвии.

В настоящее время можно утверждать, что круглые, с центральной солонкой, серолощенные рыбные блюда производились в Ольвии в классическое время, от второй четверти V в. до н. э. [Крапивина 2006, с. 184; Крапивина 2007, с. 105]. Они изготовлялись и в течение всего IV вв. до н. э., практически вплоть до конца этого столетия, и в позднеклассическое время даже являлись предметом импорта из Ольвии в Тиру [Самойлова 1988, рис. 17, 2] и на поселения Северо-Западной Таврики [Hannestad, Stolba, Nastrup 2002, p. 131;

Казаев 2002, р. 153, С. 28-29]. Именно такие блюда из серой глины, с лощеной, реже нелощеной внутренней поверхностью, отличительной особенностью которых были две узкие каннелюры, акцентированные двумя рельефными валиками по окружности у края, и являются составной частью ольвийского керамического комплекса. Известны они и на синхронных поселениях ольвийской хоры [Крыжицкий и др. 1989, с. 130].

Однако помимо сероглиняных и серолощенных форм, в Ольвии известна еще одна категория рыбных блюд, обладавших идентичной формой, проработкой профильных частей, но имевших красный обжиг, часто со сплошным лощением по внутренней поверхности. А поскольку различия в цвете глины и покрытия зависели лишь от примененной при обжиге сосудов технологии [подробнее об этом см.: Крапивина 1987, с. 71], представляется возможным высказать вполне обоснованное предположение, что и краснолощенные рыбные блюда также являются продукцией местных, ольвийских керамических мастерских. Однако в отличие от широкоизвестных серолощенных, за более чем сто лет раскопок Ольвии только несколько краснолощенных блюд было опубликовано. Тем не менее, эти немногочисленные публикации содержат ценную информацию – упомянутые блюда были найдены в закрытом комплексе святилища на территории предградья Ольвии, отнесенном к VI – начала V вв. до н. э. [Козуб 1975, с. 153, рис. 14], или, как говорилось выше, в ботросах Западного теменоса [Крапивина 2006].

Между тем, в результате планомерных археологических исследований, проводимых Ольвийской экспедицией ИА НАНУ в юго-восточной части римской цитадели Ольвии в последние десятилетия, открыто уже несколько десятков строительных комплексов позднеархаического времени от второй четверти VI по первую четверть V вв. до н. э. Это землянки и полуземлянки, а также различные по назначению ямы и углубления. В засыпи некоторых из них также были обнаружены фрагменты таких рыбных блюд¹. Уже позднее, при обработке массовой коллекции ольвийской расписной керамики позднеархаического времени, я обратила внимание на значительное количество находок рыбных блюд с красным лощеным покрытием. Сложность работы с этим материалом заключалась в том, что практически во всех фондохранилищах фрагменты этих сосудов, исходя, вероятно, из их визуальных характеристик, значатся как «краснолаковые». Именно такая, ставшая традиционной их атрибуция, как представляется, во многом и определила практическую неизвестность краснолощенных рыбных блюд в керамическом комплексе Ольвии догетского времени.

В настоящее время мною учтено около сотни экземпляров блюд с красным лощеным покрытием, включая целые формы и отдельные фрагменты

¹ Участок Р-25 в Ольвии, раскопки В. В. Крапивиной и автора. Предварительную информацию о краснолощенных рыбных блюдах см.: Буйских 2010, с. 46-49.

профильных частей². Такая выборка уже позволяет не только предложить типологию форм этих сосудов, но и сделать ряд предварительных заключений относительно их хронологии, места производства, сопоставив их при этом с уже известными серолощенными блюдами. Поскольку такая работа проводится впервые, то не исключено, что дальнейшие исследования Ольвии принесут новые материалы, которые позволят внести в нее и соответствующие коррективы.

Необходимо отметить, что даже, несмотря на наличие ранних закрытых комплексов с фрагментами рыбных блюд, начинать изучение их появления в Ольвии следует не с местных, а с привозных форм. К таким наверняка относится фрагмент блюда с вертикальным, заостренным и отогнутым бортиком, слегка вогнутой стенкой, округлой в сечении солонкой, покрытый по внутренней стенке и углубленной солонке, а также по внешнему краю неравномерно нанесенным коричневым матовым лаком (рис. 1, 1). Второй фрагмент – это плоская придонная часть блюда, в котором объем солонки выделен только разорванным рельефным бортиком. Внутренняя стенка этого блюда покрыта полосами коричневого лака разной ширины (рис. 1, 2). Характер лакового покрытия, а также единичность этих находок дает основание связывать их с импортом, восточногреческим в широком понимании, и относить ко второй половине VI в. до н. э.

По своей декоративной манере второй фрагмент ничем не отличается от многочисленных открытых форм обширной категории восточногреческой полосатой керамики, наиболее распространенной именно в это время. Блюдо с вертикальным бортиком является, возможно, несколько более поздней репликой близких по форме восточногреческих блюд первой половины VI в. до н. э., найденных в Северо-Западном Причерноморье пока только в Истрии и на Березани [Dupont, Lungu 2007, p. 123 ff.]. На отличие такой формы от хорошо известных образцов классического и эллинистического времени было специально акцентировано внимание [Dupont, Lungu 2007, p. 124].

Действительно, эта форма не послужила исходным вариантом для массового производства рыбных блюд в Ольвии – та коллекция фрагментов рыбных блюд, которая известна в Ольвии, позволяет говорить об этом утвердительно. Поэтому вся та информация, на которую можно доподлинно опираться в настоящее время, позволяет мне высказать два альтернативных предположения. Вероятно, форма рыбного блюда с двумя каннелюрами по краю является изобретением местных гончаров или все-таки удачной,

² В статье использованы материалы из раскопок Ольвии, начиная от 1925 г. – работы под руководством Б. В. Фармаковского (1925-1926), Временного научного совета Укрнауки (1927-1929), Л. М. Славина (1938-1940, 1946-1971), Н. А. Лейпунской, Ю. И. Козуб, А. С. Русяевой после 1971 г., также В. В. Крапивиной и А. В. Буйских за последние два десятилетия. Материалы раскопок хранятся в Николаевском областном краеведческом музее, Национальном историко-археологическом заповеднике «Ольвия» НАН Украины, Институте археологии НАН Украины.

пущенной в массовый тираж репликой пока еще не известной нам привозной керамической формы. Но и украшенный каннелюрами край блюд также не является единственным вариантом решения профиля. Поэтому при создании типологии блюд с красным покрытием учитывалась, прежде всего, форма края. Форма ножки и профиль солонки обладают, как будет видно, второстепенными признаками. Примечательно, что ни один из закрытых комплексов рубежа VI-V вв. и первой половины V в. до н. э. до сих пор не дал ни одного фрагмента серолощеного рыбного блюда при значительном диапазоне других серолощено-открытых и закрытых форм. Это обстоятельство и позволило нам предположить, хотя и не утверждать наверняка, что местное производство краснощенных рыбных блюд могло несколько предшествовать массовому производству их серолощеного варианта. Не исключено, однако, что такое предположение не соответствует действительности, и сероглиняные рыбные блюда в позднеархаических комплексах Ольвии еще предстоит обнаружить.

Пока же все блюда в ранних известных комплексах объединяет плотное покрытие красно-коричневой краской, нанесенной чаще всего с лицевой стороны, реже с обеих сторон, залощенное по поверхности. Отсутствие лощения также известно, хотя и встречается значительно реже. Известно также декоративное покрытие в виде отдельных полос лака как по внутренней, так и по внешней стенке. Глина у таких сосудов близка по своим визуальным характеристикам. Она неплотная, чаще всего насыщена очень мелкими золотистыми, редкими темными и известковыми включениями, цветовая гамма колеблется в желто-розовых, реже красно-коричневых оттенках – 7.5YR 6/6 reddish yellow – 10YR 6/6 brownish red – 7.5YR 6/4 light brown³.

Тип 1. Блюда с каннелированным краем. Представлены двумя вариантами. К первому варианту относятся блюда с двумя широкими (10-13 мм), плоскими или уплощенными каннелюрами, разделенными острыми ребрами или такими же острыми в сечении уступами. Край в таких блюдах горизонтален или слегка загнут, следуя криватуре стенки, прямоугольный или овальный в сечении (рис. 2, 1; 4, 1-4; 5, 1). Диаметры таких блюд – в пределах 24-27 см, диаметры солонок – 6,5-8,5 см. Судя по целым формам, переход от стенки к солонке решен в виде сплошного рельефного бортика. Поэтому не исключено, что и другие фрагменты доньев с аналогичным решением профиля солонок, цилиндрических в сечении, со скругленным дном (рис. 2, 2-3; 3, 1-3) могли относиться к этому варианту. Еще одной особенностью таких блюд является форма ножки – в виде массивного усеченного конуса (рис. 2, 1; 4, 1). Более распространенной, однако, оказалась форма усеченного профилированного поддона с отогнутым округлым или граненым валиком в основании, высота которого зависела от глубины солонки (рис. 2, 2-3; 3, 1-3).

³ Определение цвета глин дано по Munsell Soil Color Charts.

Выделение второго варианта основано на наблюдении над изменением морфологии формы сосудов и их размеров. Край блюд имеет только отогнутый наружу, горизонтальный бортик, иногда слегка загнутый вниз. По краю проведены две узкие каннелюры, разделенные двумя одинаковыми рельефными валиками. Часто каннелюры находятся в одной горизонтальной плоскости. При этом вся ширина края значительно уменьшается относительно блюд первого варианта и равна 1,0-1,3 см, а ширина одной каннелюры при этом становится равной 5-6 мм (рис. 6, 1-4; 7, 1-2; 8, 1). Наблюдается и устойчивое уменьшение размеров этих блюд – их диаметры находятся в диапазоне 20-22 см, диаметры солонок достигают 5-6,5 см, в одном случае – 9 см.

Именно для такой формы характерен, скорее всего, еще один вариант декора – с полосами красной краски по внутренней стенке и солонке (рис. 1, 3-4; 7, 3-4) или только по внешней стенке (рис. 12, 1). Такая схема росписи вполне может исходить от позднеархаических полосатых блюд, принимая также во внимание, что одно из блюд имеет ангобированную светло-желтую поверхность, по которой нанесены полосы (рис. 7, 5). Находка фрагмента такого блюда в полуземлянке рубежа VI-V вв. до н. э. (рис. 7, 4) вполне обоснованно позволяет предположить, что полосатые блюда появляются вместе с краснолощеными и полностью синхронны им. В любом случае, блюдо с ангобированной поверхностью относится к первому варианту первого типа и вряд ли выходит за пределы VI в. до н. э., а блюдо с перфорированным дном⁴ (рис. 7, 3) наверняка принадлежит второму варианту.

Тип 2. Блюда с плоским краем. Характеризуются наличием плоского края, как правило, отогнутого так, что в сечении он имеет чаще всего подтреугольную форму (рис. 9, 1; 10, 1-2; 11, 1-5). Иногда край отделен от вместилища неглубоким профилем (рис. 9, 2). Ширина края 1,1-1,3 см, диаметры блюд составляют 20-24 см, диаметры солонок 6,5-7 см. Пока не удастся проследить, как для блюд первого типа, какую-либо зависимость между размерами блюд и деталями их профиля. Следует обратить внимание, что блюда этого типа часто имели идентичное сплошное красное лощеное покрытие и по внешней стенке (рис. 9, 1; 10, 2), и по внутренней поверхности дна (рис. 12, 3-3). Интересно, что блюда этого типа имеют солонку без ограничительного бортика, часто – со скругленной образующей дна. Однако утверждать наверняка, что все днища с подобными солонками (рис. 13, 1-5; 14, 1-4) принадлежали только блюдам этого типа, из-за малого количества полных профилей, еще рискованно. В коллекции имеется еще несколько единичных вариантов краев блюд, которые пока можно рассматривать как переходные формы (рис. 8, 2-3) между двумя основными типами.

⁴ Преднамеренное пробивание дна (перфорация) носило, как правило, культовый характер и применялось при возлияниях.

Необходимо также коротко рассмотреть вопросы хронологии краснолощенных блюд. Находки их фрагментов в закрытых строительных комплексах, в частности, полуземлянке рубежа VI-V вв. до н. э. (рис. 5, 1) [Крапивина, Буйских, Крутилов 2004/168, с. 75-78], вместе с упоминавшейся находкой из предградья [Козуб 1975 с. 153, рис. 14], позволяют уверенно говорить, что начало их производства приходится уже, как минимум, на последнюю четверть – конец VI в. до н. э. Тогда, исходя из предложенной выше типологии, можно заключить, что блюда первого варианта первого типа являются более ранними, чем блюда второго варианта. Такому наблюдению соответствует и форма известных серолощенных блюд IV в. до н. э. – с горизонтальным бортиком и двумя узкими каннелюрами [Козуб 1974, с. 54, рис. 15, 6; Парович-Пешикан 1974, с. 93, рис. 85, 3]. Она абсолютно идентична форме краснолощенных блюд второго варианта первого типа. Из сказанного следует, что прослеженная динамика изменения формы края блюда – от вогнутого к горизонтальному и каннелюр – от широких к узким может являться надежным хронологическим индикатором для всего длительного периода их производства. Кроме того, в вопросе о месте производства этих блюд, как представляется, наконец можно поставить точку – прослеженная морфология формы в сочетании с примененными разными производственными технологиями, а также длительность их бытования исключает импорт.

На этом фоне интерес представляет то, что ольвийские блюда из серой глины в IV в. до н. э. оказались востребованными и заняли свое место во внутривосточной торговле, по крайней мере, в западной части Черноморского бассейна. При этом нигде не зафиксированы краснолощенные формы, что может свидетельствовать о постепенном затухании их производства и переходе полностью на серолощенные формы. Помимо поселений Северо-Западной Таврики [Hannestad, Stolba, Nastrup 2002, p. 131; Каšaev 2002, p. 153, С 28-29; Котенко 2011, с. 68 сл.], такие блюда известны и в Херсонесе, где они верно отнесены к категории импортов [Ушаков, Струкова 2007, с. 45-47], правда, неизвестного происхождения. Сейчас имеются все основания утверждать, что это ольвийский импорт. Кроме того, проведенный анализ формы ольвийских блюд не позволяет поддержать идею Т. В. Егоровой об их, наоборот, херсонесском происхождении и импорте в Ольвию [Егорова 2009, рис. 50-51, с. 66-67]. Эта гипотеза была высказана на ограниченном материале, без учета ольвийской коллекции и без привлечения необходимой аргументации.

Представляется, однако, что херсонесское (южное) направление не было единственным. Можно выделить и западное направление. Такие изделия известны в Тире [Самойлова 1988, рис. 17, 2], где они уверенно относятся к ольвийской продукции. Аналогичные по форме серые рыбные блюда обнаружены в некрополях поблизости Истрии [Teleaga, Zirra 2003, S. 53-54] и Аполлонии Понтийской [Венедиков и др. 1963, рис. 90, № 626-629, с. 232-233], где, по предположению

авторов раскопок, все они (а в случае с Истрией – большинство) принадлежат к местной керамической продукции раннеэллинистического времени. Существенно то, что во всех перечисленных центрах, как и в Ольвии, серые рыбные блюда имели идентичную профилировку горизонтального края с двумя узкими каннелюрами. Поэтому на фоне того, что известно в настоящее время о красно- и сероглиняных рыбных блюдах из Ольвии, предположение об их широком импорте в регион Западного Причерноморья в позднеклассическое – раннеэллинистическое время не выглядит нереальным, хотя и носит характер гипотезы.

ЛИТЕРАТУРА

- Венедиков И., Герасимов Т., Дремсизова Ц. и др. Аполония. Разкопките в некропола на Аполония през 1947-1949 г. – София, 1963.
- Буйских А. В. О начале производства рыбных блюд в Ольвии // Боспорские чтения. – 2010. – Вып. XI.
- Егорова Т. В. Чернолаковая керамика IV-II вв. до н. э. с памятников Северо-Западного Крыма. – М., 2009.
- Козуб Ю.И. Некрополь Ольвии V-IV ст. до н.э. – К., 1974.
- Козуб Ю. И. Древнейшее святилище Ольвии // Ольвия. – К., 1975.
- Котенко В. В. Сіролощена кераміка з поселення Маслини // Археологія. – 2011. – 2011. - № 1. – С. 68-76.
- Крапивина В. В. Простая столовая керамика // Культура населения Ольвии и ее округи в архаическое время. – К., 1987.
- Крапивина В. В., Буйских А. В., Крутилов В. В. Отчет о раскопках на участке Р-25 в Ольвии в 2004 г. // НА ИА НАНУ. – 2004/168. – Ф.е. 28102.
- Крапивина В. В. Простая столовая посуда // Древнейший теменос Ольвии Понтийской. – Симферополь, 2006.
- Кравівіна В. В. Сіроглиняна кераміка Ольвії VI-V ст. до н. е. // Археологія. – 2007. - № 1.
- Крыжицкий С. Д. и др. Сельская округа Ольвии. – К., 1989.
- Парович-Пешикан М. Некрополь Ольвии эллинистического времени. – К., 1974.
- Самойлова Т. Л. Тира в VI-I вв. до н. э. – К., 1988.
- Ушаков С. В., Струкова Е. В. Сероглиняная керамика с черным покрытием из раскопок ХСVII квартала Херсонеса Таврического // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века: материалы XII международной научной конференции. – Ростов-на-Дону, 2007.
- Dupont P., Lungu V. Note sur l'origine des plats a poisson du Pont-Euxin // Pontica. – 2007. – XL.
- Handberg S., Petersen Ja. H., Guldager Bilde P., Hojberg Bjerg L. M., Samojlova T. Glossed Pottery // N. A. Lejpuskaja & others (eds.). The Lower City of Olbia (Sector NGS) in the 6th Century BC to the 4th Century AD. – Aarhus, 2010.
- Hannestad L., Stolba V.F., Hastrup H.B. Black-Glazed, Red-Figure, and Gray Ware Pottery // Hannestad L., Stolba V.F., Šeéglov A.N. Panskoe I. The Monumental Building U 6. – Aarhus, 2002.
- Karjaka A V. Greyware Pottery // N. A. Lejpuskaja & others (eds.). The Lower City of Olbia (Sector NGS) in the 6th Century BC to the 4th Century AD. – Aarhus, 2010.
- Kašaeв S.V. Commonware // Hannestad L., Stolba V.F., Šeéglov A.N. Panskoe I. The Monumental Building U 6. – Aarhus, 2002.
- Teleaga E., Zirra V. Die Nekropole des 6.-1. Jhs. v. Chr von Istria Bent bei Histria. – Rahden/West., 2003.

А.В. Буйських

ЧЕРВОНОЛОЩЕНІ РИБНІ БЛЮДА З ОЛЬВІЇ

Резюме

Публікацію присвячено червонолощеним рибним блюдам – новій категорії столових відкритих форм спеціального призначення в керамічному комплексі Ольвії догетського часу. Аналіз близько сотні фрагментів посудин дозволив запропонувати типологію їх форми, виходячи з особливостей профілювання країв. До типу 1 відносяться блюда з канелюрами вздовж краю, до типу 2 – блюда з плоским краєм. За матеріалами закритих комплексів пізньоархаїчного часу встановлено, що червонолощені рибні блюда відносяться до місцевого ольвійського виробництва і беруть початок в останній чверті – кінці VI ст. до н. е. Відповідність форми відомим сіроглиняним і сіролощеним блюдам дозволила дійти висновку про їхнє паралельне виробництво в Ольвії протягом більше, аніж двох сторіч. Висловлене припущення про широкий імпорт сірих рибних блюде саме з Ольвії в західнопонтійський регіон в IV ст. до н. е.

А.В. Буйских

КРАСНОЛОЩЕННЫЕ РЫБНЫЕ БЛЮДА ИЗ ОЛЬВИИ

Резюме

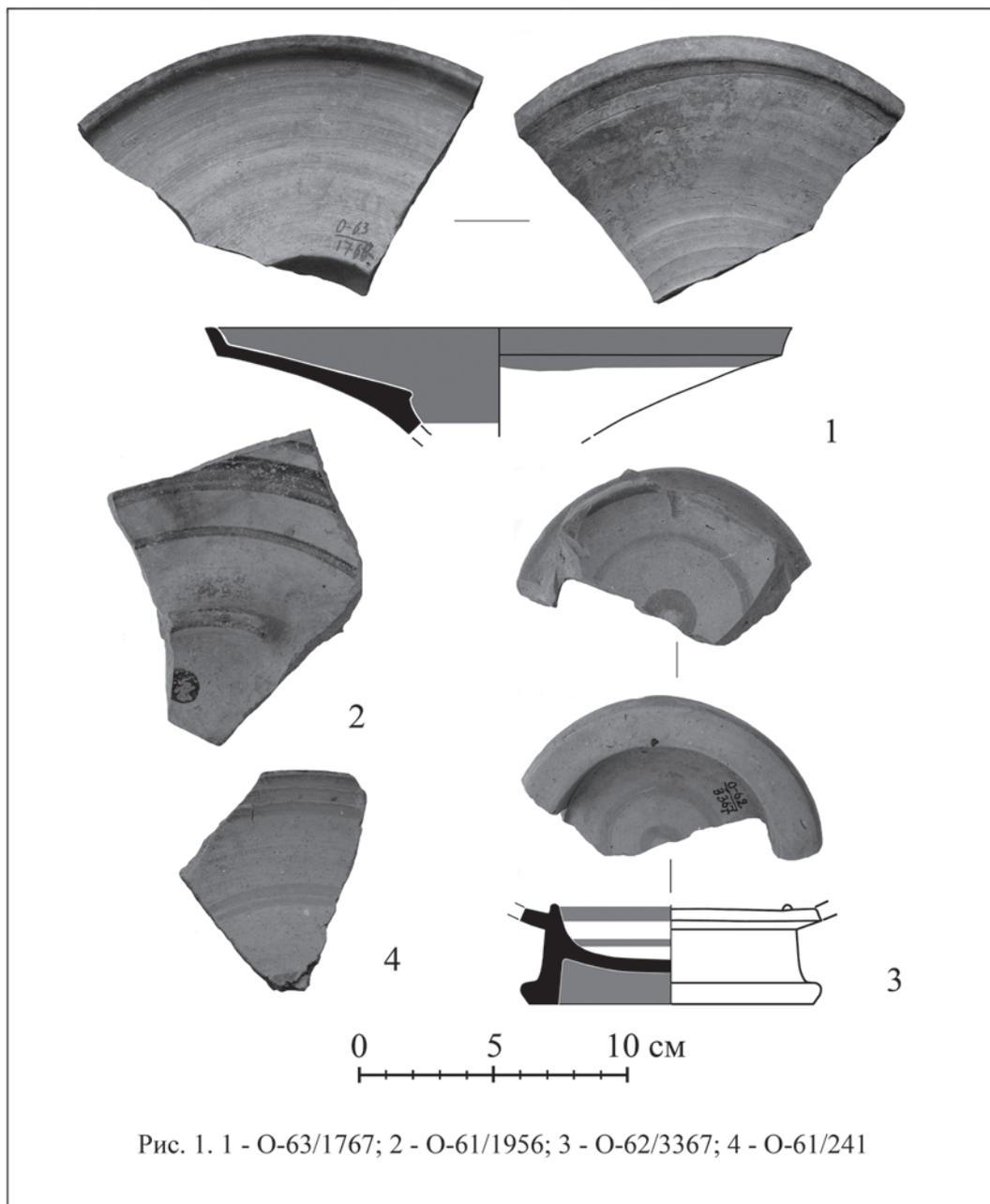
Публикация посвящена краснолощенным рыбным блюдам – новой категории столовых открытых форм специального назначения в керамическом комплексе Ольвии догетского времени. Анализ около сотни фрагментов сосудов позволил предложить типологию их формы, исходя из особенностей профилировки краев. К типу 1 относятся блюда с канелированным краем, к типу 2 – блюда с плоским краем. По материалам закрытых комплексов позднеархаического времени установлено, что краснолощенные рыбные блюда относятся к местному ольвийскому производству и берут свое начало в последней четверти – конце VI в. до н. э. Идентичность их формы известным сероглиняным и серолощеным блюдами позволила сделать заключение об их параллельном производстве в Ольвии в течение более чем двух столетий. Высказано предположение о широком импорте серых рыбных блюде именно из Ольвии в западнопонтийский регион в IV в. до н. э.

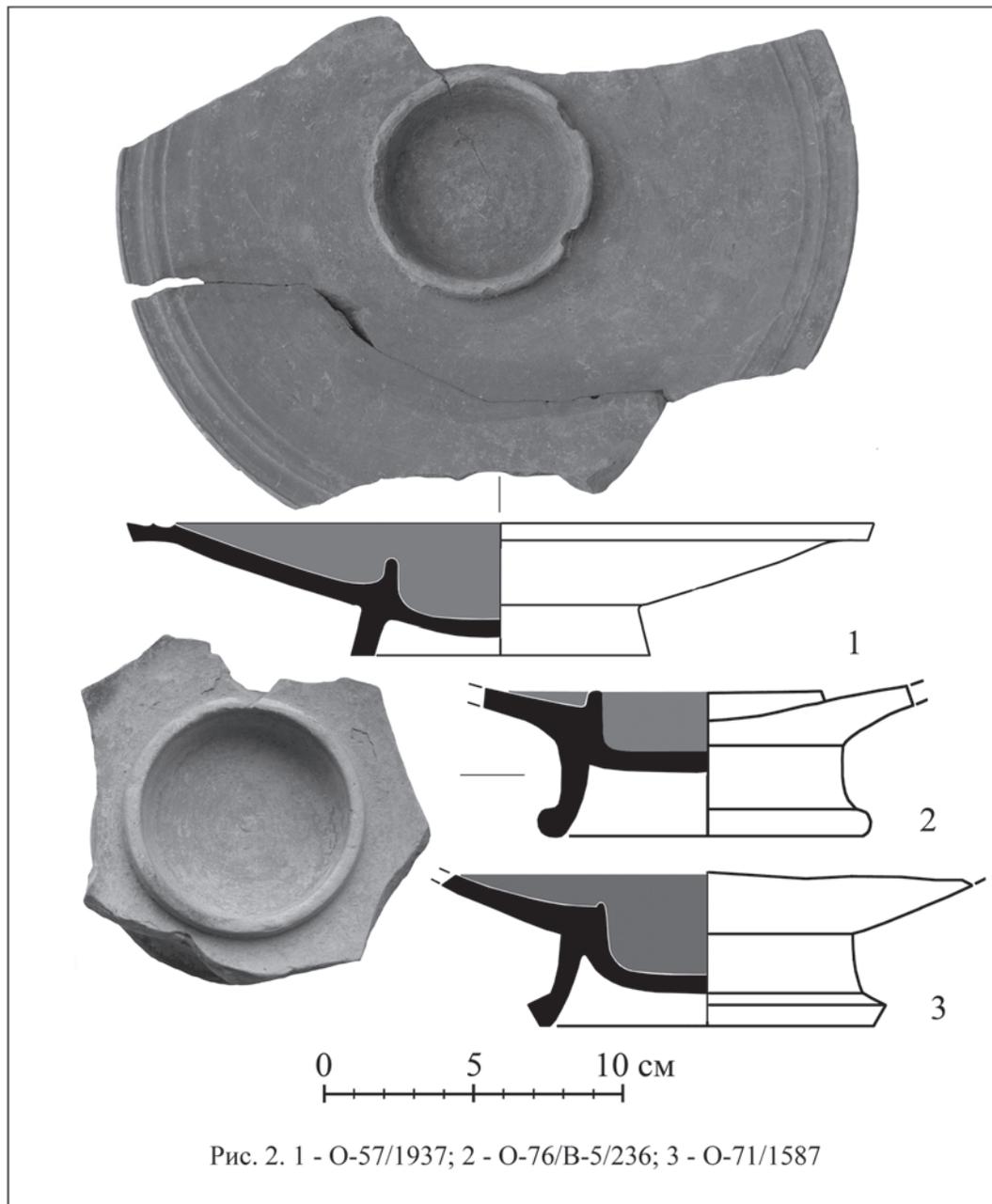
A.V. Buiskikh

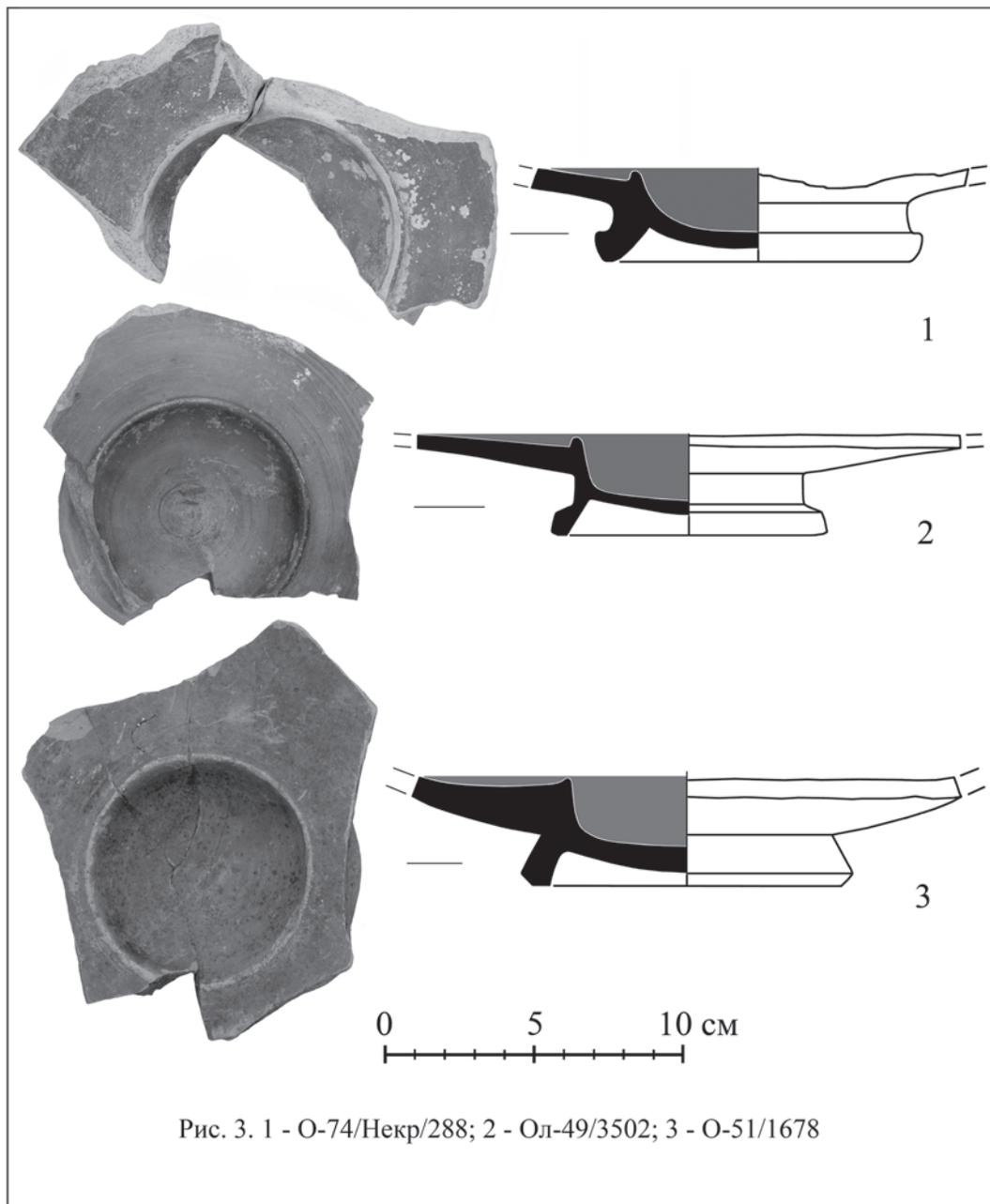
RED GLAZED FISH DISHES FROM OLBIA

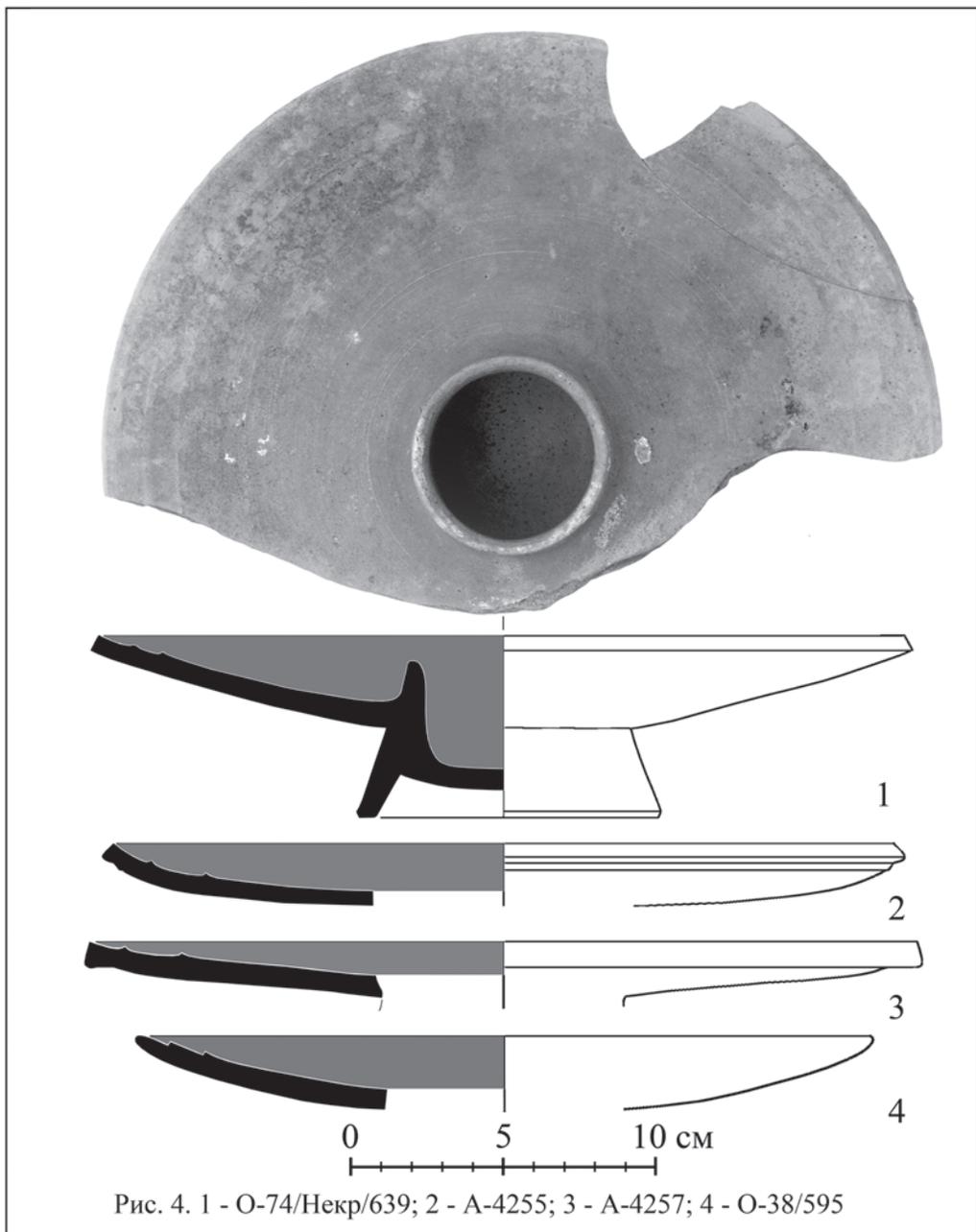
Summary

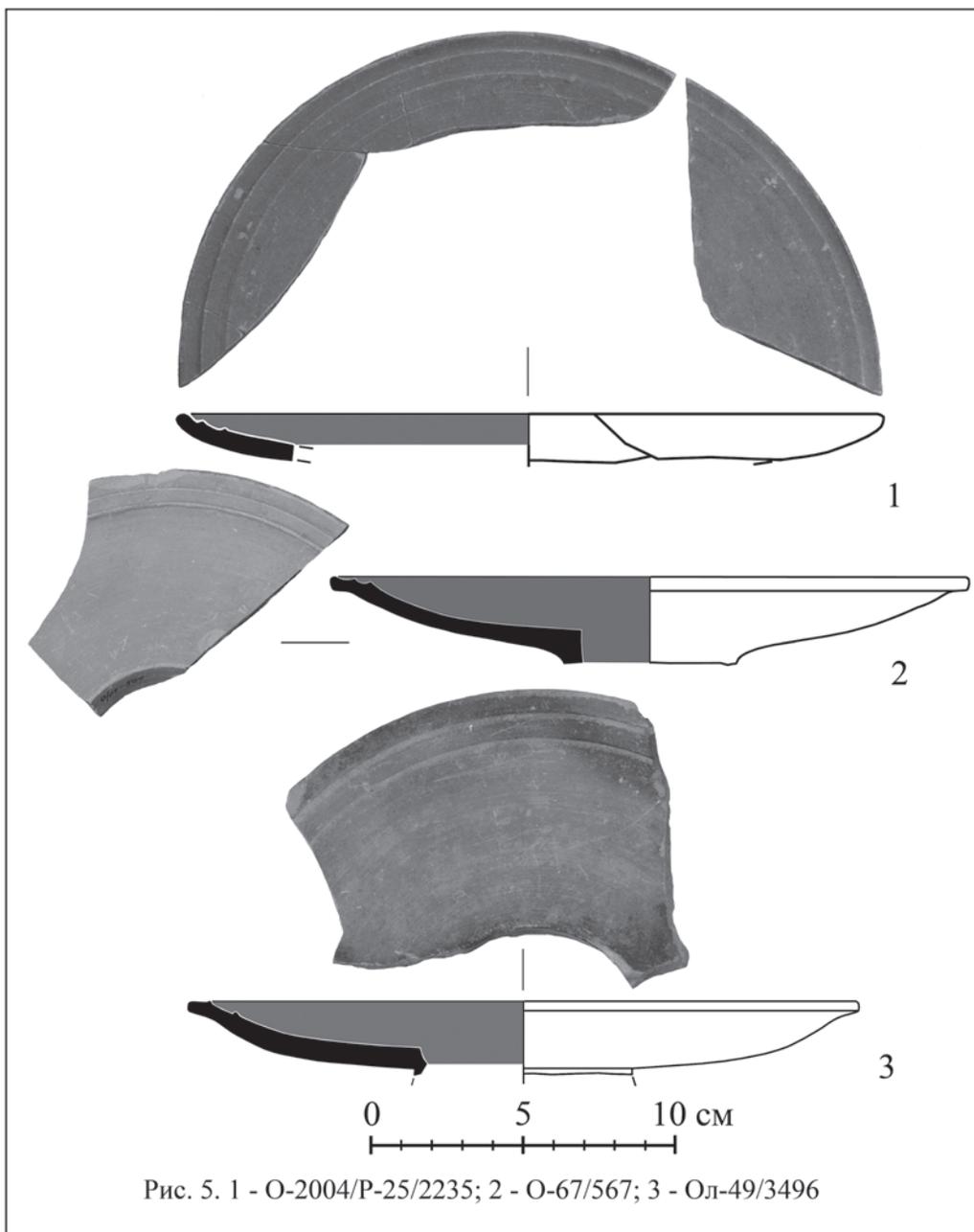
The publication is devoted to red glazed fish dishes – a new category of table open forms of special purpose in the ceramic complex of Olbia in pre-Getic time. Analysis of nearly one hundred fragments of vessels allowed offering a typology of their form basing on the peculiarities of polishing the edges. Dishes with fluted edges belong to type 1, and dishes with flat edges belong to type 2. It was established on the materials of closed assemblages of Late Archaic time, that red glazed fish dishes were local Olbian production and had their origins in the last quarter – the end of the 6th century BC. The identity of their forms with known grey clay and grey polished dishes allowed concluding their parallel production in Olbia for more than two centuries. The assumption has been made about the wide import of the grey fish dishes in the West Pontic region in the 4th century BC from Olbia namely.

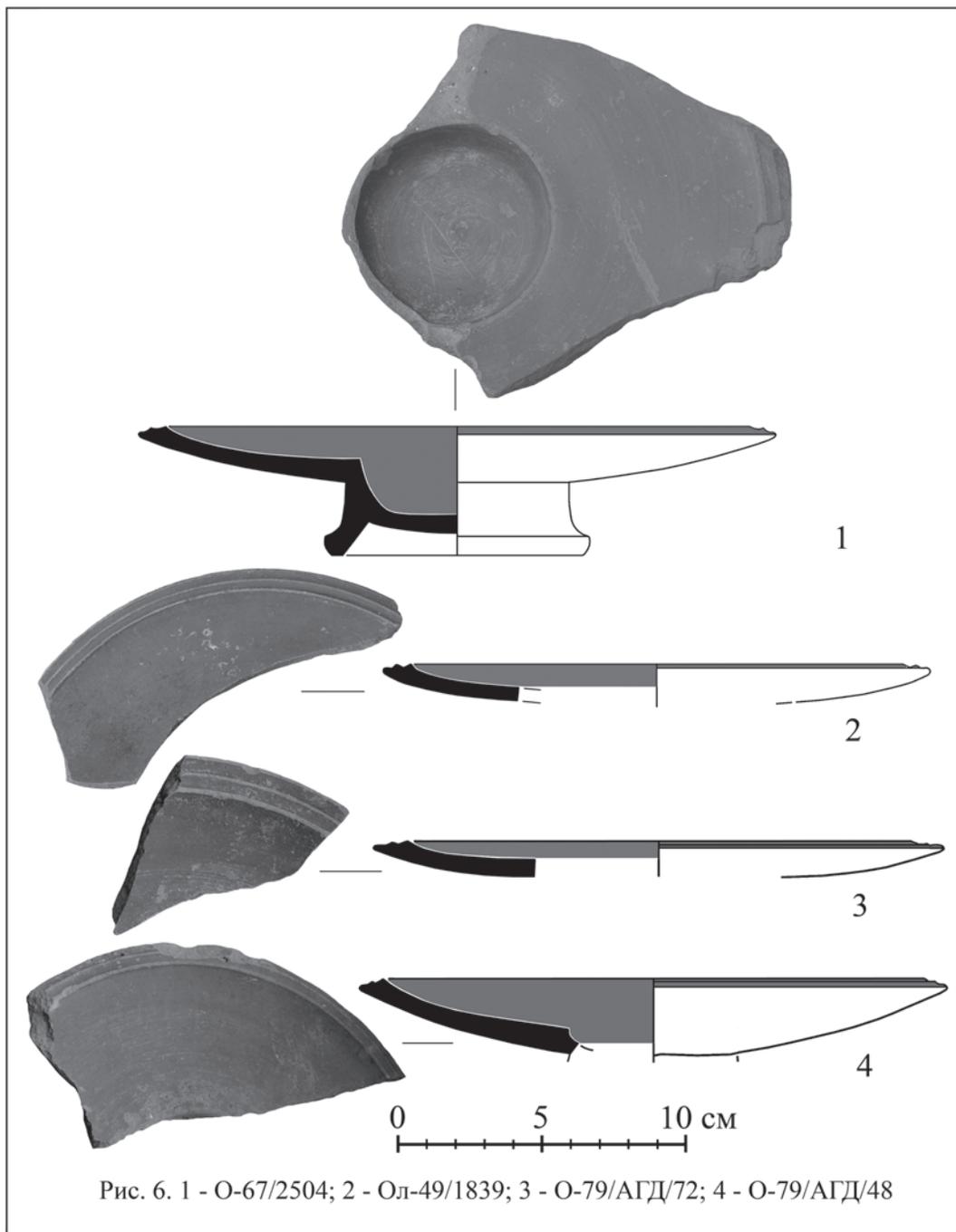

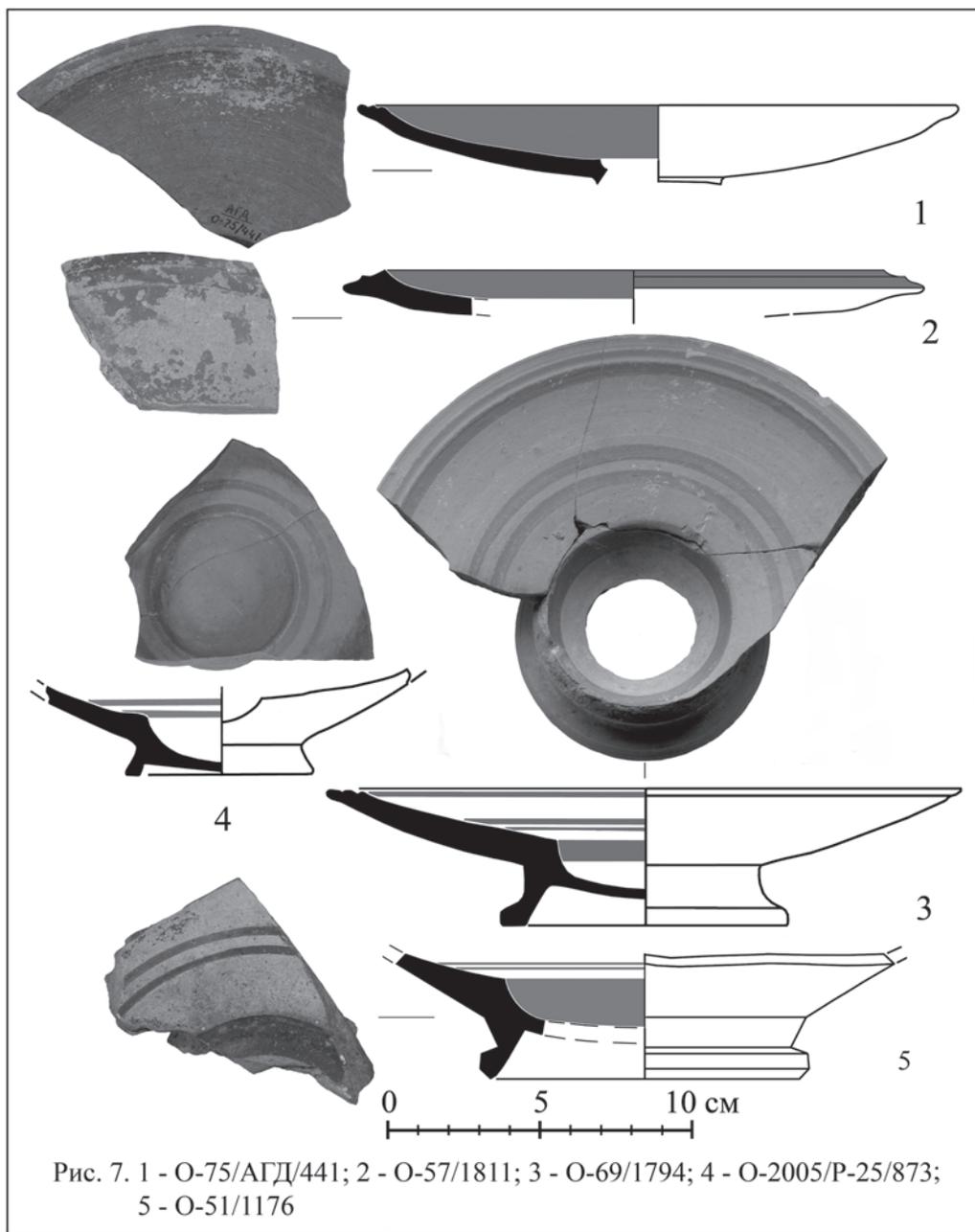

Рис. 7. 1 - О-75/АГД/441; 2 - О-57/1811; 3 - О-69/1794; 4 - О-2005/Р-25/873; 5 - О-51/1176

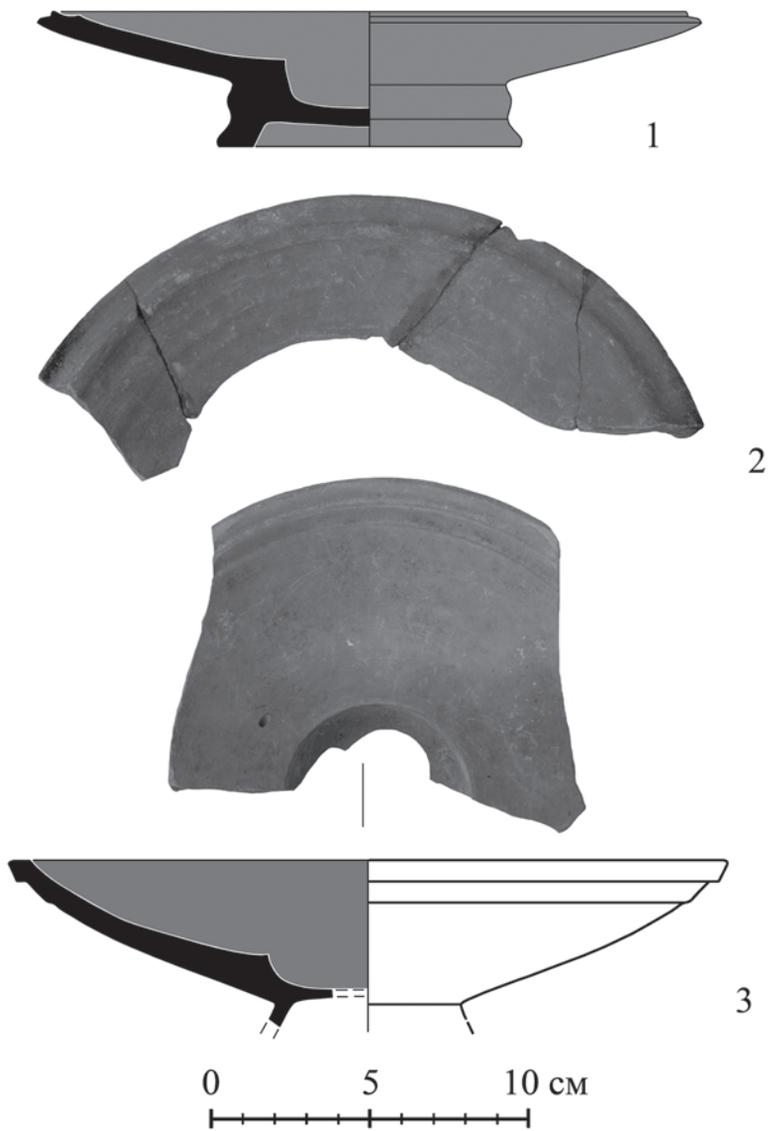

Рис. 8. 1 - O-54/2506; 2 - O-57/382; 3 - O-57/1538

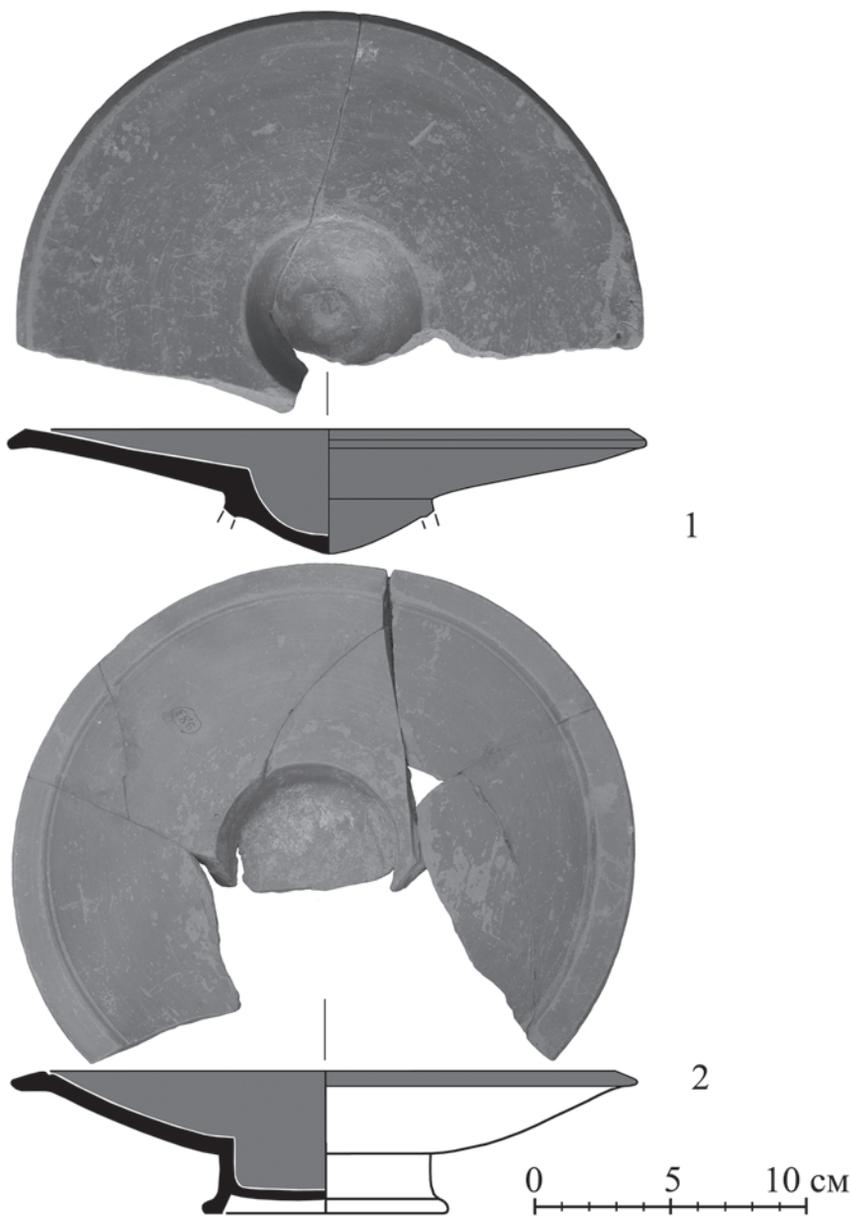
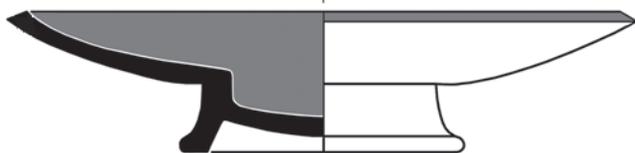
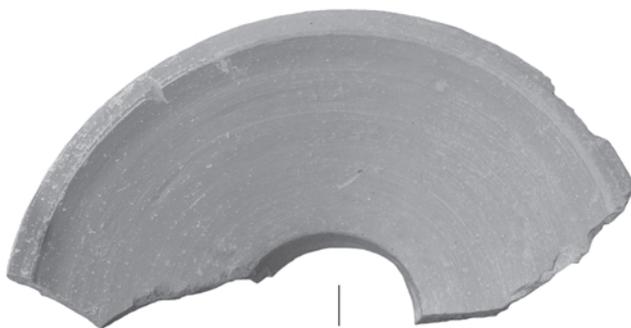

Рис. 9. 1 - О-79/Некр/246; 2 - О-79/АГД/330

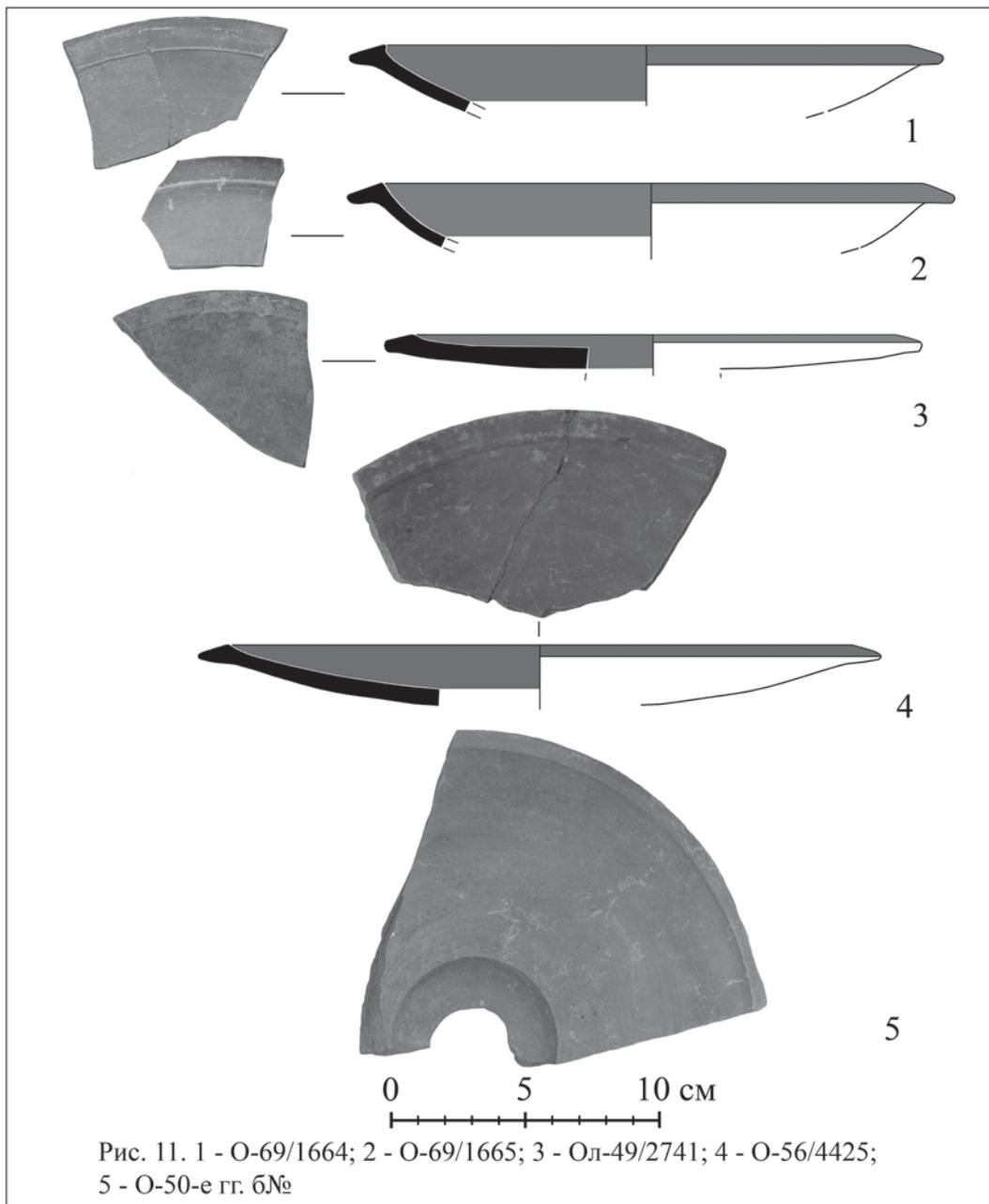
1

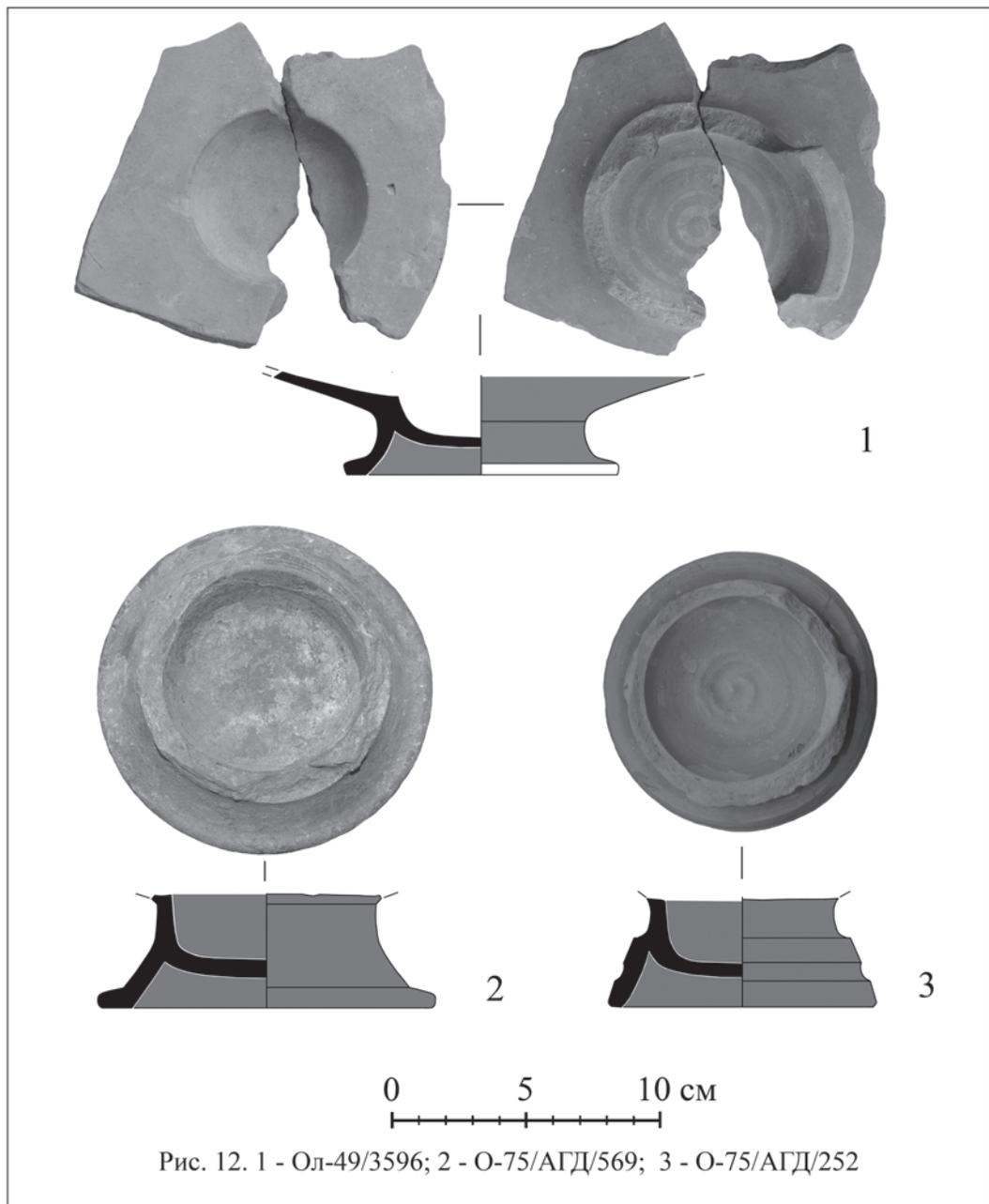

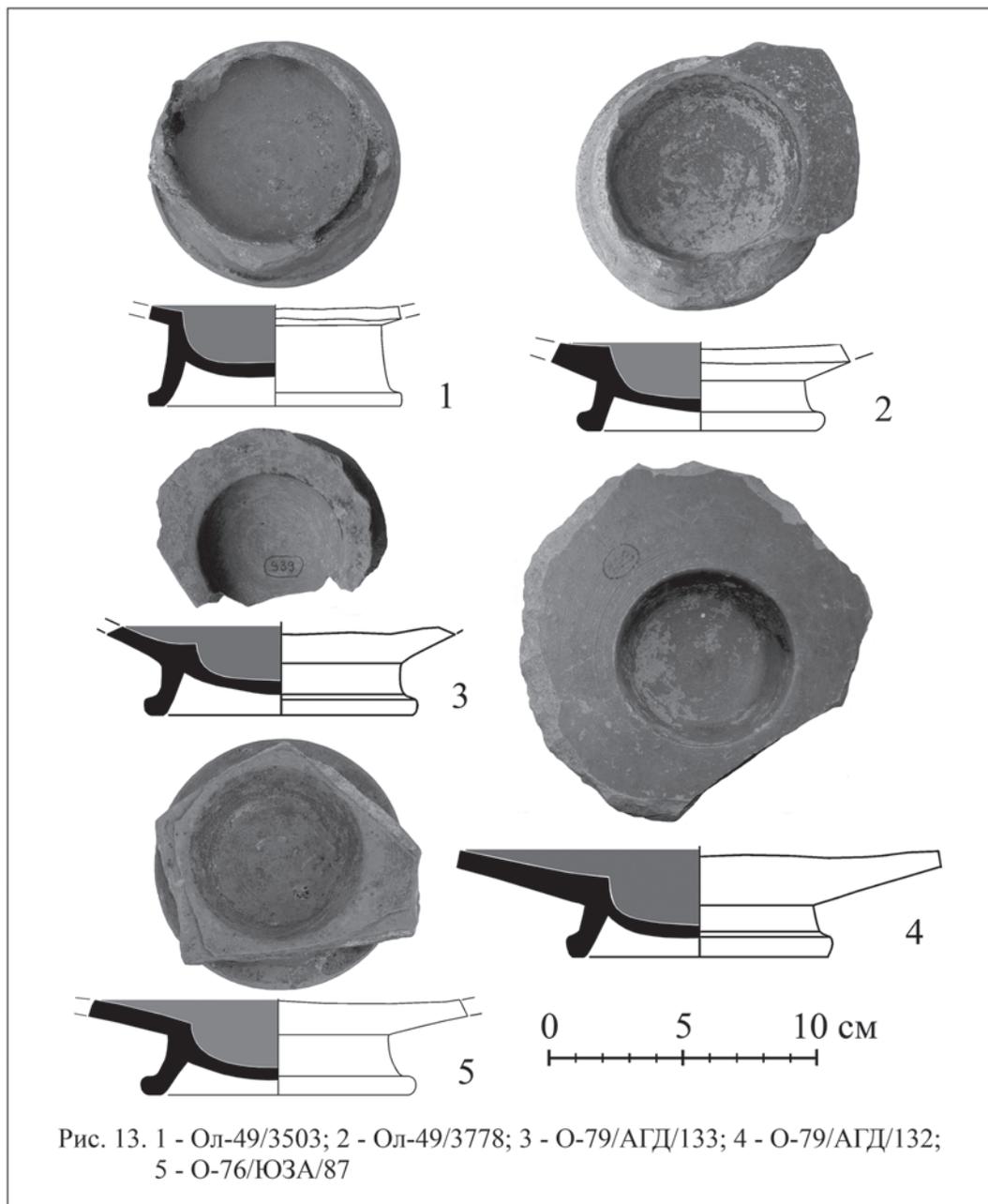
2

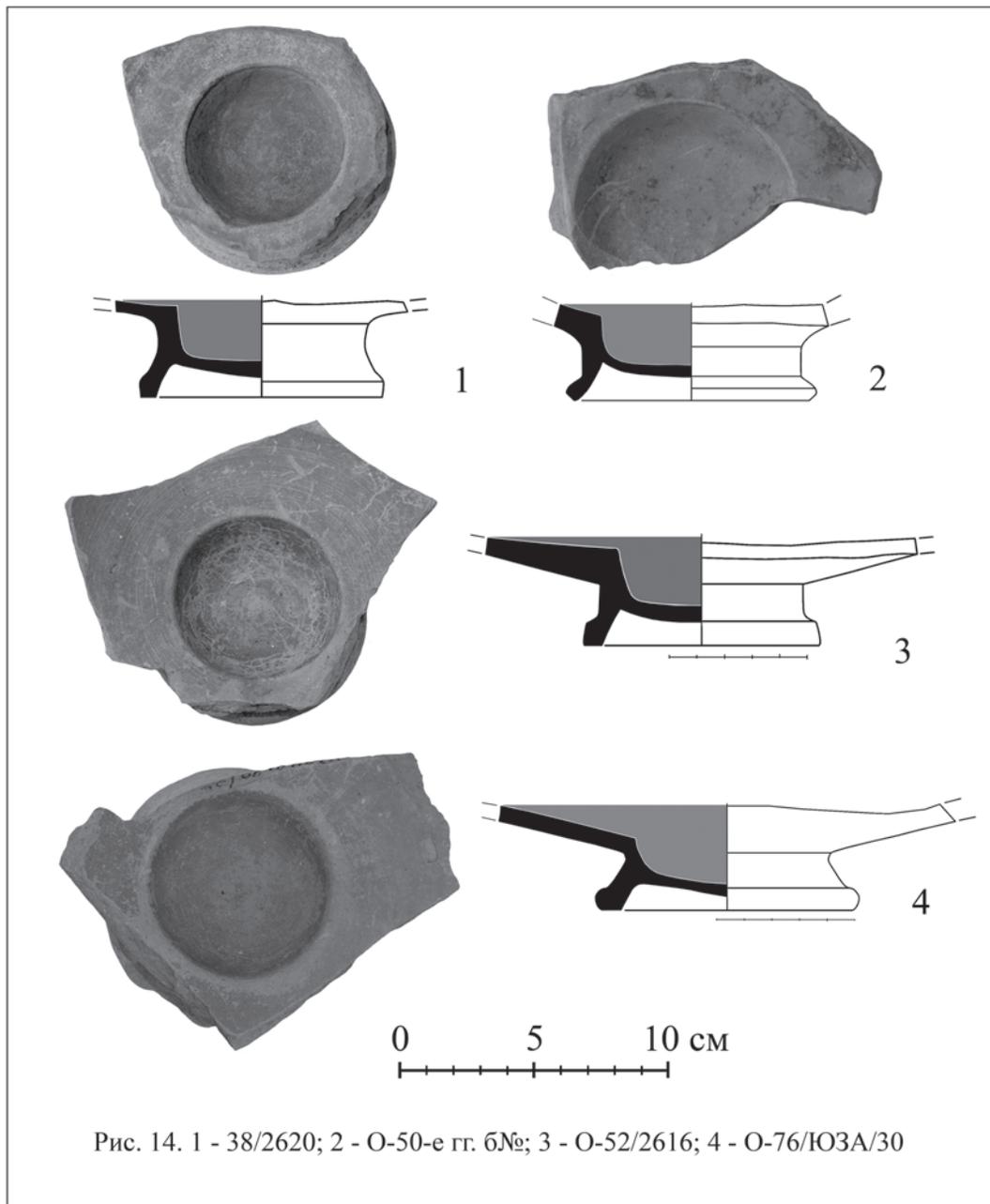
0 5 10 см

Рис. 10. 1 - О-76/АГД/18, 62; 2 - О-69/1377

И.И. ШКРИБЛЯК

КОСТЯНАЯ ЗАСТЕЖКА ИЗ ГОРОДИЩА АК-КАЯ В ЦЕНТРАЛЬНОМ КРЫМУ

В 2008 году при раскопках городища Ак-Кая (с. Вишенное, Белогорский р-н, АРК) был найден костяной предмет (рис. 1), не типичный для позднескифского времени и представляющий интерес в качестве объекта специального исследования.

Обстоятельства находки. В раскопе сектора 6D в 2001 и 2007 – 2008 гг. было исследовано помещение с многослойным глинобитным полом, примыкающее к восточной оборонительной стене крепости и предварительно интерпретированное в качестве святилища. При разборке слоя золистого гумуса между верхним и залегающим ниже уровнями глинобитных полов и был найден костяной стержень. Стратиграфическая ситуация и сопровождающий археологический материал позволяют датировать слой, в котором найден данный предмет, концом III – нач. II вв. до н.э.¹

Описание предмета. Публикуемый предмет представляет собой круглый в сечении стержень сложной формы длиной 6,2 см и толщиной в среднем 0,7 см. Центральная его часть наиболее тонкая, выполнена в виде кругового перехвата. Окончания представляют собой конусовидные утолщения с закругленными и слегка утолщенными вершинами.

Внешний вид и параметры предмета позволяют определить его в качестве застежки; согласно общепринятому мнению, предметы подобной формы применялись для застегивания клапанов на карманах (отделениях) для стрел в скифских горитах [Черненко 1981].

Первое подробное исследование подобных деталей горита (как костяных, так и металлических) было проведено В.А. Ильинской [1968]. До этой работы детали колчанов и горитов чаще всего публиковались в контексте погребальных комплексов без указания расположения, что затрудняло их интерпретацию. Кроме того, необратимые последствия имела и деятельность грабителей, после которой собранные вещи просто описывались, а их назначение только предполагалось. Так, например, при описании находок из камеры

¹ Приношу благодарность Ю.П. Зайцеву за возможность опубликовать находку и предоставленную информацию.

ограбленного кургана у с. Журовка, А.А. Бобринский употребляет термин «костяной штифтик» [Бобринский 1905а], а в другом случае объясняет стертость центральной части костяного изделия действием тетивы, подразумевая при этом использование его в качестве детали лука [Бобринский 1905]. Возможность определить правильное значение упомянутых предметов появилась лишь тогда, когда раскопки погребальных памятников стали детально документироваться, а отчеты – публиковаться.

Следующий исчерпывающий анализ застежек горитов был проведен Е.В. Черненко, который дополнил и уточнил источниковую базу В.А. Ильинской [Черненко 1981]. Исследователь указывал на то, что застежки были найдены в основном в скифских комплексах VI – нач. V вв. до н.э., а в более позднее время неизвестны. В последующих работах наличие таких предметов в погребениях было признано надежным датирующим признаком в основном раннескифских памятников [Мурзин 1984]. При этом было высказано предположение о том, что исчезновение застежек из колчаных наборов обусловлено изменением конструкции самих горитов в V в. до н.э. [Ольховский 1991].

При картографировании всех подобных артефактов, известных к настоящему времени, выяснилось следующее:

1. В VII и самом начале VI вв. до н.э. небольшая группа костяных застежек появляется на Северном Кавказе. Застежки, выполненные из металла, зафиксированы лишь в 4-м Келермесском кургане [Артамонов 1966] и в кургане на Темир-Горе [Яковенко 1972].
2. В VI в. до н.э. происходит повсеместное распространение застежек обеих разновидностей на Северном Кавказе [Абрамова 1974] и на Нижнем Дону (костяные) [Кореняко, Максименко 1978], в Посулье и в Поднепровье (металлические и костяные), где наблюдается их наибольшая концентрация [Ильинская 1968].
3. Известны также единичные их находки в Северо-Западном Причерноморье (Ольвия [Капошина 1956], Днестровско-Дунайском междуречье [Субботин, Загинайло, Шмаглий 1972]) в Центральном Крыму и на территории Западной Украины – в бассейне Днестра [Смирнова 1979].
4. V в. до н.э. датирована лишь одна бронзовая застежка – из кургана Старшая Могила у с. Аксютинцы [Ильинская 1968].

Возникает вопрос: каким образом застежка от колчана, которая является надежным индикатором степной скифской культуры VI в. до н.э., оказалась на позднескифском памятнике в хронологическом контексте III-II вв. до н.э.? По одной версии надо полагать, что мы имеем здесь дело с явным архаизмом, пережитком культуры [Тайлор 1989]. Другими словами, можно предположить, что у варварского населения Крыма эллинистического времени довольно ощутимо сохранялись традиции скифской степной культуры. Учитывая неординарность памятника, его «столичный» характер [Зайцев 2009],

определяющий наличие аристократической прослойки среди его жителей, можно предположить, что элита «позднескифского» общества в III-II вв. до н.э. сохраняла традиции кочевого уклада жизни, что подтверждается и другими данными.

Другой вариант – культовое назначение предмета, использование его в качестве амулета, связанного с почитанием героизированных предков. В пользу такого предположения может свидетельствовать контекст находки – вместе с фрагментом посвяtitельного графитти, в святилище, следующий горизонт существования которого отмечен глинобитным жертвенником и находками лепных курильниц и керамических алтариков, имеющих аналогии в Южном дворце Неаполя Скифского [Зайцев 2002]. В таком случае эта вещь могла иметь функцию оберега и в этом качестве была специально оставлена в святилище.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамова М.П.* Новые погребения скифского времени с территории Центрального Предкавказья // СА. 1974. № 2.
- Артамонов М.И.* Сокровища скифских курганов. Л. 1966.
- Бобринский А.А.* Отчет о раскопках, произведенных в 1903 году в Чигиринском уезде Киевской губернии // ИАК. 1905. Вып. 14
- Бобринский А.А.* Отчет о раскопках близ с. Журовки и Капитановки (Чигиринского уезда Киевской губернии) в 1904 г. // ИАК. 1905а. Вып. 17.
- Зайцев Ю.П.* Крепость Ак-Кая в Центральном Крыму. Первые итоги и перспективы исследования. Доклад на 5-м Таманском международном археологическом конгрессе. Пересыпь, Россия, 6 октября 2009 г.
- Зайцев Ю.П.* Неаполь Скифский во II в. до н.э. - III в. н.э. Симферополь. 2003.
- Ильинская В. А.* Скифы Днепровского лесостепного Левобережья. К. 1968.
- Ильинская В. А., Тереножкин А. И.* Скифия VII—IV вв. до н. э. К. 1983.
- Капошина С.И.* О скифских элементах в культуре Ольвии // МИА. 1956. Вып. 50.
- Корняко В. А., Максименко В. Е.* Погребения раннего железного века в бассейне Нижнего Дона — СА. 1978. № 3.
- Мурзин В.Ю.* Скифская архаика Северного Причерноморья. К. 1984.
- Ольховский В.С.* Погребально-поминальная обрядность населения Степной Скифии (VII—III вв. до н.э.) М. 1991
- Смирнова Г.И.* Курганы у села Перебыковцы - новый могильник скифской архаики на Среднем Днестре // ТГЭ. 1979. XX.
- Субботин Л.В., Загинайло А.Г., Шмаглий Н.М.* Курганы у с. Огородное // МАСП. Одесса. 1972. Вып. 6.
- Тайлор Э.Б.* Первобытная культура. М. 1989.
- Черненко Е.В.* Скифские лучники. К.1981.
- Яковенко Э.В.* Курган на Темир-Гоге // СА. 1972. № 3.

И.И. Шкрибляк

КІСТЯНА ЗАСТІБКА З ГОРОДИЩА АК-КАЯ У ЦЕНТРАЛЬНОМУ КРИМУ

Резюме

При розкопках городища Ак-Кая (с. Вишине, Белогірський р-н, Крим) був знайдений кістяний предмет, не типовий для пізньоскіфського часу. Зовнішній вигляд та параметри предмету дозволяють визначити його в якості застібки для застібання клапанів на кишнях для стріл у скіфських горитах VI-V ст. до н.е.

И.И. Шкрибляк

КОСТЯНАЯ ЗАСТЕЖКА ИЗ ГОРОДИЩА АК-КАЯ
В ЦЕНТРАЛЬНОМ КРЫМУ

Резюме

При раскопках городища Ак-Кая (с. Вишенное, Белогорский р-н, Крым) был найден костяной предмет, не типичный для позднескифского времени. Внешний вид и параметры предмета позволяют определить его в качестве застежки для застегивания клапанов на карманах для стрел в скифских горитах VI-V вв. до н.э.

I.I. Shkriblyak

BONE FASTENER FROM THE SETTLEMENT OF AK-KAYA
IN THE CENTRAL CRIMEA

Summary

During excavation of the settlement of Ak-Kaya (village Vishennoye, Belogorsky region, the Crimea), a bone object, unusual for Late Scythian time, was found. The look and parameters of the object make possible to identify it as a fastener for fastening the valve on the pocket for arrows in the Scythian gorytoi of the 6th - the 5th cc. BC.

Рис. 1. Костяная застежка из городища Ак-Кая/Вишенное. Фото и прорисовка.

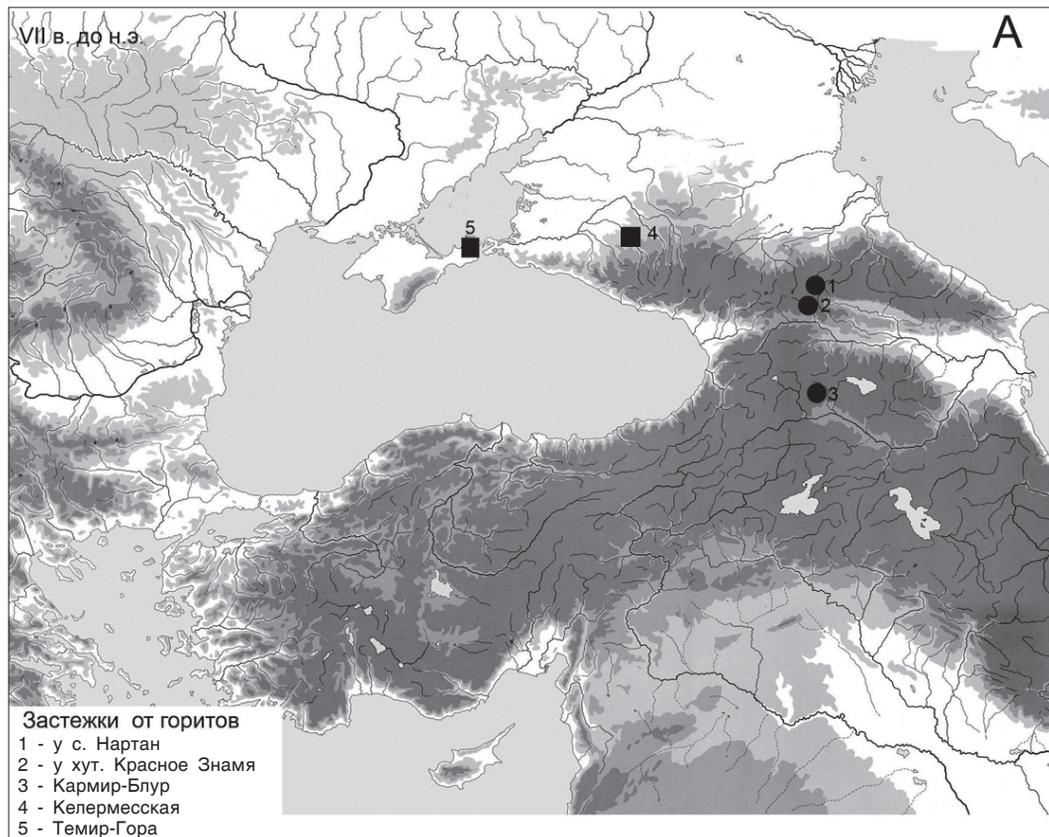
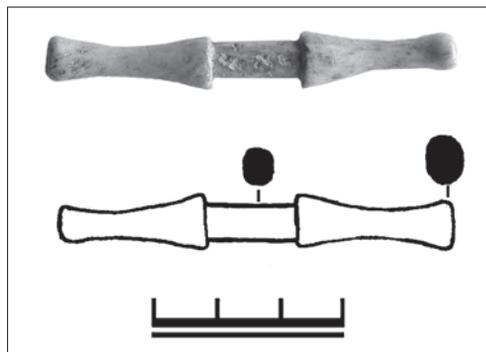

Рис. 2. Картограмма распространения застежек от горитов в VII и VI вв. до н.э.

A. VII в. до н.э.

1. курган у с. Нартан
2. курган у хут. Красное Знамя
3. Кармир-Блур
4. ст. Келермесская
5. Темир-Гора

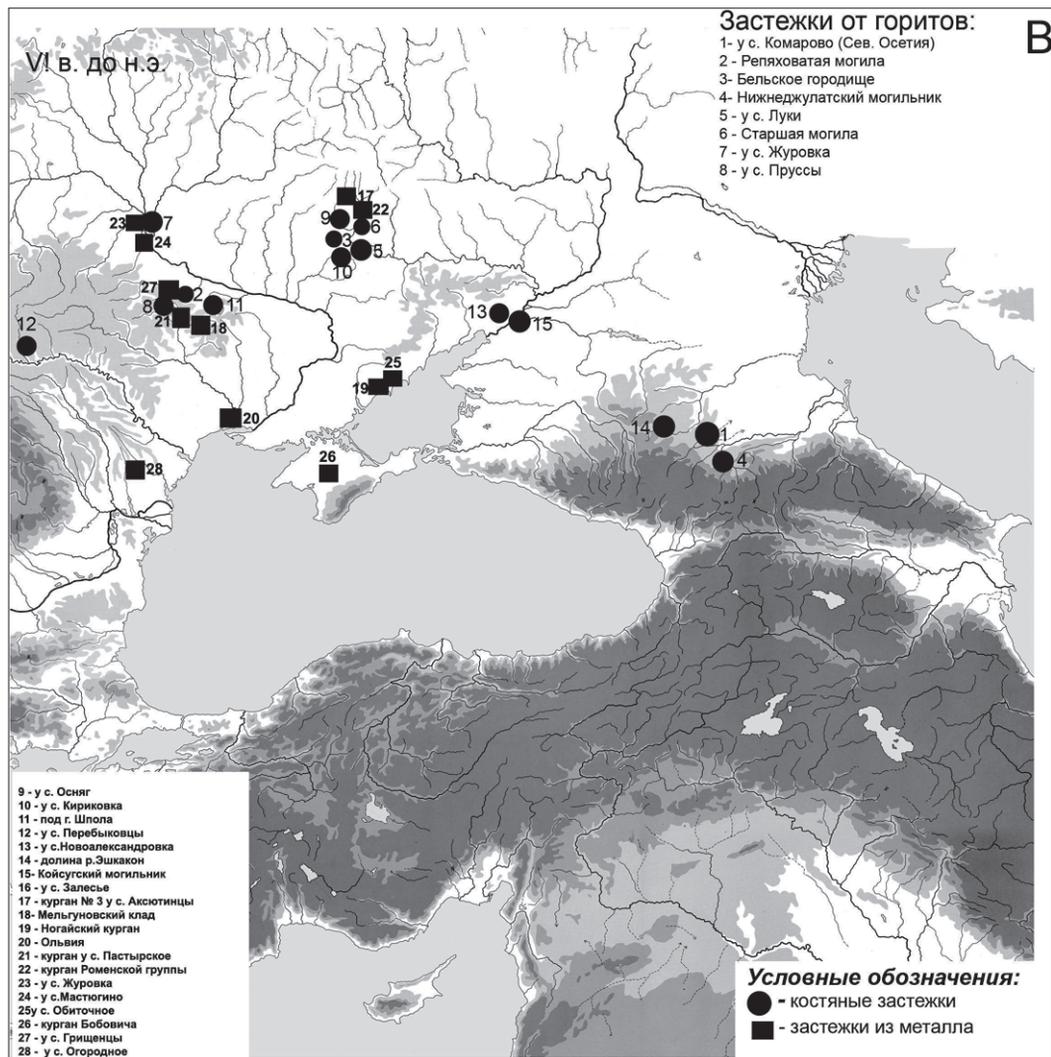

Рис. 2. Картограмма распространения застежек от горитов в VII и VI вв. до н.э.

В. VI в. до н.э.

1. курган у с. Комарово (Сев. Осетия)	11. курган под г. Шпола	21. курган у с. Пастырское
2. курган Репяховатая могила	12. курган у с. Перебыковцы	22. курган Роменской группы
3. Бельское городище	13. курган у с. Новоалександровка	23. курган у с. Журовка
4. Нижнеджугатский могильник	14. долина р. Эшкакон	24. курган у с. Мастюгино
5. курган у с. Луки	15. Койсугский могильник	25. курган у с. Обиточное
6. курган Старшая могила	16. курган у с. Залесье	26. курган на землях Бобовича
7. курган у с. Журовка	17. курган № 3 у с. Аксиютинцы	27. курган у с. Грищенцы
8. курган у с. Прусы	18. Мельгуновский (Литой) курган	28. курган у с. Огородное
9. курган у с. Осняги	19. Ногайский курган	
10. курган у с. Кириковка	20. Ольвия	

М.В. НОВИЧЕНКОВА

РИМСКАЯ КОЛЬЧУГА *Lorica Hamata* I в. до н.э. – I в. н.э. ИЗ РИТУАЛЬНОГО КОМПЛЕКСА СВЯТИЛИЩА У ПЕРЕВАЛА ГУРЗУФСКОЕ СЕДЛО

Находки фрагментов кольчуг являются достаточно редкими для памятников Северного Причерноморья. В настоящей статье приводятся результаты исследования фрагментов римской кольчуги из раскопок святилища у перевала Гурзуфское Седло¹.

Раскопки святилища античного времени у перевала Гурзуфское Седло (рис. 1) проводились в 1981-1993 годах археологической экспедицией Ялтинского историко-литературного музея под руководством Н. Г. Новиченковой и В.И. Новиченкова. Наряду с находками украшений, предметов быта, керамики из различных центров Причерноморья, Средиземноморья, Западной Европы, здесь была выявлена и наиболее крупная для отдельного археологического памятника юга Восточной Европы группа предметов римского военного снаряжения I в. до н.э. – I в. н.э., - наступательного и защитного вооружения, снаряжения кавалерии, военного костюма, культовой атрибутики, лагерного быта².

Среди предметов защитного вооружения представлены находки фрагментов всех типов римской брони I в. до н.э. – I в. н.э. - *Lorica Hamata* (кольчужного доспеха из рядов сплошных и заклепанных / сведенных колец), *Lorica Squamata* (чешуйчатого доспеха), *Lorica Segmentata* (доспеха из металлических пластин). Наибольшую группу представляют находки фрагментов железной кольчуги *Lorica Hamata*. Кольчуга была найдена разрубленной либо разделенной на части, вероятно, при совершении обряда жертвоприношения. Отдельные ее фрагменты были сложены вдвое, втрое, либо скручены в ком (рис. 2). Всего выявлено 892 фрагмента и 380 звеньев кольчуги, из них два фрагмента со вставками из бронзовых звеньев³.

¹ Данной теме была посвящена предварительная публикация в материалах V Международной Кубанской археологической конференции [Новиченкова М.В., 2009, с. 283-286].

² Материалы раскопок святилища у перевала Гурзуфское Седло хранятся в Ялтинском историко-литературном музее. Общая характеристика римского военного снаряжения из святилища представлена в специальной работе [Новиченкова Н.Г., 1998, с. 51-67].

³ Несколько лет назад опубликованы 10 находок фрагментов кольчуги с Гурзуфского Седла [Дорошко В.В., 2005, с. 447-453], видимо, являющихся подъемными. Данные находки не имеют

Фрагменты сосредотачивались в культурном слое сакрального центра (рис. 3). Ритуальный комплекс, предназначенный для обрядов сожжения, был сооружен в период расцвета святилища в 30-20-х гг. I в. до н.э. [Новиченкова Н.Г., 1998, с. 55-56; Новиченкова Н.Г., 2002, с. 82-83]. Площадку центра, имевшую овальную форму, окружала дуговидная линия жертвенных ямок (рис. 4). Части кольчуги не представляли собой одного общего скопления и были рассеяны по его площади группами и одиночно (рис. 5). Фрагменты находились в слое светло-серой глины с включениями мелких костей и темном слое с пережженными костями животных на выровненной поверхности скалы площадки центра. Наиболее плотная их концентрация наблюдалась возле северо-западной части дуговидного ограждения. Несколько фрагментов были найдены также в заполнении жертвенных ямок. Отдельные фрагменты обнаружены на периферии памятника. В культурном слое центра наблюдалась наибольшая концентрация археологического материала рубежа нашей эры - монеты Асандра, Динамии, Августа, Тиберия, различные предметы римского военного снаряжения, фрагменты стеклянных чаш, краснолаковых сосудов, в том числе арретинского кубка, светлоглиняных амфор с двустольными ручками [Новиченкова Н.Г., 1998, с. 56].

Кольчугу, как и другие металлические находки святилища, отличает очень хорошая сохранность, что может быть связано с почвенно-климатическими особенностями местности. Более 100 фрагментов полностью сохранили свою подвижность. Фрагменты кольчуги из слоя с пережженными костями прокалены, имеют темный цвет с металлическим красным или зеленоватым блеском, железо плотной структуры, несколько фрагментов с внутренней стороны оплавлены. В слое светлой глины фрагменты кольчуги как хорошей сохранности и подвижны, так и с окислами металла, со звеньями более пористой и рыхлой структуры.

Среди находок присутствуют фрагменты разного размера, от сдвоенных звеньев до самых крупных фрагментов, достигающих размеров 35 x 15 см. Средний размер фрагментов – 3,5 x 3,5 см. Некоторые фрагменты кольчуги совмещаются.

Фрагменты имеют разные диаметры звеньев – 0,3-0,35 см, 0,35-0,4 см, 0,4-0,45 см, 0,45-0,5 см, 0,5 см, 0,55-0,6 см, 0,7 см, 0,8-0,9 см, 1,0 см, 1,1, 1,2 см, 1,45-1,5 см.

В процентном отношении фрагментов со звеньями маленького размера (0,3-0,4, 0,4-0,45 см) – 6,5 % (60 фрагментов), среднего (0,45-0,5, 0,55-0,6 см) – 90 % (804 фрагмента), крупного (0,8-0,9, 1,0, 1,1-1,2) – 3,5 % (28 фрагментов).

паспортных данных, не поступили в археологические фонды. Автор сослался на них, как на «находящиеся в частной коллекции» (там же, с. 447). В.В. Дорошко при описании фрагментов также не привел фотографий либо прорисовок фрагментов, за исключением отдельных звеньев. В связи с этим, обращение к данному источнику для проведения анализа становится невозможным.

Наличие фрагментов кольчуги с таким разнообразием размеров звеньев на одном памятнике является редким случаем. В основном исследователи указывают характеристики одного типа кольчуги, реже двух [Sanden, 1993, p. 4, Robinson, 1975, p. 171, Curle, 1911, p. 263-264].

При исследовании кольчуги Logica Namata из святилища изначально нельзя было не отметить разительное отличие многих фрагментов, как по размеру колец, так и по типу и толщине плетения, а также цвету и плотности металла. Одни фрагменты имели много заклепанных звеньев, у других они отсутствовали. Разным было и качество изготовления кольчуги. У всех типов кольчуги ряд сплошных звеньев изготовлен перфорированием звеньев из листового металла, а ряд соединительных (заклепанных или сведенных) звеньев выполнен методом волочения проволоки с перекрытием, перфорированием и сковкой концов звеньев [Robinson, 1975, p. 164; Sim, 1997, p. 359].

Общая уникальная сохранность железа из раскопок святилища дает возможность изучить особенности плетения кольчуги и определить ее основные типы. Выделено 9 основных типов кольчуги согласно таким признакам, как диаметр звена, форма звена, наличие заклепок, характер плетения, толщина проволоки, толщина полотна и качество изготовления. Сравнительный анализ типов кольчуги отражен в сводной таблице 1. Отдельные типы имеют варианты.

Тип 1. (Д. звена - 0,3-0,35 см, 0,35-0,4 см, 0,4-0,45 см).

К типу 1 относятся фрагменты кольчуги с плетением из звеньев самого маленького диаметра. Представлено 60 фрагментов и 43 звена.

Тип 1 состоит из трех вариантов.

В первом варианте (рис. 6, 7) представлены 43 фрагмента и 9 звеньев. Д. звена - 0,35-0,4 см, 0,4 см, толщина проволоки - 0,05-0,1 см, толщина полотна - 0,2-0,3 см. Звенья округлой формы. Используются три вида звеньев – цельные, заклепанные и со сведенными внахлест концами. Применялся стандарт изготовления кольчуги 1 : 4, где основными были сплошные звенья, а соединительными – звенья со сведенными внахлест концами (фрагменты с Д. звеньев 0,35-0,4 см, рис. 6) и заклепанные звенья (фрагменты с Д. звеньев 0,4 см, рис. 7). Так как изготовление полотна из маленьких колец с применением заклепанных звеньев было очень трудоемким [Sim, 1997, p. 370], можно, видимо, говорить только об отдельных выпусках этой кольчуги в античности, о чем свидетельствуют и единичные находки ее фрагментов. Для изготовления кольчуги из миниатюрных звеньев метод использования большинства сплошных колец с заменой части заклепанных колец на сведенные мог быть наиболее применимым. В этой связи интересен фрагмент, выделяющийся из общего числа, где использовано достаточно большое количество заклепанных звеньев, но диаметр каждого заклепанного звена на треть превышает диаметр сплошного.

Второй вариант представляют 15 фрагментов железной кольчуги наиболее тонкого плетения (рис. 8-11), из которых большая часть фрагментов свернута

в виде комьев (рис. 8, 9, 11). Плетение ровное. Д. железного звена 0,35-0,4 см. Звенья железной кольчуги тонкие, округлые, слегка уплощенной формы, из-за чего кольчуга имеет вид «мелкой чешуи». Железное полотно изготовлено без применения заклепанных звеньев. Просматриваются только цельные звенья. В качестве соединительных, видимо, использовались аккуратно сведенные звенья. Толщина железной проволоки 0,07 – 0,075 см, толщина полотна - 0,2-0,25 см. Два из 15 фрагментов - со вставками из бронзовых звеньев. Один фрагмент представляет собой железный ком 6 x 5,7 x 3,5 см со вставкой полотна из бронзовых звеньев (рис. 11), видимая часть которого 6 x 2,5 см. Второй фрагмент с двумя бронзовыми звеньями, у одного фрагмента след бронзового окисла 0,1 x 0,3 см. Первый фрагмент сильно окислен, железные звенья просматриваются частично. Очень плохая сохранность железа этого фрагмента, видимо, связана с реакцией совмещения двух различных металлов, где железо в соединении с бронзой сохранилось хуже. Полотно из бронзовых звеньев, напротив, сохранилось хорошо. Звенья подвижны, четкой структуры, уплощенной, подовальной формы. Д. бронзового звена - 0,3 - 0,35 см. Толщина бронзовой проволоки – 0,05-0,075 см. Толщина полотна из бронзовых звеньев - 0,2 см. Для изготовления полотна использовались цельные, заклепанные и сведенные звенья, выполненные с помощью штамповки из тонкого бронзового листа, пробивания иковки. Железная кольчуга со вставкой из бронзовых звеньев, наравне со следующим типом А, относится к наиболее сложному типу производства, так как использование звеньев одинакового размера, большого количества маленьких заклепок и возможность изготовления абсолютно ровного полотна демонстрируют особую точность и мастерство изготовления.

В третьем варианте 2 фрагмента и 34 звена кольчуги с диаметром звеньев 0,4-0,45 см (рис. 12). Толщина проволоки - 0,1 см, толщина полотна - 0,3 см. Фрагменты хорошей сохранности, подвижны. Полотно изготовлено из цельных и сведенных колец. Все звенья округлой формы. В качестве соединительных использованы сведенные кольца. Заклепанные звенья отсутствуют.

Концентрация фрагментов кольчуги мелкого плетения (типа 1) была наибольшей в двух точках восточной части квадрата 10 И, где, видимо, кольчуга и была фрагментирована (рис. 5).

Группа А.

Данная группа представлена наибольшим количеством фрагментов – 475 единиц. Она является классическим образцом изготовления римской кольчуги, где соединены 4 заклепанных и одно сплошное кольцо. Такая броня могла быть сделана только мастерами в стационарных мастерских города, лагеря или крепости с наличием специальных инструментов. Кольчуга требовала на треть больше затрат времени, чем изготовленная по принципу – четыре сплошных и одно заклепанное кольцо, однако это была наиболее прочная система создания кольчуг [Sim, 1997, p. 359]. В этой группе представлены самые крупные

фрагменты очень хорошей сохранности, многие сохраняют подвижность. Заклепанные звенья слегка подовальной формы. Сплошные звенья округлые.

По уровню изготовления группа А делится на два типа: тип 2 (А стандартный) и тип 3 (А «слабо выраженный»).

Тип 2. Стандартный тип А (Д. звена 0,45-0,5 см) - 280 фрагментов и 49 звеньев (рис. 13, 14) - отличается четкая структура. Диаметр заклепанного звена – 0,45-0,5 см. Заклепки маленькие, аккуратные. Д. сплошного звена 0,45 см. Толщина проволоки – 0,1 см, толщина полотна в основном - 0,35 см. Плетение четкое, ровное, как с внешней, так и с внутренней стороны.

Тип 3. «Слабо выраженный» тип А (Д. звена 0,45-0,5 см) - 195 фрагментов и 2 звена (рис. 15) - выполнен по типу А стандартного, из заклепанных и сплошных звеньев, но плетение более грубое, бугристое. Встречаются сведенные звенья. Заклепанные звенья могут иметь несистематический характер, быть неаккуратными. У звеньев те же диаметры, что и у стандартного типа А. У части фрагментов заклепанные звенья имеют массивные заклепки, в два раза превышающие размер стандартных. Толщина проволоки – 0,1 – 0,13 см, толщина полотна – в основном 0,4 см. В ряде фрагментов имеются по 2-3 заклепанных звена и с обратной стороны. 15 фрагментов «слабо выраженного» типа А с большими промежутками в плетении.

У нескольких фрагментов сохранились необрезанные гвоздики для заклепывания звеньев длиной 0,5 см, изготовленные из проволоки - подвижный фрагмент размером 1,6 x 5 см стандартного типа А (типа 2) с 7 необрезанными гвоздиками; один фрагмент с необрезанными гвоздиками «слабо выраженного» типа А (типа 3); два фрагмента – мелкого плетения (типа 1). Один фрагмент группы А с вмятиной от острого предмета глубиной 0,6 см.

Большая часть фрагментов группы А (типы 2,3) была найдена в ядре ритуального центра на границе квадратов 10 З и 10 И (рис. 5).

Тип 4. («рядами») - 39 фрагментов (рис. 16). Сплошные звенья расположены четко выраженными рядами. Плетение ровное, плотное, из сплошных звеньев. Звенья округлые. Д. звена 0,45-0,5 см. Толщина проволоки - 0,1 см. Полотно тонкое, в основном 0,25 см, в отдельных случаях 0,3 см. На звеньях точки от ковки. Сохранность средняя. Заклепанные звенья не просматриваются. В качестве соединительных звеньев, вероятно, использованы сведенные звенья. Несколько фрагментов с внутренней стороны оплавлены.

Группа Б.

Группа Б также является массовой и представлена 287 фрагментами и 39 звеньями. Звенья округлой формы. Плетение из сплошных колец. Роль соединительных колец выполняют сведенные кольца. Заклепанные звенья единичны. На лицевой поверхности звеньев сохранились точечные следы от ковки. Соединительные кольца расположены почти перпендикулярно к основным, создавая в плетении вид «свободной вязки». Группа Б объединяет типы 5 (Б стандартный) и 6 (Б «слабо выраженный»).

Тип 5. Стандартный тип Б (рис. 17, 18) - 115 фрагментов и 39 звеньев. Д. звена 0,55-0,6 см, толщина проволоки - 0,15, толщина полотна - 0,4 см. Ровное, четкое плетение. 21 фрагмент и 20 звеньев имеют Д. звена 0,6 см.

Один фрагмент кольчуги стандартного типа Б с внешней стороны имеет железное крепление-захват в виде выпуклой округлой шляпки, в профиль в виде буквы «Г» (рис. 19). Размеры крепления: Д. основания - 1,3 x 1 см; Д. вершины - 1,1 x 1 см, высота - 0,8 см. С внутренней стороны уплощенная овальная, фиксирующая его заклепка размером 1,7 x 1,5 см, высотой 0,2 см. Другая внутренняя фрагментированная заклепка найдена отдельно; ее размеры: 1,35 x 0,9 см, высота - 0,2 см.

Тип 6. «Слабо выраженный» тип Б (рис. 20) - 175 фрагментов. Д. звена - 0,45-0,5 см, 0,5 см, 0,5-0,55 см. Толщина проволоки - 0,1 - 0,15 см, средняя толщина полотна - 0,3 - 0,4 см. К этому типу относятся фрагменты, выполненные по типу стандартного Б, но с меньшими диаметрами звеньев и/или неаккуратного, бугристого плетения. Заклепанных звеньев мало, они хаотично расположены, могут быть и с обратной стороны. 5 фрагментов этого типа с большими промежутками в плетении. 130 фрагментов диаметром 0,5 см (важный подтип, есть большие фрагменты с 10 - 17 и 20 см шириной).

Большинство фрагментов группы Б (типы 5, 6) размещалось локально в с-з. части сакрального центра.

Тип 7. (рис. 21) - плетение из крупных звеньев Д. 0,7 см, 0,8 см, 0,9 см - 3 фрагмента и 79 звеньев. Д. звена - 0,7, 0,8, 0,9 см. Толщина проволоки - 0,1-0,15 см, толщина полотна - 0,4 см. Плетение из одного сплошного и 4 заклепанных колец.

Тип 8. (рис. 22) - плетение из крупных звеньев Д.- 1 см, 1,1 см - 24 фрагмента, 165 звеньев и частей звеньев. Д. звена - 1 см, 1,1 см, толщина проволоки - 0,15 см, толщина полотна - 0,4-0,45 см. Плетение из одного сплошного и 4 заклепанных колец.

Тип 9. Представлены самые крупные звенья (рис. 23) - 1 фрагмент и 4 звена. Д. звена - 1,2 см, 1,45-1,5 см. Одно заклепанное полузвено и разомкнутое заклепанное звено с Д. звеньев - 1,2 см. Фрагмент из двух (сплошного и сведенного) звеньев и 2 отдельных звена (заклепанное и сведенное) имеют Д. звеньев 1,45-1,5 см. Толщина проволоки 0,2 x 0,1 см. Изготовлены штамповкой из листа и ковкой.

Возможность реконструкции. Несмотря на хорошую сохранность металла, сама кольчуга была подвержена большой деформации. Это характерно и для большинства других находок в святилище, в особенности для предметов вооружения и культа. Кольчуга была разделена на части, и многие фрагменты имеют рубленые края, отдельные звенья найдены поломанными либо разомкнутыми. Некоторые фрагменты скручены трубочкой, свернуты в комья, либо сложены в несколько раз.

У ряда фрагментов сохранены края полотна из ряда сплошных звеньев (рис. 2, 12, 15), а также части боковых разрезов кольчуги.

Отдельные фрагменты подходят друг другу, однако полностью реконструировать кольчугу не представляется возможным. Исходя из количества и размеров найденных фрагментов, мы можем определить общую площадь полотна кольчуги, которая составляет 1,2 кв.м. Можно было бы сделать вывод, что изначально в святилище находилась одна кольчуга. Однако маловероятно, чтобы в одной кольчуге сочеталось столько разных типов, так как для достаточной прочности кольчуга должна иметь четкую и единую систему плетения. Исключения могли представлять вставки из рядов бронзовых звеньев в качестве декоративных элементов. Единственным возможным вариантом могло быть применение одного размера колец для рубашки и другого – для наплечников и шейной части. Наиболее вероятно, исходя из характеристик фрагментов, что в святилище поступило несколько разных кольчуг либо их частей. Это подтверждают и особенности расположения фрагментов кольчуги на площади центра (рис. 5). Выявляются три основных группы локализации – группы А, группы Б, кольчуги мелкого плетения (типа 1).

Д. Сим указывал, что для изготовления кольчуги из 170 353 колец (127 764 сплошных колец и 42 588 заклепанных колец) с диаметром звеньев 0, 6 см - потребуется 1,3 года [Sim, 1997, р. 370]. Соответственно, для изготовления кольчуги с 75 % заклепанных и 25% сплошных звеньев потребовалось бы 2,5 года.

Находки кольчуги в Средиземноморье и Европе

Кольчуга была изобретена кельтами и адаптирована римлянами [Bishop, Coulston, 1989, р. 20]. Самые ранние находки кольчуги в Европе в большинстве случаев фрагментарны и датируются IV-III вв. до н.э. (Хьортспринг, Кьюмести, Киркберн, Чумешты). На данный момент наиболее ранним свидетельством является находка железной кольчуги из сплошных, сведенных и заклепанных звеньев, с бронзовым нагрудником из захоронения кельтского вождя с кремацией IV-III в. до н.э. в Чумешты (Верхнее Потисье, Румыния) [Feugere, 2002, р. 174; Казакевич, 2008, с.33].

Основными материальными свидетельствами являются скульптуры, рельефы и надгробные стелы с изображениями воинов в кольчугах. К самым ранним образцам относятся изображения галатских кольчужных рубашек III-II вв. до н.э. из Сидона и II в. до н.э. из Пергама [Robinson, 1975, р. 164, fig. 17]. Несколько статуй II в. до н.э. с изображением кольчуг обнаружены на территории Салиенс в нижней долине Роны [Feugere, 2002, р. 74]. Полибий, описывая богатых легионеров в римской армии его времени, свидетельствовал, что солдаты, чья собственность была оценена более чем десятью тысячами драхм, носили кольчужные рубашки (Polybius, VI, 23, 9). I в. до н.э. датируются римские и галльские скульптуры. В римский период *Lorica Hamata* носили повсеместно легионеры и ауксиларии, пехота и конница. Изображения этих кольчуг

можно увидеть на фризе победы Эмилийс Паулус в Дельфах, где в них одеты тяжеловооруженные легионеры и кавалерия, на алтаре Домиция Агенобарба в Лувре второй половины I в. до н.э., статуе галльского воина конца I в. из Вачерес, в музее Кальве в Авиньоне, позднем трофейном рельефе Августа в музее Борели в Марселе, изображениях легионеров на одном из рельефов Осуна, рельефе в Палаццо Дукале в Мантуе с изображением кавалериста в *Lorica Hamata*, рельефе Марса на вотивной колонне в Мавилле, стеле Гая Кастриция в Музее Аквинкум в Будапеште сер. I в., рельефе с изображением центуриона М. Фавониуса Фасилиса XX легиона Valeria из Колчестера 60 г. [Feugere, 2002, p. 75, Robinson, 1975, p. 164, fig. 175, pl. 459 – 462]. Кольчуга *Lorica Hamata*, одетая на обычную тунику, показана на изображениях I в. аквилифера Музиуса XIV легиона Gemina в Майнце и сигнифера Пинтауса Конорса V легиона Asturum в Бонне, стеле Вонаторикс в Бонне [Robinson, 1975, p. 169, pl. 467, 468]. На кавалерийских надгробных стелах II в. показаны простые кольчужные рубашки с короткими рукавами, достигающие середины бедра, у кольчуг кавалерии еще сохранены разрезы на боках – монумент в Адамклисси, колонны Траяна и Марка Аврелия, стелы Flavius Bassus и Flavinus Ala Petriana. Легионеры в длинных кольчугах изображены на Тропаеум Траяни на метопах XVIII, XXIII, XXXI и XXXV, ауксилария в кольчугах - на своде арки Севера в Риме. [Robinson, 1975, p. 171, fig. 177, pl. 476-479]. С 203 г. третье столетие развивалось облегчением пехоты. В конце III в. длинная кольчуга вернулась - особенно к кавалерии, и неуклонно добавлялась к весу кавалерийского снаряжения. Известно надгробие III в. из Честера, где изображен кавалерист в кольчуге, достигающей коленей [Robinson, 1975, p. 171].

При раскопках в большинстве случаев от кольчуг находят лишь груды окислившегося железа, что не позволяет ничего сказать о форме кольчуги, а размер колец может быть установлен только приблизительно [Robinson, 1975, p.171]. Ван дер Санден приводит полный список археологических памятников Европы с находками *Lorica Hamata* [Sanden, 1993, p. 4]. Фрагменты римской кольчуги республиканского периода единичны. I в. н.э. представлен маленькими группами фрагментов кольчуги и находками соединительных S-образных крючков [Bishop, Coulston, 1989, p. 32]. На территории Римской империи было найдено несколько десятков фрагментов римской кольчуги, в основном, в местах расположения бывших военных лагерей (Кунзинг, Заалбург, Вейсенбург, Воленграде, Вечтен, Заммердам, Багинтон, Хаузстедс), в захоронениях, храмах (Самофракия, Ден Хааг, Вудеатон), святилищах и других ритуальных местах (Хьортспринг, Вимоз, Тифени) [Sanden, 1993, pp. 4-5]. В Вимозе, Торсберге, Гаммертингене найдены полные рубашки кольчуг римского периода. Две скрученные фрагментированные кольчуги были обнаружены в форте Верковициум на Адриановом валу и форте Заалбург в Таанусе. Размеры колец из Заалбурга - 4-7 мм. Однако только кольчуги из Вимоза,

Торсберга имеют некоторые признаки, по которым можно судить об их внешнем виде. Диаметр колец от 3-4 мм (Аудорп, Заалбург) до 13 мм (Тифени, Торсберг). Большинство кольчуг составлено из переменных рядов заклепанных и сплошных колец. Кольчуга из Кьюместа составлена полностью из незаклепанных колец, [Sanden, 1993, p. 4]. Ряд фрагментов римского периода происходит из Карнунтума. Группы железной кольчуги из сплошных и заклепанных колец найдены в Каллинварк Лохе [Robinson, 1975, p. 171]. Аналогичные им два фрагмента кольчуги из железа и бронзы II в. н.э. происходят из форта Ньюстед [Curle, 1911, p. 263-264], где железная кольчуга состоит из сплошных и заклепанных колец 7 мм в диаметре [Robinson, 1975, p. 171]. Группа фрагментов кольчуги III в. из форта Каstell Кунзинг имеет диаметр колец 7-9 мм. Могут быть определены два разных типа кольчуги - так называемый Кеттенпанцер (с наплечниками без рукавов) и Кеттенхемд (без наплечников с рукавами).

В Балдоке кольчуга была разрублена, в Вимозе, Лекстене, Саттон Хуу была найдена в свернутом или скатанном состоянии. Кольчуга из Зваммердама была скатана в текстильной сумке, в Лионе была положена в кожаную сумку. [Sanden, 1993, p.8].

Находки фрагментов бронзовой кольчуги являются единичными. Несколько фрагментов республиканского периода, сходных с бронзовой кольчугой *Lorica Hamata*, найдены в одном из римских лагерей в Рениеблас возле Нуманции [Bishop, Coulston, 1989, p. 19-20]. Фрагменты бронзовой кольчуги из сплошных и заклепанных колец были обнаружены в форте Лунт [Hobley, 1969, p. 65], один фрагмент найден в Майнце. Фрагмент бронзовой кольчуги *Lorica Flaminiusa* длиной 25 см, покрытой железными и бронзовыми чешуйками, находится в музее в Аугсбурге, другой фрагмент *Lorica* этого типа был обнаружен в Аудорпе в Голландии. У всех фрагментов бронзовые кольца диаметром 3 мм, за исключением двух фрагментов из форта Ньюстед, у которых сплошные кольца имеют диаметр 3 мм, заклепанные кольца диаметром 5 мм [Robinson, 1975, p. 173; Manning, 1985, p. 37].

Находки фрагментов кольчуги в Северном Причерноморье

В античных государствах Северного Причерноморья кольчуги использовались со второй половины I в. до н.э. по IV в. н.э. [Блаватский 1953, с. 145]. У кочевников в степях Прикубанья они появляются на рубеже н.э. Основным типом защитного доспеха в Прикубанье в первые века н.э. был так называемый комбинированный панцирь, представлявший собой комбинацию из чешуйчатого панциря и кольчуги [Гущина, Засецкая, 1994, с. 10, кат.4, 54, 56, 84, 159, 178, 188; Веселовский, 1905, с. 353; Хазанов, 1971, с. 60]. Он аналогичен парфянским доспехам и, скорее всего, был заимствован оттуда прикубанскими племенами [Хазанов, 1971, с. 60]. Все найденные в Прикубанье фрагменты кольчуги с крупными звеньями диаметром 0,9 см. Фрагменты кольчуги, в основном куски скипевшихся колец от кольчуги, обнаружены в курганах 15

у станции Тифлисской, 37, 41 у станции Усть-Лабинской, в могильнике возле станции Владимирской; три мелких колечка, возможно, от панциря, найдены в кургане 10 у станции Тифлисской [Гущина, Засецкая, 1994, с. 56, кат. 242/5, 280, 415, 439]. Тип кольчужного доспеха отмечает Н. И. Веселовский в курганах 47 и 52 у станции Казанской [Гущина, Засецкая, 1994, с. 104, табл. 5 кат. 54, с. 144, табл. 45, с. 68, кат. 415; Черненко 1968, с. 55]. В Закубанье происходят фрагменты кольчуги из сарматского погребения у станции Михайловской [Каминская, Каминский, Пьянков, 1985, с. 226, 233 Matčenko, Limberis, 2008, tafel 20 - 9, S. 339; tafel 171 - 10, S. 372].

Отдельные фрагменты кольчужной брони найдены в Юго-Западном Крыму в погребениях первых веков н.э.: в склепе 550/1 Усть-Альмы, Битаке, Бельбеке IV [Ахмедов, Гущина, Журавлев, 2001, с. 183, рис. 9, 3-6; Пуздровский, 2007, с. 138]. Фрагменты двух кольчуг – бронзовой и железной были обнаружены в двух погребениях могильника Скалистое III [Богданова, Гущина, Лобода, 1976, с. 146]. Аналогии им известны в прикубанских курганах и на Северном Кавказе. Их появление в Северном Причерноморье исследователи относят к I-II вв. А. М. Хазанов предполагал, что местом их производства мог быть Пантикапей [Хазанов, 1971, с. 61-62]. У всех фрагментов, обнаруженных в Северном Причерноморье, размеры колец – 8 - 9 мм. Исключением является фрагмент железной кольчуги из цельных и сведенных звеньев размером 6 x 4 см и диаметром звена 0,5 см, найденный в некрополе II в. н.э. Неаполя Скифского [Зайцев, Мордвинцева, 2007, рис. 10-6, с. 91]. Все найденные на вышеуказанных памятниках Северного Причерноморья фрагменты кольчуг имеют общее сходство в плетении, они выполнены упрощенно, из крупных звеньев, без использования заклепанных звеньев и, вероятно, изготавливались в местных мастерских.

К настоящему времени святилище у перевала Гурзуфское Седло является единственным из раскопанных памятников античного времени, в котором найдено наибольшее количество фрагментов римской кольчуги рубежа н.э. Данные стратиграфии, наличие в слое датирующего материала, а также сравнение с находками римских кольчуг в других местах дают основание отнести кольчугу ко второй половине I в. до н.э. – I в. н.э. Основное число фрагментов кольчуги из колец крупного диаметра также было найдено в слое сакрального центра. Следует, однако, заметить, что это расширенная датировка, так как большинство находок центра относится к рубежу н.э., и ряд предметов римского военного снаряжения из раскопок святилища четко датируется периодом поздней Республики и раннего Принципата, то есть второй половиной I в. до н.э. – первой половиной I в. н.э. Благодаря уникальной сохранности представляется возможным изучение конструктивных особенностей кольчуги, находящихся аналогии в римских памятниках Западной и Центральной Европы ⁴.

⁴ В дальнейшем планируется публикация полного каталога фрагментов кольчуги с Гурзуфского Седла.

ЛИТЕРАТУРА

- Ахмедов И.Р., Гущина И.И., Журавлев Д.В.* Богатое погребение II в. н.э. из могильника Бельбек IV // Поздние скифы Крыма. Труды ГИМ. Вып. 118. М., 2001. – С. 175-186.
- Блаватский В.Д.* Военное дело в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1953.
- Богданова Н.А., Гущина И.И., Лобода И.И.* Могильник Скалистое - III в Юго-Западном Крыму (I-III вв.) // СА. 1976, № 4. – С. 121-152.
- Веселовский Н.И.* Курганы Кубанской области в период римского владычества // Труды XII АС в г. Харькове в 1902 г. Т. 1. Харьков, 1905.
- Гущина И.И., Засецкая И.П.* «Золотое кладбище» Римской эпохи в Прикубанье. СПб., 1994.
- Дорошко В.В.* Новые находки римского военного снаряжения с территории Южного Крыма // Сугдский сборник. Вып. II. – К., 2005. – С. 447-453.
- Зайцев Ю.П., Мордвинцева В.И.* Элитный некрополь 2 в. н.э. у центральных ворот Неаполя Скифского // Древняя Таврика, 2007. – С. 81-108.
- Казакевич Г.* Відгомін карниксів. Військові традиції давніх кельтів на землях України IV-I ст. до н.е. К., 2008.
- Каминская И.В., Каминский В.Н., Пьянков А.В.* Сарматское погребение у станицы Михайловской (Закубанье) // СА. 1985. № 4. – С. 228-234.
- Новиченкова М.В.* О римской кольчуге из святилища у перевала Гурзуфское Седло в Горном Крыму // Пятая Кубанская археологическая конференция: материалы конференции. Краснодар, 2009. – С. 283-286.
- Новиченкова Н.Г.* Римское военное снаряжение из святилища у перевала Гурзуфское Седло // ВДИ. 1998. № 2. – С. 51 - 66.
- Новиченкова Н.Г.* Устройство и обрядность святилища у перевала Гурзуфское Седло. Ялта, 2002.
- Пуздровский А. Е.* Крымская Скифия. II в. до н.э. – III в. н.э. Погребальные памятники. – Симферополь, 2007.
- Хазанов А.М.* Очерки военного дела сарматов. М., 1971.
- Черненко Е.В.* Скифский доспех. К., 1968.
- Bishop M.C., Coulston J.C.* Roman military equipment. Aulesbury, 1989.
- Bishop M.C., Coulston J.C.* Roman Military Equipment from the Punic Wars to the Fall of Rome. L., 1993.
- Curlie J.* A Roman Frontier Post and its People. Glasgow, 1911.
- Feugere M.* Weapons of the Romans, Paris, 2002.
- Hobley D. F.* Neronian-Vespasianic Military Site at “The Lunt”, Baginton, Warwickshire // Transactions of the Birmingham Archaeological Society, Vol. 83, 1969.
- Manning W.H.* Catalogue of the Romano-British Iron Tools, Fittings and Weapons in the British Museum. L., 1985.
- Marčenko I.I., Limberus N.Ju.* Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Denkmälern des Kubangebietes // Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Gräbern zwischen Unterer Donau und Kuban. Archäologie in Eurasien. Band 25. Mainz, 2008. – P. 265-400.
- Robinson H.R.* The Armour of Imperial Army. L. 1975.
- Sanden W.A.B., van der.* Fragments of a Lorica Hamata from a barrow at Fluitenberg, Netherlands, JRMES, Vol.4, 1993.
- Sim D.* Roman Chain-mail: Experiments to Reproduce the Techniques of Manufacture // Britannia. Vol. 28. L., 1997. – P. 359-371.

М.В. Новіченкова

РИМСЬКА КОЛЬЧУГА *Lorica Hamata* I ст. до н.е. - I ст. н.е.
З РИТУАЛЬНОГО КОМПЛЕКСУ СВАТИЛИЩА БІЛЯ ПЕРЕВАЛУ
ГУРЗУФСЬКЕ СІДЛО

Резюме

Стаття присвячена опису та аналізу фрагментів римської кольчуги *Lorica Hamata* з розкопок святилища біля перевалу Гурзуфське Сідло. При розкопках святилища античного часу біля перевалу Гурзуфське Сідло, що проводилися в 1981-1993 роках, в шарах ритуального комплексу з ямками виявлено 892 фрагмента і 380 ланок і частин ланок римської кольчуги *Lorica Hamata* I ст. до н.е. – I ст. н.е., розрубаної, очевидно, при здійсненні обряду жертвопринесення. Фрагменти зосереджені в основному на майданчику сакрального центру, окремі виявлені на периферії пам'ятника. Разом з кольчугою знайдено безліч інших предметів римського військового спорядження, монети, фрагменти скляних і металевих судин. Багато предметів поряд з кольчугою в ритуальних цілях були розрубані або розбиті. Найбільші фрагменти кольчуги за розміром досягають 35 см. Завдяки унікальності збереження металу вдається здійснити класифікацію виявлених фрагментів і виділити типи.

М.В. Новиченкова

РИМСКАЯ КОЛЬЧУГА *Lorica Hamata* I в. до н.э. – I в. н.э.
ИЗ РИТУАЛЬНОГО КОМПЛЕКСА СВАТИЛИЩА У ПЕРЕВАЛА
ГУРЗУФСКОЕ СЕДЛО

Резюме

Статья посвящена описанию и анализу фрагментов римской кольчуги *Lorica Hamata* из раскопок святилища у перевала Гурзуфское Седло. При раскопках святилища античного времени у перевала Гурзуфское Седло, проводившихся в 1981-1993 годах, в слоях ритуального комплекса с ямками выявлено 892 фрагмента и 380 звеньев и частей звеньев римской кольчуги *Lorica Hamata* I в. до н.э. – I в. н.э., разрубленной, очевидно, при совершении обряда жертвоприношения. Фрагменты сосредоточены в основном на площадке сакрального центра, отдельные обнаружены на периферии памятника. Вместе с кольчугой найдено множество других предметов римского военного снаряжения, монеты, фрагменты стеклянных и металлических сосудов. Многие предметы наряду с кольчугой, по-видимому, в ритуальных целях были разрублены или разбиты. Самые крупные фрагменты кольчуги по размеру достигают 35 см. Благодаря уникальной сохранности металла удастся осуществить классификацию выявленных фрагментов и выделить типы.

M.V. Novichenkova

ROMAN CHAIN ARMOUR *Lorica Hamata* OF I CENTURY B.C. – I CENTURY A.D.
FROM THE RITUAL COMPLEX OF THE SANCTUARY AT THE GURZUF
SADDLE PASS

Summary

Article is devoted to the description and the analysis of fragments of Roman chain armour *Lorica Hamata* from excavation of a sanctuary at the Gurzuf Saddle pass. At excavation of a sanctuary of antique time at the Gurzuf Saddle pass, spent in 1981-1993, in layers of a ritual complex with poles 892 fragments and 380 links and parts of links of the Roman chain armour *Lorica Hamata* split at fulfillment of a ceremony of sacrifice were revealed. Fragments are concentrated basically to a platform of the sacral centre, separate are found out on monument periphery. Together with a chain armour the set of other subjects of the Roman military equipment, coins, fragments of glass and metal vessels were found. Many subjects along with a chain armour were split or broken in the ritual purposes. The largest fragments of a chain armour on the size reach 35 cm. Thanks to unique safety of metal it is possible to carry out classification of the revealed fragments and to allocate the types.

Рис. 1. Общий вид святилища у перевала Гурзуфское Седло. Современное состояние. Фото 2005 г.

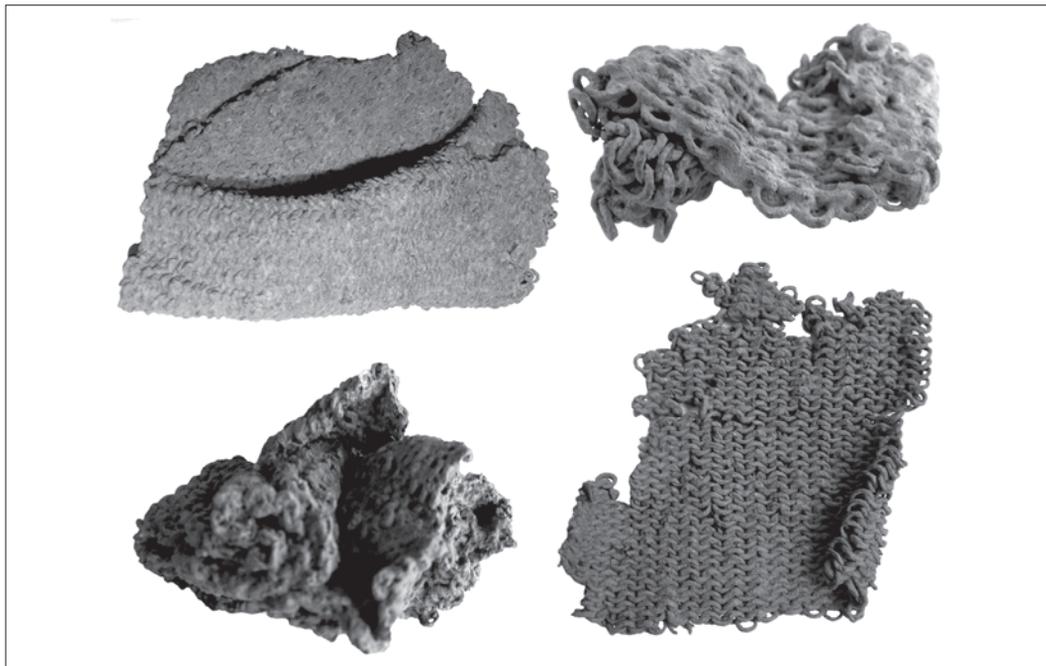

Рис. 2. Фрагменты кольчуги *Lorica Hamata* из раскопок святилища.

Рис. 3. Центральный участок святилища. Фото 1983 г.

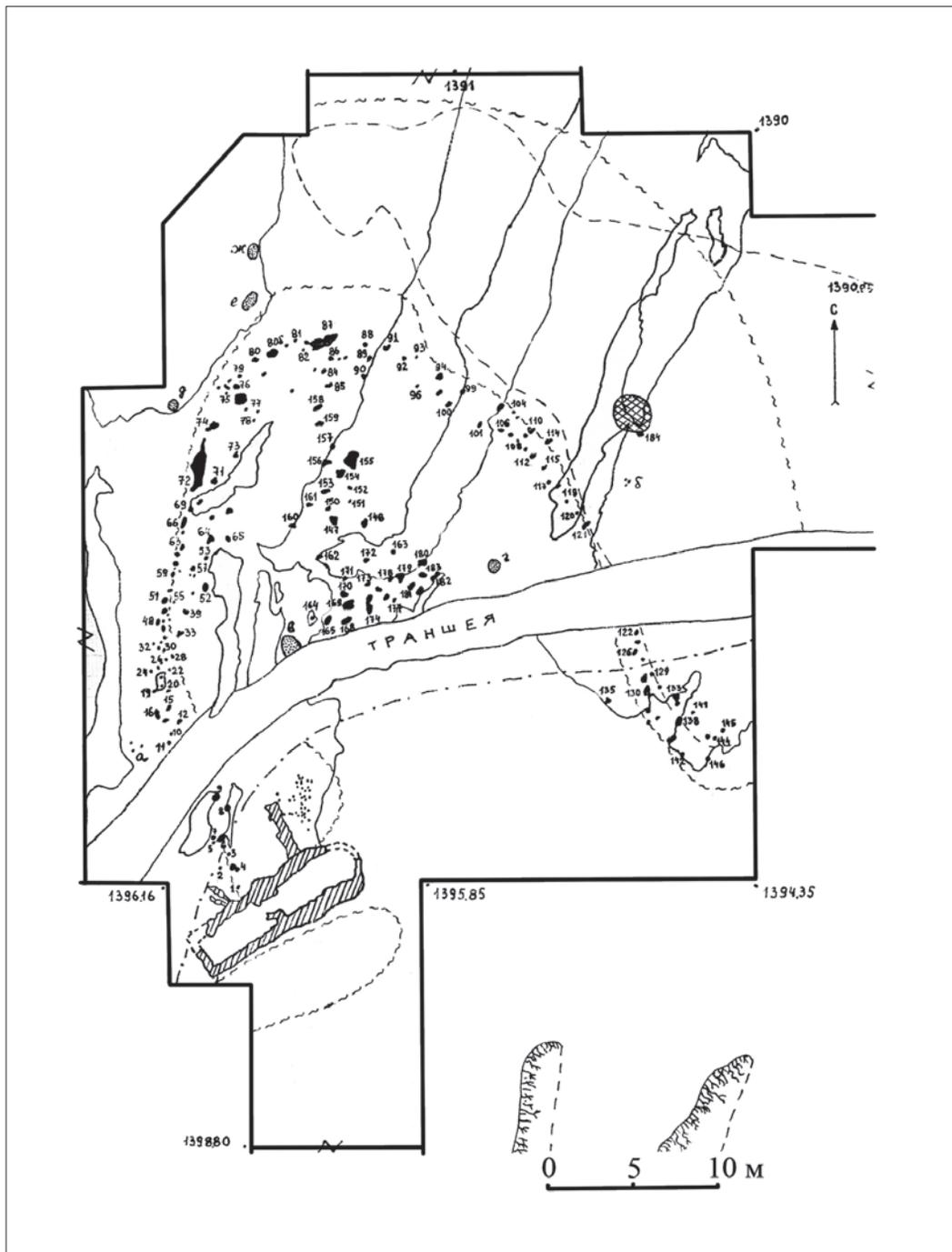
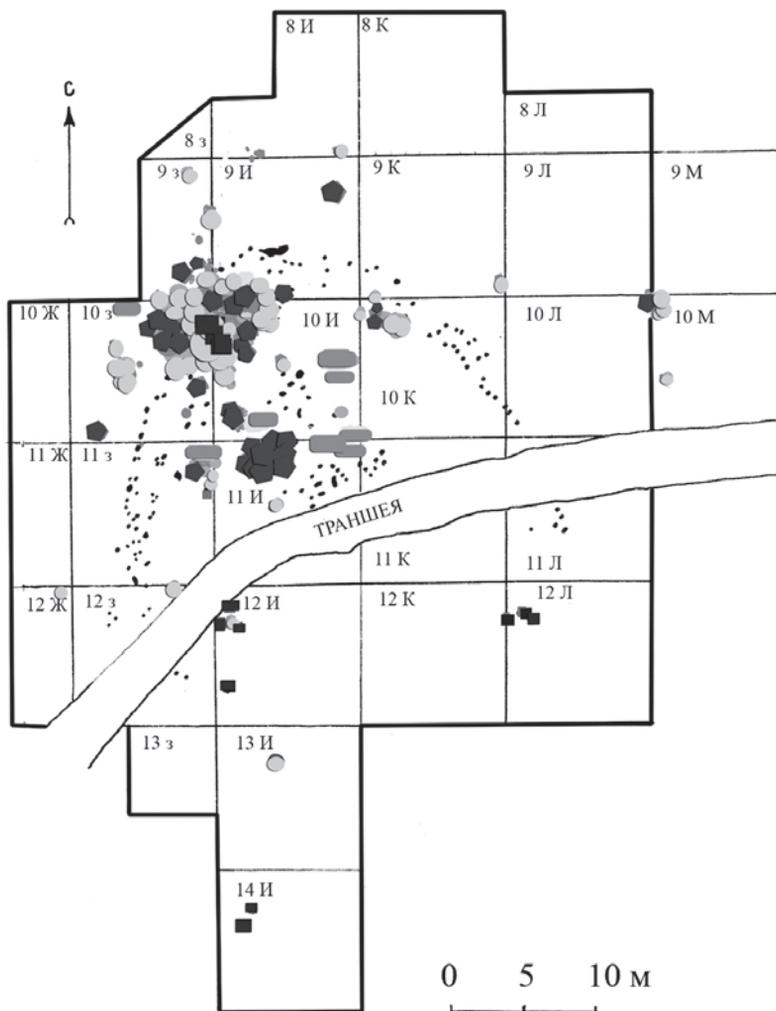

Рис. 4. План святилища у перевала Гурзуфское Седло.

СХЕМА РАСПОЛОЖЕНИЯ ФРАГМЕНТОВ КОЛЬЧУГИ НА ПЛАНЕ

- - мелкого плетения, со звеньями 0,35-0,45 см.
- - группа А, “рядами”, со звеньями 0,45-0,5 см.
- ⬠ - группа Б, со звеньями 0,55-0,6 см.
- - крупного плетения, со звеньями 0,7-1,1 см.

Рис. 5. Схема расположения фрагментов кольчуги на плане святилища.

Рис. 6. Фрагмент кольчуги с диаметром звеньев 0,35-0,4 см (тип 1, первый вариант).

Рис. 7. Фрагмент кольчуги с диаметром звеньев 0,4 см (тип 1, первый вариант).

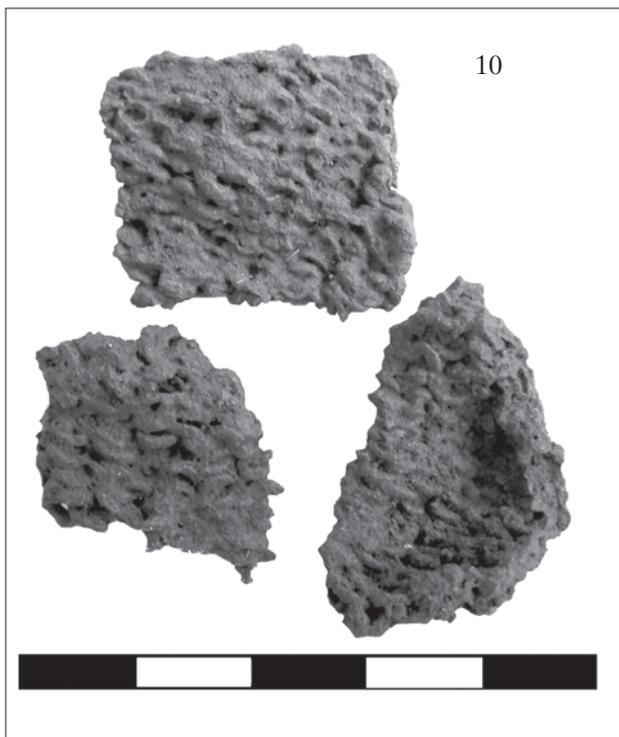

Рис. 8-10. Фрагменты кольчуги самого тонкого плетения (тип 1, второй вариант).

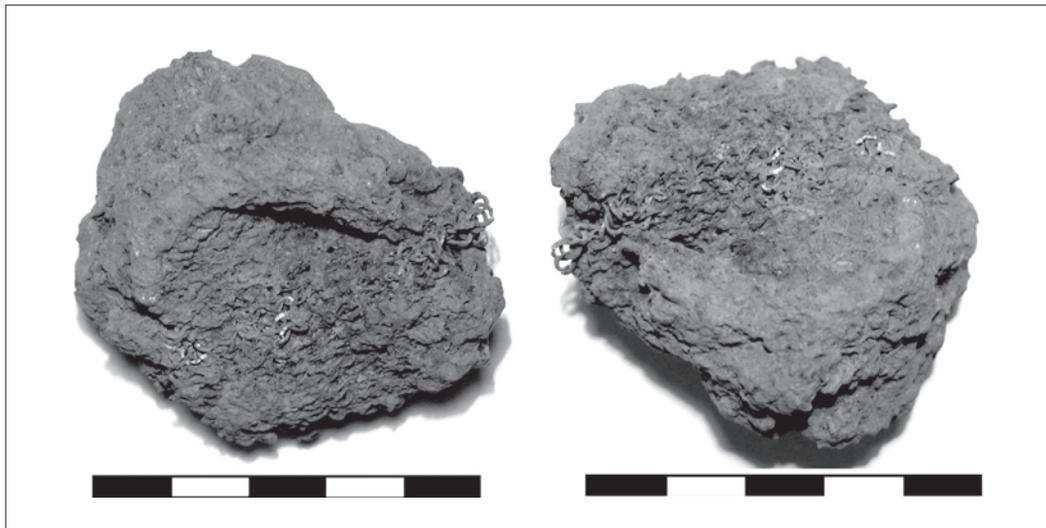

Рис. 11. Фрагмент кольчуги самого тонкого плетения со вставкой из бронзовых звеньев (тип 1, второй вариант).

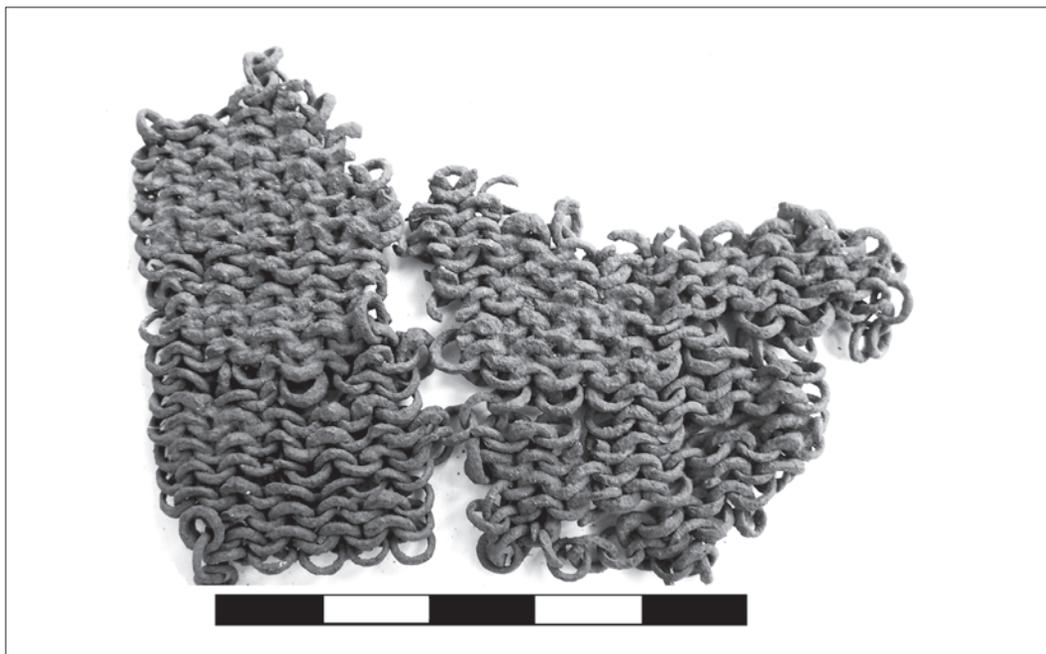

Рис. 12. Фрагмент кольчуги с диаметром звеньев 0,4-0,45 см (тип 1, третий вариант).

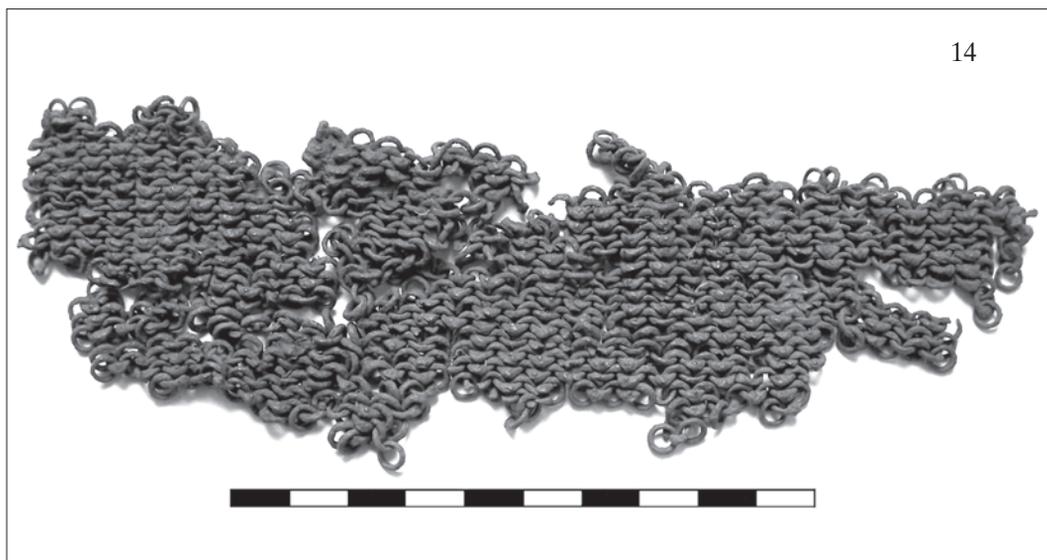
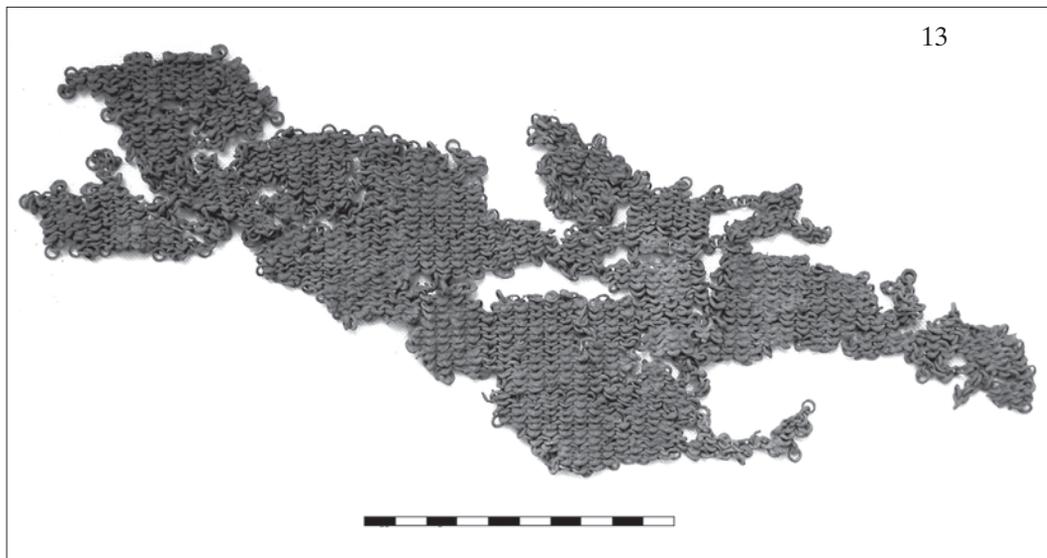

Рис. 13, 14. Фрагменты кольчуги с диаметром звеньев 0,45-0,5 см (тип 2, А стандартный).

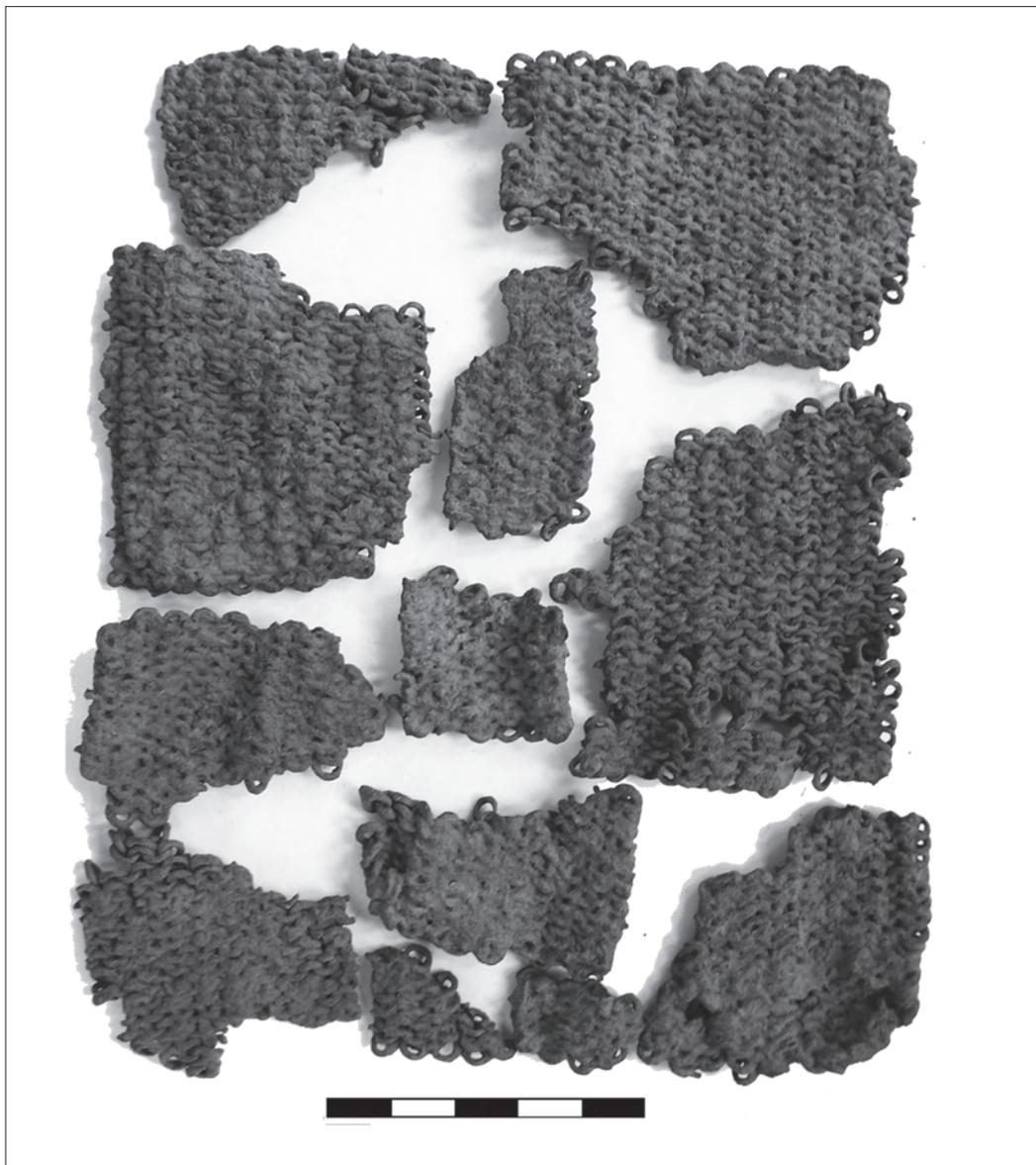

Рис. 15. Фрагмент кольчуги с диаметром звеньев 0,45-0,5 см (тип 3, А «слабо выраженный»).

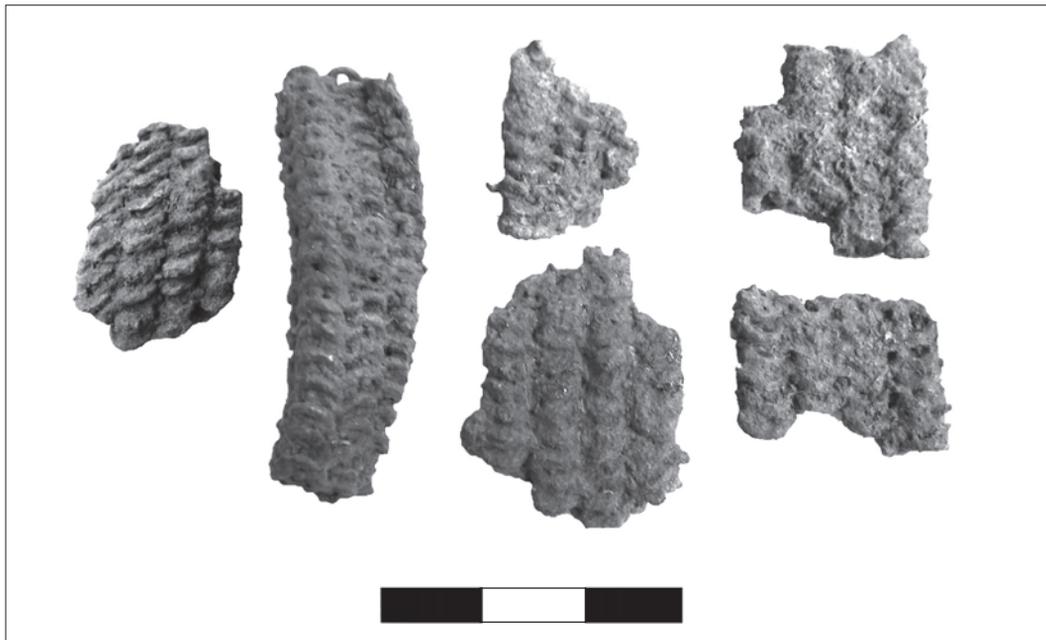

Рис. 16. Фрагмент кольчуги с диаметром звеньев 0,45-0,5 см (тип 4, «рядами»).

Рис. 17. Фрагменты кольчуги с диаметром звеньев 0,55-0,6 см (тип 5, Б стандартный).

Рис. 18. Фрагменты кольчуги с диаметром звеньев 0,55-0,6 см (тип 5, Б стандартный).

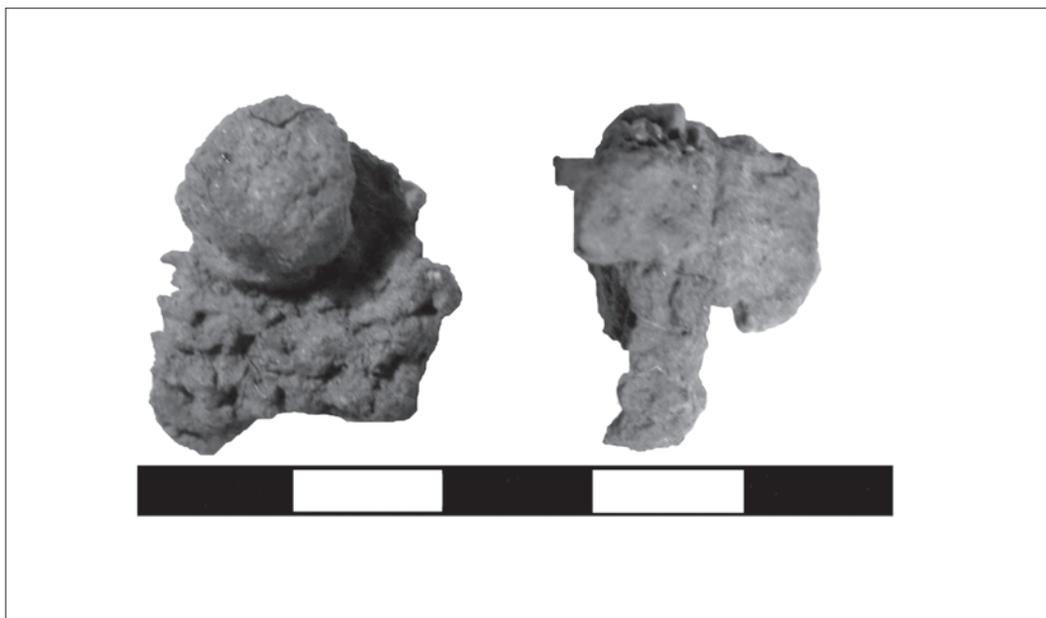

Рис. 19. Крепление – захват кольчуги с диаметром звеньев 0,55-0,6 см (тип Б стандартный).

Рис. 20. Фрагмент кольчуги с диаметром звеньев 0,5-0,55 см (тип 6, Б «слабо выраженный»).

Рис. 21. Фрагмент кольчуги с диаметром звеньев 0,9 см (тип 7).

Рис. 22. Фрагмент кольчуги с диаметром звеньев 1,0 см (тип 8).

Рис. 23. Соединительные звенья кольчуги диаметром 1,2-1,5 см (тип 9).

Таблица типов кольчуги Logica Namata из раскопок святилища у перевала Гурзуфское Седло.

№	Д. звена, см	Толщина проволоки	Толщина полотна	Характер плетения	Вид соединительных звеньев	Кол-во фр-тов	%
Тип 1.	1 вариант - 0,35- 0,4 см, 0,4 см, 2 вариант – 0,3-0,35 см (бронз.), 0,35-0,4 см (жел.), 3 вариант – 0,4-0,45 см).	1 вариант - 0,5-0,1 см, 2 вариант - 0,05-0,075 см (бронз.), 0,07 – 0,075 см (жел.), 3 вариант – 0,1 см.	1 вариант - 0,2-0,3 см, 2 вариант – 0,2 см (бронз.), 0,2-0,25 см (жел.), 3 вариант – 0,3 см.	Мелкого плетения. 2 вариант – со вставкой из бронзовых звеньев.	1 вариант – сведенные (0,35-0,4 см), заклепанные (0,4 см), 2 вариант – сведенные (жел.), заклепанные (бронз.), 3 вариант – сведенные.	60	7 %
Тип 2.	0,4-0,45 см.	0,1 см.	0,35 см.	римский классический, А стандартный	заклепанные	280	31 %
Тип 3.	0,4-0,45 см.	0,1-0,13 см.	0,4 см.	А «слабо выраженный», хар-р бугристый, неровный	Заклепанные, частично сведенные	195	22 %
Тип 4.	0,4-0,45 см.	0,1 см.	0,25-0,3 см.	«рядами»	сведенные	39	4 %
Тип 5.	0,55-0,6 см.	0,15 см.	0,4 см.	Б стандартный «свободной вязки»	сведенные	115	13 %
Тип 6.	0,45-0,5 см, 0,5 см, 0,5-0,55 см.	0,1-0,15 см.	0,3-0,4 см.	Б «слабо выражен.», «свободной вязки», меньший диаметр звеньев, хар-р бугристый, неровный	сведенные, частично заклепанные	175	20 %
Тип 7.	0,7 см, 0,8 см, 0,9 см.	0,1-0,15 см.	0,4 см.	из крупных звеньев	заклепанные	3	-3 %
Тип 8.	1 см, 1,1 см.	0,15 см.	0,4 -0,45 см.	из крупных звеньев	заклепанные	24	
Тип 9.	1,2 см, 1,45-1,5 см.	уплощенн. 0,2x0,1 см.	—	из крупных звеньев	заклепанные, сведенные	1 фр-т, отдельн. звенья	

Н.А. СОН

КОСТЯНЫЕ ИЗДЕЛИЯ ИЗ ТИРЫ

Немногочисленную, но разнообразную и выразительную группу памятников материальной культуры Тире первых веков н.э. представляют костяные изделия. Это и орудия труда, и предметы быта, и украшения. К сожалению, фрагментарность костяных изделий не всегда позволяет определить их функциональное назначение. Зачастую они встречаются в слоях широкого хронологического диапазона, в таких случаях четкая их датировка затруднительна. Костяные изделия из Тире представлены иглами, проколками, стилями, рукоятками ножей, пиксидами, ложками, гребнями, разнообразными украшениями, астрагалами, игральными кубиками. Эти материалы хранятся в научных фондах Института археологии НАН Украины, Одесского археологического музея и в Белгород-Днестровском краеведческом музее*.

Иглы (НФ ИА НАНУ: № Б-Д-50/1038, Б-Д-50/3506, Б-Д-79/182, Б-Д-87/18) и **проколки** (НФ ИА НАНУ: № Б-Д-50/762, 1039, 1062, 2174, 2351, 3059, 3545, 3599, Б-Д-87/24; ОАМ: № Б-Д-72/88, 361, 362, 498). Иглы имеют уплощенный конец с плоским, закругленным или коническим завершением. Одинарные или двойные отверстия в ушке просверлены или пропилены. Сохранившаяся длина: 6,0—10,3 см, диаметр нижнего острого конца иглы — 0,1—0,2 см, диаметр верхнего, иногда слегка уплощенного, конца — 0,4—0,7 см. В Тире найдено много совершенно аналогичных костяных изделий, но без отверстия в верхнем конце. Часть из них, видимо, являлась заготовками для игл, а часть могла использоваться как проколки (рис. 1: 1—6). Аналогичные проколки известны в Ольвии [Наливкина, 1940, с. 188—190, табл. 40, 1, 2, 4—8; с. 190—191, табл. 41, 1—5; Крапивина, 1993, с. 136—137] и ее округе [Бураков, 1976, с. 126, табл. 14, 1]. Иглы и проколки, аналогичные тирским, были распространены в Северном Причерноморье [Петерс, 1986, с. 50—51, табл. VI, 17—24] и по всему античному миру в первые века н. э. [Davidson, 1952, p. 287, pl. 119, № 2385, 2386, 2387; Robinson, 1959, p. 53, pl. 56, J15; Fülep, 1974, S. 143, Taf. 21, 38; Джамбов, 1961, с. 301, 303, фиг. 3, с, d, e; Popilian, 1976, p. 242, fig. 12, 9—11, 15, 16; Bichir, 1984, p. 44, pl. 48, 17 19].

* Хочу выразить искреннюю благодарность младшему научному сотруднику отдела археологии энеолита — эпохи бронзы Института археологии НАН Украины В.Б. Панковскому за ценные консультации.

Стили (НФ ИА НАНУ: № Б-Д-50/47, 1040, 1473, Б-Д-78/264, Б-Д-79/196, Б-Д-87/19; ОАМ: № Б-Д-72/327, Б-Д-75/50; БДКМ: № А-7499, А-7500, 2 экземпляра в экспозиции). Стили служили для письма на восковых табличках. Они имеют заостренный нижний конец, которым производилась запись, постепенно утолщаясь кверху, заканчиваются разнообразно оформленными навершиями, с помощью которых в случае необходимости запись на восковой табличке могла быть заглажена. Стили различной длины — от 7,3 до 11,3 см, с незначительными различиями в диаметре сечения — 0,3—0,5 см (в средней части). Навершия имеют разнообразную форму: шаровидную, яйцевидную, каплевидную, полусферическую (рис. 1: 7—9). Аналогичные стили найдены в Ольвии, Херсонесе и его округе, Пантикапее [Наливкина, 1940, с. 192, табл. 41, 6; Петерс, 1986, с. 61, табл. XII, 2, 8—11, 15, 16; Созник, 2005, с. 250, рис. 9, 5], в Ромуле [Popilian, 1976, p. 242, fig. 12, 13].

Иногда в категорию стилей, очевидно, попадали **булавки (шпильки)**, имеющие такие же размеры и общую конфигурацию, но отличающиеся от стилей формой навершия. Булавки из Тиры орнаментированы при переходе к навершию, овально-округлому, конусовидному или дисковидному, двумя или более глубокими врезными поясками или рельефными дисками (рис. 1: 10—16). Одно из наверший орнаментировано врезным сетчатым узором, напоминающим шишку пинии (рис. 1: 17). Аналогичные изделия часто встречаются в Подунавье, в южном Норике, Афинах, Коринфе [Davidson, 1952, p. 284, pl. 119, № 2326—2329, Robinson, 1959, p. 81, 94, pl. 56, L73—74, M110; Фьер, 1974, S. 143, Taf. 21, 39, 40, 43; Polilian, 1976, p. 242, fig. 12, 14; Vichir, 1984, p. 44, pl. 48, 18, 20; Gosten nik, 2005, p. 226, Fig. 3, 1—5] вплоть до III—IV веков н. э. включительно. М.А. Наливкина относила такие изделия, найденные в Ольвии, к проколкам, а также считала возможным их применение в качестве булавок или шпилек [Наливкина, 1940, с. 191—192, табл. 41, 6—9].

Рукоятки ножей (НФ ИА НАНУ: № Б-Д-61/351, Б-Д-62/68, без инв. №; ОАМ: №Б-Д-75/130; БДКМ: № А-1097, А-6195, А-7218, А-7279) состояли из двух накладок сегментовидных или трапециевидных в сечении. Эта накладки скреплялись с двух сторон железного стержня ножа железными заклепками в двух—четырёх местах вдоль рукоятки. Размеры рукояток различны: от 10,5 × 3,1 × 2,0 см до 7,5 × 1,5 × 0,5 см (толщина сохранившейся одной накладки). Одна рукоятка украшена врезной орнаментацией: с одной стороны — крестообразной, с другой — в виде косых насечек (рис. 2: 1).

Аналогичные тирским рукоятки ножей встречаются в Танаисе [Шелов, 1972, с. 90], в Ольвии [Крапивина, 1993, с. 136], в Никонии [Бруяко, Дзиговский, Секерская, 2008, с. 70]. О местном производстве рукояток ножей свидетельствуют найденные в Тире отходы плюсовых костей (рис. 2: 2) со следами обработки (НФ ИА НАНУ: № Б-Д-88/сп.2-58: 2 экземпляра, Б-Д-88/сп.6-29). Трубочатая часть этих плюсовых костей крупного рогатого скота использовалась для изготовления рукояток ножей.

Находки костяных **ложек** в Тире, как и в других античных центрах, единичны. Первыми веками н.э. датируется круглая, диаметром 2,2 см, ложечка (рис. 3) с небольшой, круглой в сечении, ручкой (сохранившаяся длина — 4,0 см), конец которой обломан (НФ ИА НАНУ: № Б-Д-93/ 52). Такие ложечки применялись для туалетных или медицинских целей. В Тире также найдена ложка овальной формы, длиной 6,0 см, ручка не сохранилась [Nicorescu, 1933, p. 595, fig. 125, 10]. Она имела более широкое применение. При изготовлении ложечек, возможно, использовался несложный токарный станок. Аналогичные ложечки найдены в Ольвии и датируются первыми вв. н. э. [Наливкина, 1940, с. 194—195, табл. XLIII; Крапивина, 1993, с. 137, рис. 87, 38, 39].

Пиксиды представлены фрагментами крышечек (НФ ИА НАНУ: № Б-Д-50/1474, 1741, Б-Д-62/437, 1 экземпляр в экспозиции БДКМ) и донышек (НФ ИА НАНУ: № Б-Д-53/22; БДКМ: без инв. №). Крышечки пиксид, диаметром 3,5—3,9 см, орнаментированы сверху двумя врезными концентрическими кругами. Дно пиксиды диаметром 2,6 см также орнаментировано врезным кругом. Пиксиды являлись миниатюрными парфюмерными сосудами, широко распространенными по всему античному миру [Петерс, 1986, с. 68—70].

В Тире найдены отходы лопаточных костей с круглыми вырезами (НФ ИА НАНУ: № Б-Д-88/сп.2-58а; БДКМ: № А-6746, 1133/5670). Из пластинчатой части, толщиной 0,2—0,5 см, лопаточных костей крупного рогатого скота изготавливались донья и крышки пиксид (рис. 4: 1—2). Эти находки убедительно свидетельствуют о местном косторезном ремесленном производстве.

Гребни. В Тире найдено два целых экземпляра, а фрагменты, к сожалению, не дают представления о форме и конструкции гребня.

Один гребень [Nicorescu, 1933, p. 595, fig. 125, 2] — двусторонний одночастный, прямоугольный. Размеры — 3,2 × 4,0 см. Спинка орнаментирована кружочками, сгруппированными по четыре (рис. 4: 3). Аналогичной формы гребни были широко распространены в первые века н.э. в античных центрах [Никитина, 1969, с. 151; Петерс, 1986, с. 65].

Второй гребень (НФ ИА НАНУ: № Б-Д-50/3433) — односторонний, трехчастный, то есть из нескольких (пяти) составных пластин, закрепленных цельными накладками с двух сторон. Все три части гребня скреплены бронзовыми заклепками. Спинка трапециевидной формы с вогнутыми боковыми сторонами. Размеры гребня: длина — 10,0 см, высота — 7,5 см, максимальная толщина — 1,1 см (рис. 4: 4). Аналогичной формы и конструкции гребни Г.Ф. Никитина относит к гребням черняховской культуры (тип II, вариант 2) и датирует III—IV вв. [Никитина, 1969, с. 149, 158—159, рис. 9]. Совершенно аналогичный костяной гребень найден в погребении IV в. н. э. в Раковцах [Никитина, 1969, с. 156, рис. 9]. Близкие по форме гребни найдены также на территории Польши и датируются концом III — IV вв. н. э. [Chmielowska, 1971, S. 97, rys. 27, grupa IV, typ 3, tabl. 8, 1]. Большинство трехчастных гребней из датированных комплексов

черняховской культуры относится к IV в. н. э. [Никитина, 1969, с. 155]. Гребни этого типа известны на территории Центральной и Восточной Европы. Они также датируются III—IV вв. н. э. [Thomas, 1960, S. 120].

Находки односторонних трехчастных гребней черняховского типа в античных центрах Северного Причерноморья немногочисленны [Кадеев, 1969, с. 238, рис. 1; Шелов, 1972, с. 322—323; Сорокина, 1976, с. 204, рис. 3; Петерс, 1986, с. 65—68]. Появление их связывают с проникновением в античные города черняховской культуры. Производство этих гребней из оленьего рога, широко распространенных в черняховской культуре, переросло рамки домашнего промысла и приобрело ремесленно-товарный характер [Магомедов, 2000, с. 134—135].

Украшения из кости представлены подвесками и бусинами (рис. 5: 1—2). Для подвесок использовали зубы оленя, клыки, рога животных и просверливали в них отверстие (НФ ИА НАНУ: № Б-Д-60/531; БДКМ: № Б-Д-70/195, 1 экземпляр в экспозиции). Просверленные зубы и клыки животных служили амулетами-апоτροпеями [Зубарь, Мещеряков, 1983, с. 98]. Одна подвеска, возможно, изготовлена из клыка кабана. Амулеты из клыков кабана были широко распространены. По предположению Н.А. Богдановой, они отождествлялись с животными, и сила этих животных передавалась амулетам, а через амулеты — человеку [Богданова, 1980, с. 81—82, рис. 5]. Костяные бусины встречаются только одного вида, наружным диаметром — 2,0—2,5 см, внутренним — 0,8—0,9 см, в сечении полуовальные (НФ ИА НАНУ: № Б-Д-62/307; БДКМ: № А-3537). Они тщательно отполированы.

Облицовочные пластинки. В Тире найдены фрагменты костяных пластинок с рельефным и врезным орнаментом на лицевой поверхности. Толщина их — 0,1—0,2 см. Один фрагмент пластинки (НФ ИА НАНУ: № Б-Д-63/69) — с рельефным орнаментом в виде волюты. На фрагменте другой пластинки — врезная орнаментация в виде шестилепесткового цветка в круге. Лепестки покрыты параллельной штриховкой, в центре цветка просверлено маленькое отверстие (рис. 5: 3). Аналогичные пластинки служили для облицовки и украшения различных изделий: ларцов, саркофагов, мебели и других предметов. Они прибивались или наклеивались на основное изделие. Обратная сторона нашей второй пластинки вся покрыта беспорядочной штриховкой, что делалось для лучшего скрепления при склеивании.

Значительную группу находок представляют заготовки-отпилы оленьих рогов в виде тщательно обработанных колец (НФ ИА НАНУ: № Б-Д-50/674, 3430, 3431; Б-Д-60/391-394; без инв. №; ОАМ: Б-Д-72/526). Они различного диаметра (1,8—4,0 см) и высоты (0,8—2,7 см). В наружной стенке этих изделий, посередине, просверлено круглое или слегка овальное отверстие (диаметром 0,4—0,8 см), на противоположной внутренней стороне — маленькое углубление, которое образовалось от просверливания стенки (рис. 5: 4). Кольца внутри полые, губчатая костная ткань частично оставлена на внутренних стенках.

Назначение этих изделий трактовали по-разному. По предположению Д.Б. Шелова, они применялись для крепления каких-то ремешков в конской сбруе или амуниции воина [Шелов, 1972, с. 90]. Другие исследователи считают, что они служили кольцами для шарниров, использовавшихся для прикрепления к шкатулкам крышек. Деревянный шарнир проходил вдоль внутреннего отверстия этих колец, соединяя их вместе. Через боковые отверстия колец проходили крепления, соединявшие их с крышкой и одной из боковых стенок шкатулки. Аналогичные изделия найдены в Ольвии [Наливкина, 1940, с. 199, табл. 45, 1, 2], в Пантिकाпее [Кругликова, 1957, с. 177, рис. 3, 2], в Танаисе [Шелов, 1972, с. 90]. За пределами Северного Причерноморья [Davidson, 1952, p. 128—129, pl. 64, № 872—874] они датируются более узким хронологическим отрезком — I—II вв. н. э.

Астрагалы двух видов: большие (крупного рогатого скота) и маленькие (сайгаков, овец, коз). Как правило, они с двух широких (противоположных), а иногда еще и с одной из боковых, сторон отшлифованы (НФ ИА НАНУ: № Б-Д-87/сп.26 — 15, Б-Д-88/сп.2-586 — 3 экземпляра). Некоторые из них [Nicorescu, 1933, p. 595, fig. 128] имеют просверленное отверстие в центре (НФ ИА НАНУ: № Б-Д-60/355; БДКМ: № А-6214, 6700, 7220). Интерес представляет один маленький астрагал (ОАМ: № Б-Д-72/162). Он покрыт лаком (?) и имеет три просверленных отверстия по центру. На широкой стороне астрагала процарапано двустрочное граффити (рис. 6: 1). По предположению Б.Г. Петерса, подобные астрагалы являлись шашками, а буквенные граффити на них — цифровыми обозначениями их достоинства [Петерс, 1896, с. 84].

Астрагалы часто находят как в погребениях, так и в городских слоях. Они встречаются в Ольвии [Наливкина, 1940, с. 200, табл. 46, 4, 5; Крапивина, 1993, с. 137] и ее округе [Бураков, 1976, с. 128, табл. XIV, 13, 17, 18], в Пантिकाпее [Кругликова, 1957, с. 177—178, рис. 3, 4, 6], в Танаисе [Шелов, 1972, с. 90] и других античных центрах Северного Причерноморья [Петерс, 1986, с. 78—84]. По поводу функционального использования астрагалов одни исследователи считали, что они могли служить для растирания [Кругликова, 1957, с. 178], другие — для игры [Иванова, 1955, с. 427; Петерс, 1986, с. 78—84]. Некоторые авторы полагали, что они предназначались для различных целей и являлись не только игральными костями, но и амулетами и подвесками [Бураков, 1976, с. 128; Зубарь, 1982, с. 109], а также растиральниками [Шелов, 1972, с. 90]. Астрагалы из Тиры не имеют таких следов рабочей стертости, которые должны иметь инструменты, использовавшиеся для растирания (рис. 6: 2—5).

Кубики игральные (НФ ИА НАНУ: № Б-Д-50/581; БДКМ: № А-7514) размерами 1,1 × 1,1 × 1,1 см и 1,2 × 1,2 × 1,2 см изготовлены из целой кости. На каждой из сторон — врезные маленькие кружочки с заглубленной точкой в центре в количестве от одного до шести очков на каждой из шести граней (рис. 6: 6). На одном кубике — одинарные врезные кружочки диаметром 0,2 см, на втором — двойные врезные кружочки диаметром 0,4 см. Этот так называемый

«глазковый» орнамент, состоящий из одного или двух концентрических кругов с точкой в центре, наносился железным двузубцем или трезубцем, как циркулем [Кругликова, 1957, с. 174]. Поэтому этот вид орнаментации еще называют орнаментом циркульными окружностями [Русев, 1986, с. 134].

Аналогичные игральные кубики найдены в Ольвии [Наливкина, 1940, с. 197, табл. 44, 8; Крапивина, 1993, с. 137] и на Боспоре [ОАК, 1913, с. 126, рис. 187; Кругликова, 1957, с. 178; Петерс, 1986, с. 90]. Известны они и среди материалов Афинской агоры [Robinson, 1959, p. 81, 94, 107, pl. 56, L68—72, M109, M251] и датируются второй половиной II — началом V вв. н. э.

На основании анализа костяных изделий можно сказать о наличии в Тире косторезного ремесла. Об этом убедительно свидетельствуют прежде всего производственные отходы, разнообразные роговые отпилы и полуфабрикаты. Продукция местного косторезного производства представлена орудиями труда, предметами быта, украшениями. Для изготовления простых изделий косторезы использовали топор, нож, пилы различных размеров, резцы, напильники, сверла разных диаметров, а более сложные работы производились с помощью токарного станка. Циркулем наносился «глазковый» орнамент, концентрические окружности на крышках и донышках пиксид, орнамент на облицовочных пластинках и других предметах. Однако следует отметить, что в Тире косторезное производство носило мелкотоварный характер.

Костяные изделия, найденные в Тире, имели самое широкое функциональное назначение. Они дополняют картину труда, быта и досуга жителей города в первые века н. э.

ЛИТЕРАТУРА

- Богданова Н.А.* Семантика и назначение некоторых амулетов из могильников первых веков н.э. Юго-Западного Крыма // История и культура Евразии по археологическим данным. - Труды ГИМ. — 1980.
- Бруяко И.В., Дзиговский А.Н., Секерская Н.М.* Никоний римской эпохи. — Одесса, 2008.
- Бураков А.В.* Козьирское городище рубежа и первых столетий нашей эры. — Киев, 1976.
- Джамбов Хр.* Некропол от зидани гробове край Пловдив // Изследования в памет на Карел Шкорпил. - София, 1961.
- Зубарь В.М.* Некрополь Херсонеса Таврического I—IV вв. н. э. — Киев, 1982.
- Зубарь В.М., Мецераков В.Ф.* Некоторые данные о верованиях населения Херсонеса (по материалам некрополя первых веков н. э.) // Население и культура Крыма в первые века н. э. — Киев, 1983.
- Кадеев В.И.* Косторізне виробництво у пізноантичному Херсонесі (I—IV ст. н. е.) // Археологія. — 1969. — 22.
- Крапивина В.В.* Ольвия. Материальная культура I—IV вв. н. э. — Киев, 1993.
- Кругликова И.Т.* Изделия из кости и рога, найденные при раскопках Пантикапея в 1945—1949 гг. // МИА. — 1957. — № 56.
- Магомедов Б.В.* Ремесло // Давня історія України. — Київ, 2000. — Т. 3.
- Наливкина М.А.* Костяные изделия из раскопок Ольвии в 1935 и 1936 гг. // Ольвия. - Киев, 1940.
- Никитина Г.Ф.* Гребни черняховской культуры // СА. — 1969. — № 1.

- Петерс Б.Г.* Косторезное дело в античных государствах Северного Причерноморья. — Москва, 1986.
- Русев Н.Д.* Геометрические орнаменты из циркульных окружностей на подвесках римского времени // Памятники древнего искусства Северо-Западного Причерноморья. - Киев, 1986.
- Созник В.В.* Круглая башня на усадьбе «Близнецы» на хоре Херсонеса Таврического // Боспорские исследования. — 2005. — Вып. VIII.
- Сорокина Н.П.* Позднеантичное стекло из Ольвии // Художественная культура и археология античного мира. — Москва, 1976.
- Шелов Д.Б.* Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. - Москва, 1972.
- Шкорпил В.В.* Раскопки в Керчи // ОАК за 1909 и 1910 гг. — СПб., 1913.
- Bichir G.* Geto-dacii din Muntenia in epoca romana. — Bucuresti, 1984.
- Chmielowska A* Grzebień starożytny i średniowieczny z ziem polskich // Acta Archaeologica Lodziensia. — 1971. — № 220.
- Davidson G.R.* The Minor Objects // Corinth. — 1952. — Vol. XII.
- Fülep F.* Neuere Ausgrabungen in der Römerstadt Sopianae. — Budapest, 1974.
- Gostenčnik K.* Worked bones from Virunum: Some preliminary typological and chronological aspects // From Hooves to Horns, from Mollusc to Mammoth. Manufacture and Use of Bone Artefacts from Prehistoric Times to the Present. — Tallin, 2005.
- Nicorescu P.* Fouilles de Tyras // Dacia. — 1933. — Vol. 3—4.
- Popilian G.* Un quartier artisanal à Romula // Dacia. — 1976. — T. XX.
- Robinson H.S.* Pottery of the Roman Period // Athenian Agora. — New Jersey, 1959. — Vol. V.
- Thomas S.* Studien zu den germanischen Kämmen der römischen Kaiserzeit // Arbeits- und Forschungsberichte zur sächsischen Bodendenkmalpflege. — Leipzig, 1960. — 8.

Н.О. Сон

КІСТЯНІ ВИРОБИ З ТІРИ

Резюме

Знайдені в Тірі кістяні вироби перших століть нашої ери мали широке функціональне призначення та представлені знаряддями праці, предметами побуту, прикрасами. Це — голки, проколки, стилі, руків'я ножів, ложечки, піксіди, гребені, намистини, підвіски, облицювальні пластини, астрагали, гральні кубики.

На основі аналізу кістяних виробів можна говорити про розвиток місцевого костерізного ремесла, про що переконливо свідчать виробничі відходи та напівфабрикати. Тим не менше, слід відмітити, що костерізне виробництво Тіри скоріш за все носило дрібнотоварний характер. Ця нечисленна, але різноманітна та виразна група пам'яток матеріальної культури античної Тіри доповнює картину праці, побуту та дозвілля населення міста римського часу.

Н.А. Сон

КОСТЯНЫЕ ИЗДЕЛИЯ ИЗ ТИРЫ

Резюме

Костяные изделия первых веков нашей эры, найденные в Тире, имели самое широкое функциональное назначение и представлены орудиями труда, предметами быта, украшениями. Это — иглы, проколки, стили, рукоятки ножей, ложечки, пиксиды, гребни, бусины, подвески, облицовочные пластины, астрагалы, игральные кубики.

На основании анализа костяных изделий можно говорить о наличии в Тире местного косторезного ремесла. Об этом убедительно свидетельствуют найденные в Тире производственные отходы и полуфабрикаты. Однако следует отметить, что в Тире косторезное производство, скорее всего, носило мелкотоварный характер. Эта немногочисленная, но разнообразная и выразительная группа памятников материальной культуры античной Тире дополняет картину труда, быта и досуга жителей города римского времени.

N.O. Son

BONE PRODUCTS FROM TYRAS

Summary

Bone products of the first centuries AD found in Tyras were of various functions and are represented by tools, objects of everyday life, and adornments. Such are needles, punches, styli, handles of knives, spoons, pyxidae, combs, beads, pendants, facing plates, knucklebones, and bricks.

Based on the analysis of bone products it is possible to speak about the development of local bone carving craft which is convincingly evidenced by production waste and semi-finished products. Nevertheless, it should be noted that the nature of the bone production in Tyras was rather of a small output. This, not numerous, but diverse and impressive group of monuments of the material culture of the ancient Greek Tyras completes the picture of labor, everyday life and leisure of the city population in the Roman period.

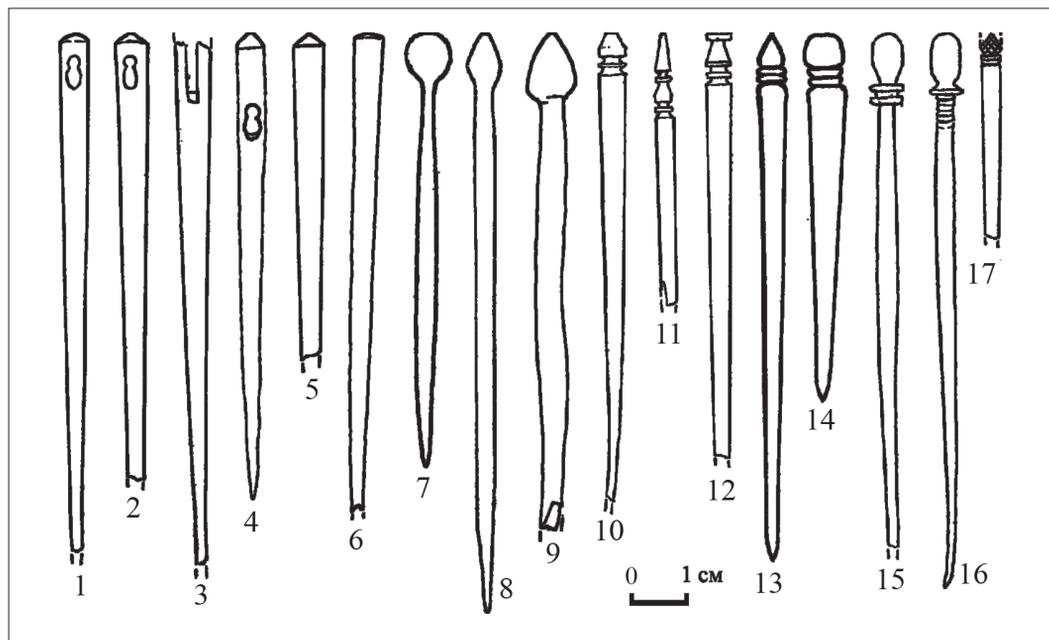

Рис. 1

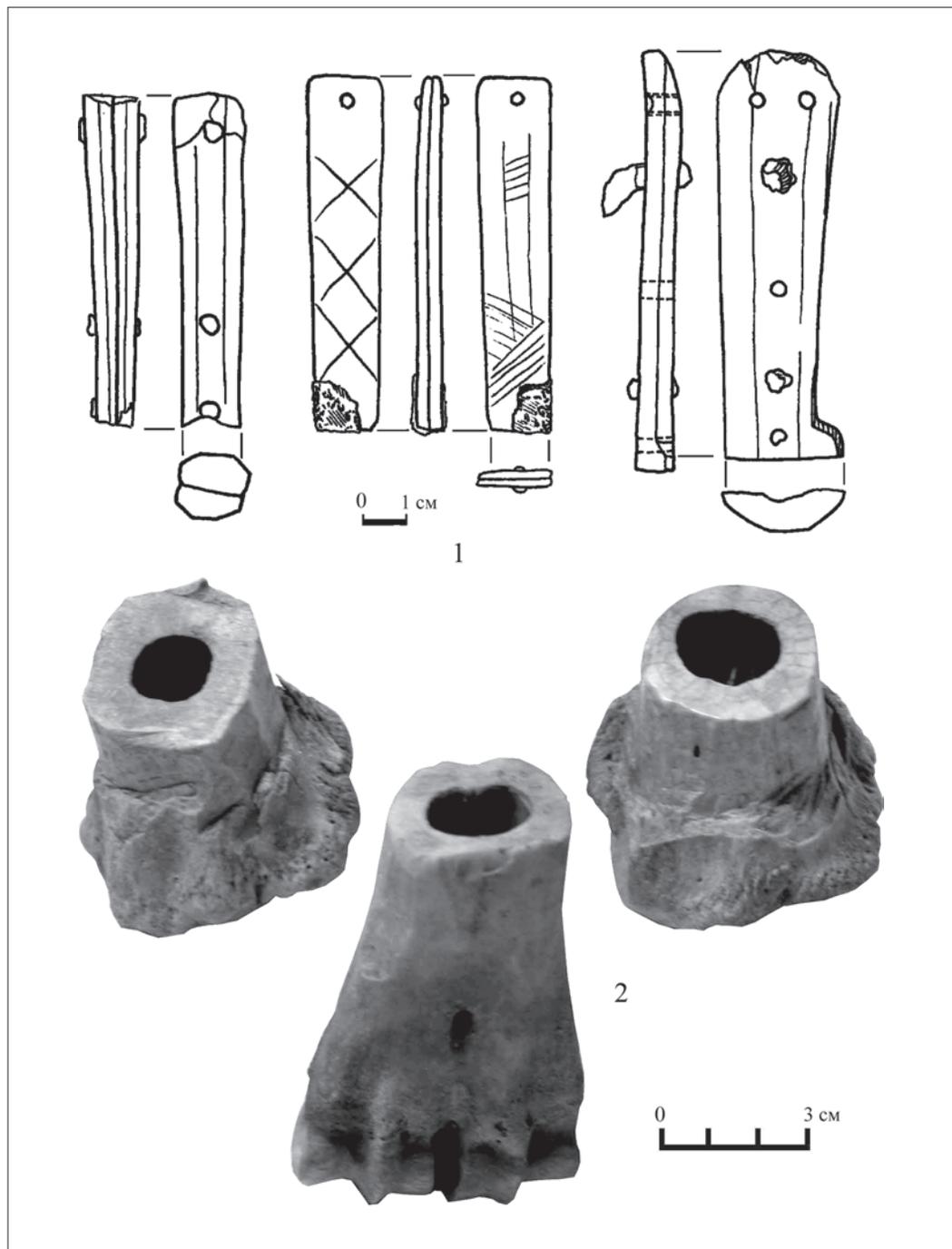

Рис. 2

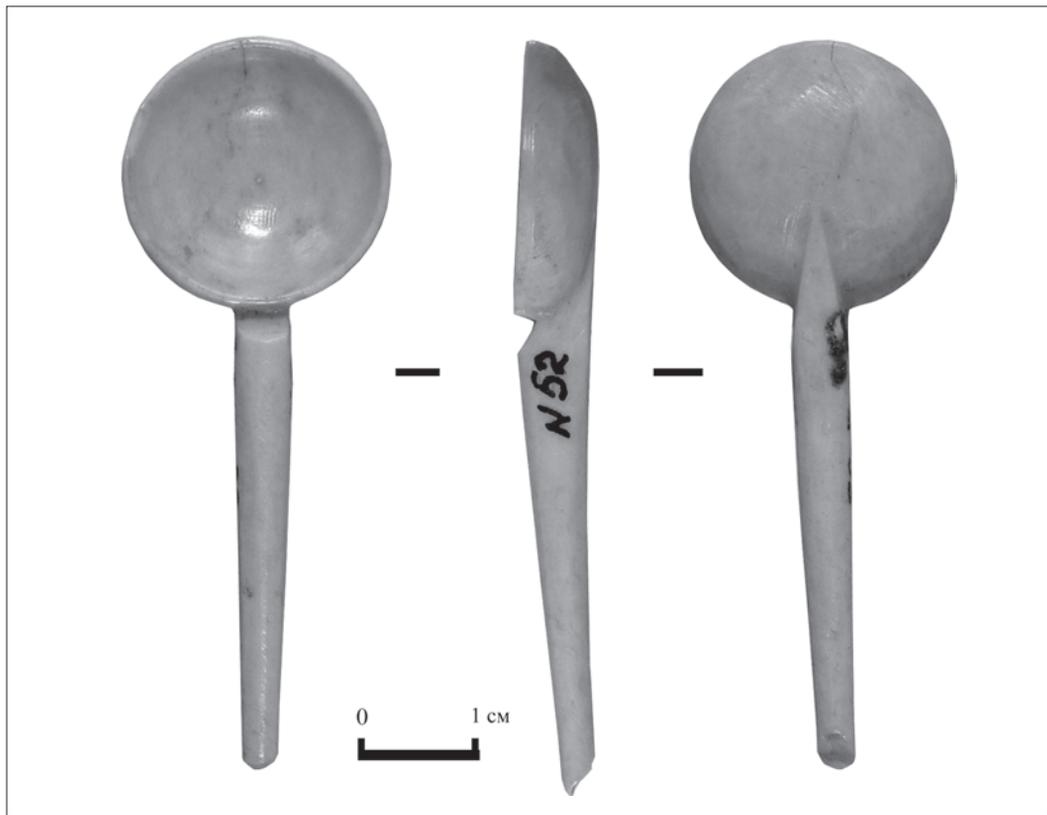

Рис. 3

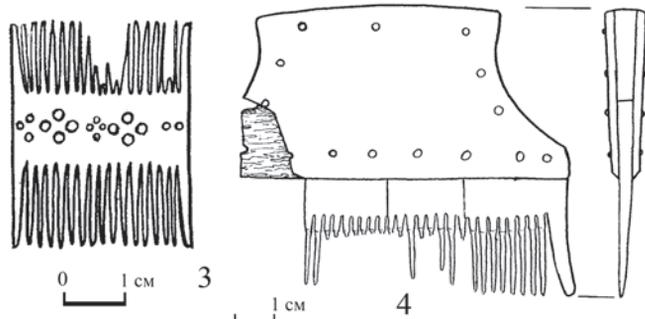
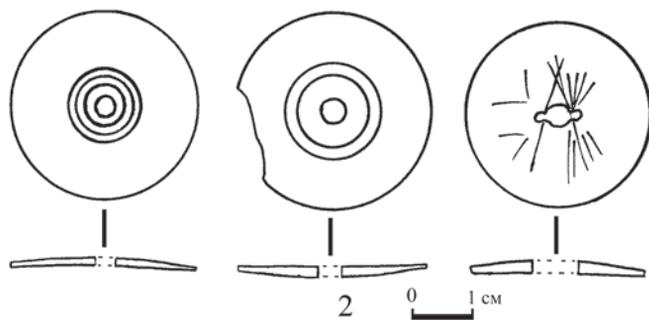

Рис. 4

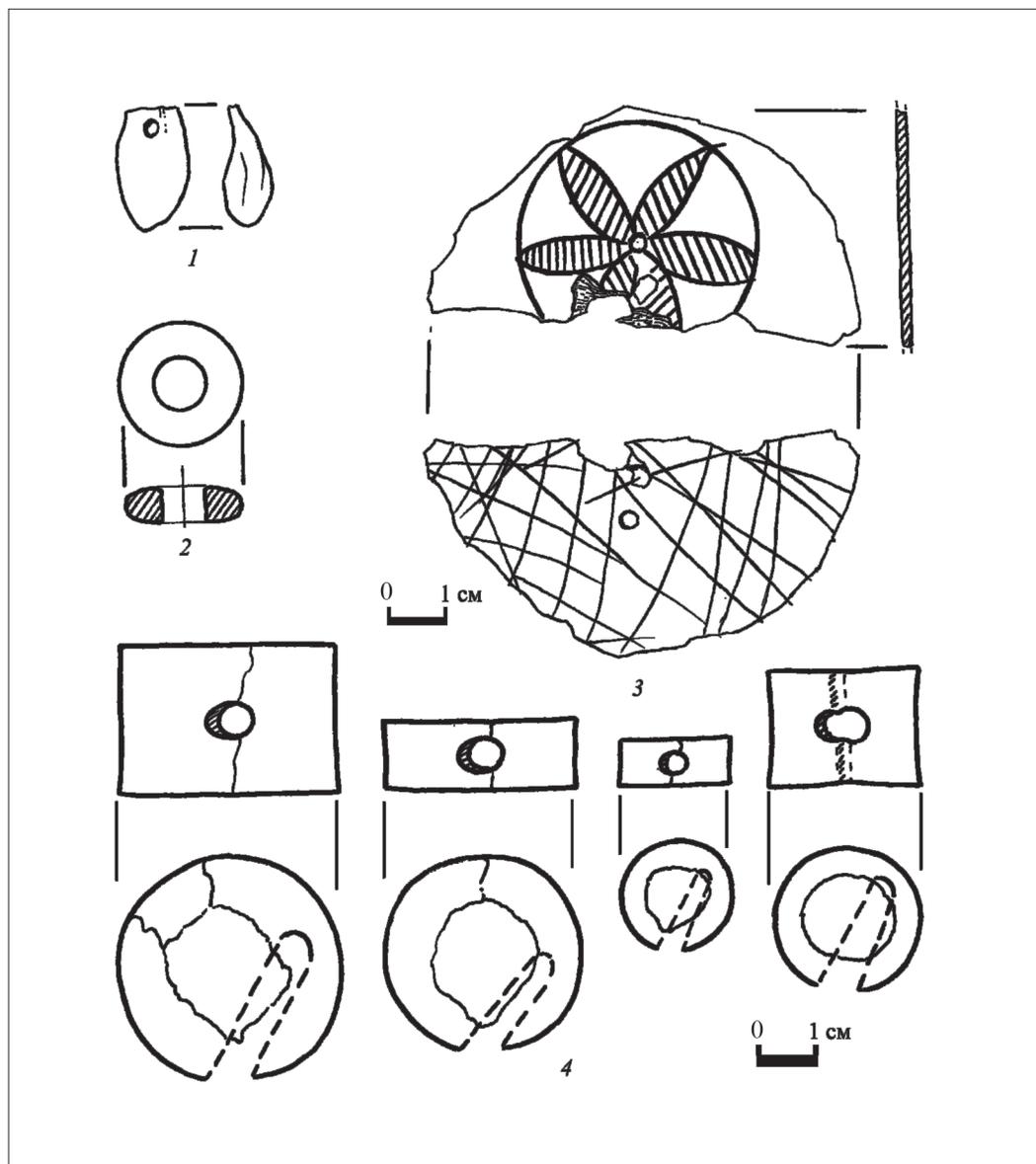

Рис. 5

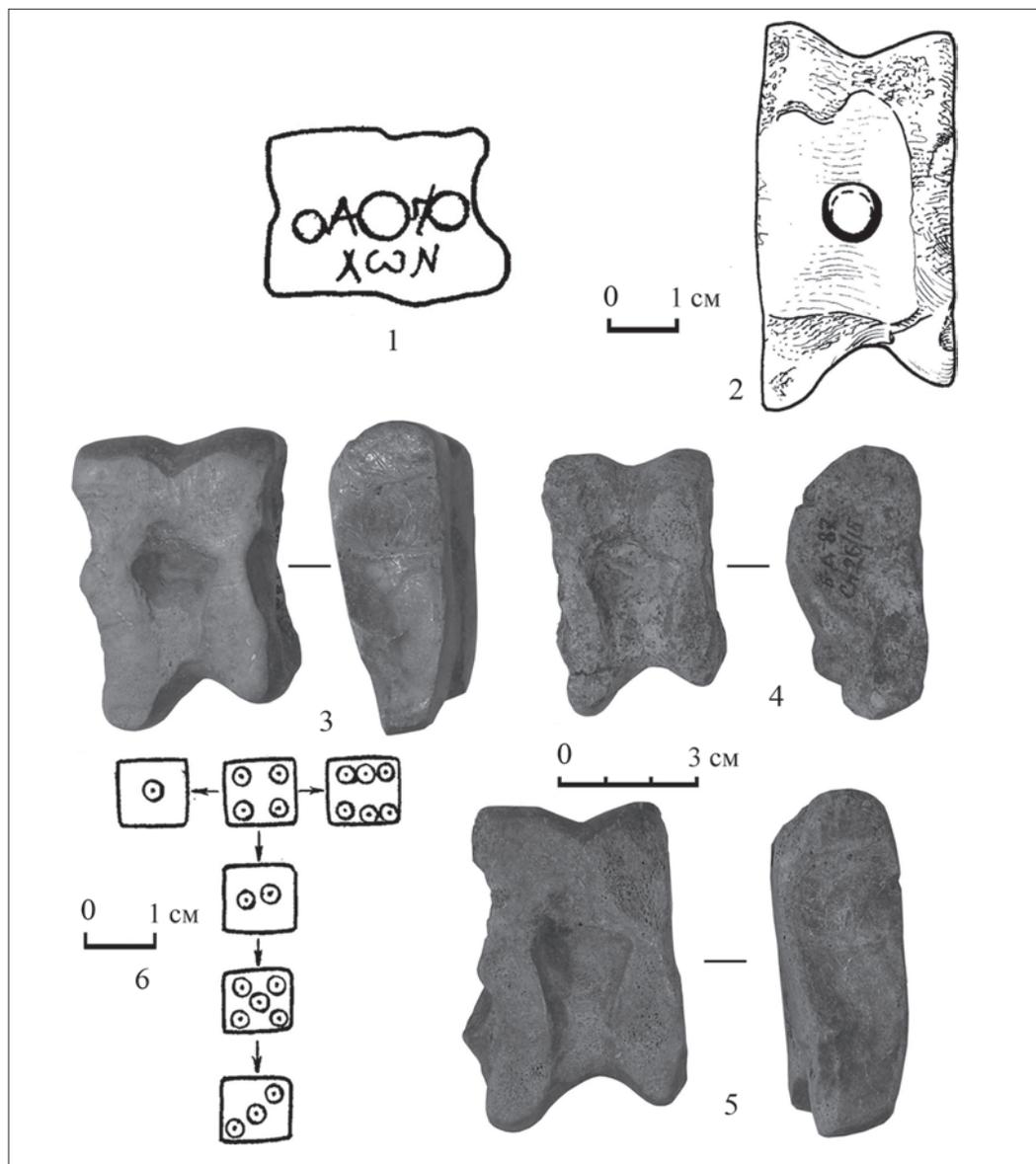

Рис. 6

М. Ю. ТРЕЙСТЕР

ОБ ОДНОЙ ГРУППЕ БОСПОРСКИХ ЗОЛОТЫХ ПЕРСТНЕЙ II–III вв. н.э.

Ювелирное дело Боспора неоднократно привлекало внимание исследователей, однако далеко не все периоды его исследованы одинаково хорошо. К таким «белым пятнам» относится, например, изучение продукции ювелирных мастерских Боспора II–III вв. н.э. При отсутствии происходящих из документированных раскопок остатков производства: инструментов, заготовок, полуфабрикатов важное значение приобретает картографирование находок и выявление специфических, характерных только для определенного региона форм и элементов декора. Такая методика исследования ювелирных изделий, многие из которых зачастую беспаспортные, как правило, приносит плоды¹.

Мое внимание привлекла группа золотых перстней с пластинчатыми гранеными шинками, украшенными выпуклыми вставками из граната в пластинчатых кастах, обведенных рубчатой проволокой. Несколько таких перстней, в том числе происходящих из Тамани, хранится среди экспонатов из собрания барона Й. Диргардта² в Римско-Германском музее в Кельне (Damm, 1988, S. 152-153, Nr. 72-74) (рис. 1). Эти перстни были датированы И. Дамм, по классификации Ф. Хенкеля (Henkel, 1913), IV в. н.э.

К этой группе перстней примыкает золотой перстень со вставкой геммы на яшме с изображением Фортуны из Пантикапея, отнесенный О.Я. Неверовым к группе перстней III–IV вв. н.э. (Античные государства, 1984, с. 352, табл. CLXI, 29). Шесть золотых перстней такой формы со вставками в овальных или каплевидных кастах из «раскопок близ Керчи» хранились

¹ См., например, Pfrommer, 1998, p. 79-84.

² О коллекции, см. de Baye, 1905, p. 219–221; Greifenhagen, 1970, S. 41; Damm, 1988, S. 65-94. Основу коллекции барона Диргардта составило собрание Александра Мерля де Массонно. А. Мерль де Массонно был приглашен князем Львом Голицыным в 1890-х гг. в качестве специалиста по виноделию для работы на царских виноградниках в Крыму. В 1898 г. Голицын увольняется с должности главного винодела, и на его место Главным управлением Уделов приглашается Мерль де Массонно, который пробыв на должности главного винодела удельных имений Крыма и Кавказа до Октябрьской революции (Kästner, 2007, S. 61). Количество экспонатов, поступивших в различные музеи мира, прежде всего в Германии, через коллекцию Массонно, настолько велико, что есть все основания считать его важнейшим звеном, через которое археологические древности Юга России в конце XIX – начале XX вв. уходили за рубеж. См. подробнее: Трейстер, в печати.

в коллекции Б.Н. Ханенко (Collection В. Khanenko, 1907, p. 17, pl. 8, nos. 606-611). Поскольку коллекция ювелирных украшений Эрмитажа специально не публиковалась, есть все основания полагать, что в собрании Эрмитажа имеются подобные перстни из некрополя Пантикапея³.

Один золотой перстень с овальной вставкой граната (Новичихин, 2009, с. 111-112, № 2, рис. 1, 2) происходит из раскопок погребения № 31/1987 некрополя Горгиппии, которое датируется разнообразным инвентарем II – первой половиной III вв. н.э. (Новичихин, 2009, с. 111). А.М. Новичихин указывает на еще два неопубликованных перстня этого типа из раскопок некрополя Горгиппии, которые хранятся в Анапском музее⁴ (Новичихин, 2009, с. 112).

Два перстня с широкими гранеными шинками происходят из некрополя Нимфея. Фрагментированный серебряный перстень был найден в катакомбе № К14/1974 (Грач, 1999, с. 120, № 4, рис. 49; с. 228, табл. 153, 3). Датировка погребений в разграбленной катакомбе укладывается в рамки I–II вв. н.э. (Грач, 1999, с. 119). Серебряный перстень с золотым кастом под вставку каплевидной формы, обведенным напаянной рубчатой проволокой, был найден в катакомбе № К23/1974 (Грач, 1999, с. 154, № 4, рис. 71), содержащей материалы второй половины I–III вв. н.э. (Грач, 1999, с. 154).

Один подобный серебряный перстень с круглым кастом с утраченной вставкой (Довгалюк, Малышев, 2008, с. 105, № 6; с. 106, рис. 86, 6; Малышев, 2008, с. 175, рис. 115; с. 176) был найден в женском погребении № 70 некрополя Цемдолины в составе разнообразного погребального инвентаря, включавшего фибулы и стеклянные сосуды, которые датируют погребение рубежом II–III вв. н.э. (Довгалюк, Малышев, 2008, с. 105-106, рис. 86).

Золотой перстень, вероятнее всего, также северопричерноморского происхождения, хранящийся в ГМИИ им. А.С. Пушкина: на выпуклом овальной формы сердолике небрежно вырезана двухстрочная надпись ΨΥΧΗ ΚΑΛΗ. Н.П. Розанова датирует перстень по палеографическим соображениям II–III вв. н.э. (Розанова, 1968, с. 126-127, № 2, рис. 1, 2). Еще один перстень такой же формы украшен плоской сердоликовой вставкой-инталией с изображением рукопожатия и надписью ΧΑΡΑ над ним; перстень датирован Розановой по палеографическим особенностям надписи II в. н.э. (Розанова, 1968, с. 127-128, № 4, рис. 1, 4). Не исключено северопричерноморское происхождение и перстней со вставками граната из коллекции Ф.Л. фон Ганса в Античном собрании Берлина (Greifenhagen, 1975, 78 Taf. 58, 19-20; 80, Taf. 60, 3-4). Некоторые беспаспортные перстни такой формы со вставками хранятся в музейных собраниях (Cat. Baltimore, 1979, p. 126, no. 353: III-IV вв. н.э., с овальной вставкой синего стекла; Deppert-Lippitz, 1985, S. 30, Nr. 123, Taf. 47, Farbtaf. VI: с овальной вставкой граната).

³ Имеется такой перстень и среди экспонатов золотой кладовой Керченского музея.

⁴ Как нам любезно сообщил Н.И. Сударев, среди материалов его раскопок на Таманском полуострове также имеется подобный, пока не опубликованный перстень.

Судя по современным исследованиям, в западных провинциях Римской империи перстни такой формы (однако без вставок) датируются II–IV (Riha, 1990, S. 38 Typ 2.13.5) или II–III вв. н.э. (Guiraud, 1989, p. 196-198; тип 9a; Johns, 1997, p. 41, 109, nos. 300-305; p. 119, no. 350a).

Золотой перстень аналогичной формы с рельефным изображением головы Сераписа в овале, имитирующем камею, был найден в Горгиипии в помещении, погибшем в пожаре около 240 г. н.э. (Cat. Tokyo, 1991, p. 146, no. 196; Алексеева, 1997, с. 241, рис. 72), что позволяет датировать появление перстней этой формы на Боспоре еще первой половиной III в. н.э. Золотой перстень с подобной пластинчатой дужкой, дополнительно украшенной продольным рифлением и декором щитка, украшенным круглой выпуклой стеклянной вставкой, обрамленной треугольниками из зерни⁵, был найден в богатом женском сарматском погребении в Нижнем Поволжье, которое датируется разнообразным погребальным инвентарем второй половиной II – первой половиной III вв. н.э. (Мордвинцева, Хабарова, 2006, с. 115-116, № 141, табл. 11).

В отличие от перстней боспорского или, предположительно, боспорского происхождения, у которых вставки всегда закреплены в накладных пластинчатых кастах, как правило, обведенных рубчатой проволокой, у перстней такой формы из западных провинций Римской империи (Cat. Limburg 2002, S. 181 Nr. 103: III в. н.э.), Западного Причерноморья (эти золотые и серебряные перстни, которых датируют III в. н.э., происходят как из случайных находок: Димитрова-Милчева, 1980, с. 52, № 89; с. 56 № 105, так и из раскопок Новы: Димитрова-Милчева, 1980, с. 67, № 150) и Малой Азии (Bingöl, 1999, No. 185) – геммы вставлены непосредственно в углубление одной из граней.

На шинках некоторых граненых перстней имеются пуансонные надписи. К ним относятся: 1) перстень со вставкой граната, хранящийся в Кельне, происходящий из Тамани, с надписью ΧΡΥΣΟΓΟΝΟΥ | ΨΥΧΗ (Damm, 1988, S. 152, Nr. 72, Abb. 133-135) (рис. 1, 7-10); 2) перстень со вставкой яшмы, купленный в 1932 г. в ст. Таманской и хранящийся в ГМИИ им. А.С. Пушкина, с надписью ΑΡΔΑΡΑΚΟΥ | ΨΥΧΗ (рис. 2, 5-7) (Розанова, 1968, с. 125-127, № 1, рис. 1, 1; Greifenhagen, 1975, 81); 3) перстень со вставкой граната из Керчи, который хранится в Западно-Богемском музее в Пльзене, с надписью ΧΟΔΗΧΑΡΟΥ | ΨΥΧΗ (Ondřejová, 1975, p. 66-67, no. 43, pls. I, 8; II, 8; XIII, 1).

⁵ Аналогичный декор в виде круглой вставки в пластинчатом касте, обрамленном рубчатой проволокой, и треугольников из зерни по бокам, напаянных на тонкие треугольные пластинки украшает кольцо с гладкой неграненой дужкой из Керчи, датированное И. Дамм IV в. н.э. (Damm, 1988, S. 153, Nr. 75, Abb. 138). Подобный перстень был найден при костяке А склепа 11450, раскопанного на некрополе Фанагории Афинской экспедицией под руководством Г.Е. Беспалого в 2001 г. По найденным материалам склеп датируется в рамках I в. до н.э. – II в.н.э. (Мордвинцева и др., в печати, № 586).

При археологических раскопках на территории Боспорского царства было найдено еще как минимум четыре золотых перстня такого типа.

4) Перстень из погребения № 240(52)/1902 на Глинище в Керчи украшен вставкой бирюзы – поперечная пуансонная надпись на дужке: АΤΑΝΟΡΨΥΧΥ (рис. 2, 8-9) (Шкорпил, 1904, с. 116, рис. 31a-b; ОАК за 1902 г., 51 рис. 81; Тохтасьев, 2001, с. 163, рис. 8; Toktas'ev, 2005, p. 31, fig. 8). К сожалению, мне неизвестно, к каким типам относились найденные в этом женском погребении золотые серьги с бирюзой, сердоликовые бусы и стеклянные сосуды: «раздавленные стакан и бальзамарий из простого стекла и уцелевший стеклянный сосуд с одной ручкой» (Шкорпил, 1904, с. 116).

5) Еще один перстень со вставкой бирюзы и надписью ΚΑΡΔΙΟΥ | ΨΥΧΗ (рис. 2, 1-2) происходит из раскопок А.Е. Люценко 1872 г. на г. Митридат; он был найден в деревянном гробу с женским захоронением в двухкамерной катакомбе № 1 с двенадцатью погребениями (ОАК за 1872 г., с. XIX). Л. Стефани датировал перстень II в. н.э. (ОАК за 1873 г., с. 55, табл. 3, 11-12; Greifenhagen, 1975, S. 81). Из этого же женского погребения происходят следующие предметы. Терракота-марионетка (ОАК за 1873 г., с. 37–38, табл. II, 6.) типа, получившего распространение на Боспоре в I в. до н.э. – I в.н.э. (Марченко, 1974, с. 43–44, № 5, табл. 53, 4). Бусы из погребения бусы датируют II в. н.э. (Алексеева, 1982, с. 59, П 25), а найденные в нем монеты – I–II вв. н.э. (ОАК за 1873 г., с. 38). Золотая застежка ожерелья с двумя петлями и тисненным изображением стоящего на бабочке и отрывающего ее крылья Эрота (ОАК за 1873 г., с. 56, табл. III, 13; ОАК за 1876 г., с. 151; Мордвинцева, Трейстер, 2007. Т. 2, № А187.1) относится к известному по находкам на Боспоре типу (Трейстер, 2007, с. 92, прим. 319). Подобные украшения (Зубарев, 2009, с. 281, 283, рис. 2, 4; Зубарев, 2010, с. 81, рис. 3, справа) были найдены в могиле № 12 некрополя городища «Белинское» на Керченском полуострове, которая датируется разнообразным инвентарем концом II – первой половиной III вв. н.э. (Зубарев, 2009, с. 281; Зубарев, 2010, с. 81). Таким образом, рассматриваемое погребение на г. Митридат вряд ли может датироваться позднее этого времени.

6) Перстень из склепа № 25/1972 некрополя Илурата с выпуклой вставкой из стекла голубого цвета в пластинчатом касте, обведенном рубчатой проволокой имеет пуансонную надпись на шинке, выполненную в одну строчку по ее длине: ΜΑΔΑΡ ΨΥΧΗ (рис. 2, 3-4) (Кубланов, 1979, с. 91-92, рис. 1, 3; Тохтасьев, 2001, с. 163; Toktas'ev, 2005, p. 31; Хршановский, 2007, с. 90, 320, рис. 3а).

7) Золотой перстень из кургана недалеко от м. Такиль-Бурун найден в 1880-х гг. в разграбленном кургане вместе с золотой амулетницей с надписью, золотыми бусами и веретеном. По сообщению Ю.Ю. Марти, в 1908 г. перстень находился в коллекции Б.А.Бока, хранящейся в его имении недалеко от м. Такиль-Бурун. Перстень семигранный с утраченной вставкой, обведенной композициями из групп шариков зерни, имеет пуансонную надпись ΠΙΔΟΓ[Ε]ΝΟΥ Ψ[Υ]ΧΗ

(Марти, 1913, с. 36-37 § I – опубликован без иллюстрации; Тохтасьев, 2001, с. 163, 167, прим. 103; Toktas'ev, 2005, p. 30, note 121).

К рассматриваемым граненым перстням с пуансонными надписями примыкают перстни с круглыми в плане выпуклыми с внешней стороны шинками, также имеющие аналогичные надписи:

8) Надпись ПΑΛΛΗΠΗΙ | ΨΥΧΗ выбита пуансоном в нескольких строчках на каждом плечике перстня с круглой шинкой и вставкой в виде геммы на сердолике с изображением Фортуны из некрополя Пантикапея (изображение известно в довольно грубой прорисовке, О.Я. Неверов, составивший таблицу, датировал его II в. н.э.: Античные государства, 1984, с. 352, табл. CLXI, 25; Тохтасьев, 2001, с. 167, прим. 103; Toktas'ev, 2005, p. 30-31, note 121).

9) Еще один перстень со вставкой геммы из граната с изображением бюста Ромы в панцире и шлеме поступил в Берлинское Античное собрание от П. Маврокордато через собрание Ф.Л. фон Ганса, т.е. также имеет северопричерноморское происхождение. На плечиках перстня вдоль шинки имеется надпись ΠΑΠΟΥΣ ΛΟΛΟΥΣ | ΔΙΩΝΥΙΟΥΣ ΨΥΧΗ. А. Грайфенхаген датировал берлинский перстень по эпиграфическим соображениям III в. н.э. (Greifenhagen, 1975, S. 81, Taf. 60, 17-20).

Н.П. Розанова (1968, с. 125-126) датирует перстень № 2 (рис. 2, 5-7) по форме и палеографии надписи II–III вв. н.э., отмечая использование аналогичного имени (Ардорак) в пантикапейской надписи на постаменте статуи времени правления боспорского царя Тейрана 275–278 гг. н.э. (КБН 36) и в еще одной пантикапейской надписи фиаса, в которой упомянут жрец Папп, сын Ардорака (КБН 103: последние десятилетия III в. н.э.). Между тем, имя Ардорак встречается в значительно большем количестве надписей с территории Боспора, в том числе в надписях фиасов из Танаиса первых десятилетий III в. н.э. (КБН 1277, 1278, 1280), а также в надписи фиаса, найденной в Ахтанизовской на Таманском полуострове, в которой упомянут жрец Менестрат, сын Ардорака, датированной III в. н.э. (КБН 1016). Имя Хрисогон, выбитое в надписи на перстне № 1 (рис. 1, 9-10), также известно по одной боспорской надписи фиаса, происходящей из Горгииппии (КБН 1129) и датированной второй половиной II в. н.э. (КБН 1129) или, точнее, временем правления Савромата II, последней четвертью II – началом III вв. н.э. (Смирнова, 2001, с. 354-356). Имена сыновей Кардия (ср. перстень № 5, рис. 1, 1), Парфенокла и Стратоника, вырезаны на надписи фиаса из Танаиса, датированной 228 г. н.э. (КБН 1282), а Кардий, сын Дада, упомянут в другой надписи фиаса из Танаиса, датированной этим же годом (КБН 1283). Деметрий, сын Кардия, упомянут в надписи фиаса (?) из Федосии, относящейся к III в. н.э. (КБН 947). Женское имя Мада (ср. перстень № 6, рис. 2, 3-4), как отмечал С.Р. Тохтасьев (2001, с. 163; Toktas'ev, 2005, p. 31, note 123), известно на Боспоре (КБН 456: надгробие, купленное в Керчи в 1902 г., по характеру письма не ранее конца I в. н.э., возможно, первая половина II в. н.э.).

Надпись на перстне № 5 (рис. 2, 1-2) была интерпретирована Л. Стефани как подарок Кардия своей возлюбленной (ОАК за 1873 г., с. 55), Н.П. Розанова (1968, с. 123) интерпретировала надпись на перстне № 2 (рис. 2, 5-6) двояко: или как «душе» в смысле «милой» Ардорака или Псюхе (имя), жене Ардорака. Учитывая то, что на всех перстнях рассматриваемой группы выбито ΨΥΧΗ или ΨΥΧΥ второе предположение вряд ли возможно. Как показал С.Р. Тохтасьев (2001, 163; Toktas'ev, 2005, p. 30), мужские имена, стоящие в таких надписях, представлены в генетиве. Он высказывает в этой связи сомнение в том, что на перстне № 6 (рис. 2, 3-4) представлено женское имя Псюхе (Тохтасьев, 2001, 167 прим. 105; Toktas'ev, 2005, p. 31, note 123).

Подобные же формулы, содержащие одно или два имя в генетиве (С.Р. Тохтасьев) или номинативе (А. Грайфенхаген), представлены на перстне № 9, а также на серии золотых амулетниц из погребения III в. н.э. в Тиритаке (Емец, Чевелев, 1995, с. 20, № 38; Тохтасьев, 2001, с. 162-163; Toktas'ev, 2005, p. 30), из кургана на м. Такиль (Марти, 1913, с. 36-37; Тохтасьев, 2001, с. 163; Toktas'ev, 2005, p. 30) и на золотом филиakterии в виде шкатулки с надписью, выполненной золотой проволокой, из погребения II–III вв. н.э. некрополя Кыз-Аул близ Керчи (Емец, Чевелев, 1995, с. 21, рис. 43; с. 23, № 43; Тохтасьев, 2001, с. 163; Toktas'ev, 2005, p. 30-31), а также на золотой амулетнице с овальными вставками граната и бирюзы в пластинчатых кастах, обведенных рубчатой проволокой «с Кавказа», хранящейся в Лувре (Мордвинцева, Трейстер, 2007, Т. 2, № С/1.15.2.1 с полной библиографией, табл. 64). Смысл этих надписей, по мнению С.Р. Тохтасьева (2001, с. 163) не ясен и заслуживает специального рассмотрения.

Учитывая отмеченные выше особенности формы и декора перстней с пластинчатыми шинками со вставками из граната, бирюзы и, реже, стекла в пластинчатых накладных кастах, обведенных рубчатой проволокой или оформленных декором из зерни, тот факт, что все известные находки перстней рассмотренной выше группы происходят или, наиболее вероятно, происходят с территории Боспорского царства, а также то, что надписи, выбитые на их шинках, составлены по одной формуле, есть все основания полагать, что мы имеем дело с локальным феноменом. Наше предположение подтверждает и анализ имен, выбитых на шинках перстней, большинство из которых находят соответствия в боспорских лапидарных надписях. Перстни этой группы следует датировать в рамках конца II–III вв. н.э. Есть все основания предполагать, что их не только украшали надписями на Боспоре, но и изготовляли в местных ювелирных мастерских.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья (САИ, вып. Г1–12. М., 1982.
 Алексеева Е.М. Античный город Горгиппия. М., 1997.
 Античные государства Северного Причерноморья. М., 1984.
 Грач Н.Л. Некрополь Нимфея. СПб., 1999.

- Димитрова-Милчева А. Антични геми и камеи от Национални Археологически Музей в София. София, 1980.
- Емец И.А., Чевелев О.Д. Эпиграфические материалы с Керченского полуострова // Эпиграфический вестник. 1995. № 1. С. 9–27.
- Зубарев В.Г. Парные подвески с изображением Эрота из погребения № 12 некрополя городища «Белинское» // Боспорский феномен. Искусство на периферии античного мира. СПб., 2009. С. 280–283.
- Зубарев В.Г. Новые открытия на городище «Белинское» // СΥΜΒΟΛΑ. Античный мир Северного Причерноморья. Новейшие находки и открытия. Вып. 1. Москва – Киев, 2010. С. 78–81.
- Кубланов М.М. Новые погребальные сооружения Илурата // КСИА. 1979. Вып. 159. С. 90–97.
- Довгалак Н.А., Малышев А.А. Описание погребальных комплексов. Каталог // Аспургиане на юго-востоке Азиатского Боспора (по материалам Цемдолинского некрополя) (Некрополи Черноморья, II). М., 2008. С.8–128.
- Малышев А.А. Погребальный инвентарь Цемдолинского некрополя // Аспургиане на юго-востоке Азиатского Боспора (по материалам Цемдолинского некрополя) (Некрополи Черноморья, II). М., 2008. С.136–180.
- Марченко И.Д. Марионетки и культовые статуэтки Пантикапея // Терракотовые статуэтки. Пантикапей (САИ, вып. Г1-11). М., 1974. С. 38–46.
- Марти Ю.Ю. Новый эпиграфический материал из Керчи и ее окрестностей // ЗООИД. 1913. Т. 31. С. 27–38.
- Мордвинцева В.И., Трейстер М.Ю. Произведения торевтики и ювелирного искусства в Северном Причерноморье 2 в. до н.э. — 2 в. н.э. В 3-х тт. Симферополь; Бонн, 2007.
- Мордвинцева В.И., Хабарова Н.В. Древнее золото Поволжья из фондов Волгоградского областного музея краеведения. Симферополь, 2006.
- Мордвинцева В.И., Хачатурова Е.А., Юрченко Т.В. Сокровища древней Кубани (в печати).
- Новичихин А.М. Ювелирные изделия из раскопок некрополя Горгиппии в 1987 г. // ВДИ. 2009. № 1. С. 110–118.
- Розанова Н.П. Золотые перстни с геммами и греческими надписями из Пантикапея и Фанагории // Сообщения ГМИИ. 1968. Вып. 4. С. 125–131.
- Смирнова Н.В. Наместники Горгиппии // Древности Боспора. 2001. Т. 4. С. 350–367.
- Тохтасьев С.Р. Эпиграфические заметки // ΑΝΑΧΑΡΣΙΣ. Памяти Юрия Германовича Виноголадова (Херсонесский сборник. Вып. XI). Севастополь, 2001. С. 155–168.
- Трейстер М.Ю. Торевтика и ювелирное дело Северного Причерноморья 2 в. до н.э. — 2 в. н.э. (эллинистическая традиция) // Мордвинцева, Трейстер, 2007. Т. 1. С. 15–194.
- Трейстер М.Ю. Бронзовые и золотые пряжки и наконечники поясов с тамгообразными знаками – феномен боспорской культуры II в. н.э. // Древности Боспора. 2011. Т. 15 (в печати).
- Хришановский В.А. Предварительные итоги исследования некрополей боспорских городов Илурата и Китея на материале археологических экспедиций ГМИР 1969–2006 гг. // Труды Государственного Музея истории религии. Вып. 6–7. СПб., 2007. С. 88–101.
- Шкорпил В.В. Отчет об археологических раскопках в г. Керчи и его окрестностях в 1902 году // ИАК. 1904. Вып. 9. С. 73–177.
- Bingöl F.R.I. Anadolu medenizetleri müzesi. Antik takilar. Ankara, 1999.
- Cat. Baltimore 1979 – Jewelry. Ancient to Modern. A Studio Book. Baltimore, 1979.
- Cat. Limburg 2002 – Schone Schijn. Romeinse juweelkunst in West-Europa. Leuven, 2002.
- Cat. Tokyo 1991 – The Treasures of Nomadic Tribes in South Russia. Tokyo, 1991.
- Collection B. Khanenko. Antiquités de la region du Dniepre et des côtes de la Mer Noire. T. VI. Kiev, 1907.
- Damm I.G. Goldschmiedearbeiten der Völkerwanderungszeit aus dem nördlichen Schwarzmeergebiet. Katalog der Sammlung Diergardt 2 // Kölner Jahrbuch für Vor- und Frühgeschichte. 1988. Bd. 21. S. 65–210.

- de Baye J.* Communication sur les antiquités trouvées en Crimée par M. de Massonneau. Séance du 24. Mai // Bulletin de la Société nationale des antiquaires de France. 1905. P. 217–223.
- Deppert-Lippitz B.* Goldschmuck der Römerzeit im Römisch-Germanischen Zentralmuseum. Bonn, 1985.
- Greifenhagen A.* Schmuckarbeiten in Edelmetall. Bd. I. Berlin, 1970.
- Greifenhagen A.* Schmuckarbeiten in Edelmetall. Bd. II. Berlin, 1975.
- Guiraud H.* Bagues et anneaux à l'époque romaine en Gaule // Gallia. 1989. T. 46. P. 173–211.
- Henkel F.* Die römische Fingerringe der Rheinländer und die benachbarten Gebiete. Berlin, 1913.
- Jonhs C.* The Snettisham Roman Jeweller's Hoard. London, 1997.
- Kästner U.* Funde aus der Schwarzmeerregion in der Berliner Antikensammlung // Kästner U., Langner M., Rabe B. (Hrsg.), Griechen, Skythen, Amazonen. Berlin, 2007. S. 60–63.
- Onďřejová I.* Les bijoux antiques. Prague, 1975.
- Pfrommer M.* Unprovenanced Greek Jewellery: The Question of Distribution // Williams D. (ed.), The Art of the Greek Goldsmith. London, 1998. P. 79–84.
- Riha E.* Der römischen Schmuck aus Augst und Kaiseraugst (Forschungen in Augst. Bd. 10). Augst, 1990.
- Tokhtas'ev S.* Epigraphical Notes // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. 2005. Vol. XI. 1-2. P. 3-40.

М.Ю. Трейстер

ПРО ОДНУ ГРУПУ БОСПОРСЬКИХ ЗОЛОТИХ КАБЛУЧОК II-III ст. н.е.

Резюме

Стаття присвячена аналізу однієї групи золотих каблучок з пластинчатими гранованими шинками, які прикрашені опуклими вставками з гранату, бірюзи та, рідше, скла, у пластинчатих кастах, обведених рубчастим дротом. Каблучки цієї групи відрізняються від знахідок із східних провінцій Римської імперії, Східного Причорномор'я та Малої Азії та походять з території Боспорського царства. На шинках деяких гранованих каблучок є пуансонні надписи. Подібні надписи, складені за аналогічними формулами, є і на серії золотих каблучок з круглими у плані опуклими з зовнішнього боку шинками.

Враховуючи особливості форми і декору каблучок, той факт, що усі відомі знахідки каблучок, які були розглянуті, походять, або найбільш ймовірно, походять з території Боспорського царства, а також те, що надписи, вибиті на їх шинках, складені за одною формулою, є всі підстави вважати, що ми маємо справу з локальним феноменом. Наше припущення підтверджує і аналіз імен, вибитих на шинках каблучок, більшість з яких знаходять відповідність у боспорських лапідарних надписах. Каблучки цієї групи, судячи з аналізу знахідок, які датуються у похоронних комплексах, слід датувати у рамках кінця II-III ст. н.е. Є всі підстави припускати, що їх не тільки прикрашали надписами на Боспорі, але і виготовляли у місцевих ювелірних майстернях.

М. Ю. Трейстер

ОБ ОДНОЙ ГРУППЕ БОСПОРСКИХ ЗОЛОТЫХ ПЕРСТНЕЙ II–III В.Н.Э.

Резюме

Статья посвящена анализу одной группы золотых перстней с пластинчатыми гранеными шинками, украшенными выпуклыми вставками из граната, бирюзы и, реже, стекла, в пластинчатых кастах, обведенных рубчатой проволокой. Перстни этой группы отличаются от находок из западных провинций Римской империи, Западного Причерноморья и Малой Азии и происходят с территории Боспорского царства. На шинках некоторых граненых перстней имеются пуансонные надписи. Подобные же надписи, составленные по аналогичным формулам, имеются и на серии золотых перстней с круглыми в плане, выпуклыми с внешней стороны шинками.

Учитывая особенности формы и декора перстней, тот факт, что все известные находки перстней рассмотренной выше группы происходят или, наиболее вероятно, происходят с территории Боспорского царства, а также то, что надписи, выбитые на их шинках, составлены по одной формуле, есть все основания полагать, что мы имеем дело с локальным феноменом. Наше предположение подтверждает и анализ имен, выбитых на шинках перстней, большинство из которых находят соответствия в боспорских лапидарных надписях. Перстни этой группы, судя по анализу находок в датированных погребальных комплексах, следует датировать в рамках конца II–III вв. н.э. Есть все основания предполагать, что их не только украшали надписями на Боспоре, но и изготовляли в местных ювелирных мастерских.

M. Yu. Treister

ABOUT ONE GROUP OF THE BOSPORUS GOLD FINGER RINGS
OF THE 2nd -3rd cc. AD

Summary

The article is devoted to the analysis of one group of golden finger rings with lamellar faceted hoops, which are decorated with convex inlays of garnet, turquoise and, rarely, glass, set in the lamellar cells, framed with beaded wire. The finger rings of this group, which originate from the territory of the Bosporan Kingdom, differ from the finds from the western provinces of the Roman Empire, Western Pontic area and Asia Minor. On the hoops of some of the faceted finger rings there are punched inscriptions. Similar inscriptions, made after analogous formulae, occur also on the golden finger rings with the hoops, convex from outside.

Taking into account the peculiarities of the shape and decoration of the finger rings, the fact, that all the known finds of the finger rings of the group discussed originate or most probably originate from the territory of the Bosporan Kingdom, and the circumstance, that the inscriptions punched on their hoops are made after the same formula, there are all the

grounds to consider this as a local phenomenon. This suggestion is further confirmed by the analysis of the personal names of the inscriptions, the majority of which find comparanda in the Bosporan lapidary inscriptions. The finger rings of the group discussed, judging by the analysis of their finds in the burial complexes, may be dated in the frames of the late 2nd – 3rd centuries AD. There are all the grounds to suggest, that they were not only inscribed but also manufactured in the local Bosporan jewellery workshops.

Рис. 1. Золотые перстни со вставками граната из собрания барона Йоханеса Диргардта. Кельн, Римско-Германский музей. 1-3: инв. D 302; 4-6: D 301; 7-10: D 183. Фото М. Трейстера.

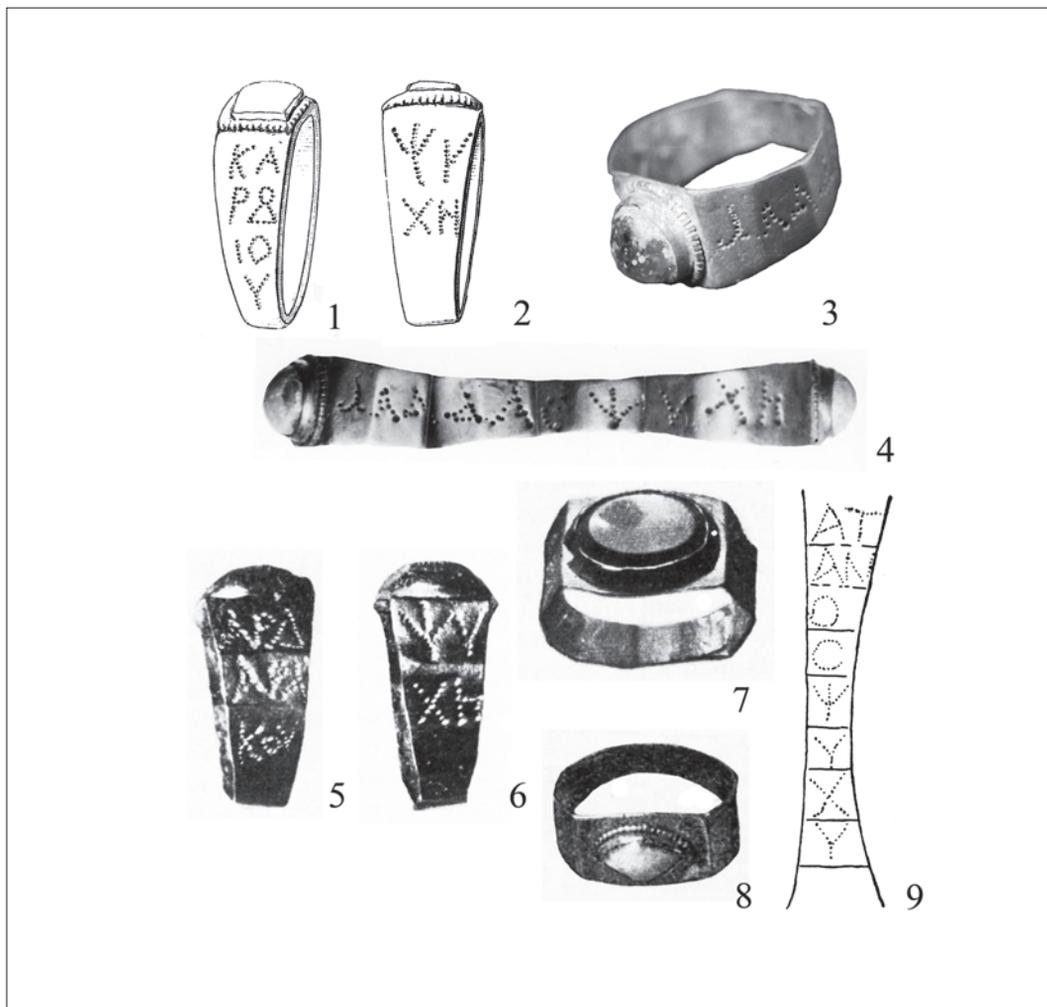

Рис. 2. Золотые перстни с надписями и вставками из некрополей Пантикапея, Илурата и из Тамани (?). 1-2: перстень из катакомбы № 1/1872 на г. Митридат; 3-4: перстень из склепа № 25/1972 некрополя Илурата (фотографии любезно предоставлены В.А. Хршановским; рис. 2, 4 – развертка); 5-7: перстень, приобретенный в ст. Таманской в 1932 г.; 8-9: перстень из погребения № 240(52)/1902 на Глинице в Керчи.

С.Ю. САПРЫКИН, В.В. ДОРОШКО

ЩИТОК ОТ ПРЯЖКИ С САРМАТСКОЙ ТАМГОЙ ИЗ ХЕРСОНЕСА

В ходе раскопок в 1987-1988 гг., которые Гераклеяская археологическая экспедиция АН СССР (ныне РАН) проводила в квартале VII в северо-восточной части Херсонесского городища, был обнаружен фрагмент бронзового щитка от ременной пряжки. Он находился в заполнении цистерны среди разновременного материала, относящегося к эпохе поздней античности и раннего средневековья. Щиток ажурный, прямоугольной формы, был разломан еще в древности и вместе с мусором сброшен в цистерну, расположенную во дворе дома, выходявшего на главную продольную улицу городища. Пластина отлита в форме, размеры сохранившегося фрагмента 3,4 x 3,5 см. Внутренняя поверхность щитка обработана грубее внешней его поверхности, имеющей заглаженный и аккуратный вид. На внутренней и внешней сторонах пластины, в верхнем и нижнем углах, заметны два округлых отверстия со следами заклепок для крепления к ремню. Верхний и нижний параллельные ободки прямоугольной пластины тщательно выровнены, но имеют легкие следы огранки. Правой, короткой стороне пластины придана форма более массивного ободка в виде двух соединяющихся друг с другом дугообразных выпуклостей – волют с завершениями, которые в верхнем и нижнем углах напоминают два небольших язычка.

Бронзовая пластина имеет прорезной орнамент в виде сарматской тамги, левая половина которой утрачена, но большая часть знака сохранилась. Это позволяет в общих чертах восстановить его конфигурацию. Концы тамги путем небольших перемычек соединяются с корпусом пластины (рис. 1, а, б; табл. 2, 1). Расположение и размер тамги показывают, что пластина могла быть двухчастной. Левая ее половина, располагавшаяся ближе к петле и язычку или ажурному наконечнику ремня, могла иметь еще одно изображение в виде сарматской тамги или царского знака одного из боспорских царей. Но это мог быть также единый сарматский знак, состоявший из двух частей.

Литые прямоугольные или подпрямоугольные щитки от ременных пряжек и ажурные накладные пластины не являются чем-то необычным для Херсонеса Таврического. В 182 могилах городского некрополя найдено 332 пряжки, среди них наиболее распространены округлые или овальные пряжки с подвижным язычком (табл. 1, 18, 19). Встречаются также бронзовые и серебряные

ажурные пряжки из овального щитка с заклепками и массивного язычка. Среди этих находок выделяются сложная бронзовая литая пряжка, на щитке которой имеется изображение Европы на быке (табл. 1, 20) [Зубарь, 1982, с. 105, 106, рис. 71,72], а также прорезная прямоугольная пряжка с ажурным изображением ромбовидного знака с четырьмя завитками по углам и крестовидным перекрестием в виде четырех пересекающихся в центре линий стреловидной или листовидной формы (табл. 1, 3). Она была обнаружена в 1890 г. при раскопках некрополя, причем в одном с ней погребении находилась херсонесская монета типа «бык – Артемида, поражающая лань» 192-211 гг. н.э. [Анохин, 1977, с. 154, табл. 284, 285]. На этом основании пряжка может датироваться второй половиной II – началом III вв. н.э., как и большинство других херсонесских пряжек и ременных накладных пластин [Зубарь, 1982, с.105; Драчук, 1974, с. 40-43, рис. 1]. В.С. Драчук отнес ее к продукции боспорских мастерских, а изображение посчитал сарматской тамгой царского типа – клеймом, владельцем которого мог быть мастер, близкий боспорской правящей династии, либо представитель выдвинувшейся племенной знати или государственный сановник [Драчук, 1974, с. 43; Драчук, 1975, с. 76, табл. XV, 1]. В качестве аналогии он приводил пряжку из Берлинского музея с близким изображением, отличавшимся от пряжки 1890 г. лишь отдельными деталями [Драчук, 1974, с. 41; Драчук, 1975, с.75, табл. XV, 5]. Такие же завитки и соединительные перемычки в форме листьев или стрел засвидетельствованы на ажурной резной накладной пластине из раскопок римского военного лагеря в Штраубинге, датируемого II в. н.э. Она была частью римской воинской гарнитуры, принадлежавшей легионеру [Prammer, 1989, s. 30, 31, Abb. 36].

Резные изображения на щитках пряжек и ременных пластин вряд ли являлись клеймами хозяев металломастерских на Боспоре. Клейма такого типа никогда не встречались, тем более они не могли принадлежать владельцам мастерских или ремесленникам. Их клейма на предметах из металла (как правило, это изделия из бронзы) обычно имели форму прямоугольного штампа, что обычно практиковалось в римскую эпоху в мастерских частных владельцев ¹. М.Ю. Трейстер справедливо отметил, что отсутствие среди сарматских знаков тамг, подобных той, что запечатлена на херсонесской пластине, исключает ее принадлежность представителю боспорской (или сарматской) династии [Treister, 2000, p. 370]. Опираясь на это заключение, Д.В. Журавлев предположил, что херсонесская ременная пряжка из раскопок 1890 г. являлась подражанием римским воинским пряжкам, производство которых осуществляли ремесленники Пантикапея [Журавлев, 2002, с. 92,

¹ Ср., например, бронзовую прямоугольную печать императорской эпохи из Гланума в римской Галлии, использовавшуюся для клеймения продукции бронзолитейной мастерской [Bourlard-Collin, 1972, no. 199].

табл. 2]. Аналогичные щитки с такой же эмблемой, как на пластине из Херсонеса 1890 г., обнаружены в позднескифском могильнике Битак (могила 17/ 1) (табл. 1, 8) [Пуздровский, 2007, рис. 98, 22] и в Пантикапее (табл. 3, 5) [ГЭ, Р. 1891. 742; см. Treister, 2000, p. 365, fig. 1, 5].

Из Херсонеса происходят еще несколько поясных накладок. Они были найдены при раскопках западного некрополя в могилах 15/1909, 93/1910 и представляют собой пряжки со щитками прямоугольной формы в виде загнутых пластин, без орнамента, с двумя небольшими полуокруглыми вырезами по коротким сторонам и следами крепления. Собственно пряжки, крепившиеся к пластинам, являлись важным атрибутом римского воинского костюма II в. н.э. [Труфанов, 2004, с. 168; Костромичев, 2005, с. 103, рис. 8, 1-4]. Однако наибольший интерес для нас представляют поясные пластины с прорезным орнаментом в стиле *opus interrasile*, с фигурными вырезами по концам, в орнамент которых входят перекрещивающиеся под прямым углом линии и две стрелы (или листика) с вершинами в противоположные стороны (табл. 1, 1-2; ср. табл. 1, 13-16). Эти поясные детали вкупе с упоминавшейся выше пряжкой из раскопок 1890 г. справедливо интерпретируются в качестве элемента костюма римских солдат из состава гарнизона, стоявшего в Херсонесе [Костромичев, 2005, с. 98, рис. 2, 78; 3, 1, 5]. Ажурная форма коротких сторон поясных пластин, как правило, имитировала растительные побеги, волюты, пельты и являлась своеобразным видом их украшения. В то же время это был отличительный признак щитков пряжек и накладок на ремни от римского военного костюма. Многие из обнаруженных в Херсонесе ременных пряжек римского типа, как считается, могли быть изготовлены на месте во второй половине II – первой половине III вв. н.э. Их узоры представляют собой всевозможные завитки, прорезы и вырезы, перекрещивающиеся волутообразные линии без какого-либо намека на сарматские тамги (табл. 1, 4). Стиль такого рода орнаментации щитков римских пряжек характерен для амуниции римских легионеров второй половины II – первой половины III вв. н.э. Многие из пряжек и их щитков имеют прямые аналогии среди предметов римского военного костюма из военных лагерей в прирейнских и придунайских областях [Костромичев, 2006, с. 51-53]. Из столицы Боспора происходит бронзовая поясная накладка со сценой охоты собаки на птицу (табл. 1, 6), прямая аналогия которой засвидетельствована в Вайсенбурге – одном из укреплений римского лимеса в Верхней Германии и Реции [Трейстер, 1993, с. 59, 73, рис. 3, 7-8]. По конструктивным особенностям – наличию вырезов на торцовых частях щитка – она аналогична многим пряжкам из Херсонеса Таврического. Однако узоры на них не имеют ничего общего с изображением на публикуемом фрагменте. Поэтому пластины с характерным узором в виде стрел (Херсонес, Берлинский музей, Битак, Пантикапей, Инкерманский и Чернореченский могильники) могли быть изготовлены как на Боспоре, так и в Херсонесе.

Херсонесская пластина, о которой идет речь, по форме и ажурному оформлению торцовой части напоминает римские. Она явно выполнена по римским образцам, но в связи с украшением ее сарматской тамгой вряд ли принадлежала римскому или херсонесскому воину. Эту пряжку можно датировать временем не позднее середины III в. н.э., так как с этого времени римский военный костюм украшали пряжки иного типа – в виде рамки прямоугольной или круглой формы, которые с обеих сторон охватывались ремнем [Костромичев, 2006, с. 54; ср. Connolly, 1981, p. 261, no. 21]. Фигурные литые пряжки, одним из образцов которых является публикуемый экземпляр, исчезают во второй половине III в. н.э., так как с этого времени их форма становится иной и пряжки нередко украшались вставками в гладкий щиток [Амброз, 1971, с. 100, рис. 2]. Щитки пряжек ажурной формы из Северного Причерноморья в основном относятся ко второй половине II – первой половине III вв. н.э., и в этом хронологическом диапазоне следует, видимо, датировать рассматриваемую пряжку.

Помимо собственно Херсонеса, ременные пряжки и прямоугольные ременные накладки встречаются в позднескифских погребальных комплексах Юго-Западного и предгорного Крыма. При раскопках Чернореченского могильника II – IV вв. н.э. обнаружено несколько ременных пряжек от воинской амуниции римского типа. Среди них выделяются пряжка овальной формы со щитком, украшенным растительным орнаментом (табл. 1, 14) [Бабенчиков, 1963, с. 95, табл. VII, 5; XV, 1], два бронзовых прорезных щитка – один стилизован конскими головами, направленными в разные стороны и помещенными внутри двух кругов, разделенных линией со стрелами на концах (табл. 1, 13) [Бабенчиков, 1963, с. 95, табл. VII, 10; XV, 4], – близкая аналогия херсонесской пряжке из раскопок 1890 г., (см. выше)², а другой имеет вид двух овальных колец, соединенных ромбом (табл. 1, 15) [Бабенчиков, 1963, с. 95, табл. VII, 9; XV, 6]. В позднескифских погребальных комплексах в этом районе часто встречаются пряжки, которые по форме и ажурному декору подражают римским образцам, обнаруженным при раскопках легионных стоянок в провинциях Римской империи. В то же самое время они близки пряжкам, изготавливавшимся на месте и имитировавшим римские. Таковы экземпляры римской поясной амуниции из некрополей Заветное, Черная речка, Краснозоринский [Бабенчиков, 1963, табл. XV, 2; Волошинов, Мяскин, Неневоля, 2007, с. 307, 309, рис. 8, 32, 33; Мяскин,

² Ромбовидный знак, разделенный посередине линией с обращенными в разные стороны стрелами по концам, и с завитками в виде лебединых головок засвидетельствован на нескольких пряжках из Северного Причерноморья: одна хранится в Берлине, другая в Киеве, третья в Государственном Эрмитаже (происходит из Пантикапея), четвертая в Музее Метрополитэн, пятая в Кельне [Драчук, 1975, табл. XV, 1, 5; Treister, 2000, p. 370, fig. 1, 5]. Трактовка фигурирующего на них знака как сарматской тамги явно ошибочна. Нельзя исключить предположения, что пряжки с изображением, как на щитке от пряжки из Херсонеса из находок 1890 г., могли попасть на Боспор из Херсонеса и являлись продукцией тамошних мастеров.

2007, с. 130, 131, рис. 2, 6-9; 3, 1, 9, 13-15]. Среди них выделяются прямоугольные ажурные поясные накладки второй половины II – первой половины III вв. н.э. из могильников Бельбек III (табл. 1, 10) [Гущина, 1974, рис. VII, 17; Масыкин, 2007, рис. 4, 7], Заветное (табл. 1, 9) [Масыкин, 2007, рис. 2, 6; 4, 1], а также накладка I – начала II вв. н.э. с крестовидным декором из Усть-Альмы, в центре которого ромб, соединяющийся с внешним ободком при помощи четырех линий с перекрестиями (табл. 1, 11) [Высотская, 1994, табл. 5, 21; Масыкин, 2007, рис. 4, 8]. Аналогии им встречаются на римских легионных стоянках, в Херсонесе и даже на Боспоре – в Пантикапее (табл. 3, 5) [Драчук, 1975, табл. XV, 5; Treister, 2000, fig. 1, 5] и Горгиппии (табл. 1, 7) [Шевченко, 2004, рис. 12, 10; Масыкин, 2007, рис. 3, 12]. Круглые и квадратные пряжки со щитками без орнамента засвидетельствованы в могильнике Скалистое III [Богданова, Гущина, Лобода, 1976, с. 143, рис. 8, 46, 47; 9, 44], аналогичные экземпляры из Усть-Альминского некрополя относятся ко II-III вв. н.э. [Высотская, 1994, с. 103-105, рис. 31; Дашевская, 1991, табл. 63, 24]. Пряжки с овальным и прямоугольным щитком III – IV вв. н.э. обнаружены в Инкерманском могильнике (табл. 1, 17) [Веймарн, 1963, с. 20, рис. 9; Дашевская, 1991, табл. 63, 20-22], в могильнике Нейзац [Дашевская, 1991, табл. 63, 19]. Близкие по форме пряжки и щитки, но относящиеся ко второй половине IV – первой половине V вв. н.э., имеющие аналогии на Боспоре, найдены в погребениях могильника Красный Мак [Лобода, 2005, с. 211-214, рис. 4, 8; 5, 9-12]. Они имеют большое сходство с пряжками и щитками позднесарматских типов, распространенными в могильниках Нижнего Дона и датированными первой половиной III в. н.э. и даже более поздним временем [Малашев, 2000, с. 221, рис. 2]. Похожие щитки, но с граненой ажурной пряжкой пельтовидной формы, известны в могильниках Краснозоринском (табл. 1, 12), Скалистое III [Богданова, Гущина, Лобода, 1976, с. 143, рис. 9, 7] и датируются началом III в. н.э. [Волошинов, Масыкин, Неневоля, 2007, с. 307, 309, рис. 8, 33]. Некоторые пряжки подобного рода, впрочем, относятся и к римскому военному костюму [Труфанов, 2004, с. 167; Костромичев, 2006, с. 52, 53, рис. 3, 14].

Появление элементов римского военного костюма среди местного населения Крыма во II – III вв. н.э. связано с Херсонесом и присутствием там римских военных. В меньшей степени это могло быть следствием проникновения сарматских элементов в состав населения Таврики. Пряжки с прямоугольными ажурными накладками на ремни, которые часто находят в могильниках Таврии, чаще всего производили в Херсонесе (реже в Пантикапее), поэтому они, по некоторым наблюдениям, составляют локальную группу памятников римской воинской амуниции [Труфанов, 1994, с. 168, 169; Волошинов, Масыкин, Неневоля, 2007, с. 309; Костромичев, 2006, с. 52; ср. Зубарь, 1982, с. 105, рис. 71, 1-6]. Пряжки одинаковых типов, которые засвидетельствованы в Херсонесе и в могильниках Юго-Западного и Центрального Крыма, заставляют предполагать их прямое поступление из Херсонеса, поскольку многие воины из варварской

среды использовали римскую военную амуницию. Последнее, в свою очередь, было результатом херсонесского воздействия, хотя римское вооружение впервые начал использовать в войсках понтийский царь Митридат Евпатор. Но чаще всего пряжки и ажурные ременные наконечники изготавливали для обмундирования херсонесских и римских солдат, так как они зафиксированы в погребениях римских легионеров³.

Ременная пряжка ажурной формы из Херсонеса с сарматской тамгой – единственный памятник такого рода из этого полиса. Сарматский знак на ней имеет близкие аналогии среди тамг на каменных плитах из нижнедонского и прикубанского регионов (ср. табл. 2, 3), а также на некоторых предметах из Пантикапея [Соломоник, 1962, с. 158, № 1, 2; ср. Соломоник, 1959, № 143: фигурка игрушечного бычка из Керчи]. Однако знак на ременной пластине все же иной конфигурации. Его завитки и усики отделяются друг от друга поперечной декоративной линией, которой нет на названных предметах. Нижняя часть тамги на херсонесской пряжке в виде волют имеет множество аналогий среди сарматских знаков: на зеркалах из Керчи и Приднестровья, включая Ольвию [Соломоник, 1962, рис. 2, 5, 9; Соломоник, 1959, № 36: пос. Малая Козырка; с. 37, рис. VI.; с. 64, 65, № 17, 18, 45], на плитах из Керчи и Кривого Рога [там же, №№ 43.; ср. также Драчук, 1975, рис. VI, 433], на стене Стасовского склепа в Керчи [Соломоник, 1959, № 52], на втулке наконечника копья из Керчи [там же, № 66]. Прямые аналогии нашей тамге имеются на серебряной бляхе от конского убора из склепа 1 у с. Красногорское Белогорского р-на Крыма (б. Нейзац, хранится в Симферополе) (табл. 2, 2) [Шульц, 1957, с. 86, рис. 14, с; Соломоник, 1959, № 92; Драчук, 1975, табл. VI, 434; Яценко, 2001, рис. 6, 4], на штукатурке из «дома с фресками» в Неаполе Скифском (табл. 2, 7) [Соломоник, 1959, № 53; Драчук, 1975, рис. VI, 432], на известняковой плите из Симферополя 1959 г., представлявшей собой часть надгробия (табл. 2, 4) [Соломоник, 1962, с. 163, № 12, рис. 12], из могильников в предгорьях Крыма у с. Заветное (табл. 2, 6) и Бакла 1976 г. (табл. 2, 5) [Яценко, 2001, рис. 6, 5; 24, с]. Все перечисленные памятники относятся ко второй половине II – первой половине III вв. н.э., что полностью совпадает с датировкой ременной пряжки из Херсонеса.

³ Многие пряжки овальной формы и ременные наконечники с ажурными щитками имеют завитки-волюты, напоминающие нижнюю дугообразную часть многих сарматских тамг, в том числе и той, которая фигурирует на публикуемой херсонесской пластине. Поясные ремни и накладные пластины, ременные наконечники от римских военных костюмов, которые украшены концентрическими кругами, завитками, волютами, лепестковидными значками, считают изготовленными под влиянием так называемого «готского» или «германского стиля»: это пряжки со щитками из Британии [McAleavy, 1999, p. 56, 57] и Нове в Нижней Мезии [Èièikova, 1994, p. 136? Fig. 9]. Не исключено, что декор некоторых римских предметов воинской гарнитуры сформировался и под влиянием северопричерноморских варваров – сарматов.

Как видим, тамга на бронзовой пряжке из Херсонеса уходит своими корнями в район Нижнего Дона и Пантикапея, где имеются ее прототипы, но чаще всего она фиксируется на различных предметах из Юго-Западного и Предгорного Крыма, т.е. в непосредственной близости от Херсонеса Таврического. Это не удивительно – гарнитура римского военного костюма, которую облюбовало варварское население Таврики, испытывала не только херсонесско-римское влияние, но и определенное воздействие со стороны Боспора. В некрополях боспорских городов (Кепы, Нимфей, Тиритака, Пантикапей) зафиксированы находки ажурных пряжек пельтовидной формы II в. н.э. с гладкими прямоугольными щитками, овальных пряжек с подвижным язычком и удлинненными и укороченными гладкими щитками с заклепками (Мирмекий) [Гайдукевич, 1959, с. 216, рис. 82, 4, 5; Кунина, Сорокина, 1972, рис. 8, 19, 41; 9, 5, 15, 27-29; 10, 30, 35; Грач, 1999, с. 157, 158, рис. 74, 1-3]. Как уже говорилось, из Пантикапея и Горгииппии происходят ажурные пряжки с прорезным орнаментом на щитках [Масякин, 2007, рис. 3, 12; 4, 6], которые находят параллели среди материалов из позднескифских могильников и Херсонеса Таврического, а также из погребальных комплексов сармат Нижнего Дона. Эти пряжки, щитки и накладки считаются продукцией боспорских мастерских, которая предназначалась для боспорских воинов, включая тех, кто составлял ополчение из городов Боспорского царства. Их обладателями могли быть и эллинизированные варвары, проживавшие в городах.

Среди продукции боспорских ремесленных эргастериев, выпускавших воинскую амуницию по типу римского военного костюма, встречаются пряжки и щитки, которые пользовались популярностью у представителей сарматского населения Боспора и соседних областей. Большой интерес для нас представляет литая прорезная пряжка с ажурным щитком и двусоставной тамгой, обнаруженная в могильнике Черная речка в Юго-Западном Крыму. Нижняя часть этой тамги оформлена как триденс с двумя дугообразными завитками в форме конских головок и окружностью, соединяющейся с неправильной формы кругом, от которого отходят две соединительные линии, слегка искривленные и напоминающие размах птичьих крыльев (табл. 4, 4) [Шульц, 1957, с. 86, рис. 14, д; Бабенчиков, 1963, с. 95б, табл. VII, 11; XV, 3; Соломоник, 1959, с. 137, № 88; Зубарь, 1982, с. 105; Дашевская, 1991, табл. 63, 25]. Орнаменту сарматских знаков на чернореченской пластине близок щиток от пряжки из некрополя Пантикапея (ГЭ Р. 1891). Он имеет комбинированную тамгу в виде хорошо известного так называемого «царского знака Тиберия Юлия Евпатора», боспорского царя 154-170 гг. н.э. Это трезубец, увенчанный двумя головами коней, поверх которого треугольник с двумя угловатой формы усиками (как на так называемом «знаке Динамии»), один из которых имеет волютообразное завершение (голову коня?); второй знак в верхней части аналогичен первому, но треугольник повернут верхним углом к низу, примыкая вплотную к дугообразному

изображению с завивающимися концами–волютами на концах (табл. 3, б). Нижняя часть второй тамги на пантикапейской пряжке повторяет элемент сарматской тамги на публикуемом щитке пряжки из Херсонеса и имеет аналогии среди множества других сарматских тамгообразных знаков. Тождественный знак засвидетельствован на бронзовом наконечнике пояса с железной обоймой в могиле № 4 позднекифского могильника Фонтаны в 5 км юго-западнее Симферополя (табл. 4, 1) [Храпунов, 2008, с. 6, рис. 8, 4].

Боспорское происхождение такого знака сомнений не вызывает, поскольку он встречается на пряжке из Керчи [Соломоник, 1959, № 86; Treister, 2000, p. 365, fig. 1, 2] и пряжках из окрестностей Симферополя, попавших в 1901 г. в Одесский музей (ОАМ, инв. № 46608, 46776, 46778) [Козыренко, 1957, с. 92, рис. 2-3; Соломоник, 1959, № 85]. Во многих случаях означенный значок фигурирует в паре с «царским знаком Евпатора»⁴. М.Ю. Трейстер предлагает считать его знаком боспорского царя Риметалка, брата Тиберия Юлия Евпатора [Treister, 2000, p. 365, 367, 371, fig. 1, 6; ср. Драчук, 1975, табл. XIV, 11, 2-3]. Однако у тамги, которую принято связывать с Риметалком, отсутствует среднее звено в форме треугольника [Шелов, 1966, с. 269; ср. Драчук, 1975, табл. XIV, 7, 1-4], поэтому предположение М.Ю. Трейстера вряд ли справедливо.

Двучленные резные щитки от пряжек из Пантикапея с двумя близкими по форме сарматскими тамгами, одна из которых представляет так называемый «царский знак Тиберия Юлия Евпатора» [о нем см. Соломоник, 1959, с. 49-54, рис. 1-6; с. 134–136, №№ 84, 85; Драчук, 1975, табл. XIV, рис. 5, 1-13; Яценко, 2001, с. 52, рис. 6, 49; Гуаллагов, 2002, с. 102, рис. № 11], а вторая отличается от нее конфигурацией нижней части в виде перевернутого вершиной вниз треугольника и дугообразным значком с двумя волютообразными завершениями [Соломоник, 1959, с. 134-136, №№ 84, 85; Treister, 2000, p. 365, fig. 1, 6; Яценко, 2001, с. 53], имеют аналогии среди боспорских находок. В некрополе Пантикапея обнаружены золотые квадратные пряжки со штампованными накладками и поясные наконечники, украшенные «тамгой царя Евпатора». Оттуда же происходят бронзовые овальные пряжки с ажурными резными щитками и наконечниками в виде царского знака того же боспорского правителя (табл. 3, 1, 4, б) [Шкорпил, 1910, с. 31, 32, рис. 4-12; Соломоник, 1959, с. 132-136, №№ 71-83, 86; Treister, 2000, p. 365, fig. 1, 1-5; 2, 3, 5-7]. Среди знаков на поясных щитках пряжек с Боспора встречается тамга, напоминающая «царский знак Евпатора», но отличающаяся от него отсутствием треугольника в срединной части (табл. 3, 3) [Шкорпил, 1910, рис. 9; Соломоник, 1959, № 76; Treister, 2000, p. 365, 368, 369, fig. 1,

⁴ Высказывается предположение, что второй знак на двучленных пряжках с Боспора принадлежал соправителю Евпатора или клану его супруги [Яценко, 2001, с. 52]. Есть, впрочем, и точка зрения, что во второй половине II – первой половине III вв. н.э. царских тамг на Боспоре не существовало [Завойкина, 2003, с. 100-102; Завойкина, 2003, с.м, предположение, что царских тамг на Боспоре], что в высшей степени спорно.

3; 5-7]. Ее определяют как тамгу или «царский знак царя Риметалка» [Шелов, 1966, с. 269; Драчук, 1975, табл. XIV, 7, 1-4]. Из находок в Керчи можно назвать ажурный наконечник ремня со щитком, на котором изображен триденс или трезубец Посейдона – неперменный элемент царских знаков Боспора и многих сарматских тамг (табл. 4, 2) [Treister, 2000, fig. 8].

Концентрация пряжек с царскими знаками в боспорской столице и ее окрестностях навела исследователей на мысль, что эти предметы воинской амуниции (часть из них украшала погребальные костюмы воинов) производили в царских боспорских мастерских по типу римских военных поясов, но по заказу представителей племенной верхушки или местного чиновничества. Существует предположение, что пряжки с тамгами и царскими знаками являлись именными наградными атрибутами, вручаемыми воинам и командирам боспорских частей за особые заслуги [Драчук, 1974, с. 40-43; Драчук, 1975, с. 76; более обстоятельно см. Трейстер, 2000а, с. 118-123; Treister, 2000, р. 371, 372]. Но этому противоречит практика награждения знаками отличия в римской армии. Со второй половины I в. н.э. римская система награждения за воинскую доблесть строилась в зависимости от ранга награждаемого. Рядовые военнослужащие получали торквесы, браслеты, фалеры, гражданские венки – последние давались в награду также и офицерам, которые не имели права носить наградные гривны и браслеты, ибо взамен им вручали *vexilla* и *hastae* [Maxfield, 1981, р. 213; Махлаюк, 2006, с. 329]. Ременные пряжки в римской армии не использовались в качестве воинских наград, поэтому в боспорском войске в первые века нашей эры, экипировавшемся и строившемся по римскому образцу, детали военного костюма вряд ли служили наградами за особые заслуги и подвиги.

Другое дело – знаки отличия у варварских народов Северного Причерноморья, у которых ременные пряжки являлись признаком высокого социального положения⁵. Представители варварских племен, которых набирали в войско боспорского царя, формировали воинские единицы по племенному признаку⁶, хотя они имели римское вооружение, одежду и принципы построения. Последнее наглядно описывает Валерий Флакк: «следуют за своими значками (*sua signa*) эксоматы, торины и белокурые сатархи» (Flac. Argon. VI. 143-144). Термин *signum* имеет несколько значений: знак, отметка, клеймо, изображение, военный значок. В римском войске это знамя – штандарт, носитель которого назывался *signifer* [Graham, 1989, р. 28]. В данном случае римский автор использовал понятный ему воинский термин по отношению к значку, который

⁵ Ср. рассказ Полиена о меотийской царице Тиргатао, пояс с пряжкой (ζῶστηρ) которой спас его обладательницу от удара мечом (Polyaen VIII. 55).

⁶ Лукиан сообщает, что в ходе конфликта боспорского царя Эвбиота (=Евпатора?), «призванного от савроматов» и тавроскифов, который имел место в середине II в. н.э., войско царя состояло из «поголовного ополчения эллинов и приглашенных на помощь аланов и савроматов в количестве двадцати тысяч» (Luc. Tox., 54).

имел варварскую символику, обозначающую этническое воинское подразделение [Нефедкин, 2004, с. 137].

В пантикапейском надгробном энкомии боспорского полководца царя Савромата I, где перечислены этапы его военной карьеры, упоминается, что умерший среди прочих заслуг являлся *πρσδοσ*, т.е. служил командиром, возглавлявшим отряд в авангарде войска на марше или в бою. Это был отряд, созданный по типу македонской царской гвардии – агемы, которая всегда шла впереди царя (Suid. s.v. Ἄγεμα) [Сапрыкин, 2005, с. 77]. Обращает на себя внимание, что почти все пряжки с «царскими знаками» происходят из некрополя Пантикапея, резиденции боспорских царей. Поэтому возникает предположение, что обладателями таких поясов могли быть воины, которые служили в ближайшем окружении местных правителей и составляли их личную гвардию, созданную наподобие македонской агемы. Их пояса и, очевидно, другая амуниция выдавали принадлежность к элитному воинскому подразделению боспорского войска. Что до пряжек с другими сарматскими тамгообразными значками, то их обладателями могли быть воины, входившие в другие этнические подразделения во главе с командирами – выходцами из различных сарматских или сармато-меотских кланов. Появление таких поясов и пряжек было следствием того, что войска, набранные из племен, которые обитали в Нижнем Подонье, Приазовье и на Северном Кавказе, группировались по родовым отрядам и имели свои знаки отличия племенного характера.

Об именованном характере пряжек с сарматскими знаками, сделанными в городах Боспора под заказ местной знати, свидетельствуют золотые пряжки и наконечники из Керчи и Прикубанья, тамга на которых отличается от «царского знака Евпатора» [Treister, 2000, fig. 4, 8, 9, 10]. Публикуемая пряжка из Херсонеса с сарматской тамгой, как и близкая ей пряжка из некрополя на Черной речке, были изготовлены на Боспоре по именованному заказу. Об этом говорят сарматские тамги, имеющие близкие параллели на Боспоре и в прилегающих регионах, где проживали сарматские племена.

Тамги на различных предметах являлись родовыми или семейными знаками крупных сарматских кланов. Концентрация различных предметов с тамгой, представленной на публикуемой херсонесской пряжке, в Юго-Западном и Предгорном Крыму по соседству с Херсонесом Таврическим позволяет прийти к заключению, что представитель одного из сарматских родов, обитавших в этом регионе Таврики, мог заказать себе пояс на Боспоре в одной из мастерских Пантикапея. Впоследствии владелец этого пояса с тамгой попал в Юго-Западный Крым, очевидно, в составе одного из боспорских воинских отрядов. Появление подобной тамги на других предметах из Юго-Западной Таврики, в особенности на надгробной плите из Симферополя, говорит о том, что представители этого сарматского клана, выходцы с Азиатского Боспора или из района Меотиды, надолго осели в данном регионе. Они могли время от времени

посещать Херсонес Таврический, где обнаружена публикуемая бронзовая пряжка одного из членов этого клана. Сарматские тамги в самом Херсонесе крайне редки [Зубарь, 1982, с. 105], а их появление в Северо-Западном Крыму на бывшей херсонесской хоре в Калос Лимене было следствием пребывания воинских контингентов с Боспора [Уженцев, 1999, с. 314]. Представителем боспорского воинства сарматского происхождения был, по всей видимости, и владелец пряжки из Чернореченского могильника (см. выше). Воином боспорского царя Тиберия Юлия Евпатора мог являться один из насельников поселения Кучук-Ламбатский хаос к востоку от Харакса в Южной Таврике, где обнаружена бронзовая пряжка со щитком, на которой запечатлена «тамга Евпатора» (табл. 4, 3) [Лысенко, 2005, с. 231, рис. 1. II, 1]. Пряжки с сарматскими тамгами в Ольвии и ее окрестностях также распространились в связи с расквартированием боспорских воинов в первой половине – середине II в. н.э. [Симоненко, 1999, 1126-113; Treister, 2000, p. 370].

Присутствие воинов сарматского происхождения в окрестностях Херсонеса Таврического во второй половине II – первой половине III вв. н.э. было следствием политики Боспорского царства. Во время военных конфликтов в Таврике и других районах Северного Причерноморья боспорские правители набирали солдат среди «сарматов, населяющих берега Меотиды» (Const. Porphyg. De adm. imp. 53.184P, 252 Be, 253Be). Поэтому сарматские воины, служившие царям Боспора, периодически оказывались в окрестностях Ольвии и Херсонеса, свидетельством чего являются их родовые знаки на различных предметах, включая поясные ремни. Со времен царя Аспурга Боспорское царство пыталось поставить под контроль обширные районы центрального, южного и юго-западного Крыма. Особенно активную политику по укреплению своего господства в Тавроскифии цари Боспора проводили во II в. н.э. В 193 г. н.э. царь Савромат II, добившись успеха в войне против сарматского племени сираков в Прикубанье и в районе Меотиды, как сказано в его надписи, «присоединил Таврику по договору» (КБН, 1237). Это означало, что под контроль Боспорского царства попали Центральный и Южный Крым примерно до Партенита и Харакса, а юго-западные районы оказались в сфере ответственности римлян и херсонесцев [Зубарь, 1991, 112-114; Сапрыкин, Ермолин, 2010, с. 81]. В эти годы в Судаке появились выходцы из азиатских районов Боспорского царства [Саприкин, Баранов, 1995, с. 137-139] и тогда же, надо полагать, часть боспорских воинов сарматского происхождения оказалась в соседних с Юго-Западной Таврикой районах. Анализ погребальных комплексов 270-310 гг. н.э. в «скифской» части Таврики показал, что они имеют значительно большую, чем в ранний период, связь с погребальным обрядом Боспора [Труфанов, Юрочкин, 1999, с. 245]. Это было вызвано притоком новых групп населения из Восточного Крыма и прилегающих к Боспорскому царству районов, а также с определенным контролем боспорских царей над этой территорией. С разделением Таврики

между Херсонесом и римлянами с одной стороны и боспорцами с другой могло быть связано распространение в варварской среде деталей воинской амуниции римского типа, проникавших из Херсонеса и римских стоянок в Крыму, а также пряжек и накладок на ремни с сарматской символикой с Боспора. Таким вот образом пряжка от ремня с сарматской тамгой второй половины II – первой половины III вв. н.э. оказалась в Херсонесе, ибо она могла принадлежать осевшему в его округе выходцу из сарматских племен, входивших в состав войска Савромата II или кого-либо из его предшественников.

ЛИТЕРАТУРА

- Амброз А.К. Проблемы раннесредневековой археологии Восточной Европы // СА. № 2.– 1971.
- Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса. Киев, 1977.
- Бабенчиков В.П. Чорноріченський могильник // АП УРСР. Том XIII.– Кипв, 1963.
- Богданова Н.А., Гущина И.И., Лобода И.И. Могильник Скалистое III в Юго-Западном Крыму (I – III вв.) // СА. № 4. – 1976.
- Веймарн С. В. Археологічні роботи в районі Інкермана // АП УРСР. Том XIII.– Київ, 1963.
- Волошинов А.А., Масякин В.В., Неневоля И.И. Два комплекса с римскими импортами из Краснозоринского некрополя // Древняя Таврика. Симферополь, 2007.
- Высотская Т.Н. Усть-Альминское городище и некрополь. Киев, 1994.
- Гайдукевич В.Ф. Некрополи некоторых боспорских городов // МИА. № 69. – М., Л., 1959.
- Грач Н.Л. Некрополь Нимфея. СПб., 1999.
- Гущина И.И. Население сарматского времени в долине реки Бельбек в Крыму (по материалам могильников) // Археологические исследования на юге Восточной Европы. М., 1974.
- Дашевская О.Д. Поздние скифы в Крыму. М., 1991.
- Драчук В.С. Пряжка римского времени с тамгообразным знаком // Херсонес Таврический. Ремесло и культура. Киев, 1974.
- Драчук В.С. Системы знаков Северного Причерноморья. Киев, 1975.
- Журавлев Д.В. Еще раз о деталях римского воинского костюма и конской сбруи из Херсонеса и Юго-Западного Крыма // Археологія. № 1. – 2002.
- Завойкина Н.В. К вопросу о так называемых царских тамгах Боспора (154-238 гг.)//Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Материалы IV Боспорских чтений. Керчь, 2003.
- Зубарь В.М. Некрополь Херсонеса Таврического I-IV вв. н.э. Киев, 1982.
- Зубарь В.М. Новий латинський напис з Болгарії і деякі питання історії Таврики // Археологія. № 1. – 1991.
- Козыренко И.И. Тамги на археологических памятниках Одесского Государственного Археологического музея // МАСП. Вып. 1. – 1957.
- Костромичев Д.А. Три погребения римских солдат из некрополя Херсонеса // МАИЭТ. Вып. XI. – 2005.
- Костромичев Д.А. Римское военное снаряжение из Херсонеса // МАИЭТ. Вып. XII.– 2006.
- Кунина Н.З., Сорокина Н.П. Стекланные бальзамарии Боспора // ТГЭ. Том 13. – 1972.
- Лобода И.И. Раскопки Красномакского могильника в 1983-1984 гг. // МАИЭТ. Вып. XI. – 2005.
- Лысенко А.В. Новое поселение римского времени на Южном берегу Крыма // БФ. 2005.

- Малашев В.Ю.* Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону. Ростов-на-Дону, 2000.
- Масякин В.В.* Римские фибулы и детали ременной гарнитуры из некрополя Заветное // Древняя Таврика. Симферополь, 2007.
- Махлаюк А.В.* Солдаты Римской империи. Традиции воинской службы и воинская ментальность. СПб, 2006.
- Нефедкин А.К.* Под знаменем дракона. Военное дело сарматов во II в. до н.э. – V в. н.э. М., 2004.
- Пуздровский А.Е.* Крымская Скифия II в. до н.э. – III в. н.э. Погребальные памятники. Симферополь, 2007.
- Саприкин С.Ю., Баранов I.A.* Грецкий напиз із Судака // Археологія. № 2. – 1995.
- Сапрыкин С.Ю.* Энкомий из Пантикапея и положение Боспорского царства в конце I – начале II вв. н.э. // ВДИ. № 2. – 2005.
- Сапрыкин С.Ю., Ермолин С.А.* Римский флот на Боспоре: новая латинская надпись из Пантикапея // ВДИ. № 3. – 2010.
- Симоненко О.В.* Сарматське поховання з тамгами на території Ольвіської держави // Археологія. № 1. – 1999.
- Соломоник Е.І.* Нові пам'ятки з сарматськими знаками // АП УРСР. Том. XI. – Київ, 1962.
- Соломоник Э.И.* Сарматские знаки северного Причерноморья. Киев, 1959.
- Туаллагов А.А.* Тамгообразные знаки боспорских царей // Археологія. № 1. – 2002.
- Трейстер М.Ю.* Римляне в Пантикапее // ВДИ. № 2. – 1993.
- Трейстер М.Ю.* Местные подражания деталям римского военного костюма на Боспоре // РА. № 3. – 2000.
- Труфанов А.А., Юрочкин В.Ю.* Боспоро-херсонесские отношения и этно-политическая ситуация в Крымской Скифии III – IV вв. н.э. // БФ. 1999.
- Труфанов А.А.* Пряжки ранних провинциально-римских форм в Северном Причерноморье // РА. № 3. – 2004.
- Уженцев В.Б.* Боспор и Северо-Западный Крым в первые века н.э. // БФ. 1999.
- Храпунов И.Н.* Позднескифский могильник Фонтаны (по результатам раскопок 2000-2001 гг.). Симферополь, 2008.
- Шевченко Н.Ф.* Материалы исследований некрополя Горгиппии в 2003 г. // Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып. 4. – 2004.
- Шелов Д.Б.* Тамга Риметалка // Культура античного мира. М., 1966.
- Шкорпил В.В.* Заметка о рельефе на памятнике с надписью Евпатерия // ИАК. Вып. 37. – 1910.
- Шульц П.Н.* Исследования Неаполя Скифского (1945-1950 гг.) // История и археология древнего Крыма. Киев, 1957.
- Яценко С.А.* Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья. М., 2001.
- Bourlard-Collin S.* Les Arts du Métal en Gaul Méridionale. Marseille, 1972.
- Čižikova M.* Novae à l'époque du Bas-Empire // Limes. A cura di Giancarlo Susini. Bologna, 1994.
- Connolly P.* Greece and Rome at War. L., 1981.
- Graham F.* Dictionary of Roman Military Terms. Rothbury, 1989.
- Maxfield V.A.* The Military Decorations of the Roman Army. L., 1981.
- McAleavy T.* Life in Roman Britain. L., 1999.
- Prammer J.* Das römische Straubing. Ausgrabungen-Schatzfund-Gäubodenmuseum. Zürich, 1989
- Treister M.* Local Imitations of the Details of Roman Military Costume in the Bosphoran Kingdom // Kölner Jahrbuch. № 33. – 2000.

С.Ю. Сапрыкин, В.В. Дорошко

ЩИТОК ВІД ПРЯЖКИ З САРМАТСЬКОЮ ТАМГОЮ З ХЕРСОНЕСУ

Резюме

Стаття є публікацією фрагменту бронзового щитка від пряжки з розкопів Херсонеса Таврійського у 1987-1988 рр., які проводились у VII кварталі городища. На щитку збереглася сарматська тамга, аналоги якої мають місце на деяких предметах з могильників варварського населення Північно-Західного і Центрального Криму. Для самого Херсонесу предмети з сарматськими знаками вкрай рідкі. Знахідка подібної пряжки – перша у Херсонесі. Вона датується другою половиною II – початком III ст. н.е. і була елементом римської військової екіпіровки боспорського воїна, який потрапив у Південно-Західну Таврику в результаті активної політики боспорських царів. Це, по всій відомості, відбулося при правлінні Савромата II, який розповсюдив боспорську гегемонію в Криму аж до Харакса. В статті простежується розповсюдження в Тавриці пряжок та їх щитків, які були елементом римської військової амуніції і вироблялись в майстернях Херсонесу і Боспору. Автори приходять до висновку, що пряжки римського типу з рослинним орнаментом проникали у варварське середовище гірського і передгірського Криму в основному з Херсонесу, а пряжки, які виготовлялися по типу римських, але мали сарматські тамги і царські знаки боспорських правителів, попадали туди з території Боспору.

С.Ю. Сапрыкин, В.В. Дорошко

ЩИТОК ОТ ПРЯЖКИ С САРМАТСКОЙ ТАМГОЙ ИЗ ХЕРСОНЕСА

Резюме

Статья является публикацией фрагмента бронзового щитка от пряжки из раскопок Херсонеса Таврического в 1987-1988 гг., которые проводились в VII квартале городища. На щитке сохранилась сарматская тамга, аналогии которой имеются на некоторых предметах из могильников варварского населения Юго-Западного и Центрального Крыма. Для самого Херсонеса предметы с сарматскими знаками крайне редки. Находка подобной пряжки – первая в Херсонесе. Она датируется второй половиной II – началом III вв. н.э. и являлась элементом римской воинской экипировки боспорского воина, который попал в Юго-Западную Таврику в результате активной политики боспорских царей. Это, по всей видимости, произошло в правление Савромата II, который распространил боспорскую гегемонию в Крыму вплоть до Харакса. В статье прослеживается распространение в Таврике пряжек и их щитков, которые были элементом римской военной амуниции и производились в мастерских Херсонеса и Боспора. Авторы приходят к выводу, что пряжки римского типа с растительным орнаментом проникали в варварскую среду горного и предгорного Крыма в основном из Херсонеса, а пряжки, изготавливавшиеся по типу римских, но имевшие сарматские тамги и царские знаки боспорских правителей, попадали туда с территории Боспора.

Saprykin S. Yu., Doroshko V.V.

BUCKLE SHIELD WITH SARMATIAN TAMGA FROM TAURIC CHERSONESUS

Summary

The aim of this article is to publish the fragment of a bronze buckle shield which was discovered in course of archaeological excavations in 1987-1988, held in Tauric Chersonesus in the so-called Block VII in the center of the city. The buckle shield bears the Sarmatian tamga which has close affinity and analogies among some samples from the cemeteries of barbarian population of South-Western and Central Crimea. The buckles with Sarmatian signs are rather rare for Chersonesus. This find seems to be the first one in this city and should be dated to the second half of the late 2nd – early 3rd century AD. It was a part of the Roman military costume, used by a certain Bosporan warrior of Sarmatian origin, who could appear in the South-West Taurica (and particularly in Chersonesus) as a result of active policy, conducted by the kings of Bosporus. It could actually happen during king Sauromates' II reign when he spread the Bosporan hegemony throughout Taurica up to Charax and some areas in the south-west, which was left under the patronage of Chersonesus and the Roman military administration there. Another aim of the article was to trace the spreading of buckles and their shields, created as elements of Roman military dress in workshops of Chersonesus and Bosporus, in the Mountaneous Crimea and in the Crimean foothills along with Chersonesus. The authors come to a conclusion that the buckles of the so-called Roman type penetrated among the local inhabitants mainly from Tauric Chersonesus and only a part of them came from Bosporus. But as far as the buckles with the Sarmatian tamgas and the so-called «royal signs of Bosporan rulers» (the latter chiefly refers to the king Eupator) are concerned, they were also made according to Roman examples. But this kind of application of the belts occurred there with the appearance of Bosporan troops, as well as the buckles with ordinary tamgas, because they also were a part of Bosporan military costume, used by the Sarmatians and the Sarmato-Maeotians, called to serve for the kings of Bosporus.

а)

б)

Рис. 1. Поясная бронзовая накладка из Херсонеса.

а) лицевая сторона; б) оборотная сторона.

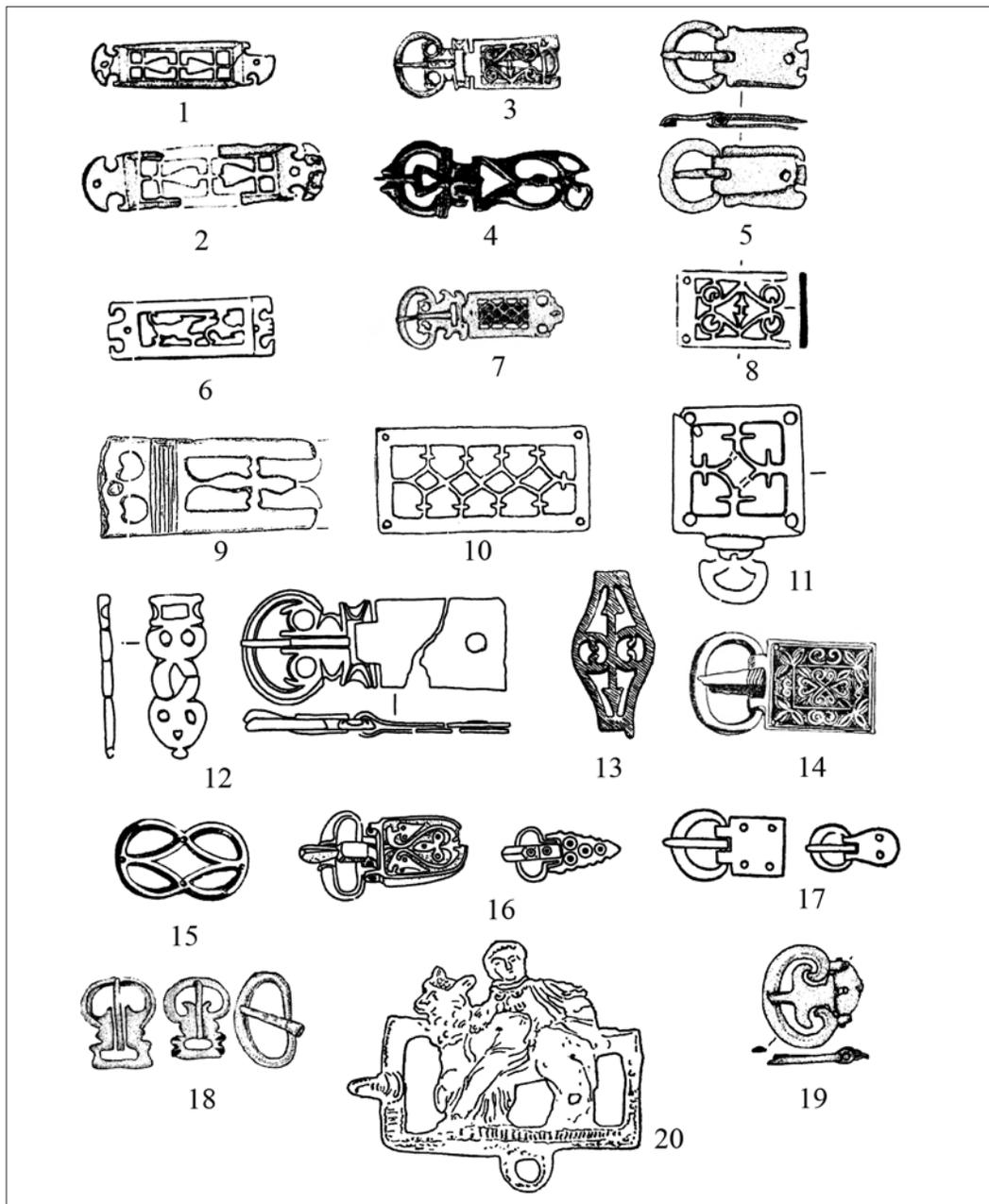

Табл. 1. Пряжки, щитки от пряжек и накладки на ремни из Херсонеса, Боспорского царства и могильников Крыма.

1-5, 18-20 – Херсонес Таврический, 6 – Пантикапей, 7 – Горгиппия, 8 – Бакла, 9 – Заветное, 10 – Бельбек III, 11 – Усть-Альма, 12 – Краснозоринский некрополь, 13 – 15 – Чернореченский могильник, 16, 17 – Инкерманский могильник

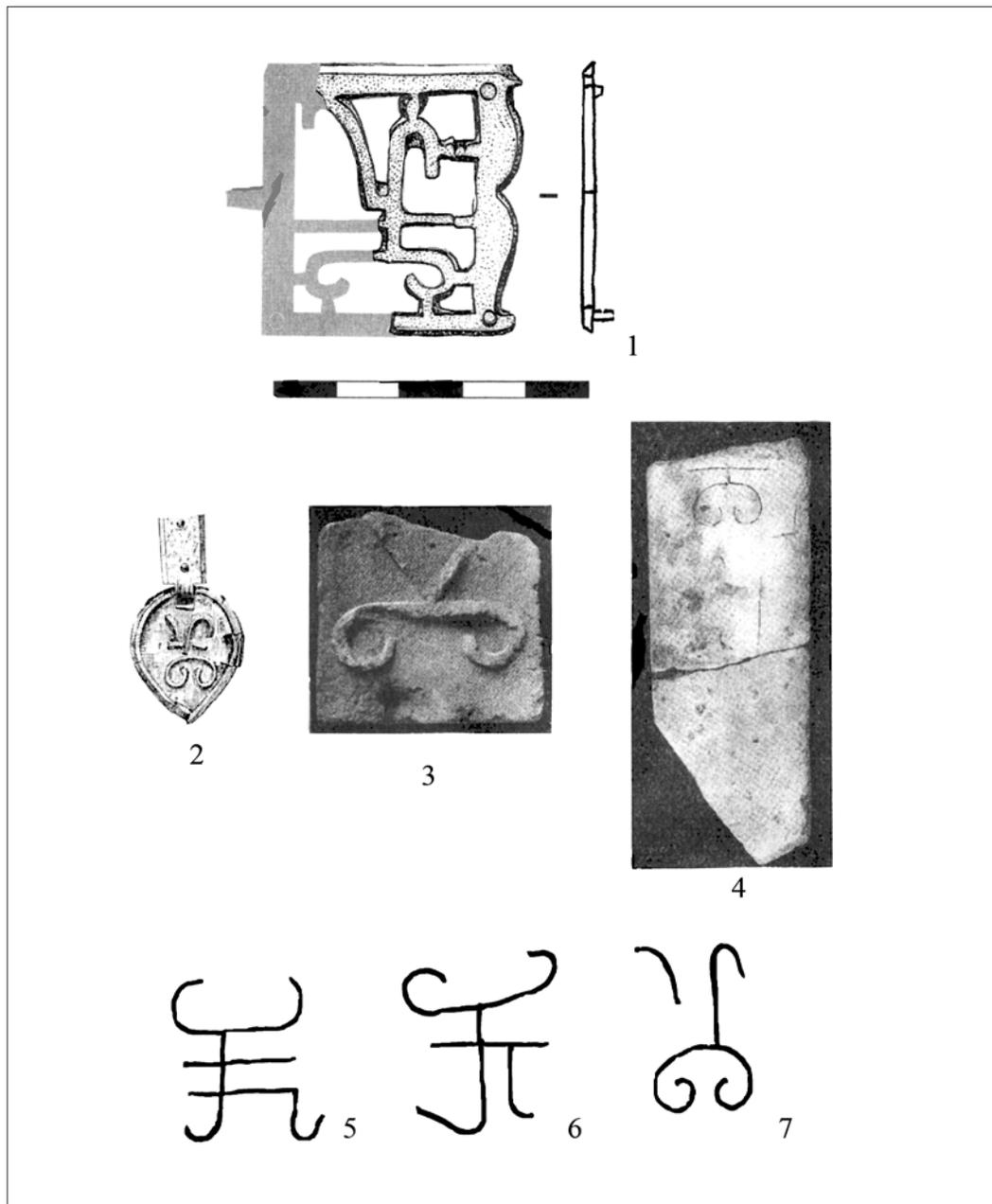

Табл. 2. Сарматские знаки – тамги.

1 – знак на поясной накладке из Херсонеса (прорисовка), 2 – знак на серебряной пряжке из склепа близ с. Красногорское (Нейзац), 3 – рельефный знак на плите, Новочеркасский музей, 4 – знак на надгробной плите из Симферополя, 5 – сарматская тамга, Бакла, 6 – сарматский знак, Заветное, 7 – тамга на штукатурке из Неаполя Скифского.

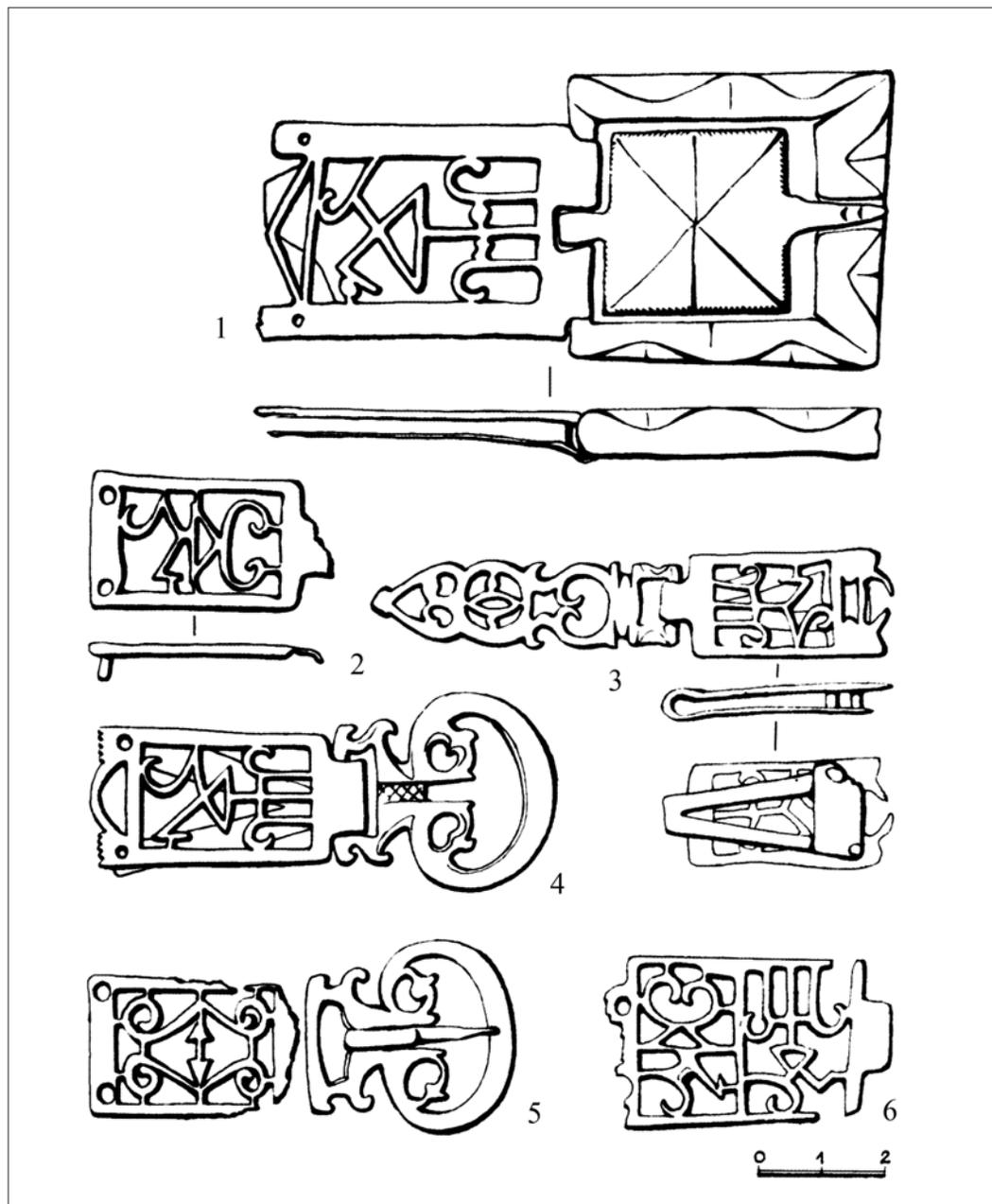

Табл. 3. Ажурные пряжки, щитки пряжек и ременные наконечники из Пантикапея (по М.Ю. Трейстеру).

1, 4, 6 – щитки пряжек с «царским знаком Евпатора», 2,3,6 – щитки от пряжек со знаком, похожим на «царский знак Евпатора», 5 – пряжка и щиток римского типа.

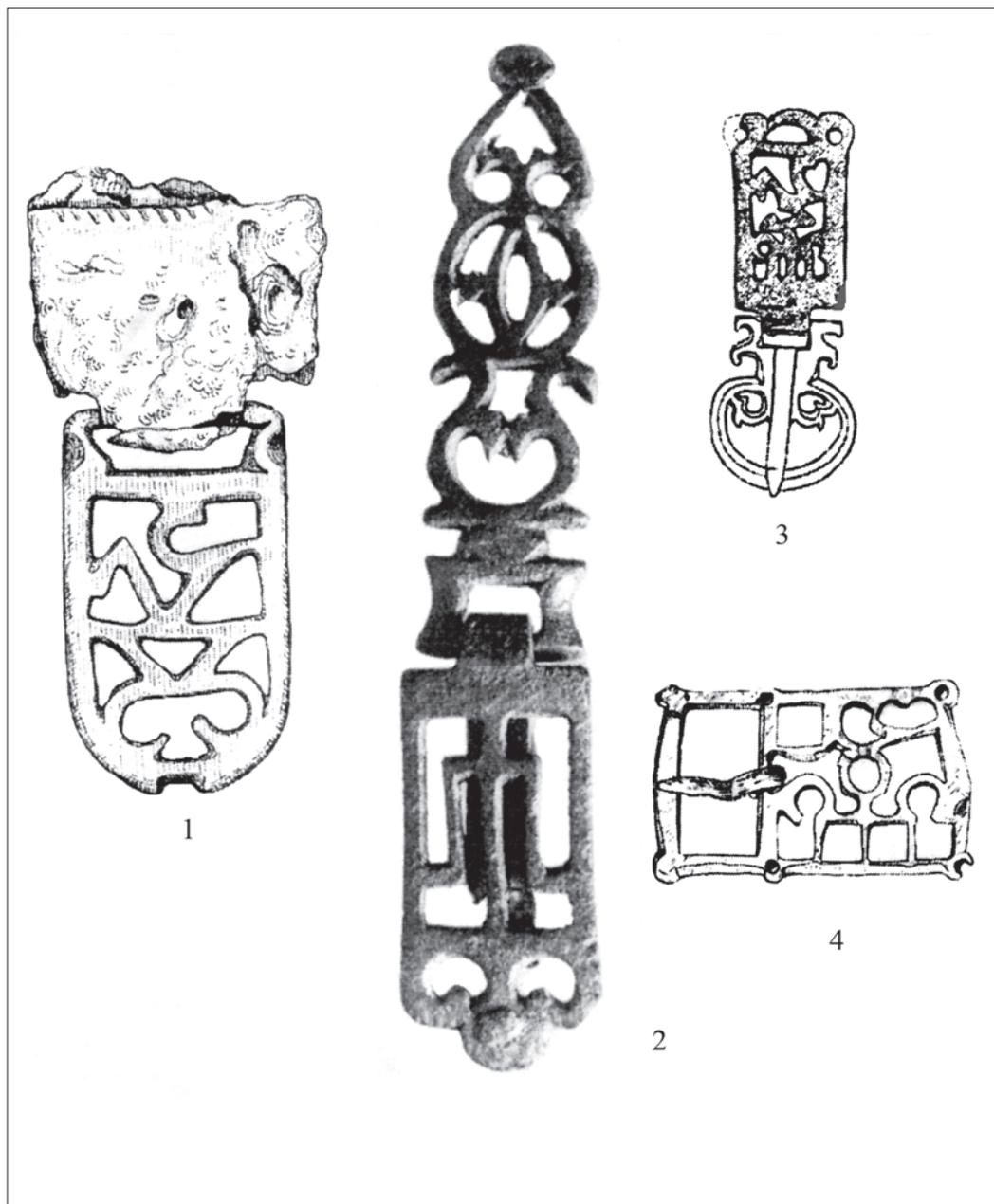

Табл. 4. Пряжки со щитками и ременные наконечники из Таврики.

1 – бронзовый наконечник пояса со знаком, похожим на «царский знак Евпатора», могильник Фонтаны, 2 – бронзовый наконечник пояса со знаком в виде трезубца из Керчи, Кельн, Римско-германский музей, 3 – пряжка и щиток с «царским знаком Евпатора» из Южной Таврики, 4 – ажурная пряжка с сарматской тамгой из могильника на Черной речке.

Л. Ю. ПОНОМАРЕВ

К АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТЕ ПАМЯТНИКОВ VIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ X вв. ЮЖНОЙ ЧАСТИ КЕРЧЕНСКОГО ПОЛУОСТРОВА

В 1981 г. И.А. Баранов опубликовал археологическую карту памятников Крыма VII-X вв. [Баранов, 1981, рис. 1]. Спустя несколько лет она была переиздана и дополнена отдельными картами плитовых и грунтовых могильников [Баранов, 1989, рис. 1; Баранов, 1990, рис. 1; 37]. Согласно их данным, едва ли половина известных исследователю памятников, включая 43 поселения и 2 могильника, приходилась на Керченский полуостров. Однако, эти цифры уже на момент публикации весьма отдаленно отражали реальную ситуацию, поскольку не были учтены десятки поселений и несколько могильников, обнаруженные к тому времени Ю.Ю. Марти, В.В. Веселовым, М.М. Кублановым, П.Н. Шульцем, А.В. Гадло, Д.Л. Талисом и А.А. Масленниковым¹. Не являлась исключением и южная часть Керченского полуострова, на археологическую карту которой И.А. Баранов нанес только 11 поселений [Баранов, 1990, рис. 1, №№ 9-15, 22, 38, 43, 44]², хотя к началу 80-х гг. прошлого столетия уже было известно 23 поселения и 1 могильник. Существенно дополнили список памятников VIII – первой половины X вв. исследования двух последних десятилетий, в процессе которых некоторые районы были изучены методом сплошных и комплексных разведок.

Южная часть Керченского полуострова ограничена с севера Парпачским гребнем и балкой Ичкил-Джилга протяженностью 16 км, в устье которой расположено соленое Тобечикское озеро площадью около 35 кв. км. С запада условная граница пролегает по Ак-Монайскому перешейку, в районе водохранилища к югу от с. Фронтное. Юго-западная, примыкающая к Черному морю, часть полуострова ограничена Параболическим гребнем, проходящим через г. Опук, г. Острая и г. Атаманская, и сменяющим его в районе с. Марфовка

¹ Карты составлены на основании выборочных материалов исследований Ю.Ю. Марти, В.Ф. Гайдукевича, Д.Л. Талиса и А.В. Гадло [Гадло, 1968а, с. 60].

² Поселения Костырино, Заветное, Коренково, Опук, Пташкино, Марьевка, Прудниково (на карте И.А. Баранова Прудниково), мыс Чауда, Тамарино, Кирово. Локализация одного из них, вслед за А.В. Гадло [Гадло, 1968а, с. 60, № 50], на месте античного городища Китей (№ 12), не подтвердилась материалами раскопок Е.А. Молева. Наиболее поздние комплексы Китея датируются не позднее второй четверти VI в. [Молев, Сазанов, 1991, с. 63-74; Молев, 2009, с. 418].

Парпачским гребнем. По рельефу она относится к пологоволнистой эрозионно-денудационной Юго-Западной низменной равнине. Для нее характерны пологие возвышенности и останцевые холмы с высотами 50-70 м, разделенные плоскодонными понижениями с солончаками и подами, а также крупные древние эрозионные системы. На побережье между м. Чауда и м. Опук расположены крупные соленые озера – Качик, Узунларское и Кояшское (Элькенское, Атал-Алчин, Чокур-Кояшское), а во внутренних районах небольшие континентальные озера-коли – Марфовское (Даутель-коль), Ташлы-коль, Карач-коль, Ешил-коль. В пределах Юго-Западной низменной равнины распространены малопригодные для сельскохозяйственного использования солонцеватые и сильносолонцеватые темно-каштановые почвы с пятнами степных солонцов и лугово-каштановых почв с микрозападинами [Котова, 1961, с. 67; Дзенс-Литовская, 1956, с. 11]. Гидрографическая сеть представлена сухими балками и балками с временным (весенним и пересыхающим летом) водотоком. Наиболее крупные из них – балки Песчаная, Кривая, Черная, Мошкарева, Найманская, Джафар-Берды, Узунларская, Таш-Алчин, Шаклар протяженностью 6-12 км. Местами, при помощи неглубоких колодцев, еще не так давно добывали грунтовые солонцеватые воды, но до начала XX в. их зачастую заменяли ямы-ауты для сбора дождевой воды [Веселов, 2005, с. 46, 49, 53; Гаврилов, 2010, с. 25; Янсон, 1870, с. 6].

Юго-восточная оконечность полуострова относится к грядово-увалистой пластово-денудационной равнине с развитой овражно-балочной сетью. Большинство балок представляют собой древние эрозионные системы. В устьевой части некоторых из них находятся соленые озера морского происхождения – Тобечикское, Яньш и озеро в урочище Печка. К северу от г. Опук расположены небольшие гиперсоленые озера континентального происхождения – Киркояшское (Северное Опукское) и Шимаханское (Шейх-Асанское) [Шадрин, Найданова, 2002, с. 36-38]. Побережье между м. Малый и м. Чауда большей частью относится к абразионному типу [Зенкевич, 1958, с. 176, 192], что в значительной степени изменило контуры древних берегов [Шелов-Коведяев, 1985, с. 32-33]. К востоку от м. Чауда преобладают почвы темно-каштановые солонцеватые, солонцы степные и черноземы южные [Драган, 2006, с. 34-42; Подгородецкий, 1988, рис. 6; Половицкий, Гусев, 1987, с. 39, 40, 54-55]. В связи с малой гумусностью и недостатком элементов питания они нуждаются в систематическом внесении удобрений, но в целом пригодны для использования. Водные ресурсы ограничены балками с временным водотоком, подземными (карстовыми и трещинными) водами. На склонах г. Опук колодцами добывали инфильтрационно-конденсационные воды, а в прибрежной зоне - из линз подпора грунтовых вод морской водой [Голенко, 2007, с. 10-15; Вахрушев, 1999, с. 7-10].

Таким образом, южная часть Керченского полуострова по своим физико-географическим условиям представляет собой два разных региона. Более благоприятными для освоения оказались территории к востоку от

Параболического гребня, обладавшие необходимыми для этого минеральными, земельными, растительными, климатическими и водными ресурсами [Клюкин, 2006, с. 8-22; Голенко, 2007, с. 247]. Наиболее ранние обнаруженные здесь памятники относятся к эпохе бронзы, а наиболее поздние — покинутые и ликвидированные татарские деревни — к XVIII — первой половине XX вв. [Кругликова, 1958, с. 226-233; Голенко, 2007, с. 191-195, 265; Камеральное..., 1886, с. 58, 186; Керчь..., 1994, карта].

Первый период изучения раннесредневековых памятников южной части Керченского полуострова приходится на 20-е – 30-е гг. прошлого столетия и связан с краткосрочными рекогносцировочными работами Ю.Ю. Марти, возглавившим в 1927 г. экспедицию Керченского музея, а спустя девять лет — разведочный отряд Боспорской экспедиции ГАИМК. Будучи одним из крупнейших специалистов в области античной археологии, основной целью своих работ Ю.Ю. Марти ставил изучение античных памятников. В тех же редких случаях, когда в поле зрения исследователя попадали средневековые памятники, он относил их к «ранневизантийскому» или «византийскому» времени. При этом основным критерием для разделения служила поливная керамика, отсутствие или присутствие которой позволяла ему причислить тот или иной памятник к одной из выделенных им групп.

В 1927 г. Ю.Ю. Марти обследовал район между м. Такиль и Кояшским (Элькенским) озером [Марти, 1927, с. 51-54]. В процессе работ им были проведены разведочные раскопки на городищах Киммерик и Китей. В одном из шурфов, заложенном на городище Киммерик, Ю.Ю. Марти выделил средневековый слой, датированный на основании трех монет императора Иоанна Цимисхия не позднее X в. [Марти, 1928, с. 4-5]. В дальнейшем исследования на этом участке так и не были продолжены, а в статье, посвященной итогам работ 1927 г., комплекс средневековых находок опубликован не был.

В 1936 г., возглавляя разведочный отряд Боспорской экспедиции ГАИМК, Ю.Ю. Марти продолжил разведки в юго-восточной части Керченского полуострова, обследовав в течение одного полевого сезона территорию между Тобечикским озером и г. Опук. На южном берегу озера в районе с. Чонгелек и в окрестностях с. Коп-Такиль (современное с. Заветное) были обнаружены два укрепления, которые Ю.Ю. Марти без указания хронологических рамок отнес к «греко-римскому - ранневизантийскому» и «ранневизантийскому времени». К сожалению, Ю.Ю. Марти так и не опубликовал результаты этих работ, а большая часть материалов экспедиции была утрачена во время войны. Сохранились лишь карта района разведок и планы открытых памятников, а также аннотации к ним, включавшие в себя топографические данные и краткое описание остатков древних сооружений и археологического материала [Гайдукевич, 1959, рис. 81, №№ 4; 7; Пономарев, 2003, с. 264-266]. Позднее к сохранившимся материалам экспедиции 1936 г. обратился В.Ф. Гайдукевич. В статье

«Некрополи некоторых Боспорских городов» он опубликовал карту открытых Ю. Ю. Марти памятников, но в их описание исследователь внес существенные коррективы. В числе прочего были пересмотрены и даты укреплений. Одно из них, по мнению В. Ф. Гайдукевича, функционировало с «V в. до н.э. и до конца античной эпохи», а повторно было заселено в VIII-IX вв. Дату же второго укрепления определил материал VIII-IX вв. Однако, что это был за материал и на основании чего были внесены коррективы в его хронологические рамки исследователь не пояснил [Гайдукевич, 1959, с. 213-214].

Следующий период в изучении памятников VIII – первой половины X вв. южной части Керченского полуострова охватывает 50-е – 60-е гг., на протяжении которых были обследованы не только прибрежные, но и внутренние районы южной части полуострова. В эти же годы ряд исследователей приступил к реализации программы по сбору материалов для составления археологической карты полуострова. Немаловажным событием представляется и тот факт, что впервые, хотя как оказалось в дальнейшем ненадолго, интерес к этому региону проявили археологи-медиевисты.

В 1956 г. работы в прибрежном районе юго-восточной части Керченского полуострова продолжила Боспорская археологическая экспедиция (В.Ф. Гайдукевич). Разведочным отрядом под руководством М.М. Кубланова были обследованы южный берег Тобечикского озера, окрестности с. Чорелек (с. Стрелковое, ныне не существует), с. Кыз-Аул (с. Яковенково) и городища Китей. На одном из античных поселений, располагавшемся на северном берегу озера Яныш, была обнаружена раннесредневековая керамика. Здесь же, по мнению М.М. Кубланова, находился раннесредневековый некрополь, на что косвенно указывали отдельные человеческие кости, найденные в амфорах VIII-IX вв. [Кубланов, 1961, с. 92, 94, рис. 37]. За исключением краткой статьи в КСИА материал, полученный в ходе работ экспедиции, так и не был опубликован, а сам исследователь к этому памятнику более не обращался, поэтому вопрос о его характере так и остался открытым.

Спустя три года с целью составления археологической карты Керченского полуострова разведки в его центральной и южной частях совместно с КИАМ провела Крымская экспедиция ИА АН УССР под руководством С.Н. Бибикова. Помимо памятников эпохи бронзы и античных памятников были обнаружены три раннесредневековых поселения, в том числе поселение в окрестностях с. Прудниково. На основании находок керамики, и прежде всего рифленных салтово-маяцких горшков, они были датированы VIII-IX вв. [Лесков, Збеневич, 1962, с. 270].

В пятидесятые годы к исследованиям на полуострове приступила И.Т. Кругликова, возглавившая Восточно-Крымский отряд Причерноморской экспедиции ИА АН СССР. В разведках отряда активное участие принимал В.В. Веселов [Кругликова, 1975, с. 3]. С середины 50-х и до начала 60-х гг. в южной части

полуострова он обследовал территорию между г. Опук и Тобечикским озером, а также окрестности с. Пташкино, с. Прудниково, с. Марфовка, с. Холмогорка, с. Кирово и с. Батальное. В результате на археологическую карту он нанес не менее 20 неизвестных ранее раннесредневековых поселений и один плитовый могильник [Веселов, 2005]³. Первоначально памятники этой группы В.В. Веселов датировал V-X вв. и связывал с расселением на полуострове славян [Веселов, 1962]. Позднее, работая в тесном сотрудничестве с Д.Л. Талисом и А.В. Гадло, он изменил их хронологические рамки, обозначив в пределах VIII-X (VII-IX) вв., а в качестве основной этнокультурной составляющей этих памятников стал рассматривать праболгар и алан [Веселов, 1965]. К сожалению, не только его взгляды, но и результаты разведок не нашли при жизни исследователя заслуженного отражения на страницах печатных изданий. Более того, вскоре после смерти В.В. Веселова они были преданы забвению, и лишь недавно только небольшая часть его культурного наследия была введена в научный оборот.

В 1960 г. исследования на полуострове провела Восточно-Крымская экспедиция Государственного исторического музея, руководство которой принял Д.Л. Талис⁴. Впервые в истории археологического изучения региона основной задачей были поставлены «разведки поселений эпохи раннего средневековья» [Талис, 1960, с. 1]. В южной части полуострова методом радиальных и маршрутных разведок были исследованы участки степи к югу от Парпачского хребта и к западу от Узунларского вала. В окрестностях с. Марфовка и с. Тамарино было обнаружено несколько памятников эпохи бронзы, а также античных и раннесредневековых поселений, датированных VIII-X вв. [Талис, 1960, с. 23-28]. По словам Д.Л. Талиса, «экспедиция дала интересные материалы к археологической карте Керченского полуострова» и находки новых раннесредневековых поселений расширили «представления о заселенности полуострова в это время», тем не менее, она отработала только один полевой сезон. В дальнейшем Д.Л. Талис переключил свое внимание на средневековые памятники Юго-Западного Крыма, а материалы, полученные в ходе работ 1960 г., так и не были опубликованы и хранятся невостребованными в ГИМ [Талис, 1973, с. 234, сноска 19; Талис, 1974, с. 93, сноска 39].

³ К сожалению, как и многие другие исследователи того времени, В.В. Веселов не имел возможности в процессе разведок использовать топографические карты. В связи с этим в полевых дневниках он вынужден был заменять их собственноручно выполненными схематическими планами с привязкой к ближайшим селам или природным объектам. Вследствие этого не только многие указанные им расстояния, но и направления по румбам имеют погрешность, а памятники, таким образом, не имеют точной локализации. По существу, все они нуждаются в повторном обследовании [ср.: Вечерухин, Мельников, Смекалов, 2007, с. 454].

⁴ С 25. VIII. 60 г. по 11. IX. 60 г. в работе экспедиции принимал участие В. В. Веселов [Веселов, 2005, с. 11; Гадло, 2004, с. 71].

В 1962 г. Керченский полуостров был включен в программу исследований археологического отряда исторического факультета ЛГУ под руководством А.В. Гадло. Перед отрядом было поставлено несколько задач, но в процессе исследований частично удалось реализовать только две из них — «обследование известных и поиски новых памятников салтово-маяцкой культуры» и «выяснение соотношения этих памятников с памятниками основного ареала салтово-маяцкой культуры в Доно-Донецком бассейне» [Гадло, 1963, с. 1]. В южной части полуострова разведки, при активном участии В.В. Веселова, проводились на участке побережья между Тобечикским озером и м. Такиль, на южном берегу Тобечикского озера и в долине к северу от Узунларского озера, однако новых салтово-маяцких памятников обнаружить не удалось [Гадло, 1962, с. 14-15; Гадло, 1968б, с. 78]. В отчет о работе отряда были включены только два ранее обнаруженных М.М. Кублановым и В.В. Веселовым поселения у с. Заветное и с. Пташкино, где был собран многочисленный и разнообразный керамический материал VIII-X вв.⁵ При этом исследователь ошибочно посчитал, что поселение у с. Заветное являлось крайним «южным пунктом оседлости в VIII-X вв.» на побережье Керченского пролива.

Спустя два года на Пташкинском поселении А.В. Гадло провел раскопки, и едва ли не сразу с момента публикации [Гадло, 1971, с. 68-70; Гадло, 1980, с. 130-145] оно стало одним из эталонных памятников салтово-маяцкой культуры в Крыму. На двух исследованных участках им были выявлены разнообразные строительные и хозяйственные комплексы, датированные началом VIII – началом X вв. и отнесенные к трем хронологическим периодам.

К середине 60-х годов работы по составлению археологической карты полуострова были в основном свернуты, но если для античных памятников их результаты нашли отражение в монографии И.Т. Кругликовой «Сельское хозяйство Боспора» [Кругликова, 1975], то раннесредневековые памятники так и не были сведены в единый реестр. В качестве исключения можно привести лишь одну из статей А.В. Гадло, к которой была приложена карта «Южное Приазовье в период хазарского каганата (конец VII – начало X вв.)» с нанесенными на нее 40 памятниками [Гадло, 1968а, с. 60]. Именно она впоследствии явилась калькой для археологических карт, опубликованных И.А. Барановым [Баранов, 1981; 1990].

Третий период изучения памятников VIII – первой половины X вв. южной части Керченского полуострова охватывает два последних десятилетия.

В 1989-1997 гг. комплексные (археологические, геоморфологические, географические и палеоэкологические) исследования г. Опук и ее окрестностей на площади около 150 кв. км провела Южно-Боспорская археологическая экспедиция ИА АН СССР (с 1996 г. КФ ИА НАНУ) под руководством

⁵ Эти же два поселения А.Л. Якобсон включил в сводку раннесредневековых памятников Восточного Крыма [Якобсон, 1970, с. 28, №№ 78, 79, рис. 1].

В.К. Голенко. По результатам сплошных разведок, в ходе которых удалось выявить свыше 40 новых археологических объектов от эпохи бронзы до позднего средневековья, была составлена подробная археологическая карта. На некоторых памятниках проведены разведочные и охранные раскопки. В частности, на одном из раннесредневековых поселений была раскопана трехкамерная постройка, в процессе изучения которой удалось выделить три строительных периода [Голенко, 1994, с. 74-80; Голенко, 1995, с. 139-140; Голенко, Клюкин, 1997а, с. 79-80; Голенко, Клюкин, 1997б, с. 31-59; Голенко, Джанов, 2002, с. 76-78; Голенко, 2006, с. 43-50; Голенко, 2007, с. 234-240]. По результатам работ была издана монография, один из разделов которой посвящен раннесредневековым памятникам [Голенко, 2007, с. 233-243]. Девять поселений и отдельно стоящих усадеб локализованы на плато и склонах г. Опук. Еще четыре поселения обнаружены в ее окрестностях – Киркояшской котловине и у подножия г. Кончек. В это же время восстанавливаются некоторые террасы, подпорные стены, дороги и колодцы. Однако памятников этой эпохи, на что справедливо указал В.К. Голенко, было гораздо больше, но внешние их признаки настолько аморфны, что выделить их в самостоятельные объекты не удалось. Возобновление жизни на горе Опук и ее окрестностях исследователь не бесспорно относит к середине IX в. и связывает с приходом на полуостров носителей салтово-маяцкой культуры, чему, по его мнению, способствовало потепление хазаро-византийских отношений. Гибель поселений, как считает В.К. Голенко, была вызвана последствиями византийско-хазарского конфликта 942-943 гг., а именно: репрессиями хазарской администрации против «христианских подданных каганата» [Голенко, 2007, с. 264-265].

В 1998 г. работы в юго-восточной части Керченского полуострова провела Боспорская охранно-археологическая экспедиция (далее БОАЭ) под руководством В.Н. Зинько. За сравнительно небольшой период выборочно была обследована территория площадью около 25 кв. км, примыкающая с юга к Тобечикскому озеру между м. Малый и м. Такиль. В процессе разведок удалось уточнить границы средневекового поселения у с. Заветное и подтвердить наличие материала VIII-X вв. на многослойном поселении близ с. Костырино, однако новых раннесредневековых памятников обнаружить не удалось [Зинько, Пономарев, 1999].

В 2006 г. прибрежные районы юго-западной и южной частей полуострова обследовал А.В. Гаврилов (КФ ИА НАНУ). Разведки проводились с целью выявления античных памятников, но при этом в окрестностях мыса Чауда было обнаружено 7 позднесредневековых поселений. Одно из них, прослеженное к западу от Чаудинского маяка, содержало подъемный материал VIII-X вв. [Гаврилов, 2008а, с. 376; Гаврилов, 2008б, с. 140-141].

В настоящее время практически неизученным остается прибрежный район между м. Чауда и Узунларским озером, перешедший с начала 50-х гг.

под юрисдикцию Министерства обороны СССР, а затем Украины. Большая часть этой территории и до сих пор остается недоступной для исследователей.

ПАМЯТНИКИ И НАХОДКИ

1. Поселение Чонгелек (Костырино-I) (рис. 1,1). Открыто в 1936 г. Ю.Ю. Марти, интерпретировавшим памятник как «крепостцу греко-римского и ранневизантийского времени». Среди подъемного материала он отметил «обломки ранневизантийских желобчатых амфор и черепки с зеленой поливой» [Гайдукевич, 1959, с. 213, № 4]. Расположено поселение на небольшом мысе, вдающемся с юга в Тобечикское озеро, в 0,1 км к востоку от с. Костырино⁶. У основания мыса прослеживаются ров и вал, благодаря которым Ю.Ю. Марти атрибутировал памятник как крепость. Однако, эти фортификационные сооружения, вероятнее всего, хронологически связаны с размещавшимся на мысе античным поселением V/IV вв. до н. э. – I-ых вв. н. э. [Кругликова, 1975, с. 18, 95, № 154]. В 1956 г. его повторно осмотрел В.В. Веселов, указавший на то, что среди подъемного материала преобладала керамика эллинистического и римского времени, но при этом встречались отдельные находки керамики VIII-X вв. [Веселов, 2005, с. 49, 121, № 124]. С наблюдениями В.В. Веселова вполне согласуются и выводы В.Ф. Гайдукевича, по мнению которого укрепление на мысе функционировало с V в. до н. э. и до конца античной эпохи. Повторно же мыс был заселен только в VIII-IX вв. [Гайдукевич, 1959, с. 213]. В 1962 г. в план своих разведок поселение Чонгелек включил А.В. Гадло, но керамики, характерной для памятников VIII – первой половины X вв., среди подъемного материала ему выделить не удалось⁷. Однако, при осмотре мыса и прилегающих к нему участков южного берега озера он обнаружил несколько фрагментов ручек ранневизантийских амфор, в том числе с рифлением на корпусе в виде «набегающей волны» [Гадло, 1962, с. 15; Гадло, 1963, с. 13, рис. 4 е]. В 1998 г. поселение обследовано экспедицией БОАЭ (В.Н. Зинько). Среди собранного подъемного материала преобладала античная керамика. Немногочисленные находки салтово-маяцкой посуды — преимущественно стенок рифленных горшков, были обнаружены с напольной стороны вала у основания мыса [Зинько, Пономарев, 1999, с. 6].

⁶ В литературе иногда поселение локализуют к западу от с. Чонгелек. В этом случае имеется в виду ныне несуществующее с. Чонгелек Татарский (ликвид. в 1948 г.), располагавшееся к востоку от мыса. К западу и юго-западу от мыса находились с. Чонгелек Русский (с 1948 г. с. Костырино) и Чонгелек Нефтепром (ликвид. в 1945 г.).

⁷ Тем не менее, это не помешало исследователю нанести его на карту памятников конца VII – начала X вв. [Гадло, 1968а, с. 60, № 56], основанием чему, по всей видимости, послужили результаты разведок В.В. Веселова.

2. Поселение Марьевка (рис. 3,2). Обнаружено в 1956 г. В.В. Веселовым. Расположено на вершине небольшой возвышенности в 3,5 км к северо-западу от с. Марьевка. Среди подъемного материала, помимо лепной посуды и изделий из кремня эпохи бронзы, встречаются фрагменты раннесредневековой керамики, в том числе салтово-маяцких горшков, украшенных горизонтальным рифлением [Веселов, 1956, с. 19-21; Веселов, 2005, с. 45, 118, № 105, рис. 55].

3. Поселение Марьевка (рис. 3,3). Открыто в 1956 г. В.В. Веселовым. Расположено в 1 км к югу от с. Вязниково на восточном берегу Шимаханского озера. Немногочисленные обломки раннесредневековой керамики зафиксированы на юго-западной окраине эллинистического поселения площадью не менее 6 га [Веселов, 2005, с. 45, 118, № 106]⁸.

4. Поселение Марьевка-IV⁹ (рис. 3,4). Открыто в 1957 г. В.В. Веселовым. Расположено в 3,5 км к северо-востоку от с. Марьевка. Немногочисленные фрагменты раннесредневековой керамики собраны вокруг двух каменных колодцев, устроенных на расстоянии 23 м друг от друга [Веселов, 2005, с. 46, 119, № 112; Кругликова, 1975, № 132].

5. Поселение Марьевка-V (рис. 3,5). Открыто в 1961 г. В.В. Веселовым. Расположено на восточной окраине с. Марьевка. На территории одного из приусадебных участков собраны фрагменты причерноморских амфор и салтово-маяцкой керамики [Веселов, 2005, с. 46, 158, № 499; Кругликова, 1975, № 133].

⁸ При составлении археологических карт в процессе работы со «Сводной ведомостью...» [Веселов, 2005] возникает ряд трудностей. Во-первых, количество внесенных в нее памятников, в том числе и раннесредневековых, гораздо меньше, чем в дневниках В.В. Веселова, что зачастую не позволяет их надежно идентифицировать [ср.: Вечерухин, Мельников, Смекалов, 2007, с. 450]. Во-вторых, информация о памятниках в ней ограничена краткими сведениями об их местоположении, характером самого памятника и его общей датировкой. То есть, если она не продублирована полевым дневником, где содержатся краткое описание находок и их немногочисленные рисунки, приходится целиком полагаться на общие выводы В.В. Веселова. Поэтому в тех случаях, если памятник повторно не обследовался, и, таким образом, сведения о наличии на нем подъемного материала VIII - первой половины X вв. не были подтверждены, он относится нами к рассматриваемому периоду с некоторой долей условности. Справедливости ради следует отметить, что в тех случаях, когда это удалось подтвердить, выводы В.В. Веселова о наличии на том или ином раннесредневековом памятнике подъемного материала VIII-X вв., за редким исключением, верны.

⁹ Поселения с цифровыми (римскими) обозначениями соответствуют сводке античных поселений Керченского полуострова, составленной И.Т. Кругликовой по материалам разведок В.В. Веселова [Кругликова, 1975]. В «Сводной ведомости...» В.В. Веселова [2005] расположенные близ одного населенного пункта поселения получили одно название без дополнительных обозначений, что создает неудобства в работе и неизбежно вносит путаницу.

6. Поселение Вязниково-I (рис. 4,6). Открыто в 1957 г. В.В. Веселовым. Расположено в 2,5 км к северо-востоку от с. Вязниково (бывш. с. Шейх-Асан) на пологом склоне балки. К востоку от полевой дороги, ведущей в сторону Тобечикского озера, на пашне, В.В. Веселовым обнаружено скопление эллинистической и раннесредневековой керамики, в том числе обломков причерноморских амфор. Площадь распространения керамики около 3 га [Веселов, 1957, с. 109-112, № XL/55; Веселов, 2005, с. 46, 119, № 113; Кругликова, 1975, № 134].

7. Поселение Вязниково-II (рис. 3,7). Открыто в 1961 г. В.В. Веселовым. Расположено на юго-западной окраине с. Вязниково. Среди раннесредневекового подъемного материала отмечены фрагменты причерноморских амфор и салтово-маяцкой керамики [Веселов, 1961-1962, с. 4].

8. Поселение Борисовка-I (рис. 3,8). Открыто в 1961 г. В.В. Веселовым. Расположено в 0,8 км к юго-востоку от с. Борисовка (бывш. с. Суин-Эли) на западном берегу Шимаханского озера в урочище Чагамай. На вспаханном поле, между небольших пологих холмов и на их вершинах, В.В. Веселов отметил развалы камней, значительные скопления лепной посуды и немногочисленные фрагменты раннесредневековой керамики [Веселов, 1961-1962, с. 14, № IV; Веселов, 2005, с. 47, 157, № 484; Кругликова, 1975, № 123].

9. Поселение Борисовка-II (рис. 3,9). Открыто в 1961 г. В.В. Веселовым. Расположено в 1,2 км к северо-востоку от с. Борисовка. Среди подъемного материала, помимо лепной посуды и керамики эллинистического времени, В.В. Веселов отметил единичные фрагменты причерноморских амфор [Веселов, 1961-1962, с. 17, № V; Веселов, 2005, с. 47, 157, № 485; Кругликова, 1975, № 124].

10. Поселение Заветное (Яныш-Такиль I) (рис. 2,10). Открыто в 1956 г. М.М. Кублановым и В.В. Веселовым [Кубланов, 1961, с. 92, 94, рис. 37; Якобсон, 1970, с. 28, пункт 79; Веселов, 2005, с. 119, № 116; Баранов, 1990, рис. 1,10; Айбабин, 1999, рис. 78,78; Гадло, 1968а, с. 60, № 49]. Расположено на северном берегу соленого озера Яныш, между с. Набережное и с. Заветное. Площадь не менее 0,8 кв. км. В 1962 г. поселение повторно обследовано А.В. Гадло. Среди подъемного материала он отметил фрагменты пифосов, амфор, высокогорлых кувшинов, ойнохой и салтово-маяцких горшков [Гадло, 1962, с. 15]. К числу редких находок следует отнести обломок ручки кувшина с отверстием на месте верхнего прилепа [Гадло, 1962, рис. 32]. В 1994 г. разведочные работы на нем провела экспедиция КГИКЗ под руководством А.В. Куликова. Собранный подъемный материал он разделил на две хронологические группы VII-X вв. и XI-XV вв. [Куликов, 1997, с. 160]. Спустя четыре года поселение обследовано БОАЭ. Помимо единичных находок античной керамики и отдельных

фрагментов ранневизантийских амфор, была обнаружена многочисленная керамика VIII-X вв. и конца XIII (XIV) – XV вв.¹⁰. Отсюда же происходят отдельные фрагменты поливной и красноглиняной столовой посуды XVII-XVIII вв. [Зинько, Пономарев, 1999, с. 4-5].

11. Укрепление у с. Заветное (рис. 2,11)¹¹. Открыто в 1936 г. Ю.Ю. Марти, в полевой документации разведок которого интерпретируется как «ранневизантийская крепость». К сожалению, большая часть материалов экспедиции утрачена во время войны. Уцелевшие планы и аннотации к ним частично изданы в 1959 г. В.Ф. Гайдукевичем, датировавшим памятник VIII-IX вв. [Гайдукевич, 1959, с. 213-214, рис. 81, пункт № 7]. Укрепление расположено к востоку от с. Заветное на северном берегу балки Чикграл-Джилга. Занимает небольшой защищенный с северо-запада рвом мыс. Размеры укрепления 30 × 22 м. Общая протяженность стен 57 м, толщина кладок 1,1 – 1,4 м. Северо-восточная стена образует бастионообразный выступ размерами 12 × 4,3 м. Такой же «бастион» размерами 12 × 3,7 м пристроен к юго-западной стене. К востоку от мыса на плато находилось поселение. В настоящее время памятник претерпел значительные утраты, но благодаря распашке собран многочисленный подъемный материал. Помимо единичных фрагментов эллинистических амфор он представлен керамикой VIII-X вв., в том числе обломками причерноморских амфор, фляг, ойнохой баклинского типа, лощеных сосудов и салтово-маяцких горшков [Пономарев, 2003, с. 264-266, рис. 3, 1-11].

12. Поселение Коренково (рис. 2,12)¹². Обнаружено в 1956 г. В.В. Веселовым и нанесено на археологическую карту памятников VII-X вв. И.А. Барановым [Баранов, 1990, рис. 1,11]. Расположено на восточной окраине с. Заветное, в верховьях балки Чикграл-Джилга [Веселов, 2005, с. 49, 121, № 128]. В настоящее время практически всю его территорию занимают приусадебные участки, вдоль оград которых обнаружены многочисленные мелкие фрагменты причерноморских амфор и салтово-маяцких горшков.

¹⁰ По мнению С.Г. Бочарова, на месте поселения следует локализовать населенный пункт Кавалари, указанный на средневековых компасных картах-портоланах [Бочаров, 2001, с. 157-158].

¹¹ До проведения раскопок нельзя исключать, что укрепление было возведено в античное время. Такую возможность в свое время допускал В.Ф. Гайдукевич [Гайдукевич, 1959, с. 214]. С трактовкой памятника как «салтовского укрепления» не согласны А.В. Сазанов и Ю.М. Могаичев [Сазанов, Могаичев, 2006, с. 196]. Против его причисления к группе крымских салтово-маяцких памятников высказался С.Б. Сорочан, хотя в рамках его концепции все они «по сути однокультурные памятники с явным преобладанием ромеизации, но без конкретного этнического содержания» [Сорочан, 2005, с. 415, 449].

¹² До 1948 г. с. Коренково называлось с. Коп-Такиль. Впоследствии оно объединено с с. Заветное (бывш. с. Яньш-Такиль).

13. Плитовый могильник у с. Заветное (рис. 2,13). Обнаружен разведками А.В. Куликова. Расположен на восточной окраине с. Заветное в 0,2 км к северо-востоку от поселения Коренково (№ 12). Занимает один из мысов северного склона балки Чикграл-Джилга. С середины 90-х гг. могильник подвергся ограблению. Вскрытые погребения представляют собой плитовые могилы, ориентированные в направлении ЮЗ-СВ [Пономарев, 2003, с. 266, сноска 5]. В плане они имеют прямоугольную и трапецевидную форму. Сооружены из хорошо обработанных известняковых плит: по одной с торцевых сторон и по две с боковых. По своей конструкции они ничем не отличаются от могил, раскопанных на могильнике Эльтиген-I второй половины IX – первой половины X вв. [Пономарев, 2004а, рис. 8-10]. К сожалению, в грабительских отвалах и в самих могилах, за исключением нескольких фрагментов стенок салтово-маяцких горшков, находок, способных указать на время функционирования могильника, не оказалось. В связи с этим причислить его к памятникам VIII – первой половины X вв. можно пока лишь условно.

14. Могильник (?) у с. Набережное (рис. 2,14). В 1956 г. в береговом срезе к северу от озера Яныш в верхних слоях поселения № 7 М.М. Кубланов обнаружил большое количество «ребристых амфор с вытянутым туловом VIII-IX вв.». В некоторых из них оказались отдельные человеческие (детские) кости. На этом основании исследователь предположил, что в верхних горизонтах поселения, возможно, располагался средневековый могильник [Кубланов, 1961, с. 92-94, рис. 37]. К сожалению, эта находка до сих пор не опубликована, а при повторных обследованиях этого района следов могильника не обнаружено. Поэтому атрибуция и датировка памятника носят пока что предварительный характер.

15. Поселение Кончекское Южное (рис. 3,15). Обнаружено разведками ЮБАЭ в 1992 г. Расположено на северном берегу юго-восточного ответвления Узунларского озера. Занимает участок прибрежной террасы у подошвы юго-восточного склона южного отрога г. Кончек. Раннесредневековый подъемный материал представлен кухонной салтово-маяцкой керамикой, причерноморскими амфорами и высокогорлыми кувшинами с плоской ручкой [Голенко, 1995, с. 140; Голенко, 2007, с. 219-220, рис. 61; 97, 1-5; 98, 11-37].

16. Поселение Киркояшское юго-западное (рис. 3,16). Обнаружено разведками ЮБАЭ в 1992 г. Расположено на террасообразном восточном склоне балки, расчленяющей юго-западный склон Киркояшской котловины. Среди подъемного материала (в основной массе IV-III вв. до н. э.) отмечены фрагменты причерноморских амфор [Голенко, 2007, с. 210-211, рис. 87; 87а].

17. Поселение Киркояшское восточное (рис. 3,17). Обнаружено разведками ЮБАЭ в 1992 г. Расположено на восточном склоне балки, прорезавшей юго-

восточный склон Киркояшской котловины в 2,15 км к востоку от г. Острая и в 0,90-0,94 км к югу от южной оконечности Киркояшского озера. Раннесредневековый подъемный материал представлен фрагментами причерноморских амфор [Голенко, 2007, с. 209-210].

18. Поселение Киркояшское северо-западное (рис. 3,18). Обнаружено разведками ЮБАЭ в 1992 г. Расположено в 3,8-4,050 км к северу от г. Опук и в 50-275 м к югу от кромки Киркояшского озера [Голенко, 2007, с. 211-212, 234]. Средневековый подъемный материал представлен двумя хронологическими группами. К первой относятся фрагменты ручек причерноморских амфор [Голенко, 2007, рис. 91, 24, 25]. Ко второй группе – поддон миски, покрытой зеленой поливой и днища кувшинов, которые, насколько можно судить по рисунку, имеют более позднюю датировку и, вероятно, связаны с существовавшим здесь позднесредневековым поселением [Голенко, 2007, рис. 91, 27-30, 32].

19. Поселение на Кыз-Аульском некрополе (рис. 2,19). В 1930 г. и 1979-1985 гг. раскопки на могильнике провели Ю.Ю. Марти и О.Д. Чевелев. Могильник расположен к северу от с. Яковенково (бывшее с. Кыз-Аул) на краю берегового клифа. Часть могильника уничтожена абразией [Голенко, 2007, с. 221-224]. В 1995 г. могильник исследовался отрядом ЮБАЭ. На открытой площади был зафиксирован культурный слой мощностью 0,3-0,5 м, а также яма и остатки жилища типа полуземлянки диаметром около 3 м. По мнению В.К. Голенко, после того, как некрополь перестал функционировать, на его территории разместилось поселение, функционировавшее в IV-VI вв. Наличие следов поселения отметил также и О.Д. Чевелев [Федосеев, 2006, с. 302; Голенко, 2007, с. 228-229].

В 2000 г. Н.Ф. Федосеевым был исследован монументальный двухкамерный склеп № 6 [Федосеев, Ермолин, Куликов, Пономарев, 2001, с. 58-63; Федосеев, Пономарев, 2002, с. 225-228; Федосеев, 2006, с. 301-304]. В культурном слое вокруг него, образовавшемся в период функционирования на территории могильника поселения, была обнаружена разновременная керамика, среди которой преобладали амфоры, бытовавшие в IV-VI вв., амфоры причерноморского типа и салтово-маяцкая керамика. В ходе раскопок самого склепа удалось установить, что уже в VI в. обе его камеры и дромос были приспособлены под жилище и хозяйственные помещения. В VIII – первой половине X вв. склеп использовался как временное или сезонное убежище скотоводов. Спустя несколько лет Н.Ф. Федосеевым поблизости был раскопан склеп № 7. На его полу и на разных уровнях заполнения камер также, как и в склепе № 6, были устроены очаги, а в стенах прорублены привязи для мелкого рогатого скота [Федосеев, 2006, с. 303]. Следов наземных построек VIII-X вв. на территории некрополя обнаружить пока не удалось.

20. Поселение Яковенково – I (рис. 2,20). Открыто в 1961 г. В.В. Веселовым. Расположено в 0,8-1 км к северо-западу от с. Яковенково (до 1948 г. Кыз-Аул) у подножия южного склона гряды [Веселов, 2005, с. 52, 158, № 490]. По всей видимости, ему соответствует поселение IX1, краткие сведения о котором содержатся в дневнике В.В. Веселова за 1961-1962 гг. Среди подъемного материала, представленного в основном позднесредневековой посудой, исследователь указал на отдельные находки эллинистических и раннесредневековых амфор [Веселов, 1961-1962, с. 30-31].

21. Поселение Яковенково – II (рис. 2,21). Открыто в 1961 г. В.В. Веселовым. Расположено в 0,9-1 км к северо-востоку от с. Яковенково у подножия южного склона гряды [Веселов, 2005, с. 52-53, 158, № 491]. Скорее всего, соответствует поселению X, нанесенному на схематический план в полевом дневнике В.В. Веселова за 1961-1962 гг. Среди подъемного материала автор отмечает разновременную керамику, в том числе раннесредневековые амфоры [Веселов, 1961-1962, с. 32].

22. Поселение Баш-Аул (Голубое) (рис. 2,22). Открыто в 1961 г. В.В. Веселовым. Расположено в 2,5 км к северо-западу от с. Яковенково и в 0,25-0,3 км к северо-востоку от развалин татарской деревни Старый Баш-Аул (после 1945 г. с. Голубое, ныне не существует). На поле, помимо керамики эллинистического времени, встречаются немногочисленные фрагменты раннесредневековой керамики [Веселов, 1961-1962, с. 47-50, № XV; Веселов, 2005, с. 53, 158, № 496].

23. Поселение «городище Киммерик» (рис. 3,23). Расположено на трех прибрежных холмах между западным склоном г. Опук и Кояшским (Элькенским, Опускским) гиперсоленым озером [Гадло, 1968а, с. 60, № 58; Баранов, 1990, рис. 1,44]. В первой четверти XIX в., когда строительные остатки Киммерика имели гораздо лучшую сохранность, его детально обследовал П.А. Дюбрюкс. В северной части городища на план он нанес несколько «каменных колец», которые рассматривал как остатки «круглых башен» античного времени. [Голенко, 2007, с. 93, рис. 7; 8; Тункина, 2002, рис. 59]. В последнее время подобного рода конструкции чаще всего интерпретируют как загоны для скота и датируют VIII-X вв., но в данном случае это предположение подтвердить уже не удастся, поскольку они были полностью разрушены в начале XX в. В 1927 г. Ю.Ю. Марти в «башне» северной стены И.П. Бларамберга (ограждение округлой формы из необработанных камней) заложил разведочный шурф II¹³. Во втором, насыщенном камкой, слое на глубине 1,42 м были обнаружены три

¹³ Места разведочных раскопок Ю.Ю. Марти локализованы и нанесены на археологическую карту только в 1992 г. [Голенко, 1994, с. 77].

византийские монеты императора Иоанна Цимисхия (969-976) и наконечник железной стрелы. Ниже были найдены обломок жернова и железный нож. По мнению Ю.Ю. Марти, весь этот комплекс находок был связан с жилой постройкой, разрушенной не позднее X в. [Марти, 1928, с. 4-5]. К сожалению, разведочный характер работ, в совокупности с краткостью их описания и при отсутствии иллюстративного материала в единственной публикации, не позволяют объективно интерпретировать их результаты. Тем не менее, на основании находок монет Иоанна Цимисхия И. А. Баранов предположил, что на месте городища находилось салтово-маяцкое поселение, выделенного им III хронологического этапа, и, таким образом, отнес его к середине IX-X вв. [Баранов, 1990, с. 21, рис. 1, 13]. Следы поселения VIII – первой половины X вв. на городище удалось проследить только в конце 40-х – начале 50-х гг. прошлого столетия, когда на его территории были проведены работы Киммерикской экспедиции КИАМ и ИИМК (1947-1951 гг.). По мнению И.Т. Кругликовой, возглавившей в 1950-1951 гг. Киммерикскую экспедицию, на территории городища находилось поселение VIII-IX вв., в пользу чего свидетельствовали немногочисленные находки рифленых салтово-маяцких горшков [Кругликова, 1952, с. 57]. Спустя несколько десятилетий подъемный материал этого же времени, включая фрагменты причерноморских амфор, был собран на территории городища в ходе разведок ЮБАЭ [Голенко, 2007, рис. 16а, 16-21].

24. Поселение (усадьбы?) на северном склоне г. Опук (рис. 3,24). Расположено на террасированном склоне горы, сформированном древним стабильным сложным оползнем. В 1950-1951 гг. северные склоны г. Опук обследовала И.Т. Кругликова, но следов использования террас в эпоху раннего средневековья не зафиксировала [Кругликова, 1958, с. 223]. Спустя четыре десятилетия северный склон был обследован ЮБАЭ. Среди собранного на террасах разновременного подъемного материала присутствовала немногочисленная керамика VIII – первой половины X вв., в том числе причерноморские амфоры. По мнению В.К. Голенко, северный склон стали осваивать не позднее рубежа VI-V вв. до н. э., но спланированные еще в античное время террасы в раннее средневековье могли вновь использовать не только под приусадебные участки, но и для возведения построек [Голенко, 1994, с. 77; Голенко, 2007, с. 166-167, 170, 171, табл. II.4.J].

25. Поселение «Плато» (рис. 3,25). Расположено в 0,1 км к западу от оборонительной стены цитадели¹⁴ на плато г. Опук. На территории поселения разведками ЮБАЭ зафиксированы следы 8 двух-трехкамерных построек площадью

¹⁴ Возведение цитадели В.К. Голенко относит ко времени не ранее первой половины IV в., а гибель связывает с военными конфликтами на Боспоре в конце первой трети VI в. [Голенко, 1999а, с. 44-48; Голенко, 1999б, с. 38; Голенко, 2007, с. 264].

от 65 до 245 кв. м и зольный холм. Подъемный материал разделен В.К. Голенко на три хронологические группы: конец II-IV вв., IV-VI вв. и VIII-X вв. Наиболее поздняя керамика представлена причерноморскими амфорами и салтово-маяцкой посудой [Голенко, 2007, с. 234, рис. 20]. Возможно, с этим же поселением связаны находки керамики VIII — первой половины X вв. из поверхностного слоя заполнения помещения казарм, откуда происходят единичные фрагменты причерноморских амфор и поливной посуды [Голенко, 2007, рис. 34, 1, 28].

26. Поселение «над источником» (рис. 3,26). Обнаружено П.А. Дюбрюксом между 1817 г. и 20-ми гг. XIX в., но рассматривалось им как составная часть античного городища Киммерик [Дюбрюкс, 1858, с. 72; Голенко, 2007, с. 52]. В 1947 г. исследовалось Киммерикской экспедицией Сектора античной археологии ИИМК АН СССР и КИАМ под руководством И.Б. Зеест [Зеест, 1948, с. 55]. В 1989-1990 гг. комплексные исследования на поселении проведены ЮБАЭ. Поселение расположено в небольшой котловинообразной долине на южном склоне г. Опук. Остатки построек, зафиксированные на площади 14 га, занимают дно котловины, ее склоны и отдельные террасы примыкающих к ней гряд. В котловине выявлены остатки не менее 25 огороженных усадеб, состоявших из нескольких, примыкавших друг к другу, построек. К северу и югу от котловины прослежено не менее 20 округлых в плане загонов для скота¹⁵. Примерно к половине из них примыкали прямоугольные постройки размерами от 6 × 16 м до 9 × 11 м, интерпретированные как стойла. В 1991 г. и 1995 г. на площади 220 кв. м частично раскопана одна из усадеб, состоявшая из двухкамерного дома, к которому с юго-запада примыкала хозяйственная постройка. Из культурного слоя и заполнения постройки происходит разнообразная керамика, в том числе фрагменты причерноморских амфор, высокогорлых кувшинов с плоской ручкой, ойнохой баклинского типа, лощеных сосудов и салтово-маяцких горшков. Поселение датировано В.К. Голенко второй четвертью IX — первой половиной X вв. [Голенко, Джанов, 2002, с. 76-78; Голенко, 2007, с. 234-241, рис. 103-111]¹⁶.

¹⁵ Впервые эти сооружения упоминаются П.А. Дюбрюксом, принявшим их за остатки круглых античных башен: «Все пространство между некрополисом и морем наполнено фундаментами круглых зданий более или менее значительных размеров, имевших 2, 3 и даже 4 сажени в диаметре» [Дюбрюкс, 1858, с. 72]. В 1852 г. схематический план поселения нанесен на карту военного топографа подполковника Рябова [Голенко, Джанов, 2002, с. 76]. Размеры кольцевых загонов (от 4-5 до 40 м) приведены в кратком отчете о разведочных работах 1947 г. И.Б. Зеест. Здесь же исследовательница указала на их внешнее сходство с круглыми сооружениями — «каменными кругами» на некрополе Илурата, но воздержалась от каких-либо предварительных выводов относительно назначения этих объектов [Зеест, 1948, с. 55]. Еще две кольцевые постройки размерами 23,25 × 23,50 м и 7,25 × 7,50 м обнаружены недалеко от позднеантичной усадьбы на южном склоне г. Опук [Голенко, 2007, с. 229-230]. По мнению В.К. Голенко, такое количество загонов можно объяснить специализацией хозяйств по производству товарного мяса [Голенко, 2007, с. 265].

¹⁶ В кратких отчетах о работах ЮБАЭ в 1989-1992 гг. поселение датируется VIII-IX вв.

27. Поселение «под источником» (рис. 3,27). Обнаружено разведками ЮБАЭ. Расположено на береговой террасе ниже действующего источника у мыса Опук. Среди подъемного материала встречаются фрагменты причерноморских амфор, столовой керамики и салтово-маяцких горшков [Голенко, 1995, с. 140; Голенко, 2007, с. 197, 198, 241, рис. 73, 18-24]. На поверхности прослеживаются остатки постройки площадью до 35 кв. м, стены-ограды и подпорная стена дороги. В балке находятся каптированный источник и два колодца, сооруженные или реконструированные в раннесредневековое время¹⁷. Подъемный раннесредневековый материал представлен фрагментами причерноморских амфор [Голенко, 2007, с. 197-198]. С юга к поселению примыкает береговая терраса, на краю которой обнаружены остатки небольшой усадьбы — усадьба «под источником». На дневной поверхности прослеживаются остатки двух построек, стены-ограды и подпорной стены дороги. Подъемный материал представлен немногочисленными фрагментами причерноморских амфор, столовой посуды и салтово-маяцких горшков [Голенко, 2007, с. 241, рис. 6; 112; 113].

28. Усадьба в бухте Восточная 1 (рис. 3,28). Обнаружена разведками ЮБАЭ. Расположена в котловине бухты, в 0,1 км к ВЮВ от источника. На восточном склоне котловины, со следами антропогенного террасирования, прослеживается двух или трехкамерная постройка, кладки которой сохранились на высоту 1-2 рядов камней. Немногочисленный подъемный материал относится к VIII-X вв. [Голенко, 2007, с. 242].

29. Усадьба в бухте Восточная 2 (рис. 3,29). Обнаружена разведками ЮБАЭ. Расположена в соседней бухте, восточнее предыдущей усадьбы на приморском склоне. На небольшой террасе зафиксированы остатки постройки площадью до 35 кв. м. В центральной части бухты прослежены следы искусственного террасирования и подпорных стен. Среди немногочисленного подъемного материала преобладают фрагменты причерноморских амфор [Голенко, 2007, с. 242].

30. Усадьба (?) в бухте Восточная 3 (рис. 3,30). Обнаружена разведками ЮБАЭ. Расположена к востоку от бухты Восточная 2. На дневной поверхности у края обрыва зафиксированы остатки стен постройки, по мнению В.К. Голенко, салтовской усадьбы, сооруженной на месте античной. На западном краю

[Голенко, 1994, с. 78; Голенко, 1995, с. 140]. А.В. Сазанов и Ю.М. Могаричев относят его гибель ко времени не позднее второй половины (середины-60-х гг.) IX в. [Могаричев, Сазанов, Шапошников, 2007, с. 153-154; Сазанов, Могаричев, 2008, с. 582-584].

¹⁷ Реконструкция колодцев, по мнению В.К. Голенко, заключалась в расширении шахты и горловины, благодаря чему резервуар-накопитель принимал грушевидную форму. Античные колодцы, конструкция которых со временем не претерпела изменений, отличались шахтой, которая имела практически вертикальные стенки [Голенко, 2007, с. 253-254, 265].

бухты выявлены следы каменных оград. Среди подъемного материала преобладают фрагменты причерноморских амфор [Голенко, 2007, с. 242-243].

31. Усадьба в бухте Восточная 6 (рис. 3,31). Обнаружена разведками ЮБАЭ. Расположена к востоку от холма «А». На северо-западном склоне впадающей в бухту балки прослежены остатки каменной ограды усадьбы, представляющей собой трех или четырехкамерную постройку площадью около 100 кв. м. Подъемный материал представлен фрагментами причерноморских амфор [Голенко, 2007, с. 243]¹⁸.

32. Поселение Чауда (рис. 4,32). Нанесено на карты памятников Крыма VII-X вв., опубликованные А.В. Гадло и И.А. Барановым [Гадло, 1968а, с. 60, пункт 81; Баранов, 1981, рис. 1; Баранов, 1990, рис. 1, № 44]. Обследовано в 2005-2006 гг. А.В. Гавриловым, В.К. Голенко, А.Л. Ермолиным и П.Г. Столяренко [Гаврилов, 2008а, с. 375-376, № 116; Гаврилов, 2008б, с. 140-141, № 15; Гаврилов, Голенко, Ермолин, Столяренко, 2006, с. 145, 149, рис. 2]. Раннесредневековый подъемный материал, включая стенки причерноморских амфор с бороздчатым и мелким зональным рифлением, венчик сероглиняного лощеного сосуда и фрагменты стенок и днища салтово-маяцких горшков, встречается на плато мыса и на берегу залива в 0,2 км западнее и юго-западнее Чаудинского маяка, а также вокруг его сооружений.

33. Монета из окрестностей пос. Черноморское (рис. 4,33). В одной из рукописей Е.Е. Люценко содержится запись о находке в 1873 г. в «12 верстах» от с. Дюрмень (на некоторых картах с. Дурмень, современный пос. Черноморское), близ античного городища на мысу Чауда, византийской золотой монеты императора Константина V Копронима (741-745) [Якобсон, 1958, с. 477; Кропоткин, 1967, с. 33, № 205].

34. Поселение Прудниково I (рис. 3,34). Открыто в 1960 г. В.В. Веселовым. Расположено в 2,2 км к юго-востоку от с. Прудниково (до 1948 г. с. Кенегез). Остатки древних построек прослеживаются в виде развалов камней, вытянувшихся наподобие длинной полосы. Среди находок В.В. Веселов отметил амфоры и черепицу IV-III вв. до н.э., а также раннесредневековую и позднесредневековую керамику [Веселов, 2005, с. 59, 154, № 449; Кругликова, 1975, № 120]. В окрестностях села, возможно, находится еще одно поселение, открытое в 1959 г. Крымской экспедицией ИА АН УССР, но точными данными о его местоположении мы не располагаем [Лесков, Збеневич, 1962, с. 270].

¹⁸ Вероятно, еще одна усадьба находилась на мысе Опук, на террасе которого были обнаружены следы надела и раннесредневековой постройки [Голенко, 2007, рис. 6,25].

35. Поселение Пташкино – I (рис. 5,35). Обнаружено в 1961 г. В.В. Веселовым [Веселов, 1961-1962, с. 21-24, № VI; Веселов, 2005, с. 59, 157, № 486]. Нанесено на археологическую карту памятников VII-X вв. А.В. Гадло и И.А. Барановым [Гадло, 1968а, с. 60, № 59; Баранов, 1990, рис. 1,14]. Расположено в 0,8 км к югу от с. Пташкино (бывшее с. Джелькеджи-Эли) на восточном берегу балки Шакалар (Шаклар). Занимает край низменной равнины, прикрытой с севера холмистой грядой. Площадь поселения не менее 15-16 га. В 1962-1963 гг. поселение обследовано А.В. Гадло [Гадло, 1962, с. 8-10; Гадло, 1963, с. 1,7-8] и осмотрено в 1963 г. А.Л. Якобсоном [Якобсон, 1970, с. 28, пункт 70]. На территории поселения А.В. Гадло были зафиксированы 10 вытянутых двумя рядами в направлении с севера на юг всхолмлений, представляющих собой остатки построек. Расстояние между ними составляло 70-100 м. К юго-востоку от них прослеживаются зольники, диаметр которых варьировался в пределах 15-30 м, а высота достигала 0,50 м. Подъемный материал представлен большим количеством фрагментов раннесредневековой керамики, в том числе пифосов, причерноморских амфор, лощеной посуды и салтово-маяцких горшков. Здесь же В.В. Веселовым впервые на Керченском полуострове найден обломок котла с внутренними ручками-ушками.

В 1964 г. А.В. Гадло заложил на поселении несколько шурфов и два раскопа [Гадло, 1980, с. 130-145]. На раскопе II были открыты строительные остатки трех строительных периодов. К первому строительному периоду исследователь отнес полуземлянку и хозяйственную яму. Ко второму периоду – трехнефную базилику с тремя апсидами, функционировавшую, по мнению А.В. Гадло, с середины и до конца VIII (начала IX) в. После разрушения храма его северный неф превратили в «склад» для амфор, который использовался по назначению вплоть до гибели поселения. С третьим – заключительным периодом поселения А.В. Гадло связал хозяйственный комплекс, устроенный после разрушения «склада» за апсидами храма и в его южном нефе. Однако такая последовательность противоречит его предыдущему выводу, согласно которому верхняя хронологическая граница амфор из «склада» совпадает по времени с гибелью поселения. Более того, в своей публикации А.В. Гадло неоднократно повторяет, что храм мог быть не достроен, то есть не использовался по своему прямому назначению. Иными словами, выстроенная им хронологическая схема уже изначально была гипотетичной. Именно поэтому она неизбежно стала предметом дискуссий [Айбабин, 1999, с. 207-208; Могаричев, Сазанов, Шапошников, 2007, с. 111-114].

36. Поселение Пташкино – II (рис. 5,36). Обнаружено в 1961 г. В.В. Веселовым. Расположено в 1 км к востоку от гипсового карьера, в 0,35 км к северо-востоку от поселения Пташкино (№ 35) и 0,15 км к югу от прикрывающей его с севера холмистой гряды [Веселов, 2005, с. 59, 157, № 487]. В полевом дневнике В.В. Веселова

за 1961-1962 гг. ему соответствует поселение VI (а), занимающее небольшой холм, на поверхности которого, помимо амфор IV в. до н. э. и позднесредневековой посуды, обнаружены обломки причерноморских амфор [Веселов, 1961-1962, с. 24].

37. Поселение Пташкино – III (рис. 5,37). Обнаружено в 1962 г. В.В. Веселовым и охарактеризовано им как небольшое раннесредневековое поселение. Расположено в 0,8 км к юго-западу от с. Пташкино [Веселов, 2005, с. 165, № 565].

38. Плитовый могильник у с. Пташкино (рис. 5,38). Обнаружен в 1961 г. В.В. Веселовым [Веселов, 1961; Веселов, 1961-1962, с. 24, № VII; Веселов, 2005, с. 59-60, 158, № 488]. Расположен в 0,7 км к западу от поселения Пташкино, на котором в 1964 г. провел раскопки А.В. Гадло. Занимает вершину и восточный склон возвышенности к западу от балки Шакалар. В 50-е – 60-е годы могильник был практически полностью уничтожен гипсовым карьером. Судя по схеме из дневника В.В. Веселова, к началу 60-х гг. уцелели лишь небольшие его участки к северо-западу и северо-востоку от карьера. Из некоторых разрушенных погребений рабочими карьера В.В. Веселову были переданы 7 круглых и продолговатых бусин из стеклянной пасты, халцедона и сердолика, прорезная подвеска и серьги из белого металла и другие украшения со вставками из полудрагоценных камней и стекла [Веселов, 2005, с. 59; Гадло, 1963, рис. 7-8]. Среди подъемного материала, собранного на территории могильника, В.В. Веселов отметил фрагменты причерноморских амфор. В 1962 г. у подошвы возвышенности в балке на берегу ставка А.В. Гадло обследовал полуразрушенную плитовую могилу, но костяка и погребального инвентаря в ней не оказалось. В 30 м к западу от нее он раскопал хозяйственную яму, на дне которой были найдены фрагмент ротационного жернова, обломки салтово-маяцкого горшка и причерноморской амфоры [Веселов, 1961; Гадло, 1963, с. 8; Гадло, 2004, с. 107-108].

39. Поселение Тамарино (рис. 5,39). Открыто в 1960 г. Д.Л. Талисом и В.В. Веселовым. Расположено в 0,35 км к северу от ныне несуществующего с. Тамарино (бывшее с. Бикеч). На восточном склоне возвышенности, по которой проходит Узунларский вал, а также в 50 м к востоку от нее, на размытых участках полевой дороги и вспаханном поле прослежены скопления раннесредневековой керамики. Площадь ее распространения 30 × 120 м. Среди подъемного материала преобладали фрагменты причерноморских амфор и салтово-маяцких горшков. Отмечен также обломок венчика высокогорлого кувшина с плоской ручкой [Талис, 1960, с. 25-26, табл. XVIII, 1-5; Веселов, 2005, с. 58, 153, № 446; Баранов, 1990, рис. 1,22].

40. Поселение Тамарино I (рис. 5,40). Открыто в 1960 г. В.В. Веселовым. Расположено в 0,3 км к северо-востоку от с. Тамарино. Занимает восточный склон небольшой возвышенности и частично распахан. Среди подъемного

материала преобладают фрагменты амфор IV-III вв. до н. э. и позднесредневековая посуда. Раннесредневековая керамика представлена немногочисленными фрагментами причерноморских амфор и салтово-маяцких горшков [Веселов, 2005, с. 58, 153, № 444; Кругликова, 1975, № 110].

41. Поселение Холмогорка I (рис. 6,41). Открыто в 1960 г. В.В. Веселовым. Расположено в 150 м к юго-западу от ныне несуществующего села Холмогорка (бывшее с. Крым-Шибань, Харцыз-Шибань). Среди подъемного материала преобладает позднесредневековая и раннесредневековая керамика [Веселов, 2005, с. 83-84, 145, № 353; Кругликова, 1975, № 250].

42. Поселение Холмогорка II (рис. 6,42). Открыто в 1960 г. В.В. Веселовым. Расположено в 0,6 км к северо-востоку от с. Холмогорка. Занимает южный и восточный склоны небольшого отрога на южном склоне Парпачского хребта. Площадь распространения подъемного материала, преимущественно IV-III вв. до н. э. и раннесредневекового времени, определена В. В. Веселовым в пределах 3,5-4,0 га [Веселов, 2005, с. 145, № 355; Кругликова, 1975, № 251].

43. Поселение Кирово (рис. 7,43). Открыто в 1959 г. В.В. Веселовым и включено в список памятников VII-X вв. А.В. Гадло. Расположено на западной окраине с. Кирово (бывшее с. Войковштадт) на южном склоне возвышенности [Веселов, 2005, с. 126, № 176; Гадло, 1968а, с. 60, № 80]. На карте И.А. Баранова поселение Кирово (№ 43) помещено на берегу Азовского моря к востоку от с. Каменское [Баранов, 1990, рис. 1,43], и, таким образом, его местоположение не соответствует действительности. Среди подъемного материала преобладает раннесредневековая керамика, в том числе обломки причерноморских амфор и салтово-маяцких горшков. Отмечены единичные фрагменты поливной керамики [Веселов, 2005, с. 65, рис. 142-144].

44. Поселение Батальное II (рис. 8,44). Открыто в 1959 г. В.В. Веселовым. Расположено в 4 км к юго-западу от с. Батальное (бывшее с. Арма-Эли) близ небольшого искусственного ставка. Подъемный материал представлен многочисленными фрагментами раннесредневековой керамики, преимущественно амфорами причерноморского типа [Веселов, 2005, с. 66-67, 127, № 181; Кругликова, 1975, № 243].

45. Поселение Батальное (рис. 8,45). Открыто в 1959 г. В.В. Веселовым. Расположено в 4,5 км к юго-западу от с. Батальное. Среди немногочисленного подъемного материала, преимущественно обломков античных амфор и лепной посуды, встречаются фрагменты причерноморских амфор [Веселов, 2005, с. 67, 127, № 182].

Таким образом, на археологическую карту южной части Керченского полуострова предварительно можно нанести не менее 44 памятников VIII – первой половины X вв. Для четырех из них (№№ 19, 26, 35, 38) датировку подтверждают археологические комплексы и напластования этого времени. Для остальных памятников, на которых пока еще не проводились стационарные исследования, указанные хронологические рамки подтверждены подъемным материалом только для 31 поселений. Предварительно к этой же группе, на основании пока еще не проверенных данных разведок В.В. Веселова и М.М. Кубланова, мы относим еще 9 памятников (№№ 3,4,13,14,34,37,41,42,43), но окончательно включить их можно лишь после дополнительных исследований.

Рассмотренные памятники имеют ряд топографических особенностей. Большая часть из них, в том числе 28 поселений и отдельных усадеб, а также 1 плитовый могильник, находятся на юго-восточной оконечности полуострова. Но и они распределены неравномерно, концентрируясь в районах, физико-географические условия которых были наиболее благоприятны для проживания и хозяйственной деятельности. К ним относятся гора Опук, на склонах и вершине которой выделено 9 поселений и отдельных усадеб с кольцевыми загонами для скота, балка Чикграл-Джилга и окрестности с. Марьевка. Перспективными в этом отношении остаются районы, примыкающие с юга и запада к Тобечикскому озеру¹⁹, долина Кыз-Аульского маяка, балка Камыш-Джилга и Чебакская балка. Положительные результаты, несомненно, дадут дополнительные исследования г. Опук, не все раннесредневековые памятники которой еще выделены в самостоятельные объекты. Внешние следы некоторых из них настолько аморфны, что дальнейшее их изучение возможно только с проведением раскопок [Голенко, 2007, с. 188, 243].

Территории, лежащие к западу от Параболического гребня, были освоены гораздо хуже, чему препятствовали отсутствие пригодных для обработки почв и недостаток пресной воды²⁰. К тому же они до сих пор остаются «белым пятном» на археологической карте полуострова. Немногие работавшие в этом отдаленном районе исследователи, как правило, ограничивались радиальными маршрутами в ближайших окрестностях сел, что хорошо отражает состояние современной археологической карты. Новый качественный этап в изучении этого региона возможен лишь при условии реализации многолетних и комплексных программ исследований.

К 40-м гг. X в. степные районы Восточного Крыма, включая и Керченский полуостров, были покинуты оседлым населением [Пономарев, 2004, с. 167-168], а со второй половины X в. оказались под контролем печенегов, а затем половцев

¹⁹ Еще в конце XVIII в. П.С. Паллас отмечал вокруг озера «изобилие источников и дождевых оврагов» [Паллас, 1999, с. 145].

²⁰ Такая же ситуация наблюдается в античное время [Кругликова, 1975, с. 278, рис. 100; 101; Зинько, 1991, с. 42].

[Константин Багрянородный, 1989, гл. 37, с. 157; Айбабин, 2003, с. 74], следы пребывания которых прослежены в виде редких впускных захоронений и нескольких каменных изваяний [Гадло, 1968а, с. 64; Пономарев, 2004б, с. 165; Бессонова, 1971, с. 59-60; Артеменко, 2008, с. 51-60]. В юго-восточной части Керченского полуострова одно из кочевнических погребений раскопано Ю.Ю. Марти в кургане на гряде к северо-востоку от деревни Чекур-Кояш [Марти, 1928, с. 6]. Другое погребение обнаружено в засыпи разрушенного и ограбленного склепа на Кыз-Аульском некрополе [Голенко, 2007, с. 222-223]. Поселений, которые можно было бы датировать второй половиной X-XIII вв., обнаружить пока не удалось. В качестве исключения можно лишь упомянуть монеты Иоанна Цимисхия с городища Киммерик [Марти, 1928, с. 4-5], но, к сожалению, эта уникальная находка вырвана из археологического контекста. Наличие нескольких «мелких хозяйств» IX-XII вв. на западном склоне Опука не исключал В.К. Голенко, но каких-либо аргументов в пользу этого не привел [Голенко, 2007, с. 265]. Оседлым населением Керченский полуостров был вновь освоен только к концу XIII-XIV вв. [Якобсон, 1958, с. 500; Бочаров, 2001, с. 161] Этим же временем могут быть датированы и наиболее ранние позднесредневековые поселения его юго-восточной части.

ЛИТЕРАТУРА

- Айбабин А.И.* Этническая история ранневизантийского Крыма. – Симферополь, 1999.
- Айбабин А.И.* Крым в X — первой половине XIII вв. Степь и Юго-Западный Крым // Крым, Северо-Западное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья IV-XIII вв. - М., 2003.
- Артеменко Е.Д.* Половецкие изваяния из фондов Керченского заповедника // Научный сборник Керченского заповедника. - Вып. 2. - Керчь, 2008.
- Баранов И.А.* Некоторые итоги изучения тюрко-болгарских памятников Крыма // Плиска-Преслав. - № 2. – София, 1981.
- Баранов И.А.* Грунтовые могильники второй половины VII-X вв. в Крыму // Проблемы на прабългарската история и култура. – София, 1989.
- Баранов И.А.* Таврика в эпоху раннего средневековья (салтово-маяцкая культура). – К., 1990.
- Бессонова С.С.* Раскопки курганов у с. Золотое на Керченском полуострове // Археологические исследования на Украине в 1968 г. - Вып. III. - К., 1971.
- Бочаров С.Г.* Заметки по исторической географии генуэзской Газарии XIV-XV веков // 175 лет Керченскому музею древностей. Материалы межд. конф. – Керчь, 2001.
- Вахрушев И.Б.* Роль карстовых конденсационных вод в водном хозяйстве античных и средневековых поселений Керченского полуострова // Культура народов Причерноморья. - № 10. – Симферополь, 1999.
- Веселов В.В.* Разведки 1956 г. Дневник // Рукопись.
- Веселов В.В.* Разведки на Керченском полуострове 1957 г. Дневник // Рукопись.
- Веселов В.В.* Крупное средневековое поселение // «Знамя коммунизма». – 3. 08. 1961. - № 196.
- Веселов В.В.* Разведки 1961-1962 гг. Дневник // Рукопись.
- Веселов В.В.* Ранние славяне на Керченском полуострове // «Знамя коммунизма». - 8. 04. 1962. - № 70.

- Веселов В.В. Из средневековой истории Керченского полуострова // Архив автора. Рукопись, 1965.
- Веселов В.В. Сводная ведомость результатов археологических разведок на Керченском и Таманском полуостровах в 1949-1964 гг. // ДБ. – Supplementum. – II. – М., 2005.
- Вечерухин В.М., Мельников А.В., Смекалов С.Л. Сравнительная оценка основных источников материалов для составления археологической карты Восточного Крыма // БИ. – Вып. XVI. – Симферополь-Керчь, 2007.
- Гаврилов А.В., Голенко В.К., Ермолин А.Л., Столяренко П.Г. Разведки на мысе Чауда и его окрестностях // ДБ. – Т. 10. – М., 2006.
- Гаврилов А.В. Средневековые памятники Юго-Восточного Крыма (материалы к археологической карте) // Сугдейский сборник. – Вып. III. – К.; Судак, 2008а.
- Гаврилов А.В. Поселения раннего средневековья в Юго-Восточном Крыму (материалы к археологической карте) // БИАС. – Вып. 3. – Симферополь, 2008б.
- Гаврилов А.В. Первые результаты археологической разведки в окрестностях мыса Чауда и озера Качик на Керченском полуострове // Причерноморье. История, политика, культура. Вып. III. Серия А. Античность и средневековье. Избранные материалы Международных научных конференций «Лазаревские чтения». - Севастополь, 2010.
- Гадло А.В. Отчет о работе средневекового археологического отряда ЛГУ на территории Керченского полуострова в 1962 году // НА КГИКЗ. – Оп. № 2. – Ед. хр. № 347.
- Гадло А.В. Отчет о работе средневекового отряда Ленинградского ордена Ленина Государственного университета им А.А. Жданова на территории Керченского полуострова в 1962 году. - Л., 1963 // НА ИА НАНУ. – Ф. е. 3955.
- Гадло А.В. Проблема Приазовской Руси и современные археологические данные о Южном Приазовье VIII-X вв. // Вестник Ленинградского университета. Серия «История». - Вып. 3. - июль. - 1968а.
- Гадло А.В. Раннесредневековое селище на берегу Керченского пролива (по материалам раскопок 1963 г.) // КСИА. – Вып. 113. – 1968б.
- Гадло А.В. Этнографическая характеристика перехода кочевников к оседлости (по материалам Восточно-Крымской степи и предгорий VIII-X вв.) // Этнография народов СССР. - Л., 1971.
- Гадло А.В. К истории Восточной Таврики VIII-X вв. // Античные традиции и византийские реалии. – АДСВ. - Вып. 17. - Свердловск, 1980.
- Гадло А.В. Предыстория Приазовской Руси. Очерки истории русского княжения на Северном Кавказе. – СПб., 2004.
- Гайдукевич В.Ф. Некрополи некоторых Боспорских городов (По материалам раскопок 1930-х годов) // МИА. - № 69. – 1959.
- Голенко В.К. Работы Южно-Боспорской экспедиции // Археологические исследования в Крыму. 1993 год. – Симферополь, 1994.
- Голенко В.К. Исследования Южно-Боспорской археологической экспедиции в 1992 г. // Крымский музей. - № 1/94 года. – Симферополь, 1995.
- Голенко В.К., Клюкин А.А. Работы Южно-Боспорской экспедиции // Археологические исследования в Крыму. 1994 год. – Симферополь, 1997а.
- Голенко В.К. Клюкин А.А. Обоснование организации природно-исторического заповедника на горе Опук в Ленинском районе Крыма // Археологический фактор в планировочной организации территории. - М., 1997б.
- Голенко В.К. К вопросу о времени сооружения «цитадели» на горе Опук // ХСб. – Вып. X. – Севастополь, 1999а.
- Голенко В.К. К вопросу о времени возникновения «цитадели» на плато горы Опук // VI чтения памяти профессора В.Д. Блаватского. Тез. докл. - М., 1999б.

- Голенко В.К., Джанов А.В. Раннесредневековое поселение на южном склоне горы Опук // Сугдея, Сурож, Согда в истории и культуре Руси-Украины. Материалы науч. конф. – К.: Судак, 2002.
- Голенко В.К. Основные этапы освоения горы Опук и ее окрестностей // Труды Никитского ботанического сада. - Т. 126. - 2006.
- Голенко В.К. Древний Киммерик и его округа. – Симферополь, 2007.
- Дзэнс-Литовская Н.Н. Географические условия формирования растительности и почв степного Крыма. – Л., 1956.
- Драган Н.А. Почвы окрестностей Опуцкого природного заповедника // Труды Никитского ботанического сада. - Т. 126. - 2006.
- Дюбрьюкс П. Описание развалин и следов древних городов и укреплений, некогда существовавших на европейском берегу Босфора Киммерийского, от входа в пролив близ Еникальского маяка до горы Опук включительно, при Черном море // ЗООИД. – Т. IV. – 1858.
- Зеест И.Б. Разведочные работы в Киммерике // КСИИМК. – Вып. XVII. – 1949.
- Зенкевич В.П. Берега Черного и Азовского морей. – М., 1958.
- Зинько В.Н. Об этносоциальной стратификации сельского населения европейской части Боспора в IV-II вв. до н. э. // МАИЭТ. – Вып. II. – Симферополь, 1991.
- Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю. Отчет о работе Боспорской охранно-археологической экспедиции в 1998 г. – Керчь, 1999 // НА КГИКЗ.
- Камеральное описание Крыма 1784 года // ИТУАК. - № 6. – 1886.
- Керчь и Керченский полуостров в годы войны. Справочные материалы. – Керчь, 1994.
- Клюкин А.А. Природа и разнообразие факторов среды территории Опуцкого природного заповедника // Труды Никитского ботанического сада. - Т. 126. - 2006.
- Константин Багрянородный Об управлении империй. - М., 1989.
- Котова И.Н. Флора и растительность Керченского полуострова // Труды Государственного Никитского Ботанического сада. – Вып. XXXV. – 1961.
- Кропоткин В.В. Клады византийских монет на территории СССР // САИ. – Вып. Е4-4. – 1967.
- Кругликова И.Т. Раскопки древнего Киммерика // АИБ. – Т. I. – Симферополь, 1952.
- Кругликова И.Т. Киммерик в свете археологических исследований 1947-1951 гг. // МИА. - № 85. – 1958.
- Кругликова И.Т. Сельское хозяйство Боспора. – М., 1975.
- Кубланов М.М. Археологические разведки в районе Коп-Такиля // КСИА. – Вып. 83. – 1961.
- Куликов А.В. Археологические разведки на городище Акра // Археологические исследования в Крыму 1994 год. – Симферополь, 1997.
- Лесков А.М., Збенович В.Г. Археологические разведки на Керченском полуострове в 1959 г. // АИБ – Т. II. – Симферополь, 1962.
- Марти Ю.Ю. О результатах работ экспедиции Керченского музея по обследованию городищ Киммерика, Китэя и Акры летом 1927 г. // Вторая конференция археологов СССР в Херсонесе 10 – 13 сентября 1927 г. - Севастополь, 1927.
- Марти Ю.Ю. Городища Боспорского царства к югу от Керчи (Киммерик, Китэя, Акра) // ИТОИАЭ. – Т. II (59). Отд. отд. – Симферополь, 1928.
- Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Шапошников А.К. Житие Иоанна Готского в контексте истории Крыма «хазарского периода». – Симферополь, 2007.
- Молев Е.А., Сазанов А.В. Позднеантичные материалы из раскопок Китэя // Вопросы истории и археологии Боспора. - Воронеж-Белгород, 1991.
- Молев Е.А. Общие итоги раскопок городища Китэя в 2004-2006 гг. // БИ. – Вып. XXI. – Симферополь-Керчь, 2009.
- Паллас П.С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным местностям Русского государства в 1793-1794 годах / Научное наследство. – Т. 27. – М., 1999.
- Подгородецкий П.Д. Крым: Природа. – Симферополь, 1988.

- Половицкий И.Я., Гусев П.Г.* Почвы Крыма и повышение их плодородия. – Симферополь, 1987.
- Пономарев Л.Ю.* Салтовское укрепление и святилище у с. Заветное // БИ. – Вып. III. - Симферополь-Керчь, 2003.
- Пономарев Л.Ю.* Биритуальный салтово-маяцкий могильник у поселка Эльтиген // БИ. - Вып. V. - Симферополь-Керчь, 2004а.
- Пономарев Л.Ю.* О населении Керченского полуострова во второй половине X – XIII вв. // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. Материалы II Судакской межд. науч. конф. - Ч. II. - К.: Судак, 2004б.
- Сазанов А.В., Могаричев Ю.М.* Крым и Хазария в конце VII – середине VIII вв. // ПИФК. – Вып. XVI. – М.: Магнитогорск, 2006.
- Сазанов А.В., Могаричев Ю.М.* К вопросу о времени прекращения хазарского присутствия в Крыму // ПИФК. - Вып. XXI. - М.: Магнитогорск, 2008.
- Сорочан С.Б.* Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X вв.). Очерки истории культуры. – Ч. 1. – Харьков, 2005.
- Талис Д.Л.* Отчет о работе Восточно-крымской экспедиции Государственного исторического музея в 1960 г. // НА ИА НАНУ. – Ф. е. 3548.
- Талис Д.Л.* Топонимы Крыма с корнем «рос-» // АДСВ. - Сб. 10. - Свердловск, 1973.
- Талис Д.Л.* Росы в Крыму // СА. - № 3. - 1974.
- Тункина И.В.* Русская наука о классических древностях Юга России (XVIII – середина XIX вв.). – СПб, 2002.
- Федосеев Н.Ф., Ермолин А.Л., Куликов А.В., Пономарев Л.Ю.* Жилой комплекс на Кыз-Аульском некрополе (Предварительное сообщение) // 175 лет Керченскому музею древностей. Материалы межд. конф. – Керчь, 2001.
- Федосеев Н.Ф., Пономарев Л.Ю.* К трактовке некоторых артефактов некрополей Восточного Крыма // Боспорский феномен: Погребальные памятники и святилища. Материалы Межд. науч. конф. – Ч. 1. – СПб., 2002.
- Федосеев Н.Ф.* Οίκος среди могил. // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Боспорские чтения. Οίκος. Сб. мат. конф. – Вып. VII. – Керчь, 2006.
- Шадрин Н.В., Найданова О.Г.* Донные цианобактерии в континентальных гиперсоленых озерах Крыма: предварительное сообщение // Экология моря. – Вып. 61. – 2002.
- Шелов-Коведяев Ф.В.* История Боспора в VI-IV вв. до н. э. // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1984 год. - М., 1985.
- Якобсон А.Л.* Раннесредневековые поселения Восточного Крыма // МИА. - № 85. – 1958.
- Якобсон А.Л.* Раннесредневековые сельские поселения Юго-Западной Таврики // МИА. - № 168. – 1970.
- Янсон Ю.* Крым, его хлебопашество и хлебная торговля / Труды экспедиции, снаряженной Императорским вольным экономическим и Русским географическим обществами для исследования хлебной торговли и производительности в России. - Т. II. - Вып. 1. - СПб., 1870.

Л.Ю. Пономарьов

ДО АРХЕОЛОГІЧНОЇ КАРТИ ПАМ'ЯТНИКІВ
VIII - ПЕРШОЇ ПОЛОВИНИ X ст. ПІВДЕННОЇ ЧАСТИНИ
КЕРЧЕНСЬКОГО ПІВОСТРОВА

Резюме

В статті узагальнено матеріали до археологічної карти пам'ятників VIII- першої половини X ст. південної частини Керченського півострова. При їх підготовці використувані результати польових досліджень Ю.Ю. Марти (1927, 1936 рр.), М.М. Кубланова (1956 р.), С.М. Бібікова, А.М. Ліскова, В.Г. Збеновича (1959 р.), В.В. Веселова (1956, 1960-1962 рр.), Д.Л. Таліса (1960 р.), А.В. Гадло (1962, 1964 рр.), В.К. Голенко (1989-1997 рр.), В.М. Зінько (1998 р.) та А.В. Гаврилова (2006 р.).

В результаті обробки архівних і опублікованих матеріалів на карту вдалося нанести 41 поселень і окремих садиб та двох плиткових могильників. Частина з них з ряду об'єктивних причин включена в цей список поки умовно. Серед випадкових знахідок слід відмітити монету Костянтина V Копроніма. За виключенням поселення у с. Пташкіно, поселення на Киз-Аульському некрополі та одного з поселень на північному схилі г. Опук, інші пам'ятники не розкопувались. Створення нової карти можливо при умові повної публікації архівних матеріалів і подальших комплексних досліджень на Керченському півострові.

Л. Ю. Пономарев

К АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТЕ ПАМЯТНИКОВ
VIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ X вв. ЮЖНОЙ ЧАСТИ
КЕРЧЕНСКОГО ПОЛУОСТРОВА

Резюме

В статье обобщены материалы к археологической карте памятников VIII – первой половины X вв. южной части Керченского полуострова. При их подготовке использованы результаты полевых исследований Ю.Ю. Марти (1927, 1936 гг.), М.М. Кубланова (1956 г.), С.Н. Бибилова, А.М. Лескова, В.Г. Збеновича (1959 г.), В.В. Веселова (1956, 1960-1962 гг.), Д.Л. Талиса (1960 г.), А.В. Гадло (1962, 1964 гг.), В.К. Голенко (1989-1997 гг.), В.Н. Зинько (1998 г.) и А.В. Гаврилова (2006 г.).

В результате обработки архивных и опубликованных материалов на карту удалось нанести 41 поселение и отдельных усадеб и 2 плитовых могильника. Часть из них по ряду объективных причин включены в этот список пока условно. Среди случайных находок следует отметить монету Константина V Копронима. За исключением поселения у с. Пташкино, поселения на Кыз-Аульском некрополе и одного из поселений на южном склоне г. Опук, остальные памятники не раскапывались. Создание новой карты возможно при условии полной публикации архивных материалов и дальнейших комплексных исследований на Керченском полуострове.

L. Yu. Ponomarev

TO THE ARCHAEOLOGICAL MAP OF THE MONUMENTS
OF THE SOUTHERN PART OF THE KERCH PENINSULA
DATED FROM THE 8th – THE FIRST HALF OF THE 10th cc.

Summary

Materials to the archaeological map of the monument of the southern part of the Kerch Peninsula dated from the 8th – the first half of the 10th cc. are summarized in the article. The results of field research of Yu. Yu. Marti (1927, 1936), M. M. Kublanov (1956), S. N. Bibikov, A. M. Leskov, V. G. Zbenovich (1959), V. V. Veselov (1956, 1960-1962), D. L. Talis (1960), A. V. Gadlo (1962, 1964), V. K. Golenko (1989-1997), V. N. Zinko (1998), and A. V. Gavrilov (2006) were used during preparation.

As a result, after processing of archival and published materials, forty one settlements and individual farmsteads, and two graves with slabs facing their walls have been mapped. Some of them are included in this list conditionally because of a number of objective reasons. A coin of Constantine V Copronymus should be noted among random finds. Except for the settlement near the village Ptashkino, a settlement in the Kiz-Aul necropolis, and a settlement on the southern slope of mount Opuk, other monuments have not been excavated. Creating a new map is possible under the condition of the complete publication of archival materials and further comprehensive research on the Kerch Peninsula.

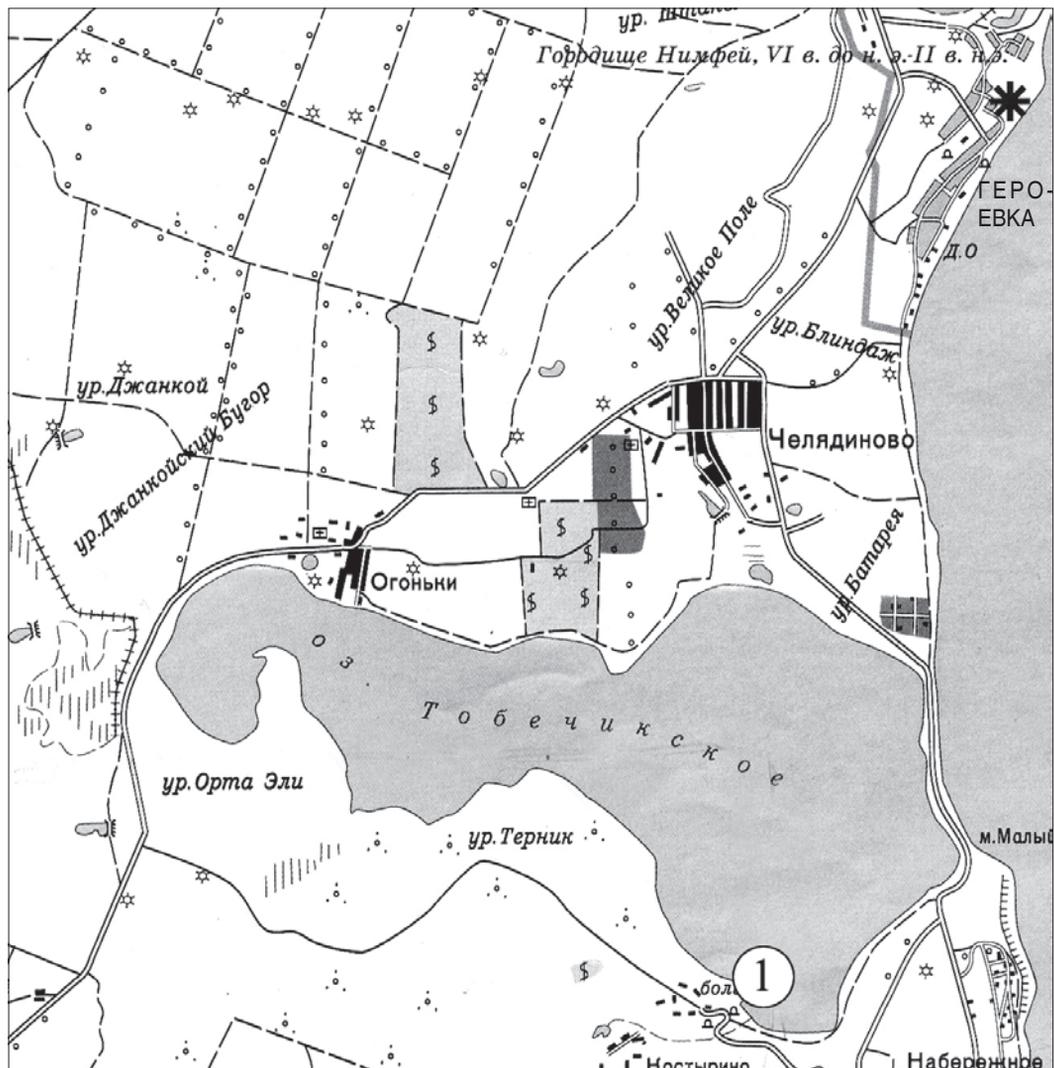

Рис.1

ОПУХСКИЙ ЗАПОВЕДНИК

ск. Корабль-Камень

Рис.3

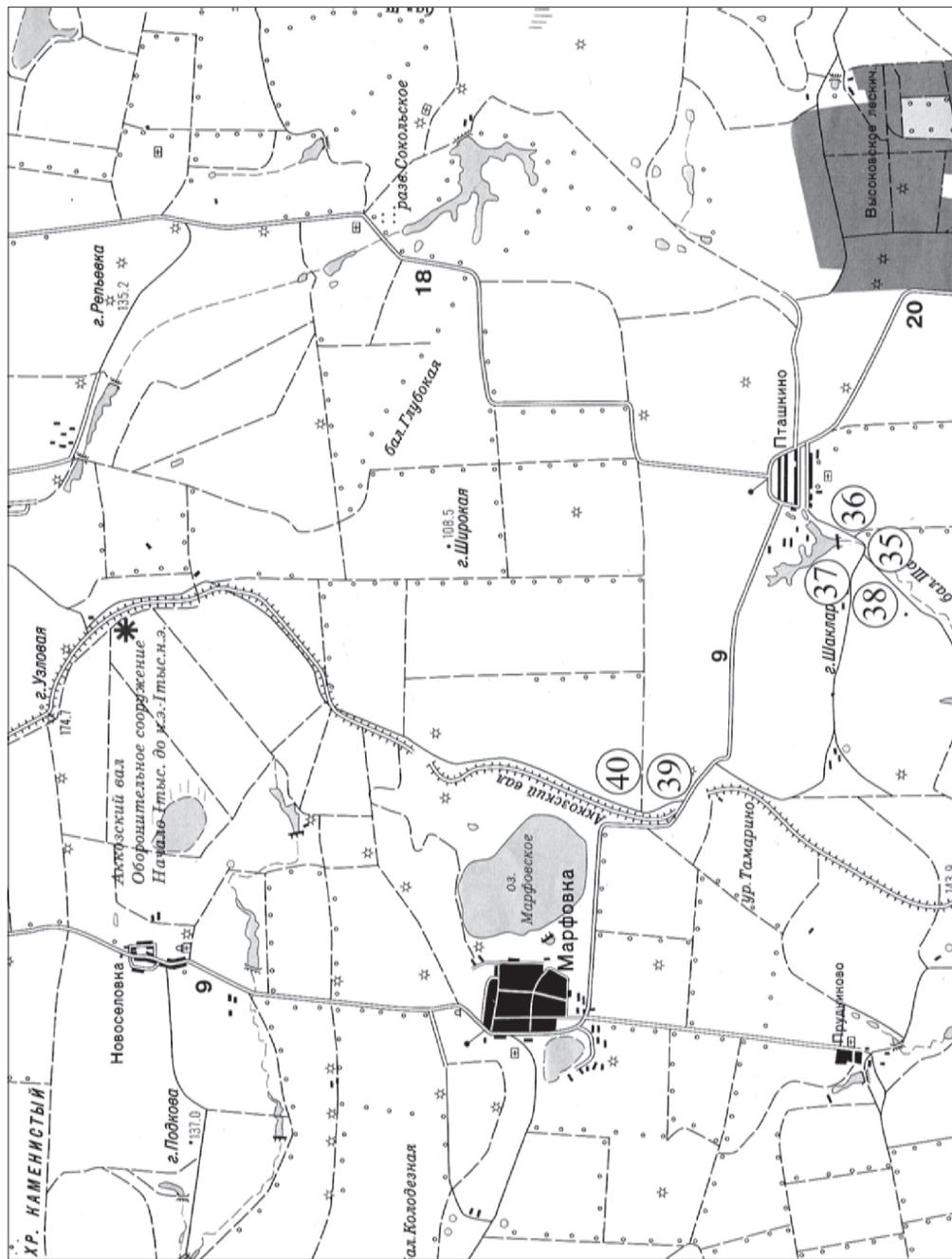

Рис.5

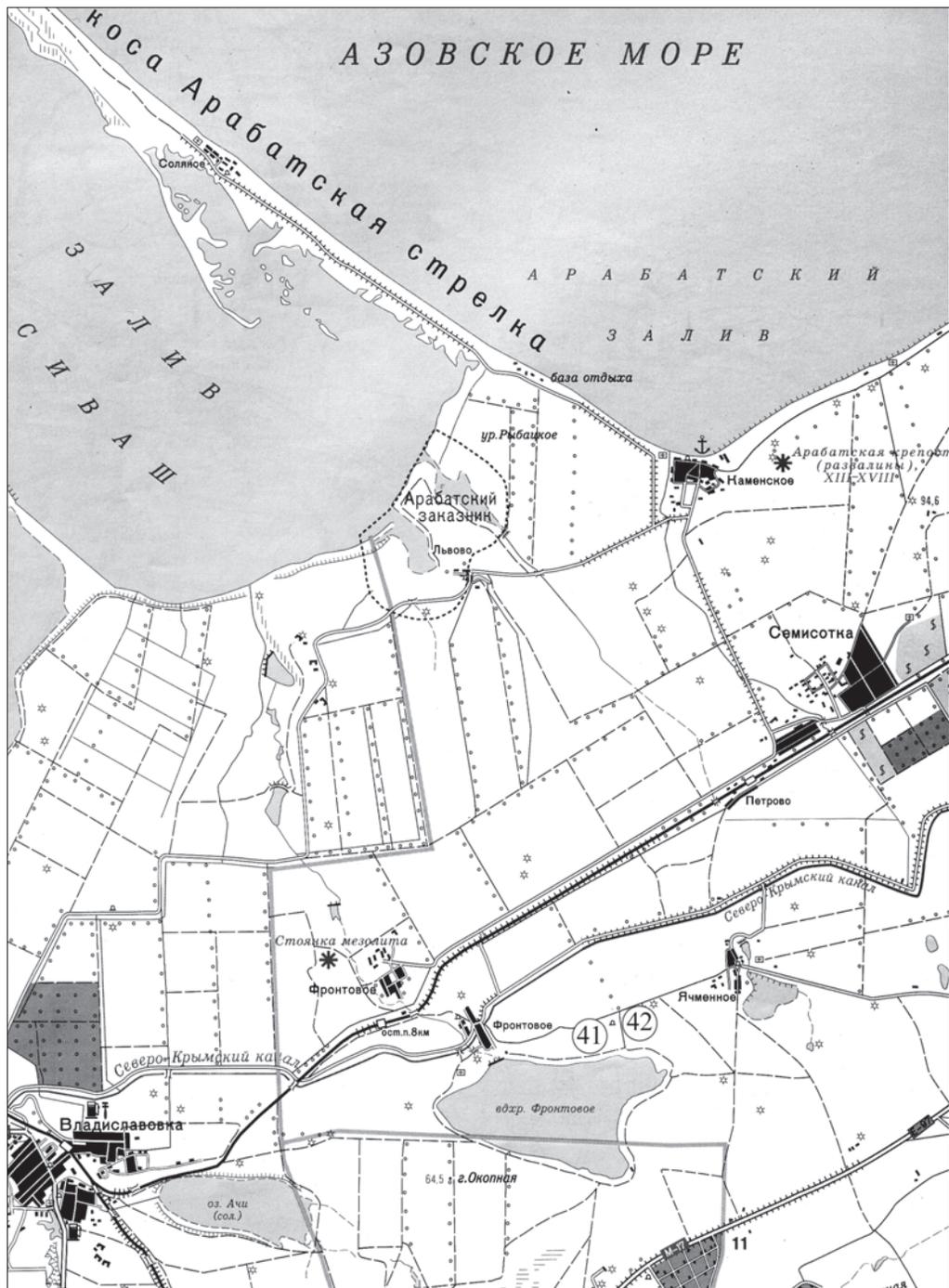

Рис.6

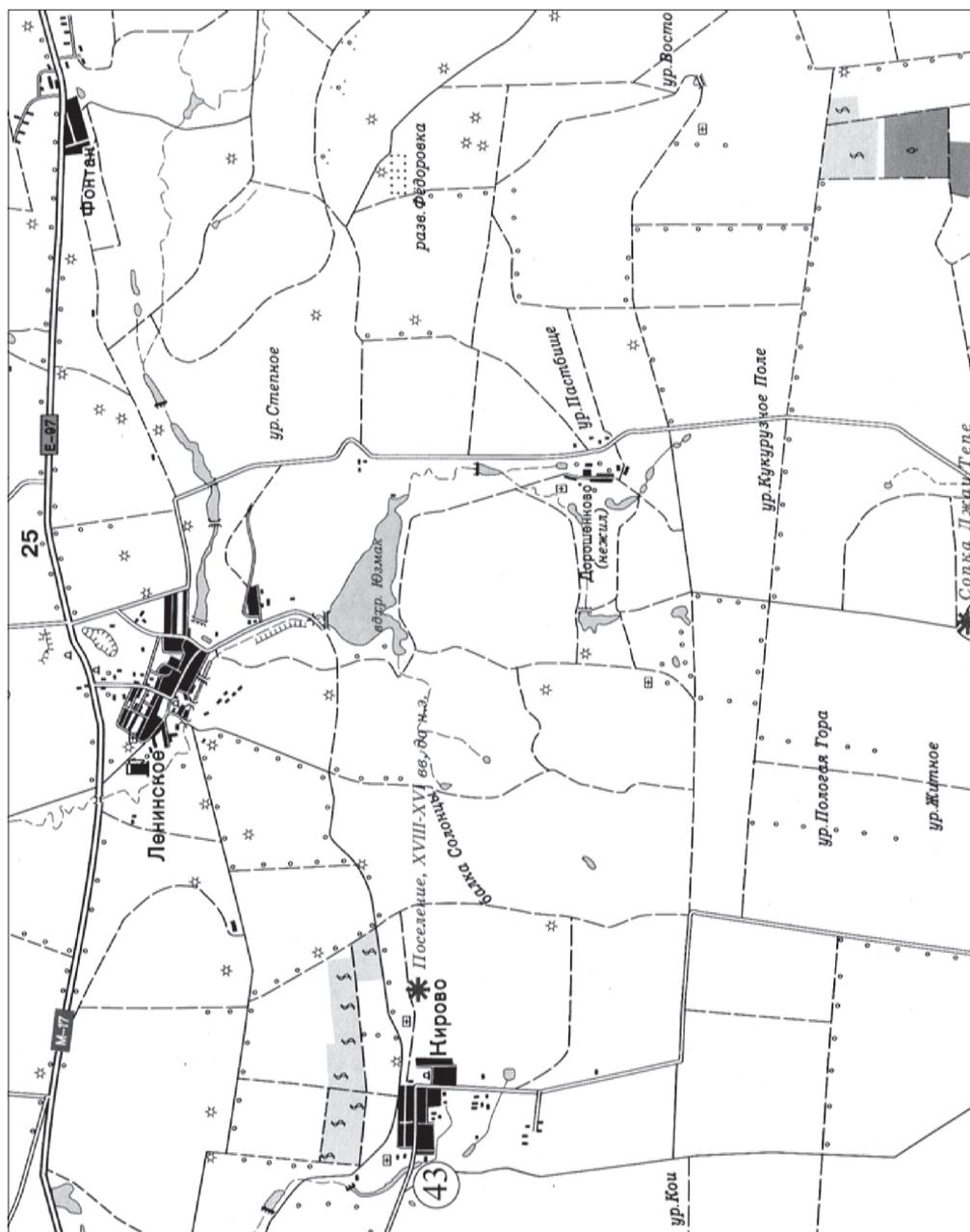

Рис.7

Рис.8

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АВ – Археологические вести. СПб.
АДУ – Археологічні дослідження на Україні
АО – Археологические открытия. Москва
АП УРСР – Археологічні пам'ятки УРСР. Київ
АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л.–СПб.
БИ – Боспорские исследования
БИАС – Бахчисарайский историко-археологический сборник
ВДИ – Вестник древней истории
ГМИИ – Государственный музей изобразительных искусств
ДБ – Древности Боспора
ИААСП – Исследования по античной археологии Северного Причерноморья. Киев
ИАИ – Известия на археологический институт при Болгарской Академии Наук
ИАК – Известия Императорской археологической комиссии
КСИА – Краткие сообщения Института археологии АН СССР
МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь.
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
НИКА – Нижегородские исследования по краеведению и археологии.
РА – Российская археология
СА – Советская археология
САИ – Свод археологических исследований
СГМИИ – Сообщения Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина
АА – Archäologisches Anzeiger
ВСН – Bulletin de Correspondance hellénique
BSA – Annual reports of the British School at Athens
CVA – Corpus vasorum antiquorum. Russia. Pushkin State Museum Fine Arts. Moskow. 1996.

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

<i>Зинько В.Н.</i> Эллинская колонизация Восточного Крыма	3
<i>Скржинская М.В.</i> Мифы о героях в античных государствах Северного Причерноморья	19
<i>Фиалко Е.Е.</i> Зеркала в обрядах скифов	79
<i>Глушек И.</i> Изображения Ариадны в аттической вазописи	95
<i>Молева Н.В.</i> Антропоморфные изваяния в боспорских городах: случайность или традиция?	114
<i>Молев Е.А.</i> О рыболовстве в Китае	123
<i>Парфенов В.Н.</i> К оценке римско-боспорских отношений в I-II вв. н.э.	143
<i>Бубенок О.Б.</i> Кремационный обряд захоронений хазарского времени на Северо-Западном Кавказе: традиция или инновация?	159
<i>Артюхин Ю.В.</i> Нефть как фактор некоторых средневековых событий в Азово-Черноморском регионе	196
<i>Прохоров Д.А.</i> Хозяйственная деятельность и основные занятия крымских караимов в XIII-XVIII вв.: развитие ремесел, промыслов и торговли	213

ПУБЛИКАЦИИ

<i>Буйских А.В.</i> Краснолощенные рыбные блюда из Ольвии	242
<i>Шкрибляк И.И.</i> Костяная застежка из городища Ак-Кая в Центральном Крыму	265
<i>Новиченкова М.В.</i> Римская кольчуга <i>Lorica Hamata</i> I в. до н.э. – I в. н.э. из ритуального комплекса святилища у перевала Гурзуфское Седло	271
<i>Сон Н.А.</i> Костяные изделия из Тире	298
<i>Трейстер М.Ю.</i> Об одной группе боспорских золотых перстней II-III вв. н.э.	312
<i>Сапрыкин С.Ю., Дорошко В.В.</i> Щиток от пряжки с сарматской тамгой из Херсонеса	323
<i>Пономарев Л.Ю.</i> К археологической карте памятников VIII - первой половины X вв. южной части Керченского полуострова	343
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	379

CONTENTS

ARTICLES

<i>Zinko V.N.</i> Hellenic Colonization of the Eastern Crimea	3
<i>Skrzhynskaya M.V.</i> Myths about the Heroes in Ancient North Pontic States	19
<i>Fialko E.E.</i> Mirrors in the Rites of the Scythians	79
<i>Glushek I.</i> Images of Ariadne in Attic Painted Vases	95
<i>Moleva N.V.</i> Anthropomorphic Sculptures in the Bosphorus Towns: Coincidence or Tradition?	114
<i>Molev E.A.</i> About Fishery in Kytaia	123
<i>Parfyonov V.N.</i> To the Estimation of the Relations between Rome and Bosphorus in the 1 st – 2 nd Centuries AD	143
<i>Bubenok O.B.</i> The Cremations of the Khazar Times in the North-West Caucasus: the Tradition or Innovation?	159
<i>Artyukhin Y.V.</i> Oil as the Factor of some Medieval events in the Sea of Azov and Black Sea Region	196
<i>Prokhorov D.A.</i> Economic Activities and Main Occupations of the Crimean Karaites in the 13 th – 18 th cc.: the Development of Crafts, Handicrafts, and Trade	213

PUBLICATIONS

<i>Buiskikh A.V.</i> Red Glazed Fish Dishes from Olbia	242
<i>Shkriblyak I.I.</i> Bone Fastener from the Settlement of Ak-Kaya in the central Crimea	265
<i>Novichenkova M.V.</i> Roman chain armour <i>Lorica Hamata</i> of I century B.C. – I century A.D. from the Ritual complex of the sanctuary at the Gurzuf Saddle	271
<i>Son N.O.</i> Bone Products from Tyras	298
<i>Treister M. Yu.</i> About one Group of the Bosphorus Gold Finger Rings of the 2 nd -3 rd cc. AD	312
<i>Saprykin S. Yu., Doroshko V.V.</i> Buckle Shield with Sarmatian Tamga from Tauric Chersonesus	323
<i>Ponomarev L. Yu.</i> To the Archaeological Map of the Monuments of the Southern Part of the Kerch Peninsula Dated from the 8 th – the first half of the 10 th cc.	343
ABBREVIATIONS	379

Научное издание

Боспорские исследования

Вып. XXV

Сборник

Виктор Николаевич **Зинько**,
доктор исторических наук – ответственный редактор
Алексей Викторович **Зинько**,
кандидат исторических наук – ответственный секретарь

Техническая редакция и набор Ю.Л. Белик
Перевод на английский Н.М. Красина
Перевод на украинский И.Н. Барановская
Верстка Л.К. Мусихина
Корректор В.Н. Солин

Наукове видання

Боспорські дослідження

Вип. XXV

Збірник
(російською мовою)

Віктор Миколайович **Зінько**,
доктор історичних наук – відповідальний редактор
Олексій Вікторович **Зінько**,
кандидат історичних наук – відповідальний секретар

Формат 70x100^{1/16}. Умов. друк. арк. 31,2.

Тираж 300. Замовлення 1032.

СПД ФО Озарків А.М.

вул. Борзенко, 2, кв. 20, м. Керч, АР Крим, 98302

Свідоцтво суб'єкта видавничої справи КМ № 44 від 27.02.2008 р.

ТОВ «Керченська міська друкарня»

вул. Кірова, 13, м. Керч, АР Крим, 98300

Свідоцтво держ. реєстрації виготовлювача КМ № 002 від 05.05.2000 р.